

ВЕСТНИК

МГИМО—УНИВЕРСИТЕТА

№6(27) 2012
Москва

Главный редактор:

Торкунов А.В. — академик РАН, ректор МГИМО(У) МИД России.

Заместитель главного редактора:

Подберезкин А.И. — доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО(У) МИД России.

Редакционный совет

Торкунов А.В. — ректор МГИМО(У) МИД России, председатель редакционного совета, академик РАН.

Артизов А.Н. — руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук.

Богатуров А.Д. — доктор политических наук, профессор.

Де Танги А. — главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьян По, профессор (Франция).

Дынкин А.А. — директор ИМЭМО РАН, академик РАН.

Кокошин А.А. — академик РАН.

Лавров С.В. — министр иностранных дел Российской Федерации.

Лукин В.П. — уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор.

Миронов С.М. — руководитель фракции «Справедливая Россия» в Государственной Думе Российской Федерации VI созыва.

Нарышкин С.Е. — председатель Государственной Думы Российской Федерации VI созыва.

Пивоваров Ю.С. — директор ИНИОН РАН, академик РАН.

Подберезкин А.И. — проректор по научной работе МГИМО(У) МИД России, заместитель председателя редакционного совета, доктор исторических наук, профессор.

Примаков Е.М. — академик РАН.

Приходько С.Э. — первый заместитель руководителя Аппарата Правительства Российской Федерации.

Рогов С.М. — директор Института США и Канады РАН, академик РАН.

Саква Р. — декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Серегин А.В. — ответственный секретарь Бюро редакционно-издательского совета МГИМО(У) МИД России.

Сирош И.И. — кандидат юридических наук.

Степанин С.В. — председатель Счетной палаты Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Титаренко М.Л. — директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН.

Чубарьян А.О. — директор Института всеобщей истории РАН, академик РАН.

Научный совет:

Алексеева Т.А. — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО(У) МИД России.

Булатов Ю.А. — доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений МГИМО(У) МИД России.

Воскресенский А.Д. — доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии МГИМО(У) МИД России.

Гладков Г.И. — кандидат педагогических наук, профессор, начальник управления языковой подготовки и Болонского процесса МГИМО(У) МИД России.

Енгибарян Р.В. — доктор юридических наук, профессор, директор Международного института управления МГИМО(У) МИД России.

Ильин М.В. — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России.

Кириллов В.Б. — кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебной работе МГИМО(У) МИД России.

Кравченко С.А. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД России.

Легойда В.Р. — кандидат политических наук, доцент кафедры международной журналистики, главный редактор журнала "Фома", председатель Синодального информационного отдела Московского патриархата.

Наринский М.М. — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России.

Ноздрева Р.Б. — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга МГИМО(У) МИД России.

Орлов А.А. — кандидат исторических наук, директор Института международных исследований МГИМО(У) МИД России.

Платонова И.Н. — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой МЭО и ВЭС МГИМО(У) МИД России.

Салыгин В.И. — доктор технических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО(У) МИД России.

Скворцов Я.Л. — кандидат социологических наук, доцент, декан факультета международной журналистики МГИМО(У) МИД России.

Толстомятенко Г.П. — доктор юридических наук, профессор, декан международно-правового факультета МГИМО(У) МИД России.

Уколова В.И. — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.

Энтин М.Л. — доктор юридических наук, профессор.

Юлдашев Р.Т. — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой управления рисками и страхования МГИМО(У) МИД России.

Редколлегия:

Мунтян М.А. — шеф-редактор журнала, доктор исторических наук, профессор.

Большова Н.Н. — кандидат политических наук, начальник управления научной политики.

Вишняков Я.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории.

Иванов Н.В. — доктор филологических наук, профессор кафедры романских языков.

Коннов В.И. — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии.

Кравченко С.А. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии.

Мальгин А.В. — кандидат политических наук, проректор по общим вопросам.

Малиновский А.А. — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики.

Мялков М.Ю. — доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории.

Ручкин Г.Р. — директор издательства «МГИМО-Университет».

Свищев А.В. — кандидат экономических наук, доцент, декан факультета прикладной экономики и коммерции.

Столбов М.И. — доктор экономических наук, зам. декана факультета прикладной экономики и коммерции.

Харкевич М.В. — кандидат политических наук, начальник отдела научного планирования, статистики и учета управления научной политики.

Содержание

2012 – ГОД РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Торкунов А.В. Современная история в международном контексте 7

Европеизация России

Черникова Т.В. О российских истоках Петровских реформ государственного управления 10

К 90-летию окончания Гражданской войны

Падерин А.А. Особенности участия Уральского казачества в Гражданской войне 18

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Кириллов В.Б., Путинцев И.С. Отношения Молдавии и ЕС в 1998 – 2012 гг 26

Сушенцов А.А. Грузинское направление внешней политики России: негативный сценарий 34

Боровский Ю.В. Энергетическая политика России на международной арене 40

Чернобров Д.В. Эволюция «образа другого» в конфликтах современности: конструктивистский подход 47

Стрельцов Д.В. Новые тенденции в развитии японо-американских военно-политических отношений 54

Воздушно-космическая оборона

Подберезкин А.И. Евразийская воздушно-космическая оборона как идея и проект 61

ПОЛИТОЛОГИЯ

Мизин В.И. Новые аспекты стратегии национальной безопасности РФ 68

Касаткин П.И., Хрусталева И.М., Аватков В.А. Евробезопасность, интеграция и «мягкая сила» миграции в XXI веке 79

Истомин И.А. Политическая пропаганда радикальных исламистских организаций в США 94

Байков А.А. Казус восточноазиатской интеграции: факторы географии и безопасности 104

Аникеева Н.Е. Новое во внешней и внутренней политике правительства Мариано Рахоя 112

ЭКОНОМИКА

Афонцев С.А. Интеграционные дилеммы Единого экономического пространства 117

Насибов И.А. Новая программа стимулирования экономики Китая 122

Международный экспорт капитала

Булатов А.С. Участие России в международном экспорте капитала 126

Пономарев А.В., Борисенков В.А. О взаимосвязи внешнего долга и оттока капитала из России 134

Мальцева О.А. Особенности экспорта прямых инвестиций из Индии 137

ПРАВО

Занко Т.А. Организационно-правовые основы деятельности Россотрудничества 143

Касьянов Р.А. Организация деятельности финансовых регуляторов в Европейском союзе 147

Кондрат И.Н. Уголовная политика государства в формировании уголовно-процессуальных мер защиты прав и интересов граждан 154

ФИЛОСОФИЯ

Лютова С.Н. Младосимволизм и архетипическая теория: религиозные, антропологические, культурные аспекты преемственности 159

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Шестопал А.В., Силантьева М.В. «Мягкая сила» культурных модуляторов современных модернизационных процессов 168

Воевода Е.В. Контактные языки как лингвокультурная доминанта на постсоветском пространстве 172

Кагальникова А.В. Японская микрологистическая система Камбан как коммуникационный инструмент производственной системы JIT 176

Изотова Н.Н. Этнокультурные особенности стиля японской коммуникации 179

Карелова Л.Б. Проблемы модернизации Японии и межкультурное взаимодействие 183

Малик Халиль Мона Абдель. Динамика религиозно-культурной ситуации в постреволюционном Египте 187

Курбачев В.Л. Модернизационные процессы российского общества 190

Церпицкая О.Л. Эволюция православной духовной миссии под влиянием процессов модернизации 193

Полищук М.Л. Моральные уроки геноцидов XX столетия 196

Белова Д.Н. Отражение нравственных основ в коммуникативном дискурсе	199
Климов А.Г. Методология анализа современных эффектов влияния религиозных организаций	203
Силантьева М.В. Метаморфозы социальных организмов в свете трансформации культурных границ: глобальные следствия модернизационных процессов	206
Петрович А.М. О модернизации и взаимной славянской коммуникации.	211
Узелац М. Полемические размышления о возможности полемики в современной философии.	213
Глаголев В.С. Вербально-понятийные аспекты методологического дискурса VII Конвента РАМИ	216

НАУКОВЕДЕНИЕ

Казанцев А.А. Циркулярная миграция российских ученых в Европу и США	220
Большова Н.Н. Политика регулирования интеллектуальной миграции в современной Германии.	226
Морозов В.М. Интеллектуальная миграция в Израиль: российский аспект	238

ПСИХОЛОГИЯ

Коннов В.И. Влияние культурного контекста на развитие науки в России: социально-психологический взгляд	242

СОЦИОЛОГИЯ

Зарубина Н.Н. Этика ответственности современной российской молодежи.	250

ФИЛОЛОГИЯ

Соседова В.С. Экстралингвистические аспекты функционирования английского концепта Stiff Upper Lip.	259

РОССИЙСКОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В МИРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Лебедева М.М., Барабанов О.Н. Глобальные тенденции развития университетов и трансформация российской образовательной политики	265
Харкевич М.В. Глобализация и высшее образование: возможности для России	270
Аватков В.А., Касаткин П.И. Высшее образование в Турции и Болонский процесс.	277
Новикова В.М. Проблемы и перспективы российского высшего образования.	282

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

Ковальчук А. Международные отношения в СНГ: польская перспектива	287
Ремизова А.В. Момент перехода доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью в порядке наследственного правопреемства.	297

ЗОЛОТОЙ ФОНД МГИМО

Ахтамзян А.А. Заслуженный деятель науки РСФСР, профессор С.Б. Крылов (1888-1958 гг.)	303
Максимова М.М. Академик Николай Николаевич Иноземцев в скупых строках биографии.	306
Ахтамзян А.А. Протопопов Анатолий Сергеевич – ветеран войны, выпускник МГИМО 1950 г.	309
Протопопов А.С. Время и люди в моей судьбе.	311
Павленко И.А. Герой Советского Союза Юрий Михайлович Винник (1923-1995 гг.)	317

РЕЦЕНЗИИ

Лилеев И.В. Состояние современной отечественной мультимедийной журналистики на примере агентства РИА «Новости».	319
Мунтян М.А. Современный учебник дипломатических переговоров.	321

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Методологический семинар аспирантов

Силантьева М.В. Философия науки в интерпретации аспирантов МГИМО.	325
Гелашвили М.Б. Иоганн Готлиб Фихте и Илья Чавчавадзе: Patres Patriae.	325
Лукьянченко Е.А. К вопросу выражения концепта времени в различных лингвокультурах.	328

Научные мероприятия (октябрь – ноябрь 2012 г.)

Астахов Е.М., Терехов В.П. Международная научная конференция «От Древней Руси к Российской Федерации: история российской государственности.	330
Мизин В.И. Открытие Центра военно-политических исследований в МГИМО	332
Кохановская Л.Е. Российско-польская научная конференция в МГИМО.	333

Содержание номеров журнала «Вестник МГИМО-Университета» в 2012 году	334

Content

2012 – THE YEAR OF RUSSIAN HISTORY

Torkunov A.V. Modern History in International Context. 7

Europeanizing of Russia

Chernikova T.V. The Sources of Reforms of Peter I in Reforms of the State administration in the Government of Feodor III and in the Government of Regent Sofia. 10

To the 90th Anniversary of Completion of Civil War

Paderin A.A. Cossacks in the Civil War: Peculiarities of the Ural Cossack Host's Participation. 18

INTERNATIONAL RELATIONS

Kirillov V.B., Putintsev I.S. The Relations Between Moldova and the EU in 1998 – 2012 26

Suchentsov A.A. Georgian Direction of Russian Foreign Policy: Negative Scenario 34

Borovsky Y.V. The Russian Energy Policy on the International Scene 40

Chernobrov D.V. Evolution of the Other in Modern Conflict: a Constructivist Experience of Conflict. 47

Streltsov D.V. New Trends in the Development of the US-Japan Military and Political Relations. 54

Aerospace Defense

Podberezkin A.I. Eurasian Aerospace Defense as an Idea and a Project. 61

POLITICAL SCIENCE

Mizin V.I. New Aspects of National Security Strategy 68

Kasatkin P.I., Khrustalev I.M., Avatkov V.A. Integration, European Security and Soft Power of Migration 79

Istomin I.A. Political Propaganda of the Radical Islamic Organizations in the USA 94

Baykov A.A. Factors of Geography and Security in the Integration Construction:
the Case of East-Asian Integration 104

Anikeeva N.E. New Aspects of Foreign and Internal Policy of Mariano Raho People's Party in Spain 112

ECONOMICS

Afontsev S.A. Integration Dilemmas of the Common Economic Space. 117

Nasibov I.A. The New Program of Stimulation of Economy of China 122

International Export of the Capital

Bulatov A.S. Russia's Participation in the International Export of Capital 126

Ponomarev A.V., Borisenkov V.A. Essay on the Interaction between External Debt and Capital Outflow
from Russia 134

Maltseva O.A. The Distinguishing Features of Indian Outward FDI 137

LAW

Zanko T.A. Organizational and Legal Basics for Federal Agency for the Commonwealth of Independent States,
Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation (Rossotrudnichestvo) 143

Kasyanov R.A. The Main Aspects of Financial Regulators Organization: EU experience. 147

Kondrat I.N. The Criminal Policy of the State in the Formation of the Criminal Proceedings Measures
of Protection of Rights and Interests of Citizens. 154

PHILOSOPHY

Lyutova S.N. Theory of Symbols by the Second Generation of Russian Symbolists & the Archetypal
Theory: Religious, Anthropologic, Cultural Aspects of Succession. 159

INTERCULTURAL COMMUNICATION

Shestopal A.V., Silantjeva M.V. Intercultural Communication in the Light of Current Modernization Process,
"Soft Power" Cultural Modulators 168

Voevoda E.V. Contact Languages as Linguistic and Cultural Dominant in the Post-Soviet Space 172

Kagalnikova A.V. Japanese Micrologistic System Kamban as a Means of Communication in Production
System JIT. 176

Izotova N.N. Ethno-Cultural Characteristics of Japanese Communication Style 179

Karelova L.B. Problems of Modernization in Japan and Intercultural Interac. 183

Khalil Mona. The Dynamics of Religious and Cultural Situation in the Post-Revolutionary Egypt. 187

Kurabtsev V.L. Modernization Processes of the Russian Society 190

Tserpitskaya O.L. The Evolution Russian of the Orthodox Church's Mission under of modernization. 193

Polishchuk M.L. Moral Lessons of XX-th Century's Genocides.	196
Belova D.N. Reflection of the Moral Foundations in the Communicative Discourse.	199
Klimov A.G. Methodology for Analysing the Effects of Modern Religious Organizations.	203
Silantjeva M.V. Metamorphosis of Social Organisms in Light of Transformation of Cultural Boundaries: Global Consequences of Modernization Processes.	206
Petrovich A.M. Modernization of the Slavic and Mutual Communication.	211
Uzelaz Milan. Polemical Reflections about the Possibility of Controversy in Contemporary Philosophy.	213
Glagolev V.S. Verbal and Conceptual Aspects of the Methodological Discourse in VII Convent RISA.	216

SCIENCE STUDIES

Kazantsev A.A. Circular Migration of Russian Scientists to Europe and USA: Structure and Perspectives.	220
Bolshova N.N. Germany's Immigration Policy Towards Highly-Skilled Workers in the 21st Century.	226
Morozov V.M. Intellectual Migration to Israel: the Russian Aspect.	238

PSYCHOLOGY

Konnov V.I. Influence of the Cultural Context on the Development of Science in Russia: Social-Psychological Perspecti.	242

SOCIOLOGY

Zarubina N.N. Ethics of the Responsibility in the Cultural and Moral Position of Modern Russian Youth: the Transformation of the Moral in the Complex Society.	250

FILOLOGY

Sosedova V.S. Extralinguistic Aspects of the English Concept "Stiff Upper Lip".	259

THE RUSSIAN HIGHER EDUCATION IN THE WORLD

Lebedeva M.M., Barabanov O.N. Global Tendencies in University Development and Transformation of Russian Education Policy.	265
Kharkevich M.V. Globalization and Higher Education: Opportunities for Russia.	270
Avatkov V.A., Kasatkin P.I. The Higher Education of Turkey and Bologna Process.	277
Novikova V.M. Problems and prospects of Russian tertiary education.	282

NEW VISION

Kovalchuk A. Twenty Years of Building International Relations on the Territory of the CIS: the Polish Perspective.	287
Remizova A.V. The Moment of Transfer of a Share in a Share Capital of a Limited Liability Company in the Order of Hereditary Succession.	297

THE MGIMO GOLDEN FUND

Akhtamzyan A.A. The Honored Worker of a Science of RSFSR, Professor S.B. Krylov (1888-1958).	303
Maximova M.M. Academician Nikolai Inozemtsev in Tight Lines Biography.	306
Akhtamzyan A.A. Protopopov Anatoly Sergeyevich – the Veteran of War, the Graduate of MGIMO of 1950.	309
Protopopov A.S. Time and people. Seven decades of the XX century – the first decade of the XXI century.	311
Pavlenko I.A. The Hero of the Soviet Union Yuri Mikhaylovich Vinnik (1923-1995).	317

REVIEWS

Lileev I.V. The Condition of Modern Russian Multimedia Journalism on the Example of the Agency RIA «News». ...	319
Muntyan M.A. Modern Textbook of Diplomatic Negotiations.	321

SCIENTIFIC LIFE

Methodological Seminar of PhD Students

Silantjeva M.V. Philosophy of Science by MGIMO PhD students.	325
Gelashvili M.B. Johann Gottlieb Fichte and Ilia Chavchavadze: Patres Patriae.	325
Lukjanchenko E.A. On the Usage of the Concept "Time" in Various Linguistic Cultures.	328

Scientific Events (October – November 2012)

Astachov E.M., Terechov V.P. International Science Conference «From Ancient Rus' to Russian Federation: the History of Russian Statehood».	330
Mizin V.I. Setting up the Political-military Research Center at MGIMO.	332
Kochanovskaia L.E. Russian-Polish Scientific Conference at MGIMO.	333

«Vestnik MGIMO-University» Table of Contents for 6 Issues of 2012.	334

Современная история России в международном контексте

А.В. Торкунов

Стало уже банальностью утверждение о том, что современная жизнь определяется тектоническими сдвигами переходной эпохи, которая еще не познана до конца мировой наукой. Анализ основных теорий и концепций истории позволяет сегодня сформулировать ряд новых суждений, которые могут помочь точнее определить место и значение таких феноменов, как универсализация, глобализация и регионализация в мировом историческом потоке. Современные исторические теории восстановили в научных правах такие ее признаки и феномены, как случайность, необратимость, нелинейность, цикличность, волнообразность, бифуркационность, многообразие и т.д.

Историческое знание, накопленное современной наукой, позволяет констатировать научную некорректность представлений об истории как легендарной Лете, в водах которой омывается и таким образом очищается от всего прошлого традиционное настоящее, которому, в свою очередь, через такую же процедуру предстоит превратиться в будущее. История, скорее всего, – перманентная строительная площадка, своеобразный человеческий «долгострой». В нем можно найти сосуществующими:

- социальные формы седой древности и элементы экспансии из настоящего в будущее;
- пустые «квартиры» исчезнувших культурных миров;
- зарождающееся в недрах прежних общественно-исторических систем новое латентное

развитие, связываемое воедино исторической памятью и историческим познанием.

Глобализация создает новую, транснациональную сферу жизни человечества. В рамках транснационализации ускоренно развиваются и самопроявляются коды мировой системы новых цивилизаций, нарабатывается и копится энергия, необходимая для информационной перестройки всего человеческого бытия. Происходят глубокие преобразования международного ландшафта. Продвигаются в направлении становления полицентричной саморегулирующейся системы международные отношения. В мировой политике происходит укрепление роли международных сетевых структур.

Именно отсюда проистекает особая важность рассмотрения отечественной истории в глобальном контексте мирового развития – с точки зрения теории общественно-политической практики и глобализации образования. Такой подход помогает формированию не только целостного видения нашей отечественной истории, но и глобального видения всемирного развития во всех его взаимосвязях. А именно этого глобального видения пока не существует. Огромным недостатком нашего исторического сознания и методики преподавания истории является то, что мы анализируем ключевые процессы и события отечественной истории в отрыве от видения нашими слушателями, нашими учениками тех процессов, которые проходили в это время в мире.

Торкунов Анатолий Васильевич – академик РАН, ректор МГИМО(У) МИД России. vestnik@mgimo.ru
Доклад представлен на международной конференции «История России конца XX века в мировом контексте». Москва, 24.11.2012 г.

Очень важно при изучении истории Отечества в целом и истории современной России в частности исходить из того обстоятельства, что она является органичной составляющей частью мировой истории, равно как истории Европы, истории Азии. Эта часть оригинальна, самостоятельна и на многих исторических этапах является определяющей. Как любая национальная история, наша история определяется внутренними основаниями и причинами, но также внутренними вызовами и необходимостью ответов на них. Это делает историю национальной, в равной степени – и международной. Субъективность последней, к сожалению, нередко упускается из виду при создании национальной истории, что обедняет, а подчас и искажает ее. К сожалению, до сих пор для отечественной истории, как в исследованиях, так и особенно в преподавании, характерно тяготение к изоляционистским интерпретациям.

Особую озабоченность вызывает ситуация с преподаванием и усвоением всемирной истории в школе. С введением Единого государственного экзамена по отечественной истории, результаты которого неформально, а часто и формально считаются «объективными критериями» оценки деятельности школьного учителя истории, что акцентирует его внимание только на российской истории. Стоит ли удивляться, что настроения изоляционизма, губительные, как показывает опыт, для любой страны, весьма популярны в современном российском обществе. Между тем для понимания современного состояния России необходимо, прежде всего, осмысление русской истории как части всемирно-исторического процесса, для оценки как явных достижений, так и явных промахов предшествующих поколений. Часто в публицистике мы встречаем оборванную цитату из В.О. Ключевского, касающуюся того, что «история никого ничему не научила». А между тем классик завершал свою мысль выводом, что история жестоко «проучивает тех, кто не учитывает ее уроков».

События последних двух десятилетий и задачи созидания новой России поставили наше общество перед необходимостью определения новой российской идентичности. Какие смыслы несет в себе понятие «Россия»? Что способно объединять россиян как граждан одной страны? Какие приоритеты национального развития могут двигать наше общество вперед? Каковы прошлые, современные и будущие связи России с окружающим ее мировым пространством? От ответов на эти вопросы зависит настоящее и будущее России. Возможность успешно преодолеть вызовы современности теснейшим образом связана с тем, какие ценности возобладают в российском социуме, на основании чего будет определять свои жизненные позиции молодое поколение. Прекратится или усилится отток энергичной, образованной, успешной, а главное – молодой части россиян за рубеж? Или

они найдут достойное применение себе и своим способностям дома на благо своей Родины?

Пытаясь самоопределиться в начале XXI века, Россия, так или иначе, делает сразу несколько выборов:

- между интеграцией в европейскую цивилизацию и стремлением сохранить собственную самобытную российскую цивилизацию;
- между относительной изоляцией и полной открытостью;
- между экономическим и политическим либерализмом и ценностями патерналистского государства;
- между индивидуализмом и коллективизмом (соборностью);
- между мобилизационным и инновационными типами развития.

При этом сохранение культурного ядра русской, российской цивилизации должно быть решающим аргументом при выборе тех или иных инструментов и ценностей современной модернизации России. Необходимо отметить, что создававшийся на протяжении многих веков великий культурно-цивилизационный феномен нашего народа требует более тщательного исторического изучения. В частности, это относится к изучению границ пространства российской цивилизации, что способно стать объективным аргументом в пользу евразийской интеграции по проекту В.В. Путьина.

Особенностью отечественной модернизационной ситуации стал тот факт, что осовременивание модели национальной идентичности в нашей стране совпало с поиском модели национальной модернизации, что в значительной степени осложнило оба этих процесса. В частности, модернизации в России стала противопоставляться идеология «особого пути». Можно выделить следующие основные элементы массового сознания об «особом пути» развития России:

- оппозиция по отношению к радикальному либерализму, неприятие резкого имущественного расслоения, социальной несправедливости и произвола чиновников;
- потребность в патерналистском государстве, проводящем сильную социальную политику, заботящемся о наименее обеспеченных слоях населения и осуществляющем эффективное государственное регулирование экономики;
- ориентация на политический режим, сочетающий элементы авторитаризма и демократии;
- идеал великой державы, с которой бы считались во всем мире;
- сохранение и развитие российской культуры, традиций, обычаев и ценностей.

При ближайшем рассмотрении вышеперечисленные представления ничем не отличаются, по существу, от тех, которые существуют и в других странах, в том числе западных. Представляется, что нам следует отстаивать такой

путь обновления страны, который основывается на преемственности российских исторических традиций и ценностей при одновременном их сочетании с основополагающими демократическими нормами и принципами. Методы и пути реформ могут быть предметом дискуссий. Но у страны и ее национальной элиты должны быть ценности общенациональной значимости, по которым не спорят в обществе и которые отстаиваются государством вовне.

Огромное значение в исследованиях отечественной «эпохи перемен» имеют международные контакты. Взгляд на нашу современную историю со стороны важен не только для более объективного, объемного понимания того, «что случилось с Родиной и с нами» в конце XX века, но также для более глубокого понимания феномена социальной трансформации и модернизации как такового, изучения опыта управления системными переменами. Сегодня в мире заметно активизировались российские исследования, повысился интерес к более глубокому анализу трансформации, происходивших в СССР и России в конце XX века. Многие зарубежные исследователи отмечают, что для них наша страна являет собой уникальный эмпирический случай, позволяющий глубже понять феномен модернизации, происходившей эволюционным путем – без войн и революций. При этом российская модернизация как объект исследования является настоящим вызовом для ученых, поскольку, как у нас исстари повелось, соединяет в себе самые разные модернизационные модели, в связи с чем не подпадает ни под какие теории и категории. Мне представляется крайне важным при этом исследовать проблемы отечественной модернизации, опираясь на точное понимание хронологических рамок и конкретной исторической обстановки, в которой реализовывались в разных странах те или иные модели перемен.

Только такой подход может помочь избежать логические нарушения и непродуктивные сетования, вроде того, почему М.С. Горбачев в свое время не использовал «китайский опыт». Во времена Горбачева китайский опыт еще не стал достоянием отечественной гуманитарной мысли и не мог быть предложен КПСС в виде каких-то системных шагов и конкретных решений. Возможно, «китайский опыт», вернее, то, что мы сейчас понимаем под этим термином, тогда еще не существовал как элемент сложившегося научного знания.

Два слова о важности для развития межгосударственных отношений работы совместных комиссий историков, влияния процессов урегулирования «больных вопросов» истории на углубление международного сотрудничества. Сегодня история становится областью геополитической перегруппировки субъектов международных отношений, то есть играет огромную роль в международной политике.

Хотел бы особо подчеркнуть значение исторических исследований международных отношений и дипломатии конца XX века. Именно они оказались на переднем крае трансформации исторического знания, исторического мышления эпохи глобализации, в центре которого – универсальный комплекс жизни человечества, осуществляющего синтез собственной истории. Основываясь на новых тенденциях развития политической, экономической, социокультурной, геополитической сфер жизни, исходя из достижений социальной антропологии, психологии и политологии, эти исследования раскрывают коммуникативные аспекты истории человечества в их многообразии, анализируют природу исторических конфликтов, международных системных кризисов и механизмов их преодоления. Вместе с тем история международных отношений, история дипломатии вносят вклад в становление толерантности и морально-правовой формализации современного политического сознания.

И еще об одном. Исключительно важно добиваться общественного компромисса в оценках и преподавании истории. История не должна быть яблоком раздора для общества. Оставить сферу преподавания истории без всякого общественного регулирования, как мне представляется, невозможно. Подчеркну, речь не идет о жестком государственном регулировании. Именно гражданское общество через свои институты должно определять направленность и смысловое содержание преподавания истории, корректировать программу обучения, следить за адекватным сочетанием национальной и всемирной истории, через общественные механизмы способствовать формированию позитивной мотивации в отношении к прошлому своей страны и защите ее национальных интересов.

В достижении такого компромисса, на мой взгляд, большую роль может сыграть Российское историческое общество – благодаря своей популяризаторской, просветительской работе, благодаря созданию условий для открытого диалога и обмена мнениями. Завершая, хочу процитировать великого нашего соотечественника Федора Ивановича Тютчева. Этот выдающийся мыслитель и патриот России писал в середине XIX века: «Истинный защитник России – это История. Историей в течение трех столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу». И мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы сила и правда Истории всегда оставались на нашей стороне.

Torkunov A.V. Modern History in International Context.

О российских истоках Петровских реформ государственного управления

Т.В. Черникова

Данная статья посвящена изучению вопроса реформирования государственного управления в царствование Федора III и в регентство Софьи в последней четверти XVII в. Автор находит параллели между государственными реформами Петра I и преобразованиями государственного управления Федора III и в период регентства Софьи. Автор выясняет, в чем состояли причины реформ и каковы были итоги и значение данного явления.

Новое время потребовало от западноевропейских стран существенного изменения в области организации государственного управления. Модернизация социально-экономических отношений, выразившаяся на Западе как в превращении торговли и промышленности в главные локомотивы экономики, так и в превращении буржуазии в новый господствующий класс, в политической области привела к становлению абсолютизма, а в наиболее модернизированных странах – Англии и Голландии – чисто буржуазных государственных конструкций в форме конституционной монархии или республики.

Все это придало динамизм внутренней и внешней политике западноевропейских стран, осложняя задачу сосуществования и конкуренции с ними средневековой России с ее вотчинным укладом социально-экономической и политической жизни. Однако вотчинное Русское государство оказалось способным к мимикрии. Испытанный в прошлые полтора столетия опыт поверхностной европеизации (заимствование чужого опыта и форм, без

изменения внутренних основ) опять оказался главным ответом на требования времени.

Восстановленная после 1613 г. монархия первой половины XVII в. с ее действенными Земскими соборами имела шанс послужить началом глубокой модернизации внутреннего государственного устройства России и выработки качественно новой внутренней политики. Однако данная альтернатива не реализовалась. Слишком слабы и малы в количественном соотношении были протобуржуазные городские слои русского общества. По мере укрепления центральной власти вотчинный уклад брал свое. При Алексее Михайловиче постепенно сложилось неограниченное самодержавие. Внешне оно вполне напоминало западноевропейский абсолютизм. Но если на Западе в социальной основе абсолютизма лежало равновесие старого дворянства и нового класса буржуазии, то в России базой самодержавия оставалось признание государя (государства) верховным распорядителем всех земель и прочих ресурсов страны. Это превращало всю общественную элиту и прочие слои населения во

Черникова Татьяна Васильевна – к.и.н., доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

вторичных владельцев недвижимого (а часто и движимого) своего имущества, выстраивая всю социально-политическую жизнь России по вертикали «государь – холопы».

Но если вотчинный уклад являлся характерной чертой внутреннего устройства Московского государства XV–XVII вв, то другой важнейшей его особенностью было постоянное, нарастающее заимствование разнообразного западного опыта. Россия являлась спутником западноевропейской цивилизации, и даже само его существование, как уникального исторического феномена, было невозможно без западного влияния. Давление Запада, часто враждебное, что ярко было продемонстрировано в Смуту, побуждало Российское государство давать своевременный ответ, заимствуя у этого же самого Запада его изобретения, особенно в военной и технической области. Это делало Московию вполне конкурентоспособной по отношению к западным странам и давало огромные преимущества в имперском продвижении России на восток и юго-восток, придавая русской экспансии в Северную Азию европейское обличье.

В XVII в. у России появилась тенденция заимствовать и административный западный опыт. Наиболее ярко это проявится позже – в ходе преобразований Петра I, но предпосылки были заложены именно в XVII столетии. В этом плане внимание историка должно привлечь к себе царствование Федора Алексеевича (1676–1682). Краткость его правления привела к осуществлению лишь малой части задуманных им (или его окружением) реформ, но наличие самих планов реформ, прекрасно отраженных в исторических документах, указывает на истоки петровских государственных нововведений. Мы коснемся только тех преобразований и идей царствования Федора и регентства Софьи, которые можно рассматривать, как предпосылки реформ их брата – Петра I.

Пик реформаторской активности времен Федора III приходится на 1679–1682 гг., когда юноша-царь достаточно возмужал, как самостоятельный государственный деятель. Определилась и его «команда». Видную роль при Федоре играли «старые бояре», в частности родственник царя по материнской линии весьма консервативный И.М. Милославский, но не менее важной оказалось и ближнее окружение царя – неформальная «Ближняя дума», включавшая окольничего и оружейничего И.М. Языкова, постельничего А.Т. Лихачева и боярина В.В. Голицына. Последний, в отличие от «худородных» Языкова и Лихачева, был родовитым человеком, но при царе Алексее Михайловиче карьеры не сделал. В «малом» для своего рода чине стольника Голицын находился и в начале царствования Федора. В отличие от федоровских выдвинутых Языкова и Лихачева, служивших в придворных «гражданских» чинах, Василий Васильевич Голицын большую часть службы провел в войске. Талантом военачальника он не отличался, но участвовал в Чигиринских походах, где и был замечен, а чуть позже вызван в столицу и произведен сразу из стольников в бояре, минуя окольничего.

Историки до сих пор спорят, кто был реально более влиятелен – «серый кардинал» И.М. Языков или видный В.В. Голицын. Чем ближе к эпохе Петра I историк, тем больше он акцентирует роль Языкова (В.Н. Татищев, Б.И. Куракин, отчасти Н.М. Карамзин). Мы вправе заподозрить здесь «петровский» государственно-идеологический заказ на принижение значения Голицына, тесно связавшего себя с регентством царевны Софьи, опаснейшей конкурентки Петра I. Современная историография склоняется к большему влиянию В.В. Голицына во времена Федора (А.П. Богданов, Н.Ф. Демидова, Л.Е. Морозова, А.А. Преображенский).

Прежде чем мы дадим краткую справку о попытке государственных реформ в 1676–1682 гг., следует проинформировать читателя о дискуссии, которая последнее время развернулась вокруг личности царя Федора. Апологеты Петра, включая крупнейшего из современных исследователей петровского времени Н.И. Павленко, находят царя Федора III болезненным, неспособным к самостоятельным действиям правителем, считают его личный вклад в отечественную историю близким к нулю. Взгляд диаметрально противоположный этому представил А.П. Богданов в книге с говорящим названием «Несостоявшийся император Федор Алексеевич». Менее ревностно к личности Федора, но не к значимости проводимых в 1676–1682 гг. преобразований высказывается П.В. Седов в книге «Закат Московского царства»¹. Эта книга посвящена исследованию царствования Алексея и Федора. Автор, глубокий знаток обширного архивного материала, оказался в результате его анализа между «Сциллой и Харибдой»: идеологически являясь апологетом эпохи Петра, он, «влюбленный в осень русского Средневековья», вынужден был приходиться к противоречивым заключениям. Это, однако, не повлияло на исключительно интересную и обоснованную его концепцию II половины XVII в. Сама концепция из рода споров о стакане воды, наполненном наполовину (вопрос о соотношении признаков русского Нового времени и старого русского Средневековья): этот стакан наполовину пуст?! или он наполовину полон?! Раз «Закат...» – значит «Закат Средневековья» (в противовес книге А.П. Богданова, где явный «Рассвет Нового времени...»). Между тем для XVII столетия однозначный ответ в духе формальной логики невозможен, здесь применима лишь диалектика. Такой диалектический подход и демонстрирует П.В. Седов при оценке времени Федора. Он приходит к выводу, что у всех Петровских реформ имелись истоки в реформах или планах таковых времен царствования Федора. Однако сам курс Федора историк оценивает как робкий и противоречивый². П.В. Седов указывает на усиление государства, но отрицает рост абсолютистских тенденций. В совещаниях правительства с выборными от сословий видит возвращение к практике Земских соборов. П.В. Седов не видит олигархических стремлений боярства и в целом русской политической элиты. Именно с действиями элиты историк связал ре-

альное управление, дальнейшую централизацию страны при слабом Федоре III. На основе огромного комплекса архивных документов П.В. Седов доказал, что усиление царской власти во II половине XVII в. не сопровождалось сокращением влияния «большой» и «ближней» Боярской думы, а также патриарха.

Помимо монографий А.П. Богданова и П.В. Седова, говоря о царствовании Федора, необходимо упомянуть книгу О.В. Новохатко «Разряд в 185 году»³. В ней блестяще опровергается традиционное заблуждение о неэффективности приказного управления XVII в. по сравнению с бюрократией Петра I. Данный миф развенчивается на примере скрупулезного анализа работы государственного аппарата в порубежное для царствований Алексея и Федора время – 1676–1677 гг.

Мы далее, рассказывая о курсе царствования Федора, будем придерживаться версии А.П. Богданова, Н.Ф. Демидовой, Л.Е. Морозовой, А.А. Преображенского, так как их акцент на поиски «нового» (без отрицания «старого») лучше позволяет увидеть процесс европеизации России в XVII в.

Важнейшим шагом в реформировании аппарата центральной государственной власти при Федоре Алексеевиче было создание Расправной Золотой палаты во главе с Н.И. Одоевским. Во многом она была предшественником петровского Сената. У палаты, как и у Сената, а до его появления в 1711 г. у петровской «Консиллии министров» было три функции:

1) она явилась высшим исполнительным органом после царя и замещала царя в моменты его частых болезней;

2) имела законотворческую функцию (к примеру, из 26 царских указов 1681 г. только 7 оформлены, как «царь приказал, а бояре приговорили», т.е. через Боярскую думу, а 19 – именными указами царя, идущими через палату Одоевского⁴);

3) играла роль высшего после царя судебного органа, через который рассматривались многие «важные дела», минуя Думу.

А.С. Лаппо-Данилевский⁵ и С.М. Троицкий считали другой ценнейшей вехой федоровского царствования продолжение процесса централизации и начало процесса бюрократизации управления, что впоследствии будет завершено Петром I и его преемниками уже в XVIII в. Примером данных процессов названные историки полагали сосредоточение к концу мая 1680 г. всего финансового управления России под властью главы приказа Большой казны и еще трех других приказов, боярина И.М. Милославского. П.В. Седов оспаривает это мнение. Он усматривает в характерных для конца XVII в. объединениях нескольких приказов под властью одного влиятельного боярина скорее децентрализацию, а точнее, уход прямого контроля из рук слабого или малолетнего государя в руки влиятельных вельмож. Нам ближе взгляд Лаппо-Данилевского и Троицкого, так как важен не сам факт режима «личной власти» государя, а той политики, которую ведут бояре, получившие из его рук (или его именем) ключевые государственные должности.

Еще одним значительным шагом времен царствования Федора III уже в области реформы местного управления было максимальное усиление власти воевод на местах. Они не только окончательно заменили губных старост, учрежденных еще губной реформой Ивана IV и Избранной рады, но и потеснили выборных начальников городского управления, чем вызвали недовольство посадского населения, что, впрочем, Федора мало тронуло. То же впоследствии сделал младший сводный брат Федора Алексеевича – Петр Алексеевич, передавая власть на местах в руки назначаемых им губернаторов (первая областная реформа 1708–1710 гг.), а потом также назначаемых царем воевод в провинциях (вторая областная реформа 1719 г.). Причем, введя губернаторское правление, Петр вскоре был вынужден признать, что созданные им губернии слишком велики для эффективного управления, и вернулся, по сути, к той форме воеводского управления на местах, которую ввел в России во второй половине 1670-х гг. его старший брат.

Осенью 1681 г. «команда» Федора III замыслила грандиозный план перестройки государственно-церковного управления. По форме он был во многом заимствованием из польско-литовского опыта, но, по сути, был прямо противоположен духу польско-литовской государственности, ибо вел не к утверждению в России «шляхетской республики» с выборным королем, «либертум-вето» у членов Сейма, правом шляхты на вооруженные «конфедерации», а на усиление абсолютизма. Причем внешне напоминая западный абсолютизм, русское самодержавие будет сохранять свою совершенно иную (вотчинную) социокультурную основу. Тем же путем, как мы знаем, пойдет и Петр I.

Существенным отличием между планами реформ Федора III и преобразованиями Петра I будет источник заимствования формы государственных органов. Петру I оказались ближе не польские, а западноевропейские формы. Другое отличие состояло в том, что Петровские реформы шли спонтанно, были разбросаны во времени и не предполагали одновременного реформирования всей системы высших государственных и церковных органов, так как диктовались конкретными условиями и нуждами Северной войны. В свое время Н.И. Павленко⁶ доказал, что при всей стройности петровских преобразований в целом они явно не имели изначально продуманного плана. Федор III, напротив, сначала разработал проект реформ, который (и это самое существенное отличие) сумел реализовать лишь частично. В итоге Петру I пришлось завершать задуманные при Федоре начинания.

Федоровский проект предполагал одновременное реформирование церковной и административной власти в России.

Авторами церковной части реформ, по предположению Т.Б. Соловьевой⁷, являлись дьяк Илларион Иванов и боярин В.Ф. Одоевский. Целью реформы являлось ослабление власти патриарха как перед лицом высшей светской власти, так и по отношению к местному духовенству. После теократических претензий патриарха Никона и откровен-

но консервативной позиции духовенства в целом в отношении новых веяний, особенно в области заимствования европейского опыта, это была логичная государственная линия. Проект предполагал увеличение числа русских митрополий до 12, а архиепископств и епископств до 70. Сакральная символика чисел, которой увлекался царь, указывает на 12 апостолов Христа и 70 его учеников. При этом власть духовных иерархов строилась по принципу «вассал моего вассала не мой вассал»: патриарх не имел прямого выхода на низшие слои духовенства, ими руководили другие иерархи в зависимости от положения в церковной чиновной лестнице. Права митрополитов и епископов от этого выигрывали. Открывалась возможность назначать на эти должности более гибких и образованных духовных лиц, в частности выходцев из Левобережной Украины и православных районов Речи Посполитой, выехавших, подобно Симеону Полоцкому, а также их российских учеников (подобных Сильвестру Медведеву). Это давало шанс повернуть деятельность церкви от консервативной защиты средневековых устоев веры, понимаемых в России в духе установок иосифлян, к развитию православной доктрины в рамках Нового европейского времени, позитивного участия церкви в развитии образования и воспитания паствы в новых условиях. Осуществись подобное, роль церкви в европеизации и даже модернизации России была бы другой, как другим было бы и нравственное здоровье нации и власти в переломные эпохи русской истории. К несчастью, история не имеет сослагательного наклонения...

Светская часть проекта, разработанная под руководством В.В. Голицына, имела три составляющих: «О судах», «О чести», «О наместничествах».

Проект «О судах» предполагал, по сути, разделение уже существовавшей Расправной Золотой палаты на «Судебную палату» и «Ответную (т.е. исполнительную) палату». Как мы видим, зачатки современной политической мысли о пользе разделения судебной и исполнительной властей посещали умы русских реформаторов уже в XVII столетии. К тому же проект делал ненужной Боярскую думу, превращая ее в архаический памятник придворной традиции, лишенный реальной власти.

Проект «О чести» являлся своеобразным предшественником «Табели о рангах» 1722 г. Он выстраивал новую иерархию чинов из 35 индивидуальных и групповых степеней, носители которых могли претендовать на более чем 80 важнейших государственных должностей. Старый принцип местничества заменялся личными заслугами служилого лица перед государством и выслугой лет. Проект предполагал резкое повышение статуса тех рангов, в которых находились ближайшие сподвижники царя, а именно «оружейничего» (И.М. Языков) и «постельничего» (А.Т. Лихачев). Для боярина В.В. Голицына предполагалось ввести новое звание – «дворового воеводы», аналог чину «фельдмаршала», а возможно, и «генералиссимуса» при Петре I. Вначале предполагали, что новые названия для 35 степеней возьмут из польско-литовской тра-

диции, но потом, боясь обвинений в «латинстве», решили черпать названия из таблицы чинов византийского двора: «провестиарий» (постельничий, аналог «обер-камергера» двора Петровской таблицы), «спетер» (кравчий) и т.д.

Проект «О наместничестве» предполагал разделить Россию на 12 наместничеств. М.Я. Волков⁸ видит в нем зародыш учреждений губернского типа XVIII в. До обсуждения проекта церковно-административной реформы в Боярской думе Федор Алексеевич направил его на благословение патриарха. И не получил благословения. Напротив, патриарх Иоаким развел бурную оппозиционную деятельность. Он высказал недовольство, особенно наместничествами, видя в них условие для сепаратизма и подрыва единоначалия в России. На деле это означало не столько критику светской части реформы, сколько недовольство ростом влияния «церковных наместников» – митрополитов и епископов, которым предполагалось передать в непосредственное управление церковные дела на местах. «Эзопов язык» патриарха особенно четко звучал на срочно созванном им в ноябре 1681 г. Освященном соборе.

При этом патриарх в духе иосифлянской традиции давал понять, что, если царь пойдет на уступки в области церковной реформы, патриарх Иоаким не выступит против светской части готовящихся преобразований. (Подобную прагматическую тактику Иоаким исповедовал и ранее. Так, еще не будучи патриархом, но являясь архимандритом придворного Чудова монастыря и будучи ярким противником западного влияния, он нашел нужным сблизиться с Артамоном Матвеевым, известным поклонником «европейских новшеств». Все дело было в том, что Матвеев входил во все больший фавор у царя Алексея Михайловича, а лояльность царского любимца была нелишней для дальнейшей карьеры Иоакима. В 1672 г. он стал новгородским митрополитом, а в 1674 – Патриархом Московским и всея Руси.)

Федор пошел на уступки патриарху. Новая редакция проекта свела реформу церкви к незначительному увеличению числа митрополий и епископств без структурного изменения патриаршего единоначалия. Остался неизменным и курс на жестокое подавление старообрядцев. Все это означало, что к стратегически необходимой для развития русской культурной и духовной жизни церковной реформе придется возвращаться в будущем. Имелся лишь незначительный тактический выигрыш: при обсуждении проекта реформ в Боярской думе патриарх ни разу не высказался против.

А дискуссии в Думе приобрели столь резкий тон, что иногда доходило, как отмечал летописец, до «междоусобия». Царь явно встретил оппозицию в лице аристократической Думы. Тогда он решил опереться на некое возрождение форм, присущих Земской монархии первой половины XVII в. Он предложил Думе компромисс, решив передать проект на доработку комиссий с участием выборных от различных сословий депутатов. Но не от всех сословий, кроме крепостных, как было во

времена расцвета Земских соборов времен Михаила Романова, а тех сословий, которых напрямую касались вопросы реформы. Впрочем, известный специалист по истории русских Земских соборов Л.В. Черепнин считал, как и ныне П.В. Седов, что комиссии начала 1680-х гг. были последними полнокровными Земскими соборами XVII столетия⁹. (Большинство ученых называет последним Земским собором полного представительства и полномочий Собор 1653 г., решавший вопрос о принятии Украины под руку Москвы и начале войны с Речью Посполитой.)

В перипетиях обсуждения проекта Федор III выступил куда большим «европейским сувереном», чем Петр I. Французский король Людовик XIV заявлял: «Государство – это я!» Но на деле его роль состояла в постоянной координации интересов старого дворянства и новой буржуазии, поддержании по средствам государственной власти равновесия между ними, что и придавало королевской власти ее относительную самостоятельность, а Франции – внутреннюю стабильность, поступательное развитие экономики, общественных отношений и культуры. Все это, вместе взятое, обеспечивало базу для амбиций во внешней политике Франции. Во Французском королевстве, как и в иных западноевропейских государствах, править без учета расклада общественных сил было невозможно. Кто и вправду мог заявить: «Государство – это я!», так это русский монарх, являясь персонификацией вотчинного устройства социокультурного уклада России второй половины XV – начала XVII в., за исключением Смуты, царствования Михаила (1613–1645) и начала царствования Алексея Михайловича. Неслучайно Петр I, как известно, шел напролом, открыто игнорируя мнение общества по многим вопросам, особенно в выборе форм и методов своих преобразований. Правда, в итоге сами петровские преобразования оказались весьма противоречивыми с точки зрения пользы стратегического развития русского общества, зато они принесли явное усиление русского самодержавия при «закреплении всех сословий» и столь искомый центральной властью со времен основателя единого Московского государства Ивана III статус России как великой европейской державы.

В отличие от Ивана III, Василия III, Ивана Грозного и, конечно, Петра I, царь Федор Алексеевич демонстрировал прямо-таки европейское желание учитывать мнение окружающей его политической элиты. А элита эта была в значительной степени консервативной, что и показал опыт обсуждения проекта церковно-административной реформы. В этом плане можно провести аналогию между положением, в котором оказался Федор и его «команда», и положением Александра I и его «молодых друзей» в начале XIX в. Но в отличие от Александра I, Федор III попытался расширить социальную базу, решавшую судьбу его реформ, о чем говорит вроде бы нелогичное с точки зрения курса на становление абсолютизма в России обращение царя к традиции Земских соборов. Последнее не помогло реализации всех задуманных преобразований, но сумело

продать отмену устаревшего местничества, причем методами, куда менее болезненными, чем те, к которым будет тяготеть Петр I.

Итак, осенью 1681 г. было учреждено две комиссии. Первая решала судьбу военных чинов и военной службы. Председательствовал здесь глава приказа Ратных дел В.В. Голицын, но активную роль играли также боярин В.Д. Долгоруков, окольничий Д.А. Барятинский, думный дьяк В.И. Змеев, дьяк Разрядного приказа В.Г. Семенов. Вносили свои мнения выборные от служилых людей. Итогом оказалось «Соборное деяние» от 12 января 1682 г. Его положения публично зачитал на Кремлевской площади В.В. Голицын, после чего состоялся символический акт сожжения местнических книг. Так в России было отменено местничество, которое часто стояло камнем преткновения для назначения на высшие должности талантливых людей и тем мешавшее эффективности государственного управления. То, что местничество – анахронизм, явно осознавал уже Алексей Михайлович Тишайший, отчего часто и открыто игнорировал его принципы, давая чины и должности не «по породе». Пример тому – возвышение Ртищева или Ордина-Нащекина. А вот в царствование Михаила Федоровича число местнических «разборок» зашкаливало, причем жертвой их пришлось однажды стать и одному из спасителей Отечества – Д.М. Пожарскому. Отмена местничества стала самой большой государственной реформой, произведенной Федором III.

Если голицынская комиссия подготовила уничтожение местничества, то вторая комиссия занялась налоговой реформой. Видимо, налоговая реформа 1679 г. (переход к подворному обложению) не удовлетворила царя. К деятельности второй комиссии были привлечены выборные люди от посадов (по 2 человека от города), приказные люди Поместного приказа, где набралось множество спорных дел о земельных владениях. Работу комиссии прервала смерть царя. Далее работа этой комиссии не возобновлялась, а выборных распустили по домам.

С курсом царя Федора Алексеевича связано еще одно важное событие – выдвижение царевича Петра в качестве возможного наследника русского престола. Это, в свою очередь, привело к формированию придворной «партии Петра», известной больше под условным названием «партии Нарышкиных». В июне 1681 г. трагически завершился первый счастливый брак Федора. 11 июня при родах умерла его жена А.С. Грушецкая, а вскоре вслед за ней последовал и царский сын младенец Илья. Вопрос о наследнике постоянно болеющего царя Федора остался открытым. И.М. Языков и А.Т. Лихачев склонили царя к скорому новому браку. Но выбор ими конкретной новой царской невесты говорил о том, что планировался и «запасной вариант». Новая царица, 14-летняя Марфа Матвеевна Апраксина, была крестницей опального Артамона Сергеевича Матвеева, воспитателя матери царевича Петра – Натальи Кирилловны Нарышкиной. Матвеев – главный любимец Алексея Михайловича периода завершения его царст-

ования – как известно, выступил сторонником Петра как наследника еще в последний год жизни царя Алексея. После нового брака Федора III положение до этого явно «опальной царицы» Натальи Кирилловны улучшилось. В 1681 г. ей разрешили вернуться в кремлевский дворец. Последовало и смягчение ссылки А.С. Матвеева. Его перевели поближе к Москве. Все это свидетельствовало о сближении Федора с «партией Нарышкиных».

К самому Петру Федор III всегда относился с искренней любовью, веселил мальчика фейерверками и пушечной стрельбой в подмосковных царских резиденциях. И, возможно, именно эти детские воспоминания определили дальнейшую привязанность Петра к подобным забавам. На близость к «Нарышкиным» фаворитов Федора – Алексея Тимофеевича Лихачева и его брата Михаила – указывает и то, что потом (в период начального кратковременного «одионого» царствования Петра I в апреле – мае 1682 г.) они оказались в кругу высших управленцев. Это же можно сказать о И.М. Языкове, неслучайно в ходе майского стрелецкого бунта 1682 г. мятежные стрельцы расправляются с ним, как с прочими ненавистными вельможами из «партии Нарышкиных». И.М. Языков, как и не во время для себя возвращенный из опалы А.С. Матвеев, был растерзан восставшими. После Хованщины А.Т. Лихачев оказался в ссылке в Калязинском монастыре. В 1685 г. он был вызван оттуда, но вновь его карьера пошла в гору только после переворота 1689 г. в пользу «младшего царя» Петра Алексеевича. В 1700 г. мы застаем А.Т. Лихачева на посту главы приказа Рудных дел. Успешно при Петре шла карьера и брата А.Т. Лихачева. М.Т. Лихачев был в 1690 г. произведен в окольничие, в 1692 г. возглавлял Серебряную, Золотую и Оружейную палаты, с 1698 г. служил в Казенном приказе. С государственной точки зрения живой, любознательный сводный брат царя Федора, отличавшийся к тому же завидным здоровьем, куда лучше подходил на роль наследника, чем косноязычный, подслеповатый, заторможенный и постоянно хворый родной брат Федора III – царевич Иван Алексеевич. Отчасти по этим соображениям к «партии Петра» явно примкнул и патриарх Иоаким, хотя основным в выборе патриарха, наверное, послужило предположение, что «Нарышкины» будут более привязаны к «старомосковской тишине», столь любезной его средневековой душе, чем «партия Ивана», возглавляемая явным сторонником западных новшеств В.В. Голицыным и царевной Софьей, женщиной (!), что уже не вписывалось ни в какие представления о «родной традиции».

Очевидно, что провозглашение 10-летнего Петра царем сразу же после смерти Федора Алексеевича было актом, подготовленным любимцами Федора – А.Т. Лихачевым, И.М. Языковым в содружестве с «партией Нарышкиных», патриархом и отчасти самим царем Федором. Хотя решительной точки в этом деле Федор III не поставил. По официальной версии, он так и не произнес имя наследника и не благословил его, как сделали в свое время на смертном одре его дед царь Михаил Федорович

и отец царь Алексей Михайлович. Но, с другой стороны, мы знаем, что в последние дни жизни Федора при нем неотлучно находилась сестра Софья Алексеевна, которая полностью отгородила умирающего от контактов с другими людьми. Имя ее «протее» – царевича Ивана Алексеевича – царь Федор Алексеевич также не назвал.

Что касается еще одного видного сподвижника царя Федора Алексеевича – В.В. Голицына, то в кризисные для русского престола апрельские дни 1682 г. он сделал иной выбор: стал сторонником «партии Ивана», а точнее, сподвижником царевны Софьи Алексеевны, решившейся на невиданный для царевен поступок: желание участвовать в управлении государством. С необычной царевной Василия Васильевича Голицына связывали узы личной приязни, многие современники (иностранцы и русские) говорили о любовной связи князя и царской дочери. Еще при жизни Федора, в деле выбора его второй жены, царевна Софья и В.В. Голицын предлагали кандидатуру вовсе не из круга Нарышкиных и А.С. Матвеева. Они стояли за Прасковью Салтыкову, которая в будущем станет супругой «старшего царя» Ивана V Алексеевича. В отношении регентства царевны Софьи (1682–1689 гг.) в исторической литературе присутствует три точки зрения: для одних – это период кардинальных реформ, для других – органичное продолжение курса предшественников, для третьих – время отката к «старомосковской старине».

Последнюю точку зрения высказывают как почитатели славянофильского и почвеннического взглядов на отечественную историю, для которых регентство Софьи позитив, так и ярые сторонники преобразований Петра, для которых регентство – символ застоя и невежества. Надо сразу оговориться, что оценка 1682–1689 гг., как «старомосковского периода», является устаревшей, высказанной в основном авторами конца XVIII – начала XIX в. Главный недостаток этой точки зрения состоит в том, что она базируется не на исследовании документов эпохи, а на идеологической позиции авторов в отношении преобразований Петра I. Для безоговорочных апологетов Петра I, яркий пример которых олицетворяют взгляды Н. Устрялова, Софья, являясь конкурентом Петра, априори воспринималась противником реформ и европеизации России, а следовательно, была однозначно отрицательным историческим персонажем. «Славянофильствующие» авторы, в частности Б. Костин, автор книги «Царевна Софья», создает художественный, преимущественно вымышленный образ царевны – защитницы самобытно развивающейся Святой Руси, в противовес ужасу петровских «европеизаторств».

Исследователи середины XIX – начала XXI в., имевшие предметом анализа источники конца XVII в., решительно отвергли приведенный выше подход. Даже не углубляясь в документы, нетрудно понять, что женщина-правительница, не мать и не вдова государя, в русской истории явление новое, отвергавшее традицию, особенно на фоне присущей первым Романовым привычки – отсылать царских дочерей в монастырь. Невозможно доказать и

преданность «старомосковской тишине» В.В. Голицына, главного сподвижника царевны, известного сторонника европейского влияния, разработчика реформы по отмене местничества.

Для современной историографии вопрос о регентстве Софьи сводится к дилемме: было ли это время подготовки кардинальных реформ или прямое продолжение курса прежних Романовых на постепенные преобразования при постоянном росте западного влияния. Яркими защитниками первой точки зрения являются зарубежные историки З. Шаховской и О'Брайн.

Мы склонны разделить точку зрения профессора Лондонского университета Линдси Хьюз. Ее монография, посвященная изучению жизни и деятельности царевны Софьи, написана на основе обширного корпуса источников. Л. Хьюз были исследованы разные аспекты: от вопросов воспитания царевны до анализа ее государственной политики; от взаимоотношений светской и церковной властей до направления развития русской культуры в 1682–1689 гг. в целом. На английском языке книга Л. Хьюз вышла в 1990 г., ее русский перевод под названием «Царевна Софья. 1657–1704» появился в Санкт-Петербурге в 2001 г.

Л. Хьюз прекрасно обосновала точку зрения, давно высказанную рядом отечественных авторов¹⁰, что правление Софьи стоит рассматривать в контексте общего курса первых Романовых. Для решительных реформ, идея которых была не чужда главному сподвижнику Софьи В.В. Голицыну, не доставало ни времени, ни легитимности правительства. Регентство само по себе указывало на временное обладание Софьей властью. Особенно четко это проявлялось на фоне неотвратимого взросления «младшего царя Петра», не нуждающегося в будущем в опеке родственников.

Изучение государственных актов 1682–1689 гг. и других источников привело Л. Хьюз к выводу, что внутренняя политика Софьи затрагивала те же аспекты, что и политика царей Алексея и Федора III. Софья и Голицын стремились продолжить постепенное создание регулярной армии в России путем постепенной замены формирований «старого строя» (дворянской сотенной службы, стрельцов и пр.) регулярными полками «европейского строя». В русле этой военной реформы предпринимались меры к техническому перевооружению армии, развитию отечественной промышленности и торговли. Софья стремилась и к поддержанию «служилой системы, системы налогообложения и тесно связанной с ними системы землевладения и крепостного права», а также ее курс предполагал восстановление после бурных событий стрелецкого выступления мая 1682 г. «правопорядка в отношении безопасности государства и церкви».

Опираясь на исследование Л. Хьюз¹¹, мы кратко остановимся на регламентации судебной практики регентства, в которой есть явный признак европейского влияния и стремления к робкой модернизации. С современной точки зрения Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. установило крайне жестокие наказания не только

за серьезные преступления, но и за незначительные проступки. В Уложении 1649 г. впервые были выделены в особый вид преступлений – политические дела («Государево слово и дело»). К ним относилось все, несущее угрозу государственной власти: от бунта «скопом» до «поносных слов» в адрес царя, правительства и членов царской семьи и простых описок в царском титуле. За все полагалась смерть, варьировалась лишь степень мук виновного. В марте 1683 г. был выпущен Указ, по которому описки, досужая болтовня о царской фамилии и даже «непристойные слова», если они были сказаны впервые, «спяну», «по незнанию» и без умыслу, наказывались не казнью, а поркой кнутом и отсылкой на окраины.

Наблюдалось смягчение и некоторых норм уголовного права. За разбой без убийства и поджога вместо прежней смертной казни Указ от 28 ноября 1682 г. приказывал бить кнутом, отсекал левое ухо и два меньших пальца левой руки да ссылат в Сибирь. Последовавший в марте 1683 г. Указ отменил и членовредительство, мешавшее трудовой деятельности преступника: велено было «резать только уши, а не пальцы». Уложение 1649 г. повторное воровство карало смертью, указы времен Софьи заменяли смерть на битье кнутом и ссылку в Сибирь. Были изданы указы, отменявшие статью 14 главы 22 Уложения о закапывании живьем мужеубийц. За подобное преступление теперь предполагалось «отсечение головы». Однако, судя по повторным указам на данный счет, уже в Петровскую эпоху, как и по зафиксированным в мемуарах современников случаях «окапывания» жен-мужеубийц, древний судебный обычай брал свое вплоть до 1740-х гг.

Были приняты указы, направленные на поддержание нравственности, служебного долга и вообще, так сказать, «цивилизованных» форм поведения. Так, за игру в зернь, бражничество и растрату казенных денег июньский Указ 1684 г. ужесточил наказание: вместо кнута полагались батоги. Указ декабря 1682 г. запрещал проводить торги и ярмарки в воскресные дни, а Указ августа 1684 г. запретил торговлю в монастырях в ходе крестных ходов, так как шум и крики мешают «божественному пению», а кроме того, торги создают тесноту «в проходе и проезде». В марте 1686 г. запрещалась самовольная пальба из оружия частным лицам. С января 1683 г. велели пресекать превышение полномочий каральными стрельцами и солдатами. Внутри Москвы запрещено было пользоваться бичами, которыми возницы, судя по многочисленным челобитным, расчищали себе путь, «побивали людей».

Довольно часто в судебных делах применялся обычай смягчения приговоров по случаю какого-либо события, связанного с живыми государями или памятью их предков. К примеру, в августе 1682 г. жителей Новгорода, Твери, Пскова и нескольких других городов, которых следовало судить за неуплату недоимок, амнистировали по случаю поминовения царей Алексея Михайловича и его сына Федора. Была прощена немалая сумма – 157 062 рубля. Примером частного смягчения наказания может служить дело работного человека

Степана Колосова, который случайно в драке убил крестьянина. 29 июня 1684 г. по случаю именин «младшего царя» Петра смертная казнь была заменена штрафом в 50 рублей, которые преступник должен был постепенно выплатить вдове и детям покойного.

Правительство Софьи пыталось навести порядок и в процессе судопроизводства. Указы 1682–1689 гг. ограничивали время суда и разграничивали юрисдикцию многочисленных государственных учреждений. Это были меры, направленные на борьбу с волокитой, за которую Указ ноября 1685 г. налагал строгие наказания. С августа 1687 г. дела о воровстве и разбое вели только Сыскной и Земский приказы. Однако планы В.В. Голицына о разделении функций гражданских и военных чинов, о создании по типу польского апелляционного суда особой коллегии из 12 человек, которая будет рассматривать судебные дела, прежде решаемые Боярской думой, так и остались нереализованными.

Имея сложные отношения с патриархом Иоакимом, правительство Софьи пыталось дать духовенству некие преференции, чтобы смягчить церковную оппозицию в отношении европеизаторских действий правительства в военной области и в области культуры. (В данной статье мы не рассматриваем эти преобразования, т.к. они требуют отдельного исследования.) В 1686 г. патриарху удалось исхотайствовать царскую грамоту о неподсудности лиц духовного сана гражданским властям. Впрочем, политика частных уступок в отношении церкви не

принесла царевне Софье искомого компромисса, во время кризиса августа 1689 г. патриарх фактически встал на сторону «партии Нарышкиных».

Подводя итоги всему сказанному, следует отметить, что в области поиска путей реформирования государственного аппарата в последней четверти XVII в. появились многие подходы, которые позже были реализованы Петром I. Планы реформы Боярской думы, судебной системы, отмена местничества, создание новых принципов продвижения по службе, реформа местного управления – все эти начинания явились истоком преобразований Петра в дальнейшем. При этом методы, формы и темпы реформ конца XVII столетия были менее болезненными для общества. В целом реформы государственного управления и судопроизводства времен царя Федора и регентства Софьи остались незавершенными, что и предопределило возврат к ним первого императора России.

Chernikova T.V. The sources of Reforms of Peter I in reforms of the state administration in the government of Feodor III and in the government of regent Sofia.

Summary: The article is devoted to an examination of a question of the reform of the state administration in the government of Feodor III and in the government of regent Sofia in the last quarter of XVII century. The author tries to find the parallels between the reforms of the state administration of Peter I and the reforms of the state administration of Feodor III and I and regent Sofia. The author tries to find, what were the reasons of the reforms and the results and significance of this phenomenon.

Ключевые слова

Единое Московское государство XV–XVII вв., Российское царство XVII в., заимствование Россией военно-технического и культурного опыта Запада, европеизация России, западные новшества, реформа государственного управления, правление Федора III, регентство Софьи.

Keywords

Uniform Moscow state of XV–XVI centuries, Russian Kingdom XVII century, borrowing by Russia of military and technical as well as cultural experience of the West, Europeanization of Russia, Western innovations, reform of the state administration, the government of Feodor III, the government of regent Sofia.

Примечания

1. Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII в. СПб., 2006.
2. Там же. С. 6–7, 51–200, 555.
3. Новохатко О.В. Разряд в 185 году. М., 2007.
4. Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф. Первые Романовы. М., 2000. С.381.
5. Лаппо-Данилевский А.С. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен Смуты до эпохи преобразований // Голос минувшего. 1914. № 12. С.5–38. Последнее издание — Полис, 1994. № 1.
6. Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990.
7. Соловьева Т.Б. Церковное управление России и государственный проект его реорганизации 1681–1682 гг. // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. М., 1991.
8. Волков М.Я. Об отмене местничества в России // История СССР. 1977. № 2.
9. Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства XVI–XVII вв. М., 1978.
10. Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф. Указ. соч.
11. Подробнее см.: Линдси Хьюз. Царевна Софья 1657–1704. СПб., 2001. С. 141–158.

Особенности участия Уральского казачества в Гражданской войне

А.А. Падерин

Статья посвящена участию казачества в завершившейся 90 лет назад Гражданской войне. Основное внимание автор уделяет Уральскому казачьему войску, представлявшему собой уникальный социально-экономический феномен. В статье показано, что к бескомпромиссному вооруженному противостоянию с Советской властью уральских казаков подталкивали веские объективные причины: их экономические, политические, духовные ценности были несовместимы с теми порядками, которые она насаждала путем принуждения.

Казачество – это социально-этническая и историческая общность людей, сложившаяся на южных окраинах русских земель в XIV в. Она отличалась специфическими особенностями своей экономической, политической, духовной жизни и стала впоследствии в России военным сословием. Казачество произошло от смешения славянских народов с остатками тюркских племен. Вольные казаки, состоявшие в основном из беглых крестьян и посадских людей, селились в Диком Поле, на Дону, Волге, Днепре, а затем Кубани, Тереке, Яике (Урал) и в других местах, где создавали свои общины. Их главным занятием был военный промысел. Они активно участвовали в охране и обороне от врагов Русского государства.

Казачьи общины постепенно превращались в отдельные (иррегулярные) казачьи войска и включались в состав русских вооруженных сил. Казачьи войска получали наименование по территориальному признаку. За каждым войском закреплялись земли, которые передавались в пользование каза-

чьим станицам. В начале XX в. в России имелось 11 казачьих войск: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Семипалатинское, Сибирское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское. В 1917 г. из существовавших в небольшом количестве иркутских и красноярских казаков были образованы Енисейское казачье войско и Якутский казачий полк Министерства внутренних дел. В 1916 г. казачество насчитывало 4 434 тыс. чел., из них 474 тыс. человек служилого состава, и располагало 63 млн десятин земли¹.

Первые шаги лидеров белого движения по организации вооруженной борьбы против Советской власти не получили широкой поддержки казачества. Часть его выступила на стороне большевиков. Однако ошибки, допущенные в отношении казаков в Центре и на местах, оттолкнули от новой власти значительную их часть, усилили сепаратистские настроения. На Дону, Кубани, Урале, в Оренбурге и Сибири были созданы местные правительства во главе с атаманами. Этому в значительной степени

Падерин Александр Александрович – полковник в отставке, к.и.н., член-корреспондент РАЕН, внештатный сотрудник Центра военных и военно-исторических исследований Гуманитарного университета (г. Екатеринбург). E mail: paderin41@mail.ru

способствовала директива Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г., которая нацеливала местные органы на доверие только иногородним и требовала репрессивных мер ко всем казакам, участвовавшим в антисоветских выступлениях. Частично положение поправило обращение ВЦИК и СНК от 14 августа 1919 г. к казакам с обещанием гарантий защиты их прав и интересов.

Гражданская война расколола качество на два непримиримых лагеря. За Советскую власть сражались красные казачьи формирования, наиболее крупными из которых командовали С.М. Буденный, Б.М. Думенко, Н.Д. Каширин, Ф.К. Миронов. Против Советской власти казаки сражались в Донской армии, в отрядах Б.В. Анненкова, Г.М. Семенова и др. В целях восстановления исторической справедливости Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1992 г.:

- была осуждена проводившаяся в СССР партийно-государственная репрессивная политика в отношении казачества;

- поддержано движение за его возрождение, восстановление экономических, культурных, патриотических традиций и форм самоуправления, не допуская вместе с тем возврата к сословным привилегиям либо навязывания гражданам казачьего уклада жизни;

- предусмотрено создание казачьих формирований в составе Вооруженных сил РФ для несения воинской службы, охраны государственной границы и общественного порядка.

Правительство России в связи с этими проблемами разработало ряд нормативных актов. Отношение нынешних российских историков к казачеству в связи с участием значительной его части в Гражданской войне на стороне белого движения отнюдь не резко отрицательное, как было в еще недавние советские годы. Например, доктор исторических наук Н.А. Нарочницкая в своей главе одного солидного многотомного, по сути официального, научного издания весьма сочувственно написала: «Пожалуй, лишь генерал Краснов с его казачьей армией могут вызвать скорбное сострадание их судьбе – быть раздавленными жерновами истории – для них Гражданская война не кончалась...»².

Автор настоящей статьи склонен согласиться с Н.А. Нарочницкой относительно «сострадания» рядовому составу красновской армии, но только не самому генералу. Если внимательно вчитаться в строки его биографии, то далеко не все в ней вызывает сочувствие.

Историческая справка:

Для белого казачьего генерала П.Н. Краснова Гражданская война действительно была очень долгой. Еще во время Октябрьской революции 1917 г. его 3-й конный корпус был направлен Керенским с фронта на Петроград, но поставленной перед ним задачи – занять столицу – не выполнил. По решению Советского правительства Краснов был арестован, но через несколько дней освобожден под честное слово не участвовать

больше в вооруженной борьбе против Советской власти. После освобождения уехал на Дон. 16 мая 1918 г. в Новочеркасске Кругом спасения Дона Краснов был избран атаманом Превеликого войска Донского, а в августе Большим войсковым кругом произведен в генералы от кавалерии. Нарушив данное Советскому правительству слово, он при поддержке Германии создал белогвардейскую Донскую армию, которая в мае – июне 1918 г. свергла Советскую власть на Дону и во второй половине 1918 г. развернула крупномасштабные боевые действия против Красной армии, но потерпела поражение. В январе 1919 г., лишившись поддержки разбитой в Первой мировой войне Германии, Краснов был вынужден признать главенство генерала А.И. Деникина, ориентировавшегося на Антанту. Понесенное от Красной армии тяжелое поражение, а также напряженные отношения с командованием Добровольческой армии привели 15 февраля 1919 г. к отставке Краснова. После недолгого пребывания в Германии он в сентябре 1919 г. прибыл в белогвардейскую Северо-Западную армию, где командующий Н.Н. Юденич поручил ему руководство пропагандой. После разгрома советскими войсками армии Юденича и отступления ее остатков в Эстонию Краснов являлся русским (белогвардейским) представителем в Эстонии и членом ликвидационной комиссии по разгромленной армии Юденича, вел переговоры с эстонскими властями об эвакуации белогвардейцев в другие страны. Завершив эту миссию, Краснов эмигрировал в Германию, затем переехал во Францию.

Активно занимался литературной и политической деятельностью, сотрудничал с Русским общевойсковым союзом и различными монархическими организациями. В июне 1941 г. приветствовал нападение нацистской Германии на СССР и принял активное участие в работе казачьего отдела министерства восточных территорий рейха. Весной 1944 г. назначен начальником управления казачьих войск при этом министерстве, возглавил профашистский «Казачий стан», а также формирование из белогвардейцев и изменников Родины казачьих частей, сражавшихся на стороне гитлеровской Германии против белорусских и югославских партизан, отрядов итальянского Сопротивления и Красной армии на советско-германском фронте.

После разгрома нацистской Германии был интернирован англичанами и в 1946 г. выдан советским властям. 17 января 1947 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР казнен.

Не правда ли, перед нами предстает весьма опытный, идейно убежденный и не слишком щепетильно относящийся к выполнению своего честного слова противник. Даже в годы борьбы советского народа против германской агрессии, когда на карту была поставлена судьба Отечества, о спасении которого этот «пропагандист при Юдениче» активно ратовал, он всю войну деятельно сотрудничал с фашистским руководством Германии, делал все возможное для помощи

вермахту. Нет, «колесо истории» наехало не на него, а на массы казаков, которых он втягивал в кровавую бойню с соотечественниками. Сам же Краснов вполне осознанно шел навстречу своей бесславной и, скажем прямо, совершенно заслуженной гибели. Возникает вопрос, почему автор данных строк завел речь об атамане Краснове, хотя в событиях Гражданской войны на Урале тот не участвовал. Дело в том, что на примере этого деятеля белого движения в России хорошо видно, какого места в истории Отечества заслуживают он и ему подобные предводители белогвардейских формирований.

Конечно, прав был Ф. Энгельс, когда писал: «На исторические события не сетуют, напротив, стараются понять их причины, а вместе с тем и их результаты, которые далеко еще не исчерпаны». Объективно разобраться в событиях минувшего, без политических пристрастий дать заслуженную оценку тогдашним деятелям сегодня чрезвычайно важно. По этой причине все пристальней вглядываемся мы в свое далекое и близкое прошлое.

Постсоветский период в связи со снятием табу с исследования целого ряда ранее закрытых тем отечественной истории характеризуется более активным освоением всего ее обширного проблемного поля. В стадии переосмысления, научного поиска и нового толкования находятся такие проблемы, как нэп, индустриализация, коллективизация, сталинские репрессии 1930 – 1940-х гг. и др. При этом наблюдается позитивный процесс постепенного отказа от господствовавшего ранее официозного подхода к трактовке исследуемых исторических событий. Но здесь невольно возникает вопрос: во имя чего сейчас нужен пересмотр взглядов, концепций? На наш взгляд, главная цель исторической науки сегодня состоит вовсе не в том, чтобы отвергнуть достижения советской историографии или умалить ее значение, а в том, чтобы дополнить новыми фактами, преодолеть известную концептуальную «заданность», наконец, снять лакировочный слой, из-под которого на протяжении десятилетий не могли вырваться многие кричащие факты.

Несомненно, вышесказанное в полной мере относится к историографии Гражданской войны – этого невероятно драматического периода становления Советского государства. Вполне естественно, что в тех труднейших условиях, приводивших порой к совершенно безнадежным для новой власти ситуациям, она не всегда принимала оптимальные решения, допустила немало ошибок и просчетов. О них в дальнейшем считалось целесообразным забыть, чтобы новые поколения советских людей воспитывать в духе почитания руководства страны, веры в его непогрешимость и мудрость. Вот так и сформировалась удобная для власти концепция истории Гражданской войны, предусматривавшая исследование только тех событий и фактов, которые позволяют трактовать их в позитивном плане, выгодном для воспитания граждан.

Такой подход проявился прежде всего при рассмотрении важного концептуального положения об истоках и причинах развязывания Гражданской войны. «Решающим фактором развертывания Гражданской войны явилась интервенция империалистических держав», говорится в «Советском энциклопедическом словаре». Вот так – коротко и ясно!.. Правда, авторы не забыли упомянуть и о внутренней контрреволюции: «Социальной базой контрреволюции были бывшие капиталисты, помещики, чиновники, офицеры царской армии, кулаки и зажиточные казаки». Словом, по сути и по стилю – в духе господствовавшей официальной концепции.

В постсоветской «Военной Энциклопедии» дается более научное объяснение: «Основными причинами Гражданской войны и военной интервенции явились:

- непримиримость позиций различных политических партий, группировок и классов в вопросах о власти, экономическом и политическом курсе страны;
- ставка противников большевизма на свержение Советской власти вооруженным путем при поддержке иностранных государств;
- стремление последних защитить свои интересы в России и не допустить распространения революционного движения в мире;
- развитие национально-сепаратистских движений на территории бывшей Российской империи;
- радикализм большевиков, считавших одним из важнейших средств достижения своих политических целей революционное насилие (октябрьский переворот, разгон Учредительного собрания), стремление руководства партии большевиков на практике реализовать идеи «мировой революции».

Однако и здесь, на наш взгляд, есть существенная недосказанность, суть которой заключается в следующем. Как показывает анализ первых политических и организационных решений только созданного правительства Советской республики, некоторые из них носили скоропалительный, недальновидный, поверхностный характер. При их принятии учитывалась не сложившаяся на соответствующий конкретный исторический момент реальная обстановка в стране, а во главу угла ставились какие-либо идеологические установки. В результате вместо пользы они приносили вред, обостряли ситуацию.

Вспомним, в частности, февраль 1918 г., когда Троцкий, возглавлявший советскую делегацию на переговорах о заключении мира с кайзеровской Германией в Бресте, отказался подписать договор (пытаясь реализовать придуманный им тезис «ни войны, ни мира»). Тем самым он, помешанный на извращенной, насыщенной им духом авантюризма марксистско-ленинской теории «перманентной революции», поставил страну на грань военной катастрофы. Его отказ от подписания договора дал повод Гер-

мании развернуть наступление по всему фронту против Советской республики, не имевшей сил для отпора врагу. В результате договор был подписан 3 марта 1918 г. (уже без участия Троцкого) на значительно более тяжелых для страны условиях.

Виновник этого был «наказан»: из кресла наркома по иностранным делам пересаживался в кресло председателя Высшего военного совета и наркома по военным делам. Этот пример оказался весьма заразительным для советской политической элиты. Впрочем, в «Военной Энциклопедии» Троцкому воздано «по заслугам»: «Энергичная деятельность Троцкого во главе военного ведомства Советского государства способствовала победе Красной армии в Гражданской войне. Вместе с тем ему были присущи революционный максимализм и безжалостность, честолюбие, неуважительное отношение к людям. Он считал, что армию нельзя строить без репрессий. С его именем связаны приказы и указания по созданию заградительных отрядов, штрафных частей и концентрационных лагерей, безжалостному истреблению дезертиров и военнопленных. Прибегал к казням провинившихся командиров и комиссаров, ввел в практику применение репрессий против их семей, вооруженного насилия против групп населения («расказачивание» на Дону).

Однако вернемся к вопросу о причинах эскалации Гражданской войны, начавшейся сразу же после октябрьского переворота в Петрограде. Как известно, одним из факторов, способствовавших этому, было присутствие на территории новой России чехословацкого армейского корпуса. «...Весной 1918 г., писал Троцкий в 1933 г. о своем видении проблемы с чехословацким корпусом, невольно вставал вопрос: хватит ли у истощенной, разоренной, отчаявшейся страны жизненных соков для поддержания нового режима? Продовольствия не было. Армии не было. Государственный аппарат еле складывался. Всюду гноились заговоры. Чехословацкий корпус держал себя на нашей территории как самостоятельная держава. Советская власть ничего или почти ничего не могли ему противопоставить.

Появление на сцене чехословацких частей изменило обстановку — сперва против Советской власти, но в конечном счете — в ее пользу. Белые получили военный стержень для кристаллизации. В ответ началась настоящая революционная кристаллизация красных...»³. Верно оценивая тогдашний политический момент, Троцкий, возглавлявший военное ведомство, при решении практических задач, связанных с чехословацким корпусом, своими скоропалительными распоряжениями и авантюристическими действиями, в частности непродуманным, истеричным, нереальным для исполнения приказом от 25 мая 1918 г. о полном разоружении корпуса, только обострил ситуацию. А это было на руку реакционному командованию корпуса, имевшему указание вышестоящего руководст-

ва о готовности к вооруженному выступлению против Советов. Для его начала нужен был какой-либо формальный повод, даже обычный ложный слух, например о роспуске корпуса и отправке бывших военнопленных обратно в лагерь или выдаче их австрийцам. Командиры частей, особенно усердствовал Р. Гайда, находили любые поводы для ухудшения взаимоотношений с российской стороной. Это приводило к возникновению отдельных вооруженных столкновений, которые в дальнейшем переросли в широкомасштабные боевые действия.

Разумеется, ссылаясь в основном на опрометчивые действия Л.Д. Троцкого, обвинять сегодня большевиков в сознательном провоцировании вооруженного выступления чехословацкого корпуса против Советской власти, в стремлении развязать Гражданскую войну — это по меньшей мере антиисторично. Однако сама логика развития ситуации в стране, обусловленная непоследовательной политикой правительства, вела к данному исходу. Это можно проследить, в частности, на примере принимаемых мер по отношению к такому многочисленному и весьма заслуженному российскому сословию, как казачество.

Предвзятое, настороженно-враждебное отношение к казакам со стороны большевистского руководства обусловило проведение жесткой линии в отношении этой социальной группы. Эта чрезвычайно жесткая политика правительства получила поддержку не только широких масс населения тогдашней России. Под влиянием либеральной и леворадикальной печати еще в предреволюционный период в общественном сознании прочно сложился стереотип казака — «душителя свободы», «царского опричника», «нагаечника». Активное участие казачьих частей в подавлении революционных выступлений 1905 — 1907 гг. еще более укрепило это восприятие, способствовало распространению в обществе антиказачьих настроений. Вот почему органы Советской власти в центре и на местах с самого начала взяли курс на конфронтацию с казачеством.

Советская власть уже одним из первых своих декретов «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 10(23) ноября 1917 г. юридически упразднила статус казачества как особого сословия. Этот декрет лишал казаков всех экономических привилегий, уравнивал их в праве пользования природными ресурсами с так называемыми иногородними (то есть лицами, проживавшими на казачьей территории, но не принадлежавшими к войсковому сословию). На местах уничтожение казачества фактически санкционировалось уже упоминавшейся выше директивой Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. об отношении к казакам.

Неслучайно казаки (оренбургские, уральские, сибирские, семиреченские, забайкальские, амурские, иркутские, енисейские и уссурийские) составляли 15–20% вооруженных сил Колчака, то есть почти каждый пятый колчаковец был из

казацкого сословия⁴. «Уральское казачье войско располагалось в Уральской области на правом берегу р. Урал в 30 станицах, 450 хуторах и поселках. Оно подразделялось на три военных отдела: Гурьевский, Лбищенский и Уральский. В 1917 г. в казачьем сословии насчитывалось около 174 тыс. человек. Это казачье войско по древности родословной среди казачьих войск Российской империи сравнимо было разве только с Донским. В годы Гражданской войны подавляющее большинство уральского казачества оказалось на стороне белого движения»⁵.

Данный выбор был ими сделан вполне обоснованно. Приход к власти большевиков не принес уральскому казачеству никаких экономических выгод. Напротив, нанес ущерб его благополучию. Дело в том, что Уральское казачье войско являло собой уникальный социально-экономический феномен, отличающийся от всех остальных казачьих войск тем, что в нем не существовало частной собственности на землю. Донцов, кубанцев, оренбуржцев и других новая власть привлекла на свою сторону прежде всего обещанием передать в руки «трудового элемента» те земельные участки, которые принадлежали офицерам казачьих войск на правах наследуемого имущества. В Уральском же войске, которое фактически было одной большой общиной, этот фактор не работал: вся земля находилась в общественной собственности. Хозяйственное правление периодически определяло максимально допустимое количество земли, которая могла быть распахана одной семьей в зависимости от количества в ней мужчин. При этом нормировалось количество плугов, используемых при распашке, а также число голов скота, которое казачья семья имела право бесплатно пасти на общественных пастбищах. Если же кто-то хотел и имел возможность распахать земли либо содержать скота больше установленной нормы, он должен был внести определенную сумму в войсковую казну. Даже земельные участки, занятые строениями и приусадебными садами, не могли считаться частной собственностью их хозяев. Таким образом, большевистская аграрная программа казаков не привлекала.

Самой же важной привилегией уральских казаков, отнятой Советской властью, было их исключительное право на занятие рыболовством в богатых рыбой водах реки Урал. Эта отрасль хозяйствования была основой благосостояния местного казачества, поскольку земледелием, в силу природных условий, могли заниматься лишь жители северных станиц, прилегающих к среднему течению Урала. Вот несколько цифр: в 1913 г. за пределы войсковой территории (то есть без учета рыбы, потребленной самими казаками) было вывезено 64 734 пуда рыбы осетровых пород и 604 320 пудов прочей; икры — 3240 и 8996 пудов соответственно. Рыбная торговля приносила войску свыше 20 млн рублей ежегодно⁶.

Бурные события, происходившие в Уральском казачьем войске в 1917 – 1920 гг., были

связаны с непримиримой борьбой против Советской власти. Это войско, как ни одно другое, оказалось единодушным в ее неприятии. Убедительным свидетельством тому являются, в частности, статистические данные, обнаруженные историком А.В. Ивановым. Так, на 1 января 1916 г. на территории Уральского казачьего войска проживало 166 365 человек обоего пола, относившихся к войсковому сословию. Из них мужчин было около 80 тыс., в том числе примерно 30 тыс. – допризывного возраста и 25 тыс. отставных, то есть не подлежавших призыву на военную службу по возрасту или состоянию здоровья. Следовательно, казаков, способных носить оружие, насчитывалось примерно 25 тысяч. В период Первой мировой войны Уральское казачье войско понесло относительно небольшие потери: 335 убитых, 92 пропавших без вести и попавших в плен, 1793 раненых. Таким образом, учитывая численность Уральской казачьей армии по состоянию на июль 1919 г. – 24,3 тыс. человек, можно заключить, что практически все боеспособные уральские казаки оказались в рядах противников Советской власти. Их верность выбору, сделанному войсковой общиной, подтверждается также тем, что, в отличие от казаков других войск, уральцев долгое время не удавалось вовлечь в ряды Красной армии. Лишь в июне 1919 г. из них был сформирован 1-й советский казачий эскадрон под командованием Е.П. Почиталина численностью в несколько десятков человек.

В Уральском войске ситуация осложнялась еще и религиозной принадлежностью здешних казаков: 91% из них составляли старообрядцы различных направлений и толков. Уральское (до 1775 г. — Яицкое) казачье войско было последним, вступившим в подданство Российского государства. Лишь с 1623 г. оно начало нести регулярную службу, однако на протяжении еще ста лет она ограничивалась участием казаков-добровольцев в военных походах русских войск. И только во второй четверти XVIII в. воинская служба яицких казаков становится повинностью. На них возлагается охрана границ Российской империи по реке Яик и в Прикаспии. Но при этом яицкие (уральские) казаки всегда ощущали себя особенной частью русского народа. Поэтому им всегда был присущ дух непокорности, противопоставления себя центральной власти. Именно поэтому здесь не прижились реформы Никона: «старая вера» была еще одним атрибутом самобытности уральцев, их нетождественности остальной России. Она же послужила одним из сильнейших факторов сплочения войска-общины, способствовала укоренению консерватизма в сознании ее членов. Здесь всегда находили приют ревнители «древнего благочестия». И если уж реформы Петра I воспринимались старообрядцами как происки дьявола, можно себе представить глубину неприятия ими «безбожной» Советской власти⁷.

Бескомпромиссная борьба уральских казаков против большевизма обуславливалась ве-

скими объективными причинами: их экономические, политические, духовные ценности были несовместимы с теми порядками, которые силой принуждения насаждала Советская власть. Таковы были истоки непримиримой вражды, по сути, всего Уральского казачьего войска по отношению к новой власти. Здесь, в отличие от других войск, не было резкой социально-имущественной дифференциации, а также конфликта поколений, характерного для казачества в начале XX в. Как известно, в частности, эти явления в ходе Гражданской войны привели к политическому размежеванию казаков на «красных» и «белых». В числе «красных» оказалась в основном молодежь — участники Первой мировой, подвергшиеся на фронтах леворадикальной пропагандистской обработке. Главным образом они и составили в дальнейшем костяк «буденновских», «мироновских», «каширинских» и прочих красноказачьих частей.

Между антисоветскими казачьими формированиями и красновардейскими отрядами, частями Красной армии шло упорное и жесточайшее вооруженное противоборство. Об этом свидетельствуют имеющиеся в историографии Гражданской войны воспоминания ее участников с обеих противоборствовавших сторон. Приведем примеры.

«В то время о казаках в деревнях, а также среди красных в воинских частях ходили легенды. Пленные рассказывали, что у них казаков очень боялись. Их можно было ожидать с флангов и с тыла, у них набег мог быть в любое время — днем и ночью. В него стреляли, он падал с коня, думаешь, что убил, а он опять на коне и палит в тебя»⁸.

И.К. Волегов, воевавший в 12-м Оренбургском казачьем полку, оставил такое свидетельство: «У казаков было много причин бояться красных. Если казак попадал в плен к ним, то его не просто расстреливали, а мучили: у живого вырезали на ногах лампасы вместе с кожей в ширину лампаса, и казак умирал мученической смертью. А если попадал в плен офицер, то у живого офицера вырезали на плечах погоны, а если на погонах были звездочки, то сколько было звездочек, столько же гвоздей вбивали в их плечи. Это — неопровержимый факт. Я был на похоронах одного из замученных офицеров. Он был в чине поручика, у него было по три звездочки на каждом погоне, и ему было вбито в плечи шесть кузнечных гвоздей от конских подков. Зверство среди большевиков свирепствовало в небывалых размерах. Я думаю, история не помнит такого, что происходило в XX в., веке цивилизации и культуры. Революция в России своей жестокостью превзошла во много раз революцию во Франции. Большевики находили в страданиях человека наслаждение. Мне одно было непонятно, что могло заставить красное командование допускать до такой зверской расправы над пленными. Ведь гуманизм привлекает на свою сторону людей, а не жестокость.

Красные эту жестокость проявляли открыто, с таким расчетом, чтобы видели это белые. Очень много было замучено людей, попавших к ним, и этих людей они, как рекламу, привязывали к столбам или к дереву на видном месте»⁹.

Уральская армия, созданная в апреле 1918 г. по решению Уральского войскового правительства из казаков (с января 1919 г. — Отдельная Уральская армия), декабря 1918 г. по июль 1919 г. находилась в оперативном подчинении Колчака, затем Деникина. В боевой состав данной армии входили: 1-й Уральский казачий корпус (1-я и 2-я Уральские казачьи дивизии), 2-й Илецкий казачий корпус и 3-я Уральская конная дивизия). В апреле 1918 г. армия насчитывала около 15 тыс. штыков и сабель, имела свыше 20 орудий и до 80 пулеметов, в июле 1919 г. — 25 тыс. штыков и сабель, 52 орудия, 174 пулеметов¹⁰.

Весной и летом 1918 г. Уральская армия вела боевые действия против советских войск на широком фронте — от Илецкого городка (Илецк) до северного побережья Каспийского моря, сосредоточив основные усилия на овладении Уральском. Частью сил действовала на новоузенском и астраханском направлениях. 8 июля армия овладела Уральском и Илецком (Соль-Илецком). Зимой 1918/19 г. обороняла Уральск от советских войск 4-й армии и после упорного сопротивления оставила его в январе 1919 г. Все попытки отбить город успеха не имели.

Описанный выше боевой эпизод показывает, насколько упорно сражались с «красными» уральские казаки. Лишь однажды, в январе-феврале 1919 г., уральцы дрогнули и под натиском Красной армии, оставив фронт, разошлись по домам, а свыше 7 тыс. — сдались в плен¹¹. Но уже весной 1919 г., испытав на себе все «прелести» красного террора и политики «раскалывания», они вновь поднялись на борьбу с большевиками.

В апреле 1919 г. в связи с быстрым продвижением белогвардейских войск адмирала А.В. Колчака к Волге командующий Южной группой армий Восточного фронта М.В. Фрунзе перебросил значительные силы с уральского и оренбургского направлений на самарское с целью создания там ударной группировки для разгрома приближавшейся к Волге белогвардейской Западной армии.

Воспользовавшись этим, белоказачья Уральская армия (около 12 тыс. сабель, свыше 3 тыс. штыков, до 30 орудий, 90 пулеметов) под командованием генерал-майора В.С. Толстова нанесла под Лбищенском поражение 22-й стрелковой дивизии А.В. Сапожкова из состава 4-й армии и отбросила ее к Уральску. Основные силы этой дивизии закрепились западнее города по линии железной дороги Саратов — Актюбинск, а часть сил (194-й, 196-й стрелковые полки и 2 батальона 192-го стрелкового полка — всего 2,6 тыс. штыков, 19 орудий и 27 пулеметов) составила гарнизон Уральска. 20 апреля город был объявлен на осажденном положении. Выйдя 21 апреля к Уральску, белоказаки попытались овладеть им с ходу, но

были отбиты. К 9 мая Уральск был полностью окружен белоказаками.

План обороны Уральска разработал военный инженер Д.М. Карбышев. В соответствии с этим планом вдоль рек Урал и Чаган были оборудованы групповые стрелковые окопы, а на не защищенной естественной преградой северной стороне города создана полевая оборона (система траншей, проволочные заграждения и др.). Связь со штабом армии поддерживалась по радио и самолетами. Гарнизон Уральска пополнялся рабочими. Кроме того, была сформирована боевая рабочая дружина (1200 чел.). Рабочие построили бронепоезд, бронеевтомобиль и бронекатер, которые приняли активное участие в боях. Защитники города отразили 4 штурма белоказачьих (13, 17, 25 мая и 1 июня). Но в июне положение резко ухудшилось – линия внешнего фронта отодвинулась от Уральска, а все попытки 4-й армии деблокировать осажденный город успехом не увенчались.

В Уральске сложилось критическое положение с боеприпасами, продовольствием, фуражом и медикаментами. К началу июля по приказу Фрунзе была создана особая группа войск (25-я стрелковая дивизия и Особая стрелковая бригада под командованием В.И. Чапаева). Перед ней ставилась задача деблокировать Уральск. 5 июля группа приступила к ее выполнению. Сломив ожесточенное сопротивление белоказачьих, она 11 июля деблокировала Уральск. 80-дневная оборона Уральска наряду с обороной Оренбурга, сковав главные силы Уральской и Оренбургской белоказачьих армий, надежно обеспечила правый фланг и тыл Южной группы армий советского Восточного фронта.

После прорыва советскими войсками блокады Уральска Отдельная Уральская армия отступила к Лбищенску. В результате разгрома белых в Орско-Актюбинской операции она была отрезана от главных сил Колчака (сентябрь 1919 г.). Однако благодаря своему превосходству в коннице над войсками советских 1-й и 4-й армий уральские казаки в течение нескольких месяцев, умело используя степную местность, успешно вели оборону на широком фронте. Советским войскам лишь 20 ноября 1919 г. удалось овладеть Лбищенском, а затем перейти в наступление по всему фронту.

Нелегкий боевой путь Отдельной Уральской армии закончился ее участием в Уральско-Гурьевской операции, проведенной советскими войсками в период со 2 ноября 1919 г. по 10 января 1920 г. Ее целью были разгром белоказачьей Уральской армии, ликвидация Уральского фронта, освобождение Уральской области и Эмбинского нефтеносного района. В результате успешно проведенной советскими войсками Туркестанского фронта Орско-Актюбинской операции белоказачья Уральская армия и взаимодействовавшие с ней войска Алаш-Орды были отрезаны от белогвардейской армии адмирала А.В. Колчака.

При планировании Уральско-Гурьевской операции учитывалось более чем 4-кратное превосходство противника в коннице и хорошее оснащение его английскими интервентами. 2 ноября войска Туркестанского фронта перешли в наступление. Сломив упорное сопротивление 1-го Уральского казачьего корпуса, войска Уральской группы 20 ноября освободили Лбищенск, а Илецкая группа 21 ноября овладела Джамбейты. Белоказачи по всему фронту начали отступление. 20 ноября М.В. Фрунзе поставил войскам задачу на преследование противника. Наступление войск временно было приостановлено. 9 декабря Фрунзе обратился к уральским белоказачам с воззванием: он довел до их сведения содержание Постановления СНК РСФСР об амнистии тем участникам антисоветских вооруженных формирований, которые прекратят борьбу и добровольно сложат оружие. 10 декабря войска фронта возобновили наступление, создав угрозу тылам 2-го Илецкого белоказачьего корпуса. Объявленная советским правительством амнистия сыграла большую роль в изменении настроений основной массы казачества: началась массовая сдача казаков в плен.

Штаб Отдельной Уральской армии, бросив свои войска на произвол судьбы, бежал в Гурьев, а оттуда на английских кораблях — в Красноводск. Остатки Илецкого казачьего корпуса были окружены советскими войсками и 4 января 1920 г. капитулировали. В плен сдались и командир корпуса вместе со штабом. На завершающем этапе операции М.В. Фрунзе, чтобы повысить темпы наступления, свел всю конницу в одну конную группу, которая, совершив за 3 суток 150-километровый рейд, 5 января заняла Гурьев. В тот же день Фрунзе доложил правительству о ликвидации Уральского фронта. К исходу 10 января советские войска завершили освобождение Эмбинского нефтеносного района.

Трагически сложилась судьба остатков Отдельной Уральской армии (около 9 тыс. чел.) во главе с генералом Толстовым и присоединившимися к ним 6 тыс. беженцев (казаки уводили с собой семьи). Они начали отступление вдоль побережья Каспийского моря в Красноводск – на соединение с белогвардейской Туркестанской армией. Конечной точкой отступления явился форт Александровск на Мангышлаке. Сюда в конце января 1920 г. уральских казаков добралось чуть более 2 тысяч – примерно 10% численного состава армии. Остальные погибли в жестоких боях, от тифа и зимней стужи, попали в плен, будучи больными, ранеными, обмороженными. В Александровске большинство уральских казаков сложили оружие. Небольшая часть их была эвакуирована в Дагестан на кораблях и судах белогвардейской Каспийской военной флотилии. Лишь 214 человек во главе с войсковым атаманом генералом В.С. Толстовым решили пробиваться на юг, в Иран. Персидскую границу суждено было пересечь лишь половине из них¹².

Такой самоубийственный выбор сделали уральские казаки, проявив твердое нежелание примириться с новой властью в своем Отечестве. Кровопролитная война, жесточайший террор властей, переросший, по сути, в геноцид, привел в итоге к гибели до трех четвертей казачьего населения, включая стариков, женщин, детей¹³.

Paderin A.A. Cossacks in the Civil War: peculiarities of the Ural Cossack host's participation.

Summary: *This article is about the Cossacks' participation in the Civil War, which ended 90 years ago. The author focuses on the Ural Cossack host, which represented a unique socio-economic phenomenon. In the article we can see that weighty objective reasons were impelled the Ural Cossacks to an uncompromising armed opposition with the Soviet power: their economic, political and moral values were incompatible with those rules, which the power inculcated by compulsion.*

Ключевые слова

Гражданская война, участие в ней казаков, Уральское казачье войско, причины его массового антисоветизма.

Keywords

Civil War, Cossacks in the Civil War, Ural Cossack host, reasons of the Cossacks' anti-Sovietism.

Примечания

1. См.: Военная Энциклопедия: в 8 томах. Т.3. М.: Воениздат, 1995. С.452.
2. Нарочницкая Н.А. За что и с кем мы воевали / 65 лет Великой Победы: в 6 т. / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, акад. А.В.Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО - Университет, 2010. Т. 5: Утраченные перспективы. С. 61.
3. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. С. 222 – 224.
4. См.: Военная Энциклопедия: в 8 томах. Т.4.: М.: Воениздат, 1999. С. 109.
5. См. : Шишов А.В. Казачьи войска России: от вольных казаков до Резервного казачьего войска. История и боевая летопись. М., 2004. С. 184.
6. См.: Иванов А.В. Уральское казачество в Гражданской войне: проблема политического выбора // Материалы научно-практической конференции «Гражданская война на Урале» (к 90-летию окончания Гражданской войны в России) 1-2 ноября 2012 года г. Верхотурье. Екатеринбург, 2012. С. 81.
7. См.: Иванов А.В. Указ. соч. С. 79 – 82.
8. Гунгер Ю.В. 11-й Оренбургский казачий полк: июнь — декабрь 1918 года //VIII региональная научно-практическая конференция «Походяшинские чтения». Посвящена 90-летию Верхотурского музея. Доклады и сообщения. Верхотурье, 2 - 3 ноября 2011 года. Екатеринбург, 2012. С. 19.
9. Там же. С. 26.
10. См.: Военная Энциклопедия: в 8 томах. Т.4.: М.: Воениздат, 1999. С. 111.
11. См.: Фокин Н.И. Финал трагедии. Уральские казаки в XX веке. М., 1996. С. 185.
12. См.: Фокин Н.И. Указ. соч. С. 249, 254 – 255.
13. См.: Дубовиков А.М. Уральское казачество в системе казачьих войск дореволюционной России // Отечественная история. 2005. №1. С.124.

Отношения Молдавии и ЕС в 1998 – 2012 гг.

В.Б. Кириллов, И.С. Путинцев

В статье рассматриваются отношения Молдавии и ЕС на современном этапе. Анализируются как причины расширения сотрудничества Молдавии и ЕС в последние годы, так и те сложности, с которыми может столкнуться дальнейшее развитие отношений между ними. Описывается влияние отношений с ЕС на перспективы участия Молдавии в интеграционных процессах на постсоветском пространстве.

Отношения Молдавии и ЕС имеют недолгую историю развития. В 1990-х гг. они находились на периферии внимания политических элит и общественного мнения. Однако в 2000-х гг. эти отношения стали доминирующей темой не только во внешней, но и во внутренней политике Молдавии.

Молдавия, как и Украина, находится на перекрестке интересов участников крупных интеграционных проектов – европейского и евразийского. Расширение ЕС на восток, «цветные революции» на постсоветском пространстве, сложности в отношениях России и Украины создали в середине 2000-х гг. необходимые условия для усиления интереса Молдавии к европейскому интеграционному проекту. В начале 2010-х гг. региональная обстановка в значительной степени изменилась, однако структура внешнеполитических приоритетов Кишинева осталась прежней.

Воспринимая ЕС как наиболее влиятельную внешнюю силу, политический класс Молдавии после 2003 г. считал приоритетом отношения с ЕС, а не взаимодействие в рамках СНГ. Те политические силы Молдавии, которые при определенных обстоятельствах могли бы способствовать продвижению интеграции на пространстве СНГ, опасаются по-

ставить под вопрос перспективы своих отношений с ЕС. Примерами могут служить действия Партии коммунистов Республики Молдова (ПКРМ) в ноябре 2003 г. и Демократической партии Молдавии (ДПМ) в декабре 2010 г., когда противодействие западных стран привело к отказу этих партий от запланированных шагов по сближению с Россией.

Преимущественная ориентация Молдавии на ЕС может объясняться многими факторами, в том числе активизацией политики ЕС в отношении Молдавии, возросшей зависимостью молдавского политического класса от ЕС, неучастием Украины в евразийских интеграционных структурах и др. Все эти политические факторы сдерживают интерес Молдавии к процессам интеграции на евразийском пространстве. Однако представление об условиях, в которых осуществляется внешняя политика Кишинева, было бы неполным без учета социологических данных, представляющих ситуацию в несколько ином свете.

Опросы общественного мнения стабильно показывают, что большинство граждан хотели бы видеть в роли основного стратегического партнера Молдавии Россию, а не ЕС (52% против 21% в апреле 2008 г., 57% против 24% в мае 2012 г.)¹. Несмотря на то что большинство населения страны выступа-

Кириллов Виктор Борисович – к.и.н., профессор кафедры истории и политики Европы и Америки, проректор по учебной работе МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Путинцев Игорь Сергеевич – магистрант по направлению «Зарубежное регионоведение» МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

ет за вступление в ЕС (76 % в ноябре 2006 г., 52 % в мае 2012 г.), сценарий вступления в Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана пользуется в последнее время не меньшей общественной поддержкой (57% в мае 2012 г.). А при необходимости выбора между различными интеграционными проектами в мае 2012 г. 38% населения поддержали бы вступление в Таможенный союз и 35% – в ЕС.

Характер внешнеполитических предпочтений населения Молдавии свидетельствует о том, что курс на приоритетное развитие отношений с ЕС не является настолько предопределенным, как его представляет действующее руководство страны – парламентская коалиция «Альянс за европейскую интеграцию» (АЕИ). Несмотря на то что за последние десять лет влияние ЕС на политику Молдавии существенно возросло, этот внешнеполитический курс не является безальтернативным и не лишен проблем и противоречий.

В 1990-х гг. отношения с ЕС не воспринимались в Молдавии как приоритетное направление внешней политики. Приоритет по причинам как политического, так и экономического характера отдавался сотрудничеству в рамках СНГ, устав которого Молдавия ратифицировала в июне 1994 г. В отношениях со странами Запада ключевым было взаимодействие с отдельными странами-членами ЕС и международными финансовыми институтами.

Отсылки к ЕС практически нет в правительственных программах Молдавии вплоть до 1998 г., когда отношения с Евросоюзом были впервые заявлены в роли стратегического приоритета при втором правительстве И. Чубука (1998 – 1999 гг.) и правительстве И. Стурзы (1999 г.)². Однако последовавшее за ними правительство Д. Брагиша (1999 – 2001 гг.) пересмотрело курс на акцентирование отношений с ЕС, вернувшись к линии на приоритетное сотрудничество в рамках СНГ.

Одной из главных, хотя и не единственной, причиной усиления проевропейского вектора в молдавской политике в 1998 – 1999 гг. было негативное влияние российского дефолта 1998 г., ослабившего позиции и мотивацию сторонников преимущественной ориентации на страны СНГ. В свою очередь, корректировка нового курса при Д. Брагише была вызвана главным образом стремлением стабилизировать ситуацию в энергетической сфере после кризиса неплатежей за российский природный газ в 1999 г.

Об усилении внимания западных стран к Молдавии в начале 2000-х гг. свидетельствовало то, что в 2001 г. Молдавия была принята в ВТО, а также в число участников Пакта сотрудничества для Юго-Восточной Европы. Несмотря на то что присоединение Молдавии к пакту осуществлялось с оговорками (в частности, Кишинев обязался не затрагивать тему приднестровского конфликта при реализации соглашения³), этот шаг свидетельствовал о том, что страны Запада оставляли за собой возможность расширительного толкования региональных границ Юго-Восточной Европы и более «плотного» включения Молдавии в процессы

многостороннего взаимодействия в рамках этого региона, который, в отличие от стран СНГ, уже воспринимался на Западе как сфера своего преимущественного влияния.

Нахождение у власти в Молдавии Партии коммунистов (ПКРМ) в 2001 – 2009 гг. стало временем заметной трансформации как отношений Молдавии и ЕС, так и их восприятия внутри страны. Усиление влияния ЕС на политический класс Молдавии выглядело особенно показательным с учетом радикальной смены внешнеполитических приоритетов ПКРМ после 2003 г.

Партия, которая на выборах 2001 г. одержала победу под лозунгами вступления в Союз России и Белоруссии и придания русскому языку статуса второго государственного, в 2005 г. настолько демонстративно провозгласила курс на европейскую интеграцию, что ее внешнеполитическая программа стала практически неотличимой от программы правой оппозиции (кроме ее радикального панрумынского крыла).

Причины этого кроются как в объективных, так и в субъективных факторах, причем первые объясняют логику действий руководства ПКРМ, а вторые – ту форму, в которую в 2004 – 2006 гг. была облечена смена внешнеполитического курса.

Объективными факторами стало влияние расширения ЕС и серии «цветных революций» на пространстве СНГ. Волны расширения ЕС в 2004 и 2007 гг. обозначили превращение ЕС в регионального соседа Молдавии и вызвали повышение интереса европейских структур к ситуации в стране. Влияние «цветных революций» проявилось как в опасениях молдавских властей подвергнуться сочетанию внутреннего и внешнего давления по грузинскому или украинскому сценарию, так и в возникшем ощущении «отрыва» от России после смены власти на Украине. Имея опыт активизации протестной активности оппозиции в 2002 и 2003 гг. и осознавая уязвимость своего политического имиджа в восприятии западных стран, руководство ПКРМ восприняло события в Грузии и на Украине как повод для резкой переориентации своей внешней политики на ЕС.

Субъективным фактором стало охлаждение в российско-молдавских отношениях, связанное с той формой, в которой молдавская сторона в ноябре 2003 г. отказалась от подписания меморандума об урегулировании приднестровского конфликта («плана Козака»), предварительно согласованного на высшем уровне. Последовавшее ухудшение двусторонних отношений, достигшее пика в 2006 г., развивалось как серия демонстративных жестов с обеих сторон и в конечном счете не отвечало государственным интересам ни России, ни Молдавии (на что указывает быстрая нормализация отношений в 2007 – 2009 гг.). Неожиданная для многих ссора Москвы и Кишинева придавала дополнительный импульс для резкой переориентации Молдавии на ЕС.

Еще одним фактором, повлиявшим на сближение Молдавии и ЕС, стали электоральные соображения молдавских политиков, отражавшие

■ Международные отношения

изменения в характере общественного восприятия европейской интеграции. Если в ноябре 1997 г. в поддержку вступления Молдавии в ЕС выступали лишь 32% населения⁴, то к ноябрю 2003 г. число сторонников этого сценария выросло до 68%. В этих условиях как находящиеся у власти, так и оппозиционные политики стали более активно использовать тему отношений с ЕС в своей предвыборной риторике. В конечном счете широкое распространение еврооптимизма среди населения предоставило ЕС существенные рычаги влияния на внутривнутриполитическую ситуацию в Молдавии⁵.

Действие всех перечисленных факторов привело к активизации отношений Молдавии и ЕС в 2005 г. и достижению целой серии договоренностей:

- был подписан индивидуальный План действий ЕС – Молдавия;
- учреждена должность спецпредставителя ЕС по Молдавии и произведен обмен дипломатическими миссиями;
- основана пограничная миссия EUBAM (Миссия ЕС по приграничной помощи Молдавии и Украине);
- согласовано предоставление ЕС роли наблюдателя в рамках нового переговорного формата по урегулированию приднестровского конфликта – формата «5+2».

В 2006 – 2008 гг. со стороны ЕС последовал и ряд других шагов:

- предоставление Молдавии тарифных преференций «GSP+» и ряда дополнительных торговых преференций;
- облегчение визового режима;
- открытие единого центра выдачи виз в Кишиневе.

Президент Молдавии В. Воронин и руководство ПКРМ активно использовали сближение с ЕС во внутривнутриполитических целях. Подписание плана действий с ЕС в феврале 2005 г., предшествовавшее парламентским выборам в марте, свидетельствовало об одобрении со стороны ЕС нового политического курса молдавской компартии, что лишало оппозицию возможности рассчитывать на применение «оранжевого сценария». После выборов, на которых ПКРМ вновь одержала победу, но не получила достаточного количества депутатских мандатов для избрания президента, власти стали продвигать идею «национального консенсуса» политических сил страны на базе сближения с ЕС и европейской интеграции. Эта идея легла в основу Декларации парламента Молдавии о политическом партнерстве в реализации задач европейской интеграции от 24 марта 2005 г., одобренной всеми парламентскими партиями. Принятие декларации послужило формальным поводом для ряда оппозиционных депутатов проголосовать за избрание В. Воронина президентом на второй срок.

Необычность сложившейся ситуации во внутривнутриполитическом плане состояла в том, что молдавский политический класс, для которого характерна высокая степень поляризации и раздробленность партийного поля, по вопросу об отношениях с ЕС продемонстрировал нехарактерное

для него единодушие. Как следствие, у многих наблюдателей возникло представление о том, что идея европейской интеграции может стать базой для «национального консенсуса», будучи единственной темой, объединяющей во взглядах молдавских государственных, центристов и панрумынских унионистов.

По-видимому, руководство компартии рассчитывало, что идея «национального консенсуса» обеспечит ПКРМ устойчивое лидерство в политической системе, закрепив за партией роль основного партнера ЕС на молдавском внутривнутриполитическом поле. Однако расчеты на то, что в ЕС признают за ПКРМ роль своего «привилегированного» партнера, не оправдались. В условиях, когда проевропейская риторика была характерна не только для правящей партии, но и для оппозиции, ЕС не было смысла делать ставку лишь на одну политическую силу и учитывать интересы ПКРМ при выстраивании связей с другими внутривнутриполитическими игроками.

Как следствие, если в 2005 г. политика «национального консенсуса» усилила позиции ПКРМ, то в дальнейшем она привела к возникновению ряда проблем:

- во-первых, это усиливало зависимость руководства страны от политики ЕС;
- во-вторых, возросла потребность в нормализации отношений с Россией как по экономическим, так и по электоральным соображениям;
- в-третьих, руководство Молдавии подвергалось постоянной критике в ЕС за попытки ограничить влияние неправительственных структур унионистского толка;
- в-четвертых, с 2007 г. членом ЕС стала Румыния, руководство которой крайне негативно относилось к перспективам сохранения ПКРМ у власти;
- в-пятых, неудачные попытки усилить экономическое и политическое давление на Приднестровье в 2005 – 2006 гг. вызвали откат назад в переговорном процессе.

Эти причины привели к нормализации отношений с Россией в 2007 – 2009 гг., в рамках которой состоялось и возобновление прямого диалога с Россией и Приднестровьем по тематике приднестровского конфликта. Таким образом, к 2009 г. внешняя политика Молдавии начала приобретать некоторые признаки многовекторности, что не соответствовало интересам ЕС. В свою очередь, в среде молдавской оппозиции усилились позиции сил, которые воспринимали «национальный консенсус» в узком (внешнеполитическом) смысле, не связанном с необходимостью и в дальнейшем поддерживать парламентскую деятельность ПКРМ как крупнейшей из партий, провозгласивших курс на сближение с ЕС. Традиционная для Молдавии поляризация политических сил вновь проявилась на местных выборах 2007 г., что стало фактическим концом «политического консенсуса»⁶, а в 2009 г. углубление противоречий привело к полномасштабному политическому кризису.

Кризис 2009 г. во многом был обусловлен тем, что в период второго президентского срока В. Во-

ронина (2005 – 2009 гг.) возросли политические амбиции молдавского крупного бизнеса⁷, объединенного вокруг таких фигур, как В. Филат, С. Урекян и позднее – В. Плахотнюк. Также усилилась активность унионистских сил, практически открыто поддерживаемых президентом Румынии Т. Бэеску. В этом контексте события 2009 г. представляли собой перехват власти центристскими политическими партиями, объединенными вокруг бизнес-интересов их лидеров, рассчитывавших на поддержку в ЕС, в союзе с радикальными унионистами, исполнившими роль «штурмовой пехоты» во время беспорядков в Кишиневе в апреле 2009 г.

Приход к власти «Альянса за европейскую интеграцию» (АЕИ) в сентябре 2009 г. создал новую ситуацию в отношениях Молдавии и ЕС. Несмотря на то что отношения с ЕС и ранее (после 2003 г.) были основным приоритетом властей Молдавии, смена власти в 2009 г. означала отказ от попыток сбалансировать возрастающую зависимость Молдавии от ЕС, предпринимавшихся в 2007 – 2009 гг. Политика ЕС после 2009 г. лишь подтвердила предположения о том, что в ЕС изначально воспринимали ПКРМ как вынужденного партнера и не исключали значительного расширения сотрудничества в случае прихода к власти центристских партий.

Во-первых, об этом свидетельствовала реакция ЕС на беспорядки в Кишиневе по итогам парламентских выборов в апреле 2009 г. Несмотря на то что протестующие действовали крайне агрессивно, разграбив резиденции президента и парламента, руководство Молдавии подверглось критике ЕС за весьма осторожные действия по пресечению беспорядков. Это контрастировало, например, с намного более сдержанной реакцией на жесткий разгон оппозиционных митингов в Грузии в ноябре 2007 г. Показательно и то, что выборы в апреле 2009 г., по итогам их проведения получившие положительные оценки международных наблюдателей (что было отражено в предварительных выводах миссии ОБСЕ⁸), впоследствии определялись в официальных документах ЕС как прошедшие с нарушениями⁹.

Во-вторых, произошло резкое увеличение финансовой поддержки властей Молдавии: если за весь период 1991 – 2009 гг. ЕС осуществил программы финансовой поддержки Молдавии на сумму 270 млн евро, то на период 2010 – 2013 гг. планируется выделение на аналогичные цели 550 млн евро¹⁰. Одновременно существенно усилилась поддержка Молдавии по линии отдельных западных стран и организаций – МВФ, США и Румынии. На период до 2013 г. ими в общей сложности (совместно с программами ЕС) запланировано выделение более 2,6 млрд долл., из которых половина (52%) – на безвозмездной основе¹¹. Эта сумма эквивалентна 45% ВВП Молдавии по состоянию на 2010 г. и сопоставима, таким образом, с объемом внешней поддержки Грузии по итогам войны 2008 г., составившей 4,55 млрд долл. на период 2008 – 2010 гг. (36% ВВП, по данным 2008 г.).

В-третьих, партии, входящие в АЕИ, не подвергались критике Брюсселя за ряд политических

действий, сомнительных с правовой точки зрения. Примеров подобных действий немало:

- грубые нарушения процедуры избрания президента страны в ноябре 2011 г. – феврале 2012 г.;
- подписание секретного (преданного огласке) соглашения о разделе по партийному признаку государственных должностей, замещение которых не может осуществляться на партийной основе;
- политически мотивированное смещение с должности председателя Конституционного суда;
- запрет на вещание главного оппозиционного телеканала «NTT»;
- неоднозначные действия ЦИК на выборах мэра Кишинева в 2011 г.;
- запрет коммунистической символики, выступающей в Молдавии и как символика ПКРМ – крупнейшей оппозиционной партии, и др.

Игнорирование подобных действий резко контрастирует с повышенным вниманием, которое уделялось вопросу верховенства права в Молдавии в 2001 – 2009 гг.

В-четвертых, после 2009 г. активизировались непосредственные политические контакты руководства Молдавии с правящей элитой западных стран. Одно из внешних проявлений активизации контактов состояло в том, что Молдавию за непродолжительный срок посетили сразу несколько западных политиков первой величины, в числе которых канцлер Германии А. Меркель, председатель Евросовета и Еврокомиссии Х. ван Ромпей и Х.-М. Баррозу, а также вице-президент США Дж. Байден. Усилился также интерес к Молдавии стран Восточной Европы: помимо традиционно активной Румынии, свою политику также активизировали Польша и Венгрия. Интерес Польши основан на лидерских амбициях в рамках реализации программы «Восточное партнерство», а интерес Венгрии – на желании сбалансировать попытки Румынии усилить свое влияние в Молдавии¹².

То, что Молдавия выступает крупнейшим получателем финансовой помощи ЕС и западных стран на пространстве СНГ в пересчете на душу населения (за исключением Грузии), нуждается в отдельной интерпретации. Основную роль в этом вопросе, по-видимому, имеет встраивание политики европейских стран в отношении Молдавии в контекст интересов ЕС на Украине. Вступление Украины в ЕС представляется невозможным по объективным причинам, однако официальное признание этого факта со стороны Брюсселя и европейских столиц также не может произойти. Поэтому отношения с Молдавией могут восприниматься в ЕС как показательный пример для Украины: на примере Кишинева могут проходить «обкатку» различные формы привилегированного сотрудничества с ЕС, призванные показать властям и населению Украины плюсы ориентации на Брюссель. Небольшие размеры Молдавии, степень ее географической близости позволяют ЕС в большей степени учитывать политические, а не экономические соображения в таких вопросах, как объемы реализуемых финансовых программ, торговый и миграционный режимы и т.п. Интересна и анало-

■ Международные отношения

гия политики ЕС в отношении Молдавии с политикой США в отношении Грузии: у ЕС, как и у США, есть желание иметь на постсоветском пространстве «ведомого» партнера, отношения с которым гарантированно встраивались бы в логику отношений с соседними более крупными странами.

Важным фактором является курс Молдавии на сближение с ЕС в правовой сфере. В качестве одного из основных условий, выдвигаемых ЕС на переговорах по заключению новых соглашений с Молдавией (о зоне свободной торговли, об ассоциации и о либерализации визового режима), выступает обязательство Молдавии сблизить свои правовые нормы с нормами ЕС. По некоторым оценкам, предполагается принятие более 20 тыс. правовых норм, из которых около 10 тыс. уже были приняты и вступили в силу. Это создает политико-правовые сложности для перспектив участия Молдавии в интеграционных структурах на постсоветском пространстве, поскольку изменения в законодательной базе способствуют закреплению приоритета европейской интеграции во внешней политике страны. В этих условиях даже изменение региональной обстановки или смена власти в Молдавии могут оказаться недостаточными факторами для пересмотра структуры внешнеполитических приоритетов страны.

Частью политики ЕС в отношении Молдавии являются меры по вовлечению Приднестровья в сферу действия реализуемых в стране программ финансовой поддержки. Практическим шагом в этом направлении стало создание еврорегиона «Днестр» в составе Винницкой области Украины, шести районов Молдавии и двух районов Приднестровья (Каменского и Рыбницкого).

Еврорегион «Днестр» стал уже четвертым проектом подобного рода, реализуемым на территории Молдавии: в 1998 г. были созданы первые еврорегионы «Северный Прут», «Сирет – Прут – Днестр» и «Нижний Дунай». Основным отличием нового еврорегиона от предыдущих проектов стало включение Приднестровья в состав его территориальной структуры. Причем вопрос о его особом статусе и границах обходился стороной, а территория Молдавии рассматривалась как единое целое. Планы по созданию еврорегиона «Днестр» обсуждались с 2008 г., однако политический кризис в Молдавии и отсутствие явной поддержки проекта со стороны президента Приднестровья И.Н. Смирнова отсрочили заключение соответствующего соглашения до февраля 2012 г., которому непосредственно предшествовала смена власти в Приднестровье.

На цели сближения двух берегов Днестра ЕС в 2011 г. запланировал выделение 12 млн евро. В качестве конкретных задач называются «стимулирование внутренней сплоченности Республики Молдова» и открытие центров поддержки малого бизнеса (так называемых бизнес-инкубаторов) в Тирасполе, Бендерах и Рыбнице с целью «способствовать созданию предпринимательских сетей, охватывающих всю территорию Республики Молдова»¹³. По оценочным данным, в 2007 – 2011 гг. ЕС предоставил производителям и бизнес-структурам

Приднестровья торговых преференций на сумму 40 млн евро. Предполагается также привлечение местных выборных органов власти к участию в программах ЕС.

На всю территорию Молдавии, включая Приднестровье, распространяется действие таких программ ЕС, рассчитанных на 2007 – 2013 гг., как программа приграничного сотрудничества Румынии, Украины и Молдавии с общим бюджетом 126,7 млн евро и аналогичные программы для стран Черноморского бассейна (17,3 млн евро) и Юго-Восточной Европы (2 млн евро). По-видимому, распространение действия финансовых программ ЕС на Приднестровье является попыткой создать альтернативу российской экономической поддержке, оказываемой региону. Возможность привлечения к программам ЕС повышенного внимания общественности, отдельных групп населения и СМИ Приднестровья может стать фактором усиления влияния ЕС на политику властей Приднестровья и на ход урегулирования приднестровского конфликта.

Сдерживающим фактором для Брюсселя является то, что в настоящее время масштабы реализуемых в Приднестровье программ ЕС значительно уступают объему российской материальной помощи региону. Так, на 2013 г. запланировано выделение российской помощи в размере 3 млрд руб., а с учетом существующей модели отношений в газовой сфере реальный объем экономической поддержки Приднестровья значительно превышает его официальные размеры. ЕС может увеличить финансирование своих программ в будущем, но потенциал вовлечения Приднестровья в сферу их действия во многом зависит от готовности Тирасполя принять в них участие.

Существуют признаки того, что новое руководство Приднестровья выказывает в этом вопросе большую заинтересованность, чем в период президентства И.Н. Смирнова. Усиление активности ЕС в отношении Приднестровья происходит в условиях возобновления прямого диалога между Кишиневом и Тирасполем, что отражает возросший интерес ЕС к усилению своих позиций в процессе приднестровского урегулирования.

Разработка и реализация единого внешнеполитического курса ЕС в отношениях с Молдавией сталкивается тем не менее с рядом проблем. Первая группа проблем связана с ослаблением еврооптимизма молдавского населения. Открытая поддержка правящей коалиции в условиях поляризации политических сил вызывает разочарование в ЕС части населения: если в ноябре 2007 г. 76% населения выступали за членство в ЕС и 8% – против, то в мае 2010 г. эти показатели составили 61% и 18% соответственно, а в мае 2012 г. – 52% и 30%, то есть самый низкий и самый высокий проценты за последнее десятилетие. Иные факторы, которые могут способствовать снижению популярности ЕС, – это усталость части населения от ожидания членства в организации (эффект завышенных ожиданий) и усиление общественного внимания к кризисным социально-экономическим процессам внутри ЕС.

Вторая группа проблем – это накопление потенциала углубления межэтнических противоречий по вопросу внешнеполитической ориентации Молдавии. Если в середине 2000-х гг. вступление в ЕС поддерживалось большинством представителей этнических меньшинств, то в 2012 г. количество сторонников членства в ЕС превышало количество противников только среди представителей титульной национальности, в то время как за вступление в Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана выступало большинство как молдаван, так и представителей этнических меньшинств. Негативная для ЕС динамика вызвана тем, что в состав поддерживаемой Евросоюзом правящей коалиции входит и националистическая Либеральная партия, политическая деятельность которой вызывает резко негативную реакцию у национальных меньшинств.

Тревожным сигналом в этой связи стали события начала 2012 г., когда власти Молдавии попытались незаконным путем отменить конституционную процедуру выборов президента, что вызвало критику со стороны председателя Совета Европы и Венецианской комиссии СЕ, но не Еврокомиссии. Районы Молдавии с этнической спецификой (русскоязычные Бельцы, Гагаузская автономия и болгарская Тараклия) ответили на этот шаг отказом от подчинения правительству, что создало самый серьезный кризис в отношениях центра и регионов после 1992 г. и привело к отмене решения правящей коалиции. Реакция ЕС на эти события свидетельствует о недостаточном внимании к специфике этнополитических процессов в стране. Как следствие, в среде национальных меньшинств распространяется убежденность в том, что ЕС игнорирует их интересы.

Третья группа проблем связана с последствиями вступления Румынии в ЕС в 2007 г. и поиском оптимального соотношения интересов Евросоюза и Румынии на молдавском направлении. Ведущую роль в определении политики ЕС в отношении Молдавии традиционно играет Германия при поддержке Франции. На это указывал, в частности, формат переговоров по вопросу урегулирования приднестровского конфликта на саммите России, Франции и Германии в Довиле в октябре 2010 г. Германия еще в 1990-х гг. выдвинулась на первые позиции в контактах Молдавии со странами ЕС¹⁴ и является в настоящее время основным спонсором европейских программ финансовой помощи Молдавии.

В свою очередь, Румыния претендует на особую роль в определении политики ЕС на этом направлении и проводит внешнеполитический курс, во многих отношениях не согласованный с Брюсселем. Такие составные элементы этого курса, как представление Молдавии в роли «второго румынского государства», активная поддержка румынизации молдавских СМИ и культурно-образовательного пространства¹⁵, массовая паспортизация молдавского населения, не отвечают интересам ряда европейских стран:

– Германии – по вопросу о согласовании и конечных целях политики ЕС в отношении Молдавии;

– Италии и Испании – вследствие усилившегося внимания к проблеме трудовой миграции;

– Венгрии – в силу традиционного регионального соперничества с Румынией;

– Болгарии – вследствие отрицательного отношения болгарского меньшинства Молдавии к попыткам румынизации этнических процессов;

– непризнание Румынией молдавской национальной идентичности идет вразрез с принятыми в ЕС принципами этнической политики¹⁶.

Согласование общей политической линии в рамках ЕС в таких условиях является непростой задачей. Как следствие, предпринимаются отдельные попытки сбалансировать политику Бухареста. Так, румынские эксперты обращают внимание на тот факт, что при замещении должностей спецпредставителя ЕС по Молдавии и главы пограничной миссии EUBAM предпочтения неоднократно отдавались представителям Венгрии¹⁷. К настоящему времени удалось лишь снять серьезные противоречия по вопросу о заключении договора о молдавско-румынской границе. Под давлением Германии и Франции власти Румынии сняли первоначальные возражения и в октябре 2010 г. дали согласие на подписание договора. Очевидно, что совпадение этого события с визитом канцлера А. Меркель в Бухарест и последующим проведением саммита России, Франции и Германии в Довиле не является случайным и вписывается в контекст переговоров по урегулированию приднестровского конфликта.

Наконец, четвертой группой проблем, осложняющей перспективы закрепления Молдавии в политической орбите ЕС, является то, что внешнеэкономические связи Молдавии, как и прежде, не ориентированы преимущественно на рынок ЕС, а сохраняют ориентацию как на СНГ, так и на ЕС. Показательно, что существенная активизация политических связей с ЕС в 2004 – 2011 гг. не сопровождалась значительным усилением роли ЕС в структуре внешней торговли Молдавии. За указанный период доля экспорта в страны ЕС-27 в общей структуре молдавского экспорта выросла с 40,7 до 48,9%, а в страны постсоветского пространства (СНГ-12) – упала с 51 до 41,5%¹⁸.

Эти изменения не были постепенными и в основном стали следствием запрета на поставку в Россию молдавских вин, действовавшего в 2006 – 2007 гг. Таким образом, интересы ряда крупных молдавских производителей устойчиво связаны с рынками России и других стран СНГ, что имеет определенную проекцию и в политической сфере. Как справедливо отмечают некоторые молдавские эксперты, не следует переоценивать и ту роль, которую играет ориентация на ЕС для разрешения ключевых проблем, стоящих перед молдавским обществом¹⁹. Так, к настоящему времени не достигнуто серьезного улучшения ситуации по таким ключевым для Молдавии проблемам, как масштабы трудовой миграции, уровень благосостояния населения, качество инфраструктуры и т.п.

Сложной остается и ситуация в энергетической сфере. Присоединение Молдавии к «третьему энергopakету» ЕС в октябре 2011 г. выявило

■ Международные отношения

невозможность реализации ряда его положений на практике. И в октябре 2012 г. правительство Молдавии после переговоров с Россией приняло решение об отсрочке на четыре года (до 2020 г.) времени его вступления в силу на территории страны. Выполнение Молдавией обязательств по «третьему энергопакету» ЕС невозможно при сохранении существующей структуры газового рынка страны. Все составляющие газовых поставок в Молдавии осуществляются АО «Молдовагаз», основными акционерами которого являются ОАО «Газпром» (50% акций), правительство Молдавии (35,3%) и руководство Приднестровья (13,4%). Важные решения в компании принимаются решением не менее 90% голосов акционеров²⁰, поэтому планы молдавского правительства по реструктуризации компании не могут быть реализованы без согласия «Газпрома». Российская сторона официально озвучила свою позицию в ходе переговоров в октябре 2012 г., назвав одним из условий предоставления скидки на природный газ в размере 30% отказ Молдавии от обязательств, принятых перед ЕС в энергетической сфере в 2010 – 2011 гг.

Нельзя не отметить то, что, декларируя стремление к вступлению в ЕС, Молдавия, тем не менее, сохраняет членство в СНГ и связанные с этим преимущества, в том числе безвизовый режим с Россией. Вступление Молдавии в ЕС при сохранении членства в СНГ невозможно, однако большинство политических лидеров игнорируют это противоречие, не указывая на возможность выхода страны из состава СНГ. Это объясняется экономическими и электоральными соображениями молдавских политиков. Россия является главным центром притяжения молдавской трудовой миграции, крупнейшим импортером молдавской винодельческой и продовольственной продукции, безальтернативным поставщиком энергоресурсов и основным посредником в переговорном процессе по урегулированию приднестровского конфликта. В этих условиях сохранение членства в СНГ всегда пользовалось соизмеримой общественной поддержкой со сценарием вступления в ЕС: большинство населения не видит в этом того противоречия, которое стало бы неизбежным на практике.

Подводя итог, необходимо отметить, что отношения с ЕС, заявленные как основной внешнеполитический приоритет Молдавии, находятся в центре внимания молдавского политического

класса. В стране тем не менее существует ряд предпосылок, которые в определенных внешних обстоятельствах могут привести к активизации участия Кишинева в интеграционных проектах на постсоветском пространстве. Внешними обстоятельствами для реализации этого сценария могли бы стать вступление Украины в Таможенный союз или более глубокое, чем ожидалось, развитие долгового кризиса в ЕС. С учетом того, что политика сближения Молдавии и ЕС сталкивается с рядом проблем и противоречий, появление этих обстоятельств может вызвать изменения в структуре внешнеполитических приоритетов Молдавии.

В том случае, если указанные внешние обстоятельства не возникнут, то в восприятии молдавских политиков ЕС, по-видимому, сохранит свои конкурентные преимущества по сравнению с Таможенным союзом в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Со стороны ЕС и действующего руководства Молдавии прилагается немало усилий и для закрепления этой ситуации на долгосрочную перспективу. В настоящее время в Молдавии нет влиятельных политических сил, последовательно выступающих за приоритет интеграции на постсоветском пространстве. Возможности для маневра в отношениях с Россией становятся все более ограниченными по мере усиления привязки Молдавии к ЕС в таких вопросах, как внешнее финансирование и правовое сближение. В этой связи неременным условием для сохранения российских позиций в отношениях с Молдавией является проведение более последовательного, системного политического курса, ориентированного на долгосрочные цели – сохранение и активизацию участия Молдавии в интеграционных структурах на постсоветском пространстве.

Kirillov V.B., Putintsev I.S. The Relations Between Moldova and the EU in 1998 – 2012.

Summary: The article reviews the relations between Moldova and the EU at the current stage. Reasons for the strengthening of cooperation between Moldova and the EU in these years are being analyzed, as well as the problems that further development of cooperation can face. It is described how relations with the EU influence the prospects of Moldova's participation in the integration process in the post-Soviet space.

Ключевые слова

Молдавия, Европейский союз, Россия, Приднестровье, Таможенный союз, еврорегионы, Альянс за европейскую интеграцию (АЕИ), Партия коммунистов Республики Молдова (ПКРМ).

Keywords

Moldova, European Union, Russia, Transdnistria, Customs Union, euroregions, Alliance for European Integration (AEI), Party of Communists of the Republic of Moldova (PCRM).

Примечания

1. Здесь и далее по тексту (кроме описания ситуации в 1990-х гг.) используются данные социологических опросов, регулярно проводимых после 2001 г. кишиневским Институтом публичной политики и публикуемых под названием «Барометр общественного мнения» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ipp.md/lib.php?l=ro&idc=156>
2. Барбэ А. Евроинтеграция как национальная идея Республики Молдова // *Revista de istorie a Moldovei*. – 2008. № 3 (75). С. 96.
3. Попеску Н. Молдова между Юго-Восточной Европой и Содружеством Независимых Государств. // 10 лет СНГ – поиски, потери, приобретения / Под ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина; Центр постсоветских исследований МГИМО(У) МИД России. М.: Изд-во ВолГУ, 2001. С. 216.
4. Gudim A. Uniunea Europeană și Republica Moldova ca parteneri. – Chișinău: TACIS, 2002. P. 2.
5. Kennedy, R. Moldova. // *The Colour Revolutions in the Former Soviet Republics: Successes and Failures*. / Ed. by D. Ó Beacháin and A. Polese. – N. Y.: Routledge, 2010. P. 78.
6. Varzari P., Tăbârță I. Evoluția statului Republica Moldova prin prisma funcționalității elitei politice și a societății civile. // *Revista de filozofie, sociologie și științe politice*. – 2011. – № 1. P. 76.
7. Боцан И. Партии и демократизация Республики Молдова // *Правление и демократия*. 2008. № 1. С. 42.
8. Statement on Preliminary Findings and Conclusions. / International Election Observation Mission (Parliamentary Election, Republic of Moldova – 5 April 2009). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.osce.org/odihr/50781>
9. Republic of Moldova National Indicative Programme 2011 – 2013. / European Neighbourhood and Partnership Instrument. P. 14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/country/2011_enp_nip_moldova_en.pdf
10. Девятков А. В. Молдова на перекрёстке отношений России и ЕС // *Актуальные проблемы Европы*. 2011. № 2. С. 190.
11. Cairanean N., Veverita E., Veverita P. The Impact of the Global Financial Crisis in the Economies of the Former Soviet Union – the Case of Moldova. / CASE Network Reports No. 99. – Warsaw: Center for Social and Economic Research, 2011. P. 66.
12. Габор Д. Венгрия и Молдавия в 1991 – 2011 гг. Интересы Венгрии: теория и практика // *Revista moldovenească de drept internațional și relații internaționale*. – 2011. – № 4. P. 142 – 143.
13. Annex 2: Action Fiche for the Republic of Moldova – AAP 2011. / European Commission Implementing Decision of 13/07/2011. P. 10, 14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/europeaid/documents/aap/2011/af_aap_2011_mda.pdf
14. Воробьёва Л. М. Взаимоотношения Евросоюза и Республики Молдовы // *Молдавия: современные тенденции развития* / Под ред. Е. М. Кожокина; РИСИ. М.: РОССПЭН, 2004. С. 160 – 163.
15. Ciobu E. Apariția și dezvoltarea statului Republica Moldova: probleme și perspective ale identității. // *Revista moldovenească de drept internațional și relații internaționale*. – 2011. – № 4. P. 133.
16. Галущенко О. С. Динамика численности и ареал расселения молдаван в конце XIX – начале XXI века // *Revista de etnologie și culturologie*. – 2008. – Vol. IV. P. 147.
17. Dungaci D. Cine sîntem noi? Cronici de la Est de Vest. – Chișinău: Cartier, 2009. P. 166.
18. По данным Национального бюро статистики Молдавии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.statistica.md/>
19. Burian A. Geopolitical Transformations in the South-East Europe and Institutional Reforms in the Republic of Moldova. // *Revista moldovenească de drept internațional și relații internaționale*. – 2007. – № 1 – 2. P. 52.
20. Молдова на распутье? // *Газовый бизнес*. Сентябрь 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gb2012.ru/?p=3600>

Грузинское направление внешней политики России: негативный сценарий

А.А. Сушенцов

Адаптация системы оценки национальных интересов Российской Федерации по участию в международных конфликтах низкой интенсивности и конфликтах асимметричного типа особенно актуальна применительно к политике России на пространстве Южного Кавказа. Смена правящей элиты в Грузии расширяет пространство для диалога с Тбилиси, однако основная тенденция внешнеполитической ориентации Грузии на евроатлантическую интеграцию, судя по всему, останется неизменной. В силу того, что «политическое наследие» правительства Саакашвили продолжает оказывать влияние на грузинскую политику, разумно обратиться к вопросу о возможной стратегии не прямых действий Москвы по завоеванию симпатий грузинского общества и торможению «атлантической» тенденции «снизу».

На протяжении девяти лет пребывания у власти правительство М. Саакашвили проводило в Грузии радикальный модернизационный эксперимент на основе либертарианского понимания роли государства в экономике страны. При этом участие государства в организации жизни общества многократно возросло. Стремясь к глубокому преобразованию основ государства и общества Грузии, «модернизаторы» стремились создать условия, в которых их власть не оспаривалась бы оппозицией. Для реализации этой задачи грузинской элитой была выбрана стратегия «отбрасывания советского наследия». Лозунг «что угодно, только не Россия» находил поддержку среди образованного населения крупных городов и на определенное время стал символом государственной политики при нейтральной реакции сельского населения. Иссякание ресурса международной поддержки режиму Саакашвили вкупе с возрастанiem недовольства широких масс населения стагниру-

ющим уровнем доходов стимулировало процесс пересмотра ключевой идеи последних лет политической жизни Грузии и прихода к власти оппозиционной коалиции «Грузинская мечта».

На протяжении последних 20 лет в Грузии постоянно репродуцировались основные черты политической системы, ключевой из которых следует назвать приверженность политическому радикализму. Специфика модернизационного эксперимента правительства М. Саакашвили состояла в полном подчинении правительству всех ветвей власти де-факто. По распространному среди грузинских аналитиков мнению, после «революции роз» в Грузии происходила «авторитарная модернизация»¹.

В правление Саакашвили либертарианские мотивы в экономической политике страны сочетались с жестким контролем исполнительной власти над инициативами в сфере социальной и культурной жизни Грузии. Социокультурный эксперимент по воспитанию следующего

Сушенцов Андрей Андреевич – к.полит.н., преподаватель кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО(У) МИД России. E-mail: asushentsov@yandex.ru

Статья подготовлена при выполнении ПНИР по теме «Психология международного конфликта: национальные модели конфликтного поведения (на примере Российской Федерации)», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Государственный контракт № 16.740.11.0697 от 08 июня 2011 г.).

поколения грузин «свободными», то есть носителями западных ценностей и антироссийских убеждений, побуждало правительство проводить масштабную антироссийскую кампанию. Консолидации части общества вокруг западных ценностей способствовало укоренившееся представление об антигрузинском характере вовлеченности России в конфликты в Южной Осетии и Абхазии. Поэтому среди сторонников «Единого национального движения» (ЕНД) было распространено убеждение в том, что «Грузии повезло с внешними врагами».

Заметной чертой правительства ЕНД был его намеренный разрыв с традицией государственной власти в Грузии и на Кавказе в целом. В кабинете министров не было чиновников старше президента Саакашвили. Большинство членов правительства было социализировано в контексте западных ценностей – их учеба или значительная часть профессиональной биографии проходили за рубежом. Сугубый прагматизм и нацеленность на результат они противопоставляли традиционной грузинской созерцательности². Высокая самооценка элиты вокруг Саакашвили строилась на идеологической солидарности и высоком командном духе. Деятели «Единого национального движения» без стеснения хвалились тем, что их правительство «компактное, мобильное и в отдельных вопросах очень искусное»³.

Формированию этой общности также способствовали тенденции в сфере финансирования НКО в Грузии в 1990-х гг. До 1998 г. зарубежная финансовая помощь в объеме до 100 млн долл. со стороны иностранных государств и международных фондов ежегодно направлялась правительству Грузии. На рубеже 1998–1999 гг. на фоне разочарования Запада в президенте Э. Шеварднадзе приоритеты финансирования были изменены и взят курс на финансирование третьего сектора⁴. По наблюдениям активистов грузинских некоммерческих организаций в период с 1998 по 2003 г., все грузинские НКО финансировались из-за рубежа. В ходе смены власти в 2003 г. большинство специалистов перешло из НКО в правительство; одновременно изменились приоритеты иностранной финансовой помощи. Это привело к общему ослаблению третьего сектора в Грузии.

Одно из ключевых мест в структуре правительства «Единого национального движения» занимало Министерство по европейской и евроатлантической интеграции. По сути, это ведомство занималось адаптацией стандартов государственных реформ по образцу американской либеральной демократии для Грузии. Оно же было ответственно за выполнение полученного от менторов «домашнего задания». Именно оно зачастую вводило Запад в заблуждение, создавая видимость успеха на пути Грузии к демократии.

Инструментом в этом смысле выступает обладание правительством политической инициативой во внутренней политике и доминиро-

вание в информационном пространстве. Многие правительственные чиновники рассуждали как опытные в конкурентной политике политтехнологи: «200 – 300 человек создает общественное мнение по отдельному вопросу в Грузии», «в конце концов, главный вопрос – о восприятии».

По статистике, около 80% грузин получали информацию посредством ТВ, при этом все три главных телеканала контролировались правительством. Массированная пропагандистская кампания, основанная на полуправдивой информации, формировала высокий рейтинг поддержки обществом членства Грузии в НАТО, но не давала твердого понимания смысла и цели этого процесса⁵. По мнению оппозиционных политиков, правительство Саакашвили создало в сознании граждан «виртуальную Грузию»⁶.

Примитивная политика по «демонизации» образа России стала основой и приоритетом пропаганды во внешней и внутренней политике Грузии («одна проблема – Россия и Путин», «проекты Кремля – Окруашвили, Бурджанадзе, Жвания, Иванишвили» и др.)⁷. По ряду причин этот образ до сих пор хорошо принимался как внутри страны, так и в мире. Так, доверие граждан к антироссийской пропаганде правительства было следствием тех ограничительных мер России против правительства М. Саакашвили, от которых страдало наибольшее число грузин (визовый режим, закрытие рынков труда и с/х продукции). Однако, как показали события сентября 2012 г. вокруг Гданской тюрьмы, подобная неадекватная картина реальности приводит к завышенной самооценке, взвинченности ожиданий общества от власти и сильным колебаниям общественных настроений (в том числе международной общественности), связанных с неспособностью власти соответствовать этим ожиданиям.

Анализ публичных выступлений членов кабинета министров Грузии в правление М. Саакашвили позволяет сделать заключения о следующих характерных чертах их подхода к проблемам вне «атлантической» проблематики:

- глубокое недоверие к официальной политике России, вплоть до предубеждения: «В Грузии Россия проводит эксперимент по возвращению сфер влияния»;

- позиция РФ анализируется по косвенным признакам на основе умышленно или бессознательно искаженных фактов, при этом министры политических ведомств стремятся предложить собственные трактовки событий, выступая как ангажированные эксперты,

- в публичной риторике министров правительства велика доля самоуверенности, стремления верить в то, что неправдоподобно даже при самой благосклонной оценке: «Процесс вступления Грузии в НАТО необратим как со стороны Грузии, так и со стороны НАТО»;

- сознательно искаженное представление об истории Грузии и общей истории с Россией на основе перенесения на прошлое моделей сов-

■ Международные отношения

ременной либеральной демократии. Так, предлагается опустить вопрос о доле вины Грузии в развязывании конфликтов в Южной Осетии и Абхазии на том основании, что «отказываться от интеграции с Грузией неразумно со стороны Цхинвали и Сухуми».

Подобный некритичный подход заслонял от членов правительства истоки стоящих перед ними проблем и тем препятствовал их решению. Среди «трудных» для восприятия оставались следующие факты и процессы:

1. Социализация Грузии в современном европейском контексте исторически проходила путем заимствования из России.

2. Радикализм государственного эксперимента ЕНД и разрыв с традицией объективно ослабляли чувство региональной идентичности и кавказской общности у грузин, делая Грузию чужеродной для кавказских государств.

3. Глубина государственных преобразований не сопровождалась долгосрочным планированием приоритетов развития. Предельной либерализации всех сфер отдается предпочтение перед стратегическим планированием⁸. Складывающаяся модель «государственно-туристического бизнеса» способствовала размыванию остатков грузинского научного и промышленного потенциала.

4. Предвыборная ситуация осени 2012 г. с остротой указала на формирование раскола внутри образованной городской элиты относительно целей развития страны. Это побудило правительство Саакашвили работать на ослабление гражданского общества и третьего сектора, сокращая пространство реализации гражданских свобод.

5. Разрыв в ценностях между элитой и широкими слоями городского и сельского населения обострил противостояние городских элит. Занятое в сельском хозяйстве население страны (около 55%) не являлось приобретателями благ от экономической политики правительства; ВВП на душу населения в Грузии с 2003 года⁹ вырос незначительно.

Специфика грузинской внешней политики

Неадекватная оценка внешней среды и доступных для реализации внешнеполитических целей ресурсов ставила дипломатию Саакашвили в тупик. По сути, Грузия не имела различимых стратегических целей за исключением «европейской и евроатлантической интеграции». Есть основания полагать, что ослабление внешнего поощрения правительства со стороны Запада приведет к постепенному отходу Тбилиси от антироссийских позиций.

Заметно, что институционально государственная структура Грузии развернута в сторону Запада: в МИДе нет департамента по России, которая «растворена» в департаменте по делам СНГ. При словесной готовности к восстановлению дипотношений с Россией, и даже надежде

на это, грузинское руководство не понимало, как этого добиться. Отталкиваясь от тезиса о том, что «из России поступают противоречивые сигналы», правительство приходило к парадоксальному выводу о том, что «для упорядочения отношений с Россией требуется вступление в НАТО»¹⁰.

На фоне неудач на российском направлении главной заявленной целью политики Грузии в правление ЕНД оставалась «демократическая миссия» на Кавказе и в СНГ в целом. Так, стратегическое партнерство с Азербайджаном в МИД Грузии увязывали с тем, что на Западе якобы воспринимали Баку в «одном проекте» с Тбилиси. Таким образом, итоги евроатлантического процесса для Грузии – по мысли Тбилиси – могут быть в перспективе перенесены на Азербайджан.

Высокая зависимость оценок грузинской дипломатии от мнения западных партнеров делало позиции правительства уязвимыми. Особенно болезненно в ЕНД реагировали на невнимание со стороны Запада или прямую критику грузинских властей. На протяжении 22 месяцев после грузино-югоосетинского конфликта 2008 г. президента М. Саакашвили не принимали лидеры европейских государств. В контексте скандала вокруг Глданской тюрьмы неуспех сопутствовал усилиям администрации президента Грузии в организации двусторонних встреч с лидерами крупных иностранных держав в ходе заседания 67-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН¹¹. Эти и подобные неудачи действовали отрезвляюще на широкие круги в «Едином национальном движении» и оппозиции.

По сути, грузинская дипломатия потеряла главный навык – способность к ведению переговоров, ограничиваясь ролями просителя или скандалиста. Члены кабинета министров ЕНД уделяли необыкновенно большое внимание тому обстоятельству, что короткие американо-грузинские переговоры по второстепенному вопросу обычно проходили в духе «легкой светской беседы», что выгодно выделяло их на фоне напряженного характера российско-грузинского процесса.

Переговорная тактика грузинской делегации зачастую состояла во внедрении в процесс наблюдателей со стороны США или ЕС и стремлении использовать давление с их стороны для принуждения партнера принять условия Грузии. При этом от внимания Тбилиси укрылось то обстоятельство, что наблюдательная миссия не гарантирует глубокой вовлеченности западных государств в переговорный процесс. Признавая правоту Грузии в конфликте с Россией, страны ЕС, по сути, дистанцировались от проблемы, отказываясь пойти дальше и добиваться от РФ уступок. И хотя в Тбилиси хвалились успехом, в действительности это политическое поражение, которое закрепляло «статус-кво». Это тревожное для официального Тбилиси обстоятельство осознавали некоторые эксперты из оппозиционных сил (в частности, П. Закареишвили)¹².

Продолжающаяся с 2006 г. обструкция переговорного процесса с правительствами Южной Осетии и Абхазии в долгосрочной перспективе также вредит интересам Грузии¹³. В среде оппонентов правительства существует убеждение, что если в течение 10 лет Тбилиси не предложит разумный проект реинтеграции, то будут созданы условия для рассмотрения международным сообществом (прежде всего в ЕС) вопроса о легализации Абхазии как части Черноморского региона.

Важным обстоятельством внешней политики Грузии в последний период правления М. Саакашвили являлось неуклонное снижение международной поддержки политического курса правительства, происходящего на фоне снижения объемов международной финансовой помощи. Многие политики на Западе осознали, что режим «карт-бланш» для ЕНД сыграл для Грузии плохую службу¹⁴. Также возникли подозрения относительно искренности инициатив Саакашвили в области демократизации, военного строительства и региональной политики. И хотя в глазах правительства Саакашвили, посол США в Грузии до последних дней являлся высшим авторитетом и арбитром в грузинских делах, все заметнее были признаки недовольства ЕНД от этого взаимодействия¹⁵.

Примечательно, что на рубеже 2011–2012 гг. в риторике президента Грузии и членов кабинета министров вновь зазвучала тема о добрососедских отношениях с Россией¹⁶. Отдельные высказывания позволяли предположить, что Тбилиси в принципе готов обсудить нейтралитет Грузии при условии предоставления гарантий безопасности от России или оговорить запрет на появление военной инфраструктуры НАТО на территории Грузии в ходе ее вступления в блок.

Потенциал влияния России на положение дел в Грузии

Современная Грузия выступает одним из проводников антироссийских инициатив на постсоветском пространстве, солидаризуясь в этом с отдельными государствами Центральной и Восточной Европы. Изменение внешнеполитического курса и отказ Тбилиси от антироссийской политики – рубежное для РФ событие в СНГ, способное оказать влияние, в том числе и на перспективы Евразийского интеграционного проекта. Смена правящей элиты в Грузии расширяет пространство для политического диалога с Тбилиси, однако основная тенденция внешнеполитической ориентации Грузии на евроатлантическую интеграцию, судя по всему, останется неизменной. В силу того что «политическое наследие» правительства Саакашвили продолжает оказывать влияние на грузинскую политику, разумно обратиться к вопросу о возможной стратегии не прямых действий Москвы по завоеванию симпатий грузинского общества и торможению «атлантической» тенденции «снизу».

Россия продолжает объективно оставаться единственным государством, которое способно дать адекватный ответ на долгосрочные угрозы безопасности Грузии и тем самым заглушить существующее по сей день в Тбилиси «ощущение беспризорности» перед мусульманскими странами-соседями. Однако в текущий момент даже открытая к поиску новых политических возможностей оппозиция жалуется на то, что Россия не предлагает никакой привлекательной альтернативы. Знаковым, но не жизненно важным считается прогресс в вопросе об урегулировании в Южной Осетии и Абхазии. Основную разницу в политике ЕС и России по отношению к Грузии усматривают в том, что Москва использует слабости грузинской политики и играет на них, а Брюссель требует улучшения политики от самой Грузии¹⁷.

Серьезным препятствием для сближения является глубоко укоренившееся в грузинском обществе представление о злонамеренном вмешательстве России в дела Грузии путем использования конфликтов в Южной Осетии и Абхазии. Тбилисские интеллектуалы широко цитируют якобы подготовленные по заказу МИД РФ в 1997 г. предложения К. Затулина и А. Миграняна по управлению постсоветским пространством путем манипулирования конфликтами на территории стран СНГ: «Смена приоритетов даст России повод ревизовать всю существующую систему договоренностей по территориальному размежеванию республик после распада СССР, игнорировать применительно к ним принцип территориальной целостности и поставить вопрос о переделе этого пространства на основе права наций на самоопределение»¹⁸. Подливают масла в огонь последствия ограничительных мер Правительства РФ по отношению к Грузии, результатами которых оказались охвачены широкие слои грузин (закрытие рынков труда и с/х продукции, визовый режим) или которые носили унизиительный или негативно-символический характер (ущемление прав грузин в России, депортации). На данном этапе антироссийские убеждения не приняли необратимый характер даже у либеральной части грузинского общества, однако недооценивать перспективу этого процесса нельзя. По опросам общественного мнения последних лет, около 60–70% грузин выступает за улучшение отношений с Россией.

Стратегия России по завоеванию «умов и сердец» в Грузии в обход официального Тбилиси может состоять в давно ожидаемом грузинами смягчении визового режима и реализации других мер «широкого охвата», на фоне политики вовлечения во взаимодействие грузинских интеллектуалов.

1. Наибольший потенциал действия заметен по линии взаимодействия Русской и Грузинской православных церквей. До 80% грузин – верующие люди, придерживаются антизападных и антилиберальных ценностей. И хотя высокий авторитет церкви не транслируется в социальную

■ Международные отношения

динамику, даже символические жесты на этом направлении (например, участие грузинского церковного хора в пасхальном богослужении в храме Христа Спасителя) вызывает волну продолжительного одобрения.

2. Существующий по отношению к Грузии визовый режим со стороны России приносит много вреда образу нашей страны в Грузии. В силу малой пропускной способности секции российских интересов при посольстве Швейцарии в Тбилиси процесс получения визы крайне затруднен. Встречаются и такие суждения: «Нет ничего более унижительного, чем процедура получения российской визы». Особенное неодобрение вызывает отказ в выдаче визы или затягивание процедуры при оформлении визы для духовных лиц. Так, митрополит Боржомский и Бакурианский Серафим, посетивший Россию в сентябре 2012 г. с группой паломников, ожидал виз более года, при этом большая часть паломников не смогла сопровождать его в поездке¹⁹.

3. Получение визы становится непреодолимым препятствием при совершении туристических поездок в Россию. По нашим наблюдениям, путешествующая тбилисская молодежь в 6–8 раз чаще бывает в Европе и США, чем в России. Это оставляет молодых людей безоружными перед грузинской официальной пропагандой, намеренно искажающей информацию о положении в РФ.

4. Получение образования в России вновь должно стать одной из реальных возможностей для грузинских абитуриентов. Текущая образовательная политика Тбилиси направлена на формирование «нового грузина» – англоговорящего носителя западных ценностей²⁰. При всей эфемерности этой задачи грузинская молодежь отправляется на учебу в Европу и США часто не имея российской альтернативы. При этом российский рынок образования продолжает оставаться высоковостребованным среди грузин. Облегчение визового режима для студентов и проведение образовательной выставки в Тбилиси один раз в год способно в перспективе дать часть грузинской элиты, которая будет социализирована в российском контексте. Программой-максимум было бы открытие в Тбилиси, Кутаиси

и других городах Грузии Центров российской культуры, а также инициация программы грантовых исследований в России для грузинской интеллигенции.

При рассмотрении вопроса об облегчении или отмене визового режима не обязательно добиваться заключения симметричного соглашения с Грузией. Следует учитывать, что политика правительства Саакашвили в частности была направлена на ограничение контактов грузинских граждан с Россией²¹. Вышеуказанные меры находятся прежде всего в интересах России; их реализация не должна зависеть от позиции грузинских властей. В борьбе за общественные симпатии важен не статус этой программы, а общее владение инициативой и стремление к управлению процессом.

Следует учитывать, что существующий опыт деятельности РФ на этом направлении в Грузии не был удачен. Мероприятия Посольства России в Грузии не ставили целью формировать симпатии широких масс грузин к России. В 2005–2006 гг. наблюдались попытки создания про-российских НПО по образцу западных фондов (Кавказский институт), однако этим усилиям не хватало последовательности. Наконец, нельзя допустить подмены приоритетов российской политики по отношению к Грузии вопросами отношений с Абхазией и Южной Осетией. Грузинское направление, по крайней мере гуманитарной политики, должно получить самостоятельное внимание.

Suchentsov A.A. Georgian Direction of Russian Foreign Policy: Negative Scenario.

Summary: *Correction of the assessments of Russian national interests in international low intensity conflicts is particularly relevant with regard to Russian policy in the the South Caucasus. Replacement of the ruling elites in Georgia expands the space for dialogue with Tbilisi, but the main trend in the foreign policy orientation of Georgia's - Euro-Atlantic integration - seems to remain unchanged. Due to the fact that "political legacy" of Saakashvili's government continues to influence Georgia's policy it is reasonable to refer to the possible strategy of indirect actions of Russia to win sympathies of the Georgian society and inhibit the "Atlantic" tendency "from below".*

Ключевые слова

Внешняя политика России, национальные интересы, внутренняя политика Грузии.

Keywords

Russian foreign policy, national interests, Georgian politics.

Примечания

1. Нодиа Г. Авторитарная модернизация-лайт или демократические институты // Газета «24 саати». 2 мая 2006 г.
2. De Waal Th. A Crucial Election in Georgia // Carnegie Endowment for international Peace. September 2012. URL: <http://carnegieendowment.org/2012/09/11/crucial-election-in-georgia/drlp> (дата обращения: 17.09.12)
3. De Waal Th. Georgia's Choices. Charting a Future in Uncertain Times. N.Y.: Carnegie Endowment for international Peace, 2011. URL: http://carnegieendowment.org/files/georgias_choices.pdf (дата обращения: 23.04.12)
4. Hamilton K. Constructing an NGO Sector in Transitional Contexts: The Reach of NGO-Donor 'Partnerships' in Post-Soviet Georgia // IDS Bulletin. Volume 31, Issue 3. July 2000. Pp. 48–56.
5. Метревели Л., Рцхиладзе Г. Грузинский опрос: Рейтинги политических партий и отношение населения к НАТО // Политфорум. Институт Евразии. 25 сентября 2012. URL: <http://geurasia.org/rus/1305/qartuli-gamokitxva--politikuri-partiebis-reitingi-da-mosaxleobis-damokidebuleba-nato-sadmi.html> (дата обращения: 26.09.12).
6. Обращение Бидзины Иванишвили к политикам, СМИ, общественности // Новости-Грузия. 10 октября 2011. URL: <http://www.newsgorgia.ru/politics/20111012/214234359.html> (дата обращения: 17.05.2012).
7. Вигнанский М. Нугзар Циклаури: В отношениях России и Грузии пока нет выхода // Известия. 27 сентября 2012. URL: <http://izvestia.ru/news/536288> (дата обращения: 27.09.12).
8. Cecire M. Georgia: dark side of Rose Revolution // Financial Times. September 3, 2012. URL: <http://blogs.ft.com/beyond-brics/2012/09/03/georgia-dark-side-of-rose-revolution/#axzz25QsoXwll> (дата обращения: 3.10.12).
9. Фрумкин Б. Перспективы международного позиционирования экономики Грузии: взгляд из Москвы // Россия и Грузия: в поисках выхода. Грузинский фонд стратегических и международных исследований. 2011. С. 69-83.
10. Мазаева Д. Внутри новой команды Иванишвили отсутствует консенсус // Известия. 9 октября 2012. URL: <http://izvestia.ru/news/537181> (дата обращения: 9.10.2012).
11. Главу МВД Грузии Бачо Ахалая могут арестовать // GHN News Agency. 20 сентября 2012. URL: <http://www.rus.ghn.ge/news-23141.html> (дата обращения: 22.09.12).
12. Кмузов Б. Гоголашвили: США воплощают в жизнь свое намерение принять в НАТО Грузию // Кавказский узел. 13 марта 2012. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/202944> (дата обращения: 13.07.12).
13. Кмузов Б. Закареишвили: выборы в парламент Абхазии не повлияют на ее политику в отношении Грузии // Кавказский узел. 13 марта 2012. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/202904/> (дата обращения: 13.07.12).
14. Вигнанский М. Тедо Джапаридзе: Грузия не должна быть яблоком раздора между Западом и Россией // Известия. 26 сентября 2012. URL: <http://izvestia.ru/news/536213> (дата обращения: 26.09.12).
15. The Situation of Human Rights and Freedoms in Georgia. Annual Report of the Public Defender of Georgia. 2011. URL: <http://www.ombudsman.ge/files/downloads/en/hcqkqyhlwldxayqiwg.pdf> (дата обращения: 5.09.12).
16. Грузия не собирается в долгосрочном плане враждовать с Россией — Саакашвили // Новости-Грузия. 25 февраля 2011. URL: <http://newsgorgia.ru/politics/20110225/213749342.html> (дата обращения: 17.05.2012).
17. Weisensee J. Measuring European Foreign Policy Impact. The EU and the Georgia Crisis of 2008 // College of Europe EU Diplomacy Paper 9/2010. [Working Paper]. URL: <http://aei.pitt.edu/14897/> (дата обращения: 7.09.12).
18. Затулин К.Ф., Мигранян А.М. СНГ: начало или конец истории. К смене вех // Независимая газета. Содружество. 26 марта 1997. URL: <http://www.zatulin.ru/index.php?&section=digest&id=35> (дата обращения: 17.08.12).
19. Прутцков Г. Застольный разговор с грузинским архиереем // Татьяна день. 10 сентября 2012. URL: <http://www.taday.ru/text/1804064.html> (дата обращения: 18.09.12).
20. Пхаладзе Т., Силаев Н. Российско-грузинские отношения в контексте европейской безопасности // Россия и Грузия: в поисках выхода. Грузинский фонд стратегических и международных исследований. 2011. С. 7-24.
21. Gardner A. Enigmatic oligarch // European Voice. September 13, 2012. URL: <http://www.europeanvoice.com/article/imported/enigmatic-oligarch/75123.aspx> (дата обращения: 8.09.12).

Энергетическая политика России на международной арене

Ю.В. Боровский

Статья посвящена широкому кругу вопросов, относящихся к энергетической политике России в период с 1992 по 2012 г. В ней, в частности, дается обзор национальной энергетической стратегии с особым фокусом на международные аспекты и рассматриваются: участие России в многосторонних энергетических институтах и инициативах; энергетический диалог России и ЕС; энергетическое взаимодействие России со странами СНГ, а также подходы российского правительства к проблеме диверсификации экспортных маршрутов.

С 1992 г. энергетическая политика России прошла определенный эволюционный путь: от переходного своего состояния, отягченного многими атрибутами советской эпохи, к своему современному, весьма прагматичному типу. Очевидно, что некий водораздел в энергетической политике РФ приходится на рубеж XX и XXI столетий. Именно тогда начинает восставать внутренний энергетический потенциал страны, а также выстраиваться курс государства на прагматичное и эффективное использование энергетических ресурсов во внешнеэкономических и отчасти внешнеполитических целях. Не отказываясь от статуса независимого поставщика энергоносителей, Россия становится активным участником многостороннего энергетического взаимодействия, в том числе связанного с проблемами глобального потепления.

На фоне роста мировых цен на энергоресурсы, наблюдаемого в 2000-х гг., российские энергетические компании расширяют свое присутствие на внешних рынках. Растет их участие в нефтегазодобывающих проектах в странах СНГ, Северной и Западной Африки, Латинской Америки, Азиатско-Тихоокеанского региона и Ближнего Востока. Параллельно начинается процесс вхождения отечественных компаний в нефтеперерабатывающие и сбытовые активы зарубежных государств, включая США и страны Западной Европы. В то же время на фоне «атомно-

го ренессанса» не угасает, а, напротив, усиливается международный интерес к российским ядерным технологиям, что позволяет «Атомстройэкспорту» не только продолжить ранее начатые, но и приступить к реализации новых проектов за рубежом. Сегодня ведущее инжиниринговое предприятие «Росатом» сооружает или модернизирует энергоблоки в КНР, Индии, Иране, Турции, Вьетнаме, Болгарии и некоторых других странах¹.

Начиная с конца 1990-х гг. Россией запускается ряд крупных инфраструктурных проектов, призванных диверсифицировать экспорт ее энергоносителей как на европейском направлении, так и в целом. Среди них: введение в строй газопроводов «Ямал–Европа» (1999 г.), «Голубой поток» (2002 г.), «Северный поток» (2011 г.) и завода СПГ на Сахалине (2009 г.); запуск Балтийской трубопроводной системы 1 и 2 (соответственно в 2002 и 2012 гг.), нефтепровода Восточная Сибирь–Тихий океан с ответвлением в КНР (2009 г.); сооружение нефтеэкспортных терминалов на побережье Охотского (Де-Кастри, 2006 г.) и Печорского морей (Варандей, 2008 г.).

В будущем зависимость России от транзитных стран СНГ и одновременно европейских потребителей станет еще меньше. Это произойдет благодаря сооружению газопровода «Южный поток» (Новороссийск–Варна (Болгария) и далее в Италию, минуя территории ряда европейских стран); газовых магистралей из России в КНР; серии новых заводов

Боровский Юрий Викторович – к.и.н., доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России. E-mail: yuribor@mail.ru

и терминалов по экспорту СПГ и, возможно, других проектов.

Концептуальные подходы Российского государства

Начиная с 1992 г. в России был принят целый ряд основополагающих документов, концептуализирующих энергетическую политику государства. Среди них: «Основные положения концепции энергетической политики России в новых экономических условиях» (1992 г.), «Основные положения энергетической стратегии РФ на период до 2010 г.» (1995 г.), «Энергетическая стратегия России на период до 2020 г.» и, наконец, «Энергетическая стратегия России на период до 2030 г.» (2009 г., далее ЭС-2030)². ЭС-2030 сохраняет определенную преемственность с предыдущими документами, прежде всего с «Энергетической стратегией России на период до 2020 г.».

Отдельный раздел ЭС-2030 посвящен энергетической политике России на международной арене. Ее стратегической целью провозглашается максимально эффективное использование энергетического потенциала страны для укрепления ее позиций на мировых энергетических рынках, а также для получения наибольшей выгоды для развития национальной экономики. Достижение этой цели требует решения целого ряда задач. Среди них:

- отражение национальных интересов России в формирующейся системе мировой энергетики;
- обеспечение стабильных условий на мировых энергетических рынках, включая безопасность спроса и обоснованные цены на основные продукты российского экспорта;
- диверсификация экспортных энергетических рынков и товарной структуры экспорта российских энергоносителей;
- укрепление позиций ведущих российских компаний в качестве лидеров мировой энергетики;
- обеспечение эффективной международной кооперации при реализации технологически сложных и капиталоемких проектов в России (в т.ч. по шельфовым проектам в арктических условиях);
- содействие формированию единого европейско-российско-азиатского энергетического пространства.

Решать поставленные задачи Россия рассчитывает главным образом за счет активного диалога со странами СНГ, АТР, ЕС, а также США, другими государствами и международными организациями, включая МЭА. Вместе с тем Российское государство не отказывается от координации своей деятельности на мировых рынках нефти и газа с ОПЕК и независимыми экспортерами.

Участие России в многосторонних энергетических институтах

В 1996 г. премьер-министр РФ В.С. Черномырдин направил Генеральному секретарю Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) Д. Джонстону письмо с просьбой рассмотреть вопрос о вступлении России в члены организации. Этот шаг де-факто обозначил стратегический вектор внешней энергетической политики России – на вступление в

Международное энергетическое агентство (МЭА), являющееся автономным органом в структуре ОЭСР.

Однако в самом начале 2000-х гг., когда мировые цены на нефть находились на довольно низких уровнях, Россия вступила в активный диалог с Организацией стран-экспортеров нефти, фактически являющейся антиподом МЭА. На повестке дня тогда оказался вопрос о возможном членстве РФ в ОПЕК. В конце 2001 г. Россия даже согласилась пойти на сокращение собственной нефтедобычи, ответив на настойчивые призывы членов картеля.

На фоне роста мировых цен на нефть, начавшегося уже в 2002 г., официальные представители РФ вновь подтвердили стремление страны интегрироваться в энергетическую систему промышленно развитых стран. Но после того как в середине 2008 г. разразился мировой финансовый и экономический кризис, спровоцировавший обвальное падение мировых цен на нефть, Россия возобновила консультации с ОПЕК относительно совместного воздействия на мировой рынок нефти. Это дало основания СМИ вновь начать обсуждение вопроса о членстве РФ в организации, хотя вице-премьер И.И. Сечин неоднократно заявлял о том, что вопрос о вступлении России в ОПЕК пока является преждевременным³. В марте 2009 г. Россия обратилась в ОПЕК с предложением ввести представителя Министерства энергетики РФ в секретариат картеля для более оперативно-го взаимодействия, а в сентябре 2012 г. предложила создать совместный Консультативный совет, куда помимо официальных представителей сторон могли войти руководители нефтяных компаний⁴.

Абстрагируясь от вопроса о членстве РФ в МЭА или ОПЕК, следует отметить, что в постсоветские годы России, сохранившей статус независимого энергетического экспортера, удалось наладить довольно конструктивное сотрудничество с этими влиятельными организациями. Начиная с 1998 г. Россия в статусе наблюдателя участвует в сессиях Конференции ОПЕК, а также в совещаниях экспертов, организуемых картелем с представителями других стран, не являющихся его членами. С МЭА Россия взаимодействует в рамках двусторонней региональной программы, реализуемой агентством.

В декабре 2008 г. Россия поддержала идею институализации Форума стран-экспортеров газа (ФСЭГ), подписав проект устава этой организации⁵. С 2001 г. форум существовал в качестве неформальной диалоговой структуры. Примечательно, что еще в 1999 г. Р.И. Вяхирев, в то время руководитель «Газпрома», публично призвал экспортеров голубого топлива к учреждению «газовой ОПЕК». Однако тогда эта идея не получила развития в силу резко негативной на нее реакции со стороны США, ЕС и даже Норвегии.

В декабре 2009 г. генеральным секретарем ФСЭГ был избран российский представитель Л.В. Бохановский, а в январе 2010 г. начал свою работу секретариат организации в Дохе. По заявлению, сделанному Л.В. Бохановским после его избрания на вышеозначенный пост, ФСЭГ не призван копировать ОПЕК и в большей мере будет выполнять роль площадки для обмена информацией между государствами, в него входящими. Он станет изучать тенденции

■ Международные отношения

развития мирового рынка газа, разрабатывать соответствующие прогнозы по спросу и предложению, отслеживать динамику запасов и добычи этого углеводородного сырья. Как считает генеральный секретарь ФСЭГ, такой подход позволит на первом этапе исследовать ключевые особенности функционирования современного газового рынка, с тем чтобы в перспективе начать формировать его модель, отвечающую интересам членов организации⁶.

В 1994 г. Россия подписала Договор Энергетической хартии (ДЭХ), но впоследствии отказалась его ратифицировать⁷. В августе 2009 г. Москва даже решила прекратить применение ДЭХ на временной основе. Российскую сторону не устраивают главным образом положения о транзите энергоносителей, зафиксированные в Договоре и специальном к нему протоколе, от подписания которого Россия также воздержалась. Есть и ряд других существенных недостатков у ДЭХ, на которые указывает Россия. Так, в договоре не предусмотрены механизмы оперативно-го разрешения конфликтных ситуаций, в том числе при транзите газа; практически отсутствуют положения об обеспечении глобальной энергетической безопасности; не предусматриваются должные меры по борьбе с изменением климата; не рассматриваются вопросы торговли ядерными и делящимися материалами и т.д.

После газового кризиса с Украиной рубежа 2008–2009 гг. представители российской власти, включая президента, стали открыто и настойчиво заявлять об окончательной несостоятельности ДЭХ и необходимости разработки и подписания нового документа.

В апреле 2009 г. в ходе официального визита в Финляндию Д.А. Медведев представил принципы, на основе которых, согласно российской точке зрения, должен быть выработан новый базовый договор – взамен ДЭХ. В них прежде всего содержится призыв к признанию неделимости глобальной энергетической безопасности и взаимозависимости всех участников мирового энергетического обмена. По мнению Москвы, Договор Энергетической хартии, по своей сути, отстаивает интересы потребителей, в то время как поставщики и транзитеры лишь берут на себя обязательства исправно поставлять свои полезные ископаемые.

Прочие принципы, предложенные Президентом РФ, касаются «безусловного государственного суверенитета над национальными энергоресурсами», «обеспечения недискриминационного доступа к международным энергетическим рынкам». Российская сторона даже призывает к заключению некоего «соглашения о гарантиях транзита энергетических материалов и продуктов»⁸.

Взаимодействие РФ с многосторонними структурами отнюдь не ограничивается указанными выше форматами. Россия – один из активных участников Международного энергетического форума, в рамках которого с 1991 г. ведется глобальный энергетический диалог с участием как экспортеров, так и импортеров энергоносителей. Весомый вклад в укрепление глобальной энергетической безопасности Россия вносит в качестве члена «Большой вось-

мерки», в которой с 1998 г. проводятся ежегодные встречи министров энергетики стран-участниц. На Санкт-Петербургском саммите «Группы восьми», организованном Россией в июне 2006 г., был одобрен план действий, который содержал довольно четкие и, главное, консенсусные для производителей и потребителей подходы к решению проблем глобальной энергетической безопасности.

Россия продолжает участвовать в многостороннем энергетическом взаимодействии на постсоветском пространстве – в рамках СНГ и ЕврАзЭС. Российские представители вносят свой вклад в деятельность Рабочей группы по энергетике АТЭС. На неправительственном уровне Россия представлена в Международном газовом союзе, объединяющем газовые ассоциации и компании из более чем 70 стран мира, а также в Мировом нефтяном совете, объединяющем участников из 60 стран.

В целях развития мирного атома и укрепления режима нераспространения Россия стала участником Глобального партнерства по атомной энергии (Global Nuclear Energy Partnership), инициированного Администрацией Д.Буша-младшего в феврале 2006 г. Поддержку РФ получила и Международная система для сотрудничества в области атомной энергии (International Framework for Nuclear Energy Cooperation), созданная следующим президентом США, Б. Обамой, на базе инициативы своего предшественника.

Россия долгое время не ратифицировала открытый для подписания в декабре 1997 г. Киотский протокол, дополняющий Рамочную конвенцию ООН об изменении климата⁹. Известно, что одновременный отказ РФ и США от ратификации Протокола не позволял ему вступить в силу и способен был свести на нет все усилия международного сообщества в борьбе с изменением климата. Задержка РФ с ратификацией Киотского протокола была связана с тем, что ряд российских экономистов убеждали руководство страны в том, что обязательства России по протоколу будут непременно сдерживать ее экономический рост.

Тем не менее в конечном итоге возобладала позиция сторонников другой точки зрения. Россия завершила процесс ратификации Киотского протокола в ноябре 2004 г., после чего в феврале 2005 г. он вступил в силу. Обязательства для РФ состоят в сохранении объема выбросов парниковых газов в 2008–2012 гг. на уровне 1990 г.

Ратификация Киотского протокола позволила России не только торговать лишними квотами на выбросы парниковых газов (ПГ), но и реализовывать на своей территории проекты Совместного осуществления (Joint Implementation). За счет таких проектов хозяйствующие субъекты из стран, несущих обязательства в рамках Киотского протокола, могут финансировать на территории РФ проекты, снижающие выбросы ПГ, и таким образом зарабатывать квоты или углеводородные единицы, исчисляемые в тоннах CO₂-эквивалента.

Россия – конструктивный участник и так называемого посткиотского переговорного процесса. Его цель – подготовка и заключение соглашения, которое будет регулировать выбросы парниковых газов после

2012 г. Поддержку РФ получила совместная декларация, принятая 28 государствами на состоявшемся в Копенгагене в декабре 2009 г. климатическом саммите ООН. Россия одобрила и пакет более значимых документов, подписанных большим числом стран на аналогичном саммите ООН в декабре 2010 г. в Канкуне. В частности, подписанты канкунских документов согласились с тем, что глобальный климат не должен потеплеть более чем на 2 градуса по сравнению с доиндустриальным периодом. В другом документе ими было согласовано создание Зеленого климатического фонда под управлением Всемирного банка.

На следующем саммите в Дурбане, декабрь 2011 г., Россия поддержала идею подготовки к 2015 г. нового глобального климатического соглашения, которое, как записано в итоговом документе конференции, должно будет вступить в силу в 2020 г. и регулировать выбросы парниковых газов у всех стран, участвующих в этом переговорном процессе. Решение ряда стран об участии во втором периоде обязательств по Киотскому протоколу до 2020 г. пока не встретило поддержки с российской стороны.

Энергетический диалог России и ЕС

С начала 1990-х гг. Россия и Европейский союз создали достаточно эффективную концептуальную и правовую базу для взаимных контактов в энергетической сфере. Ее центральным элементом стало Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС), подписанное в июне 1994 г. и вступившее в силу в декабре 1997 г. Оно позволило Москве и Брюсселю не только учредить двусторонний политический диалог, но и начать плодотворную кооперацию в отдельных областях, включая энергетическую. На очереди – подписание нового основополагающего соглашения России и ЕС, которое должно вывести отношения сторон, в том числе энергетические, на качественно новый уровень.

«Энергетический диалог» (далее – ЭД) как отдельное направление сотрудничества России и ЕС был учрежден в ходе Шестого двустороннего саммита на высшем уровне, который состоялся в октябре 2000 г. в Париже. В совместной декларации, принятой по итогам встречи, было отмечено, что создаваемый механизм позволит сторонам впредь поднимать и решать любые вопросы энергетической тематики, представляющие взаимный интерес.

На первом этапе ЭД, охватившем целый год, решались вопросы концептуального и организационного характера: анализировались энергетические стратегии и балансы сторон, определялись направления будущего двустороннего сотрудничества. В октябре 2001 г. в ходе Восьмого саммита, прошедшего в столице Бельгии, Москва и Брюссель объявили о переходе к практической стадии Диалога. Со стороны ЕС Энергетический диалог возглавил комиссар Европейской комиссии по энергетике, со стороны РФ – министр энергетики. Общее управление Диалогом стало вестись через структуры, определенные Соглашением о партнерстве и сотрудничестве.

В ноябре 2002 г. состоялось официальное открытие Энергетического технологического центра Россия–ЕС, который впоследствии стал заметным

инструментом двустороннего Энергетического диалога. В июле 2005 г. был учрежден институт тематических групп экспертов. В настоящее время три тематические группы сфокусированы на следующих направлениях: энергетические стратегии, прогнозы и сценарии; развитие энергетических рынков; энергоэффективность.

В рамках Энергетического диалога Москва и Брюссель определили для себя ряд приоритетных направлений, включая: обеспечение надежных поставок энергоносителей; взаимное открытие энергетических рынков; обеспечение долгосрочных инвестиций; обеспечение безопасности в атомной энергетике; повышение энергоэффективности и энергосбережения; развитие экологически безопасных технологий и энергоносителей. Вместе с тем участниками Диалога были отобраны и поддержаны инфраструктурные проекты, представляющие взаимный интерес. Среди них, в частности: кольцевание электроэнергетических сетей; строительство газопровода «Северный поток»; разработка Штокмановского газоконденсатного месторождения в Баренцевом море; соединение нефтепроводных сетей «Дружба» и «Адрия». Ряд вспомогательных проектов, относящихся к Диалогу, получили финансирование через специальные программы сотрудничества ЕС и России (такие, например, как TACIS).

На саммите России и ЕС, состоявшемся в мае 2007 г., было принято решение о создании Механизма раннего предупреждения (МРП), который устанавливал процедуру информирования сторонами друг друга о краткосрочных и долгосрочных рисках, связанных с поставкой и потреблением энергоносителей. С обеих сторон были назначены ответственные лица МРП. Поскольку МРП сразу же доказал свою эффективность (например, во время газового конфликта России и Украины на рубеже 2008–2009 гг.), в ноябре 2009 г. на встрече координаторов Энергетического диалога Россия–ЕС был подписан Меморандум о механизме раннего предупреждения, в рамках которого были окончательно согласованы все юридические и технические детали работы МРП¹⁰.

В целом первое десятилетие энергодIALOGA России и ЕС ознаменовалось весьма заметным прогрессом. Помимо всего вышесказанного, сторонам удалось договориться о необходимости сохранения долгосрочных контрактов на поставку газа в Европу, а также урегулировать разногласия в сфере торговли энергоресурсами в рамках переговоров о вступлении России в ВТО.

Тем не менее в рассматриваемый период энергетическим контактам Москвы и Брюсселя были свойственны и некоторые весьма существенные проблемы, не нашедшие своего решения. Одна из них связана с Договором Энергетической хартии (ДЭХ), который Россия подписала в 1994 г., но отказалась ратифицировать. Кроме того, российская сторона подготовила и в апреле 2009 г. представила ЕС предложения по новому документу, который должен прийти на смену ДЭХ.

Россия и ЕС также не смогли согласовать единый подход к проблеме диверсификации. Это выразилось в том, что проекты «Южный поток» и

■ Международные отношения

«Набукко» стали рассматриваться в конкурентном ключе, а Европейская комиссия и отдельные страны ЕС по-разному оценили проект «Северный поток».

Энергетические отношения России и стран СНГ

Распад СССР на пятнадцать независимых государств привел к дезорганизации прежнего межреспубликанского энергетического обмена, поскольку части некогда единой системы не только теряли центр управления, но и зачастую приобретали центробежную траекторию своего развития.

Желая несколько сгладить последствия исчезновения общего государства, руководители большинства постсоветских республик, в том числе и России, поначалу усматривали необходимость в создании многосторонних отраслевых структур в рамках СНГ. Такие структуры, наряду с подписанием многосторонних соглашений, были призваны сохранить преемственность с энергетическими процессами советской эпохи.

На протяжении 1992–1993 гг. были учреждены: Межгосударственное евразийское объединение угля и металла СНГ (упразднено в 2001 г.), Комиссия государств–участников СНГ по использованию атомной энергии в мирных целях, Электроэнергетический совет СНГ и Межправительственный совет по нефти и газу СНГ. Кроме того, в 1992–1996 гг. Россия, которая стала участником всех вышеперечисленных структур, заключила со странами СНГ свыше 40 многосторонних и двусторонних межгосударственных соглашений по самым различным направлениям энергетического взаимодействия.

Тем не менее, несмотря на предпринимаемые усилия, в 1990-х гг. энергетические отношения России и стран СНГ не отличались видимой эффективностью, развивались скорее по инерции – в духе советского наследия, а нередко просто имели конфликтную составляющую.

Действительно, отдача от многосторонних инициатив была практически незаметной, за исключением, наверное, работы Электроэнергетического совета СНГ. Попав в транзитную зависимость от европейских стран СНГ, Россия оказалась неспособной обеспечить адекватную и своевременную оплату энергоносителей, поступающих потребителям Украины, Белоруссии и Молдовы. На почве вынужденной взаимозависимости энергетические отношения РФ с государствами–транзитерами Содружества не смогли избежать существенной политизации.

Энергетические процессы на Южном Кавказе также начали развиваться не по российскому сценарию. В 1994 г. Азербайджан заключил с иностранными энергетическими компаниями так называемый «контракт века» о разработке нефтегазовой мегаструктуры «Азери–Чираг–Гюнешли» на Каспийском море. Россия, никак не ожидавшая такого поворота, полагала, что освоение каспийских ресурсов могло начаться лишь после пятистороннего урегулирования вопроса о правовом статусе Каспия. Кроме того, вопреки желанию Москвы нефтяная магистраль Баку–Новороссийск стала задействоваться Азербайджаном лишь частично, а основные

потоки азербайджанской нефти пошли с 1999 г. по альтернативному пути через Грузию по маршруту Баку–Супса. В таком контексте даже появилась идея транспортировки каспийской нефти в Европу в обход России – по маршруту Баку–Супса–Одесса–Броды–Европа (проект создания «Евразийского нефтетранспортного коридора»).

Не менее болезненно было воспринято в России участие Азербайджана в более масштабных транспортных проектах в направлении Турции, усиленно лоббируемых США и Великобританией: сооружение нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан и газопровода Баку–Тбилиси–Эрзерум.

В 1990-х гг. усилились энергетические контакты Грузии с Азербайджаном и, как следствие, – с западными странами, а также наметилось энергетическое сближение Армении и Ирана. Отчасти это было связано с тем, что российское руководство не предложило Грузии и Армении ни одного значимого совместного проекта в сфере энергетики, а также не побудило национальные энергетические компании к масштабному выходу на их рынки. Примечательно также, что в 1992–1996 гг. даже газ поставлялся в Грузию и Армению из Туркменистана на клиринговой основе¹¹.

В последнем десятилетии XX столетия Узбекистан, Киргизия и Таджикистан оставались за рамками российских энергетических интересов. Туркменистан воспринимался как основной «газовый донор» бедных в ресурсном плане стран СНГ, и все попытки этого государства вырваться на европейские рынки или обеспечить рыночную стоимость своим экспортируемым энергоносителям увязали, не без участия России, в противоречиях неблагоприятного в экономическом плане постсоветского пространства. После распада СССР Туркменистан мог экспортировать свой газ только через Россию. Построенный в 1997 г. газопровод из Туркменистана на север Ирана имел относительно небольшую мощность и лишь в незначительной степени диверсифицировал направления экспорта туркменского газа. Учрежденное в 1995 г. совместное предприятие «Туркменрогаз» с участием «Газпрома» и «Итеры» было ликвидировано в марте 1997 г. по инициативе Ашхабада, который вплоть до 2000 г. замораживал добычу голубого топлива, не желая продавать его по невыгодным ценам и бартерным схемам.

Неким исключением стали только российско-казахские энергетические контакты. В 1990-х гг. через Россию потекли на экспорт основные объемы казахской нефти, а российская компания «ЛУКОЙЛ» стала одним из ведущих участников нефтегазовых проектов на территории Казахстана.

Новую энергетическую политику в отношении стран СНГ Россия начинает строить на рубеже XX–XXI вв., хотя первые ростки такой политики стали появляться несколько раньше – после прихода на пост министра иностранных дел Е.М. Примакова. Москва перестала увязывать разработку каспийских недр с решением вопроса о правовом статусе моря и в 1998–2002 гг. подписала с Астаной и Баку соглашения о разграничении дна Каспийского моря. Это позволило России подключиться к разработке

каспийских углеводородов, в том числе совместной с Казахстаном. В 1997 г. – в дополнение к создаваемому газопроводу Ямал–Европа через территорию Белоруссии – Россия приступает к сооружению Балтийской трубопроводной системы (БТС-1) и газопровода «Голубой поток», никак не затрагивающих Европейский регион СНГ. В 1997–1998 гг. «Газпром» устанавливает контроль над газовой инфраструктурой Армении и Молдовы.

На фоне первых успехов в деле диверсификации европейских экспортных маршрутов российские подходы к энергетическому сотрудничеству с европейскими участниками СНГ приобретают в 2000-х гг. прагматичные, нередко бескомпромиссные черты. В ноябре 1999 г. вводится в эксплуатацию и с каждым последующим годом приближается к своей проектной мощности газопровод Ямал–Европа. С декабря 2002 г. начинает работать в нарастающем режиме «Балтийская трубопроводная система» (БТС-1), а также сдается в эксплуатацию газопровод «Голубой поток».

С 2002 г. Москва, ссылаясь на накопившиеся долги и льготные цены на российские энергоносители, начинает добиваться контроля над газовой инфраструктурой Белоруссии и Украины. Затягивание Минском решения этого вопроса, а также отсутствие прогресса на пути создания Союзного государства приводят к тому, что в 2004 г. Москва отказывается Минску в предоставлении газа и электроэнергии по внутрироссийским ценам. На исходе 2006 г. белорусское руководство под нескончаемым давлением России все же соглашается поэтапно (до 2011 г.) передать «Газпрому» 50-процентную долю в компании «Белтрансгаз», управляющей газотранспортной инфраструктурой страны. В ноябре 2011 г. «Газпром» подписывает договор о покупке остальных 50% акций «Белтрансгаза» и таким образом становится единоличным собственником этого предприятия¹².

Многочисленные попытки России получить доступ к управлению украинской газотранспортной системы не увенчались успехом ни во времена президентства Л.Д. Кучмы, ни тем более президентства В.А. Ющенко. Только приход к власти на Украине В.Ф. Януковича в 2010 г. дал России определенные, но весьма хрупкие надежды. Стороны стали обсуждать вопрос об учреждении совместного предприятия, которое займется разработкой газовых месторождений на территории РФ, а также управлением украинскими газораспределительными магистралями.

Проявляя небывалую принципиальность, Россия вынуждает Украину, Белоруссию, Молдову, а также Грузию, Азербайджан и Армению начать с 2005 г. постепенный переход к рыночным формам взаимодействия в энергетической сфере, и прежде всего газовой. Россия не отступила от своей линии даже во время «энергетических конфликтов» с ее западными соседями, получивших международный резонанс:

- газовым противостоянием России и Украины на рубеже 2005–2006 гг. и 2008–2009 гг.;
- нефтегазовым спором России и Белоруссии на рубеже 2006–2007 гг. и в начале 2011 г.

Бесспорно, для ряда стран СНГ, включая Украину, Белоруссию и Армению, сохранились льготные условия поставок российского газа. Однако контрастные условия, предложенные «Газпромом» этим странам, отныне не позволяют говорить о серьезных финансовых потерях России, которые имели место в прошлом. Кроме этого, в ряде случаев Российское государство получает весьма значимые «геополитические дивиденды». Например, в привязке к льготным поставкам газа на Украину была продлена аренда Черноморского флота до 2042 г.

В новом веке Россия продолжила работать над снижением транзитной значимости европейских стран СНГ. Газопроводы «Северный поток» и «Южный поток», Балтийская трубопроводная система-2 и ряд других проектов должны обеспечить беспрепятственную и эффективную поставку российских энергоносителей потребителям Европы и других регионов.

В наступившем столетии Россия делает ставку на укрепление своего присутствия в энергетике Южного Кавказа. Поэтому активными «игроками» на энергетическом рынке региона наряду с «ЛУКОЙЛом» становятся две другие российские компании: «Газпром» и РАО «ЕЭС России» (в лице дочерней компании «Интер РАО ЕЭС»). Так, с 2003 г. «Газпром» начинает заключать прямые, многолетние соглашения о поставках газа с национальными компаниями Армении, Азербайджана и даже Грузии. РАО «ЕЭС России» со своей стороны устанавливает контроль над 80 процентами электрогенерирующих активов Армении, а также рядом ключевых электроэнергетических объектов Грузии. Наряду с транспортировкой незначительных объемов азербайджанской нефти по маршруту Баку–Новороссийск, в конце 2009 г. Москва договаривается с Баку о закупках газа республики начиная с 2010 г. Очевидно, что данная договоренность может стать дополнительным препятствием на пути реализации проекта строительства газопровода «Набукко».

На рубеже 1999–2000 гг. российское руководство приступает к пересмотру своей энергетической политики в Центрально-Азиатском регионе СНГ. Так, в январе 2000 г. была восстановлена транспортировка туркменского газа через российскую территорию, прерванная в 1997 г. В апреле 2003 г. после сложных переговоров между двумя странами было подписано беспрецедентное Соглашение о сотрудничестве в газовой сфере на 25-летний срок, предусматривающее закупки Россией значительных объемов туркменского газа. В декабре 2002 г. «Газпром» и «Узбекнефтегаз» подписали в Ташкенте Соглашение о долгосрочных поставках узбекского газа, что допустило голубое топливо Узбекистана к магистралям «Газпрома», чего не было ранее.

С 2006 г. «Газпром» начал проводить последовательную работу «по переходу на рыночные принципы в сфере импортных закупок газа в странах Центральной Азии». Этот аспект без преувеличения играет ключевую роль в построении долгосрочных, взаимовыгодных отношений России и газовых республик Центральной Азии.

■ Международные отношения

Подписание основополагающих газовых соглашений с Узбекистаном и Туркменистаном позволило России приблизиться к решению еще одной немаловажной задачи, связанной с обеспечением присутствия национальных компаний на узбекском и туркменском нефтегазовых рынках. Так, «Газпром», «ЛУКОЙЛ», «Итера», «Зарубежнефть» стали участниками проектов по добыче углеводородов на территории двух центральноазиатских стран.

Не остались без внимания российских компаний и энергетические рынки Киргизии и Таджикистана. В мае 2003 г. «Газпром» подписал с правительствами двух стран соглашения о сотрудничестве в газовой отрасли сроком на 25 лет. Со второй половины 2003 г. начинается экспорт киргизской и таджикской электроэнергии в Россию. Наряду с этим «Интер РАО ЕЭС»¹³ подключается к достройке Камбаратинской ГЭС-1 в Киргизии и Сангтудинской ГЭС-1 в Таджикистане. Примечательно, что Сангтудинская ГЭС-1 была запущена на полную мощность уже в феврале 2009 г.

В новом веке российско-казахские энергетические отношения не утратили своей прежней конструктивности. Через территорию РФ продолжают транспортироваться основные объемы казахской нефти. В 2002 г. был решен вопрос о разграничении дна Каспийского моря. Тем не менее Москва не может не учитывать довольно активные усилия Казахстана, а также соседних Туркменистана и Узбекистана,

направленные на снижение транзитной значимости РФ. Строительство нефтепровода из Казахстана в КНР (2006 г.), газопровода Туркменистан–Узбекистан–Казахстан–КНР (2009 г.), поддержка Ашхабадом проектов строительства трансфганского и транскаспийского газопроводов и ряд других инициатив внимательно оцениваются Москвой, которая пытается реагировать на происходящие процессы. В частности, в актив России могут быть занесены ее договоренности с Туркменистаном и Казахстаном (май 2007 г.) относительно строительства Прикаспийского газопровода, хотя в настоящее время судьба этого проекта не столь определена.

В завершение следует отметить, что в 2000-х гг. многостороннее энергетическое сотрудничество стало вестись в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Россия и остальные государства-участники поставили перед собой цель сформировать общий энергетический рынок.

Borovsky Y. V. The Russian Energy Policy on the International Scene.

Summary: The article is dedicated to a wide range of issues related to the Russian energy policy in the period 1992-2012, including an overview of the national energy strategy with a focus on international aspects; Russia's participation in multilateral energy organizations and initiatives; the Russia-EU energy dialogue; Russia's energy relations with CIS countries, and approaches of the Russian government to the diversification of energy export routes.

Ключевые слова

Энергетическая политика России, Энергетическая стратегия РФ, Энергетический диалог Россия-ЕС, изменение климата, Международное энергетическое агентство (МЭА), ОПЕК, Форум стран экспортеров газа (ФСЭГ), «Большая восьмерка».

Keywords

Russia's energy policy, Russia's energy strategy, Russia-EU energy dialogue, climate change, International Energy Agency (IEA), Opec, Gas Exporting Countries Forum (GECF), G8.

Примечания

1. См. подробнее: веб-сайт ЗАО «Атомстройэкспорт» (ЗАО АСЭ) – ведущая внешнеэкономическая инжиниринговая компания госкорпорации «Росатом» // <http://www.atomstroyexport.ru/>
2. Энергетическая стратегия России на период до 2030 г., утверждена распоряжением Правительства РФ от 13 ноября 2009 г. № 1715-п // <http://minenergo.gov.ru/aboutminenergo/energostrategy/>
3. Сечин: Россия не готова вступить в ОПЕК // Интернет-газета «Вести» (Vesti.ru). 2009. 31 марта // <http://www.vesti.ru/>
4. Россия предложила ОПЕК изменить формат сотрудничества // Деловая газета «Взгляд». 2012. 26 сентября.
5. См. подробнее: официальный веб-сайт ФСЭГ // <http://www.gecf.org/>
6. «Это международное признание России на энергетической карте мира» (Интервью с Л.В. Бохановским) // Газета «Коммерсант». 2009. 17 декабря.
7. См. подробнее: официальный веб-сайт ДЭХ // <http://www.encharter.org/>
8. Габуев А. Недоговоренности на высшем уровне // Газета «Коммерсант». 2009. 14 мая.
9. Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК) была подписана в мае 1992 г. и вступила в силу в марте 1994 г. Россия ратифицировала РКИК в 1994 г. // <http://www.un.org/ru/climatechange/kyoto.shtml>
10. Россия и Евросоюз подписали Меморандум о механизме раннего предупреждения в сфере энергетики // Министерство энергетики РФ. 2009. 16 ноября // http://minenergo.gov.ru/news/min_news/2341.html
11. Россия, не желавшая иметь дело с неплатежеспособными потребителями этих стран, предпочитала оставаться в роли простого транзитного звена. И хотя с 1997 г. в Грузию и Армению стал поставляться российский газ (из-за возникших проблем в российско-туркменских газовых отношениях), его поставщиком выступил не «Газпром», а фактически посредническая компания «Итера». – Прим. автора.
12. См. подробнее: веб-сайт компании «Белтрансгаз» // <http://www.btg.by/history.html>
13. «Интер РАО ЕЭС» – ранее дочерняя структура РАО «ЕЭС России», ныне самостоятельная компания. См. подробнее: официальный веб-сайт ОАО «Интер РАО ЕЭС» // www.interrao.ru/

Эволюция «образа другого» в конфликтах современности: конструктивистский подход

Д.В. Чернобров

Международные конфликты традиционно ассоциируются с вопросами силы и расчетом возможностей государств и рассматриваются российскими политическими и научными авторами сквозь призму национальных интересов и геополитических теорий. Новые явления в международных отношениях, в том числе терроризм, асимметричные войны, массовые волнения («арабская весна»), а также оспариваемый феномен глобализации, как правило, анализируются с позиций теории реализма, предполагающей баланс сил и интересов, а также приоритет государственной политики над вопросами массового сознания. Конструктивистский подход к объяснению конфликтов, представленный в этой статье, позволяет говорить об эволюции «образа другого» и ключевой роли субъективного «образа другого» в поддержании или изменении конфликтного потенциала на уровне коллективной идентичности. Предлагаемые в статье выводы связывают эволюцию «образа другого» с многоуровневой идентичностью, историческим сближением идентичности с национальным государством (nation state) и увеличением количества доступных информационных потоков. Представленный социально-исторический срез предполагает усложнение «образа другого» в современных конфликтах, что затрудняет их урегулирование и приводит к пересмотру значения конструктивистского анализа международных событий.

Анализ конфликтов через призму представлений теории реализма на протяжении долгого времени являлся доминирующим подходом к международным отношениям как на Западе, так и в России еще со времен зарождения международных отношений как научной дисциплины, призванной объяснить возникновение и повторение войн. Особое распространение в отечественной историографии и политической мысли такой подход получил при анализе конфликтов «холодной войны», когда соотношение баланса сил и интересов, расчет объективных возможностей и поиск противовесов в анархич-

ной системе международных отношений стали неотъемлемой частью принятия политических решений. Тем не менее задачей данной статьи является не отрицание реалистичности подобного анализа, а дополнение разных теоретических объяснений конфликтов конструктивистским видением «образа другого». Усложнение этого образа в процессе исторического развития конфликта и информации о конфликте, а также в современной системе отношений между властью и обществом наделяет общественное восприятие значительным потенциалом к разрешению или поддержанию конфликта¹.

Чернобров Дмитрий Витальевич – докторант Кембриджского университета, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России. E-mail: dmitry.chernobrov@gmail.com

■ Международные отношения

Традиционный реализм объясняет наличие конфликтов «человеческой природой» (Хоббс, Моргентау) и наличием физической возможности достижения цели относительно других государств («теория относительной выгоды»), достигая апогея в «зеркальных» философских формулах Клаузевица и Фуко о войне как «продолжении политики другим способом» и политике как «продолжении войны иным путем». Структурный реализм добавляет предположение об анархичном характере международных отношений и объясняет конфликт отсутствием сдерживания и препятствий к его началу² в системе, в которой не существует эффективных надгосударственных контрольных механизмов (отсюда – теория об относительной стабильности международных отношений в биполярной системе).

Альтернативные реализму теории, как правило, также склонялись к рассмотрению конфликта на уровне причин и мотиваций принятия политических решений, сохраняя приоритетное внимание к государственной политике в международном конфликте. Объяснения конфликтов через экономическое противостояние и отношения собственности (марксизм) или принятая в западных политических кругах теория «демократического мира» (ветвь либерализма), при котором демократии не вступают в конфликт между собой, подразумевают объективную линейность в развитии конфликта как явления международной политики и его «исчерпаемость» при достижении необходимых экономических или внутривнутриполитических критериев. Однако, признавая важность концепций системной анархии и рационального (политического, экономического или ценностно-ориентированного) поведения государств, нельзя не учитывать растущее многообразие акторов международной политической системы, а также изменение традиционных отношений в системе «государство–конфликт–информация–общество» и их восприятия друг друга.

Конструктивистский подход к анализу конфликтов, принятый в данной статье как основной аналитический инструмент, рассматривает влияние нерационального восприятия и подразумевает значительную роль идентичности в конфликте. Идентичность означает восприятие «себя», основанное на постоянном сравнении актора по отношению к отличающемуся от него «другому». Возможна бесконечная многоуровневость идентичностей, в зависимости от роли ее носителя в конкретный момент времени (одновременно по отношению к разным внешним факторам могут приниматься идентичности, совпадающие с национальностью, или политическими взглядами, или социальным положением и т.д.). Осознание «себя» таким образом возникает не столько при выделении объективного отличия, которое «своя» идентичность считает важной³ и самообразующей, сколько при контакте с группой, которая осознается как «другая» от несовпадения «своей» особенности с «другой». В результате подобного контакта формируется граница «своей»

и «чужой» группы⁴: «Свой понимает, кто он, от осознания того, кто «не свой»⁵.

Разделение на «своих» и «других» и их последующее сравнение – неизбежная составляющая восприятия мировых политических процессов. При контакте разных идентичностей «возникает спонтанное осмысление незнакомца как «другого», чуждого и отличного от «нас»⁶, и тем самым создается парадигма «своего» и «другого». Понимание «своего» и «другого» и ассоциация со «своими» во многом определяет восприятие чужой идентичности и собственные действия, которые впоследствии трансформируются в политические меры и общественную реакцию на них.

Данный теоретический обзор необходим для понимания подхода к социально-историческому анализу изменения «образа другого» в конфликтах современности. Предлагаемый обзор с использованием исторических примеров конфликтов рассматривает конфликты на уровне обобщенного восприятия «своего» и «другого» и намеренно не затрагивает политические причины принятых решений, чтобы изолировать конструктивистскую составляющую. Основной тезис статьи предполагает усложнение «образа другого» в связи с ростом осознания границ «своей» и «чужой» идентичностей в насыщенном информационном поле, а также выявляет изменение компаративной глубины восприятия конфликтов в свете предыдущих «других».

«Образ другого» в историческом контексте: граница и роль «своего» и «другого»

Для понимания процесса эволюции «образа другого» необходимо учитывать, кто может рассматриваться как «свой» и «другой» в изменяющемся контексте развития самосознания идентичностей. Конструктивистский подход предполагает, что «другой» – это «не свой», то есть любая категория, которая не находится в границах «своей» идентичности и не разделяет особенностей «своего». Концепция «другого» имеет широкое применение в политической психологии. Однако в приложении к истории развития международных конфликтов вопрос сущности «другого» напрямую связан с отношениями власть – общество (political discourse), которые претерпели значительные изменения за последние два столетия.

Так как «другой» в конфликте, как правило, воспринимается негативно и на него возлагается вина за конфликт (в большинстве случаев «своя» идентичность не может быть отрицательной⁷), то вопрос обобщения или разделения ответственности политических решений элиты и общества внутри потенциального «другого» приобретает ключевое значение. Наиболее ярким примером данного процесса может служить дискуссия о причинах Второй мировой войны между сторонниками отделения нацистской идеологии и режима от немецкого этноса, с одной стороны, и стереотипированием немцев как «агрессивных» по своей природе – с другой. В обоих случаях видение отношений власти и общества определяет

границу «другого» с присущими ему негативными характеристиками и бременем вины за конфликт.

Аналогичное значение отношения власть – общество исторически имели для осознания субъекта «своего» и его возможных границ: насколько существенным является объективное отличие в доступе к власти и сопутствующим возможностям между элитой и народом и становится ли оно препятствием для создания единого «своего», даже при наличии значительного сходства (культурного, языкового, территориального). При рассмотрении имперских конфликтов в период монархической системы властных отношений появляются основания говорить о большем расслоении «своей» идентичности на подкатегории согласно уровню социального положения, который в то время играл определяющую роль для самовосприятия. Так, в Отечественной войне 1812 г. «другой» для российской политической элиты – противостоящая французская элита, однако до и после войны с ней поддерживались значительные связи (Франция для России в тот период – культурный «свой» вне рамок конфликта). Для несовпадения «своей» и «чужой» идентичности с границей государства или этноса в данном случае существуют и другие основания: сходство аристократического положения и социального строя, а также интересы обеих элит. Таким образом, вне конфликта наблюдается существенная вероятность ассоциации российской социальной элиты с французской элитой, а не с народом, в рамках аристократического «своего», когда главным отличием от «других» становятся уровень благосостояния и общие культурные ценности.

Напротив, для населения (вне элиты) «свой» и «другой» во время этого конфликта в значительной степени не имеют предварительного контакта до войны, а соответственно и представления об объективной общности или разности друг от друга. Согласно историческим и литературным источникам, «образ другого» на народном уровне в Отечественной войне 1812 г. основывается на стереотипировании национальности и языка («другой» – «француз»), религиозных («свой» – православный) и внешних признаков (особенности военной формы: кокарды, синие мундиры и связанные с этим народные прозвища «другого»). При этом российский элитный «свой» и народный «свой» не всегда разделяют одни и те же ценности, так же как не обладают одинаковым видением и пониманием причин конфликта.

В российско-турецких конфликтах данная тенденция также находит подтверждение. Осознание границы «другого» происходит по тем же общим признакам, которые народный «свой» видит в себе: по языку и религии (образ православного «своего» и «басурманина» – «другого»). «Другой» наделяется упрощающими его стереотипами: «басурманин» «злой» и негативный по своей природе (стереотип, создающий упрощенный образ «другого» без необходимости объяснения мотивов). Вероятная причина придания значимости поверхностным, внешним различиям – отсутствие воз-

можности полноценного осознания «себя» и иных критериев сходства с другими членами «своей» идентичности в ограниченном информационном и образовательном (ограничивающим восприятие) пространстве. «Своя» идентичность традиционно видит себя положительно – как «людей с правильным поведением»⁸.

На широком уровне такое поведение исторически воспринималось буквально и отличия «другого» в элементах повседневного поведения (язык, религия, одежда) – заметный признак, принимающий на себя роль границы «своего» и «другого» в отсутствие дальнейшего знания и понимания друг друга. Таким образом, в системе, когда для «своего» власти и общества важное значение в осознании границы собственной идентичности играет социальное положение, может наблюдаться несовпадение элитного и народного «своего» или другой уровень контакта, знания и отношений между «своим» и «другим». Четкая граница «своего» и «другого» отсутствует: скорее, в отсутствие конфликта граница идентичности пройдет по различию статуса аристократия – крестьянство, и лишь позже, с развитием взаимозависимости власти и общества в современной демократической системе в рамках национальных государств (nation state), появится более консолидированное осознание «себя» для установления границы перед «другим».

Параллельно тенденции ко все большему совпадению идентичностей в конфликте с границами национальных государств при росте национального и патриотического самосознания, объединяющего разных «своих» внутри страны, эволюционирует и роль, которую «образ другого» традиционно выполнял до появления «новых войн». В конфликтах XX в., беспрецедентных по количеству жертв, одной из основных функций «образа другого» становится не просто отчуждение «другого» как «не своего» с другим поведением, а его психологическая «демонизация», лишение его человеческого облика, и наделение образом этническим. Во многом этот процесс также строится на проведении границы «своего» и «другого» по легко заметным внешним признакам, однако, как отмечает ряд исследований⁹, он начинается целенаправленно поощряться воюющими сторонами и правительствами для смягчения психологического барьера массового убийства людей в меняющихся условиях конфликта.

В связи с этим «образ другого» становится не просто «другим» («француз», «басурманин»), но намеренно отталкивающим и менее человечным (тенденция, которая получит дальнейшее развитие в образе террористического «другого» на современном этапе). В частности, с увеличением числа не приграничных, а глобальных, межцивилизационных конфликтов (постколониальные конфликты разных культур и рас, Корея, Вьетнам, Афганистан, Ирак, и т.д.) широкое распространение в западном восприятии получает безликий, но отталкивающий своим стереотипированным расизмом и преувеличенным количеством (демог-

■ Международные отношения

рафический образ Азии) «образ другого». Данная тенденция подчеркивает конфликт конструктивистского подхода с представлениями реализма о природной агрессивности человека: демонизация «другого» получает распространение параллельно с развитием военных технологий и увеличением масштабов разрушений и жертв, тем самым примирив «своего» с окружающим его насилием (то есть насилие отторгается человеческой психологией, а не является ее неотъемлемой частью). Эффект демонизации демонстрирует возрастающую значимость «образа другого» для поддержания конфликтного потенциала.

Демонизации «другого», а следовательно, и накоплению ответной агрессии способствует не только стремление к сглаживанию и принятию уровня насилия, но и все большее количество информации. Первая мировая война становится переломным моментом для сложившегося ранее героического военного эпоса: появление и всевозрастающая доступность информации о жертвах, военных преступлениях и технологически возможном уровне насилия придают войне отталкивающий образ не только в исторических источниках, но и в популярной культуре, в то время как масштаб военных разрушений делает военный конфликт невыгодным в экономическом отношении¹⁰. Военные преступления Второй мировой войны окончательно закрепляют за военным конфликтом отрицательный образ: война перестает быть не только привлекательной, но и выгодной с экономической и, с развитием международных институтов и ООН, с имиджевой точки зрения.

Современный «другой» в конфликте: информационное и компаративное усложнение

Информационная революция и изменение отношения к войне и масштабам конфликта ознаменовали начало усложнения субъекта и функций «образа другого» на пути к становлению современного «другого» в конфликте. Отмеченные ранее процессы демонизации и отождествления «другого» с очевидными отличиями внешности и поведения сохранились в той или иной форме до сих пор¹¹. Однако к традиционным формам и «образам другого» добавились новые особенности, вызванные дальнейшим развитием намеченных ранее тенденций:

- изменением характера конфликтов (появлением новых и асимметричных войн);
- доступностью и скоростью распространения информации;
- изменением возможности «своего» осознавать «свою» идентичность и сравнивать ее с другими конфликтами (повышение уровня политического самосознания и образования).

В данном разделе будет рассмотрено несколько тенденций, свидетельствующих об усложнении «образа другого» и его роли:

1. *Изменение самосознания «своего» и восприятия «другого».* Предыдущие примеры отмечали постепенную эволюцию отношений власть – об-

щество и влияние элита-общественного разделения на восприятие однородности и сплоченности «своего» и «другого». Эти отношения в значительной степени обуславливали и доверие к «образу другого», предлагаемого «своим». В разделенной (например, монархической) системе власть – общество народный «свой» был склонен стереотипировать и искать отличия от «другого» в конфликте, который происходил независимо от воли народного «своего». К примеру, в Наполеоновских и Русско-турецких войнах народный «свой» имел лишь общее представление о причинах конфликта и следовал за решениями элитного «своего». Тем самым упрощенный и объективно необоснованный «образ другого» (например: турок – басурманин – злой) представлял собой механизм психологической адаптации к наличию противника и к навязанному конфликту как таковому.

В современной системе власть – общество, особенно в демократическом соотношении и дискуссии акторов внутри «своего», вероятность не подвергаемого сомнению «другого» существенно ниже. Дистанция власть – общество значительно сократилась, и при увеличении контактов с «другим» в условиях глобализации и открытых экономик, а также с увеличением повседневной информации о «своем» и «другом» в конфликте, затрагивающем всех, недостаточно просто представить и поверить в чуждость и враждебность «другого».

Структура и самосознание «своего» с развитием демократической системы претерпевают значительные изменения: «свой» институализируется в рамках национального государства. Общественный «свой» оказывается вовлеченным в политический процесс через выборы, влияние общественного мнения, партии, протесты и другие формы политического выражения. Ощущение непосредственного участия общества в политических решениях и создании «других» получает развитие в утверждении политических прав и свобод. С распространением образования и политического сознания общество начинает верить в свою возможность понять и разобраться в причинах политических явлений, в том числе конфликтов. Появляется иллюзия правильности собственного знания: «эффект третьего»¹², продемонстрировавший разное ощущение воздействия СМИ на общественное восприятие: каждый считает себя способным разобраться в потоке информации и занижает влияние СМИ на собственное мнение, в то же время приписывая зависимость от СМИ другим людям. Тем самым складывающийся из индивидуального коллективный общественный «свой» обретает иное самосознание и восприятие собственных возможностей в политических решениях и создании «других». В современном конфликте «образ другого» формируется обществом по его собственному убеждению и в результате иллюзии знания о «другом» (общество способно понять политические процессы).

Косвенным последствием эволюции «своего» и его осознания своих границ и причастности к политике и конфликтам становится динамика формирования и изменения «другого». Так же как чуждость «другого» подвергается большому сомнению в начале конфликта, образ уже отчужденного «другого» становится сложнее изменить, если «свой» убедился в собственной правоте. Примером может служить сохранение пережитков мышления «холодной войны» в современных российско-американских отношениях: приняв стереотип о «другом», общество не может изменить свое представление уже несколько десятилетий;

2. *Ускорение оборота информации и событийности «образа другого».* Современное информационное общество исходит из представлений о наличии общих человеческих ценностей и прав. Тем самым эксклюзивность собственного правильного поведения (предыдущая формула «своего» как «людей с правильным поведением») помещается в контекст общих устремлений: внешнее поведение может отличаться, однако конечные цели у «своих» и «других» совпадают. Как уже отмечалось, признаки поведения или внешности могут по-прежнему использоваться как элементы чуждости «другого», однако в современном конфликте «образ другого» часто становится событийно-ориентированным.

С ускорением распространения информации (телевидение, Интернет, блоги, Youtube, твиттер), роль отдельного события и информации о нем на изначальных этапах формирования «другого» значительно возрастает. Пропорционально возрастает и влияние информации на политическое поведение демократических государств: выборные циклы обусловили краткосрочность политических выводов о «другом». Попавшие в СМИ и Интернет сообщения и любительские видео отдельных столкновений повстанцев с правительственными войсками в Ливии или Сирии оказали значительное влияние на формирование и восприятие «другого» в Европе и США. Быстро доступные данные, показывающие шокирующую близость происходящего насилия и вызывающие политический порыв к действию, создают иллюзию достоверности и длительной чуждости «другого» до конфликта: нынешние события воспринимаются как лишнее доказательство того, что «было известно уже давно»¹³. Тем самым «образ другого» в Каддафи и Асаде приобретает иллюзию временной достоверности.

Растущая событийная ориентированность «образа другого» совпадает по времени с феноменом ускорения социального времени. Меняется характер конфликта: вместо продолжительных межгосударственных войн большая часть современных конфликтов обретает форму асимметричного конфликта или столкновений с негосударственными формированиями. Отрезок времени между произошедшим событием, получением информации о нем и формированием на основе этой информации «образа другого» сократился до минимума. Таким образом, общественное вос-

приятия «другого» не только фрагментируется до отдельных событий, но и объективно ускоряется;

3. *Углубление компаративной составляющей «образа другого».* Иллюзия прошлого в свете настоящего может происходить и наоборот: современный «другой» часто ассоциируется с образами прошлых событий. Это изменение «образа другого» также стало возможным благодаря двум параллельным тенденциям. С одной стороны, этому способствовало усложнение информационного поля и политического знания. С другой стороны, произошла консолидация «своего» в рамках национальных государств, и благодаря этому стало возможным накопление предыдущих «образов другого» в коллективной памяти «своей» идентичности, относительно стабильной в границах. Значительно возросла не только возможность сравнивать «образы других» в поисках признаков чуждости «другого» (компаративная функция), но и убедительность «образа другого» за счет устойчивых параллелей, которые он вызывает (ассоциативная функция).

Благодаря этому изменению происходит усложнение «другого» через метафорическое стереотипирование. Помимо внешних признаков отличия от «своего», возникают ассоциативные аспекты чуждости «другого», не основанные на реально наблюдаемом или поверхностном отличии. Через использование метафоры (сравнения) с известным и однозначно оцениваемым событием прошлого происходит «перенос смысла и оценки одного события на другое»¹⁴. Так, описание непонятных или малоизвестных обществу событий через параллели с Гитлером, нацизмом или геноцидом задает четко негативные рамки первоначальному восприятию «другого» (примером снова может служить западное восприятие «арабской весны»). В «образе другого» сосредотачиваются отрицательные черты: агрессия, насилие, неуважение к человеческим ценностям и другие стереотипы. С другой стороны, политические действия также воспринимаются в сравнении: так, в российском общественном мнении вмешательство НАТО в ливийский кризис рассматривается в негативном контексте вмешательства США в Ирак в 2003 г.¹⁵ В результате достигается эффект сходства событий, и восприятие прошлого может перенестись на восприятие настоящего.

Компаративное усложнение «образа другого» проявляется не только во влиянии ассоциаций на отчуждение «другого», но и в помещении отдельно взятого «другого» в глобальный контекст восприятия «своих» и «чужих». Возрастающая политическая взаимозависимость и информированность приводит к вовлечению «своей» идентичности в конфликт третьих групп («другой»-«другой»). «Свой» помещается в наднациональный контекст: несмотря на политическое несогласие со вторжением союзников в Ирак, Россия, Германия и Франция не ассоциировали себя с иракским «другим». Если раньше отношение к конфликтам третьей стороны формировалось на уровне политических интересов (например, неучастие ряда европейских

■ Международные отношения

стран в антинаполеоновских коалициях), то теперь помещение реакции «своего» в глобальную систему координат «скорее своих» и «скорее чужих» становится частью массового восприятия.

Представленные в статье тенденции развития «образа другого» и исторические примеры позволяют вывести следующую схему эволюции и усложнения этого феномена:

Фигура 1

Линейное и компаративное усложнение «образа другого».

Тем не менее уже сейчас намечаются дальнейшие направления эволюции «другого» и «своего» в конфликте. С одной стороны, развитие внутринациональных конфликтов и протестных движений приводят к фрагментации «своего» от национального уровня к иным коллективным идентичностям. С другой стороны, социально-ценностная глобализация развивает тенденцию контекстной ассоциации «своего» с другими «своими» и переводит границу идентичности в ценностную плоскость (например, демократический «свой»). Вместе с отмеченными в данной работе усложнением «образа другого» и изменением самосознания «своего» процесс эволюции идентичностей в конфликте выявляет возрастающую важность конструктивистского анализа, который объясняет конфликт не с позиции рационального поведения, а через реконструкцию сложившихся стереотипов, представлений и аналогий, определяющих восприятие как на коллективном, так и на государственном уровне.

Chernobrov D. Evolution of the Other in Modern Conflict: a Constructivist Experience of Cconflict.

Summary: Conflict, as dealing with power, generally tends to be analysed in Russian sources through the prism of national interest and power play. Emerging new phenomena, such as terrorism, new/asymmetric warfare, popular uprisings (e.g. Arab Spring), and the controversial notion of globalization, tend to be placed in realist frames of balancing, interest and state politics. This essay expands a constructivist contribution to explaining conflict by looking at the evolution of the image of the 'other' and stressing its importance as an element reflecting and cementing the conflict potential at a collective, public level. The argument links the evolution of the Other to its multi-level self-identities, formation of nation-state-self, increase in accessible information flows. By making a socio-historical cut, the essay suggests that conflict 'others' today have become more complex, which inhibits conflict resolution and leads us to reevaluate the often neglected role of constructivist analysis.

Ключевые слова

Идентичность, конфликт, политическая психология, «образ другого», конструктивизм, проблема восприятия в международных отношениях.

Keywords

Identity, conflict, political psychology, self and other, constructivism; perception.

Примечания

1. Более подробно зависимость конфликтного потенциала от «образа другого» проанализирована в статье: Чернобров Д.В. «Информационное изменение образа «другого» в разрешении международных конфликтов». Вестник. 2011. №5 (20). Таким образом, данная статья развивает представленный ранее вывод и помещает его в исторический контекст эволюции «образа другого».
2. Один из основных тезисов, которые предлагает K. Waltz.
3. Barth F. (ред.) Ethnic Groups and Boundaries. Long Grove, IL: Waveland Press, 1998.
4. Примером формирования такой границы может служить вопрос религиозной нетерпимости как одного из уровней идентичности (в данном случае, — основанной на религиозной принадлежности). При наличии множества объективных отличий между абстрактной радикальной религиозной группой и другими людьми (пол, возраст, национальность, социальный статус, личные вкусы, отношение к политике или искусству) именно вопрос религии становится социально «сконструированным» отличием, которое становится границей идентичности «свой» и «другой». Тем не менее до контакта это отличие не является группосоставляющим для «другого», и тем самым до контакта ни «свой», ни «другой» не существуют в той взаимоисключающей форме, которую их граница принимает при встрече.
5. Todorov, T. The Conquest of America: the Question of the Other. Norman, OK: University of Oklahoma Press, 1999. С. 254.
6. Там же. С. 86.
7. Pennebaker J., Paez D., and Rime B (ред.) Collective Memory of Political Events. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. С. 147–175.
8. Hafer C., Olson J., and Peterson A. Extreme Harmdoing: a View from the Social Psychology of Justice. // Esses, V. and Vernon R. Explaining the Breakdown of Ethnic Relations. Why Neighbors Kill. Oxford: Blackwell Publishing, pp. 17–40. С. 29.
9. В том числе Braestrup 1983, Dower 1986.
10. Keynes J. The Economic Consequences of Peace. Harcourt, 1920.
11. Примерами могут служить демонизация режимов Каддафи и Асада в последние 2 года в западных СМИ, значительный уровень этнического стереотипирования и создание антимусульманских предубеждений после распространения глобального терроризма, а также сохранение национализма, использующего сходные методы формирования «образа другого» как в России, так и за рубежом.
12. «Эффект третьего» (third person effect) был предложен социологом В. Дейвисоном (Davison) в 1983 г. и экспериментально развит Ричардом Перлоффом (Perloff) в 1999 г.
13. Zizek S. The Sublime Object of Ideology. London: Verso, 2008. С. 59.
14. Jackson P. Civilizing the Enemy. Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press, 2006. С. 29.
15. Об этом свидетельствуют данные научного эксперимента (Чернобров Д.В.), проведенного на базе МГИМО(У) МИД РФ в сентябре 2012 г. и призванного реконструировать влияние аналогий и сравнений на восприятие «арабской весны».

Новые тенденции в развитии японо-американских военно-политических отношений

Д.В. Стрельцов

В статье анализируются последние тенденции в развитии японо-американского военно-политического союза, включая вопросы оперативного планирования и координации действий. Особое место занимают проблемы взаимодействия двух стран в области создания Противоракетной обороны, вопрос о закупке Японией американских истребителей F-35, а также вопрос о передислокации базы Футэмма на Окинаве. Автор подробно рассматривает результаты японо-американского саммита, состоявшегося 30 апреля 2012 г. в Вашингтоне.

После окончания биполярной эпохи японо-американский «договор безопасности» приобрел новый смысл существования. Особенностью японо-американского договора явилась определенная его «неполноценность» по сравнению с сетевым форматом обеспечения безопасности, например блоком НАТО. Уровень стратегического интегрирования Японии в америкоцентристскую систему безопасности в послевоенный период продолжал оставаться на порядок ниже, чем у стран НАТО, в отличие от которых Япония официально отказывает США в размещении на своей территории ядерных средств и воздерживается от создания каких-либо форм совместного с Пентагоном военного командования, участвует в военных действиях лишь при непосредственной угрозе своему суверенитету. В целом же этот договор составлял один из несущих элементов пресловутой «системы оси и спиц», в рамках которой Вашингтон заключает серию двусторонних военных и военно-политических договоров с ключевыми союзниками в Восточно-Азиатском регионе.

Со второй половины 1990-х гг. на фоне военного и экономического подъема Китая, и в особенности проводимой им политики технической модернизации вооруженных сил, роль и функции японо-американского военно-политического союза подверглись серьезной модификации. Союзники стали рассматривать рост военной мощи Китая как фундаментальный вызов, требующий выработки стратегии сдерживания. Пентагон приступил к реализации стратегии «огораживания», предполагающей перенос центра активности военно-морских сил из Атлантического океана в Тихий, изменение структуры военных баз, а также фундаментальную перегруппировку войск и с учетом китайского фактора. Одновременно для укрепления своих позиций в Восточной Азии Вашингтон взял курс на то, чтобы оптимизировать систему двусторонних договоров безопасности, повысив уровень военного вклада своих стратегических союзников и обеспечив большее равноправие в системе оперативного и стратегического взаимодействия с ними.

Стрельцов Дмитрий Викторович – д.и.н., заведующий кафедрой востоковедения МГИМО(У) МИД России.
E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

С другой стороны, трансформировалось и восприятие значимости военного союза с Америкой и со стороны Японии. В Токио стали ощущать прямую военную угрозу от Китая, который из категории «партнера» и «ответственного акционера» переместился в категорию «военного соперника». Особенно быстро этот процесс пошел после событий сентября 2010 г., когда Пекин оказал на Токио беспрецедентное военно-дипломатическое давление в связи с обострением ситуации вокруг островов Сэнкаку. Переоценка КНР происходила не только на уровне политического руководства, но и в сознании рядовых японцев, которые стали испытывать ощущение прямой военной опасности.

Новый уровень сотрудничества в военно-стратегической сфере стал фиксироваться в ходе ежегодных совещаний по вопросам безопасности с участием министров обороны и иностранных дел (формат «два плюс два»). В июне 2011 г. стороны открыто выступили за налаживание многостороннего взаимодействия в сфере безопасности с Австралией, Южной Кореей, Индией и другими странами, что явилось новым моментом в стратегии безопасности в контексте обозначенных в совместном заявлении общих военных угроз.

Постепенно Япония начала наращивать уровень не только оперативно-технического, но и военно-стратегического взаимодействия с партнером по союзу. Это выражалось, в частности, в развитии новых форм оперативного планирования и координации действий с Соединенными Штатами. Например, на американской базе ВВС Йокота Япония и США развернули совместный пункт управления противовоздушной обороны, на котором работают офицеры «сил самообороны» и ВВС США¹. Расширяется зона ответственности Японии и за совместное патрулирование морских коммуникаций, которая сейчас уже охватывает зону до Тайваньского пролива.

О достигнутом уровне координации можно судить по операции «Томодати» («Друзья»), проведенной военными двух стран после катастрофы 11 марта 2011 г. Если ранее взаимодействие отрабатывалось в основном в ходе военных учений, то теперь, пожалуй, впервые за всю историю оно позволило говорить о полномасштабной совместной операции с участием всех родов войск. Японские вертолеты базировались на американских авианосцах, американские боевые корабли перевозили к району бедствия персонал «сил самообороны» и спасательную технику. Для обеспечения взаимодействия на оперативном уровне стороны обменялись офицерами связи.

Япония продолжала развивать совместно с США систему противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД), основанную на противоракетных средствах защиты морского и наземного базирования. Данная система стала разрабатываться после 1998 г., когда Пхеньян осуществил пуски баллистических ракет «Тэпходон», перелетевших остров Хонсю и упавших в открытом море. В рамках данной программы на четырех эсминцах военно-морских «сил самообороны»

были установлены современные противоракетные системы «Иджис», имеющих в своем составе ракеты SM-3, а на территории страны установлены несколько противоракетных комплексов РАС-3. Япония активизировала усилия по развитию совместных с американцами систем радарного наблюдения. Программа ПРО предусматривает совместные разработки противоракетных систем нового поколения и модернизацию ракетных комплексов SM-3. В рамках программы ПРО ТВД в военно-морские «силы самообороны» должны поступить от четырех до шести эсминцев с новейшими противоракетными комплексами «Иджис», способными сбивать северокорейские ракеты класса «Нодонг».

В рамках союзнических отношений решался вопрос о закупках Японией в США новейших истребителей пятого поколения. Вопрос об оснащении ими «сил самообороны» возник в связи с существенным изменением военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии, где Китай и Россия – страны, в той или иной степени причисляемые Токио к категории потенциальных военных соперников, активно разрабатывают и разворачивают истребители с функциями «самолета-невидимки». Свою роль играло и то обстоятельство, что Япония встала перед необходимостью постепенной замены своих устаревших истребителей F-4 и F-15.

Первоначально Токио планировал заменять их истребителями пятого поколения F-22 Raptor. Однако действующее законодательство США запрещает экспорт этих видов вооружений. Юридическую проблему составляют закупки F-22 и для самой Японии, которая в силу конституционных ограничений не может иметь вооружения, имеющие наступательный характер. После длительных дебатов Япония приняла в декабре 2011 г. решение закупить истребители F-35 Joint Strike Fighter компании Lockheed Martin. Первые четыре самолета, каждый из которых обойдется Токио по 9,9 млрд иен (около 121,62 млн долл.), должны поступить на вооружение к марту 2017 г.² Общие затраты японской стороны на закупку истребителей при этом могут, как считают специалисты, составить около 13 млрд долл. Предполагается, что к середине 2020-х гг. Япония получит около 40 истребителей³.

Выбор в пользу данного вида истребителя был сделан, исходя из следующих соображений. Во-первых, он имеет лучший уровень технической оснащенности и защищенности от обнаружения радарными, а также иные технические характеристики, выгодно отличающие истребитель от конкурентных моделей, в частности F/A-18 Hornet и Eurofighter Typhoon. Во-вторых, соглашение с американцами обеспечивает допуск японских компаний к участию в операциях по сборке, техническому обслуживанию и модернизации самолета – общий вклад японцев в производство истребителя оценивается в 40%, а это, как ожидается, даст существенный толчок национальной промышленности. Особенно высоко японцы оценили тот факт, что компания Lockheed согласилась в интересах технологического сотрудничества с Японией передать партнерам абсолютно секретную

■ Международные отношения

информацию по конструкции фюзеляжа самолета. Это обстоятельство позволяет японским компаниям участвовать в передовых военно-технических разработках, которые могут быть применены в национальном самолетостроении. Например, концерн Mitsubishi Heavy Industries рассчитывает использовать их в производстве новейшего истребителя Shinshin.

В-третьих, играют свою роль и военно-политические соображения, в частности, тот факт, что F-35 принимается на вооружение в армиях основных военных союзников Токио по региону – США и Австралии. Закупки истребителей, кроме того, служат задаче улучшения стратегических отношений с американцами, которые после 2009 г. переживали определенный кризис, связанный с нерешенностью проблемы базы Футэмма. Наряду с операцией «Томодати» сделка по F-35 мыслится во многом в качестве символического шага, олицетворяющего прогресс в отношениях между союзниками.

В 2000-х гг. определенную проблему для военно-политического союза с Америкой представляет вопрос о выполнении Японией в полном объеме ее финансовых обязательств по обеспечению работы американских военных баз, размещенных на ее территории. Япония оплачивает значительную (около трех четвертых от общей суммы) часть расходов по жизнеобеспечению американских военных объектов, а также заработную плату занятых на них примерно 25 тыс. японских граждан. Общая годовая сумма расходов по статье «финансовые обязательства принимающей стороны» составляет около 188 млрд иен (или 2,2 млрд долл. США при курсе 82 иены за долл.). Проблема заключается в том, что Япония, стоящая на пороге кризиса государственных финансов, делает все возможное для сокращения бюджетных расходов и постоянно ставит перед партнером вопрос об уменьшении своих обязательств.

В декабре 2010 г. стороны пришли к соглашению о том, что начиная с 2011 фин. г. Япония продолжит выполнять свои финансовые обязательства по базам в течение следующих пяти лет на текущем уровне. Вместе с тем, уступая требованиям японской стороны, США согласились на постепенное сокращение численности японского персонала баз, а также на снижение японской доли расходов на жизнеобеспечение баз с 76 до 72%.

Одной из сложных проблем союза продолжает оставаться вопрос о передислокации базы Футэмма на Окинаве. Принципиальное решение о передислокации базы морской пехоты Футэмма в город Хэноко на севере Окинавы было принято в 2006 г. с целью облегчить положение жителей близлежащих районов, страдающих от шума и иных рисков в связи с полетами вертолетов в непосредственной близости от городских кварталов. Достигнутая договоренность явилась результатом более тринадцатилетних переговоров, ход которых периодически осложнялся различными инцидентами с участием американских военных. В числе последних – изнасилование японской школьницы американским военнослужащим в 1995 г., а также

падение американского военного вертолета на территорию университетского городка в 2004 г.

Договоренность, получившая название «дорожной карты», носила характер пакетной сделки и предполагала передислокацию базы в менее населенный район острова, включая строительство там нового аэродрома, а также одновременный вывод 3-го экспедиционного корпуса морской пехоты (8 тыс. военнослужащих) с Окинавы на о. Гуам. Реализация плана позволила бы сократить американское военное присутствие на Окинаве и ослабить бремя префектуры, связанное с размещением американских войск на острове (на Окинаве, площадь которой составляет около 1% площади Японии, размещено 65% от общего числа американских войск, расквартированных в Японии). Япония брала на себя обязательство покрыть около 60% от общей суммы расходов на передислокацию базы, по тогдашним оценкам составлявших около 10,3 млрд долл.

Наибольшую проблему для японского правительства представляла позиция местных властей города Хэноко, которые под давлением общественного мнения выступили против данного плана (по закону для его реализации требуется согласование с местным муниципалитетом). Во многом по причине того, что альтернативного варианта с переносом базы на территории Японии найти не удалось, правительство Ю. Хатоямы ушло в 2010 г. в отставку. Не было найдено взаимоприемлемого решения и при правительстве Н. Кан, которое сосредоточилось на первоочередных задачах по восстановлению страны после природно-техногенной катастрофы 11 марта 2011 г.

В результате вопрос о передислокации базы Футэмма, ставший «острым шипом» в двусторонних отношениях, перешел по наследству пришедшему ему на смену в августе 2011 г. кабинету Е. Нода. Его глава фактически оказался в безвыходном положении. Оставлять его в замороженном состоянии стало недопустимым по той причине, что это поставило бы под удар проводимую США реформу системы военного присутствия в Западной части Тихого океана, одним из ключевых пунктов которой является перевод на Гуам части морской пехоты, расквартированной на базах в Японии. Нужно было срочно выводить отношения с партнером по союзу из состояния спячки и перед лицом угроз, непосредственно затрагивающих интересы военной безопасности страны. Степень актуальности этих угроз Япония смогла оценить в период 2010–2011 гг., когда напряженность в близлежащих районах становилась все более острой. Именно в этот период произошел инцидент с китайским рыболовным судном в районе островов Сэнкаку и обострилась ситуация на Корейском полуострове (обстрел острова Енпхендо, испытание ракеты-носителя в КНДР и проч.). Свою роль играли и внутривнутриполитические причины: ДПЯ, катастрофически теряющей поддержку избирателей, срочно потребовались внешнеполитические успехи в преддверии новых парламентских выборов.

Однако реализация «дорожной карты» 2006 г. сталкивалась с большими трудностями из-за его неприятия местной общественностью, мнение которой ДПЯ, пришедшая к власти на волне популизма, игнорировать не может. В Японии не удалось найти ни одного места, где местные власти оказались бы готовы дать согласие на размещение базы. К тому же план 2006 г., предполагающий строительство вертолетной базы и иных дорогостоящих объектов военной инфраструктуры, столкнулся с оппозицией внутри американского конгресса.

Три влиятельных сенатора (Карл Левин, Джон Мак-Кейн и Джим Вебб) в мае 2011 г. выступили с заявлением о том, что реализация плана влечет слишком большие расходы для американских налогоплательщиков, в связи с чем следует подумать о перемещении базы на уже имеющиеся на Окинаве военные объекты, например военно-воздушную базу Кадэна. Сенат, от решения которого зависит финансирование плана, передал его на независимую экспертизу в один из неправительственных «мозговых центров» – Центр стратегических и международных исследований. Между тем мэр города Кадэна заявил о решительном отказе местной власти давать согласие на передислокацию. Свои сомнения в целесообразности переноса морской пехоты базы в Кадэна, которая в этом случае стала бы выполнять несвойственные ей функции, высказали и в Пентагоне. На этом фоне американцы к концу 2011 г. пришли к выводу о том, что «топить» японского партнера за невыполнение старых договоренностей будет политически нецелесообразно, а потому следует срочно искать взаимоприемлемый вариант выхода из патовой ситуации.

В феврале 2012 г. США и Япония пришли к соглашению о том, чтобы рассматривать вопрос о передислокации базы отдельно от более широкого вопроса о сокращении и оптимизации американского военного присутствия в Японии, включая тему вывода американских морских пехотинцев. В тексте принятого 8 февраля совместного заявления правительства США и Японии говорилось о том, что план передислокации в Хэноко «остаётся единственным реалистичным решением». Однако вне связи с передислокацией базы было принято решение о переводе 4 тыс. морских пехотинцев с базы Футэмма на военные объекты США в различных точках бассейна Тихого океана, включая Австралию (Дарвин) и Гавайи.

30 апреля 2012 г. в Вашингтоне состоялась первая за последние три года официальная встреча на высшем уровне между премьер-министром Японии Е. Нода и президентом США Б. Обамой. Большой перерыв между саммитами во многом связывается с застоём в политических отношениях между Токио и Вашингтоном, который наметился после прихода в Японии в 2009 г. к власти правительства Демократической партии. Его первый глава Ю. Хатояма провозгласил приоритет азиатского направления во внешней политике, рассматривая его в качестве противовеса традиционному курсу на безоговорочную поддержку США на международной арене. Однако Ю. Хатояма так и не смог

выполнить взятые на себя обязательства по решению вопроса о передислокации базы Футэмма, что явилось причиной самого серьёзного похолодания в японо-американских связях за весь период существования союза.

Визит японского премьера в США проходил в обстановке нарастающего в Японии внутривнутриполитического кризиса, связанного с жестким противостоянием в парламенте правящей партии и оппозиции, силы которых оказываются примерно равными. Этот кризис максимально суживает возможности Нода для дипломатического маневра и принятия неких прорывных решений. На этом фоне первоочередная задача обоих партнеров заключалась в том, чтобы вывести проблему передислокации из центра повестки дня стратегических отношений и придать ее в какой-то степени «периферийный» характер. Это позволило бы привести стратегические отношения двух стран в равновесное положение, создать некий «нулевой баланс» с тем, чтобы на следующем этапе появилась возможность наполнить их позитивной повесткой.

27 апреля, то есть перед самым началом саммита, правительства двух стран выработали общее заявление с оценкой «дорожной карты» 2006 г. В документе говорилось о том, что план передислокации базы должен соответствовать четырем критериям, быть эффективным в оперативном, жизнеспособным в политическом, ответственным в финансовом и значимым в стратегическом отношении⁴.

В заявлении содержалось важное добавление по отношению к предыдущей редакции: план передислокации оценивался в качестве единственного реалистичного решения, «существующего на данный момент». Иными словами, нынешнее совместное заявление оставляет возможность изучения и принятия прочих вариантов передислокации. Очевидно, в основе данной формулировки лежит ясное понимание того, что план перевода базы в Хэноко (Кэмп Шваб) в условиях протестов общественности явно не соответствует тому, чтобы быть «жизнеспособным в политическом отношении». Вместе с тем указание на «единственную реалистичность» данного плана, по мнению газеты «The Japan Times», отражает скептицизм официальной точки зрения по поводу предложений американских сенаторов относительно перевода базы в Кадэну⁵. Заявлением, кроме того, подтверждался принятый в 2009 г. верхний предел расходов, которые надлежит нести японской стороне в связи с передислокацией морских пехотинцев на Гуам, – 2,8 млрд долл. США⁶.

Результатом прошедшего саммита между лидерами США и Японии явилось совместное заявление под заголовком «Общее видение будущего», ставшее первым подобного рода документом начиная с 2006 г. В заявлении утверждается, что японо-американский союз стал в результате своего развития «комплексным партнерством, которое вносит свой вклад в мир и стабильность в АТР». Военно-политический союз характеризуется как «краеугольный камень мира, безопасности и стабильности в АТР». В заявлении декларируется,

■ Международные отношения

что «Япония и Соединенные Штаты обязуются реализовать взятые на себя обязательства путем использования широкого диапазона возможностей по поддержанию регионального и глобального мира, процветания и безопасности»⁷.

В заявлении содержалось указание на то, в каких направлениях стороны будут развивать сотрудничество двух стран в области безопасности. Для Японии это курс на развитие «динамичной обороны», в рамках которого «силы самообороны» должны укреплять свой потенциал в области раннего предупреждения и сбора разведывательной информации в районе островов Нансэй и на Окинаве. Этот курс был зафиксирован в «Основных направлениях Программы национальной обороны», опубликованных еще в декабре 2010 г. в Японии. Декларированный в них переход от «базовой» к «динамичной» обороне призван обеспечить более гибкий ответ на внешние военные угрозы, в числе которых были названы рост военной мощи Китая, усиление активности его военно-морского флота в Восточно-Китайском море, а также ракетно-ядерная программа Северной Кореи. В соответствии с концепцией «динамичных возможностей» «силы самообороны» Японии должны быть готовы к реагированию на самый широкий спектр угроз, включая теракты, провокации и иные формы нападения как в традиционных сферах (морские и наземные пространства), так и в космосе и киберпространстве. Главный упор в программе модернизации «сил самообороны» будет сделан на укрепление потенциала береговой охраны в Восточно-Китайском море, в котором, как предполагается, Китай разместит свой модернизированный авианосный флот.

В заявлении по итогам японо-американского саммита 30 апреля 2012 г. отмечалось, что США будут придерживаться планов передислокации частей морской пехоты на Окинаве, Гуаме, Гавайях и Австралии с целью обеспечения наиболее эффективной в оперативном отношении системы их размещения в регионе⁸. Нода и Обама подтвердили действенность соглашения о передислокации базы и выводе за пределы Окинавы 9 тыс. американских морских пехотинцев, включая передислокацию 5 тыс. военнослужащих на о. Гуам⁹. Еще одним шагом, призванным снизить нагрузку на Окинаву в связи с размещением военных баз США, явилась договоренность двух лидеров о том, чтобы закрыть пять военных объектов к югу от базы Кадэна и передать в три этапа освободившуюся землю ее владельцам¹⁰.

Вместе с тем отсутствие в итоговых документах саммита указания на конкретный план передислокации базы Футэмма вызывает в Японии большое недовольство. Это означает, что база в течение неопределенного срока продолжит функционировать на старом месте, что, по мнению многих, станет для Японии наихудшим среди всех возможных сценариев. Масла в огонь подлило то, что правительства Японии и США в своем совместном заявлении выразили намерение активно проводить в жизнь проекты по обновлению базы Футэмма. В японской печати сообщалось о том, что США уже представили на рассмотрение японской

стороны план по обновлению базы стоимостью 20 млрд долл., рассчитанный на 8 лет начиная с 2012 фин. г.¹¹

Длившийся несколько лет кризис в двусторонних отношениях был преодолен. Оставив вопрос о передислокации базы открытым, Токио и Вашингтон, безусловно, не избавились от раздражителя в отношениях, однако за счет его отделения от проблемы вывода войск за пределы Японии им удалось перевести его на задний план, придав ему статус тлеющего, но не полыхающего конфликта. Стороны фактически договорились о том, чтобы отложить решение вопроса по передислокации на неопределенный срок, что позволяет им сосредоточиться на первоочередных задачах развития отношений союза.

Среди этих задач – необходимость ответа на вызовы, связанные с военным и экономическим подъемом Китая. Хотя Китай в официальных документах саммита не позиционируется в качестве непосредственного источника военной угрозы, японский премьер и американский президент обсудили конкретные вопросы стратегического сотрудничества в рамках пресловутой политики «огораживания» Пекина. В их числе – объединение финансовых ресурсов двух стран для создания системы боевой подготовки и проведения совместных учений на Гуаме и одном из северных островов Марианского архипелага. Было решено, что одно из подразделений «сил самообороны» будет на постоянной основе размещено на острове Тиниан для ведения совместной подготовки.

Обсуждался также вопрос о том, чтобы Япония предоставила Филиппинам по линии ОПР несколько патрульных кораблей береговой охраны. Данный вопрос получил особую актуальность в свете обострения в апреле 2012 г. ситуации в Южно-Китайском море, связанного с территориальными претензиями Китая в отношении Филиппин. Хотя передача кораблей противоречит ограничениям на экспорт вооружений, она может состояться, если будет представлена как действие, направленное на поддержание мира и международной безопасности. В любом случае тема экспорта военных судов, равно как и направления воинских контингентов для «обучения» за пределы Японии, ставшие предметом обсуждения в ходе саммита, затрагивают крайне щекотливую тему интерпретации девятой статьи конституции Японии. Однако достижение конкретных договоренностей однозначно свидетельствует о том, что курс Токио на максимально свободную интерпретацию этой статьи, проводимый на протяжении более чем двух последних десятилетий, остается неизменным.

Нода и Обама провели обмен мнениями по вопросу о ситуации в КНДР, отметив важность взаимодействия с целью предотвратить новые провокации со стороны Пхеньяна. Речь шла прежде всего о неудачном запуске космической ракеты, проведенном в апреле 2012 г. Лидеры США и Японии подтвердили на саммите намерение своих стран развивать сотрудничество в деле повышения безопасности атомных реакторов и развития

альтернативных источников энергии, используя уроки, полученные в ходе преодоления последствий фукусимской аварии. Заинтересованность Японии в США как партнере в сфере безопасности на АЭС, помимо фукусимского аспекта, связана с тем обстоятельством, что Токио считает расширение экспорта своих ядерных технологий важной частью стратегии экономического роста.

Вопрос о ядерных гарантиях США продолжает оставаться достаточно острой проблемой в двусторонних отношениях. Ракетно-ядерная программа Пхеньяна, а также инцидент с китайским рыболовным траулером в сентябре 2010 г. дали основания для усиления алармистских настроений в японском общественном мнении. Тема американского «ядерного зонтика», вернее, актуальности «ядерных гарантий» в условиях изменения стратегического расклада сил, стала одной из наиболее обсуждаемых в современном дискурсе по вопросам национальной безопасности.

В контексте изменившейся военно-политической ситуации многие в Японии задаются более общим вопросом, а именно: сможет ли Япония обеспечить свою безопасность традиционными методами, т.е. через военный союз с Америкой? В отношении США стали появляться определенные подозрения по поводу возможности изменения традиционной политики Вашингтона по развитию военных союзов с «дружественными» странами либо принятия им иных шагов, способных изменить баланс сил в регионе. Говоря более конкретно, вопрос ставится в плоскости того, пойдут ли американцы на использование ядерного оружия (или угрозу такого использования) в случае нападения на Японию, например в рамках территориального конфликта с Китаем (вокруг Сэнкаку) либо вооруженных провокаций со стороны Пхеньяна. Несмотря на словесные заверения со стороны представителей администрации США, неоднократно звучавшие в период президентства Буша и Обамы, ответ на него в глазах Токио по-прежнему неоднозначен. Иными словами, Япония имеет достаточно веские основания сомневаться в готовности США идти на риск быть втянутыми в ядерный конфликт, отстаивая интересы союзников в их территориальных спорах с соседями.

Вопрос о ядерных гарантиях США имеет для Японии и внутривнутриполитическое измерение. Одним из ключевых предвыборных обещаний Демократической партии Японии, пришедшей в 2009 г. к власти на волне популистской политики, явилось коренное изменение места и роли Японии в рамках союза с Соединенными Штатами в сторону большей самостоятельности, придание союзу большей равноправности и открытости. При кабинете Ю.Хатояма руководство ДПЯ придало гласности достигнутые в 1960-х гг. тогдашним руководством страны секретные договоренности с Вашингтоном о транзите ядерного оружия через японскую территорию. В апреле 2010 г. министр иностранных дел Японии К. Окада выступил в этой связи с публичными извинениями и подтвердил неизменность позиции Токио в деле соблюдения «трех неядерных

принципов». В этих условиях особенно рельефно проявился амбивалентный характер японского подхода к вопросам национальной обороны, проявляясь в существовании так называемой «ядерной дилеммы».

Суть ее заключается в сочетании двух взаимоисключающих концептуальных подходов к решению ядерной проблемы. С одной стороны, Япония позиционирует себя как неядерная держава, несущая моральные обязательства в качестве единственной в мире страны, пострадавшей от применения атомного оружия. С другой стороны, Япония, приняв от США гарантии безопасности, де-факто признает легитимность использования американского ядерного оружия для защиты Японии от внешнего нападения¹².

Провозглашенные демократами принципы предполагают отказ от непубличных договоренностей и перевод всей политики в сфере военной безопасности в плоскость публичных и юридически безупречных решений. Если ранее деликатные вопросы военного и военно-технического сотрудничества с США (включая ядерные его аспекты) можно было регулировать в непубличном формате, то теперь любые договоренности между союзниками стали требовать соответствующего публично-правового оформления.

В последнее время наблюдается тенденция постепенного отхода Японии от мирных положений в законодательных актах, закрепляющих ее мирный статус. Речь идет не столько о прямом отказе от 9-й статьи конституции, по которой Япония отказывается от войны как средства разрешения международных споров, сколько об интерпретации вытекающих из нее и являющихся ее продолжением нормативных документов, принципов, соглашений.

Одним из препятствий для дальнейшего развития союза американцы считают юридические ограничения на полномасштабный военный вклад Японии в развитие союза. В целом Вашингтон смирился с тем, что свою конституцию Японии изменить будет не так просто. Действительно, 9-я статья не помешала ей направить войска за пределы страны для участия в миротворческих миссиях ООН и в антитеррористической коалиции в Ираке, а с недавнего времени японские «силы самообороны» открыли в Джибути первую за весь послевоенный период военную базу за пределами Японии. Вместе с тем многие указывают на то, что миссии японских миротворцев потенциально могли бы быть гораздо более эффективными, если бы не жесткая интерпретация конституционных положений, ограничивающих их право использовать оружие исключительно целями самообороны.

Особые нарекания вызывает у США вытекающий из конституции Японии запрет на ведение «коллективной самообороны». Вашингтон опасается, что данный запрет может стать фактором пассивности Токио в деле развития коллективных форматов безопасности в АТР, на которые США стали делать ставку в контексте военного подъема Китая. В рамках общей стратегии «окружения Китая» США стремятся создать под своей

■ Международные отношения

эгидой несколько сетевых структур со взаимно переплетающимся составом участников, которые бы наладили между собой взаимодействие в направлении противостояния общей угрозе (США – Япония – Южная Корея, США – Австралия – Япония – Индия, США – Филиппины – Япония). На этом фоне можно ожидать усиления со стороны Вашингтона давления на Токио в направлении дальнейшего смягчения законодательных норм, ограничивающих право страны на «коллективную самооборону».

Другой момент, не устраивающий американцев, – несовершенство внутреннего японского законодательства, регулирующего военную компоненту обязательств Японии по союзу. По действующему порядку, для участия «сил самообороны» в каждой операции нужно принимать специальный закон, который подлежит ежегодному продлению, что создает большие неудобства для военного планирования. Например, в 2007 г. неспособность кабинета С. Абэ добиться принятия парламентом закона о продлении антитеррористической миссии «сил самообороны» в Индийском океане приве-

ла к острому политическому кризису и отставке правительства, затруднив выполнение Японией обязательств перед партнерами по коалиции. По мнению Вашингтона, законодательная процедура, обеспечивающая участие «сил самообороны» Японии в международных операциях, по сравнению с другими союзниками слишком сложна, в связи с чем американцы продолжают ставить перед Токио вопрос о необходимости принятия общего закона, легализующего отправку военнослужащих за пределы страны.

Streltsov D. V. *New Trends in the Development of the US-Japan Military and Political Relations.*

Summary: *The article examines recent trends in the development of the US-Japan political and defense alliance, including the sphere of operational planning and coordination. A special attention is drawn to the problem of interaction between the two countries in the area of Ballistic Missile Defense, the problem of procurement American fighters F-35, as well as the issue of relocation of the Futemma base in Okinawa. The author reviews the results of the recent US-Japan Summit, held in Washington on April 30, 2012.*

Ключевые слова

«Договор безопасности», японо-американский союз, Противоракетная оборона театра военных действий, база Футэмма, ядерные гарантии, 9-я статья конституции, право на коллективную самооборону.

Keywords

"Security Treaty", Japan-US Alliance, Ballistic Missile Defense, Futemma military base, nuclear guarantees, article 9 of the Constitution, the right to collective self-defense.

Примечания

1. http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/05/02/japan_awakens
2. Japan Times 22.12.2011.
3. http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/05/02/japan_awakens
4. The Japan Times 01.05.2012.
5. The Japan Times 01.05.2012.
6. Майнити симбун. 02.05.2012.
7. Йомиури симбун. 02.05.2012.
8. The Japan Times 04.05.2012.
9. Йомиури симбун. 02.05.2012.
10. Майнити симбун. 02.05.2012.
11. The Japan Times 01.05.2012.
12. Япония: полвека правления либерал-демократов/ Рук. проекта Э.В.Молодякова. М., 2010. С.212.

Евразийская воздушно-космическая оборона идея и проект

А.И. Подберезкин

Журнал «Вестник МГИМО-Университета» начинает публикацию серии статей А.И. Подберезкина, посвященной разработке идеи и созданию абрисов концепции Евразийской воздушно-космической обороны (ЕВКО). Автор признает, что реализация такой системы сегодня может показаться фантастической идеей, хотя не менее фантастическим в свое время казалось создание ОБСЕ, а ныне – евроПРО с участием России. Тем не менее он настаивает на том, что политически, экономически и военно-технически эта идея может оказаться реальной, если, конечно, к ее реализации подходить поэтапно, «без фанатизма», учитывая интересы большинства стран Евразии. В то же время растущий удельный вес неопределенностей в международных отношениях начинает создавать для человечества большие, чем традиционные, опасности. Вниманию читателей представляется первая статья из планируемой серии, в которой обосновываются главные идеи научного проекта.

Мы зачастую слишком мало говорим об эмоциональной стороне дипломатии и международных отношений, а она играет все большую роль¹.

А. Торкунов

Активизация внешней и военной политики США и НАТО в Евразии имеет следствием очевидные негативные военно-политические последствия для России как в широком контексте, так и в области ВКО, которая является в современных условиях наиболее опасной и приоритетной сферой нарастающего соперничества на континенте. Эксперты справедливо отмечают, что «очевидны выдавливание нас с традиционных территорий влияния и рост военной угрозы нашей стране, а также попытки любой ценой наращивать свое присутствие на постсоветском пространстве. К примеру, сегодня одна из стратегических целей НАТО на постсоветском пространстве – установление военного присутствия на Каспии и в Средней Азии, регионах, богатых природными ресур-

сами. Ради этого Запад пытается купить местные элиты, привлекая их выгодными нефтегазовыми контрактами. Потом этих князьков можно скинуть и переформатировать местное государственное устройство. Для размещения своих баз на Каспии альянс найдет поводы, как нашел он их при вторжении в Ирак и Ливию»².

Создание эффективной системы глобальной (под эгидой ООН) или евразийской безопасности в нынешних условиях становится скорее декларацией о намерениях, а не реальной политикой. Как следствие – государства могут рассчитывать либо на повышение надежности национальных систем безопасности, либо на региональные объединения, где существуют общие мотивы и геополитические предпосылки. Соответственно такие модели могут

Подберезкин Алексей Иванович – д.и.н., профессор, проректор по научной работе МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mimo.ru

■ Международные отношения

стать рабочими и при долгосрочном прогнозировании, и при военно-политическом планировании. Как справедливо заметил В. Захаров, «в этой связи военно-политический прогноз, который мог бы лежать в основе создания международных систем безопасности, становится больше искусством, чем наукой, так как отсутствуют проверенные и научно обоснованные методы его оценки и решающее значение приобретает человеческий фактор».

Поэтому значительное внимание сейчас уделяется принципиально новой ситуации, в которой военно-политическое сотрудничество ориентируется на неопределенность (в современном политическом лексиконе неопределенность фактически является синонимом понятий «опасность» и «угроза»). Подобная ориентация стала чрезвычайно важным доктринальным новшеством, поскольку концепция «реагирования на неопределенность», в отличие от конкретно ориентированных концепций «баланса сил», «сдерживания» или «устрашения», не только значительно расширяет систему военных опасностей и угроз, но и не позволяет предопределять необходимую реакцию на них, что исключает системный характер военно-политической интеграции.

Военно-политические интеграционные процессы сегодня связываются не столько с парированием плохо формулируемых вызовов и угроз, сколько с ценностной ориентацией. В этой ситуации Россия, претендуя на роль лидера на постсоветском пространстве, кроме демонстрации своих политических, экономических, военных и прочих возможностей, должна сформулировать для стран-партнеров систему общих ценностей³. Рост политической конфликтности усиливается ростом неопределенностей в развитии военных технологий и военного искусства новых способов использования этих возможностей. Это в полной мере и прежде всего относится к области ВКО, где происходит историческое соперничество между наступательными и оборонительными системами. Уже сегодня ученые спорят и пытаются прогнозировать не только новые политические и экономические конфликты, но и их будущие формы, вытекающие из революционных изменений в технологиях.

Так, исследователь МГИМО(У) В. Каберник делает следующие выводы:

- широкое распространение технологий двойного назначения приводит к сглаживанию технологического отрыва в военной сфере развитых государств от государств «второго эшелона»;

- высокотехнологичные системы и компоненты непрерывно дешевеют и уже в среднесрочной перспективе будут доступны заинтересованным акторам, как минимум, в варианте кустарных аналогов продвинутых боевых систем со сравнимыми характеристиками;

- стоимость комплексных НИОКР в военной сфере непрерывно растет, что является элементом стратегии удержания военно-технического превосходства. В то же время ряд таких проектов оказывается чрезвычайно дорогостоящим для внедрения даже в развитых государствах⁴.

Это означает, что создание эффективной ВКО территории возможно только совместными усилиями нескольких или даже многих государств. Создание евразийской системы воздушно-космической обороны (ВКО) сегодня может показаться фантастической идеей, хотя не менее фантастической в свое время казалось создание ОБСЕ, а сегодня – ЕвроПРО с участием России. Тем не менее представляется, что политически, экономически и военно-технически эта идея может оказаться реальной, если, конечно, к ее реализации подходить поэтапно, «без фанатизма», учитывая интересы большинства сторон. Особенно на фоне целенаправленной и очень активной деятельности США в этой области, которые выделили только на развитие систем ПРО на 2013-й фин. г. 7 750 млн долл. Агентству по противоракетной обороне страны⁵. Всего же за 1985–2012 гг. на эти цели уже истратено 149,5 млрд долл.⁶.

Понятно, что основой евразийской ВКО в ближайшие годы может быть только российская система, хотя уже сегодня некоторые европейские страны, например Польша, Франция и Германия, обсуждают вопрос о создании собственной системы ВКО. Не избежать обсуждения этой проблемы и другим евразийским государствам, в частности Китаю, Индии, Вьетнаму и обоим Кореям. В лю-

История финансирования Агентства по ПРО*

Fiscal Year (FY) \$ in Billions

	FY85	FY86	FY87	FY88	FY89	FY90	FY91	FY92	FY93	FY94	FY95	FY96	FY97	FY98	FY99	FY00	FY01	FY02	FY03	FY04	FY05	FY06	FY07	FY08	FY09	FY10	FY11	FY12
President's Request	1.8	3.7	4.8	5.2	4.5	4.6	4.5	5.2	5.4	3.8	3.2	2.9	2.8	2.6	3.6	3.3	4.5	8.3	6.7	7.7	9.2	7.8	9.3	8.9	9.3	7.8	8.4	8.6
House Authorization	1.4	2.5	2.9	3.1	3.5	3.1	2.3	3.5	4.3	2.7	2.8	3.5	3.5	3.8	3.7	3.7	5.2	7.9	6.9	7.8	8.9	7.9	9.1	8.3	8.6	7.8	8.6	8.9
Senate Authorization	1.6	3.0	3.9	4.5	4.5	4.5	3.6	4.6	4.3	2.8	2.8	3.4	3.7	3.6	3.5	3.7	4.7	5.8	5.9	8.2	9.0	7.8	9.4	8.6	8.9	7.8	8.6	8.4
House Appropriations	1.1	2.5	3.1	3.1	3.2	3.1	2.3	3.5	4.3	2.8	2.8	3.5	3.5	3.7	3.4	3.6	4.6	7.9	7.4	7.5	8.7	7.6	8.9	8.6	8.4	7.8	8.6	8.6
Senate Appropriations	1.6	3.0	3.4	3.6	3.1	4.3	3.6	4.6	3.8	2.8	2.8	3.4	3.7	3.6	3.4	3.9	4.8	6.3	6.2	8.2	9.2	7.9	9.4	8.7	9.0	7.8	8.4	8.4
Authorization Passed	1.6	2.8	3.2	3.6	3.7	3.6	2.9	4.1	4.1	2.8	2.8	3.5	3.7	3.7	3.5	3.7	4.8	8.4	6.6	7.7	8.9	7.8	9.3	8.5	8.9	7.8		8.5
Appropriation Passed	1.4	2.8	3.2	3.6	3.7	4.0	2.9	4.1	3.8	2.8	2.8	3.4	3.7	3.8	3.5	3.6	4.8	7.8	7.4	7.7	9.0	7.8	9.4	8.7	9.0	7.9	8.5	8.4

* Historical Funding levels are for SDIO, BMDO and MDA.

бом случае эта проблема становится актуальнее с каждым годом в силу логики развития воздушно-космических вооружений и военной техники и способов их использования: для большинства экспертов становится все очевиднее, что военная сила как внешнеполитический инструмент определенно приобретает во все большей степени черты воздушно-космического потенциала.

Более того, судя по существующим тенденциям, классические пространства для военных действий – суша, вода, воздух, – безусловно, уступают место интегрированному воздушно-космическому информационному пространству, победа (или поражение) на котором предопределяет политические результаты военных действий. Соответственно способность эффективной защиты в этом пространстве означает уж не только возможность избежать поражения, но и способность противостоять политическому шантажу и способность сохранить суверенитет и национальную идентичность. В борьбе этносов на пространстве Евразии это имеет решительное значение.

Евразийская интеграция и ВКО

В силу разного рода объективных причин вопросы безопасности в Евразии станут в ближайшие годы наиболее приоритетной проблемой. Таких важнейших причин несколько. И связаны они с изменением в соотношении мировых сил, новой ролью Евразии, развитием ВВТ и новейших технологий. В частности, как отмечает профессор С. Небренчин, «по оценкам специалистов, переход к постиндустриальной экономике знаний знаменует начало азиатского цикла накопления капитала, а это означает новый виток геополитического противоборства вокруг Евразии, где уже сейчас протекает около 80% войн и вооруженных конфликтов. При этом в эпицентре столкновения глобальных интересов оказывается все постсоветское пространство. Главными инструментами внешнего вмешательства в дела самого большого континента на Земле выступают транснациональные корпорации, военно-политическая система НАТО и международная объединенная корпорация СМИ и интернет-ресурсов, которые действуют под жестким контролем “мировой закулисы”». И далее: «Известны планы провоцирования развала России посредством дальней дестабилизации обстановки в регионах Средней Азии, Кавказа и Поволжья, отделения от РФ Сибири и Дальнего Востока»⁷.

Учитывая, что удельный вес воздушно-космических средств нападения и обороны в общих военных потенциалах стремительно нарастает, можно сделать вывод, что они неизбежно станут предметом обсуждения на самом высоком политическом и военном уровне. Речь, конечно, идет не только о проблематике евроПРО, но и в целом о ВКО как в евразийском, так и в двусторонних аспектах. Академик А. Арбатов пишет в этой связи: «Очевидно, что евроПРО НАТО, запланированная без участия России и вопреки ее возражениям, не является базой для сотрудни-

чества... А российская ВКО... будет плохо совмещаться с общей (или сопряженной) системой евроПРО Россия – НАТО»⁸.

Переговоры по этой проблематике можно условно разделить на:

- функциональные, то есть посвященные отдельным видам наступательных и оборонительных вооружений, например стратегическим неядерным крылатым ракетам (СКР) или гиперзвуковым летательным аппаратам, а также роли ядерного оружия вообще, в том числе нестратегического;

- двусторонние, связанные с развитием или ограничением ВТС с отдельными государствами Евразии. Классический пример – отказ России от поставок в Иран ЗРК С-300, закупка систем ПВО Сирией, Вьетнамом и другими странами.

По сути, как отмечает в своем докладе Федерация американских ученых, обзорающем позиции «НАТО в области сдерживания и обороны (DDPR)», нестратегические ядерные силы не являются ни причиной, ни решением вопроса европейской безопасности. Однако недостаток политического руководства ведет к тому, что эти системы обладают легитимностью, которой они не должны обладать⁹. Важно подчеркнуть, что растущая активность США в военной области вообще и в области ВКО в Евразии в частности являются частью их общей евразийской стратегией. Как известно, она прикрывается рассуждениями о внедрении в странах этого региона американской системы ценностей. Так, в докладе помощника Госсекретаря США по вопросам Южной и Центральной Азии Р.О. Блейка-младшего говорится: «Расширение нашего взаимодействия с правительствами стран Центральной Азии направлено не только на безопасность и экономические вопросы, но неизменно включает в себя откровенные и открытые дискуссии о необходимости политической либерализации, предоставления большей свободы гражданскому обществу, а также о необходимости уважать общепризнанные права человека»¹⁰.

Процесс евразийской интеграции в узком понимании – как торгово-экономическая интеграция Белоруссии, Казахстана и России (плюс, возможно, Киргизии и Таджикистана) – пока что обходит вниманием ключевую проблему создания единой системы воздушно-космической обороны (ВКО) на всей Евразии либо, хотя бы на первом этапе, на территории постсоветских государств. Между тем угрозы с этого направления становятся все более осязаемыми:

- во-первых, с геополитической точки зрения очевиден растущий потенциал военного присутствия США и НАТО в Центральной Азии. Как отмечают эксперты, «идея “Шелкового пути” не только существовала, но и была оформлена в проект закона еще в 1997 г. – задолго до начала войны США в Афганистане. В 1999 г. палата представителей США приняла “Закон о стратегии “Шелкового пути”», и сенат включил его в бюджетный “Закон по зарубежным операциям, экспортному финансированию и связанными с этим программами” на 2000-й налоговый год (FY 2000 Foreign

■ Международные отношения

Operations, Export Financing, and Related Programs Appropriations Act)»¹¹.

В этой связи обращает на себя внимание политическая логика руководства США в отношении Евразии, которая наглядно просматривается, например, в подходе главного информационно-консультативного органа правительства страны – Центрального разведывательного управления (ЦРУ). На официальном сайте этого ведомства Россия вместе с постсоветскими государствами Средней Азии представлена как эпицентр Евразии, «за скобками» которого остается европейская часть континента и восточные регионы (Восточная Сибирь и Дальний Восток). Представляется, что такое представление о России и Евразии неслучайно.

Если исходить из приоритетного внимания США к среднеазиатским постсоветским республикам, то подразумевается, что их дестабилизация (особенно Казахстана) приведет к распаду России на европейскую и азиатскую части. В этом случае наиболее развитые районы Южного Урала и Западной Сибири и коммуникации, которые проходят с запада на восток и с севера на юг по Челябинской, Омской, Новосибирской и другим областям, окажутся под фактическим контролем США, впрочем, как и основные российские запасы природных ресурсов¹².

Это подтверждается и другими изображениями политических карт Европы и Азии, на которых Евразия четко делится на две политические части – европейскую и азиатскую¹³.

«Этот закон обязал исполнительную власть США прилагать все необходимые усилия для построения в регионах Средней Азии и Южного Кавказа “открытых демократических систем” и “открытых рыночных экономик”. “Открытые” в терминологии США означает доступность для американского проникновения. Белому дому было предписано “активно продвигать участие американских компаний и инвесторов в планировании, финансировании и строительстве инфраструктуры коммуникаций, транспорта, включая воздушные сообщения, автодороги, железные

дороги, порты, морские перевозки, банки, страхование, телекоммуникационные сети, газовые и нефтяные трубопроводы”. Проекты должны реализовываться силами частного капитала, что подразумевает приватизацию местных ресурсов и инфраструктуры»¹⁴.

EUROPE

ASIA

«В мае 2006 г., с учетом военных реалий “Закон о стратегии Шелкового пути” был основательно обновлен и дополнен. В частности, США взяли на себя обязательство по “развитию внутреннего оборонного потенциала и обеспечению безопасности границ” государств “Шелкового пути”. Как объясняют разработчики из Вашингтонского Центра стратегических и международных исследований (CSIS), “современный «Шелковый путь»” является “частью противоповстанческой стратегии США в регионе”. Как и Северная сеть доставки (NDN) – пути снабжения оккупационных войск США и НАТО в Афганистане, проходящие через Россию, которую в Вашингтоне считают первым шагом к реализации “Шелкового пути”»¹⁵.

Таким образом, “Новый шелковый путь” продолжает американскую стратегию Большой Центральной Азии и преследует массу важных целей одновременно:

- освоение природных ресурсов Афганистана, оцененных геологической службой США в 1 трлн долл.;
- получение доступа к рынкам, насчитывающим более двух миллиардов человек – почти четверть населения планеты;
- строительство капитализма в регионе, многие районы которого находятся в феодальной стадии развития;
- получение предлога для расширения военного присутствия и размещения военных баз – “для защиты трубопроводов”;
- перенаправление природных ресурсов региона от Китая в Индию и Пакистан;
- создание региональной организации “государств Шелкового пути” в противовес ШОС и ОДКБ.

Что касается России, то она незримо присутствует в законе 2006 г., где ставится цель “предотвращения установления любой другой страной монополии на энергоресурсы или энергетическую транспортную инфраструктуру в странах Центральной Азии и Южного Кавказа, способной ограничить доступ США к энергоресурсам”»¹⁶;

– во-вторых, ни одна из стран, включая Россию, не говоря уж об Украине или Казахстане, неспособна обеспечить ВКО своей территории самостоятельно, без научно-технического и экономического сотрудничества с другими государствами СНГ и Евразии. Уровень такого сотрудничества, однако, определяется уровнем военно-политического сотрудничества, общностью системы ценностей и пониманием необходимости усиления позиций в конкуренции этносов в Евразии. Простой пример. За последнее десятилетие военные расходы США выросли с 300 до 700 млрд долл., а расходы на разведывательную деятельность – до 80 млрд долл.¹⁷;

– последние 20 лет продемонстрировали, что военная сила развитых государств, использовавшаяся США и их союзниками активно против Югославии, Ирака, Ливии и других государств, представляет собой прежде всего способность к нанесению высокоточных ударов авиацией и

крылатыми ракетами, а их нейтрализация зависит от развитой системы ВКО;

– в последнее десятилетие складывается ситуация, когда США фактически создают единую систему ПРО вокруг и в самой Евразии, состоящую из отдельных территориальных систем в Европе, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Предположительное завершение создания единой системы ПРО к 2020 г. может привести к такой ситуации, когда США смогут без особого риска использовать во всей Евразии высокоточные системы наступательных вооружений, превратив их фактически в потенциал первого, «разрушающего» удара. Традиционное ядерное сдерживание перестанет существовать, а вместе с ним и последний атрибут великой державы для России. Вместе с тем ряд экспертов, и среди них академик А. Арбатов, полагают, что имеющиеся у России комплексы средств преодоления ПРО (КСП ПРО) уже сегодня «на порядок более эффективны..., чем запланированная к 2020 г. система США/НАТО»¹⁸;

– утеря Россией возможности ядерного сдерживания неизбежно отразится не только на ее внешнеполитических позициях и суверенитете, но и на позициях ее союзников по ОДКБ, более того, на всей ситуации в Евразии. Фактически большинство из этих государств могут оказаться объектом шантажа массированным воздушным ударом по всей своей территории. Пример с Ливией очень показателен: война была выиграна с помощью КР и авиационных ударов без наземной операции;

– рост конфликтности в Евразии – очевидный факт, имеющий прямое отношение не только к Центральной Азии, но и к Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии, где территориальные и экономические проблемы становятся все более острыми, а готовность к их разрешению снижается. В немалой степени этому способствует и растущая конкуренция в мире, борьба за ресурсы и влияние.

Сказанное свидетельствует о том, что проблема создания эффективной ВКО – это отнюдь не российская, а евразийская проблема, в решении которой должны быть заинтересованы по большому счету все государства континента. Но следует подчеркнуть, что и России необходимо решительнее выходить за рамки идеи создания национальной ВКО, которая не может быть реализована только с использованием ресурсов нашего государства. Тем более что такая система ВКО объективно не может «разорвать» решение проблемы евразийской безопасности на сугубо «российскую» и «остальную». Как справедливо заметил академик А. Торкунов, «при рассмотрении любого исторического феномена необходима своеобразная шкала мер, элемент сопоставления. Российскую государственность, степень консолидации российского суверенитета можно понять только на общем фоне международных отношений конкретного периода, только в сопоставлении с состоянием дел у ближайших соседей и лидеров мирового порядка»¹⁹.

В этой связи важно подчеркнуть тезис, который постоянно пытаются игнорировать в последние десятилетия: в международных отношениях,

несмотря на возростание роли «мягкой силы» и экономических средств воздействия, на все процессы глобализации и «гуманизации», военная сила остается одним из решающих инструментов внешней политики. При этом важно понимать, что военная сила, как и в XX в., реализуется в двух формах – политико-психологической (давление, шантаж) и прямой, в виде военных действий. Для того чтобы политико-психологическая (в том числе «эмоциональная») форма была эффективной, нужно, чтобы угроза использования военной силы выглядела абсолютно реальной.

Здесь играют главную роль не намерения («intentions»), а возможности («capabilities») ее применения. «Центром военной активности США в Средней Азии, помимо Киргизии, стал Таджикистан. Согласно пресс-релизу, в Таджикистане Центральное командование ежегодно проводит от 50 до 60 программ и мероприятий в сфере безопасности, а в 2011 г. – более 70»²⁰. В частности, закончено строительство Национального центра боевой подготовки; создаются системы межведомственной связи для правительства Таджикистана; построен мост через реку Пяндж с пограничным и таможенным постами на таджикско-афганской границе – комплекс, который «способствует увеличению коммерческого обмена, укрепляющего связи Таджикистана с его южным соседом»²¹. «Институт иностранных языков министерства обороны США провел два 16-недельных курса английского языка для таджиков, закончена реконструкция Академии МВД Таджикистана, оказывается содействие в обучении кадров. Построены пограничные заставы в Шурабаде и Яхчи-пуне, на открытие которых в июне 2011 г. приезжал сам Браунфилд – там установлены «полы с обогревом»²²!

Военный партнер Таджикистана – Национальная гвардия штата Вирджиния – также расширяет военное сотрудничество: проведение боевой подготовки и обмен информацией в 2011 г. дополнены формированием «мирового подразделения», подготовки последствий чрезвычайных ситуаций» и военно-гражданской медицинской готовности»²³, – отмечает российский эксперт Г. Бородин.

Поэтому, когда мы рассуждаем об изменении соотношения военных сил и неприятии ущерба использования военной силы, необходимо иметь в виду, что стремление ведущих государств обеспечить себе силовые позиции неизбежно должно быть обеспечено материальными возможностями – соответствующими вооружениями, военной техникой, вооруженными силами и концепциями их использования. Сегодня речь идет прежде всего о высокотехнологических и высокоточных системах наступательных и оборонительных вооружений, которые (вкуче с информационными и коммуникационными) средствами составляют единый наступательно-оборонительный комплекс.

Ложные иногда рассуждения о «недопустимости войны», ее «невозможности», «аморальности» и «бесчеловечности» не имеют ничего

общего с реальной политикой, которая опирается не на намерения, а на интересы и возможности их реализации. Политические декларации имеют определенный смысл лишь до определенной степени. Реальность такова, как она описывается серьезными исследователями в области ядерной стратегии. Как отмечают эксперты, в 1998 г. из 6 тысяч ЯБЗ российских СЯС гарантированно достигли бы США не более 600 (то есть 10%). Но на самом деле ситуация выглядит еще сложнее. Как отмечают эксперты, «выполнение планов ядерной войны обеспечивается поддержанием в ВС США боезапаса около 5000 ядерных боезарядов (ЯБЗ), а во Франции, Великобритании и Китае ядерного боезапаса по 200–300 ЯБЗ у каждой страны. К югу от РФ, в Азии, находятся все остальные ядерные страны мира, осуществляющие качественное и количественное наращивания ядерных вооружений (сначала ближней, затем средней и потом большой дальности) – Израиль, Индия, КНДР, Пакистан. С завершением создания в Иране шиитской ядерной бомбы вокруг РФ почти замкнется дуга из ядерных стран»²⁴.

Понятно, что в России внимательно анализируют ситуацию и предпринимают действия по ее нейтрализации, в том числе в области ВКО. Конкретно речь идет о программе воздушно-космической обороны (ВКО), являющейся приоритетом Государственной программы вооружения до 2020 г. (ГПВ-2020). В 2011 г. на базе Космических войск был сформирован новый род войск – ВКО. В ГПВ-2020 на программу выделено порядка 20 процентов средств – около четырех триллионов рублей (примерно 130 млрд долл.). Помимо модернизации существующих и создания новых элементов системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), планируются массовая закупка зенитных ракетных комплексов С-400 «Триумф» и С-500 «Витязь», модернизация Московской системы ПРО (А-135), а также главное – создание интегрированной информационно-управляющей системы ВКО²⁵.

Podberezkin A.I. Eurasian aerospace defense as the idea and the project.

Summary: Magazine «Vestnik of the MGIMO-University» starts publication of series of articles, A. Podberezkin, dedicated to the development of ideas and create contours of the concept of the Eurasian air-space defense (EASD). The author acknowledges that the implementation of such a system today can seem like a fantastic idea, but not less fantastic in its time it seemed to the creation of the OSCE, and now – EUROPRO with the participation of Russia. Nevertheless, he insists that politically, economically and military-technically this idea can be real, unless, of course, to the implementation of the phased approach, «without fanaticism», taking into account the interests of the majority of the countries of Eurasia. At the same time, the growing weight of the uncertainties in international relations was created for humanity greater risks than traditional threats.

The attention of the readers is the first of a planned series, in which justifies the main ideas of the research project.

Ключевые слова

Воздушно-космическая оборона, российская ВКО, технологии, расходы, евразийская интеграция.

Keywords

Air-space defense, the Russian ACD, technology, costs, Eurasian integration.

Примечания

1. Рокоссовская А. Магистры мира // Российская газета. 2012. 27 сентября. С. 10.
2. Михеев С. Планы США и НАТО в Каспийском регионе и Средней Азии и следствия для Евразийского проекта России / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 108.
3. Захаров В. Евразийский проект // Национальная оборона. 2012. Август. № 8.
4. Каберник В. Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего 2012. 3 октября / <http://eurasian-oborona.ru>
5. US Department of Defense Missile Defense Agency (MDA). Fiscal Year 2013 Budget Outline / <http://www.mda.mil/global/documents/pdf/>
6. US Department of Defense, Missile Defense Agency, Historical Funding for MDA FY 85-12*, млрд долл. США. Fiscal Year 2013 Budget Outline / <http://www.mda.mil/global/documents/pdf/histfunds.pdf>
7. Небренчин С. Иран в евразийском контексте внешней политики России / НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 111, 115.
8. Арбатов А.Г. Противоракетные дебаты: в поисках согласия // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 4(65). С. 22.
9. Non-Strategic Nuclear Weapons. FAS Special Report. № 3 / Эл. Ресурс Федерации американских ученых / <http://www.fas.org/pubs/>
10. Помощник Госсекретаря США Роберт Блейк – о концепции присутствия США в Центральной Азии. 27 июля 2012 г. Эл. ресурс «Фергана» / <http://www.fergananews.com>
11. Крашенинникова В., Росс А. В Стамбуле: «Новый шёлковый шампур» для Ирана, России и Китая / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 133–134.
12. Информационный ресурс: «Официальный сайт ЦРУ «The World Factbook» // <http://www.cia.gov/library/>
13. Там же.
14. Крашенинникова В., Росс А. В Стамбуле: «Новый шёлковый шампур» для Ирана, России и Китая / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 134.
15. Там же.
16. Там же.
17. Alfergood D. Intelligence Spending Drops for a Second Year. October 31st, 2012. / <http://www.fas.org/libeary/2012/10>
18. Арбатов А.Г. Указ. раб., С.20.
19. Торкунов А.В. Россия в системе международных отношений (ретроспективный взгляд) // Вестник МГИМО(У). 2012. № 5 (26). С. 46.
20. CENTCOM, Tajikistan expand security partnership. U.S. Central Command press-release. June 29, 2010. <http://www.centcom.mil/press-releases/centcom-tajikistan-expand-security-partnership>
21. Там же.
22. Tajikistan: US Government rebuilds border guard facilities in Shurobod // Fergana News Information Agency. June 30, 2011. <http://enews.fergananews.com/news.php?id=2108>. См. также видео: Американские дипломаты на таджикско-афганской границе, 29 июня 2011 г. <http://nm.tj/politics/381-amerikanskije-diplomaty-na-tadzhiksko-afganskoy-granice-video.html>; оригинал видео на английском:
23. НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 157.
24. Маркелл Ф.Б. Калькулятор стратегического сдерживания // Независимая газета. 2012. 31 августа.
25. Арбатов А.Г. Указ. раб., С. 21.

Новые аспекты стратегии национальной безопасности

В.И. Мизин

В статье анализируются некоторые новые аспекты развития ситуации в сфере международной безопасности и стратегической стабильности. По мнению автора, нынешняя фаза мирового развития характеризуется высоким уровнем хаотичности и непредсказуемости развития. Делается попытка проследить влияние полицентричности мира, снижения уровня военного противостояния, угрозы глобального терроризма и других такого рода факторов на формирование принципиально новой модели стратегической стабильности, идущей на смену парадигмам времен «холодной войны». В статье намечен ряд конкретных мер по укреплению военных и политических аспектов безопасности во всем мире.

Внешняя политика, очевидно, не является некоей эзотерической «вещью в себе». Ее главной задачей представляется создание наиболее благоприятных условий для развития страны, продвижение приоритетов и интересов государства в мировых делах, минимизация и по возможности нейтрализация внешних вызовов и угроз. Это, естественно, справедливо и для России, которая стремится всемерно укреплять свои международные и внешнеэкономические позиции, а с учетом своей многократно заявленной уникальной исторической роли – занять достойное место в мировых процессах глобализации, устойчивого развития и комплексной модернизации.

Как отмечал в своей программной предвыборной статье по внешней политике В.В. Путин, «Россия практически всегда пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Так будет и впредь. Более того, я убежден, что безопасность в мире можно обеспечить только вместе с Россией, а не пытаясь «задвинуть» ее, ослабить ее геополитические позиции, нанести ущерб обороноспособности»¹. Одна из главных целей России, судя по нынешней редакции Концепции внешней политики, – укрепление всеобщей безопасности, отказ от конфронтации и силовых методов решения конфликтов. Ясно тем не менее, что при определенной самостоятельности

и даже приоритетности система международной безопасности является органической частью более широкой системы международных отношений и мировой политики.

Среди хорошо известных в мире важнейших ориентиров российской внешней политики и дипломатии – неделимость безопасности для всех государств, недопустимость «культы силы» в мировых делах и безусловное соблюдение основополагающих принципов международного права и примата полномочий ООН, активизация процессов демократизации международных отношений и стабилизации в кризисных районах. Диалектическая взаимосвязь между национальной и международной безопасностью в условиях естественного слияния, «взаимного перетекания» внутренней и внешней политики существовала всегда. Национальную безопасность страны сегодня уже невозможно обеспечивать без учета всеобщей международной безопасности и реалий глобального развития².

После окончания «холодной войны» на первое место в мировых делах (несмотря на непрекращающиеся конфликты), казалось бы, вышли процессы глобализации, научно-технического прогресса, противодействия «кондратьевским» волнам экономического кризиса. Отмечается и своего рода «приватизация» международных

Мизин Виктор Игоревич – к.и.н., заместитель директора Института международных исследований МГИМО(У) МИД России. E-mail: vmizin@hotmail.com

отношений, усиление роли негосударственных игроков³. После создания Вестфальской системы в XVII в. главными акторами в вопросах войны и мира, международной безопасности, были государства. Сейчас ситуация меняется на глазах – вместе с явным уходом в прошлое Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений⁴. Ряд экспертов даже говорят если не о «всемирном правительстве» и «интеграции всех и вся», то о постепенном отмирании государства, возникновении мира как сети локальных сообществ, «глокализации». При этом продолжается в новых формах борьба за влияние в отдельных регионах и соревнование между ключевыми странами за глобальное лидерство.

Вместе с тем именно от решения проблем войны и мира, то есть так называемой «жесткой» безопасности, зависит само выживание людей. Сегодня в политологическом дискурсе модно говорить о расширении понятий безопасности, «секьюритизации» всех аспектов человеческого существования. Споры нет, и «мягкая сила», и проблема безопасностей продовольственной или экологической, борьба с оргпреступностью и нелегальным наркотрафиком, киберпреступностью, пиратством, нелегальной миграцией, да и с дорожными инцидентами и техногенными или природными катастрофами, бедностью и эпидемиями – насущная необходимость⁵. В том числе и в плане устойчивого повышения качества жизни человечества. Казалось бы, только фанатики или пресловутые «экспертные идиоты» могут толковать о ядерной войне, когда в умах большинства людей – проблемы борьбы с непрекращающимся глобальным кризисом и вопросы самого выживания в нелегких социально-экономических условиях.

Однако, как ни важны проблемы «общебезопасностного» плана, именно на предотвращение большой войны и крупных вооруженных конфликтов направлены главные усилия мирового сообщества, ибо именно от этого и сегодня (к сожалению!) зависит его выживание. Не ликвидировано и все же небыстро сокращается количественно «проклятие XX века» – ядерное оружие (ЯО). Ядерные потенциалы появляются у все новых государств, а значит, окончательно не устранена и угроза ядерной войны. Существенной угрозой безопасности мирового сообщества служит распространение оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки, вероятность его попадания в руки «несистемных» государств или неконтролируемых государством акторов. ЯО сегодня – своего рода атавизм, а в эпоху глобальной НТР, скорее почти что «оружие бедных» (ну, или не очень богатых), тех, кто неспособен производить современные «умные» неядерные вооружения, защитить себя и отстаивать свои жизненные интересы другим способом, одержим паранойей «осажденной крепости». Понятно, что отнюдь не (или же далеко не только) наличие ядерного оружия взаимно сдерживает обладающие им государства от агрессии при всех

имеющихся противоречиях при обеспечении их национальных интересов. Тем более что с развитием пресловутой «революции в военном деле» роль ЯО будет снижаться, как это происходит сейчас в доктринальных установках США.

В условиях непростого диалога с нашими партнерами необходимы общие оценки угроз и совместные алгоритмы решения сложных проблем, общие понятия для ведения диалога. Это Россия уже сегодня пытается делать во взаимоотношениях с партнерами в целях решения сложных проблем, например, с Польшей или даже США. Такому подходу способствуют общая история, более-менее схожая по типу экономика, иногда и политическая культура. Ведь даже Сталин действовал в целом в геополитически понятных тогда европейских рамках, а исторически Россия стала великой мировой державой в XVIII в., лишь «вестернизировавшись». Настаивая на «неделимости безопасности» и осовременивая таким образом идеи главы НКВД СССР М. Литвинова⁶, стремясь к видению мира как «общего пространства безопасности», не следует при этом возрождать химеры прошлого и стереотипы времен глобальной конфронтации. Это было бы проявлением своего рода комплекса неполноценности, питающего в свою очередь комплекс какой-то российской особенности и непохожести. При этом очевидно, что количество спорных вопросов, причин для недоверия и подозрительности между Западом и «континентом-Россией» не снижается и достигает порой почти уровня «холодной войны».

Ситуация с «жесткой» или в традиционном ее военном понимании безопасностью в мире крайне непростая и волатильная. Для сегодняшних международных отношений характерны неравномерность эволюции политических и социально-экономических процессов, сохранение различного рода конфликтов, появление новых, зачастую «внесистемных», акторов на мировой арене. Таким образом, налицо отсутствие долгожданного «золотого века» без войн и насилия или «конца истории»⁷. Несмотря на оптимистические прогнозы ряда экспертов, международные отношения – и в период после завершения «холодной войны» – далеки от идиллической гармонии предвиденного И. Кантом идеала «всеобщего мира»⁸, когда «народы, распри позабыв, в единую семью соединятся». Вопреки очевидному стремлению отдельных государств, межгосударственных образований и союзов к определенному «упорядочиванию» международной жизни, принятию различного рода «правил поведения», «дорожных карт» и систем «сдержек и противовесов» – в целом развитие отдельных стран и регионов носит довольно непредсказуемый, неравномерный, как бы «рваный» характер. При этом этнические, межконфессиональные, связанные со столкновением религий и цивилизаций, агрессивным сепаратизмом, неконтролируемыми миграционными и демографическими процессами, коллапсом государственных структур конфликты влияют не только на взаимоотношения стран в регионах,

но и сказываются на состоянии стабильности мировой системы в целом⁹.

Главной чертой мировых процессов является скорее их непредсказуемость. Развитие мира не просчитывается и не прогнозируется даже на среднесрочную перспективу. Ведущие школы теоретического осмысления мировых процессов, включая неореалистов и неолибералов, не говоря уж о неомарксистах, оказались неспособными дать коррелирующие с реальным развитием событий сценарии развития мировой ситуации, в том числе и в сфере безопасности. Вместе с тем они обогатили политологическую науку набором терминов и парадигм, которые до сих пор являются основой теоретического дискурса по мировым процессам¹⁰.

Ясно одно: международные отношения по-прежнему несвободны от конфликтности и острых противоречий и, по сути, скорее хаотичны. В ближайшие 10–15 лет эксперты предсказывают обвальные процессы социально-экономических, а также внешнеполитических сдвигов и трансформаций в рамках набирающих силу тенденций глобализации. Финансовые проблемы, накапливающиеся у США, замедление рекордных темпов роста ВВП в Китае и Азии, долговой кризис во многих странах Европы и затяжная стагнация в Японии могут с большой вероятностью вылиться в глубокий, качественно новый кризис, полную силу которого мировая экономика ощутит уже через два-три года. Характер этого кризиса может быть буквально катастрофическим по своим последствиям и не идти ни в какое сравнение с финансово-экономическим катаклизмом 2008–2009 гг.

Речь не идет, конечно же, о ситуации тотального «вселенского хаоса» или преддверии неминуемого полного коллапса, нового общемирового вооруженного конфликта. Некое минимальное равновесие системе международных отношений, несомненно, все же имманентно присуще¹¹. То есть в определенной мере возможно обретение некой «динамической стабильности». Финансово-экономический кризис последних трех лет тем не менее заставил совершенно по-новому оценить парадигмы мирового развития, подчеркнув иллюзорность надежд на долговременное стабильное развитие и процветание. Устоит ли Запад в конечном счете или подвергнется новой волне финансово-экономических кризисов – согласно теории кондратьевских «длинных циклов (волн)»¹²? Если стабильность мировой структуры и нынешнее доминирование Запада будут и дальше подрываться – до какой степени милитаризации и конфликтности в результате этого дойдет мир? Выдержит ли потрясения мир развивающийся, особенно его беднейшая часть, или будет разрываться конфликтами и деградировать и дальше?

Теоретически возможны два среднесрочных сценария. Согласно первому, индустриально развитым странам удастся в конечном счете преодолеть кризис и закрепить свое лидерство в мире. В

принципе это означает стабильное развитие мировых процессов. Мы станем свидетелями совершенно новой экономики, основанной на новой системе регулирования ее глобального развития, «экономике знаний», идущей на смену ранее широко прославляемой «НТР». Увидим новый облик социально ориентированного, менее характеризующегося погоней за прибылью капитализма; большую роль государств и международных организаций в регулировании глобальных рынков.

Если же возобладает второй вариант развития, то Запад действительно захлестнет новая волна кризиса, его влияние и роль в мировой экономике станут стремительно сокращаться. Начнется давно предсказанное стремительное превращение Китая в ведущую мировую державу; развивающиеся страны, охваченные волной внутренних социально-экономических потрясений, все активнее будут бросать вызов «старому миру» и требовать для себя все новых прав и преференций в мировых делах, в частности в международных финансовых институтах. В принципе ситуация на новом диалектическом витке будет напоминать период заката Древнего Рима под напором жителей его колоний и набегов варваров.

Сегодня появляются новые международные организации, пытающиеся как-то управлять мировыми процессами, например, усиливает свою роль «Двадцатка» – идущая на смену «Восьмерке». Все чаще от имени мирового сообщества выступают наднациональные структуры, а полноправными акторами на международной арене становятся негосударственные организации и объединения. Значительное влияние на международно-политическую ситуацию оказывает комплекс факторов нового порядка – ресурсных, производственных, научно-технологических, интеллектуальных, финансовых и т.п. Мы видим весьма интересные процессы выстраивания новой многоукладной, «сетевой» международной системы. В Европе и Восточной Азии набирают силу процессы интеграции. Активно декларирует стремление стать новым «полюсом влияния», а значит, и интеграционным, системообразующим центром и Россия. Китай изготовился в долгосрочной перспективе стать мировым гегемоном. С определенной точки зрения ситуация в международных отношениях напоминает мир XIX в. с его «концертом великих держав», в основном сегодня все еще западных.

Весьма условно можно попытаться категоризировать государства мира по ряду параметров. Явно обозначился своего рода глобальный «остров» более-менее стабильного развития. Это – демократические, индустриально развитые государства с давно сложившимися гражданскими обществами и рыночной экономикой (традиционные лидеры мировой политики – прежде всего США, ведущие европейские страны – плюс новые центры экономической мощи в Восточной и Юго-Восточной Азии – плюс скандинавские страны и Австралия – Новая Зеландия), то есть как бы «первый мир». Для этих государств характерны определенные, самые высокие в мире уровни жизни и

стандарты соблюдения прав и свобод человека (при всех известных изъянах и проблемах), социально ориентированный, с высокой степенью социальной защищенности капитализм (примеры – Швеция или Германия), но конечно же отнюдь не какой-то «социализм с человеческим лицом». Эти государства как бы демонстрируют миру эфемерность пресловутой «левой идеи», неспособной предложить на сегодня никакого реального рецепта организации экономики, а лишь набор демагогических лозунгов о равенстве, пагубности эксплуатации человека и необходимости социальной справедливости. Неслучайно на сегодня это явные центры притяжения глобальной иммиграции.

Их догоняет «мир второй», в том числе претенденты на роли ведущих стран – члены БРИКС, включая Россию, некоторые малые европейские, азиатские или латиноамериканские страны. Это стремящиеся стать мировыми лидерами и уже обгоняющие «первый мир» по приросту ВВП государства. Они имеют немалый потенциал развития, но пока отстают по уровню эффективности рыночной экономики, развитию демократии и комфортности ведения бизнеса или просто проживания населения. Безнадёжно отстает, «живет на пособия» и погряз в конфликтах так называемый «третий мир» – развивающиеся или, скорее, слабо развивающиеся, зависящие от помощи «мира первого» и международных организаций страны. У него тоже есть свои лидеры, явно стремящиеся перейти в число государств потенциально успешных (скажем, Турция или Саудовская Аравия).

И есть как бы «мир никакой» – анклав «социализма», застоя и архаики – Куба, КНДР, Венесуэла сегодня, некоторые страны Африки. Время там «остановилось» или идет вспять, права человека грубо нарушаются, экономика, несмотря на отдельные попытки модернизации, находится в глубоком кризисе. Все они в той или иной мере стоят на пороге социальных революций и потрясений типа пресловутой «арабской весны».

Разрыв в уровне развития «золотого миллиарда» или примерно 30 стран Европы, Восточной Азии и Океании с довольно ограниченными природными ресурсами, примерно 140 «аутсайдеров», все увеличивается. Это создает перманентную основу новой мировой напряженности. Будущее устройство мировой системы, как и будущие войны и конфликты, скорее всего, будут определяться взаимными трениями и претензиями «богатого Севера» и «бедного Юга». При всем уважении к концепции «многополярности» и многовекторности развития глобальной экумены, все эти новые «полюса» – вроде Китая, Индии, Нигерии, ЮАР, Бразилии или (уже в прошлом?) Японии – не могут предложить достаточно основательное сочетание экономической и военной мощи, «мягкой силы», реальных демократических прав и свобод, уровня жизни, а также привлекательной идеологии, миссионерской «пассионарности» и одухотворенности идей, культурного

потенциала для того, чтобы действительно занять руководящие позиции в мире.

США – при всех известных проблемах их экономического развития – остаются ведущей державой современного мира, по крайней мере в экономическом (о чем говорят попытки урегулирования экономического кризиса) и военно-политическом планах. Все еще лидером не только Запада, но и всей традиционной либерально-демократической, «рыночной» части мира. Нехотя признают это и в ЕС, не преминув покритиковать США за претензии на доминирование и провальную реализацию концепции «всемирной демократизации». Но и у США, как свидетельствует ныне всеми критикуемый опыт администрации Дж. Буша-младшего, а также уроки последнего глобального экономического кризиса, возможности ограничены. Им придется серьезно пересматривать модальности своей внешней политики, чтобы сохранить лидирующие позиции (до предрекаемого у нас иногда в «патриотической» экспертной среде «коллапса» Америки еще весьма далеко).

Войны между государствами «первого мира» невозможны. Это развитие, «нормальные» демократии – разумеется, не без своих, зачастую весьма острых проблем. Возможны напряженность и конфронтация между «первым миром» и «вторым» (в диадах США–Россия, Россия–НАТО, Китай–США, Великобритания–Аргентина или, например, бывшая Югославия при режиме Милошевича–НАТО). «Третий мир» – это средоточие конфликтов, источник мировой напряженности. Там главное приложение военных усилий мира «первого» – в попытках стабилизации, смены тоталитарных режимов, «демократизации», урегулирования конфликтов, защиты прав человека, предотвращении геноцида, «гуманитарных интервенций». В известной мере ведущие западные державы руководствуются крылатой формулой «мы в ответе за тех, кого приручили», хотя о степени «прирученности» бывших колоний и протекторатов можно спорить. Традиция «вестфальского» подхода к международно-политической системе (недопустимости вмешательства во внутриаполитические дела других государств или, по крайней мере, наличия достаточных оснований и санкций СБ ООН для этого) все больше ставится сейчас на Западе под сомнение или реально уходит в прошлое. Примеры тому – Ирак, Судан, Ливия, Афганистан, Пакистан, Кот д'Ивуар, Чад, Сирия и т.д.

Многие эксперты полагают, что мир стоит на пороге нового витка борьбы за передел сфер влияния. Традиционная («вестфальская») система международного права, основанного на суверенитете государств и принципе невмешательства в их внутренние дела, будет все больше оспариваться. Развитый мир все больше становится площадкой регионализма, миром «коммун» и локальных сообществ, широких интеграционных наднациональных, но и внутригосударственных образований, а не только традиционных госу-

дарств. За «вестфальское» прошлое цепляются в основном государства «второго» мира (Россия – с учетом ставки ее элиты на суверенитет и недопустимость делегирования властных полномочий) и в какой-то мере – США в силу ощущения их элитой Америки как «сияющего града на холме», указывающего путь миру.

Вот почему такое огромное значение для глобального миротворчества приобретает ООН – уникальная, обладающая универсальной легитимностью мировая площадка для согласования позиций государств и новых акторов. В ситуации часто упоминаемого ее «упадка» и неспособности быстро и эффективно гасить самые острые мировые кризисы крайне важно придать импульс многостороннему взаимодействию для решения в ее рамках и с ее помощью насущных глобальных проблем современности. Прежде всего речь идет о таких областях, как предотвращение и урегулирование региональных кризисов, нераспространение ОМУ, борьба с международным терроризмом и трансграничной оргпреступностью, преодоление последствий природных и техногенных катастроф, противодействие климатическим изменениям, обеспечение устойчивого развития и продовольственной безопасности.

ООН часто критикуют в последние годы за неспособность реально приступить к урегулированию международных кризисов. Тем не менее реальной альтернативы ей в плане действительно универсального, а не своего рода «клуба избранных» инструмента не просматривается. Нарращивание коллективного взаимодействия требует при этом строгого соблюдения уставных прерогатив Совета Безопасности ООН как главного органа, ответственного за поддержание международного мира и безопасности и единственно уполномоченного применять силу для урегулирования споров и принуждения к миру. Это важно, чтобы не допускать повторения или универсализации таких односторонних акций, как операции НАТО в бывшей Югославии или Ливии. При этом совершенствование взаимодействия Совета Безопасности с региональными организациями в соответствии с главой VIII Устава ООН (такими, как НАТО, ОДКБ или ШОС) призвано полезным образом дополнять деятельность ООН в деле стабилизации обстановки в конфликтных районах мира.

Вместе с тем необходимо продумывать и процессы дальнейшего повышения эффективности и демократизации ООН, усиления в ней роли неправительственных организаций и акторов (это набирающая силу тенденция), сопряжения ее работы с деятельностью региональных организаций, «Двадцатки» и «Восьмерки», что уже и происходит в последнее время. Динамика международных процессов глобализации, укрепляя взаимозависимость и создавая предпосылки для преодоления между странами противоречий и конфликтов, не устраняет их полностью. Все более важными становятся невоенные угрозы, однако далее мы сосредоточимся на сфере

военных вызовов, на факторе военной силы. В последние годы сфера взаимодействия мировых акторов, которую принято относить к невоенной, или гражданской, области международной безопасности, получает все большее значение в мировой политике.

Потенциальным источником военных конфликтов остаются:

- экономические противоречия, внутренняя социэкономическая напряженность в странах;
- демографические проблемы, проблемы миграции, климата, экологии, техногенных катастроф и даже гендерная тематика;
- вопросы доступа к ресурсам (в частности, пресной воде, рудным запасам или углеводородам);
- столкновения культур и цивилизаций;
- возможного коллапса структур управления в кризисных «несостоявшихся» государствах.

В этой связи принято в последнее время говорить о важности экономической, экологической, информационно-культурной или даже человеческой составляющих понятия «безопасность». Однако опасность именно военных конфликтов, на наш взгляд, носит непосредственный характер. Ведь события и тенденции в сфере военно-политической безопасности напрямую касаются (в отличие, скажем, от безопасности дорожного движения или «секьюритизации» проживания человека в мегаполисах) главных человеческих ценностей:

- а) жизни и смерти людей, в конечном счете, выживания человечества;
- б) предотвращения гибели целых этносов и народов в различного рода вооруженных конфликтах;
- в) территориальной целостности, конституционного устройства и независимости, самого существования государств и их взаимоотношений с негосударственными акторами.

В годы «холодной войны» именно военная этиология безопасности превалировала: мир стоял на грани сползания к глобальной ядерной катастрофе. С начала 1990-х гг. такая опасность, казалось бы, миновала. Между тем и сегодня, по прошествии 20 лет, сохраняется атавизм разлома «Восток–Запад» в силу разности подходов элит этих образований и неравномерности развития обществ. Хотя «центральное» противостояние СССР – США времен «холодной войны» заменено массой новых конфликтов, не устранено фактически военное противостояние России и Запада. США и Россия по-прежнему рассматривают друг друга как серьезнейших конкурентов на мировой арене, а ядерные арсеналы друг друга являются подлинным взаимным оправданием их стратегии ядерного сдерживания.

Оказалось, что понимание основ мироустройства и социального порядка у элит обеих стран диаметрально противоположно. Российские правящие круги, несмотря на то что Америка в принципе является нашим «естественным партнером» в решении крупнейших мировых

проблем, испытывают синдром глубокого антиамериканизма (который частично объясняется не только стереотипами «старого мышления», да и самим уровнем этой элиты. Но и своего рода «комплексом неполноценности» в связи с ситуацией в стране, неспособностью провести структурные реформы в экономике и поднять уровень жизни большей части населения, утратой статуса глобальной «сверхдержавы». Российские власти довольно болезненно реагируют на претензии США закрепить за собой мировое лидерство, попытки «выдавить» Москву из зоны ее традиционных геополитических интересов на постсоветском пространстве, а то и заставить поставлять основу экономической мощи – свои минеральные ресурсы Западу на диктуемых им условиях.

Практически по всем наиболее актуальным проблемам мировой политики – будь то ситуация на «Большом Ближнем Востоке» или в бывшей Югославии (в особенности Косово), угрозы безопасности в пресловутой «дуге нестабильности» или восприятие Китая, не говоря уже о соревновании за влияние в Евразии, – подходы двух держав иногда прямо противоположны. В такой парадигме ядерное оружие продолжает оставаться, по российским доктринальным установкам, важнейшим фактором обеспечения безопасности страны, гарантом ее независимости, то есть, по существу, материальной основой все еще разделяемой определенной частью элиты пресловутой доктрины «суверенной демократии». Казалось бы, предпосылки для этого создают геополитическое положение России, ее географические размеры и опыт исторического прошлого.

К сожалению, установлению действительно партнерских отношений с США препятствуют различия в политическом строе и идеологиях наших двух стран. В то время как США является классической страной «бюргерского» капитализма с устоявшимися принципами либерально-буржуазной демократии, в России исторически и социокультурно сложились своеобразный режим бюрократического, чиновничьего госкапитализма. Для него характерны культ обожествляемого всевластного «государства» и отсутствие структур самоуправления, в последнее время помноженные на весьма специфическую сверхкоррупционированную, неэффективную и несовременную экономику. Вместо конкуренции крупных и мелких компаний в ней действуют отобранные государством олигархические структуры, владельцы которых централизованно «назначаются» быть миллионерами, как в старину ставились «на кормление» или на учреждение мануфактур, – точно так же не имея никаких гарантий сохранения розданной государственной собственности и щедрых бюджетных вливаний в случае несоблюдения неких «понятий» и правил игры.

В этой ситуации даже после падения советского режима, вопреки мнению наших некоторых либеральных экспертов, у элит двух стран совершенно различные основополагающие установки, представления о мироустройстве и сущности го-

сударственного строя, совершенно различные наборы и шкалы ценностей и мотивировок. Поэтому, в том числе и для закрепления собственных внутривнутриполитических позиций, некоторым в российской элите выгодно раздувание образа врага и выставление Америки как самой главной военной угрозы РФ. А пока она демонстрирует некие «комплексы неполноценности» и просто плохо скрываемую зависть в отношении военных возможностей США. В этой связи отношение к ядерному оружию – один из показателей зрелости российской военно-политической элиты.

В интеллектуальном плане в области безопасности мы мало что способны противопоставить новым американским концепциям видения мира. Они настолько оторвались от всех других держав, что фактически их вооруженные силы, понимая устарелость концепции ядерного сдерживания, с точки зрения потенциала и будущего облика уже живут в ином измерении. Ядерное сдерживание рассматривается в США лишь как крайнее средство, гарант последнего уровня. Эта доктринальная установка между тем встречается с определенным скепсисом и озабоченностью в целом ряде ядерных держав, включая Россию и Францию.

Естественно, что это делает вопросы ограничения стратегических вооружений едва ли не единственным полем реального сотрудничества двух стран. Все остальное – как борьба с международным терроризмом, сотрудничество в борьбе с распространением ОМУ, международной оргпреступностью и наркоторговлей, контакты в области науки и технологий – не более чем дань политкорректности и делается «для галочки». В то же время в сознание легковверного дюжинного российского обывателя некоторыми СМИ и горе-политиками вбивается тезис о том, что Америка буквально готовится к завоеванию России, уровень обороноспособности которой якобы неуклонно падает, и потому единственное спасение – новая гонка ядерных вооружений.

Довольно наивными представляются тенденции российских военных оценивать собственную безопасность в категориях «холодной войны», опираясь на концепции необходимости поддержания «стратегического паритета» и ядерного сдерживания. Их главный тезис в том, что США остаются политическим противником и в силу наличия у них существенного ядерного потенциала России необходимо противопоставить ему аналогическую стратегическую мощь. При этом забывается ключевое положение К. Клаузевица о том, что «война есть продолжение политики другими средствами». Если, конечно, не скатываться на позиции радикального национализма и не запугивать самих себя коварностью пресловутых «янки», то трудно констатировать наличие существенных политических разногласий или стратегических противоречий между Россией и США. Их нет ни в Европе, ни в Азии, ни на Большом Ближнем Востоке, ни даже на постсоветском пространстве.

Сам же по себе ядерный потенциал отнюдь не требует прямого ему противодействия – ведь не сдерживают же США Францию. Вот и Россия, и США по мере их политэкономической эволюции вполне созреют для таких отношений – когда наша элита перестанет быть постсоветской, а американская отрешится от пресловутого протестантского мессианизма. Это произойдет, разумеется, не в ближайшем будущем. Этот процесс будет ускорен, если у нас в стране действительно начнутся процессы прорывной революционной модернизации и радикальной демократизации, экономика слезет с пресловутой «нефтегазовой иглы» и реально, а не в лозунгах, перейдет к инновационным технологиям, в результате чего мы найдем конкурентоспособную нишу среди ведущих промышленных держав мира. А до тех пор ядерное оружие буквально обречено оставаться основой поддержания безопасности и внешнеполитического авторитета России.

Даже те природные ресурсы, к завладению которыми, по мнению «государственнических» российских экспертов, так стремятся США, Россия все равно будет вынужденно кому-то продавать, чтобы выжить. Этим покупателем может стать и США, которые отнюдь не впадают в предсказанную рядом экспертов тенденцию тотального коллапса. Благодаря подлинно инновационной сущности американского капитализма, который аккумулирует со всего мира все лучшее и самое современное в интеллектуальной и технологической области, США и далее в эпоху постмодерна будут бесспорным экономическим локомотивом мира. В случае успешного «ребрендинга» имиджа Америки и репозиционирования ее как «маяка свободы и демократии», а также главного арбитра в конфликтах стран третьего мира Америка будет на обозримую перспективу оставаться и бесспорным глобальным лидером политическим. Взамен за эти ресурсы, ценность которых в информационную эпоху катастрофически падает, США смогут стать для нас дополнительным источником инновационных технологий и менеджерских ноу-хау, которые столь необходимы России, чтобы стать реально «умной», современной державой.

Вот почему России следует сосредоточиться не на наращивании наступательных стратегических вооружений, которые, кстати говоря, мало кого пугают в западном мире, а на реальной структурной модернизации страны. Она, конечно же, не может быть оксюморонно «консервативной», а возможна только при построении современного гражданского общества, либерализации, демократизации и наличии развитых демократических институтов. Обратная дорога ведет к Северной Корее и Венесуэле, то есть в тупики кризиса и со временем – полного развала. Такая модернизация не только закрепит место России среди концерта ведущих держав, но и станет залогом обеспечения ее прочной национальной безопасности в ситуации появления нового формата стратегической стабильности.

Разумеется, на состоянии международной системы отражаются изменения в характере вызовов международной безопасности и стабильности, в их приоритетности. Угроза мировой ядерной войны утратила абсолютный приоритет, хотя само наличие крупных арсеналов оружия массового уничтожения окончательно не позволяет устранить возможность глобального «холокоста», инцидента с ядерным оружием или ядерной техногенной катастрофы. Более того, в отдельных случаях, когда наиболее развитые в военном отношении государства применяют силу ограниченно (Ирак, Афганистан, Ливия), их вооруженные новейшими, широко используемыми электроникой системами вооружений военные контингенты оказываются уязвимыми для устаревших образцов оружия и не могут им противостоять. Войска НАТО в ливийской операции достаточно эффективно обеспечивали поражение зенитно-ракетных комплексов противника, но не смогли справиться с войсковой ПВО образца 60–70 гг. прошлого века, основанной на приборах визуального наведения.

Обозначились, таким образом, два «трека» гонки вооружений – традиционное наращивание военных потенциалов и развитие новых систем и видов вооружений ведущими державами. России также требуются новые современные типы вооружений – для урегулирования внутренних конфликтов и проведения миротворческих операций на постсоветском пространстве, борьбы с терроризмом и агрессивным сепаратизмом под маской фундаменталистского исламизма. Не исключена и опасность того, что объективно дальнейшее совершенствование военного потенциала США в прогнозируемом будущем нанесет ущерб интересам безопасности России. В то же время развитие у нас подобных систем вооружений – наряду с прогрессом в гражданском секторе модернизации – существенно способствовало бы укреплению внешнеполитического потенциала и престижа России. Для применения такого оружия в целях отражения военных вызовов и угроз необходима разработка новых доктрин и концепций, отражающих новое качество научно-технического прогресса в сфере вооружений.

Взаимное влияние новых вооружений на военные концепции – факт современного мирового развития. Концепция развития вооруженных сил, концепция технологических изменений, технологической политики определяются в том числе типами вооруженных конфликтов, на которые ориентированы эти технологии. Появление новых систем вооружения придает новый импульс развитию способов ведения вооруженной борьбы. Так, например, информационная борьба стала играть решающую роль в современной войне. В свою очередь, появились и новые возможности по ведению контринформационных операций, по темпу сбора информации. В условиях, когда существует иерархическая система сетевидной войны с единым информационным полем, обеспечить поражение этих систем вполне возможно.

Успех в морально-психологической борьбе порой решает ход и исход вооруженной борьбы.

Сегодня практически похоронена идея «бесконтактных» войн, идея «роботизации войн». Основные арены битв в течение века будут переноситься с наземно-воздушного пространства в два других – космическое и Интернет. Информационно-коммуникационные военные технологии или информационное оружие будут постепенно вытеснять ядерное в качестве «сверхоружия» XXI в. Если и появляются новые технологии, то они используются у развитых государств. Но и те вооруженные силы третьего мира, которые действуют в «серых зонах», в непризнанных государствах, приспосабливаются к новым методам ведения боевых действий, к новым технологиям в вооружениях. И под технологиями здесь следует понимать не только новую электронику, новую авионику, средства связи и т.д., но и средства связи и организации вооруженной борьбы. Во многих случаях действия спецназа были единственными эффективными формами вооруженной борьбы, когда речь шла о конфликтах низкой интенсивности. Существенно возрос фактор действия сил спецопераций – значительно по сравнению с предыдущими войнами. Во многих случаях действия спецопераций были единственными формами вооруженной борьбы, когда речь шла о конфликтах низкой интенсивности.

Ядерное сдерживание все еще не уходит в прошлое. Совершенно очевидно, что полная ликвидация ядерных вооружений в мире – дело весьма далекого будущего, даже не проблема среднесрочной перспективы. Для ведущих государств непосредственной становится и опасность распространения ядерного оружия, других видов ОМУ, ракетных технологий, в том числе крылатых ракет. Осознание этой проблемы сближает страны «первого» и «второго» мира. Немного успокаивает то, что доступ к соответствующим средствам ведения войны (оружию, оружейным технологиям) носит весьма избирательный характер. В его приобретении заинтересованы довольно немного стран, главным образом «несистемных» – КНДР, Иран, ранее – Ирак и Ливия. Средние и малые развивающиеся страны, не обладая достаточными ресурсами, рассматривают военную силу как основу выживания своих зачастую авторитарных, не соблюдающих ключевые права и свободы человека режимов – особенно в государствах-«париях».

Для построения полностью безъядерного мира необходимо обеспечить совершенно новое качество международных отношений и международной безопасности, гарантировать коллективную безопасность всех государств и ликвидировать рецидивы и стереотипы недоверия, взаимной подозрительности и враждебности. Что же касается стратегической стабильности, то она уже не та, что в классическом понимании периода «холодной войны» (например, у Т. Шеллинга и А. Уолстеттера). Ее определяли тогда как устойчивость системы взаимных сдержек и противо-

весов в области центрального ядерного баланса между двумя антагонистическими блоками, не допускавшая стимулов к первому удару, а также непредсказуемого развития в случае кризисов или безудержного обострения гонки вооружений. На смену ей приходит более комплексное понимание.

Порой понятие «стратегическая стабильность» в российской и зарубежной политологии сводится к «ядерной стабильности» или проблематике ядерного сдерживания. В то же время в соответствии с Военной доктриной РФ одной из основных задач Российской Федерации является «поддержание стратегической стабильности и потенциала ядерного сдерживания на достаточном уровне», в то время как одной из ключевых угроз являются попытки подорвать стратегическую стабильность. Упоминается стратегическая стабильность и в «Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г.» – как один из «стратегических национальных приоритетов»¹³. Можно вспомнить и «классическое» определение из «Совместного заявления США и СССР относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности» от 1 июля 1990 г. И поныне стратегическая стабильность остается приоритетным вопросом российско-американского взаимодействия. В этой связи и контроль над вооружениями, а также и возможные прорывы в деле разоружения мыслятся скорее как своего рода «менеджирование» процессами снижения уровней вооружений и соответственно военной угрозы. Естественно, что эта цель сохраняет свою важность и сегодня. С учетом этого российской стороне важно не только не растерять накопленный политико-дипломатический капитал в данной сфере, но и заявить о себе как об убежденном стороннике разоружения, «безъядерного мира», нераспространения ОМУ, контроля над вооружениями.

Однако сегодня стратегическая стабильность уже не привязана к концепциям ядерного противостояния, она не только демонстрирует отсутствие стимулов к нанесению первого удара в ситуации ядерного противостояния, пусть и с учетом новых стратегических факторов, появления новых ядерных держав и угрозы нового распространения ОМУ, – но и таково ее понимание в узком смысле. Современное понимание в новых условиях многополярного мира более комплексно: как избежать угроз и вызовов национальной безопасности, как не снижать уязвимость государства к попыткам подорвать его жизненные интересы, как, наконец, привести систему международных отношений после разбалансирующих ударов кризисов и конфликтов в состояние некоего динамического равновесия. Сегодня стратегическая стабильность – это, скорее, выстраивание такой системы, которая способна уберечь мир от крупных вооруженных конфликтов и стратегических вызовов, угрожающих интересам всех стран в случае возникновения политического кризиса.

В этой связи от российских и западных военных и экспертов требуется разработка новой философии войны, своего рода обновленной редакции «нового мышления во внешней политике», предусматривающего, в частности, отказ от концепции ядерного сдерживания, реагирующего на новые среды и методы противостояния (например, появление новых видов ОМУ). Тут требуются не только уникальные новые технологии, но и новая информационная политика и культура мышления, способные предвосхищать возникающие угрозы и вызовы.

В идеале мир должен эволюционировать в сообщество миролюбивых и – при всем различии национальных социокультурных особенностей – демократических государств с:

- развитой и социально ориентированной рыночной экономикой;
- реально соблюдаемыми нормами прав человека во всей их совокупности;
- развитой сетью гражданских обществ;
- общепризнанными атрибутами разделения властей и демократического контроля общества над государственной машиной;
- действенной системой мирного разрешения возникающих споров между государствами;
- действительным ускорением принципа неприменения силы и угрозы ее применения.

Должна быть устранена почва для межцивилизационных, межрелигиозных и межэтнических конфликтов, которые, особенно при наличии соответствующих ресурсов и фундаменталистской псевдорелигиозной идеологии, подпитывают стимулы к обладанию ядерными арсеналами – будь то для обеспечения доминирования над соседями в регионе или для пропуски в клуб «великих держав». Естественно, что переход к безъядерному миру должен быть продуманным, планомерным и поэтапным. Его главные условия – радикальные сокращения ядерных потенциалов, присоединение к этому процессу на соответствующих этапах всех ядерных держав – официальных и неофициальных, эффективные гарантии нераспространения ОМУ и предотвращения его разработки в глобальном масштабе. Поэтому особенно трудной проблемой представляется ликвидация ядерного потенциала Китая, Индии и Пакистана, не говоря уже о КНДР и, возможно, в будущем, в случае его создания, несмотря на все сегодняшние заверения в обратном, – Ирана.

Этот процесс должен, разумеется, включать и полное уничтожение всех типов – стратегических и нестратегических (тактических) – ядерных вооружений и гарантии контроля за невозобновлением их производства, а также жесткие ограничения уровней обычных сил и вооружений, с тем чтобы не допустить нового витка их наращивания – уже в безъядерном мире. При этом тем не менее с помощью обычных сил должны быть адекватно обеспечены жизненные интересы безопасности государств. Особое внимание следует уделить строгому контролю над мирными исследованиями в области ядерной энергетики,

предотвращения обхода модальностей безъядерного мира через этот канал – для чего необходимо радикальное укрепление режима гарантий МАГАТЭ, совершенствование системы экспортного контроля за оборотом ядерных материалов и технологий.

Нашим военным и оборонщикам надо было вплотную заняться радикальным повышением уровня оснащенности Российских Вооруженных сил самыми современными «умными» компьютеризованными обычными вооружениями на основе реализации концепции «революции в военном деле» и завершения наконец-то столь болезненно идущей реформы отечественного ОПК. Иначе Россия действительно скатится на уровень третьеразрядной региональной державы – экспортера полезных ископаемых, останется этакой «евразийской Саудовской Аравией». России вряд ли следует демонстрировать настороженное или тем более скептическое отношение к идее «мира без ядерного оружия». Такой подход был бы контрпродуктивным с точки зрения дальнейшего продвижения наших внешнеполитических приоритетов, укрепления имиджа России как великой демократической суверенной и современной державы. РФ в этом смысле – один из мировых лидеров, в том числе и в вопросах нераспространения ОМУ и снижения опасности военной угрозы, контроля над вооружениями, играющих столь важную роль в глобальных процессах развития. Ведь очевидно, что выдвижение таких инициатив не требует от нас немедленной ликвидации всех ядерных арсеналов, по крайней мере, если это не диктуется самой логикой процесса их амортизации. Более того, следует сделать все возможное, дабы не допустить перехвата Соединенными Штатами традиционных разоруженческих, «антиядерных» лозунгов советской и позднее – российской дипломатии.

Каналы «купирования» гонки вооружений и продвижения по пути глобального и регионального снижения военной угрозы в принципе существуют. Новый Договор по СНВ открывает и возможности дальнейшего сокращения СЯС. Глубокие сокращения СНВ, предпринимаемые Россией и США, ведут к возникновению качественно новой ситуации в сфере ядерного разоружения. При этом стратегическая стабильность на новом этапе нуждается в новом осмыслении. Необходимы ее новые определения – с учетом появления новых «неофициальных» ядерных государств, угрозы распространения ОМУ и его взаимосвязи с ядерным сдерживанием, новым характером глобальной конфликтности. Дальнейшие шаги по пути ядерного разоружения должны рассматриваться и осуществляться при неукоснительном соблюдении принципа равной и неделимой безопасности и с учетом всей совокупности факторов, способных повлиять на стратегическую стабильность. Речь идет, в частности, о таких факторах, как:

- создание региональных систем ПРО без учета безопасности соседних государств;

– возможное одностороннее наращивание потенциала стратегической ПРО;

– перспектива появления оружия в космосе.

Вопрос о ПРО по-прежнему остается главным для диалога Восток–Запад, а также для российско-американских отношений. Еще до исторического по своей успешности ноябрьского Совета Россия – НАТО 2010 г. в Лиссабоне Россия сформулировала три принципа для будущего соглашения с НАТО по ПРО:

– Россия должна быть полноценным партнером;

– стороны будут делиться данными о раннем предупреждении (в частности, получаемыми с помощью разведывательных средств);

– для осуществления такой защиты должны быть выделены отдельные зоны ответственности.

Тезисно можно наметить дальнейшие шаги в деле разоружения:

– прежде всего, разумеется, нужно продолжать процесс сокращения СНВ. Новый договор мог бы сократить количество оперативно развернутых боеголовок до уровня примерно 1000–1200 к 2020 г. Такие сокращения могут быть согласованы ранее, если Москва согласится не наращивать свои быстро сокращающиеся силы до разрешенного нынешним Договором потолка в 1550 единиц и быстро произвести сокращения, например, до 1400–1300 боезарядов;

– для успеха таких переговоров было бы полезно неофициальное обязательство третьих государств, обладающих ядерным оружием, не наращивать свои ядерные силы, а также их согласие на ряд мер по укреплению доверия и транспарентности;

– очень важной мерой повышения взаимного доверия является создание совместного Центра предупреждения о ракетном нападении и ракетных угрозах, а также проведение совместных учений об отражении ракетных угроз. Все это способствовало бы сближению позиций сторон по проблематике ПРО, а в перспективе – и созданию объединенной системы противоракетной обороны и раннего предупреждения;

– США и Россия в плане начала переговоров по выработке соглашения о ликвидации тактического ядерного оружия могли бы обменяться информацией о его запасах и договориться на двусторонней основе о мерах транспарентности и доверия. Ясно, что лучше всего решать тему ТЯО в рамках будущего обсуждения проблемы обычных вооруженных сил и вооружений в Европе;

– предстоит «навязать» американцам и нашу концепцию ограничения обычных вооружений и вооруженных сил в Европе. Необходимо начало разговора и о лимитах на современные высокоточные, в том числе большой дальности, системы такого оружия. Для этого нужно отказаться от блокового подхода, характерного для Договора ДОВСЕ, и найти новые, нестандартные решения;

– важная тема – укрепление сотрудничества в нераспространении ОМУ, прежде всего мате-

риалов и технологий, потенциально применимых для его создания. В этих целях очень важно сотрудничество ведущих держав в укреплении престижа и потенциала МАГАТЭ;

– создание международных центров по обогащению урана в развитие российской и американской инициатив, ориентированных на обеспечение широкого доступа к мирному использованию ядерной энергии и в то же время на укрепление режимов нераспространения.

Налицо реальные возможности сдерживания процесса создания новых видов и типов оружия и запрета «экзотических» вооружений – поскольку США уже догнать никому невозможно, а их разработки ограничены финансовыми затруднениями в посткризисный период. Таким образом, у мировых процессов безопасности есть будущее, налицо и технологическая база укрепления глобальной стабильности. Происходит переоценка фактора силы в международных отношениях. Этому способствует и развитие российско-китайского стратегического партнерства, укрепление таких организаций, как БРИКС, ШОС, ОДКБ, ЕвразЭС.

В комплексе инструментов политики наиболее развитых стран все более важное место занимают невоенные средства, условно объединяемые понятием «мягкой силы». Тем самым расширяются возможности развитых стран, оказывая эффективное несиловое давление, усиливая свое влияние в мире. В то же время, отдавая предпочтение несиловым методам, великие державы (включая Россию) готовы и к избирательному прямому использованию военной силы или угрозы применения силы в отдельных критических ситуациях для защиты своих национальных интересов (например, России – в Арктике или на Кавказе, а НАТО – в Афганистане). Россия в этой связи, скорее всего, будет стремиться поддерживать военный потенциал в целом на уровне ведущих стран и обеспечивать ядерное сдерживание – устрашение с США.

И последнее: пора переходить от лозунгов и обвинений в двойных стандартах к выстраиванию четкой картины мира и роли в нем России, которые мы хотели бы видеть в ближайшие 20 лет.

Mizin V.I. New Aspects of National Security Strategy.

Summary: The article describes new aspects in the development of contemporary international security situation and strategic stability. The author opines that the current phase of international relations tends to be rather chaotic and highly unpredictable in its evolution. He attempts to trace the influence of such unorthodox factors as polycentric nature of the world, departure from exacerbated military confrontation, global terrorist threat on the formation of a principally novel model of strategic stability which substitutes the paradigms of the cold war era. The article dresses the list of specific proposals on the strengthening of military and political security worldwide.

Ключевые слова

Безъядерный мир, военная и политическая безопасность, конфликты, контроль над вооружениями, оружие массового поражения, стратегическая стабильность, США, разоружение, Россия, ядерные вооружения.

Keywords

Non-nuclear world, military and political security, conflicts, arms control, WMD, strategic stability, USA, disarmament, Russia, nuclear weapons.

Примечания

1. Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России <http://putin2012.ru/#article-6>
2. Концепция внешней политики Российской Федерации 15 июля 2008 года, <http://kremlin.ru/acts/785>
3. «Приватизация» мировой политики, локальные действия — глобальные результаты // Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Голден Би, 2008.
4. Кортунов С.В. Крушение Вестфальской системы и становление нового мирового порядка. Клуб мировой политической экономики <http://www.wpec.ru/text/200708310905.htm>
5. Якушина О. Теория секьюритизации в международных отношениях. Ч. 2 <http://geopolitica.ru/article/teoriya-sekyuritizacii-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-ch-2>
6. Шейнис З. С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. — М.: Издательство политической литературы, 1989
7. Fukuyama F., The End of History and the Last Man. New York, 1992.
8. Кант И., К вечному миру. М., 1989.
9. Nye J., Soft Power: The Means to Success in World Politics, New York, 2005.
10. Nye J., The Powers to Lead, New York, 2008.
11. См., например: "Global Trends 2025: A Transformed World, The National Intelligence Council, http://www.dni.gov/nic/NIC_2025_project.html
12. Цыганков П.А. Традиции, парадигмы и споры в ТМО. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2003. Лебедева М.М. Теоретические школы в международных исследованиях / Мировая политика. М.: Аспект-Пресс, 2003.
13. Кондратьев Н., Яковец Ю., Абалкин Л. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002.
14. Военная доктрина Российской Федерации 5 февраля 2010 года http://news.kremlin.ru/ref_notes/461

Евробезопасность, интеграция и «мягкая сила» миграции в XXI в.

П.И. Касаткин, И.М. Хрусталева, В.А. Аватков

В статье рассматривается комплекс проблем, связанных с евробезопасностью в контексте увеличения миграционных потоков и развития интеграционных процессов в Европе. Исследуется расширение форм взаимодействия властей с различными организациями мигрантов, дается историческая ретроспектива их контактов. Особый акцент авторы делают на миграционных последствиях в области безопасности и политики стран Европы, на «мягкой силе» миграции в свете интеграции.

Процесс глобализации, который А. Турен называет «самой яркой чертой современности»¹, характеризуется резким усилением и диверсификацией миграционных потоков. Одним из центров притяжения иммигрантов после Второй мировой войны является Западная Европа. В силу колониального прошлого, географической близости, потребности в дешевой рабочей силе страны региона становятся главным пунктом миграционного притяжения по вектору Юг–Север. В силу старения европейского населения и сокращения его численности иммиграция является необходимым ресурсом экономического развития, с одной стороны, а с другой – порождает комплекс культурных, политических и социо-экономических проблем, которые рассматриваются значительной частью общественного мнения и правящей элитой принимающих стран как угроза социальной стабильности и национальной идентичности. Западноевропейские государства, с точки зрения иммигрантов, являются крайне привлекательными в силу высокого

уровня социально-экономического развития и качества жизни.

Особое место в западном дискурсе отводится мусульманским диаспорам, количественное изменение которых идет по восходящей линии. Это позволяет связывать данный факт с «глобальным контрнаступлением» ислама, прежде всего – в качестве экономического лобби и идеологической доктрины. Кроме того, количественный рост диаспор сопровождается не только их демографическим укреплением, активизацией политического участия, но и усилением их экономической роли. В этой связи сегодня вопрос интеграции мусульман в западноевропейское общество превратился в один из приоритетных в политической повестке дня ключевых стран ЕС.

Неудачи сложившейся ассимиляционной стратегии в отношении иммигрантов и отсутствие эффективной политики интеграции инокультурных групп при дальнейшем неизбежном количественном росте иммиграции представляет серьезный вызов для государств-наций ЕС. Как

Касаткин Петр Игоревич – к.полит.н., начальник отдела докторантуры и аспирантуры, старший преподаватель кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России. E-mail: kasatkin@mgimo.ru

Хрусталева Иван Маркович – к.э.н., Институт социально-политических исследований РАН. E-mail: ivan268@yandex.ru

Аватков Владимир Алексеевич – преподаватель военной кафедры и кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО(У) МИД России. E-mail: VladimirAvatkov@rambler.ru

Статья выполнена в рамках реализации научно-исследовательского проекта по гранту Российского гуманитарного научного фонда 12-03-00649 «Теория и практика межкультурного взаимодействия в контексте европейской безопасности».

показывают сегодняшние реальные итоги внедрения мультикультурных практик, попытки консолидировать европейские общества с помощью мультикультурализма часто оборачиваются усилением их фрагментации, не давая значимого позитивного эффекта.

В данном случае принципиально важным является пример Турции, которая уделяет особое внимание поддержанию связей со своими соотечественниками. Выходцы из Турецкой Республики, проживающие в ФРГ, являются своего рода рычагом внешней политики страны. Правительство Турции всячески пытается задействовать своих соотечественников при лоббировании национальных политических и экономических интересов в ФРГ. В данном случае политический интерес Турции – это полноправное членство в ЕС, против которого выступает Германия в лице правящего Христианско-демократического союза (ХДС) А. Меркель. Цель Турции заключается в продвижении своих интересов через немецких политиков турецкого происхождения, количество которых ежегодно возрастает. Показательным является пример Джема Оздемира, лидера политического движения «Зеленые/Союз 90», который является сторонником политики мультикультурализма при усилении роли турецкой диаспоры. Оздемир выступает за полноправное членство Турции в ЕС.

Успехи Турции в продвижении своих интересов через турецкую диаспору подтверждают результаты недавних выборов, состоявшихся 13 мая 2012 г. в федеральной земле Северный Рейн – Вестфалия. Победу на них одержала Социал-демократическая партия Германии (СДПГ). Необходимо отметить, что в этой федеральной земле количество турок составляет более 1 млн человек, и практически все они отдали свои голоса СДПГ, так как эта партия является сторонницей политики мультикультурализма в Германии, выступает за интеграцию турок в немецкое общество, а также поддерживает вступление Турции в ЕС. Получается, что турецкая мусульманская община выступает за мультикультурализм по-турецки, который подразумевает сплочение всех европейских народов при усилении турецкой диаспоры как лобби, «мягкой силы» внешней политики Турции.

Вышеописанные обстоятельства обуславливают актуальность и значимость данного исследования. Его результаты призваны способствовать выявлению тенденций и особенностей мусульманской иммиграции в Западную Европу, оценить последствия миграции мусульманских иммигрантов для европейских стран и предложить пути решения существующих проблем. Отчасти результаты исследования могут быть весьма полезными для Российской Федерации, в которой концептуальные основы миграционной политики продолжают формироваться, а внимания к «внешней» мусульманской миграции как важному миграционному потоку уделяется мало.

Стоит признать, что экономическая функция диаспоры как лобби в настоящее время приобретает все большее значение. Эта закономерность объясняется целым рядом причин:

– во-первых, представители диаспоры могут располагать специфическими трудовыми навыками, которыми не обладает или обладает, но в соизмеримо меньшей степени население принимающей страны. Эти навыки и род экономической деятельности могут быть связаны с конкретными этнокультурными особенностями, носителями которых являются члены диаспоры. Дело в том, что этносы связаны с характерными для них хозяйственно-культурными типами, которые формируются под действием географо-климатических и социальных условий и отражаются в трудовых навыках, следовательно, и в социально-экономической роли диаспор. В условиях взаимосвязанного и параллельного развития межнациональной интеграции и интеграции экономической традиционные навыки и продукты производства значительно реже воспринимаются как имеющие этническую маркировку. Но даже в эпоху глобализации существуют многочисленные рестораны национальных кухонь, сувенирные и антикварные магазины, что вносит в совокупности значительный вклад в производство и сферу обслуживания;

– во-вторых, диаспоры в силу целого ряда причин могут владеть непропорционально большой долей денежного капитала и собственностью других видов. Это дает возможность дальнейшей концентрации собственности и ведет к усилению позиций диаспор в различных отраслях экономики, вплоть до их полной монополизации. Так, в странах Юго-Восточной Азии сферу торговли в основном контролируют китайские, индийские, арабские диаспоры. В странах Черной Африки со Средних веков значима роль индийских, а еще более – арабских, в частности ливанских, торговых меньшинств. Нельзя не отметить и усиление турецкого исламского капитала в странах Европы и Ближнего Востока, что влечет за собой и укрепление политического фактора присутствия страны на мировой арене;

– в-третьих, социально-демографическая структура диаспор может становиться предпосылкой к лидерству в экономике. Как правило, в потоке мигрантов преобладают мужчины трудоспособного возраста, с уровнем образования и профессиональной подготовки выше среднего. Они экономически более активны в сравнении со средними характеристиками исходной общности. Можно предположить, что экономическая роль диаспоры может превышать средний показатель в окружающем социуме, что проявляется, в частности, в уровне жизни, который значительно выше, чем на исторической родине, и превосходит уровень окружающих;

– в-четвертых, корпоративность диаспор может перерастать в преимущества в экономической деятельности. В то время как большая часть членов принимающего общества социально «атомизирована», представители диаспоры используют преимущество корпоративности, характерной в первую очередь для мусульманских групп на протяжении истории. Корпоративность может быть внутренней и внешней. Внутренняя корпоративность про-

является во взаимопомощи, включая трудоустройство, льготные финансовые ссуды, предпочтения при деловых контактах. С развитием международной интеграции все большее значение приобретает внешняя корпоративность. Диаспора может быть связана со множеством разного рода общностей: государством – местом исхода, материнским этносом, другими диаспорами той же этнической или конфессиональной принадлежности. Часто диаспоры имеют контакты с другими диаспорами, обладающими с ними общими признаками, либо с иными общностями, так или иначе связанными с ними культурно и исторически (в конце XX в., например, у русской диаспоры Ирана были тесные связи с армянской общиной; калмыки США сближались с русской и японской диаспорами; белорусы Аргентины ориентировались на Россию и т.д.).

Наряду с экономической функцией одной из наиболее распространенных является так называемая «сохраняющая»², включающая следующие компоненты:

– *сохранение родного языка*. Родной язык является одним из способов ретрансляции национальной культуры, его утрата оказывает прямое негативное воздействие на такие ее ценности в духовной сфере, как обычаи, традиции, самосознание. Его постепенное исчезновение свидетельствует о развитии ассимиляционных процессов, которые могут форсироваться близостью культурной дистанции между титульным и диаспоральными этносами, а в итоге привести к распаду диаспоры;

– *сохранение этнической культуры*. Этническая культура отчетливо проявляется в литературе, искусстве, этнической символике, традициях, некоторых формах материальной культуры (особенно в питании, одежде) и фольклоре. В результате влияния культуры иноэтнического окружения этническая культура диаспоры постепенно размывается (при отсутствии сплочения диаспоры в изолированных анклавах, как это происходит, например, в Германии), что особенно характерно для урбанизированной среды с ее стандартизованными эталонами в материальной и духовной сферах. Как итог – потеря связи с материнским этносом и утрата преемственности культурных традиций. Важным фактором сохранения национальной культуры является приток новых мигрантов с исторической родины;

– *сохранение этнического самосознания*. Внешнее проявление этнического самосознания осуществляется в форме самоназвания или этнонима. Его внутреннее содержание чаще всего составляют: противопоставление «мы – они»; представление об общности происхождения и исторических судеб; связь с «родной землей» и «родным языком»³. По мнению О.И. Шкаратана, смена этнического самосознания является показателем завершения ассимиляции национальной диаспоры⁴.

Важнейшей функцией диаспор выступает защита социальных прав представителей данного этноса, усилия по преодолению различных проявлений шовинизма, антисемитизма, помощь в адаптации вновь прибывшим соотечественникам.

Наиболее распространенными формами политической деятельности диаспор являются:

- электоральные и иные политические акции;
- лоббирование интересов страны исхода в принимающей стране;
- оказание влияния на страну исхода путем поддержки правительства или оппозиции;
- финансовая и другого рода поддержка политических партий, движений и неправительственных организаций страны исхода;
- содействие разрешению конфликтов в стране исхода либо их разжигание.

Самой важной следует указать все-таки упомянутую выше культурно-просветительскую функцию. Ведь именно в сфере культуры, трактуемой в самом широком смысле слова, и сосредоточены все основные отличительные особенности народов.

У этносов, оказавшихся в иноэтническом окружении, отсутствуют такие объективные факторы, как территория, политико-юридические институты, а также устойчивый хозяйственный уклад. В этих случаях особая роль принадлежит субъективно-психологическим компонентам, таким, как система ценностей, включающая сильное групповое национальное или этническое самосознание, сохраняющееся долгое время, мифологизация потерянной родины, религиозные убеждения, особенности фольклора и язык. Очевидно, что феномен диаспоры в первую очередь основывается на культурной самобытности, а ее отрыв от родины увеличивает стремление к сохранению, а в дальнейшем – и пропаганде своей культуры и языка.

На начальном этапе формирования и развития диаспоральных общин мусульманские объединения носили локальный характер и ориентировались прежде всего на социальную поддержку единоверцев. Но с течением времени сфера их влияния смещалась в область политики. Сегодня диаспоры – динамичные участники современного политического процесса как на государственном, так и на международном уровне, что предельно актуализирует проблему исследования механизмов взаимодействия: а) диаспора – принимающее общество; б) диаспора – историческая родина; в) транснациональные связи с непосредственным участием диаспоральных общностей.

Отметим, что именно факт принадлежности к исламу стал важным, но не определяющим аспектом для участия в мусульманских объединениях. Ислам рассматривался скорее как элемент внутренней интегрированности общины в диаспоре, сплачивающий ее членов и обеспечивающий сохранение и воспроизводство традиционных ценностей соответствующего этноса в условиях инокультурного окружения. В силу различий между отдельными течениями ислама и этническими группами он не смог занять место консолидирующего фактора, несмотря на осознание острой необходимости в примирении позиций и формировании единой структуры, которая бы отражала интересы абсолютного большинства мусульман. При этом исламские фонды и тарикаты (секты) активно воздействуют на экономическую жизнь

диаспор, сплавивая их за счет формирования экономических пирамид взаимопомощи.

В Великобритании вплоть до второй половины 1960-х гг. большую часть мусульманской общины составляли индо-пакистанцы – сунниты. Среди них выделялись два движения: Джамаат-и-Таблиг и Джамаат-и-Ислами. Под влиянием последнего в 1962 г. была создана Исламская миссия Соединенного Королевства, специализирующаяся на пропагандистской и издательской деятельности. С ростом арабской, персидской и турецкой иммиграций число мусульманских организаций росло: Мусульманское студенческое общество, Федерация студенческих исламских обществ, Организация молодых мусульман Соединенного Королевства – вот лишь несколько примеров. Цели этих организаций сводились к помощи в адаптации мусульманской молодежи в Великобритании при условии сохранения и развития ими исламских традиций. Сильное влияние, которое оказывали на эти объединения такие организации, как «Братья-мусульмане», а после 1979 г. – шиитский Иран, способствовало их развитию, с одной стороны, а с другой – крепко связывало британскую мусульманскую общину с решением международных проблем и формировало мусульманское лобби в стране.

Первые попытки усилить позиции мусульманской общины за счет объединения организаций были предприняты еще в конце 1960 – начале 1970-х гг. В 1969 г. был создан Мусульманский образовательный фонд, в деятельности которого приняли участие все влиятельные организации мусульман того времени. Он носил социальную функцию и специализировался на издательской деятельности и поддержке исламского образования в Европе. В свою очередь, в 1970–1971 гг. при поддержке саудовских фондов были образованы Союз мусульманских организаций Соединенного Королевства и Европы и Джамиат Улема Великобритании. Эти объединения стали первыми попытками систематизации и консолидации целей организации вне зависимости от этнической принадлежности членов. Союз мусульманских организаций Соединенного Королевства и Европы объединял суннитов, а Джамиат Улема Великобритании – шиитов. Поводами для дальнейшей консолидации общины и ее активизации на политической арене стали вопрос о мясе халяль 1983 г., «дело Ханифорда» 1985 г. и «дело Рушди» 1988 г.

Первое касалось права мусульман на содержание собственных скотоводов для поставки в лавки и магазины мяса животных, забытых ритуальным способом, что встретило резкую критику со стороны Совета по защите прав сельскохозяйственных животных и активистов по борьбе за права животных. Но при поддержке Комиссии по расовому равенству и муниципалитетов Бредфорда, Бирмингема, Лондона и Глазго вопрос был решен в пользу мусульманской общины. Единство позиции всех мусульман способствовало сближению их позиций и по остальным вопросам.

«Дело Ханифорда», директора одной из школ Бредфорда, выступившего против ношения девочками мусульманских головных уборов, также можно признать своеобразной победой мусульманской общины. Недовольство мусульман и политического руководства страны вызвала его жесткая риторика и использование таких терминов, как «менталитет парды». В 1985 г. Рэй Ханифорд был отправлен в отставку⁵.

В 1988 г. огромную волну возмущения среди мусульманского населения вызвала публикация «Сатанинских стихов» британского писателя пакистанского происхождения Салмана Рушди. В книге содержалась сатира на пророка Мухаммеда, Коран и аятоллу Хомейни. Мусульманские организации выступили за ее запрет на территории Соединенного Королевства⁶. Британское общество разделилось на тех, кто критиковал С. Рушди и его книгу, и тех, кто выступали против ее запрета, ссылаясь на свободу слова и самовыражения⁷. «Дело Рушди» стало толчком к объединению мусульман для активного участия в политической жизни Британии. Причем эта инициатива встретила поддержку правительства, поскольку в тот период в стране не было эффективной площадки для дискуссии между ним и мусульманской общиной. В итоге в сентябре 1988 г. была создана Комиссия Соединенного Королевства по исламским делам.

С целью закрепления достигнутых позиций диаспоры в июле 1989 г. формируется Исламская партия Британии. Представители этой партии были намерены получить депутатские мандаты на предстоящих парламентских выборах и «дать мусульманам право голоса в вопросах, связанных с будущим британского общества»⁸. Они намеревались добиться от властей наделения исламской религии теми же правами и привилегиями, которыми пользуется англиканская церковь. Программа партии также содержала качественную платформу по вопросам сельского хозяйства, образования, окружающей среды, здравоохранения, законотворчества, транспорта и коммуникаций. В этой связи необходимо отметить, что чаще всего мусульманские диаспоры завуалированно продвигают свои ценности и идеологические установки, умело прикрываясь экономическими и правовыми факторами.

Однако, как показал дальнейший ход истории, каких-либо значительных успехов Исламской партии Британии добиться не удалось, поскольку она слабо учитывала существующие между властями противоречия и ориентировалась на светскую модель. Кроме того, в этот период консерваторы и лейбористы испытывали потребность в расширении электората, в том числе за счет мусульманского меньшинства. Наконец, Исламская партия Британии едва ли способна привлечь на свою сторону немусульманских избирателей.

По сходным причинам потерпел поражение и Мусульманский парламент, созданный в 1992 г. директором Мусульманского института в Лондоне доктором Калимом Сиддики. Он выступал за предоставление мусульманам статуса «автономного

сообщества» в Великобритании и выстраивание «особых отношений с Исламской Республикой Иран»⁹. Создание самостоятельных органов власти позволит мусульманской общине, по мнению Сиддики, не только выжить, но и преобразовать политическую систему Великобритании в соответствии с законами шариата¹⁰. Но радикальность идей и малочисленность шиитской общины не позволили Мусульманскому парламенту вести сколько-нибудь эффективную политическую борьбу за реализацию своих целей.

Тем более что в 1980-х гг. консерваторы, лейбористы и либеральные демократы начали активную борьбу за голоса мусульманских избирателей. Компактное расселение мусульман позволяло им существенно влиять на результаты выборов в отдельных избирательных округах, таких, как Спаркбрук, Смоллхит, Лейдивуд (Бирмингем), Бредфорд Норс (Бредфорд), Миннингем (Бредфорд) и др. Повышение роли мусульманского электората четко прослеживалось на муниципальных и парламентских выборах 1983 и 1987 гг.

Политические пристрастия мусульманских избирателей в этот период оставались весьма традиционными. Из двух основных партий – лейбористской и консервативной – наибольшее количество голосов набирала первая. Это было обусловлено толерантным отношением лейбористов к выходцам из стран третьего мира и, напротив, проведенным консервативным правительством М. Тэтчер ужесточением иммиграционной политики.

Политика основных политических партий в отношении мусульман в 1990-х гг. носит многосторонний характер. С одной стороны, они пытались акцентировать внимание на проблемах, важных в том числе и для мусульманской общины. С другой стороны, руководство партий опасалось усиления влияния мусульман на принятие партийных решений. Подобная тенденция стала просматриваться после неоднократного отказа принять в члены лейбористской партии отдельных мусульман («дело Джеральда Кауфмана»). Опасения были связаны с тем, что массовое вступление мусульман, зачастую целыми семьями, позволяло им лоббировать выдвижение своих кандидатов и сильно походило на результат подкупа или заговора, а не свободного выбора.

Важным шагом на пути усиления электоральных позиций мусульман стало объединение в 1997 г. более 350 их организаций, движений и фондов в Совет мусульман Великобритании (СМВ). Основными направлениями деятельности данного объединения стали координация работы мусульманских организаций страны, поддержка единомышленников, пропаганда ислама и поддержка связей со странами происхождения.

Одним из важнейших проектов британских властей стал опрос мусульман для выявления проблем общин. Впервые при поддержке СМВ в него был включен вопрос о принадлежности к различным направлениям ислама. Его результа-

ты показали, что всех иммигрантов-мусульман объединяют следующие проблемы:

- ликвидация чрезмерной жесткости иммиграционной политики и разрешение вопроса о предоставлении двойного гражданства иммигрантам;
- решение ряда социально-экономических вопросов (безработица, преступности, несовершенства системы образования);
- укрепление связей между иммигрантскими общинами и странами их происхождения;
- участие Великобритании в решении международных проблем, связанных со странами происхождения иммигрантов (кашмирская проблема, арабо-израильский конфликт, иракская проблема и т.д.).

Совет мусульман Великобритании также тесно сотрудничает с правительством страны и проводит постоянные консультации по проблемам мусульман с членами кабинета министров и представителями оппозиции. Для правительства Великобритании Совет важен как лояльный государству орган, выражающий интересы большинства мусульман. Он также играет огромную роль в противодействии росту исламофобии и экстремизма в обществе.

Тем не менее в Соединенном Королевстве есть ряд радикальных мусульманских организаций, тесно связанных со странами Ближнего и Среднего Востока как идеологически, так и в финансовом отношении. Они не стремятся к сглаживанию культурных и религиозных противоречий в британском обществе, а нацелены на установление халифата, прообразом которого является идеализируемое государство времен пророка Мухаммеда и «праведных» халифов, правивших в Медине. К их числу можно отнести Хизб ут-Тахрир («Партия освобождения»), Аль-Мухаджирун и Ассоциация братьев-мусульман Великобритании. Они различаются между собой по методам деятельности и социальной базе:

- представители Хизб ут-Тахрир полагают, что основным методом достижения провозглашаемых целей является непрерывная интеллектуальная и социальная деятельность, направленная на стимулирование дебатов на общественном и политическом уровне. Любые формы насилия или вооруженного сопротивления рассматриваются партией как нарушение законов шариата, в силу чего они строго запрещены¹¹;

– руководитель Аль-Мухаджирун Омар Бакри, ранее входивший в группировку Хизб, напротив, категорически отрицает идеи интеграции, политического диалога и оказывает поддержку исламским экстремистам в Великобритании и за ее пределами¹²;

– Ассоциация братьев-мусульман Великобритании также выступает за политические методы борьбы и активно задействует палестинцев, ливийцев, сомалийцев, иракцев, египтян и других. «Братья-мусульмане» постепенно укрепили свои позиции в Совете мусульман Великобритании и действуют в альянсе с политическими левыми, например с лидером парламентской фракции «Respect» Дж. Галовеем. Они также сотрудничают

с Департаментом теологии и религиозных связей Уэльса, что дало ей возможность получить некоторое влияние в системе образования.

Таким образом, мусульманские организации Великобритании, даже если и нацелены на коренное преобразование общества, пользуются легальными, политическими формами борьбы. Их идеологическая платформа также сильно изменилась под влиянием британского общества. Мусульманские организации стали носить массовый и относительно более умеренный характер, что повысило их способность лоббировать свои интересы. В итоге социально-политического развития мусульманской общины в последние десятилетия представительство мусульман в органах власти постоянно растет, а их сообщество крепнет политически. В палате лордов в настоящее время заседают четверо мусульман. Мусульмане занимают 13 мест в палате общин. Среди 25 000 муниципальных советников Великобритании насчитывается 217 мусульман¹³.

Представляется целесообразным выделить три формы политического влияния мусульман:

– во-первых, отдельные представители мусульманской общины начинают принимать непосредственное участие в политической жизни европейских стран;

– во-вторых, получает распространение не связанный непосредственно с проблемой миграции так называемый «политический ислам»¹⁴ – движение, по мнению известного французского исследователя Оливера Роя, представляющего собой прямого наследника леворадикальных течений 1960-х гг. с идеями революции «бедного Юга» против «богатого Севера»¹⁵;

– в-третьих, проблема ислама в тесном переплетении с проблемами иммиграции и натурализации коренным образом трансформирует политический спектр западных стран, создает новые политические идентичности.

В Великобритании мусульманская религия занимает значительное место в общественной жизни. Традиционные мусульманские общины в стране во многом воспроизводят те социально-религиозные черты, от которых Европа всеми силами пытается освободиться – неприятие либерализированной сексуальной морали, религиозный фундаментализм, антииндивидуализм и другие. Как следствие, в столкновении с западным обществом кристаллизуется идентичность ислама как основного оппонента европейской «современности» и «постсовременности». Примирение сложившихся религиозных и культурных противоречий требует активного диалога с обеих сторон и приводит к усилению политической роли мусульман на различных уровнях.

В стране насчитывается около сотни течений и направлений исламского толка, но в качестве господствующих можно выделить следующие три:

а) движение «Брелви» (или «Барелви»), представленное индо-пакистанскими мусульманами – суннитами;

б) «Деобанди», поддерживаемое фундаменталистским движением Джамаат-и-Таблиг;

в) И наиболее радикальное среди них Джамаат-и Ислами (Исламское общество), основанное еще в Пакистане Абу Ала Маудуди (1903-1979 гг.). Представители этого движения исповедуют идею «мусульманской нации (уммы)», подчеркивая, что «ислам враждебен любому виду национализма». В качестве политической формы объединения Маудуди предлагал исламское государство, в котором «верность Аллаху и его Пророку требует от гражданина... верности и подчинения по отношению к тем, кто призван поддерживать усуль-амр («исламский порядок» – на языке урду)»¹⁶.

Не стоит также недооценивать влияние в Великобритании суфийских тарикатов (сект), в частности «Хакканийя», новой ветви братства «Накшбанди». В Лондоне, Бирмингеме и Шеффилде «Хакканийя» контролирует многие мечети и мусульманские организации, фонды и объединения. Исламоведами Бирмингема, достаточно внимательно изучивших деятельность «Хакканийи» в Британии и Ливане, отмечается заметная степень влияния этого братства в Дагестане и на всей постсоветской территории. Как предполагают сотрудники Центра изучения ислама и христианско-мусульманских отношений, речь может идти о «широкой сети» ячеек данного суфийского братства на Кавказе.

В этой связи интересно, что Турция в негласном партнерстве с тарикатами строит школы и университеты, которые уже не раз закрывались в России и других странах, часто – в связи с обвинениями в пропаганде экстремизма. На самом деле эти учебные организации – «мягкая сила» внешней политики Турции, попытка привлечь на свою сторону сильные кадры и воздействовать на формирование лоббистских групп как в государственных органах, так и в крупных частных компаниях европейских стран. Важным фактором на пути к этим целям является и управляемая глобализация учебного процесса внутри страны – теперь лекции практически во всех университетах Турции читаются на английском языке, что позволяет привлекать большое количество иностранных студентов, которые по окончании обучения либо остаются в стране, либо отправляются домой и формируют там протурецкое лобби.

Активно формируется идеалистический имидж Турции, прежде всего – в арабском и турецком «мирах», которые часто ошибочно видят в ней позитивный пример, определенную прогрессивную модель развития. Особенно актуально это в контексте «арабской весны» и постепенного вывода американских войск из Ирака и Афганистана. Целый ряд политиков в Тунисе и Египте уже заявили, что планирует следовать «турецкой модели». Многие политологи сразу сделали ошибочные выводы, что вышеперечисленные страны пойдут по пути сохранения принципа западного вектора, светского режима, при том, что большинство населения исповедует ислам. Однако в реальности текущая «турецкая модель» идеологии подразумевает умеренно-исламское правительство, поддерживаемое партией большинства в парламенте и

проводящее политическую линию на постепенное ограничение секуляризации и института армии, являвшейся гарантом выбранного прозападного вектора.

Мусульмане в Великобритании в целом весьма хорошо организованы. Они не только объединяются вокруг ближайшей мечети и ее имама, но в той или иной мере участвуют в различных общественных организациях (Исламском культурном центре, ассоциации «Мусульманская помощь» в Лондоне, объединении «Исламская поддержка» в Бирмингеме и др.). Подобные общественные объединения контролируют собственные мечети, занимаются вопросами культуры, образования, социального обеспечения верующих, соблюдением ими обычаев и предписаний ислама в быту (в частности, пищевых ограничений), пропагандой и распространением ислама.

Кроме просветительской и гуманитарной деятельности, мусульмане в Великобритании оказывают непосредственное влияние и на внутривнутриполитическую ситуацию. Уже в 1970 г. в Лондоне при поддержке саудовских фондов был создан по сути политический «Союз мусульманских организаций Соединенного Королевства и Европы», координирующий деятельность большинства исламских объединений Великобритании. В 1979 г. в Лондоне был создан такого же рода «Союз исламской прессы», а над упоминавшимся ранее Исламским культурным центром установлен патронаж Всемирной исламской лиги с центром в Саудовской Аравии. Организация «Исламская благотворительность», первоначально созданная с исключительно гуманитарными целями, была замечена в финансировании мусульманских организаций, обвиненных в связях с террористами.

В июле 1989 г. с целью получения депутатских мандатов на парламентских выборах ими была создана Исламская партия Британии (ИПБ), однако, как показал дальнейший ход событий, каких-либо значительных успехов ей добиться не удалось. Представляется, что без радикального изменения системы парламентских выборов в Англии и замены мажоритарного принципа пропорциональным мусульмане не имеют реальных шансов на широкое представительство в парламенте. Ни в одном из избирательных округов они не образуют большинства, кроме того, их симпатии делятся почти пополам между консерваторами и лейбористами, что дополнительно ослабляет их позиции. В то же время можно констатировать, что Исламская партия Британии вряд ли способна привлечь на свою сторону немусульманских избирателей.

Вынесенный аятоллой Хомейни смертный приговор Салману Рушди всколыхнуло мусульман Британии и способствовало их политизации. Это обстоятельство попытался использовать директор Мусульманского института в Лондоне доктор Калим Сиддики. Он провозгласил создание «Мусульманского парламента» из 150 членов, спикера, четырех его заместителей (включая двух женщин) и «лидера палаты» – самого себя. На будущее планировалось также создание второй палаты

из «примерно 1000 известных мужчин и женщин, доказавших свои способности». Однако так называемый «Мусульманский парламент» стал всего лишь еще одной из многочисленных организаций мусульман в Англии.

Сиддики также призывал британских мусульман к неуплате налогов, гражданскому неповиновению, неподчинению «несправедливым» законам и даже осуждению западной демократии как «диктатуры большинства», нагнетал и драматизировал ультрарадикальные настроения своих единоверцев, считая необходимым, «если надо», добровольно идти в тюрьму ради защиты ислама. Однако сколько-нибудь заметного общественного отклика эти призывы не имели.

Зато внешние события вызывали возмущения мусульман Великобритании незамедлительно. Так было в связи с событиями в Боснии и Косово, с разрушением в Индии в декабре 1992 г. исторической мечети XVI в., с бомбардировками Ирака авиацией США в 1993 и 1998 гг., с терактами 11 сентября 2001 г. в США, с вторжением США и их союзников в Ирак. Любое подобное событие активизировало действия существующих мусульманских организаций, стимулировало возникновение новых организаций, занимающихся ведением кампаний протеста в средствах массовой информации, пикетированием, созывом мусульман на митинги и шествия.

В Лондоне в августе 1996 г. был создан 3-й ежегодный конгресс панмусульманской партии исламского освобождения (Хизб ат-тахрир аль-исламийа), в котором участвовали свыше тысячи делегатов из самых разных стран мира. Эта партия известна как одна из наиболее влиятельных, непримиримых и воинственных международных исламских организаций. Она беспрепятственно подчиняла себе все прочие исламские структуры, проводя сбор средств и даже смещая недостаточно лояльных ей «умеренных» имамов мечетей. Базируясь в Лондоне, партия широко развернула подрывную деятельность в мусульманских странах и внутри мусульманских диаспор в Европе, особенно в Бельгии, Германии и Голландии. Она выступает за «возврат к исламскому законодательству путем восстановления халифата», одновременно считая все правительства в мире ислама, несогласные с этой идеей, «предательскими и незаконными».

Именно в Лондоне недавно возникла компания по реализации финансовых операций в Интернете строго в соответствии с принципами шариата. Возглавили ее богословы из Пакистана, Саудовской Аравии, Сирии и Малайзии. Тем самым появился дополнительный фактор тяготения к Великобритании многочисленных исламских банков с общим капиталом в 150 млрд долл., который ежегодно возрастает на 25%. А это, естественно, увеличивает возможности воздействия Великобритании на 1,2 млрд мусульман, проживающих на планете.

Выделяются и сугубо внутривнутристрановые причины для проявления мусульманами недовольства своим положением. При всей осторожности

и сбалансированности поведения британского правительства в отношении мусульман, при всем его стремлении отстраниться от специфических мусульманских проблем, сделать это в полной мере не удастся. Имеют место случаи дискриминации мусульман. Так, вскоре после событий 1990–1991 гг. в зоне Персидского залива одна британская компания в Шеффилде при наборе персонала объявила, что мусульман принимать на работу не будет. Начатый против этой компании судебный процесс по обвинению ее в нарушении закона 1968 г. о «равенстве рас» ни к чему не привел, поскольку мусульмане не являются особой расой.

Другой пример — с так называемой «добровольной помощью» школам разных конфессиональных общин. В Соединенном Королевстве около пяти тысяч подобных школ, расходы которых на 85% покрываются за счет государства. Среди них 2140 школ контролируются англиканской церковью, 2430 — католической, 31 — методистской церковью и 22 — общиной иудаистов. При этом ни одна из мусульманских школ правительственных субсидий не получила, хотя некоторые из них (около 25) ведут борьбу за это многие годы, а начальная школа «Исламия» в Лондоне, получив в 1992 г. отказ британского правительства, даже подала на него жалобу в Верховный Суд, но безрезультатно.

Несмотря на то что общее право Соединенного Королевства применимо ко всем жителям страны, некоторые мусульманские группы постоянно обращаются с просьбой введения и признания хотя бы некоторых положений о личном статусе в законе шариата, с тем чтобы их можно было применять к мусульманам. Хотя британские власти отклонили эту просьбу, было найдено компромиссное решение, которое позволяет и даже поощряет практику разрешения судебных споров посредством обращения тяжущихся сторон (мусульман) в мусульманский суд, принимающий во внимание положения шариата, до той степени, пока они не противоречат закону.

Франция завершила свое существование в качестве центра колониальной империи, простиравшейся далеко в глубь мусульманской Африки и имевшей огромное влияние в Леванте, серией кровавых конфликтов, среди которых была Алжирская война (1954–1962 гг.), которая оставила глубокий след в памяти как французов, так и мусульман.

Управление и администрирование во Франции жестко централизованы. Как наследие революции 1789 г. свято сохраняется идеал гражданского общества, в котором все граждане равны между собой в правах и обязанностях общественной жизни, а также равны перед законом без учета их происхождения или личных воззрений. Общественная жизнь протекает под светским знаменем, в то время как религия считается личным делом каждого, находящимся вне сферы общественной жизни. Согласно нормам конституционного права, общественная жизнь должна быть защищена от влияния религиозных организаций любого типа, включая церковь и секты. Несмотря на это, начиная с конца 70-х гг. XX в. было создано несколько

достаточно крупных арабских мусульманских организаций.

В 1984 г. в столице Франции было основано общество «Жить по-исламски на Западе», а уже на следующий год группа новообращенных французов-мусульман сформировала одно из крупнейших мусульманских объединений в стране — Национальную федерацию мусульман Франции (НФМФ), которую возглавил коренной француз, обращенный в ислам, Даниэль Юсуф — Леклерк.

Одновременно в эти годы французское государство предпринимало активные попытки (в частности, по линии министерства внутренних дел) наладить диалог с многочисленной мусульманской общиной. Однако эти попытки не имели особого успеха не только в силу этнической, культурной и идеологической разнородности последней, но и в силу отсутствия у нее даже подобия единой структуры. Ни одна из мусульманских организаций страны не имела и до сих пор не имеет возможности говорить от имени всей общины (уммы), а значит, и служить посредником между ней и государством. Между тем главной задачей государственной политики Франции в отношении «внутреннего» ислама является его интеграция в общественную и культурную жизнь страны на условиях, не противоречащих устоям республиканского строя.

В октябре 1999 г. министр внутренних дел Жан-Пьер Шевенман предложил различным исламским ассоциациям подписать документ, формулирующий основные юридические принципы построения отношений между государством и исламом, которые были бы применимы к организации культа мусульман. На самом деле такой документ — Хартия мусульманского вероисповедания во Франции — уже был подготовлен в середине 1990-х гг. и обсуждался представителями мусульманской общины с правительством Франции, но тогда не был принят. Однако затем почти все представители исламских организаций Франции его подписали 28 января 2000 г.

Только 20 декабря 2002 г. на конференции в Париже было объявлено о создании объединенной организации мусульман Франции под названием «Французский Совет по мусульманской религии» (ФСМР). Бывший президент страны Николя Саркози назвал это событие исторической вехой для французской уммы. В правление новой организации вошли руководители трех ведущих мусульманских структур страны — Союза исламских организаций, Национальной федерации мусульман Франции и мечети Парижа. Председателем был избран имам парижской мечети Далил Бубакер, алжирец по происхождению. Из 1100 мечетей, действующих во Франции, 1000 представлены в ФСМР. Основная задача новой организации — представлять мусульман Франции и защищать их интересы в государственных органах¹⁸.

Пять из семи мусульманских организаций, которые по приглашению правительства участвуют в деятельности Совета, спонсируются арабскими странами. Еще одна организация финансируется

Турцией, другая – организацией «Братья-мусульмане». Профессор Сорбонны богослов Каба Сори считает политику Совета ошибочной, поскольку правительство упрочило положение в Совете иностранных мусульман вместо того, чтобы открыть, например, во Франции факультет исламской теологии для своих мусульман. По мнению профессора, так может возникнуть новая концепция ислама, которая будет ориентироваться на демократические ценности и традиции Французской Республики – свободу, равноправие и братство¹⁹.

Показательно в этой связи, что только 9% из тысячи действующих в стране имамов – французские граждане, остальные – граждане Алжира, Марокко и Турции. Самые большие и дорогие мечети во Франции финансируются, как правило, арабскими государствами, как, например, мечеть в Лионе, строительство которой обошлось в пять миллионов долларов. И, напротив, самые скромные мечети, ютящиеся во дворах и переулках, принадлежат местным мусульманским общинам.

Опасения о влиятельности исламистов в новом представительном органе мусульман Франции оказались ненапряжными. На выборах в Совет по мусульманской религии, которые прошли в апреле 2003 г., победу одержали представители радикально настроенных кругов. После этого последовало «своевременное» заявление Н. Саркози: «Исламские законы неприменимы повсюду, ибо они не являются законами Французской Республики, поэтому те проповедники, чьи взгляды окажутся противоречащими ценностям республики, будут депортированы»²⁰. Однако в делах бывший президент был не столь категоричен. Он знал, что первое место по количеству голосов в Мусульманском Совете заняло объединение мусульман марокканского происхождения, исповедующего умеренные взгляды на ислам, в связи с чем констатировал: «Я вовсе не имею ничего против этой организации»²¹.

На этот раз раскол в среде мусульман Франции и их отношение к новой организации определяют скорее не этническим происхождением, а политическими взглядами и отчасти принадлежностью к тем или иным течениям в исламе. Уже сегодня можно с уверенностью сказать, что абсолютного единства в мусульманской среде во Франции с помощью создания новой организации достичь не удастся. Новый Совет будет представлять далеко не все политические мусульманские движения Франции, не все течения в исламе. Настораживает и тот факт, что французское правительство идет на контакт с наиболее консервативно настроенной частью мусульман-иммигрантов и в то же время игнорирует мусульман, уже сумевших каким-либо образом адаптироваться во Франции и принять ее политическую культуру.

Знакомство Германии с исламом происходило через сотрудничество с Османской империей, ее союзником в Первой мировой войне. Республиканская Турция сохранила связи с Германией. После Второй мировой войны большой приток турецкой рабочей силы в ФРГ происходил в рамках официального соглашения, подписанного

обеими странами в 1961 г. При этом некоторые разновидности ислама, практикуемые турками на территории Германии, в самой Турции могут подвергаться осуждению или даже запрещению. На сегодняшний день Турция преподносит себя одновременно и как светское государство, где религия — ислам — отделена от государства, и как государство турецкого народа, объединенного турецким исламом, пользующимся поддержкой государства. На самом деле существуют исламистские и другие организации, выступающие против современного контроля государства над исламом. Как известно, в Турции также проживают алавиты, православные Антиохийской и Константинопольской автокефалии.

Самой заметной инициативой мусульман в Германии стало открытое появление движений и организаций, находящихся под сильным давлением со стороны государства или запрещенных в Турции. Такие организации, тарикаты как исламисты «Сулейманлы», националисты «Милли Герюш», нацисты «Серых Волков», а также алавиты и некоторые ордена дервишей смогли свободно проявлять себя в Германии²². Свободно могут действовать и этнические группы, в частности курды, хотя им запрещено создавать политические организации. В результате турецко-курдский конфликт в Восточной Турции повлиял на положение мусульманской общины в Германии и, возможно, на немецкую внутреннюю политику по отношению к переселенцам из Турции²³.

Согласно переписи 2009 г., в ФРГ проживает 2,5 млн турок. По данным посольства ФРГ в Великобритании, количество выходцев из Турции в стране составляет 3,5 миллиона. История турецкой диаспоры Германии насчитывает более 50 лет. Сейчас в Германии можно встретить семьи, где уже подрастает четвертое поколение выходцев из Турции. Можно выделить две волны турецкой миграции в Германию. Первая миграционная волна датируется 1960-ми гг. В 1961 г. в ФРГ безработными числились 94 856 чел., в то же время общее число вакантных мест составляло 572 758, что заставило немецкие власти искать рабочую силу.

Германия нуждалась в первую очередь в неквалифицированной рабочей силе. 30 октября 1961 г. ФРГ заключает с Турцией договор о посредничестве турецких рабочих. Предполагалось, что турецкие рабочие помогут в восстановлении экономики послевоенной Германии. Это соглашение было не менее выгодно для турецкой стороны, так как давало ей ряд преимуществ, а именно:

- снижение высокого уровня безработицы в самой Турции;
- стабильный приток иностранной валюты в виде денежных переводов от турецких рабочих в ФРГ;
- получение турецкими рабочими опыта и технических знаний, которые должны были им пригодиться в Турции;
- продвижение интересов Турции на пути к евроинтеграции.

Немецкие власти рассчитывали, что турецкие рабочие вернутся обратно на родину, однако многие турки предпочли остаться в Германии. Немецкое правительство предоставило им право на воссоединение с семьями в 1975 г. Это стало главной причиной второй волны турецкой иммиграции.

За свою 50-летнюю историю многие представители турецкой диаспоры Германии обзавелись собственностью, стали гражданами ФРГ и, что самое главное, идентифицируют себя как граждане ФРГ, получили хорошее образование. Выходцы из Турции внесли значительный вклад в экономику ФРГ. Сейчас в Германии действуют около 70 000 компаний, учрежденных турецкими бизнесменами, проживающими в Германии. Около 57.000 турок ведут собственное дело в 91-м секторе германской экономики.

Выходцы из Турции не только активно включены в экономическую жизнь Германии, но они также все активнее включаются в политическую и культурную жизнь страны. С каждым годом растет количество политиков турецкого происхождения. Примером может послужить лидер Партии Зеленых Джем Оздемир, член социал-демократической партии Вурал Огер, министр по делам семьи, женщин, социального развития и интеграции Нижней Саксонии Айгюль Озкан, депутаты от «левых» Хаккы Кескин, Хюсейн Кенан Айдын, Хакан Таш, Севим Даделен. Политики турецкого происхождения отстаивают права своих соотечественников, выступают в поддержку полноправного членства Турции в ЕС, защищают интересы турецких бизнесменов. В культурной сфере также много деятелей турецкого происхождения. Например, режиссер, сценарист и актер Фатих Акын, писательница и актриса Эмине Севги Оздамар, журналист и писатель Эртугрул Озкок и другие.

Правительство Турции ведет активную политику по поддержанию связей со своими соотечественниками, проживающими в Германии. Начиная с 1970-х гг. Турецкая Республика реализует ряд проектов в культурной и образовательной сферах, тем самым оказывая помощь своим соотечественникам. Турция финансирует строительство мечетей, открытие школ, где преподавание ведется на турецком языке. Следует отметить, что Турция пошла навстречу своим соотечественникам, внося поправки в закон о гражданстве.

Турецкий закон о гражданстве предусматривает в случае запрета двойного гражданства в принимающей стране возможность выдачи так называемой «голубой карты». Она позволяет турецким мигрантам иметь равные права с гражданами Турции (ограничения касаются лишь приема на государственную службу), а также разрешает освобождение или альтернативный порядок прохождения военной службы для постоянно проживающих за рубежом турок.

Именно турецкие мусульманские организации в Германии известны высоким уровнем дисциплины и эффективностью. Недавно эти организации предприняли несколько шагов с

тем, чтобы обратиться к населению Германии и снабдить его информацией об исламе, а также организовали «дни открытых дверей» в мечетях для школьных экскурсий²⁴. Хотя большинство турецких иммигрантов, и конечно мусульман, остаются верны турецкому языку, растет число мусульман, пишущих об исламе на немецком языке. Это позволяет немецким читателям пренебречь языковым барьером; в то время, когда преподавание и обряды ислама велись только по-турецки, возникало серьезное недоверие к мусульманам.

Сущность проблем мусульманского населения ЕС, а также основные требования мусульман к европейским правительствам довольно хорошо иллюстрируют два документа, представленные ведущими мусульманскими организациями Германии и Франции:

– Хартия мусульманского вероисповедания во Франции от 10 декабря 1994 г., которая была подписана после продолжительных переговоров в 2000 г. французским правительством;

– Исламская хартия Центрального Совета мусульман в Германии от 20 февраля 2002 г.

Оба документа создавались для достижения общих целей. Во-первых, для выражения отношения мусульман, проживающих в данных странах, к европейской культуре, политической и правовой системе Франции и Германии соответственно. Во-вторых, для преодоления возникших барьеров между представителями разных культур и вероисповеданий и выработки неких общих принципов сосуществования мусульман с европейским большинством в указанных странах. Авторы хартий пытаются популярно изложить основы мусульманского вероучения таким образом, чтобы продемонстрировать европейцам общность христианства и ислама в их истории, подчеркнуть, что в исламе и христианстве признаются одни и те же пророки (за исключением только самого Мухаммеда), схожие заповеди. При этом документ, представленный французскими мусульманами, обильно цитирует Коран и Сунну, а именно те аяты и хадисы, в которых речь идет о веротерпимости, любви к ближнему и пророческой миссии Иисуса Христа.

Главным недостатком обеих хартий является тот факт, что и Представительный Совет мусульман Франции, и Центральный Совет мусульман в Германии (ЦСМГ) не объединили даже большинства мусульман, проживающих в этих странах. Так, Представительный Совет отражал в середине 1990-х гг. мнение лишь наиболее либеральной, европеизированной части мусульман, прежде всего выходцев из Северной Африки. ЦСМГ главным образом – это турецкая этническая община Германии, но лишь та ее часть, которая придерживается ортодоксального суннитского ислама, представленного в Турции Управлением по делам религии.

Несмотря на схожие задачи, стоявшие перед авторами хартий, содержание и методы решения проблем сосуществования с европейцами в обоих

документах довольно сильно разнятся. Хартия французских мусульман была подготовлена при непосредственном участии французского правительства. Министр внутренних дел Франции в то время Ш. Паскуа заметил, что не нашел во французской мусульманской среде подходящего для переговоров о будущем мусульман во Франции партнера²⁵. Тогда он решил создать его сам, подтолкнув, таким образом, Д. Бубакера, имама мечети Парижа, к подписанию данной хартии и организации Представительного Совета мусульман.

Эта организация должна была стать своеобразным рупором всех французских мусульман. Централизовав мусульманские общины Франции в лице этой организации, французское правительство рассчитывало начать более эффективно решать все вопросы, связанные с мусульманами, добиться «управляемости» над мусульманской общиной. Однако расчет оказался неверным, далеко не все мусульмане Франции поддержали инициативу Д. Бубакера и Ш. Паскуа²⁶. В итоге, как уже отмечалось, переговоры затянулись, и подобный Совет был создан только в конце 2002 г.

В целом предложенная Хартия находится в русле стратегии евроислама. В ней говорится, что «общественная сплоченность и национальное единство Франции основаны не на каком-либо этносе или религии, но на воле к совместному существованию и на общем согласии с принципами Декларации прав человека и гражданина, равно как и с республиканскими ценностями». Хартия не претендовала на какое-либо исключительное положение мусульман во французском обществе, не требовала непеременимого сохранения их идентичностей разного уровня. Но она непременно настаивала на возможности свободного исповедания своей веры в полном согласии с действующим французским законодательством, дальнейшем строительстве мечетей, мусульманских кладбищ, открытии частных мусульманских школ и религиозном обслуживании мусульман в армии, больницах и тюрьмах.

Принципиальным отличием немецкого документа является то, что немецкие мусульмане-турки настаивают на интеграции в немецкое общество при полном сохранении своей идентичности, более того, в нем прямо говорится о «необходимости образования в Европе собственной мусульманской идентичности». Исламская хартия ЦСМГ объявляет ислам «верой, этикой, социальным порядком и образом жизни», и все это немецкие мусульмане собираются сохранить в рамках своей «идентичности». В документе зафиксирован особый статус отношений мусульманина с немусульманами в немусульманском государстве, обязанности, которые должен выполнять мусульманин, находясь вне мира ислама. Такого рода положения германского документа вступают хотя и в косвенное, но противоречие с другими положениями, согласно которым представители ЦСМГ не стремятся к установлению теократического государства и привержены принципам

разделения властей и демократии. Иными словами, если исходить из того, что ислам не только вера, но и «социальный порядок и образ жизни», то при такой постановке вопроса объявленная ЦСМГ поддержка демократических ценностей и норм немецкой культуры кажется лукавством.

Важной особенностью Исламской хартии ЦСМГ является то, что данная хартия – инициатива самого ЦСМГ, созданная этой организацией не по «заказу» правительства ФРГ, а по собственному желанию. Германские власти с 2000 г. официально признали данную организацию религиозной общиной Германии. Именно с ЦСМГ как с представителем мусульман Германии немецкое правительство и пытается поддерживать все контакты, принимая во внимание то, что ей оказывается поддержка властными структурами Анкары.

Некоторые европейские исследователи оптимистично полагают, что принятые во Франции и Германии документы создают хороший базис для дальнейшего диалога между европейцами-христианами и мусульманами²⁷. Однако даже беглый их анализ позволяет сделать вывод: инициативы мусульман в современной Западной Европе, равно как и ответы европейских правительств, мало способствуют реальной «аккультурации» мусульман в Европейском союзе. Мусульманские организации (или организация), с которыми поддерживают контакты европейские правительства, не обладают нужным весом и влиянием в европейской мусульманской среде, а инициативы самих мусульман часто противоречивы и лишены единой стратегии отношения к европейской политической культуре.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам по проблемам «аккультурации» мусульман в государствах ЕС:

- во-первых, классическое мусульманское вероучение достаточно строго регламентирует как жизнь немусульманина в мусульманском государстве, так и образ поведения правового на немусульманских территориях. Несмотря на существовавшие различия в правовых оценках, положение мусульманина в немусульманской стране в различных толкованиях ислама, общим положением считалось то, что нахождение мусульманина в немусульманских странах, при возможности покинуть ее, недопустимо или непоощряемо. Находясь на немусульманских территориях, мусульманин не сможет с точки зрения классического ислама вести праведный образ жизни, выполняя все предписания ислама в социальной, политической и правовой сферах. Вторая половина XX в. представила новый феномен, о котором классическая мусульманская юриспруденция не могла даже и помыслить – эмиграцию мусульман в страны Запада. Отсутствие в классическом мусульманском праве описания данного феномена делает возможным различные спекуляции современных политических и религиозных лидеров мусульманского мира по поводу явления миграции с мусульманского Востока в

христианский Запад. Так, изобретаются новые трактовки понятия «хиджра», определяющие ее как способ распространения ислама, будто бы предписанный Пророком;

– во-вторых, в современном мусульманском мире можно выделить три основных направления в исламе, каждой из которых является своеобразным ответом на вызовы современности: либеральное (или модернизаторское), радикальное (фундаменталистское) и традиционалистское (или консервативное). Указанные направления в полной мере представлены в современной Западной Европе. Религиозные организации мусульман, возникающие на территории стран ЕС, обычно имеют прочные контакты и связи с той или иной политической и экономической силой у себя на родине.

Однако особым явлением в современной Европе является концепция евроислама, пропагандируемая отдельными представителями французских и немецких мусульман. Концепция в целом попадает в русло первого из указанных, либерального направления, но фактически речь идет о создании новой религии, и именно поэтому евроислам не привлекает к себе в Европе большого числа последователей. Как и в мусульманском мире, в странах ЕС сегодня наиболее широко представлена третья модель развития современного ислама, однако в конкретных европейских условиях мусульмане заняты поиском новой идентичности.

Следование в русле ортодоксального ислама, причем в рамках практически любого из его основных течений, делает «аккультурацию» мусульман в Западной Европе невозможной. Избегая полемики об «отделимости» или «неотделимости» в исламе религии и политики, отметим, что и современный радикальный исламизм, да и традиционализм не предполагают возможности для мусульман стать европейцами до конца, если, конечно, они желают остаться мусульманами и не изменять своей вере.

Находясь в ситуации, когда старые «идентичности» более не удовлетворяют потребностям европейских мусульман, а предлагаемые новые отклоняются ими в силу названных факторов, многие мусульмане Европы часто превращаются в маргиналов, то есть людей, лишенных осознания собственной принадлежности к какой-либо большой этнической или конфессиональной группе. Вместе с тем представители мусульманских общин в отдельных европейских странах пытаются осуществлять шаги навстречу европейским правительствам. Часто их «инициативы» подталкиваются европейскими правительствами, которые пытаются сами сформировать, при отсутствии активности со стороны мусульман, представительские мусульманские институты.

Успешными, как правило, оказываются действия мусульман, направленные на открытие мечетей, создание мусульманских школ и просветительских организаций и т.п. Однако если речь заходит о подписании от лица всей мусульман-

ской общины данной страны какого-либо глобального документа, призванного официально зафиксировать отношения мусульманской общины с европейским государством, то такие и подобные инициативы часто заканчиваются неудачей.

«Аккультурация» при сохранении мусульманской идентичности у иммигрантов в государствах ЕС, на наш взгляд, невозможна. Поиск какой-либо новой идентичности специально для европейских мусульман вряд ли может увенчаться успехом даже в самой долгосрочной перспективе. Единственным фундаментом для «аккультурации» мусульман в европейских странах, причем в рамках модели ассимиляции, должна стать европейская политическая культура. Иными словами, необходимо четче сформулировать, прежде всего принципы и основы европейской идентичности, которую затем можно и нужно безбоязненно распространять на всех, кто хочет стать гражданином Европейского союза. При этом следует учитывать, что не все мусульмане воспримут новую европейскую идентичность и захотят в этом случае стать «европейцами». В любом случае проблемы аккультурации мусульман в странах Европейского союза могут ускорить осознание в Европе собственных европейских интересов, выступить катализатором развития Евросоюза как политической единицы и самостоятельного полюса на мировой арене.

Успех политического участия мусульманских общин в общественной жизни европейских государств зависит от множества факторов, главными из которых, пожалуй, являются социально-политический «климат» страны проживания и специфические характеристики самих общин, их способность создавать организации и группы влияния, находить общие интересы, преодолевая различия этнического и религиозного характера. Степень политического влияния мусульман, как уже отмечалось, во многом зависит от отношения европейских правительств к мусульманским общинам на своей территории, от выбранной стратегии взаимодействия с ними.

Следует сразу отметить, что главным инструментом влияния мусульман в Западной Европе являются иммигрантские организации, точное число которых трудно установить. При этом не все организации представляют собственно политические интересы мусульманских общин. Некоторые из них созданы с целью помочь вновь прибывшим иммигрантам адаптироваться в новых условиях, оказать им возможную материальную поддержку, другие выполняют функции своего рода клубов — мест общения и проведения досуга.

В таких странах, как Великобритания, Бельгия, Нидерланды, создание политических мусульманских организаций поддерживается правительствами. Эти страны стремятся таким образом привлечь мусульманское население к общественно-политической жизни и сделать их равными участниками политического процесса.

В Германии развитие мусульманских организаций часто имеет полустихийный характер, но иногда напоминает турецкий вариант концепции «управляемого хаоса». Какой-либо четко сформированной политики взаимоотношений с мусульманами в Германии пока не существует, поэтому диалог ведется с теми, кто стремится к нему, то есть с объединениями мусульман, которые возникли самостоятельно, без какого-либо вмешательства со стороны государства.

Первый шаг к политическому участию — натурализация. По подсчетам испанского исследователя Али Кеттани (Кордова), гражданство какой-либо из европейских стран приобрело около 40% мусульман, проживающих в государствах ЕС²⁸. Эта довольно существенная цифра заставляет признать мусульманские общины и их интересы новым фактором политического процесса в европейских странах. Однако степень влияния мусульманских общин на процесс принятия решений в европейских странах не стоит переоценивать. Во многих из них странах пока что мусульманским организациям очень трудно добиться собственного влияния в силу действующего законодательства.

В Германии, например, дело осложняется не только трудностями приобретения гражданства, но и проблемами признания организации «органом общественного права» (*Körperschaft des öffentlichen Rechts*). Чтобы приобрести данный статус, религиозная организация должна, например, доказать, что представляет большинство адептов данной религии и что ее деятельность никак не противоречит действующему законодательству. Если рассмотреть отношения немецкого правительства с тремя крупнейшими турецкими мусульманскими организациями в Германии, то можно быстро обнаружить, какому исламу отдается предпочтение. Речь идет о таких организациях, как Турецко-исламский союз по делам религии — DİTİB, Союз исламских культурных центров в Европе — İKZ и националистическая организация «Национальный взгляд в Европе» (*Avrupa Milli Görüş Teşkilâtı*).

Союз исламских культурных центров в Европе представляет суфийское турецкое братство Сулейманлы, политическими целями которого на территории Турции является возрождение традиционного суннитского ислама в рамках светского государства. Националистическая организация «Национальный взгляд в Европе» соблюдает на немецкой территории интересы исламистов Турции. Наконец, Турецко-исламский союз религиозных учреждений является своего рода филиалом турецкого Управления по делам религии, то есть представляет правящие круги Турции. Все три организации официально зарегистрированы в Германии, но наиболее активно германское правительство сотрудничает с Турецко-исламским союзом религиозных учреждений²⁹. Эта организация хотя и не ставит перед собой целей насильственного распространения ислама и поддерживает светский характер турецкого государства, но

обладает ярко выраженной националистической окраской. Лидеры этой организации выступают с идеями «тюркизации» ислама, поддерживают возрождение пантюркизма³⁰. Игнорирование этого факта немецким правительством в дальнейшем, при увеличении турецкой мусульманской общины, может привести и уже приводит к проявлениям турецкого национализма на немецкой территории.

Главной проблемой совместного участия мусульман в политическом процессе остается их этническая и религиозная разобщенность. Мусульманам ни в одной из европейских стран до сих пор не удалось создать ни одной организации, которая бы в действительности представляла интересы всех мусульман, проживающих в данном государстве ЕС. Так, в Бельгии в 1974 г. был принят закон, по которому ислам был признан пятой официальной религией наравне с католицизмом, протестантством, англиканством и иудаизмом. Закон предусматривал создание представительного комитета мусульманских общин при бельгийском правительстве, через который бы осуществлялось управление мусульманскими общинами и делами культа на территории Бельгии. Членам комитета и его председателю — верховному имаму — выплачиваются государственные зарплаты. Однако собственно бельгийские мусульмане так и не смогли собрать своих представителей для участия в деятельности комитета. Вместо этого как представительный орган всех мусульман Бельгии стал использоваться «Культурный исламский центр» (CIC), созданный еще в 1968 г. при открытии главной мечети в Брюсселе при непосредственном патронаже саудовского короля Фейсала. Кандидатура директора Центра (он же — верховный имам бельгийских мусульман) согласуется с такой организацией, как Лига исламского мира, одного из главных орудий распространения ваххабизма как государственной идеологии Саудовской Аравии³¹.

Особый вариант политического участия мусульман представляет Великобритания. Как утверждает Б. Тиби, «сегодня нет ни одного фундаменталистского движения в мире ислама, которое бы ни имело своего бюро в Лондоне»³². Так, штаб-квартира партии Тахрир или Исламской партии освобождения (Хизб ат-Тахрир аль-Ислами) сегодня находится именно там³³. Лидеры этой партии не скрывают: ее деятельность активизировалась при непосредственном патронаже Талибана. Они неоднократно делали заявления, что на территории Великобритании существуют центры подготовки и вербовки моджахедов для дальнейшей отправки в «горячие точки», в том числе в Афганистан, на Балканы и Северный Кавказ. Некоторые английские исследователи уверяют, что подобные партии и организации отвергнуты большинством мусульманского населения Европы³⁴.

Сам факт свободного функционирования подобных организаций на территории Западной Европы вызывает удивление. Фактически

Великобритания готова бороться с исламским экстремизмом и терроризмом везде, кроме своей территории. В этой связи еще более странными выглядят заявления лидера британских консерваторов Уильяма Хейга, сделанные, правда, в ходе предвыборной кампании в ноябре 2000 г. Он полагает, что религиозные организации должны играть еще большую роль в общественной жизни, и прежде всего в образовании³⁵.

По всей видимости, пока нельзя говорить об активном участии мусульман в процессе принятия политических решений в странах Западной Европы. Далеко не все из них – менее половины – обладают гражданством. Мусульманские организации, являющиеся главным рупором европейских мусульман, разобщены, им не удается четко сформулировать общие требования и проблемы. Некоторые экстремистские организации вообще отказываются от участия в общественной европейской жизни. Сам факт присутствия мусульман на европейской территории и непрерывающийся рост мусульманских общин вызывает проблемы политического характера. К ним относятся, например, демонстрации в поддержку «братьев по вере» в европейских столицах, перед посольствами США и Израиля.

На отношение европейских стран к конфликтам с участием мусульман, в которых нарушаются права человека (Чечня, Балканы), большее влияние оказывает приверженность европейских правительств принципам соблюдения прав человека и поддержке демократических ценностей, чем боязнь проявления экстремизма со стороны мусульманских общин на своей территории или

учет их интересов. Численность экстремистов-мусульман на территории Европы в настоящий момент невелика, а зависимость будущего мусульман в европейских государствах от деятельности национальных правительств значительна.

Гораздо более серьезные проблемы могут возникнуть в Западной Европе, если на ее территории не будет пресечена деятельность исламистских организаций. Не имея серьезной поддержки в среде европейских мусульман, они поддерживают самые активные контакты с международными исламистскими организациями, выступая и в роли поставщиков человеческих ресурсов, и как координационные и финансовые центры. Если в настоящее время они самостоятельно не могут угрожать безопасности в Европе, то уже на современном этапе они представляют серьезную угрозу для безопасности всего мира как звенья в цепи международных террористических организаций, как части экономических пирамид мусульманского типа, которые в долгосрочной перспективе способны через экономические рычаги начать воздействовать на политику.

Kasatkin P.I., Khrustalev I.M., Avatkov V.A.
Integration, European Security and Soft Power of Migration.

Summary: *The article provides analysis of European security in the sphere of migration. It deals with the changes of the image of migration, of its role and positions. The special emphasis is made on the migration as a soft power.*

Ключевые слова

Евробезопасность, безопасность, миграция, иммиграция, эмиграция, ЕС, «мягкая сила».

Keywords

European security, security, migration, immigration, emigration, EU, «soft power».

Примечания

1. Турен А. Способны ли мы жить вместе? // Новая постиндустриальная волна на Западе / Под ред. Иноземцева. М., 1999. С. 484-485.
2. Залитайло И.В. Этносоциальные диаспоры и диаспоральные образования: сущность и структура // Электронное научное издание / Аналитика культурологии. 2006. С. 6.
3. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. М., 1990. С. 251.
4. См.: Этносоциальные проблемы города. М., 1986.
5. Котин И.Ю. Побег баньяна. Миграция населения из Индии и формирование «узлов» южноазиатской диаспоры / И.Ю. Котин. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. С. 164.
6. Anwar M. Muslims in Western Europe / M. Anwar // Muslims in Western Europe / Ed. By J. Nielsen. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1992. P.9.
7. Parekh B. Rethinking multiculturalism: Cultural diversity and political theory / B. Parekh. – London: Macmillan, 200. S. 303.
8. Pauly R. J. Islam in Europe: Integration or marginalization? / R.J. Pauly. – Aldershot.: Ashgate, 2004. S. 105.
9. Четверикова О.Н. Ислам в современной Европе: стратегия добровольного «гетто» против политики интеграции / О.Н. Четверикова // Россия в 21 в. 2005. №2. С. 79.
10. Siddiqui K. The Rushdie Affair and the Muslim Manifesto / K. Siddiqui – <http://www.islamicthouht.org/ks-bio-p4.html>
11. Navaz M. Evaluating Hizbut-Tahrir's Theo-political Stance / M. Navaz. – <http://maajidnawaz.blogspot.com/2007/08/evaluating-hizbut-tahrirs-theo.html>

12. Нечитайло Д.А. Ислам, политика, радикализм в Великобритании / Д.А. Нечитайло // Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. – <http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/17-07-05.htm>
 13. Muslim Council of Britain – www.mcb.org.uk/library/statistics.php
 14. Не следует смешивать понятия «исламизм» (политический ислам) и «исламский фундаментализм». Исламский фундаментализм представляет собой религиозное течение, означающее строгое соблюдение изложенных в Коране и Сунне правил и норм в повседневной жизни и общественной практике. Исламизм, или политический ислам, есть в большей степени политическое явление. Оно отражает стремление определённой части мусульманского общества сохранить свои исторические традиции, религию, культуру, т.е. национальную идентичность в условиях глобализации. В то же время эти два явления, безусловно, взаимосвязаны.
 15. Roy O. The Failure of Political Islam. – Cambridge: Harvard University Press. 1996. P.30.
 16. Sayyid Abul A' la M. Political Theory of Islam // Modernist and Fundamentalist Debates in Islam / By ed. Moaddel, Mansoor and Kamran Talattof. 2000. P. 14.
 17. Понкин И.В. Ислам во Франции. М.: Издательство Учебно-научного центра довузовского образования, 2005. С. 87.
 18. Черноморский П. Тело Франции приросло мусульманами. – http://www.iicas.org/articles/anv_24_12_02.htm
 19. Islamische Zeitung. 2003. 13 Februar.
 20. Исламский Информационный портал со ссылкой на агентство Рейтеп – http://www.islaminfo.ru/cgi-bin/news/news_d.php?id=771
 21. Там же.
 22. Sen F. Tuerken in der Bundesrepublik Deutschland: Leistungen, Probleme, Erwartungen // Beitrage zur Konfliktforschung. 1986. №3, S. 43-65.
 23. Groene M. Identitaetspolitiken und Konfliktwahrnehmungen alevitischer Kurden in Deutschland // Journal fuer Konflikt- und Gewaltforschung. 2001. №3. Heft 1. S. 70-84.
 24. Abdullah S.M. Muslims in Germany // Muslim Minorities in the West / Ed. by S. Z. Abedin, Z. Sardar. London, 1995. P. 37-51.
 25. Kepel G. Allah im Westen. S. 274.
 26. Dolle N. Qui representera les musulmans de France? // Le Monde Diplomatique. 2002. - № 1. P. 5.
 27. Graf P., Antes P. Strukturen des Dialogs mit Muslimen in Europa. Serie: Europäische Bildung im Dialog. Religion, Sprache, Identitaet. Bd 6. Frankfurt-am-Main, 1998. - S. 12-15.
 28. Ali Kettani M. Challenges to the Organization of Muslim Communities in Western Europe // Political Participation and Identities of Muslims in non-Muslim states / Ed. by W.A.R. Shadid and P.S. van Koningsveld. Kampen, 1996. P. 16.
 29. Amiraux V. Turkish Islam in Germany: Between Political Overdetermination and Cultural Affirmation // Political Participation and Identities of Muslims in non-Muslim states / Ed. by W.A.R. Shadid and P.S. van Koningsveld. Kampen, 1996. P. 40.
 30. Киреев Н.Г. К оценке религиозной ситуации в Турции в 90-е годы // Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и Центральной Азии). М., 2001. С. 159.
 31. Игнатенко А.А. Самоопределение исламского мира // Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и Центральной Азии). М., 2001. С. 12.
 32. Tibi B. Der Islam in Deutschland, Muslime in Deutschland. Stuttgart, 2000. S. 260.
 33. Игнатенко А.А. Халифы без халифата. М., 1988. С. 105.
 34. Andrens A. Muslim Attitudes towards Political Activity in the United Kindom: A casy Study of Leicester // Political Participation and Identities of Muslims. P. 120.
 35. Hague Campaigns for Religious Vote // BBC. 2000. 1 November.
-

Политическая пропаганда радикальных исламистских организаций в США

И.А. Истомин

В стратегии радикальных исламистских группировок растущее внимание уделяется привлечению сторонников в США. Вовлечение американских граждан представляется одним из элементов адаптации таких организаций к увеличивающемуся внешнему давлению и позволяет решать ряд разноплановых задач как на глобальном уровне, так и в локальных конфликтах. Опыт последних лет свидетельствует о формировании системы институтов, обслуживающих пропагандистскую деятельность радикальных исламистов. Участие американских граждан в распространении исламистских материалов, финансировании нелегальных организаций и осуществлении террористических актов свидетельствует о наличии практической отдачи от такой работы.

В последнее десятилетие проблема религиозного радикализма получила широкое освещение как в отечественной, так и в зарубежной литературе по международным отношениям¹. Подобный интерес связан преимущественно с актуализировавшейся террористической угрозой. Вместе с тем к началу 2010-х гг. накал общественной дискуссии относительно террористической проблемы начал снижаться. Такая тенденция свидетельствует о его превращении в привычный элемент международно-политической действительности. В то же время участие религиозных радикалов в глобальных политических процессах не только не уменьшилось, но и приобретает новые формы. В том числе расширяется деятельность террористических исламистских организаций в США и других странах Запада. Одним из ключевых компонентов этого процесса становится расширяющаяся и приобретающая все более изощренные формы пропагандистская работа.

В этой связи целью настоящей статьи стало изучение стратегии и механизмов осуществления пропаганды радикальных исламистских группировок в Соединенных Штатах. В условиях общей активизации политического ислама остро встает вопрос выделения этого типа участников международных взаимодействий из более широкой общности конфессиональных субъектов. В настоящей статье под радикальным исламом понимается политическая идеология, которая не просто определяет и обосновывает свои действия, отталкиваясь от исламских религиозных текстов, но и оправдывает применение силы для достижения своих целей. С учетом многообразия теологических направлений в современном исламе работа сфокусирована преимущественно на радикализме в его наиболее популярной суннитской версии. Соответственно предмет исследования охватывает организации, исповедующие этот тип идеологии. С учетом специфики их деятельности они также могут быть охарактеризованы как международные

Истомин Игорь Александрович – к.полит.н., преподаватель кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО(У) МИД России, координатор проектов Европейского учебного института при МГИМО(У).
E-mail: vestnik@mgimo.ru

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта "Взаимодействие государств и религиозных акторов мировой политики в эпоху глобализации" (грант Российского гуманитарного научного фонда №11-03-00547а; 2011–2013 гг.).

террористические группировки. Вместе с тем нельзя забывать, что терроризм представляется лишь одним из методов, к которым прибегают такого рода организации.

Радикальные исламистские движения в современном мире

В последнее десятилетие организационная структура радикальных исламистских движений существенно эволюционировала в результате активного противодействия их деятельности со стороны США и их союзников. При этом их идеологическая платформа в значительной степени сохранилась в том виде, в каком она сформировалась в 1990-х гг. Тем самым проявилась их способность к гибкой адаптации и вместе с тем преемственность целевых установок и устойчивость базовых идейных оснований.

Современное исламистское движение не является целостным и идеологически гомогенным. Оно сформировалось в результате сближения множества автономных групп, которые могут быть разделены на три основных типа в зависимости от характера их программных установок:

- во-первых, в него входят исламисты-глобалисты, озабоченные восстановлением единой политической общности, объединяющей всю умму (сообщество верующих), и распространением ее юрисдикции на весь мир. Они рассматривают исторически существовавшие примеры исламских халифатов как прообраз идеального мирового порядка. Тем самым они ставят задачу воссоединения светской и религиозной власти в рамках единой исламской политической системы;

- во-вторых, движение включает исламистов-сепаратистов, действующих в исламских анклавах государств с преимущественно немусульманским населением. Подобные группы отстаивают право мусульманских народов на отделение и образование собственной государственности, основанной на исламских религиозных нормах. Сепаратисты считают нелегитимной власть представителей других конфессий над мусульманами. При этом в их деятельности зачастую наблюдается смешение этнической и конфессиональной идентичности;

- в-третьих, в ряде мусульманских стран действуют исламисты-реформисты, выступающие против господствующих в них авторитарных режимов. По их мнению, существующие элиты дискредитировали себя, предав цель построения исламского государства, они погрязли в коррупции и должны быть смещены. Деятельность групп такого рода мотивируется реальными социально-экономическими проблемами, с которыми столкнулось большинство мусульманских стран, феноменом социального расслоения и неэффективностью действующих институтов государственного управления².

При этом представителей трех типов групп в большинстве случаев объединяет приверженность салафитскому направлению в исламе. В этой связи они рассматривают опыт первых трех поколений мусульман (пророка Мухаммеда и благоверных

халифов) как в религиозной, так и в социальной жизни в качестве непосредственной модели для повторения и копирования. Они стремятся избавить ислам от последующих толкований и местных традиций. В то же время многие салафиты избегают насилия и стремятся к обновлению социальной и частной жизни мирными способами. В отличие от них, радикальные исламисты уверены в том, что глубокое преобразование всего общества и возвращение мусульман к корням под силу только исламскому государству. При этом они рассматривают вооруженную силу в качестве легитимного инструмента политической борьбы.

Схема 1

Типология современного исламизма

Средства Цели	Ненасильственный (умеренный)	Насильственный (радикальный)
Глобалистский		
Сепаратистский		
Реформистский		

Общность во взглядах на государство и общество способствовала сближению различных типов исламистских организаций и сращиванию их в единую сеть. Заметную роль в этом процессе, сыграла созданная У. бен Ладеном организация «Аль-Каида»³. Будучи прежде всего объединением глобалистов, она сформулировала идейную платформу, обеспечивающую увязывание их целей с устремлениями других групп. Сформулированная У. бен Ладеном концепция констатирует, что за спиной правительств как немусульманских, так и мусульманских государств, с которыми борются исламисты, стоят западные страны, и прежде всего США. В этой связи в 1998 г. У. бен Ладен выступил с инициативой формирования «Всемирного исламского фронта для борьбы с крестоносцами и евреями»⁴.

С точки зрения «Аль-Каиды», та поддержка, которую США в различных формах оказывают своим союзникам и партнерам, способствует сохранению диктаторских режимов в мусульманских странах, препятствует успеху освободительных движений на окраинах исламского мира и препятствует созданию подлинно исламских государств. Тем самым борьба с Соединенными Штатами оказывается задачей не только исламистов-глобалистов, но и двух других групп. Таким образом, задача противодействия США обосновывает идею исламистского интернационализма и развитие практического сотрудничества между отдельными группировками.

В этой связи, хотя отдельные группировки, прежде всего исламисты-сепаратисты и исламисты-реформисты, продолжают действовать на локальном уровне, общий успех движения требует способности проецировать действия в глобальном масштабе. Наблюдается парадоксальная зеркальность доктрин США и их противников. В «Стратегии национальной безопасности 2002 г.» Соединенные Штаты отмечали, что традиционные концепции сдерживания оказываются неэффек-

тивными в современном стремительно глобализирующемся мире, что современные угрозы, в том числе террористические, требуют политики экспедиционных действий в тех регионах, где возникают вызовы национальной безопасности⁵. Аналогичным образом успех исламистского движения в преобразовании отдельных стран и регионов в Евразии оказывается увязан его идеологами с ослаблением США.

Несмотря на ведущую роль глобалистов в оформлении идеологической доктрины современного исламизма, их социальная база остается ограниченной. В этой связи они оказываются зависимыми от исламистов-сепаратистов и исламистов-реформистов, чья деятельность отражает конкретные проблемы и трудности мусульманских обществ. В этой связи они способны привлекать более широкие слои населения в свою поддержку. В 1990-х гг. ключевую роль в рекрутировании сторонников исламистского движения играли сепаратистские группы. Они активно проявили себя в ходе конфликтов на Балканах, в Чечне, Индии и других этноконфессиональных столкновениях⁶.

В 2000-х гг. на фоне спада волны локальных и региональных конфликтов на ведущие роли выходят реформисты. Еще ранее израильская оккупация Палестины, операция «Буря в пустыне» и последующие санкции ООН против Ирака, а главное, размещение американских войск на Аравийском полуострове активно использовались в исламистской пропаганде в качестве примеров экспансии Запада в мусульманском мире. Сотрудничество арабских стран с Соединенными Штатами оценивалось как предательство и отход от веры. Операции США в Афганистане и особенно в Ираке спровоцировали мощную волну недовольства среди молодежи мусульманских стран. В этих условиях радикальным группировкам удалось привлечь тысячи молодых людей в свои ряды.

В то же время после терактов 11 сентября 2001 г. в США радикальные исламистские группировки столкнулись с растущим противодействием со стороны западных стран и их партнеров. Если ранее их террористическая деятельность относилась большинством ведущих государств мира к второстепенным угрозам, то с начала 2000-х гг. их начинают рассматривать в качестве одного из главных вызовов международной безопасности. В этой связи в дополнение к принятой в 1999 г. Резолюции Совета Безопасности ООН 1267, учреждавшей Комитет по организации «Аль-Каида» и связанным с ней лицам и организациям, на основании Резолюции 1373 был создан Контртеррористический комитет СБ ООН. Наряду с задачей захвата или уничтожения собственно представителей радикальных исламистских организаций, важнейшим направлением борьбы с терроризмом стал поиск каналов их финансирования.

В этих условиях общая координация исламистского движения еще более усложнилась по сравнению с предыдущим десятилетием. В результате, несмотря на попытки У. бен Ладена добиться его централизации, оно по-прежнему остается сетью

автономных организаций. «Аль-Каида» после терактов 11 сентября укрепила свой статус интеллектуального лидера движения, формирующего его общую идеологическую базу. Вместе с тем ее способность осуществлять террористические операции, оказывать техническую и финансовую поддержку другим группировкам существенно снизилась. В первые же месяцы после начала американской операции в Афганистане была уничтожена вся инфраструктура тренировочных лагерей и около 80% членов организации⁷. По оценкам американского министерства финансов, к 2009 г. «Аль-Каида» оказалась на грани финансовой несостоятельности⁸. В этих условиях она превратилась скорее в символ исламистской борьбы, чем в реально действующий управленческий центр. Уничтожение в мае 2011 г. У. бен Ладена дополнительно ослабило позиции «Аль-Каиды» и в этом отношении.

На фоне относительного снижения операционального потенциала «Аль-Каиды» происходил неуклонный подъем аффилированных с ней организаций. Еще в 1990-х гг. У. бен Ладен начал осуществлять политику развития отношений с такими группировками, как «Джамма Исламия» в Юго-Восточной Азии, Исламское движение Узбекистана в Центральной Азии, Исламское движение Восточного Туркестана в Китае. Получая идейное обоснование своей борьбы в глобальном контексте, финансовую, логистическую и экспертную поддержку «Аль-Каиды», они продолжали действовать самостоятельно. Особые отношения сложились у «Аль-Каиды» с афганским движением Талибан, предоставившим группировке возможность использовать свою территорию.

В 2000-х гг. количество партнеров организации У. бен Ладена существенно выросло благодаря тому, что все новые группы на Ближнем Востоке и в Африке присягали на верность ее лидеру. При этом такое подчинение носит, прежде всего, символический характер и не предполагает прямого участия скрывающегося в Пакистане руководства «Аль-Каиды» в планировании и осуществлении операций. По такому пути пошли исламистские организации в Ираке (в 2004 г.), Алжире и других странах Северной Африки (в 2006 г.), Йемене и Саудовской Аравии (в 2009 г.), Сомали (в 2012 г.)⁹.

При этом операциональные возможности исламистских групп на Ближнем Востоке в последние годы значительно возросли. В своем выступлении на слушаниях в Конгрессе в 2011 г. директор Национального контртеррористического центра США М. Ольсен особенно подчеркнул высокую степень угрозы со стороны «Аль-Каиды» на Аравийском полуострове (АКАП)¹⁰. В последние годы эта группировка, наряду с сомалийской Аш-Шабаб и пакистанским Талибаном, превратилась в наиболее боеспособную часть исламистского движения. В том числе эти организации приобрели возможность распространить свою деятельность на территорию западных государств. Более того, АКАП по примеру «Аль-Каиды» уже сама оказывает поддержку создаваемым новым радикальным исламистским организациям. Например, она финансово содей-

ствует формированию так называемой «сети Джамаля» в Ливии¹¹.

Стратегии пропаганды радикальных исламистских группировок

Как уже отмечалось выше, перспективной политической целью радикальных исламистских групп является построение исламского общества в соответствии с положениями салафитской доктрины и реконструкция халифата в глобальном масштабе. На этом фоне текущими задачами террористических организаций в отношении США остается вывод американских войск из мусульманских стран, их отказ от поддержки правящих авторитарных режимов и Израиля, общее снижение их присутствия на Ближнем и Среднем Востоке. Стратегия исламистского движения характеризуется высокой степенью реализма. С учетом существующего соотношения сил им не приходится рассчитывать на то, что их действия нанесут неприемлемый урон США напрямую и заставят американское руководство капитулировать. Их стратегия опирается на асимметричные действия, призванные привлечь на свою сторону пассивные массы и истощить силы противника. В этой связи они преследуют две текущие цели: радикализацию мусульманского населения под влиянием непропорциональной реакции США на их действия и ослабление американской экономики в результате роста затрат на национальную безопасность¹². Вовлечение радикализированных жителей западных стран в деятельность радикальных исламистских группировок укладывается в логику подобной стратегии. Оно призвано существенно повысить эффективность их действий в условиях возросшего давления со стороны США и их союзников.

Активность представителей радикального исламизма на Западе не является чем-то новым. На протяжении 1990-х и 2000-х гг. лидеры «Аль-Каиды» стремились апеллировать не только к аудитории мусульманских стран, но и к населению стран Европы и Северной Америки¹³. Показательными стали обращения У. бен Ладена к США накануне выборов 2004 и 2006 гг. с предложением «перемирия» в обмен на вывод американских войск с Ближнего и Среднего Востока.

При этом на протяжении длительного времени одним из ключевых центров исламистской идеологии и пропаганды оставался Лондон¹⁴. Либеральная политика, проводившаяся Великобританией до терактов 2005 г., позволяла исламистам достаточно активно вербовать сторонников среди представителей мусульманской общины страны, особенно не опасаясь преследования со стороны властей. В странах континентальной Европы все более многочисленное мусульманское население сохраняет обширные связи с исторической родиной (странами Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки). С учетом низкой интегрированности мигрантов и их детей в европейские общества формируется среда, благоприятная для вербовки сторонников исламистскими группами. В этой связи неудивительно, что крупнейшие терак-

ты в Лондоне и Мадриде были совершены лицами, постоянно проживающими в этих странах¹⁵.

В то же время ситуация в Соединенных Штатах существенно отличается от европейской. Мусульманское население составляет сравнительно меньшую часть населения (по данным исследования 2008 г., ислам исповедует чуть более 1,3 млн человек, или около 0,6% от всего населения США)¹⁶, оно менее однородно по этническому принципу и лучше интегрировано в американское общество. Значительную часть американских мусульман составляют лица, принявшие ислам в сознательном возрасте¹⁷. Таким образом, их связи с уммой за рубежом ограничены. В этой связи рекрутирование сторонников в США представляется более сложной задачей для исламистских группировок. Показательно, что почти 90% мусульман в Америке (больше, чем представители других конфессиональных общностей) считают, что применение насилия индивидом или группой против гражданского населения не может быть оправдано ни при каких обстоятельствах¹⁸.

Тем не менее в последние годы наблюдается активизация информационно-пропагандистской работы исламистских группировок, непосредственно ориентированной на привлечение новых сторонников на Западе, и прежде всего в США. Децентрализованная природа исламистского движения проявляется и в этом отношении. Каждая группировка осуществляет собственную коммуникативную стратегию. Вместе с тем можно выделить две основные модели, связанные с преимущественной ориентацией группировки на локальные или глобальные цели. В этой связи показательны различия в коммуникативной стратегии сомалийской организации Аш-Шабаб, с одной стороны, и «Аль-Каиды» и АКАП – с другой.

Несмотря на присоединение к глобальному исламистскому движению Аш-Шабаб, ее костяк по-прежнему составляют исламисты-реформисты – в первую очередь она ориентирована на установление своей власти в Сомали. При этом в борьбе с международно признанным правительством страны и его внешними союзниками Аш-Шабаб опирается в том числе на содействие сомалийской диаспоры в США. За два десятилетия гражданской войны в Соединенных Штатах выросло целое поколение беженцев из этой страны, которые интегрированы в американское общество и практически не имеют воспоминаний, связанных с исторической родиной¹⁹. В то же время они продолжают отождествлять себя с ней.

Аш-Шабаб рассчитывает как на получение финансовой поддержки своей деятельности со стороны диаспоры²⁰, так и на привлечение в свои ряды молодых американцев сомалийского происхождения²¹. Показательным стал опыт вербовки боевиков из рядов представителей сомалийской диаспоры в Миннеаполисе в 2007 г.²² В 2008 г. один из американцев сомалийского происхождения, присоединившийся к Аш-Шабаб, стал террористом-смертником, что представляет собой случай беспрецедентный в истории США. Вместе с тем

количество американских рекрутов группировки исчисляется десятками и не способно оказать существенное влияние на расклад сил в Сомали. В этой связи такой опыт имеет скорее пропагандистское, чем оперативно-тактическое значение. Основным вклад представителей американской диаспоры связан с их возможностью финансовой подпитки Аш-Шабаб.

С учетом преимущественной ориентации на глобальные цели «Аль-Каида» и АКАП придерживаются отличной стратегии в своей пропагандистской деятельности. С точки зрения операциональных целей исламистов-глобалистов американские помощники представляют особую ценность как для проведения террористических актов, так и для агитации. Прежде всего на фоне существенного усиления мер безопасности в США и авиационной безопасности в мире в целом после терактов 11 сентября переправка потенциальных террористов из-за границы представляется сложно выполнимой задачей. Предотвращение нескольких попыток терактов на международных авиарейсах в последние годы иллюстрирует продуктивность предпринимаемых мер²³.

В этих условиях приверженцы исламистской идеологии, обладающие американским гражданством или правом на постоянное пребывание в США, представляются ценным ресурсом для проведения различного рода операций. В этой связи с середины 2000-х гг. наблюдается активизация пропаганды действий террористов-одиночек со стороны «Аль-Каиды» и АКАП²⁴. В своих агитационных материалах они призывают своих последователей в США и других странах Запада к осуществлению таких действий. В частности, в своем видеопослании в июне 2011 г. один из наиболее активных пропагандистов «Аль-Каиды» Адам Гадан призывал американских мусульман приобретать оружие и устраивать бои на улицах американских городов²⁵. Более того, в англоязычном исламистском издании «Инспайер» специальная рубрика содержит подробные инструкции акций, доступных террористу-одиночке. При этом они не требуют обладания специальными навыками или подготовки.

Одновременно интегрированность американских сторонников исламистских организаций в западное общество, владение навыками использования современных информационно-коммуникационных технологий, погруженность в культурный контекст могут быть использованы для более эффективного распространения исламистских идей на Западе. В этой связи показательным является присутствие на ведущих позициях в пропагандистских подразделениях исламистских группировок выходцев из США²⁶.

Таким образом, исламистская пропаганда в последние годы формирует ряд новых и разнонаправленных вызовов безопасности западных стран. В то же время, несмотря на разницу в стратегиях отдельных исламистских организаций, механизмы информационно-агитационной деятельности различных группировок схожи. В

том числе пропаганда всех террористических группировок предполагает рекрутирование сторонников на основе двухэтапной модели коммуникации. На первой стадии происходит индоктринация, то есть освоение индивидом исламистской идеологии. На второй – его радикализация, предусматривающая переход к активным формам участия. В этих условиях существующие различия в стратегиях не приводят к снижению эффективности пропаганды, скорее наблюдается эффект синергии деятельности различных субъектов радикального исламизма.

Институты исламистской пропаганды на американском направлении

Несмотря на существующие различия и определенную конкуренцию между отдельными радикальными исламистскими группировками, принципы организации пропагандистской деятельности для различных радикальных исламистских группировок остаются общими. Система институтов, вовлеченных в агитационную деятельность террористических группировок, может быть представлена в виде модели, графически отраженной на схеме 2. Далее отдельные элементы этой системы будут рассмотрены подробнее.

Прежде всего, в большинстве ныне действующих исламистских группировок за пропагандистскую работу отвечает специализированное подразделение, занимающееся подготовкой и распространением агитационных материалов. Основной упор традиционно делается на визуальной информации в связи с ее пропагандистскими возможностями. Например, медиагруппа «Аль-Каиды», действующая с 2001 г., получила название Ас-Сахаб²⁷. Основное направление работы – подготовка видеороликов с лидерами группировки, в том числе У. бен Ладеном (до его уничтожения спецслужбами США) и А.Аз-Завахири, а также полноценных документальных фильмов.

Показательно, что за координацию коммуникационной стратегии «Аль-Каиды» отвечает Адам Гадан, выходец из США, принявший ислам в возрасте 17 лет. Один из будущих лидеров «Аль-Каиды» вырос в Калифорнии в христианской семье. Его настоящая фамилия, от которой он отказался после смены веры, – Перельман. В 1998 г. он переехал в Пакистан и присоединился к террористической организации²⁸. Благодаря его участию ролики Ас-Сахаб с самого начала стали сопровождаться субтитрами и закадровым переводом на английский язык²⁹. С 2006 г. Адам Гадан стал сам появляться на экране с выступлениями, обосновывающими деятельность «Аль-Каиды». Руководитель Ас-Сахаб занимается не только подготовкой видеоматериалов, но и полноценным медиапланированием, участвуя в определении времени выпуска информационных материалов и СМИ, через которые они могут транслироваться. В том числе он осуществляет регулярное отслеживание ведущих американских телеканалов и печатных изданий³⁰.

Схема организации пропаганды радикальных исламистских организаций

Аналогичное подразделение АКАП получило название Аль-Малахем медиа. Наряду с подготовкой видеоматериалов, оно уделяет большее внимание другим направлениям пропагандистской деятельности. В частности, с 2010 г. оно публикует ежеквартальный иллюстрированный журнал на английском языке «Инспайер». Благодаря высокому качеству текстов и полиграфии, он получил широкую известность и распространение. Каждый номер журнала включает набор разнообразных материалов, в том числе выступления и интервью лидеров «Аль-Каиды» и АКАП, рассказы участников исламистского движения о собственном опыте, а также аналитические статьи и практические советы потенциальным террористам. Первым редактором издания стал американец пакистанского происхождения Самир Хан. Будущий пропагандист АКАП родился в Саудовской Аравии, но вырос в Нью-Йорке и Северной Каролине. Начиная с 2004 г. Самир Хан занялся активной пропагандой исламизма в Интернете, и его блог, в том числе «Иншаллахшахид» («Шахид, если позволит бог»), приобрели популярность в среде исламских радикалов. Параллельно с переводом и распространением материалов «Аль-Каиды» он начал публиковать собственные статьи. В 2009 г. он выпустил четыре номера электронного журнала «Джихад реколлегионс»³¹, но в том же году в связи с усилившимся вниманием со стороны ФБР ему пришлось перебраться в Йемен, где он вступил в ряды АКАП³².

Благодаря таланту Самира Хана и его глубокому знанию американской культуры, журнал «Инспайер» по форме подачи материала мало отличается от западных СМИ. Он сделал информацию о целях и деятельности радикальных исламистских группировок значительно более доступной для аудитории в США. Успех первого англоязычного журнала подтолкнул АКАП к созданию специализированного женского журнала «Аш Шамиха»³³. Уничтожение Самира Хана американским беспилотником осенью 2011 г. существенно ослабило пропагандистские возможности группировки. Тем не менее новые выпуски журнала продолжали появляться³⁴. В связи с расширением практики силовых действий США в Йемене существуют подозрения о том, что новый редактор «Инспайер» работает в Сомали.

Подобным предположениям добавляет убедительности активизация пропагандистской деятельности местной террористической группировки Аш-Шабаб. В отличие от «Аль-Каиды» и АКАП ее медиакрыло не имеет собственного названия. В то же время оно ведет интенсивную работу, в том числе в отношении западной аудитории. В частности, в 2011 г. Аш-Шабаб создала англоязычный микроблог в сети «Твиттер». С учетом того, что большая часть населения Сомали не имеет постоянного доступа к такого рода электронным ресурсам, он, очевидно, ориентирован преимущественно на западных читателей³⁵. Хотя личность координатора пропагандистской деятельности Аш-Шабаб Шейха Юнуса

доподлинно не установлена, предположительно он является выходцем из Великобритании. Этот пример отражает общую тенденцию повышения внимания со стороны исламистских сетей к глобальным социальным сервисам – наряду с упомянутым уже «Твиттером» растет их присутствие в «Фейсбуке» и «Ютьюбе».

По сравнению с подразделениями «Аль-Каиды», АКАП и Аш-Шабаб пропагандистские органы других террористических группировок менее активны и изобретательны. В то же время с учетом опыта своих союзников и идеологических менторов они уделяют растущее внимание развитию собственных инструментов агитации, таких, как Аль-Фуркан медиа продакшн (создан в 2006 г.) и Аль-Фаджр медиа центр Исламского государства Ирак или Институт Аль-Андалусия медиа (создан в 2009 г.) «Аль-Каиды» в странах исламского Магриба³⁶. Хотя большая часть их материалов публикуется на арабском языке, они зачастую сопровождаются англоязычными субтитрами.

Привлекательная и разнообразная форма исламистской агитации, разрабатываемая пропагандистскими подразделениями террористических группировок, призвана обеспечить максимальное распространение выступлений ведущих исламистских идеологов. Вместе с тем успех коммуникационной стратегии в значительной степени зависит от содержания публикуемых сообщений. Таким образом, залогом успеха исламистской пропаганды является эффективность и убедительность выступлений ее публичных выразителей. Наряду с традиционными лидерами движения, такими, как У. бен Ладен и А. Аз-Завахири, в последнее время на ведущие роли вышли новые фигуры, напрямую апеллирующие к американской аудитории. Среди них особенно выделяются Анвар Аль-Аулаки и Омар Хаммаи. Их представление в исламистской пропаганде во многом напоминает образы знаменитостей в западных СМИ. В результате подобные «звезды» становятся лицом террористических группировок. Их авторитет и популярность превращаются в самостоятельный компонент влияния исламистской агитации.

А. Аль-Аулаки до его уничтожения Соединенными Штатами в сентябре 2011 г. рассматривался антитеррористическими службами США как наиболее опасный идеолог АКАП. Родившийся в Нью-Мексико в 1971 г. теолог возглавлял мусульманские общины в Колорадо, Калифорнии и Вирджинии. После нескольких лет пребывания в Великобритании в 2004 г. он переехал на свою историческую родину – в Йемен³⁷. От других авторитетных теологов, ассоциированных с исламистскими группировками, его отличало свободное владение английским языком. Тем самым он мог напрямую обращаться к мусульманам США без перевода. В своих публикациях и выступлениях А. Аль-Аулаки неоднократно подчеркивал, что, несмотря на американское происхождение, считает террористическую деятельность против США оправданной и обоснованной с точки зрения ислама. В 2010 г. вместе с Самиром Ханом он стал одним из учредителей журнала «Инспайер». Пропагандистские выступления А. Аулаки вдохнов-

ляли авторов крупнейших террористических актов последних лет, в том числе Умара Фарука Абдулмуталяба, пытавшегося взорвать бомбу на авиарейсе Амстердам–Детройт и майора вооруженных сил США Нидала Хасана, расстрелявшего сослуживцев на американской базе Форт Худ.

Другая знаменитость исламистской пропаганды О. Хаммаи приобрел известность не столько благодаря глубокому знанию религиозных текстов, сколько совмещением оперативной и агитационной деятельности. Родившийся в штате Алабама, американец сирийского происхождения принял ислам в сознательном возрасте. Его интерес к радикальному исламу начал проявляться в ходе обучения в университете, в том числе под влиянием проповедей А. Аулаки. После присоединения к Аш-Шабаб он стал командиром одного из подразделений. Широкую известность он приобрел благодаря появлению в Интернете видеороликов с его участием. Он также является автором нескольких музыкальных композиций в стиле рэп, распространяемых в глобальной сети. В своих выступлениях и произведениях О. Хаммаи героизирует вооруженную борьбу исламистов и призывает молодых мусульман следовать его примеру. В 2010–2011 гг. возникли сомнения относительно его статуса в Аш-Шабаб и характера отношений с организацией. Вместе с тем после периода определенного затишья в последнее время он вновь вернулся к активной пропагандистской деятельности, в том числе опубликовал свою автобиографию. В отличие от А. Аулаки, агитационная деятельность которого в значительной степени была построена на способности формулировать убедительные спекулятивные суждения, то есть воздействовала на рациональные представления аудитории (хотя нельзя преуменьшать и значение личной харизмы теолога), О. Хаммаи в первую очередь апеллирует к эмоциям потенциальных сторонников.

Таким образом, агитационный продукт исламистской пропаганды является результатом взаимодействия авторитетных идеологов и специализированных подразделений террористических организаций. В то же время его широкое распространение требует привлечения различных каналов взаимодействия с аудиторией. Ключевую роль в распространении информации играют сетевые механизмы коммуникации сторонников исламистской идеологии. В Интернете возникло обширное сообщество исламистских сайтов и блогов, через которые передаются выступления ведущих идеологов, на которых публикуются их видеоролики. Участники этих сетей не остаются пассивными потребителями и ретрансляторами пропаганды. Они сами включаются в процесс обсуждения и интерпретации получаемой информации. В этом смысле такие сообщества предоставляют возможность перехода от стадии индоктринации к непосредственному участию сторонников в деятельности исламистских групп. Присоединение к сообществам – элемент социализации и радикализации будущих участников террористических организаций.

Пример подобной эволюции представляет опыт Захара Адама Чессера, арестованного в 2010 г. за участие в террористической деятельности. А. Чессер рассматривал А. Аулаки, О. Хаммами в качестве образцов для подражания. От просмотра исламистских роликов он перешел к их распространению и комментированию, а затем к угрозам в отношении авторов популярного телевизионного сериала «Южный парк». В ходе следствия было установлено, что он планировал присоединиться к Аш-Шабаб³⁸.

Даже с учетом развития современных технологий и наличия электронных средств связи процесс радикализации зачастую требует личного контакта с потенциальными сторонниками. В этой связи исламистские сети носят не только виртуальный характер, а процесс рекрутирования может включать взаимодействие участников сети с потенциальными рекрутами вживую. В качестве места поиска будущих радикалов используются в том числе мечети и исламские центры. В первую очередь в исламистские сети вовлекается молодежь старших классов школы и университетов. Университетские кампусы, в которых молодые люди, оторванные от семьи и родственников, оказываются предоставленными сами себе, представляются удачным местом для их индоктринации и радикализации³⁹. При этом в качестве лидеров формирующихся сетей оказываются более опытные исламисты. В частности, в вербовке сторонников Аш-Шабаб в Миннесоте в 2007 г. существенную роль сыграл Кабдулаахи Ахмед Фарак, который проводил встречи с целью привлечения молодых американцев сомалийского происхождения к присоединению к группировке. В том числе он рассказывал о собственном опыте участия в войне в Сомали⁴⁰.

Коммуникация через специализированные исламистские сети в первую очередь рассчитана на подготовленную аудиторию – тех, кто уже испытывает интерес к исламистской идеологии и хотя бы отчасти соглашается с тезисами радикальных группировок. Вместе с тем охват более широкой аудитории требует выхода на общедоступные каналы коммуникации. В качестве таковых выступают наиболее популярные социальные сети, а также ведущие СМИ. Как отмечалось выше, в последнее время наблюдается рост присутствия радикальных исламистов в общедоступных социальных сетях. Специализированные отделения исламистской пропаганды создают в них собственные представительства. В отличие от социальных медиа, ведущие средства массовой информации связаны с радикальными исламистскими группировками опосредованно. Они получают информацию от террористических организаций, в том числе видеоматериалы и заявления через сложные цепочки посредников. В этом качестве выступают уже упоминавшиеся специализированные исламистские и общедоступные социальные сети⁴¹. С учетом того, что ведущие западные СМИ не симпатизируют радикальным исламистам, исламистская пропаганда попадает в них в существенно искаженном виде. Вместе с тем заинтересованность в привлечении

массовой аудитории заставляет их конкурировать за наиболее яркую, сенсационную информацию. Радикальные исламистские организации умело используют эту мотивацию. В результате именно этот канал обеспечивает наиболее широкое распространение их агитационных материалов.

Достижению целей пропаганды радикальных террористических организаций также способствует деятельность легально действующих на территории США исламистских ассоциаций, таких, как Исламская организация Северной Америки, Исламская политика и Общество исламских мыслителей. Несмотря на то что все они публично отвергают использование насилия, их идеологические установки очень близки мировоззрению «Аль-Каиды» и ассоциированных группировок. Они также крайне негативно оценивают политику США на Ближнем и Среднем Востоке, выступают за смену правящих режимов в странах региона и ставят своей конечной целью воссоздание халифата. Упомянутые организации ориентированы на реорганизацию политической и социальной жизни в соответствии с положениями Корана⁴². С одной стороны, они выступают конкурентами «Аль-Каиды» и связанных с ней организаций за лидерство в исламистском дискурсе, с другой – они играют важную роль в индоктринации потенциальных сторонников и исполнителей террористической деятельности. В этой связи они зачастую оказываются связующим звеном между мусульманским сообществом и радикалами. Неудивительно, что участие в их деятельности нередко предшествует переходу к террористическим методам борьбы. Особенно часто в этом качестве выступала организация «Революционные мусульмане» (Revolution Muslim), которая ныне переименована в организацию «Исламская политика».

Таким образом, целевая аудитория исламистской пропаганды – молодые мусульмане США и других западных стран – подвергается многостороннему и разноплановому информационному воздействию, направленному на их преобразование в активных участников террористической деятельности. Система исламистской пропаганды включает институты разных типов, действующие как в нелегальном, так и в легальном поле.

Текущие результаты пропагандистской деятельности радикальных исламистских группировок

Опыт проводимых в США исследований не позволяет дать однозначное заключение относительно динамики изменения вовлеченности граждан страны в террористическую деятельность⁴³. Существенное внимание со стороны политических кругов, прессы и правоохранительных органов к феномену американского радикального исламизма способствовал активизации профилактических и карательных мер в этом отношении. В результате деятельности разведывательных, следственных и силовых органов в 2009–2011 гг. удалось нанести ряд существенных ударов по инфраструктуре исламистских группировок как за пределами США, так и непосредственно на территории страны. Вме-

сте с тем накопленный опыт свидетельствует, что исламистские организации обладают огромными возможностями приспособления и регенерации. Кроме того, в их пропагандистской деятельности наблюдается эффект переливания, когда радикализация одних американских граждан позволяет обогатить агитационный потенциал группировок и с их помощью привлекать новых сторонников на Западе.

Несмотря на сравнительное ослабление «Аль-Каиды», сложившаяся на стыке 1990–2000-х гг. коалиция исламистов-сепаратистов, исламистов-реформистов и исламистов-глобалистов сохраняет свою устойчивость. Соответственно США остаются приоритетной целью исламских радикалов. Эволюция их стратегии формирует новые вызовы повышенной сложности для американских сил безопасности. Особую роль в ее осуществлении приобретают действия террористов-одиночек. В связи с этим неотъемлемым элементом стратегии остается агитационная деятельность в самих Соединенных Штатах. Более того, соотношение в распределении задач исламистов постепенно смещается от террористической в сторону пропагандистской деятельности.

Исламистская пропаганда продемонстрировала способность адаптироваться с учетом социальных и культурных установок аудитории. В том

числе радикальные группировки научились использовать легально действующие организации в собственных целях. При этом сформировавшаяся система институтов может воспроизводиться на других направлениях, представляющих интерес для исламистского экстремизма. Тем более что между отдельными исламистскими группировками происходит регулярный переток технологий и компетенций. В этой связи текущие тенденции повышения качества пропагандистской продукции, появление новых форм агитации, стимулирования деятельности террористов-одиночек не могут не вызывать беспокойства в отечественном исследовательском сообществе.

Istomin I.A. Political propaganda of the radical Islamic organizations in the USA.

Summary: Strategy of radical Islamist groups devotes increasing attention to the recruitment of supporters in the U.S. Attraction of the American citizens represents essential component in adaptation of these organizations to the mounting external pressure and contributes to the fulfilling of a set of various objectives. Recent record confirms emergence of the institutionalized system serving the outreach activities of the radical Islamists both on global and local levels. Participation of American citizens in dissemination of Jihadist publications and funding of illegal organizations as well as involvement in terrorist acts proves practical effect of these activities.

Ключевые слова

Исламизм, терроризм, радикализм, пропаганда, США, социальные сети, идеология, политическая стратегия.

Keywords

Islamism, terrorism, radicalism, propaganda, USA, social networks, ideology, political strategy.

Примечания

1. Среди российских работ стоит упомянуть: Наумкин В.В. Ислам и терроризм // Россия, ЕС и международный терроризм. М.: Пробел-2000, 2004; Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. М.: Восточная литература, 2004; Пластун В.Н. Деятельность экстремистских сил и организаций в странах Востока. Новосибирск: ИД "Сова", 2005; Малашенко А.В. Исламская альтернатива и исламистский проект. М.: Весь Мир, 2006; Мусульманский опыт миростроительства: базовые цели и ценности, формы познания и социокультурной организации: ист. опыт и российская ситуация. Вып. 5. М.: Научный эксперт, 2007; Мирский Г.И. Исламизм, транснациональный терроризм и ближневосточные конфликты. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2008; Косов Г.В. "Исламский мир" как субъект внутренней и мировой политики: монография. Ставрополь: Параграф, 2010.
2. См. Murden S.W. The Problem of Force: Grappling with the Global Battlefield, Boulder, London: Lynne Rienner Publishers, 2009. P. 25-44
3. Kilcullen D. The Accidental Guerrilla: Fighting Small Wars in the Midst of a Big One. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 14.
4. Jihad Against Jews and Crusaders. World Islamic Front Statement. 23 February 1998. <http://www.fas.org/irp/world/para/docs/980223-fatwa.htm>
5. The National Security Strategy of the United States of America. September 2002. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/>
6. См. Katzman K. Al Qaeda: Profile and Threat Assessment. Congressional Research Service. Report for Congress. August 17, 2005. P. 3; См. также ben Laden O. Declaration of Jihad Against Americans Occupying the Land of the Two Holy Mosques. URL: <http://historymuseum.net/readings/OsamabinLadenDECLARATIONOFJIHAD.htm>
7. Wright L. The Master Plan // The New Yorker. 11.09.2006.
8. Al-Qaeda suffering from money troubles as Taliban thrives. 13.10.2009. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/afghanistan/6313986/Al-Qaeda-suffering-from-money-troubles-as-Taliban-thrives.html>
9. Подп. см.: Nelson R., Sanderson T.M., Bagia A., Bodurian B., Gordon D.A. A Threat Transformed. Al Qaeda and Associated Movements in 2011. Washington: Center for Strategic and International Studies, 2011. P. 7-11.
10. Ryan J. After Awlaki's Death, Al Qaeda Still a Major Threat. URL <http://abcnews.go.com/blogs/politics/2011/10/after-awlakis-death-al-qaeda-still-a-major-threat/>
11. См. Gorman S., Bradley M. Militant Link to Libya Attack // The Wall Street Journal. – October 2, 2012. – P.2.
12. См. Bin Laden: Goal is to bankrupt U.S. November 1, 2004. URL: http://articles.cnn.com/2004-11-01/world/binladen.tape_1_al-jazeera-qaeda-bin?_s=PM:WORLD

13. Blanchard C.M. Al Qaeda: Statements and Evolving Ideology. Congressional Research Service. Report for Congress. July 9, 2007. URL: <http://www.fas.org/sgp/crs/terror/RL32759.pdf>
14. Подр. см.: Игнатенко А.А. Ислам и политика. М.: Новиздат, 2004.
15. См.: Нетесова Ю.С. Исламистский терроризм в странах Европейского союза: диссертация канд. полит. наук. М.: МГИМО(У) МИД России, 2012.
16. Kosmin B.A., Keysar A. American Religious Identification Survey (ARIS 2008). Summary Report. Hartford, Connecticut: Trinity College, March 2009. P. 5. URL: http://b27.cc.trincoll.edu/weblogs/AmericanReligionSurvey-ARIS/reports/ARIS_Report_2008.pdf.
17. Muslim Americans: A National Portrait. The Muslims West Fact Project. P. 20-21. URL: <http://www.gallup.com/strategicconsulting/153572/REPORT-Muslim-Americans-National-Portrait.aspx>
18. Muslim Americans: Faith, Freedom, and the Future. August 2011. P. 31. URL: <http://www.gallup.com/strategicconsulting/153611/REPORT-Muslim-Americans-Faith-Freedom-Future.aspx>
19. Bihi A. The Extent of Radicalization in the American Muslim Community and that Community's Response. Testimony to the Committee on Homeland Security. US House of Representatives. March 10, 2011. URL: <http://homeland.house.gov/sites/homeland.house.gov/files/Testimony%20Bihi.pdf>
20. Miller G. U.S. charges 14 with giving support to Somali insurgent group. August 6, 2010. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/08/05/AR2010080503683.html>.
21. См.: Al Shabaab: Recruitment and Radicalization within the Muslim American Community and the Threat to the Homeland. Majority investigative report. One Hundred Twelfth Congress. U.S. House of Representatives. Committee on Homeland Security. July 27, 2011. URL: <http://www.investigativeproject.org/documents/testimony/384.pdf>
22. Elliot A. A Call to Jihad, Answered in America. July 12, 2009. URL: <http://www.nytimes.com/2009/07/12/us/12somalis.html?pagewanted=1&r=0>
23. См.: Shane Sc., Schmitt E. Qaeda Plot to Attack Plane Foiled, U.S. Officials Say. URL: http://www.nytimes.com/2012/05/08/world/middleeast/us-says-terrorist-plot-to-attack-plane-foiled.html?_r=0.
24. Stern J. Al Qaeda, American Style. July 15, 2006. URL: <http://www.nytimes.com/2006/07/15/opinion/15stern.html?pagewanted=print>
25. Al Qaeda Urges Attacks in West // The New York Times. – June 4, 2011. – P. A5; Closing the 'terror gap' and the gun show loophole. June 7, 2011. URL: http://www.washingtonpost.com/opinions/closing-the-terror-gap-and-the-gun-show-loophole/2011/06/06/AGTKubKH_story.html
26. Thiessen M. Al-Qaeda's American-bred leadership. March 10, 2011. URL: http://www.washingtonpost.com/blogs/post-partisan/post/al-qaedas-american-bred-leadership/2011/03/04/AB13qUQ_blog.html
27. Fattah H.M. Al Qaeda Increasingly Reliant on Media. September 30, 2006. URL: http://www.nytimes.com/2006/09/30/world/30jordan.html?_r=2&ref=world&oref=slogin&
28. American Al Qaeda member Adam Gadahn tells of Jewish roots in video. June 14, 2009. URL: <http://latimesblogs.latimes.com/lanow/2009/06/american-al-qaeda-adam-gadahn-talks-about-jewish-southern-california-roots-in-new-video.html>
29. Kohlmann E. Where's the Beef? Mystery Grows Surrounding Whereabouts of Adam Gadahn. May 20, 2008. URL: http://www.familysecuritymatters.org/publications/id.154/pub_detail.asp
30. Ignatius D. How al-Qaeda tried to control the media. March 21, 2012. URL: http://www.washingtonpost.com/opinions/al-qaedas-attempts-to-control-the-media/2012/03/20/gIQAu0EQS_story.html
31. Hegghammer T. Jihad Recollections. April 7, 2009. URL: <http://www.jihadica.com/jihad-recollections/>
32. Подробнее биографию Самир Хана см. Samir Khan: American Blogger and Al Qaeda Propagandist. February 6, 2008. URL: http://www.adl.org/main_Terrorism/samir_khan.htm?Multi_page_sections=sHeading_1.
33. Cavendish J. Al-Qa'ida glossy advises women to cover up and marry a martyr. March 14, 2011. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/asia/alqaida-glossy-advises-women-to-cover-up-and-marry-a-martyr-2240992.html>
34. Finn P. Inspire, al-Qaeda's English-language magazine, returns without editor Awlaki. May 3, 2012. URL: http://www.washingtonpost.com/world/national-security/inspire-al-qaedas-english-language-magazine-returns-without-editor-awlaki/2012/05/02/gIQAiEPMxT_story.html
35. Shephard M. Tweeting war: Somalia's Al Shabab joins Twitter. December 8, 2011. URL: <http://www.thestar.com/news/world/article/1099029-tweeting-war-somalia-s-al-shabab-joins-twitter>; Gettleman J. Somalia's Insurgents Embrace Twitter as a Weapon // The New York Times. – December 15, 2011. – P. A10.
36. Подробнее см. Roggio B. US targets al Qaeda's al Furqan media wing in Iraq. October 28, 2007. URL: http://www.longwarjournal.org/archives/2007/10/us_targets_al_qaedas.php#ixzz29lCbkkUh; Soriano M.R.T. The Road to Media Jihad- The Propaganda Actions of al-Qaeda in the Islamic Maghreb // Terrorism and Political Violence. – 2010. – №1. – P. 72-88
37. Obituary: Anwar al-Awlaki. September 30, 2011. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-11658920>
38. Brahrampour T. Terror suspect took his desire to belong to the extreme. July 25, 2010. URL <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/07/24/AR2010072402497.html?sid=ST2010072106133>; Hsu S.S. Arrest of Va. man spotlights al-Qaeda's new American recruiters. August 1, 2010. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/07/31/AR2010073102680.html?sid=ST2010072106133>
39. См.: Bejlopera J.P., Randol M.A. American Jihadist Terrorism: Combating a Complex Threat. Congressional Research Service. Report for Congress. December 7, 2010. P. 21-22 URL: <http://fpc.state.gov/documents/organization/153298.pdf>)
40. Cabdulaahi Ahmed Faarax. URL: http://www.globaljihad.net/view_page.asp?id=1943
41. Fattah H.M. Al Qaeda Increasingly Reliant on Media. September 30, 2006. URL: <http://www.nytimes.com/2006/09/30/world/30jordan.html?pagewanted=1&r=2&ref=world>
42. См. IONA Brief Introduction. Islamic Organization of North America. URL: http://www.scholaris.com/islam/learning/PDF/handout/IONA_BriefIntroduction.pdf; Mozaffar O.M. Caliphate is the New Jihad. 03.06.08. URL: <http://www.ionamasjid.org/images/stories/Publications/Articles/caliphateis%20the%20newjihad%20omer%20m.%20mozaffar.pdf>; Muhammad Y.A. On Crafting Islamic Policy: the Methodology of Islamic Social Science.
43. См., например, различающиеся выводы Bejlopera J.P., Randol M.A. American Jihadist Terrorism: Combating a Complex Threat. Congressional Research Service. Report for Congress. December 7, 2010. P. 21-22 URL: <http://fpc.state.gov/documents/organization/153298.pdf>.

Казус восточноазиатской интеграции: факторы географии и безопасности

А.А. Байков

В статье анализируется влияние географии и комплекса угроз безопасности на динамику и формы интеграционных взаимодействий в ареале Восточной Азии. В частности, делается вывод о том, что как институциональные особенности интеграции в Тихоокеанской Азии, так и подходы в сфере сотрудничества местных государств были в значительной степени предопределены той системой военной кооперации и военно-политических договоренностей, которые сложились в годы «холодной войны» и с большим трудом преодолеваются сегодня, тормозя в том числе сближение во внешнеполитической сфере.

В Восточной Азии географические границы зон интеграционных тенденций подвижны. Уместно проиллюстрировать этот тезис практикой проведения Восточно-Азиатских саммитов, на которые в декабре 2005 г. было решено пригласить Индию, Австралию и Новую Зеландию, а с 2011 г. – США и Россию, которых к Восточной Азии относят далеко не все. Между тем норвежский исследователь Бьорн Хеттне и американский специалист по Восточной Азии Гарри Хардинг вообще отрицают факт существования в мире «естественных (географических) регионов», указывая, что вопрос о конфигурации региона может решаться ситуативно – в зависимости от сферы сотрудничества. В отечественной науке с этим подходом отчасти согласуется определение региона, предложенное

А.Д. Воскресенским, который понимает под ним «совокупность явлений международной жизни, протекающих в определенных территориально-временных координатах, объединенных общей логикой таким образом, что эта логика и координаты ее существования являются взаимообусловленными»¹. Российский Дальний Восток, например, должен был бы географически принадлежать к Восточной Азии, но чаще в зарубежных работах не относится к ней – во многом из-за недостаточно активного участия находящихся там субъектов России в экономической жизни восточноазиатских государств. Иными словами, при определении состава региона можно использовать такой критерий, как включенности стран в региональное хозяйство. В настоящей статье Восточно-Азиатский регион рассматривается как

Байков Андрей Анатольевич – к.полит. н., доцент кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО(У) МИД России, главный редактор журнала «Международные процессы». E-mail: vestnik@mgimo.ru
Статья подготовлена при выполнении НИР по теме "Международно-политические и правовые аспекты интеграционных проектов с участием Российской Федерации", проводимой в рамках реализации ФЦП "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8015).

совокупность двух субрегиональных фрагментов – Северо-Восточной Азии (СВА)² и Юго-Восточной Азии (ЮВА)³.

К началу 2010-х гг. слияние юго-восточного и северо-восточного фрагментов региона в единый экономический комплекс в основном завершилось. Конечно, этот процесс протекал географически неравномерно. Следует помнить, что Юго-Восточная Азия исторически была более плотно встроена в систему мировой торговли. Свыше 25% мировых торговых потоков до сих пор проходят через Малаккский пролив, соединяющий Индийский океан с Тихим океаном. В то же время Япония, Китай и Корея, напротив, исторически ограждали себя от внешнего, в том числе экономического, проникновения. Как следствие, в странах ЮВА к XX в. развился стойкий комплекс зависимости от прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ) и внешней торговли.

Сингапур, например, в начале 1960-х гг. стал строить свою экономическую стратегию на активном привлечении американских инвестиций в электронику. В результате к началу 2010-х гг. на контролируемые зарубежным капиталом компании приходится до 80% экспорта страны, а общий объем зарубежных инвестиций превысил половину всех капиталовложений в стране. Та же ситуация характерна для Малайзии, Таиланда, Филиппин и Вьетнама. Для сравнения: в Японии, Южной Корее и на Тайване эта величина составляет 2, 7 и 10% соответственно⁴. Правда, сегодня, в отличие от колониальных времен, свыше 50% ПЗИ и внешней торговли стран ЮВА приходится на соседние восточноазиатские страны⁵.

Это – одно из наиболее ярких свидетельств идущей в регионе экономической интеграции. Вместе с тем психологически ее процесс облегчается исторически сформировавшейся терпимостью государств субрегиона к доминированию иностранного элемента в структуре инвестиций и торговли. Важным фактором слияния субрегионов в единый регион в 1980–1990-х гг. стало желание Японии (и США) осуществить передислокацию трудоемких, «грязных» производств в страны Юго-Восточной Азии, обеспечив себе дальнейший технологический рывок. Ущерб для экологии в ЮВА осознавался не менее остро, чем в Японии, но экономический выигрыш для малых и средних стран от переносимой индустрии его перевесил.

Форсированное хозяйственное развитие СВА также в существенной мере подпитывалось поставками сырья из юго-восточной части региона. Экономический рост толкал государства обеих частей Восточной Азии друг к другу, связывая их сначала узами торговли, производства и сырьевых поставок, а затем – необходимостью валютно-финансовой и технологической координации. Объединение субрегионов в регион происходило под действием растущей, прежде всего экономической, взаимозависимости. При этом наиболее заметную, иницирующую роль в интеграционных процессах играли политики стран ЮВА, на импульсы которых реагировали Япония и США как потенциальные

технологические и инвестиционные доноры. В начале 1960-х гг. доля внутрирегиональной торговли в Восточной Азии составляла 25%, в 1980 г. – около 35%, а в 2010 г. – более 55%⁶.

Для НАФТА и ЕС аналогичные показатели в этот период равнялись 43 и 65%. При этом в самих субрегиональных фрагментах эта доля была несколько ниже в Юго-Восточной Азии (АСЕАН) – 22% и выше в Северо-Восточной Азии – 26%. Торговый оборот между Японией и Китаем, Китаем и АСЕАН, Китаем и Южной Кореей с 1997 по 2007 г. возрос в четыре, шесть и восемь раз соответственно⁷.

Развитие экономического сотрудничества на групповой, региональной основе – один из наиболее популярных политических лозунгов среди большинства стран в этой части мира. Особенность внешнеполитической стратегии стран ЮВА – принцип коллективного действия малых и средних стран, осознавших свою силу в сплочении и единстве. Даже удивительно, что объективным региональным лидерам – Японии и Китаю – с начала 1980-х гг. приходилось соглашаться с необходимостью прислушиваться к мнению АСЕАН и принимать его как единственную основу для обсуждения почти любых вопросов интеграционного характера⁸. Показательно в этой связи, что если в ЕС интеграцию направляли Франция и Германия – наиболее крупные страны, то в Восточной Азии – малые и средние государства АСЕАН.

О существовании в Восточно-Азиатском регионе собственно интеграционных тенденций свидетельствует несколько обстоятельств:

– *во-первых*, важным аспектом интеграционных усилий является координация политики в ряде областей взаимодействия – торговой, транспортной, финансовой, отчасти экологической. В этой части мира нельзя говорить о проведении «общих политик», как в Евросоюзе. В то же время в некоторых сферах парадигма коллективного согласованного действия начинает преобладать над разрозненными индивидуальными шагами отдельных государств. Так, АСЕАН выступает консолидированным игроком на торгово-экономических (ВТО) или международно-политических переговорах (в отношениях с ЕС, США, Россией и Индией), сначала вырабатывая свою позицию между собой, а затем оглашая ее в качестве коллективной переговорной платформы;

– *во-вторых*, страны региона добиваются сближения своих экономик через гармонизацию технических требований и введение единых правил происхождения товаров (rules of origin), хотя они и пробуют достичь этого без движения к наднациональности. Для реализации цели сближения страны региона осуществляют меры, безусловно, интеграционного характера, предусматривающие либерализацию экономического пространства, включая облегчение режима перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. В принятой в 2007 г. в Сингапуре «Дорожной карте по созданию Экономического сообщества АСЕАН» была сформулирована

среднесрочная цель построения к 2015 г. «единого рынка и единой производственной базы в масштабе Восточно-Азиатского региона». Речь при этом, разумеется, идет не о «сплошной» либерализации, как в ЕС. Страны региона движутся по пути более избирательного сращивания своих экономик, учитывающего степень зрелости конкретных отраслей хозяйства отдельных стран-членов;

– *в-третьих*, после азиатского кризиса 1997–1998 гг., а в еще более отчетливой форме – в ходе глобального экономического спада 2008–2009 гг. к координации политик добавился новый инструмент интеграции – создание общих «пулов» ресурсов с общим же управлением, которое наиболее ярко проявилось в действиях по защите финансовых систем стран региона от валютных колебаний. Страны АПТ фактически сформировали единый фонд для стабилизации колебаний курсов национальных валют. В этом же русле находятся меры по созданию общего рынка облигаций стран АПТ.

Неслучайно с конца 1990-х гг. официальные лица стран АСЕАН и АПТ стали регулярно характеризовать сотрудничество между собой словом «интеграция»⁹. С точки зрения субъектов интеграционных взаимодействий, в Восточной Азии сложилась пестрая картина региональной интеграции, которую условно можно отнести к «очагово-сетевому» типу. В этой части мира действуют три в разной степени консолидированных очага интеграции. Первый представлен Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), объединяющей все страны ЮВА, за исключением Восточного Тимора¹⁰, и производным от него механизмом сотрудничества «АСЕАН плюс три» (АПТ) с участием Китая, Южной Кореи и Японии. Как и в случае с зарубежной Европой, в Восточной Азии ядро интеграции выкристаллизовалось там, где в наибольшей мере действовал фактор географической близости¹¹.

АПТ появился во время азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. как инструмент коллективной защиты экономик региона от валютно-финансовых катаклизмов в будущем. Важно, что АПТ не является организацией в полном смысле слова. Эта структура функционирует при АСЕАН, выступая ее специализированным органом финансовой координации. «Внешние» участники АПТ – Китай, Южная Корея и Япония – постепенно движутся к ассоциированному членству в АСЕАН.

Хотя внутри образуемого ими интеграционным комплексом процессы сближения протекают неравномерно, АПТ совместно с АСЕАН воплощает основное многостороннее организационное и экономическое ядро восточноазиатской интеграции. Наблюдаемая между составляющими этого ядра асинхронность в темпах и интенсивности сближения до некоторой степени напоминает ту, которая характерна для ЕС, где есть более интегрированные «старые» и менее интегрированные «новые» члены. Более того, по инициативе АСЕАН и фактически под ее эгидой осуществляется интеграционное строительство во всем Восточно-Азиатском регионе.

Второй очаг восточноазиатской интеграции представлен японо-американским интеграци-

онным комплексом, «закамуфлированным» под военно-политический союз. За истекшие полвека он превратился в систему интенсивных военно-политических, инвестиционных и интеллектуальных взаимодействий, вполне отвечающих строгим критериям интеграции. Как и в случае Франции и Германии, он вырос из опыта преодоления вооруженной конфронтации Второй мировой войны.

В конце 1980-х гг. оба этих комплекса оказались внутри обрамляющей их трансрегиональной группировки АТЭС, также заявившей о своей интеграционной природе организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, включающей 21 страну и территорию, омываемую Тихим океаном как в Восточной Азии, так и в Северной и Южной Америке и Океании. Это фактически третий очаг интеграции, внутри которого оказались два более консолидированных интеграционных ядра. Отношения в рамках рыхлого АТЭС начинают напоминать скорее связи сетевого типа, назначение которых состоит в смягчении наметившейся между двумя другими центрами регионального сближения конкуренции.

АТЭС ставила выгодную в первую очередь неазиатским странам (США и Австралии) и в меньшей степени Японии задачу удержать интеграцию в АСЕАН в более открытом режиме, обеспечив в ней присутствие «белых стран». Аналитически АТЭС очерчивает максимально широкий географический предел восточноазиатской интеграции¹², в кратко- и среднесрочной перспективе явно недостижимый. Собственно интеграционная компонента в деятельности АТЭС представлена в меньшей степени. Согласно Богорской декларации, принятой на втором саммите АТЭС в Индонезии в ноябре 1994 г., была выдвинута цель создания зоны свободной торговли сначала для развитых государств-членов в 2010 г. и для развивающихся – к 2020 гг.¹³. Первая часть этой цели не выполнена. Нет оснований думать, что будет выполнена и вторая. Сегодня АТЭС действует преимущественно как механизм консультаций стран Тихоокеанского бассейна, обсуждающих наиболее важные проблемы экономического развития, а в 2000-х гг. – и безопасности.

С точки зрения самоидентификации участников интеграция в регионе представлена двумя типами взаимодействия. Группировки первого типа открыто провозглашают и решают задачи межгосударственного сближения. Это, прежде всего, признаваемое политиками и учеными ядро – АСЕАН, наиболее старое и наиболее влиятельное с точки зрения способности консолидации региона. Важно оговориться, что после нескольких туров расширения в 1990-х гг. в АСЕАН наметился разрыв в экономическом развитии и внешнеполитической стратегии между «старыми» и «новыми» участниками, что невольно выводит на аналогию со «старой» и «новой» Европой в практике ЕС. Вот почему фактически интеграционное ядро АСЕАН функционирует в составе пяти первоначальных членов – Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда, а также примкнувшего к ним в 1984 г. Брунея¹⁴. Именно в этих рамках в 2003 г. в ре-

гионе заработала первая полноценная зона свободной торговли. К нему примыкает механизм АПТ. Интеграционные задачи провозглашает и АТЭС.

Второй тип взаимодействия характерен для японо-американского комплекса, который формально не ставит перед собой задачи интеграционного характера. Он выглядит как обычный военно-политический союз, но на деле является наиболее тесно интегрированным в экономическом смысле образованием в регионе. Оно индуцировало и продолжает индуцировать мощные протоинтеграционные импульсы, влияющие на динамику интеграции в АСЕАН и АПТ.

Одним из основных мотивов создания АСЕАН было стремление закрепить принцип отказа от применения силы при урегулировании межгосударственных конфликтов¹⁵. В текст Бангкокской декларации (1967 г.) была вписана мысль о необходимости «укрепления регионального мира и стабильности при уважении принципов ООН, верховенства закона и справедливости»¹⁶.

Государства Юго-Восточной Азии желали, с одной стороны, погасить сохранявшуюся между ними напряженность, подогреваемую малайзийско-филиппинскими разногласиями относительно статуса провинции Сабах и спора между Индонезией и Малайзией из-за острова Борнео в 1962–1966 гг. С другой стороны, в Восточной Азии, так же как и в Западной Европе, внерегиональные державы (США) пытались навязать малым и средним государствам многосторонний или двусторонний алгоритм сотрудничества в военной сфере наподобие АНЗЮС и СЕАТО или новой военно-политической структуры.

В Западной Европе развитию собственно интеграционных связей предшествовало заключение военно-политического союза между их будущими участниками (Брюссельский пакт и НАТО). Только вслед за этим были согласованы решения экономического характера. По аналогичному сценарию развивался интеграционный комплекс японо-американских отношений. Сначала, в 1951 г., между двумя странами возникли тесные военно-политические отношения и лишь впоследствии, к 1980–1990-м гг., над ними был надстроен сегмент глубокой экономической взаимозависимости.

Отказ стран-основателей АСЕАН от сотрудничества между собой и с внешними державами в военной сфере в 1960–1970-х гг. в форме создания субрегионального военно-политического блока в момент создания ассоциации отчасти был связан с отсутствием у них готовности к такому сотрудничеству на фоне сохранявшихся между странами территориальных споров. В этой связи экономическое сближение (как и в Западной Европе) казалось местным странам инструментом формирования благоприятной обстановки для смягчения политико-военных противоречий.

Кроме того, годы выдвижения первых интеграционных инициатив совпали с войной США во Вьетнаме (1965–1973 гг.), которая сопровождалась скрытым военным противостоянием Соединенных Штатов с Китаем и СССР. Страны АСЕАН не

хотели быть втянутыми в противоборство великих держав. В преамбуле Бангкокской декларации говорилось о том, что все иностранные военные базы на территории стран АСЕАН «являются временными и останутся там только с согласия соответствующих стран. Их использование не должно быть направлено, прямо или косвенно, на подрыв государственной независимости этих стран и их самостоятельного развития»¹⁷. Забегая вперед, следует сказать, что на сегодняшний день на территории стран АСЕАН нет ни одной иностранной военной базы. США расформировали последнюю американскую базу на Филиппинах в 1992 г.

С точки зрения парадигмы обеспечения безопасности значение имеет содержание Декларации согласия АСЕАН, подписанной в ходе Первого саммита ассоциации в 1976 г. В ней утверждался приоритет двусторонних договоренностей в сфере безопасности. Было подчеркнуто, что АСЕАН в своей деятельности не будет в обозримой перспективе стремиться к многосторонним соглашениям в этой области. В разделе Е («Безопасность») стороны ограничились лаконичной ссылкой на «развитие сотрудничества между членами АСЕАН помимо механизмов АСЕАН и в соответствии со взаимными нуждами и интересами»¹⁸.

На Втором саммите АСЕАН в 1977 г. в Куала-Лумпуре был учрежден формат диалога с партнерами Ассоциации. Этот диалог было решено поддерживать в рамках так называемых постминистерских конференций (ПМК), которые проходили на уровне министров иностранных дел стран АСЕАН и стран-партнеров Ассоциации, приглашенных на заседания. ПМК созывались вслед за министерскими конференциями министров иностранных дел стран АСЕАН. Отсюда – их название.

Первая постминистерская конференция состоялась в 1978 г. с участием представителей Австралии, Канады, ЕЭС, Японии, Новой Зеландии и США. Первоначально цель проведения ПМК формулировалась как «развитие экономических связей АСЕАН с крупнейшими мировыми державами». Но с течением времени они приобрели другое предназначение. В западной литературе есть точка зрения, согласно которой механизм диалога с внешними державами – партнерами Ассоциации позволил странам Ассоциации «встроиться в региональный порядок»¹⁹, то есть придать своим отношениям с более сильными государствами более регулярный, предсказуемый характер. Однако эта точка зрения может вызывать сомнения.

Широкий политический диалог в масштабах всего Восточно-Азиатского региона, в которых вылились постминистерские конференции в 1970–1980-х гг., шел с заметным преобладанием АСЕАН. Большие державы всеми силами стремились привлечь к себе симпатии малых и средних государств, опасаясь конкуренции со стороны Советского Союза, который в этот период искал пути расширить свое влияние в регионе. Вот почему США, Япония и Австралия уделяли политическому диалогу с АСЕАН значение несколько большее, чем это могло следовать из региональной значимости этого блока

для каждой из больших держав. В значительной степени именно из-за конкуренции между СССР и США за малые и средние государства региона странам АСЕАН удалось в 1980-х гг. создать ситуацию, при которой они выбирали, какую из внешних держав допустить на роль привилегированного партнера Ассоциации, а какую – нет.

На постминистерских конференциях происходило взаимное информирование их участников о состоянии региона в экономическом и военно-политическом отношении. Страны АСЕАН понимали, что замыкаться только в своем кругу сотрудничества неразумно. Им было важно обеспечить благоприятный региональный климат для претворения в жизнь своих интеграционных планов. Требовалось приучить партнеров по диалогу иметь дело не с каждой из стран АСЕАН в отдельности, а со всеми ними в целом как с единой группировкой. С одной стороны, АСЕАН таким образом исключал вероятность игры внешних сил на противоречиях внутри Ассоциации. С другой – система ПМК не допускала самоизоляции АСЕАН в региональных делах, позволяя развивать отношения с полезными партнерами.

В повестке дня постминистерских конференций преобладали вопросы безопасности. В частности, в 1980-х гг. главным был вопрос о вмешательстве Вьетнама во внутренние дела Камбоджи (1979–1989 гг.)²⁰. Как и в случае с войной во Вьетнаме, любое обострение военно-политической ситуации на границах Ассоциации почти автоматически приводило к замедлению политической активности в ней. АСЕАН как будто замирала. Молниеносное расширение АСЕАН в 1984 г., когда к ней примкнул Бруней, освободившийся от британского колониального управления, в этом смысле ничего не изменило.

До второй половины 1980-х гг. страны АСЕАН отказывались от создания специализированной региональной структуры в области безопасности. В основе этой политики лежали традиционные опасения стран АСЕАН оказаться втянутыми в советско-американское противостояние. Позднее ситуация изменилась. Во-первых, исчез фактор биполярной конфронтации в результате распада СССР (1991). Во-вторых, экономическое возвышение Китая, очевидное к середине 1990-х гг., стимулировало изменение позиции стран АСЕАН в связи с перспективой отношений с КНР. Было ясно, что Китай – уже не слабая, отсталая страна, от которой исходит угроза коммунистической экспансии, а динамично развивающийся и привлекательный торгово-экономический партнер, хотя и по-прежнему опасный.

Продолжая испытывать недоверие к Китаю, страны АСЕАН не могли позволить себе отказаться от выгодных отношений с ним²¹. Но они опасались попасть в зависимость от КНР, тем более что Пекин стал проводить в регионе активную экономическую и военно-политическую линию. В связи с этим обострились споры между КНР и рядом государств Юго-Восточной Азии по вопросу о принадлежности островов в Южно-Китайском море, в районе

которых предполагалось наличие энергоресурсов. Ряд стран АСЕАН (Индонезия, Филиппины и Вьетнам) имели с КНР негативный исторический опыт²².

В такой ситуации в кругах АСЕАН созрела идея вовлечь КНР в диалог с Ассоциацией, но таким образом, чтобы в нем участвовали не только малые страны региона, но и мощные в военном отношении внерегиональные державы (Россия и США). В 1990-х гг. список «партнеров» Ассоциации, приглашаемых на ПМК из числа великих держав, пополнился за счет Китая, Индии, России и Южной Кореи.

Вместо того чтобы идти на более тесные отношения с одной из великих держав, отдавая другие, страны АСЕАН решили пойти по пути включения всех значимых игроков в региональный диалог. Эту черту в парадигме действия АСЕАН можно условно описать как «недискриминацию великих держав». Такого рода планы были воплощены в проекте Регионального форума АСЕАН по вопросам безопасности (АРФ), первое заседание которого состоялось в 1994 г.

Региональный форум не рассматривался как организация внешнеполитического сотрудничества стран «Десятки». Это был инструмент «профилактики военной опасности» – усеченный, менее институционализированный, но, судя по всему, не менее эффективный, чем в свое время Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. АРФ – ежегодная конференция министров иностранных дел стран региона. Она созывается с целью «конструктивного диалога и консультаций по политическим вопросам и вопросам безопасности, представляющим взаимный интерес и с целью создания эффективных мер доверия и механизмов превентивной дипломатии в АТР»²³.

Под эгидой АРФ функционируют несколько научно-исследовательских институтов, расположенных в разных странах АСЕАН, которые занимаются анализом ситуации в сфере безопасности. В принципиальном плане страны АСЕАН попрежнему руководствовались идеей исключения войны из региональных отношений. Они продолжали выступать в поддержку ЗОПФАН, а в 1995 г. подписали на Пятом саммите АСЕАН в Бангкоке Договор о создании в ЮВА зоны, свободной от ядерного оружия (в силе с марта 1997 г.)²⁴. Этот проект, однако, имел существенные слабости. Он так же, как и в свое время инициатива ЗОПФАН, не мог иметь шансов на успех без поддержки со стороны официальных ядерных держав, которые не спешили о ней заявлять.

В ноябре 2002 г. было подписано соглашение между АСЕАН и Китаем по островам Спратли²⁵. Стороны обязались, в ожидании урегулирования проблемы принадлежности островов на новой основе, воздерживаться от угрозы силой или применения силы (ст. 4), создать систему мер доверия в акватории Южно-Китайского моря. Речь шла об организации встреч представителей оборонных ведомств, уведомлении о предстоящих военных учениях, обмене информацией по вопросам безопасности в регионе (ст. 5, п.п. a-d). Кроме того,

было решено проводить в Южно-Китайском море совместные мероприятия по изучению океанической флоры и фауны, охране окружающей среды, обеспечению безопасности мореходства и организации спасательных операции в случае бедствия судов, борьбе с транснациональными угрозами, включая торговлю наркотиками, пиратство, незаконный оборот оружия (ст. 6, п.п. а-е)²⁶.

Важной чертой парадигмы действия Ассоциации в сфере безопасности стало вовлечение великих держав в правовое поле АСЕАН. Последним постепенно, мягко, но упорно навязывались нормы и правила поведения, соблюдаемые в ЮВА. В начале 2000-х гг. дело дошло до того, что малые и средние страны стали неофициально побуждать крупные государства-партнеры Ассоциации присоединиться к Договору о дружбе и сотрудничестве 1976 г. (ДДС). В 2003 г. КНР и Индия стали первыми внерегиональными державами, которые подписали ДДС. В 2004 г. их примеру последовали Япония, Россия и Южная Корея, а в 2005 г. – Австралия.

Свод принципов, содержащихся в этом договоре, включает в себя взаимное признание суверенитета, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, мирное урегулирование споров и отказ от использования силы. АСЕАН постулирует присоединение к ДДС как символическую заявку на участие в направляемом им региональном сообществе. В частности, в 2004 г. было объявлено, что подписание ДДС выступает одним из условий участия в Восточно-Азиатском саммите (декабрь 2005).

В 2003 г. произошло укрупнение военно-политических планов АСЕАН. В 1997 г. в рамках Ханойского плана действий страны АСЕАН выдвинули идею построения Экономического сообщества АСЕАН (фактически – первая опора, если прибегать к терминологии ЕС). В 2003 г. на саммите на о. Бали эта конструкция, не без влияния европейского опыта, была достроена еще двумя элементами: Социокультурным сообществом АСЕАН и Сообществом безопасности²⁷. Их параметры отражены в Балийской декларации согласия 2003 г., а также в принятой на саммите АСЕАН в Таиланде в мае-июне 2009 г. Дорожной карте создания Сообщества АСЕАН. Все три Сообщества АСЕАН должны быть построены к 2015 г.

В тексте декларации в части, касающейся Сообщества безопасности, воспроизводятся и развиваются перечисленные выше принципы Договора о дружбе и сотрудничестве АСЕАН 1976 г. К ним добавились желательность «демократического и гармоничного окружения АСЕАН» (разд. А, п. 1). В декларации подчеркивается неделимость и неразрывная связь безопасности всех стран-членов АСЕАН, обусловленная географией и общими целями развития. Согласно этому документу, за всеми странами АСЕАН признается их суверенное право «на проведение самостоятельной внешней политики и политики в области безопасности с учетом углубляющейся взаимозависимости этих государств в политической, экономической и социальной сферах».

В качестве фундаментальных основ Сообщества безопасности АСЕАН выдвигается принцип всеобъемлющей безопасности, включающей политические, экономические, социальные и культурные аспекты. К сфере деятельности Сообщества, в соответствии с декларацией, относятся выработка норм, предупреждение конфликтов, поиск методов урегулирования конфликтов и постконфликтное миростроительство (п. 12). При этом речь не идет о движении к созданию оборонительного союза, военного блока или совместной внешней политики (п. 2). Страны АСЕАН подчеркивают центральную роль АРФ в обсуждении проблем региональной безопасности (п. 8). Одновременно форум служит основным инструментом вовлечения партнеров Ассоциации в региональный диалог.

Исходя из анализа программы-максимум АСЕАН в сфере безопасности до 2020 г. в редакции, изложенной во Второй декларации согласия АСЕАН (2003 г., о. Бали), видно, что даже в рамках Сообщества безопасности сохранится преобладание двусторонних контактов и договоренностей над многосторонними. Опыт проведения ежегодных встреч министров обороны в рамках Сообщества с 2006 по 2011 г. показывает, что конкретные меры относительно создания общесеановских структур внешнеполитического сотрудничества пока не принимаются. Ни одна из стран-членов АСЕАН, за исключением Сингапура, не решается проводить крупные военные учения на многосторонней основе²⁸.

В рамках ядра АСЕАН в сфере военно-политического сотрудничества, по сути дела, сохраняется диалоговый формат, близкий к тому, что существует в АРФ. Представители государств обсуждают имеющиеся возможности и перспективы сотрудничества, но уклоняются от юридически обязывающих решений. Сохраняется приоритет двусторонних договоренностей над многосторонними.

Страны-участницы предпочитают опираться на внерегиональные державы при обеспечении безопасности, прежде всего на США, в ущерб развитию эффективных региональных механизмов в этой сфере. Эвакуировав военные базы, Соединенные Штаты сохраняют элементы военного присутствия в ЮВА через систему арендованных портов, двусторонние военные соглашения с отдельными государствами АСЕАН и военные учения с некоторыми из них²⁹. В то же время эти черты представлены в регионе неравномерно. Страны Юго-Восточной Азии, представленные в АСЕАН, в гораздо большей степени, нежели страны Северо-Восточной Азии, склонны координировать свои действия в сфере безопасности, особенно во взаимоотношениях с крупными региональными и мировыми державами.

Общепринятой остается точка зрения, согласно которой в Восточной Азии на Соединенные Штаты в обеспечении своей безопасности опираются три страны (территории) – Япония, Республика Корея и Тайвань, имеющие с Вашингтоном военный союз. В меньшей степени на американскую поддержку в военно-полити-

ческом смысле полагаются Филиппины, в прошлом – колония США, и Таиланд. Филиппины также имели договор безопасности с США, но с развитием АСЕАН стали постепенно отходить от полной ориентации на США, склоняясь к промежуточной форме отношений, акцентируя нейтралитет, сбалансированность своей внешней политики. Аналогичная эволюция была характерна для Таиланда. У него не была юридически обязывающегося союзного договора с США, но была близкая по духу и содержанию декларация о военно-политическом сотрудничестве, которой была достаточно для того, чтобы США оказывали Бангкоку помощь и поддержку.

Однако со временем фактор АСЕАН также приобрел большее значение для приоритетов Таиланда в сфере безопасности. В годы, когда Таиланд пошел на консолидацию отношений с США в военно-политической сфере, Бангкок боялся коммунистической угрозы со стороны Восточного Индокитая, прежде всего Вьетнама, а Вашингтон, со своей стороны, стремился придать внешней политике Таиланда максимально антикоммунистический и антивьетнамский характер. Впоследствии, с исчезновением биполярной конфронтации и расширением АСЕАН за счет присоединения стран Восточного Индокитая, фактор АСЕАН в системе военно-политических приоритетов Таиланда постепенно стал ровнен с принципом опоры на США в вопросах обеспечения безопасности. Наконец, в регионе существует третья группа стран, которые исторически постоянно лавировали, пытаясь сохранить хорошие отношения с обеими полюсами глобальной системы, но делая при этом главный акцент на развитии АСЕАН. Это прежде всего Индонезия и Малайзия.

Участие в военных блоках, инициированных западными державами, обострения биполярной конфронтации на Дальнем Востоке и в ЮВА в сочетании с неразрешенными территориальными противоречиями в самих этих странах толкали государства региона к объединению (образование АСЕАН в 1967 г.). Вместе с тем необходимость самим заниматься вопросами поддержания своего нейтралитета, препятствовать вмешательству внерегиональных держав и военно-идеологическая поляризация региона, отягощенная системой двусторонних союзов сверхдержав с отдельными государствами региона, определила ориентацию внешнеполитической интеграции стран региона на строительство весьма специфической модели взаимодействия, логика которой напоминает своего рода «слабовооруженный нейтралитет на многосторонней основе».

Анализ опыта развития интеграции показывает, что наиболее активное ядро интеграционных тенденций в Восточной Азии – страны АСЕАН – в наименьшей степени вовлечены в региональное военно-политическое сотрудничество. Приоритеты регионального взаимодействия для них носят выраженный экономических характер. Военно-политическое сотрудничество в регионе развивается в рамках нескольких комплексов отношений, ни один из которых, по сути дела, не претендует на роль «военно-политического интеграционного ядра». АРФ в этой ситуации выступает как мягкая обрамляющая конструкция, достаточная для того, чтобы выполнять функции связи между элементами региональной системы военно-политической безопасности, но не достаточная для соединения этих элементов хотя бы в подобие региональной интеграционной структуры военно-политического характера.

В евроатлантическом пространстве НАТО и ЕС в известном смысле воплощали две разные, но взаимодополняющие интеграционные «специализации»: НАТО – главным образом военно-политическую, а Евросоюз – преимущественно экономическую и политическую. При этом военная составляющая структуры ЕС оставалась и остается недоразвитой и ориентированной на выполнение фактически вспомогательных функций по отношению к НАТО.

В Восточной Азии разделение специализаций интеграционных функций не просматривается в силу отсутствия военно-политической структуры, способной или готовой претендовать на интегрирующую роль в этом региональном пространстве. Экономическая мотивация интеграционных тенденций пока что безраздельно преобладает. Открытым остается вопрос о том, существует ли связь между относительно более низкими темпами экономической интеграции в Восточной Азии и «недоинтегрированностью» региональной военно-политической среды.

Baykov A.A. Factors of geography and security in the integration construction: the case of East-Asian integration.

Summary: The paper analyzes the impact of geography and security threats on the dynamics and forms of integration cooperation in the area of East Asia. In particular, it is concluded that both the institutional features of the integration in Asia Pacific, and approaches in the field of cooperation between local states have been largely predetermined by the system of military cooperation and military-political agreements, which were formed during the "cold war".

Ключевые слова

Интеграция, Восточная Азия, военно-политическое сотрудничество.

Keywords

Integration, East Asia, political-military cooperation.

Примечания

1. Hettne B. Beyond the New Regionalism // *New Political Economy*. Vol. 10. No. 4. 2005. P. 543-571; Harding H. *The India-China Relationship: What the United States Needs to Know*. NY: Columbia University Press, 2004. См.: Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М., 2002. С. 9.
2. КНР, Тайвань, Южная Корея, Япония.
3. Бруней, Восточный Тимор, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины. Юго-Восточную Азию правильнее трактовать как «исторический регион» (термин введен группой авторов Института востоковедения РАН, под которым понимается «социально-пространственная общность, которая характеризуется устойчивостью границ и достаточной длительностью исторического процесса, общего для составляющего его стран. См.: ЮВА: проблемы региональной общности / Под ред. А.Р. Вяткина. М., 1987.
4. *The Future of Foreign Investment in Southeast Asia* / N.J. Freeman and F.L. Bartels (eds.). London: Routledge, 2004.
5. *Global Economic Prospects 2005: Trade, Regionalism, and Development*. Washington, DC: World Bank, 2005.
6. Christopher M. Dent. *East Asian Regionalism*. London and New York: Routledge, 2008. P. 43.
7. *Regional Integration in East Asia: From the View Point of Spatial Economics* / M. Fujita (ed.). Basingstoke: Palgrave, 2007. P. 33.
8. См. также: Малетин Н.П. АСЕАН: три десятилетия внешней политики (1969-1997 гг.) (часть II). М., 1999; АСЕАН в системе международных политических отношений. М.: Наука, 1993.
9. The Ha Noi Plan of Action. 1998 (<http://www.aseansec.org/145.htm>).
10. Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины.
11. Самойленко В.В. АСЕАН: политика и экономика. М., 1982.
12. Михеев В.В. Глобализация и азиатский регионализм. Вызовы для России. М., 2001.
13. The Bogor Declaration. Bogor, Indonesia. 15 November 1994 (http://www.apec.org/apec/leaders__declarations/1994.html).
14. Подробнее см.: Goh E. Meeting the China Challenge: The US in Southeast Asian Regional Security Strategies. Policy Studies Monograph. No. 16. Washington, DC.: East-West Center, 2005; Betwixt and Between: Southeast Asian Strategic Relations with the US and China. IDSS Monograph. No. 7. Singapore: Institute for Defence and Strategic Studies, 2005.
15. Avery D. H. Poole. Cooperation in Contention: The Evolution of ASEAN Norms. University of British Columbia YCISS Working Paper Number 44, January 2007. P.5.
16. The Bangkok Declaration. 8 August 1967. Bangkok (<http://www.aseansec.org/1212.htm>).
17. Bangkok Declaration (<http://www.aseansec.org/1212.htm>).
18. Declaration of ASEAN Concord Indonesia, 24 February 1976 (<http://www.aseansec.org/1216.htm>).
19. Goh E. Great Powers in Southeast Asia // *International Security*. Vol. 32. No. 3. 2007-2008. P. 124.
20. Подробнее об этом см.: Мосяков Д.В. Камбоджа: внутреннее развитие 1979–1989. М., 1991.
21. Goh E. Southeast Asian Perspectives on the China Challenge // *Journal of Strategic Studies*. Vol. 30. No. 4. 2007. P. 809-832.
22. У Вьетнама и Китая сохраняются споры относительно принадлежности Парасельских островов и островов Спратли в Южно-Китайском море. В 1979 г. между ними произошел довольно кровопролитный конфликт на вооруженной основе. В истории отношений КНР и Филиппин также происходили вооруженные столкновения в связи со статусом островов Спратли в 1990-х годах. Кроме того, в 1960-х годах Китай неоднократно вмешивался во внутренние дела Индонезии, поддерживая индонезийскую коммунистическую партию и немногочисленное и экономически влиятельное китайское этническое меньшинство в этой стране.
23. ASEAN Secretariat. Overview (<http://www.aseansec.org/92.htm>). См. также: Hiro Katsumata Establishment of ASEAN Regional Forum: Constructing a Talking Shop or a Norm Brewery? // *Pacific Review*. Vol. 19. No. 2. 2006. P. 181-198.
24. Treaty on the Southeast Asia Nuclear-Weapon-Free Zone. Bangkok, 15 December 1995 (<http://www.aseansec.org/2082.htm>).
25. Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea. Phnom Penh, 4 November 2002 (<http://www.aseansec.org/13163.htm>).
26. Ibid.
27. Declaration of ASEAN Concord II (Bali Concord II) (<http://www.aseansec.org/15159.htm>).
28. Frost. Asia's New Regionalism. P. 135.
29. Siow T. Is a U.S. Military Presence in Southeast Asia Necessary in the Twenty-First Century? // ARMY COMMAND AND GENERAL STAFF COLL FORT LEAVENWORTH KS (<http://oai.dtic.mil/oai/oai?verb=getRecord&metadataPrefix=html&identifier=ADA383968>).

Новое во внешней и внутренней политике правительства Мариано Рахоя

Н.Е. Аникеева

На всеобщих парламентских выборах в Испании 20 ноября 2011 г. победу одержала консервативная Народная партия во главе с М. Рахоем, сменив во власти испанских социалистов, которые ушли в оппозицию. В политической истории страны начался новый этап.

Оппозиция во главе с лидером Народной партии Мариано Рахоем еще до своего прихода к власти постоянно критиковала председателя правительства Х.Л. Родригеса Сапатеро. Так, глава НП заявлял, что антикризисный план правительства принят поздно и по настоянию Евросоюза и США. Он отмечал, что считает предложенные ИСРП меры неэффективными и предлагал собственную программу мер по преодолению кризиса¹. 19 декабря 2011 г., победив на всеобщих парламентских выборах, М. Рахой официально вступил в должность главы испанского правительства.

Его правительству досталось тяжелое наследство. После начала мирового экономического кризиса в 2008 г. Испанию неоднократно называли «слабым звеном» европейской экономики — наряду с Италией и Португалией. В феврале 2012 г. сразу несколько рейтинговых агентств понизили кредитные рейтинги ряда стран ЕС, в том числе и Испании. Основной проблемой испанской эконо-

номики стала необходимость сокращения разрыва между доходами и расходами страны, которая была вызвана не только кризисом, но и тем, что предыдущее правительство социалистов не смогло удержать дефицит бюджета на допустимом уровне.

На первом заседании правительства Народной партии (НП) было объявлено о дополнительном сокращении расходов страны на 16,5 млрд евро в рамках снижения бюджетного дефицита в 2012 г. до 4,4% ВВП. Однако 12 марта глава Еврогруппы Жан-Клод Юнкер на встрече в Брюсселе 17 министров стран еврозоны согласился смягчить условия программы по сокращению бюджетного дефицита Испании до 6,3% от ВВП (вместо согласованных ранее с Еврокомиссией 4,4%). Для сравнения: в 2010 г. этот показатель испанской экономики составлял 9,3% ВВП, а годом ранее — около 11%².

25 марта 2012 г. состоялись очередные выборы в региональные парламенты двух автономий Испании — Андалусии и Астурии. Народная партия одержала победу в Андалусии, но проиграла в

Аникеева Наталья Евгеньевна – д.и.н., профессор кафедры ИПСЕА МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

Астурии. Одной из причин такого результата, по мнению некоторых испанских аналитиков, стало недовольство испанцев уже политикой М. Рахой, в частности его реформой рынка труда. Цель этой реформы заключается в том, чтобы сделать трудовой кодекс более гибким, снизить социальную нагрузку на госбюджет, облегчить работодателям процесс найма и увольнения сотрудников, позволить предприятиям быстрее перестраиваться в неблагоприятных экономических условиях и избежать закрытия учреждений. Кроме того, реформа была нацелена на борьбу с безработицей, уровень которой в 2012 г. в стране достиг 25% трудоспособного населения³.

Правительство Народной партии в марте одобрило эту радикальную реформу рынка труда, принятия которой требовал Евросоюз. Всеобщий союз трудящихся (UGT) и Рабочие комиссии (CCOO) провели 29 марта всеобщую забастовку против реформы трудового законодательства и сокращения социальных программ. По мнению испанских граждан, принявших участие в забастовке, предложенная правительством реформа приведет к нарушению прав и ограничению выплат пособий в случае увольнения работников, а у работодателей появится больше возможностей для их сокращения. Кроме того, М. Рахой предложил программу ограничения государственных расходов (за счет ликвидации некоторых служб госсектора) и увеличения числа компаний, которые будут платить пониженные налоги⁴.

23 июля 2012 г. в Брюсселе была принята программа по оздоровлению финансовой системы Испании. В этой связи был подписан меморандум о взаимопонимании, содержащий условия предоставления Испании финансовой помощи. Согласно этому документу, страны еврозоны в течение 18 месяцев будут предоставлять Мадриду кредиты на рекапитализацию проблемных банков. Их общий размер составит 100 млрд евро, а средний срок выплат по ним – 12,5 лет. Глава Еврогруппы Жан-Клод Юнкер пояснил, что средства будут переведены четырьмя траншами. Первый – в размере 30 млрд евро – должен был быть предоставлен до конца июля. В процессе согласования условий предоставления кредита правительство Мариано Рахой объявило о намерении сэкономить к 2014 г. не менее 65 млрд евро.

Дополнительным источником пополнения бюджета должны были стать доходы от налога на электроэнергию, недвижимость. В частности, 12 июля 2012 г. М. Рахой объявил о повышении налога на добавленную стоимость на 3% (с 18 до 21%) для большинства товаров и с 8 до 10% – для услуг в сфере транспорта и туризма. Эта мера была реализована 1 сентября 2012 г. Исключение было сделано лишь для товаров первой необходимости – некоторых продуктов питания, лекарств и книг. НДС для них остался на прежнем уровне – 4%. Новая мера позволит испанскому правительству собрать 9,5 млрд евро. Премьер-министр Мариано Рахой долго откладывал не-

популярное решение, однако непрекращавшееся давление Еврокомиссии и МВФ принесло свои плоды⁵.

М. Рахой не будет отменять социальную выплату в 400 евро для безработных, эта мера была одобрена еще правительством Сапатеро. На пособия имеют право некоторые слои населения, в том числе и супруги жителей Евросоюза в том случае, если оба члена семьи нетрудоустроены. Испанский премьер-министр сообщил об этом на Майорке 15 августа 2012 г. после встречи с королем Хуаном Карлосом I. Ранее правительство планировало упразднить данную выплату⁶. Некоторые меры, принятые правительством НП, во многом стали продолжением антикризисного курса, намеченного испанскими социалистами в предыдущие два года.

Правительство НП активно участвовало в общеевропейских мероприятиях, связанных с выработкой единой политики по преодолению кризиса. К ним относится саммит «Двадцатки», который проходил с 18 по 19 июня 2012 г. в Лос-Кабосе и был, в частности, посвящен теме стабилизации евро. На этой встрече «в верхах» особое внимание уделялось проблеме европейского долгового кризиса и оказываемого им негативного воздействия на мировую экономику, реформированию и расширению функций МВФ, экономическому росту в некоторых странах, а также вопросам повышения уровня всеобщего благосостояния⁷.

Еще одним важным событием была четырехсторонняя встреча в Риме 22 июня 2012 г. с участием президента Франции Ф. Олланда, канцлера ФРГ А. Меркель, премьер-министров Италии М. Монти и Испании М. Рахой, в ходе которой политические лидеры четырех крупнейших экономик еврозоны договорились о новых мерах усиления экономического роста ЕС. На саммите в Риме они также поддержали проект налогообложения финансовых операций. По результатам встречи было объявлено о намерении выделить на поддержку экономического роста в Евросоюзе один процент европейского ВВП, что составляло от 120 до 130 млрд евро⁸.

В августе и начале сентября 2012 г. М. Рахой провел три важные внешнеполитические встречи, посвященные проблемам экономики и кризисной ситуации в еврозоне:

- во-первых, 2 августа глава испанского правительства и его итальянский коллега Марио Монти договорились «работать вместе и укреплять сотрудничество, чтобы разрешить долговой кризис, который угрожает зоне евро и серьезно затрагивает две страны»;

- во-вторых, были проведены переговоры в Испании, ставшие продолжением серии двусторонних встреч, на которых руководство Евросоюза пыталось найти точки соприкосновения. В частности, 30 августа президент Франции Ф. Олланд и М. Рахой пришли к выводу о том, что ЕЦБ должны выкупать гособлигации и помогать странам ЕС, так как в этом заключался залог будущего еврозоны;

- в-третьих, завершающим аккордом серии важных встреч с европейскими лидерами стал

визит канцлера ФРГ А. Меркель в Мадрид. В ходе беседы с М. Рахоем она подчеркнула, что Испания находится на правильном пути, осуществляя программу реформ⁹.

Воодушевленное поддержкой, правительство консерваторов в сентябре 2012 г. заявило, что Испания, несмотря на резкий рост объема госдолга, пока больше не планирует запрашивать помощь от стран зоны евро для финансирования дефицита своего бюджета. Правящая элита страны надеялась решить существующие экономические проблемы собственными силами, в частности за счет дополнительных налоговых сборов и сокращения государственных субсидий в энергетике. Министр экономики Испании Луис де Гиндос на встрече Еврогруппы 14 сентября 2012 г. в Никосии (Кипр) заявил, что «дефицит испанского бюджета на этот год не превысит планового уровня, и это не потребует дополнительных сокращений госрасходов и помощи извне»¹⁰.

В сентябре 2012 г. в Испании было обнародовано решение о вводе 6-процентного налога на производство электроэнергии, а также о повышении топливных сборов и сокращении субсидий на альтернативные источники энергии. Помимо этого, министр экономики Испании анонсировал новую программу структурных реформ, направленную на стимулирование экономического роста. Для получения в случае необходимости дополнительной помощи Испании следовало жестко придерживаться бюджетных норм, так как от величины суммы потенциальной финансовой помощи зависела и строгость условий ее предоставления.

Новая программа сокращения расходов Испании на 2013 г. была представлена правительством М. Рахоя в проекте бюджета страны 28 сентября 2012 г.¹¹. В непростом финансовом положении оказалась и одна из самых развитых испанских автономий – Каталония, на которую приходится пятая часть общего объема ВВП страны. Она отчисляет в испанский бюджет больше, чем получает взамен. 25 ноября 2012 г. на досрочных региональных выборах первое место получила партия «Конвергенция и союз Каталонии», а второе – «Левые республиканцы Каталонии». Обе сепаратистски настроенные партии получили большинство мест в каталонском парламенте. Руководство НП во главе с М. Рахоем выступает против предоставления Каталонии независимости, в том числе фискальной¹².

Внешняя политика

Что касается внешней политики М. Рахоя, то свой первый официальный визит 18 января 2012 г. он совершил в Рабат (Марокко) в силу ряда причин¹³. Во-первых, уже стало традицией, когда лидеры Испании, начиная с социалиста Фелипе Гонсалеса, посещают эту соседнюю с ней страну первой, сразу после своего вступления в должность. Во-вторых, испанские владения на территории Марокко – Сеута и Мелилья – являются предметом спора в двусторонних отношениях. В-третьих, в Испании проживают многочисленные марокканские иммигранты. Во время визита М. Рахой

провел переговоры с королем Мохаммедом VI и премьер-министром А. Бенкираном, во время которых выступил в поддержку политических реформ, объявленных монархом, и выразил надежду на расширение испано-марокканского сотрудничества¹⁴.

26 января, в преддверии саммита стран Евросоюза, в Берлине состоялась встреча председателя правительства НП М. Рахоя с канцлером Германии А. Меркель. 30 января 2012 г. в Брюсселе испанский премьер-министр поддержал инициативу о подписании договора о бюджетной стабильности ЕС¹⁵.

Испано-британские отношения

21 февраля лидер Народной партии посетил Лондон. В ходе его переговоров с премьер-министром Великобритании Д. Кэмероном обсуждались вопросы двусторонних отношений. Стороны вернулись к трехвековому спору о статусе Гибралтара. По замыслу Рахоя, повестка дня британо-испанских переговоров по Гибралтару не должна ограничиваться расширением авиационного и морского сотрудничества, борьбой с отмыванием денег, организованной преступностью, наркотрафиком и нелегальной иммиграцией. По его мнению, пора возвращаться к обсуждению вопроса о статусе Гибралтара, прерванному 10 лет тому назад. Заниматься этим вопросом должны глава МИД Испании Хосе Мануэль Гарсия-Маргальо¹⁶, а также его британский коллега, министр по делам Европы Дэвид Лидингтон.

Необходимо отметить, что в XX в. Мадрид и Лондон прошли ряд этапов на пути решения этого конфликта, в частности блокаду Гибралтара Испанией в период франкизма, ведение переговорного процесса и предложение установить совместный испано-британский суверенитет над данной территорией. Продвижением вперед стал трехсторонний Форум по Гибралтару, начавший работу в 2004 г. Он позволил Испании, Великобритании и Гибралтару вместе искать конкретные решения по ряду вопросов, осложняющих жизнь граждан»¹⁷.

Российско-испанские отношения

Важным событием для российско-испанских отношений в период правления М. Рахоя стал визит короля Испании Хуана Карлоса I, который состоялся 19 июля 2012 г. Вместе с ним Москву посетили руководители крупнейших испанских компаний. В составе испанской делегации находился глава МИД Х.М. Гарсия-Маргальо. Президент России В.В. Путин и Хуан Карлос I обсудили перспективы развития российско-испанских отношений¹⁸.

Испания и Латинская Америка

Основным вектором внешнеполитической деятельности М. Рахоя по-прежнему остаются отношения с Латинской Америкой. Речь идет о продолжении политики на уровне иберо-американских саммитов, в частности об очередной, XXII встрече 16–17 ноября 2012 г. в Кадисе¹⁹. Расширению сотрудничества в рамках Иберо-американского сообщества наций (ИСН) была посвящена беседа

М. Рахоя 29 февраля 2012 г. с послами стран Латинской Америки, аккредитованными в Мадриде²⁰.

Кризис в испанской экономике снизил объемы экспорта Латинской Америки в Испанию. Испанские инвестиции в регион продолжают поступать, однако компании ищут наиболее привлекательные условия для вложения капитала²¹.

К примеру, в 2011 г. доля перуанского экспорта в Испанию составила 3,5%, аргентинского – 2,9%, чилийского – 1,9%²². Особо следует отметить непростые испано-аргентинские отношения. Президент Аргентины Кристина Фернандес де Киршнер в апреле 2012 г. внесла в национальный парламент законопроект о национализации нефтяной компании Yacimientos Petroliferos Fiscales (YPF), которая является «дочерней» компанией испанской «Репсол». Мадрид решил отстаивать свои национальные интересы. В Брюсселе позиции Испании была оказана поддержка. В итоге между сторонами назрел острый экономический и дипломатический конфликт²³. Испанская сторона предлагала аргентинской решить спорные вопросы путем диалога. К президенту по этому поводу даже обращался король Испании Хуан Карлос I. Не помогло и оказанное влияние на правительство Аргентины со стороны ЕС. Фернандес де Киршнер была непреклонна, заявив, что «продолжение политики затрат на нефтедобычу, а не на производство практически делает уровень экономического роста страны нежизнеспособным». Таким образом, власти Буэнос-Айреса в своем решении пошли до конца, что вызвало в испано-аргентинских отношениях политико-юридическое противостояние²⁴.

Несмотря на определенные трудности, при М. Рахое продолжается линия на укрепление двустороннего сотрудничества со странами Латинской Америки. 14 января 2012 г. наследный принц Испании Фелипе Астурийский посетил Никарагуа и Гватемалу. В январе 2012 г. в Мадриде побывал президент Перу О. Умала²⁵.

Испано-американские отношения

В отношении Соединенных Штатов Америки политика М. Рахоя, скорее всего, будет более сдержанной, нежели она была у Х.М. Аснара. Это связано с нежеланием нынешнего лидера консерваторов подвергаться критике, с которой столкнулся ранее его предшественник. США, безусловно, остаются приоритетным партнером Испании. В рамках саммита по ядерной безопасности в Сеуле, который проходил 26–27 марта 2012 г., состоялась встреча М. Рахоя и Б. Обамы. Президент США и премьер-министр Испании обсудили вопрос о размещении американских противоракетных установок в испанском городе Рота, что в провинции Кадис²⁶.

Северная Африка и Ближний Восток

По мнению экс-министра иностранных дел Испании Тринидад Хименес, «события «арабской весны» изменили ситуацию на Ближнем Востоке и повлияли на отношения между ЕС и странами

Средиземноморья». Она также отметила: «В результате этих перемен к власти не всегда приходят конструктивные силы, а на политическом горизонте появились новые вызовы, связанные с событиями вокруг Сирии и Ирана»²⁷. Нынешний испанский министр иностранных дел Х.М. Гарсия-Маргальо позитивно высказался о событиях, которые произошли в Египте. Он имел в виду избрание президентом лидера египетского исламского движения «Братья-мусульмане» Мохаммеда Мурси, в связи с чем Гарсия-Маргальо подчеркнул, что «речь идет о переходе управления страной от военных к новым гражданским властям»²⁸.

В феврале 2012 г. Испания, Франция, Италия и Нидерланды объявили, что отзывают своих послов в Сирии для консультаций. Таким образом, испанское правительство, теперь уже представляемое Народной партией во главе с М. Рахоем, приняло решение о приостановлении деятельности своей дипломатической миссии в этой стране. По словам Х.М. Гарсия-Маргальо, правительство предприняло такой решительный шаг, «чтобы выразить протест против военных действий сирийских властей, в результате которых месяц за месяцем гибнут и страдают мирные граждане»²⁹.

29 мая 2012 г. специальный посланник ООН и Лиги арабских государств Кофи Аннан напомнил сирийскому руководству, что его план предусматривает полное прекращение насилия. Не дожидаясь расследования, Германия и Италия в знак протеста против убийств жителей Хулы начали высылать послов Дамаска. О высылке сирийского посла сообщила и Испания³⁰.

Необходимо отметить, что еще в конце 2011 г. сирийские власти в связи с принятием очередного пакета санкций Евросоюза против Дамаска приостановили свое членство в организации Союз для Средиземноморья (инициатива, которой значительное внимание уделяла Испания) до тех пор, пока ЕС не откажется от введенных им против Сирии мер³¹.

Испания разделила позицию Запада и восприняла критически «вето» от 4 октября 2011 г., 4 февраля 2012 г. и 19 июля 2012 г., наложенные Россией и Китаем на проекты резолюций СБ ООН по Сирии³².

23 января 2012 г. на заседании в Брюсселе министры иностранных дел 27 стран Евросоюза утвердили решение о введении эмбарго на поставки нефти из Ирана. С помощью санкций объединенная Европа стремилась заставить Тегеран отказаться от ядерной программы. На первом этапе должны были быть свернуты поставки иранских нефтепродуктов в Европу, а к 1 июля 2012 г. полностью прекращен импорт сырой нефти. Мадрид присоединился к инициативе Евросоюза ввести санкции против этой страны³³. Иран обеспечивал до 12% испанского импорта нефти, и задача компенсировать такую ощутимую потерю стала серьезной проблемой для правительства М. Рахоя³⁴. Руководство Испании в рассматриваемый период полностью разделяет подходы Евросоюза к политике в Средиземноморье.

Испания и АТР

Несмотря на кризис, важным направлением внешней политики Мадрида остается Азиатско-Тихоокеанский регион. 21 марта 2012 г. в Пекине побывал министр экономики Испании Луис де Гиндос, в ходе встречи с министром экономики Китая Чен Деминем он обсудил вопросы двустороннего сотрудничества³⁵. В частности, испанский министр заявил, что КНР – это важный экономический партнер.

Что касается основных приоритетов внешней политики Испании, то они остаются неизменными: это региональные направления — Европа, Америка, Средиземноморье, а также участие в деятельности международных организаций: ООН, НАТО и ЕС.

Важным вектором сотрудничества Испании остается Россия, в частности по линии взаимодействия РФ – ЕС. Некоторые из принятых в этот период правительством М. Рахоя мер во внутренней политике стали продолжением антикризисного курса, намеченного ИСРП во главе с Х.Л. Родригесом Сапатеро в предыдущие годы.

Anikeeva N. E. New Aspects of Foreign and Internal Policy of Mariano Raho People's Party in Spain.

Summary: *The conservative People's party led by M. Raho won in the general elections in Spain in november 20, 2011. The spanish socialists went into opposition. There began a new stage in the political history of the country.*

Ключевые слова

Испания. Внешняя политика. Внутренняя политика. Мариано Рахой.

Keywords

Spain. Foreign policy. Internal policy. M. Raho.

Примечания

1. Schwartz P. La economía explicada a Zapatero y a sus sucesores. En los tardes. Madrid, 2011
2. URL: <http://finance.rambler.ru/news/economics/116018816.htm>
3. El Pais. 2012. 25 de marzo.
4. Коммерсантъ. 2012. 29 марта.
5. Независимая газета. 2012. 24 июля.
6. El Pais. 2012. 15 de agosto.
7. URL: <http://www.http://interaffairs.ru/2012>.
8. Comparecencia del ministro de Asuntos Exteriores, Jose Manuel Garcia-Margallo, ante la Comision Mixta para la Union Europea del Congreso de los Diputados // URL: <http://www.maec.es>. (26.06.2012).
9. URL: <http://www.euronews.com> (6.09.2012).
10. URL: <http://www.novopol.ru/-ispaniya-gotova-vyijit-v-zone-evro-bez-pomoschi-etsb-text133392.html>
11. URL: <http://www.kommersant.ru/doc> (17.09.2012).
12. URL: <http://www.euronews.com/2012/09/25/>
13. El Pais. 2012. 19 de enero.
14. Яковлев П.П. Внешняя политика нового правительства Испании // URL: <http://www.perspektivy.info/index.php>.
15. URL: <http://www.el pais.com>.
16. Хосе Мануэль Гарсия-Маргальо И Марфиль — испанский политик, член Народной партии. Министр иностранных дел Испании с 21 декабря 2011 г. URL: <http://www.el pais.com>
17. Независимая газета. 2012. 22 февраля.
18. URL: [http://news.kremlin.ru/news\(19.07.2012\)](http://news.kremlin.ru/news(19.07.2012)).
19. Яковлев П.П. Там же.
20. URL: <http://segib.org/news/2012/02>.
21. El Pais. 2012. 13 de agosto.
22. El Pais. 2012. 13 de agosto.
23. Конфликт был вызван намерениями Аргентины национализировать крупнейшую нефтегазовую компанию YPF, 57% акций которой принадлежит испанской компании Repsol. В соответствии с законопроектом национализации «в целях общественного блага» подвернется 51% YPF. Экспроприированные активы будут примерно поровну распределены между федеральным правительством и региональными властями. Независимая газета. 2012. 18 апреля.
24. Независимая газета. 2012. 18 апреля.
25. El Pais. 2012. enero
26. URL: <http://rusradio.es/news/news/show/title/obama>
27. Trinidad Jiménez. La «primavera árabe»: una visión personal // El País. 2011. 16 de noviembre.
28. José Manuel García-Margallo. Comparecencia del ministro de asuntos exteriores y de cooperacion ante la Comision mixta para la Union Europea del Congreso de los Diputados. 2012. 26 de junio.
29. El Pais. 2011. 7 de febrero.
30. URL: <http://www.euronews.com>.
31. ИТАР-ТАСС. 2011. 1 дек.
32. URL: <http://www.euronews.com>.
33. URL: <http://www.rg.ru/2012/01/23/>
34. Яковлев. П.П. Там же.
35. URL: <http://www.expansion.com/2012/03/16/>

Интеграционные дилеммы Единого экономического пространства

С.А. Афонцев

В статье рассмотрены политико-экономические дилеммы, связанные с развитием интеграционного проекта Единого экономического пространства (ЕЭП) России, Беларуси и Казахстана. Проанализированы вопросы, связанные с выбором оптимального формата интеграционного взаимодействия, перспективами расширения ЕЭП за счет новых стран-членов и устранением барьеров для торгово-инвестиционного сотрудничества. Показана целесообразность скорейшей выработки единых норм экономического регулирования (в том числе на основе гармонизации технических стандартов ЕЭП с техническими стандартами ЕС), а также заключения соглашений о свободной торговле с ЕС и странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Углубление экономической интеграции на постсоветском пространстве является одним из главных приоритетов внешней политики России, реализация которого имеет принципиальное значение для повышения роли страны в мировой системе. В последние годы на этом направлении достигнут значительный прогресс, связанный с созданием в 2010 г. Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана, а также с последующим формированием на его основе Единого экономического пространства (ЕЭП) с развитым набором наднациональных институтов. Политическая воля, продемонстрированная руководством трех стран, позволила успешно преодолеть «интеграционную инерцию», долгое время царившую в регионе СНГ. В то же время дальнейшее развитие интеграционного проекта ЕЭП неизбежно связано с решением ряда содержательных вопросов, требующих учета как международного опыта формирования региональных интеграционных объединений (РИО), так и политико-экономических интересов ключевых

участников интеграционного взаимодействия, включая правительства стран-членов и стран – потенциальных кандидатов на вступление в ЕЭП, а также экономических акторов, представляющих соответствующие страны. При этом традиционные для изучения интеграционных процессов дилеммы – такие, как противоречие между углублением и расширением интеграции или выбор между единой траекторией интеграции и стратегией «разноскоростной интеграции», – в случае ЕЭП отходят на второй план, уступая место другим, политически не менее острым дилеммам.

Модель ЕС или «новый регионализм»?

До середины 1990-х гг. большинство исследователей и экспертов исходило из существования единой модели формирования РИО, для которой была характерна доминирующая роль политических драйверов интеграции и высокая степень институционализации, связанная с передачей на наднациональный уровень развернутого набора функций экономического

Афонцев Сергей Александрович – д.э.н., профессор МГИМО(У) МИД России, заведующий отделом экономической теории ИМЭМО РАН. E-mail: afontsev@gmail.com

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Международно-политические и правовые аспекты интеграционных проектов с участием Российской Федерации», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (Соглашение № 8015).

регулирования. При этом предполагалось, что близкий уровень экономического развития и высокая степень общности интересов стран-членов должны обуславливать последовательное движение каждого вновь создаваемого РИО по своеобразной «лестнице интеграции» – от зоны свободной торговли через таможенный союз и общий рынок к экономическому и валютному союзу, а возможно, и к политической интеграции. Восхождение на каждую новую «ступеньку» интеграции воспринималось как передача на наднациональный уровень все более широкого круга функций, логически вытекающая из достижений предыдущей стадии интеграции и создающая предпосылки для перехода на следующую, более высокую стадию.

Во второй половине 1990-х гг. стало очевидно, что единственное РИО, отвечающее традиционной модели «лестницы интеграции», является Европейский союз. Напротив, большинство РИО – как вновь создаваемых, так и уже функционировавших на протяжении длительного времени – очевидным образом не укладывалось в описанную схему. Наиболее важное отличие заключалось в том, что большинство эффективно функционирующих РИО имело характер зон свободной торговли (ЗСТ) либо по официальному, либо по фактическому статусу, но не проявляло реальных признаков движения вверх по «лестнице интеграции»¹. При этом ключевыми для формирования региональных группировок стали экономические, а не политические факторы. Принятие политических решений выступало не в качестве самостоятельной движущей силы интеграции, а в качестве реакции на проблемы экономического характера и интеграционные инициативы, исходящие непосредственно от представителей бизнес-сообществ.

В 2000-х гг. данная модель, получившая название «нового регионализма», получила дальнейшее развитие. С одной стороны, наблюдается устойчивый дрейф соглашений о свободной торговле в сторону формата ЗСТ+, для которого характерна не только либерализация торговли между странами-членами, но и либерализация движения капитала, в первую очередь – прямых иностранных инвестиций. С другой стороны, по модели «нового регионализма» стали формироваться не только РИО, но и региональные сети двусторонних и многосторонних соглашений о свободной торговле (в том числе с участием региональных РИО как полноправных сторон соответствующих соглашений). Особенно активно этот процесс идет в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где знаковыми событиями стало создание ЗСТ между КНР и блоком АСЕАН в 2010 г., а также выдвижение инициативы создания Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (ФТААП), поддержанной декларацией Саммита АТЭС во Владивостоке в сентябре 2012 г.².

Опыт реализации интеграционного проекта ЕЭП (создание интеграционного объединения

в форме таможенного союза с форсированным выходом на более высокие уровни интеграции, создание полномочных наднациональных институтов, доминирующая роль политических драйверов в принятии интеграционных решений), а также заявления политических лидеров недвусмысленно указывают на желание повторить «историю успеха» Европейского союза. Все они свидетельствуют о том, что модель ЕС является основным ориентиром для интеграции на постсоветском пространстве. В то же время существует ряд факторов, указывающий на настоятельную необходимость дополнить интеграционную модель ЕЭП механизмами, присущими модели «нового регионализма»:

– во-первых, масштаб внутриблоковой торговли стран ЕЭП (порядка 15%) существенно уступает не только показателям ЕС (свыше 60%), но даже южноамериканскому МЕРКОСУР³. При этом анализ страновой структуры внешней торговли стран-членов ЕЭП показывает, что фактически только торговля Беларуси с Россией и импорт Казахстана из России играют определяющее значение для внешнеторговых связей соответствующих стран⁴;

– во-вторых, имеющиеся на сегодняшний день данные не позволяют говорить о том, что реализация интеграционного проекта ЕЭП привела к опережающему росту торговли стран-членов. В частности, темпы восстановления экспорта России и Казахстана в страны-партнеры по ЕЭП в 2010–2011 гг. были заметно ниже, чем темпы восстановления совокупного экспорта России и Казахстана⁵. Максимальные темпы роста экспорта в страны ЕЭП продемонстрировала Беларусь, однако даже здесь картина неоднозначна. В 2011 г. темпы роста белорусского экспорта в Россию и Казахстан (43,4 и 35,9% соответственно) оказались меньше темпов роста белорусского экспорта в не входящие в ЕЭП Украину (63,0%), Молдову (47,0%) и Азербайджан (42,7%)⁶;

– в-третьих, несмотря на значительный потенциал инвестиционно-технологического сотрудничества между странами ЕЭП, основными их партнерами в данной сфере на обозримый период останутся экономически развитые страны, существенно опережающие их как по технологическому уровню, так и по инвестиционным возможностям. В этих условиях приоритетным направлением развития внешнеэкономических связей является сотрудничество в формате «нового регионализма» между ЕЭП и ЕС (с выходом на реализацию идеи ЗСТ «от Лиссабона до Владивостока», выдвинутой В.Путиным в 2010 г. и подтвержденной им в ходе предвыборной кампании 2012 г.⁷), а также со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Важнейшими пилотными проектами могут стать переговоры по созданию ЗСТ с Вьетнамом и Южной Кореей, опыт которых впоследствии может быть распространен на взаимодействие ЕЭП с другими странами региона.

Темпы расширения: торопиться или нет?

Принципиальное значение для будущего ЕЭП имеет вопрос о том, состоится ли (и если состоится, то когда и в каком формате) его расширение за счет новых стран-членов. К настоящему времени в качестве реальных кандидатов на присоединение к ЕЭП рассматриваются Украина, Кыргызстан и Таджикистан. Хотя данные страны объективно имеют высокий потенциал углубления сотрудничества с нынешними членами ЕЭП, существует целый ряд обстоятельств, заставляющих с осторожностью относиться к возможности их форсированного включения в ЕЭП:

1) Украина и Кыргызстан, как члены ВТО, имеют более низкий средневзвешенный уровень импортных таможенных пошлин, чем страны ЕЭП. По условиям присоединения к ВТО Россия по истечении переходного периода должна выйти на средневзвешенный уровень импортных пошлин, составляющий 7,1%, что существенно превосходит текущие показатели Украины (менее 4%) и Кыргызстана (порядка 5%). Как страны-члены ВТО, Украина и Кыргызстан не могут привести свои импортные пошлины в соответствие со ставками Единого таможенного тарифа ЕЭП (даже при том, что он будет адаптирован к обязательствам России перед ВТО) без значительных штрафных санкций, а возможно, и исключения из организации, что повлечет за собой непоправимые репутационные издержки;

2) оценки экономических последствий расширения ЕЭП не позволяют говорить о возможности получения значительных выгод как для нынешних, так и для потенциальных стран-членов. В частности, применительно к Украине положительный эффект вхождения страны в ЕЭП (без дополнительных предположений о повышении технологического уровня экономики) к 2020 г. не превысит 1% ВВП⁸. Фигурирующие в прессе оптимистичные оценки выгод Украины от вступления в ЕЭП (порядка 8–10 млрд долл.) опираются на расчет эффектов, связанных со снижением цены поставляемых в данную страну энергоносителей (как это было ранее сделано в отношении Беларуси). При этом необходимо осознавать, что выигрышу Украины в данном случае будут соответствовать эквивалентные потери России, то есть будет иметь место не выигрыш от интеграции, а чистый трансферт благосостояния от граждан России к гражданам Украины⁹. Обоснованность такого трансферта, по меньшей мере, вызывает вопросы с точки зрения интересов российских граждан;

3) существуют значимые политические факторы, оказывающие сдерживающее влияние на темпы возможного расширения ЕЭП:

– в случае с Украиной таким фактором выступает четко выраженная ориентация значительной части политической и экономической элиты на более тесное сотрудничество с ЕС, подкрепляемая расчетами возможных экономических выгод от данного шага¹⁰;

– применительно к Кыргызстану и Таджикистану дополнительный фактор риска состоит в том, что возможное включение в единое таможенное пространство ЕЭП этих стран существенно затруднит для России борьбу с наркотрафиком. Отмена таможенного контроля грузов из Кыргызстана и Таджикистана при присоединении этих стран к ЕЭП будет означать рост поставок наркотиков в Россию, а применение более жесткого режима «нетамового» (в том числе полицейского) контроля грузов из соответствующих стран будет создавать почву для коррупции и обвинений России в дискриминации Кыргызстана и Таджикистана.

Совокупность перечисленных обстоятельств побуждает без излишнего энтузиазма относиться к оценке перспектив расширения ЕЭП, тщательно взвешивая политические выгоды и риски взаимодействия с конкретными странами-кандидатами и обеспечивая положительный баланс экономических выгод интеграции для всех стран-участниц.

Направления интеграции: что кроме торговли?

Важная особенность интеграционных процессов в современном мире состоит в сочетании мер, связанных с регулированием кроссграничного движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы и мер по согласованию правил регулирования хозяйственных процессов непосредственно в рамках национальных экономик, включая гармонизацию технических стандартов, режима доступа на рынки, налоговых систем и т.д. Отсутствие такой гармонизации может выступать в роли фактора, сдерживающего развитие сотрудничества не в меньшей степени, чем барьеры «на границе» (так, высокие издержки сертификации ввозимой продукции являются для импортера прямым эквивалентом импортных пошлин). В настоящее время в рамках ЕЭП существуют значительные возможности для достижения прогресса по обоим направлениям сотрудничества.

С точки зрения устранения барьеров для кроссграничного взаимодействия принципиальное значение имеет тот факт, что на фоне прогресса, достигнутого в сфере создания единых механизмов регулирования внешней торговли и миграции рабочей силы¹¹, успехи в деле гармонизации инвестиционных правил остаются скромными. Поэтому в период 2013–2015 гг. особое внимание следует уделить созданию правовой базы, направленной на либерализацию и усиление защиты взаимных инвестиций стран ЕЭП. В настоящее время в Беларуси и Казахстане существуют значительные инвестиционные возможности, представляющие интерес для российских компаний. В то же время проблемы доступа российских компаний к приобретению активов на территории указанных стран и особенно защиты прав собственности на приобретенные активы препятствуют использованию соответствующих возможностей.

Необходимо максимально упростить процедуры осуществления взаимных инвестиций в странах ЕЭП, в том числе при приватизации контрольных пакетов акций компаний, находящихся в государственной собственности, обеспечить безусловное соблюдение прав инвесторов при реализации ими прав на приобретенные активы (гарантии от национализации, рейдерских захватов и избирательного – в отношении конкретных компаний – пересмотра регуляторных условий). Все связанные с ущемлением прав инвесторов спорные ситуации, если они не могут найти разрешения в судебном порядке, должны становиться объектом публичных обсуждений на уровне Евразийской экономической комиссии. Принципиально важно, чтобы соответствующие нормы, связанные с либерализацией и защитой взаимных инвестиций, распространялись на все компании-инвесторы независимо от их размера и формы собственности (государственные компании не должны получать приоритет перед частными).

Еще сложнее обстоит дело с гармонизацией национальных норм регулирования экономической деятельности. Создание ЕЭП не привело к ожидавшейся быстрой гармонизации национальных систем регулирования. Наибольшие надежды связывались с распространением на Россию и Беларусь позитивного опыта Казахстана, который в 2000-х гг. активно заимствовал технические стандарты стран ЕС и проводил активную политику по улучшению инвестиционного климата (устранение административных барьеров, снижение налогового бремени, упрощение регуляторного режима). Этим надеждам, однако, пока не суждено было сбыться. Более того, формирование ЕЭП в ряде случаев привело к возникновению барьеров там, где их прежде не было. В частности, после создания ЕЭП транзитные перевозки между Россией и Казахстаном, ранее считавшиеся международными, стали облагаться НДС. Это привело к удорожанию ввозимых на территорию Казахстана комплектующих на 12–15% и соответствующему росту транспортных издержек казахстанских экспортеров¹². Скорейшее устранение подобных эксцессов, компрометирующих саму идею глубокой интеграции, является первоочередным приоритетом деятельности Евразийской комиссии.

Следующим шагом на пути гармонизации регуляторного режима трех стран должна стать скорейшая адаптация технических стандартов ЕС. В связи с этим Евразийская экономическая комиссия должна получить мандат на выполнение следующих функций:

- во-первых, это прямое заимствование (с возможными обоснованными корректировками, в том числе с учетом иных международных стандартов) технических стандартов ЕС в тех областях, где в странах ЕЭП технические стандарты отсутствуют;
- во-вторых, идентификация областей, где российские и европейские стандарты и параметры технического регулирования не совпадают, и определение целесообразности (или нецелесообразности) использования стандартов ЕС в данных сферах;

– в-третьих, ведение переговоров с соответствующими органами ЕС по вопросу о взаимном признании технических стандартов в тех сферах, где гармонизация технических стандартов со стандартами ЕС признана нецелесообразной.

Реализация данных функций обеспечит позитивные результаты как в плане взаимодействия между странами-членами ЕЭП, которые смогут воспользоваться проверенной опытом европейской системой стандартов, так и для развития сотрудничества со странами ЕС. Использование единой системы стандартов будет содействовать как развитию инвестиционно-технологического сотрудничества, так и росту несырьевого экспорта в страны ЕС. В перспективе гармонизация технических стандартов ЕЭП и ЕС будет служить важным фактором, способствующим повышению выгод от создания зоны свободной торговли между соответствующими интеграционными блоками¹³.

Что касается разработки более глубоких форм интеграции, связанных с передачей на наднациональный уровень отдельных функций выработки макроэкономической политики и тем более с переходом на единую валюту, то предложения такого рода следует оценивать крайне осторожно. С одной стороны, даже нынешние страны-члены ЕЭП существенно различаются по характеру макроэкономических вызовов и приоритетов макроэкономической политики. В случае дальнейшего расширения ЕЭП степень макроэкономической гетерогенности будет только возрастать. Кризис в еврозоне наглядно показывает, к чему ведет искусственное применение единых стандартов макроэкономической политики в странах, объективно нуждающихся в использовании разных политических инструментов реагирования на разные экономические вызовы. С другой стороны, представляется принципиально важным сконцентрировать интеграционные усилия на достижении наглядных практически значимых результатов, демонстрирующих выгоды функционирования ЕЭП для максимально широкого круга экономических субъектов. Иными словами, акценты должны быть перенесены с макро- на микроуровень. Выгоды от интеграции должны в первую очередь чувствовать бизнес и рядовые потребители – в этом случае интеграционный проект ЕЭП будет иметь широкую поддержку и получит возможность для поступательного развития в интересах большинства граждан.

Afontsev S.A. Integration Dilemmas of the Common Economic Space.

Summary: The paper addresses key political economy dilemmas associated with the formation of the Common Economic Space (CES) by Russia, Belarus, and Kazakhstan. Analysis is focused on alternative integration strategies, prospects of the CES enlargement, and elimination of trade and investment barriers. Unification of regulatory norms and technical standards using the EU experience as well as negotiating free trade agreements with the EU and countries of the Asia-Pacific are shown to be crucial for the future of the CES project.

Ключевые слова

Экономическая интеграция, Единое экономическое пространство, «новый регионализм».

Keywords

Economic integration, Common economic space, new regionalism.

Примечания

1. Афонцев С.А. От Таможенного союза к Единому экономическому пространству: возможности и риски // ЭКО. 2012, № 6. С.94–112.
2. 2012 Leaders' Declaration. Vladivostok Declaration – Integrate to Grow, Innovate to Prosper. Vladivostok, Russia, September 8–9, 2012 (http://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2012/2012_aelm.aspx).
3. Ивантер А. Сюрпризы евразийского венчура // Эксперт. № 42(824). 22 октября 2012 г. (<http://expert.ru/expert/2012/42/syurprizyi-evrazijskogo-venchura>);
4. В 2011 г. на Россию приходилось более 30% белорусского экспорта, более 50% белорусского импорта и более 40% импорта Казахстана.
5. В частности, совокупный экспорт России в 2011 г. составил 110,3% от уровня 2008 г., в то время как соответствующие показатели для российского экспорта в Казахстан и Беларусь составляли 105,8% и 98% соответственно (www.cbr.ru; <http://gtk.gov.by>; <http://www.stat.kz>; <http://www.tsouz.ru/db/stat/Pages/default.aspx>).
6. Итоги внешней торговли Республики Беларусь за январь–декабрь 2011 г. (http://gtk.gov.by/ru/stats/itogi_2011/jan_dek_2011).
7. Путин В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27 февраля 2012 г.
8. Украина и Таможенный союз. Комплексная оценка макроэкономического эффекта различных форм глубокого экономического сотрудничества Украины со странами Таможенного союза и Единого экономического пространства // Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития. Доклад №1. 2012. С.15.
9. Существенно, что позитивное влияние данного трансферта для украинской экономики будет отчасти нейтрализовано: ведь присоединение Украины к ЕЭП будет означать повышение средневзвешенного уровня импортных пошлин более чем в 2,5 раза, а пошлин на инвестиционные товары – более чем в 3,5 раза, что не может не оказать негативного влияния как на благосостояние потребителей, так и на инвестиционный процесс.
10. Shepotylo O. A Gravity Model of Net Benefits of EU Membership: The Case of Ukraine // Journal of Economic Integration, 2010, v.25, no.4, p.676–702.
11. Трудовая миграция в ЕЭП: Анализ экономического эффекта и институционально-правовых последствий ратификации соглашений в области трудовой миграции // Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития. Доклад №3. 2012.
12. С какими проблемами сталкиваются бизнесмены стран Таможенного союза? // BNews.kz, 2 октября 2012 г. (<http://www.bnews.kz/ru/news/post/103617>).
13. В настоящее время отсутствуют исследования, посвященные оценке эффектов создания зоны свободной торговли между ЕЭП и ЕЭС. Вместе с тем имеющиеся оценки формирования ЗСТ между Россией и ЕС однозначно свидетельствуют о выгоде такого формата для России, что позволяет говорить о том, что ЗСТ между ЕЭП и ЕЭС будет отвечать интересам России (Jarochinska E., Maliszewska M. and Scasny M. Modeling Economic, Social and Environmental Implications of a Free Trade Agreement between the European Union and the Russian Federation // CASE Network Reports no.93. Warsaw: CASE, 2010).

Новая программа стимулирования экономики Китая

И.А. Насибов

Замедление темпов экономического роста в Китае было спровоцировано не только последствиями глобального финансово-экономического кризиса. Действия китайского правительства также были направлены на «охлаждение экономики» для снятия существующих социально-экономических дисбалансов. В результате кризиса и действий правительства темпы развития китайской экономики снизились до критического уровня. В сложившейся ситуации правительство КНР приняло решение о запуске новой программы стимулирования национальной экономики. Эта программа качественно отличается от стимулирующей программы 2008–2009 гг.

В 2010 г. мировая экономика вышла из самого глубокого за последние десятилетия глобального финансово-экономического кризиса. В 2009 г. сокращение объема мирового ВВП составило 0,7%, а в 2010 г. мировой ВВП увеличился на 5,1% – один из самых высоких показателей за последние двадцать лет¹. Однако последствия кризиса ощущаются до сих пор. На сегодняшний день Китай является основой экономического развития стран Тихоокеанской Азии (ТА)². Китай занимает второе место в мире по объему ВВП, первое место – по объему экспорта, второе – по объему импорта³. Китай является региональным лидером по объему привлекаемых иностранных инвестиций. И что самое главное – предоставляет странам ТА торговые и деловые возможности. Экспорт в Китай, ведение там бизнеса и предоставление различных услуг для китайских клиентов стимулируют экономический рост всего региона.

Доля Китая в общем объеме внутрирегиональной торговли ТА существенно возросла с 42,3% в 2000 г. до 62% в 2010 г., то есть более 60% внутрирегиональной торговли составлял товарооборот между Китаем и другими странами и территориями Тихоокеанской Азии⁴. Такая ситуация

таит в себе существенные риски. Если экономический рост Китая резко замедлится, весь регион испытает на себе сильнейший шок. Именно от способности Китая преодолевать последствия глобального финансово-экономического кризиса зависит дальнейшее экономическое и политическое развитие не только стран Тихоокеанской Азии, но и всего мира в целом.

В период 11-й пятилетки (2006–2010 гг.), то есть в частично докризисный период, Китай добился значительных экономических успехов. Был реализован ряд крупных инфраструктурных проектов в сфере транспорта, энергетики и жилищного строительства. За 5 лет было:

- построено более 190 тыс. домов экономкласса;
- введено в эксплуатацию 120 крупных ирригационных сооружений;
- увеличилось количество аэропортов (в настоящее время – более 190);
- протяженность железных дорог выросла на 16 тыс. км;
- скоростные автотрассы удлинились на 32 тыс. км, достигнув 73 тыс. км⁵.

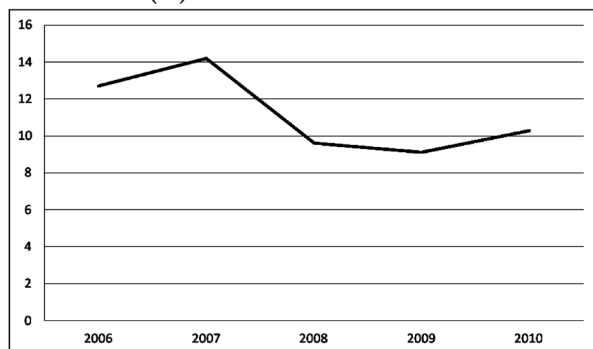
Теперь Китай занимает второе место в мире по протяженности скоростных автотрасс, уступая только США;

Насибов Идаят Адолат оглы – атташе Департамента азиатского и тихоокеанского сотрудничества МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

- пенсии увеличились с 900 до 1200 юаней в месяц;
- за 2006–2009 гг. среднегодовой рост ВВП составил 11,4%, что на 1,6 процентных пункта превышает показатель 10-й пятилетки, составлявший 9,8% (рис. 1)⁶.

Рис. 1

Темпы прироста ВВП Китая в годы 11-й пятилетки (%)

Источник: Национального статистического бюро КНР.
www.stats.gov.cn

Благодаря программе поддержки экономики Китай сохранял быстрые темпы роста даже во время кризиса. Как уже было отмечено, рост ВВП по итогам 9 месяцев 2010 г. составил 10,6%. Однако мировые потрясения все же негативно сказались и на Китае, и проявились они в:

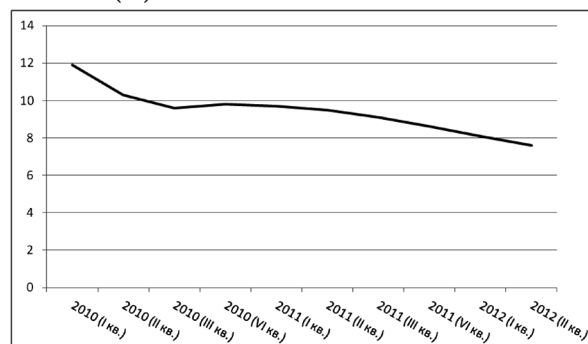
- почти трехкратном падении капитализации фондового рынка в 2008 г. по сравнению с 2007 г.;
- уменьшении объемов экспорта по итогам 2009 г. на 13%⁷;
- сокращении прямых иностранных инвестиций по итогам 2009 г. на 2,6%.

Однако главным следствием кризиса, с точки зрения китайского руководства, стал рост безработицы. В городах безработица выросла незначительно (с 4,1 до 4,3%), в сельских областях работу потеряли около 30 млн человек. Кроме того, число безработных пополнилось за счет выпускников вузов, количество которых в 2009 г. составило 6,1 млн, в дополнение к 800 тыс. выпускников прошлого года, также не нашедших работу.

Последствия кризиса Китай переживает до сих пор. В 2011 г. среднегодовые темпы прироста китайского ВВП составили 9,2%⁸, что почти на 1 процентный пункт ниже, чем в 2010 г. В первом квартале 2012 г. данный показатель снизился до 8,1%⁹, а во втором достиг своего трехлетнего минимума – 7,6% (рис. 2)¹⁰.

Продолжают снижаться темпы прироста объема прямых иностранных инвестиций в Китай. В 2011 г. соответствующий показатель вырос на 9,7%, что было ниже уровня 2010 г. почти на 7 процентный пункт. За первые семь месяцев 2012 г. объем привлеченных иностранных инвестиций сократился на 3,6% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года¹¹. В 2011 г. снизились темпы прироста объемов экспорта и импорта по сравнению с 2010 г. на 11 и 13,8 процентный пункт. соответственно. В июле 2012 г. объем китайского экспорта увеличился всего на 1% и составил 176 млрд долл., что ниже соответствующего показателя за 2011 г. на 11%¹².

Рис. 2
Темпы прироста ВВП Китая в 2011–2012 гг. (%)

Источник: Национальное статистическое бюро КНР.
www.stats.gov.cn

Однако резкого падения экономических показателей не наблюдается. Несмотря на замедление, темпы экономического роста Китая все так же высоки, что особенно хорошо видно на фоне других стран (табл. 1). Поэтому, на наш взгляд, говорить о «жесткой посадке» КНР преждевременно.

Таблица 1

Темпы ежегодного прироста ВВП Китая, США, Японии, Германии и России в 2005–2011 гг.

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2010
Китай	11,3	12,7	14,2	9,6	9,2	10,4	9,2	4555
США	3,1	2,6	1,9	-0,4	-3,5	3,0	1,7	1402
Япония	1,9	2,0	2,4	-1,2	-6,3	4,0	-0,7	2367
Германия	0,7	3,7	3,3	1,1	-5,1	3,7	3,0	-1040
Россия	6,4	8,2	8,5	5,2	-7,8	4,0	4,3	1826

Источник: Конференция ООН по торговле и развитию.
http://unctad.org

Следует заметить, что замедление темпов роста китайской экономики происходит не только из-за ухудшившейся внешнеэкономической обстановки. В действиях правительства КНР, которое не раз заявляло о необходимости снизить соответствующие темпы до примерно 8%¹³, также просматривается стремление «охладить экономику». По мнению китайских властей, такое охлаждение способствовало бы ослаблению дисбалансов, которые сложились за время быстрого роста экономики (загрязнение окружающей среды, увеличение разницы в доходах между бедными и богатыми, высокий уровень безработицы, экспортоориентированная экономика и т.д.).

Целенаправленное замедление экономики началось еще в 2007 г., когда среднегодовые темпы прироста ВВП составили более 14%, путем снижения инвестиций в инфраструктуру, а также ограничения кредитной политики. Эти действия совпали с финансовым кризисом, и темпы прироста ВВП действительно сократились до рекордно низких 6,1% в первом квартале 2009 г. Учитывая сложившуюся ситуацию, правительство приняло ряд мер, направленных теперь на разогрев экономики. Эти меры включали в себя пакеты финансового стимулирования экономики общим объемом порядка 1 трлн. Долл. США¹⁴. В результате «кризисные» темпы экономического развития КНР составили 9,2% в 2010 г.

Однако в результате масштабных денежных вливаний в национальную экономику были запущены инфляционные процессы. Своего максимума в 6,5% рост индекса потребительских цен достиг в июле 2011 г., а по итогам года этот показатель составил 5,4%. Основной проблемой стал рост цен на пищевые продукты (более 11% в 2011 г.)¹⁵. С помощью очередного ограничения кредитной политики с высокой инфляцией удалось справиться. В первом квартале 2012 г. индекс потребительских цен вырос всего на 3,8% (на 1,6 пп. ниже соответствующего периода 2010 г.). Цены на продукты питания выросли на 8%¹⁶.

Одним из драйверов экономического роста КНР является рынок недвижимости. Местные правительства получают около 50% от стоимости жилья в форме сборов и налогов. Во второй половине 2009 г. цены на жилье резко пошли вверх:

- во-первых, из-за неудовлетворенного спроса;
- во-вторых, из-за спекулятивного спроса в период кризиса (юридические лица инвестировали свой капитал в наиболее надежные активы).

Для недопущения формирования «мыльного пузыря» на рынке недвижимости регуляторами был повышен налог на продажу жилья на вторичном рынке, введен обязательный 40-процентный авансовый платеж на покупку второй квартиры. Эти шаги оказались достаточно эффективными, и в первой половине 2010 г. продажа жилья на основных рынках страны в Пекине и Шанхае сократилась на 56,6 и 53,0% соответственно¹⁷.

Кроме того, сократились темпы прироста объема инвестиций в строительство, продолжает сокращаться объем проданной жилой и коммерческой площади, а также темпы прироста площади земель, переданных под застройку. На данный момент рынок затормозился до такой степени, что стали раздаваться призывы со стороны региональных властей о необходимости выкупа уже построенного жилья за счет государственных средств и последующей сдачи его в аренду.

В результате действий и центрального правительства, а также из-за неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктуры, темпы экономического развития Китая действительно значительно замедлились. Причем китайские власти понизили планируемые темпы прироста ВВП в 2012 г. до 7,5%¹⁸, подчеркивая, что достижение даже таких «скромных» показателей потребует колоссальных усилий. Основные опасения связаны с сокращением экспорта китайской продукции в ЕС и США, в том числе из-за повышения ее стоимости в связи с ростом заработной платы в Китае, удорожания бензина, дизельного топлива, электричества и других факторов производства на внутреннем рынке.

Учитывая негативную экономическую ситуацию, угрожающую политической стабильности, время для запуска новой стимулирующей программы, видимо, пришло. Однако эта программа достаточно сильно отличается от программы 2008 г. Во-первых, нынешняя программа не принята в качестве генерального плана, а состоит из отдельных действий китайского правительства. Во-вторых, эта программа носит более узкий, специализированный характер, то есть сосредоточение финансовой поддержки только

тех отраслей, которые способствуют модернизации экономики.

В рамках программы вновь начаты инфраструктурные проекты, замороженные во время мирового кризиса. Запущена программа льготного кредитования малого и среднего бизнеса. Объявлено о запуске программы субсидирования покупки энергоэффективных товаров общим объемом более 5 млрд долл. Запущена программа утилизации старых автомобилей. И самое главное – определены стратегические отрасли для финансирования:

- производство энергоэффективных товаров;
- защита окружающей среды;
- информационные технологии;
- биоинжиниринг;
- производство высокотехнологичного оборудования;
- новые источники энергии;
- новые материалы;
- автомобили на альтернативных источниках топлива.

Отдельные стимулирующие программы были запущены и на местном уровне. В рамках такой программы, рассчитанной на три года, в городе Чунцин будут осуществлены инвестиции в информационно-коммуникационную, автомобильную и химическую промышленность, а также в производство высокотехнологичного оборудования. Общий объем программы составит более 230 млрд долл.¹⁹ В Тяньцзине в течение четырех лет будут осуществлены инвестиции в химическую, нефтеперерабатывающую, авиационную и космическую промышленность. Объем программы составит более 230 млрд долл.²⁰ О стимулирующих программах объемом более 620 млрд долл. также заявили города Нинбо (провинция Чжэцзян), Наньцзин (провинция Цзянсу) и Чанша (провинция Хунань)²¹.

В финансовой сфере, основные действия китайского правительства по стимулированию экономического развития направлены на увеличение объема кредитов для населения, а также средних и малых предприятий путем снижения резервной ставки, которая уменьшалась несколько раз с начала года. По оценкам специалистов, такое снижение дополнительно выведет около 60 млрд долл. на рынок кредитования. Наблюдаются признаки отказа от ограничения роста рынка недвижимости – в некоторых провинциях снижен размер первоначального платежа за квартиру. В июле 2012 г. средняя стоимость жилья в 100 крупнейших городах Китая выросла на 0,33% и составила около 1400 долл. за квадратный метр²².

Постепенно реформируется налоговая система – в Пекине и Шанхае запущен пилотный проект по введению налога на добавленную стоимость для малых и средних предприятий сферы услуг, что позволит им сэкономить около 40% от общего объема налоговых платежей. До 2015 г. сохранится 50-процентная налоговая льгота для малых и предприятий с низким уровнем доходов. Для стимулирования экспорта было отменено 184 разрешительных процедур, 117 процедур перенесено на более низкий административный уровень согласования, 13 – совмещены с другими процедурами²³.

В целом у Китая есть ресурсы для поддержания высоких темпов экономического роста. Растут налоговые поступления. Дефицит бюджета незначителен. Золотовалютные резервы огромны. Кроме того, озвучены планы по активному использованию средств частных китайских инвесторов. Положительные результаты программы по стимулированию экономики могут быть достигнуты уже к XVIII съезду Коммунистической партии Китая.

Политическая обстановка в Китае стабильна, несмотря на отдельные инциденты с представителями высшей власти. Главным внутривнутриполитическим событием Китая в 2012 г. станет XVIII съезд КПК, где закрепится расстановка сил в высшем руководстве КНР на последующее пятилетие. Назначение нового лидера в Китае – взвешенное решение, поэтому лишено всякой интриги накануне выборов. Костяк руководства уже известен. Это прежде всего Си Цзиньпин – будущий генеральный секретарь КПК Китая и Ли Кэцян – будущий премьер Госсовета КНР.

Главным вопросом в преддверие съезда остается конфигурация возможной политической реформы. Большинство высших чиновников, да и населения в целом не сомневаются в необходимости проведения большей демократизации страны. По всей вероятности, реформа пойдет по пути расширения избирательных прав на местах, привлечения к управлению не членов КПК на муниципальном и федеральном уровнях, а также по пути воспитания «ответственного избирателя».

Примечательным событием в год 90-й годовщины КПК может стать появление среди членов ЦК КПК большего количества бизнесменов. Самый богатый человек Китая, миллиардер Лян Вэньгань, уже успешно прошел первый круг согласований и станет одним из 300 членов ЦК КПК.

В целом экономическая обстановка в Китае стабильна. Правительству удалось справиться с ростом цен на товары и недвижимость, поэтому факторов, ограничивающих проведение более активной монетарной и фискальной политики по стимулированию экономики, нет. Тем более сейчас подходящий для этого момент и с политической точки зрения. Скорее всего, с третьего квартала 2012 г. темпы прироста ВВП будут набирать обороты. Экономический рост – залог социально-политической стабильности, а это безусловный приоритет китайского руководства.

Nasibov I. A. The new program of stimulation of economy of China.

Summary: Not only have the effects of the global financial and economic crisis provoked the slowdown in economic growth in China. A Chinese government policy was also aimed at cooling the economy to remove the existing socio-economic imbalances. As a result of the crisis and the actions of the government of China's economic growth fell to a critical level. In this situation, the government of China has decided to launch a new program to stimulate the national economy. However, this program is qualitatively different from the incentive program of 2008-2009.

Ключевые слова

Глобальный финансово-экономический кризис, Тихоокеанская Азия, экономика, Китай, стимулирующая программа.

Keywords

Global economic and financial crisis, Asia Pacific, economy, China, incentive program.

Примечания

1. Россия и мир: 2012. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта – А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 15.
2. Тихоокеанская Азия включает в себя: Тихоокеанские районы России, Китай, Японию, Южную и Северную Корею, страны АСЕАН, Австралию, Новую Зеландию и Папуа-Новую Гвинею (Тихоокеанская Азия: экономические и политические последствия глобального финансового кризиса / Отв. ред. – В.Б. Амиров, Е.А. Канаев, В.В. Михеев. М.: ИМЭМО РАН, 2010).
3. Целищев И.С. Восточная Азия: новая волна роста и структурная трансформация М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 31.
4. Там же. С.32.
5. <http://russian.people.com.cn/31518/7166511.html>
6. <http://fintimes.km.ru/novosti/ekonomika-kitaya/13278>
7. <http://www.legal-way.ru/news1079.php>
8. Национальное статистическое бюро Китая. <http://www.stats.gov.cn>
9. Там же.
10. China.org.cn. http://www.china.org.cn/business/2012-08/19/content_26277247.htm
11. Global Times. <http://www.globaltimes.cn/content/727469.shtml>
12. Там же.
13. Россия и мир: 2012. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта – А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 74.
14. Год планеты: ежегодник. Вып. 2010: экономика, политика, безопасность. Гл. ред. – чл.-корр. РАН В.Г. Барановский. М.: Идея-Пресс, 2011. С. 176.
15. Профиль. Притормозил, чтобы разогнаться. <http://www.profil.ru/article/pritormozil-chtoby-razognatsya-71034>
16. Там же.
17. <http://www.chinaknowledge.com/Default.aspx>
18. Bloomberg. <http://www.bloomberg.com/news/2012-03-04/china-targets-7-5-growth-this-year-as-european-debt-crisis-slows-exports.html>
19. The Wall Street Journal. http://online.wsj.com/article/SB1000087239639044443504577602830726946716.html?mod=googlenews_wsj
20. Там же.
21. Ecns.cn <http://www.ecns.cn/business/2012/08-27/23586.shtml>
22. Global Times. <http://www.globaltimes.cn/content/724691.shtml>
23. China.org.cn. http://www.china.org.cn/business/2012-08/23/content_26317546.htm

Участие России в международном экспорте капитала

А.С. Булатов

В статье анализируется вывоз капитала из России на фоне международного экспорта капитала, прежде всего из стран с формирующимся рынком, особенно стран БРИКС. Делается попытка выявить характерные черты российской модели экспорта капитала, ее воздействие на внутриэкономические процессы и возможности ее регулирования.

Размеры международного движения капитала, то есть его ввоза и вывоза из стран и территорий мира, рассчитываются на основе их платежных балансов. Однако из-за различного толкования термина «капитал» эти расчеты разнятся. В широком значении экспорт и импорт капитала той или иной страны охватывают все статьи счета операций с капиталом и финансовыми инструментами ее платежного баланса в нейтральном представлении, в том числе капитальные трансферты, приобретение/продажу произведенных не-финансовых активов и движение золотовалютных резервов. В узком (наиболее распространенном) значении международное движение капитала не включает последние три статьи платежного баланса. Далее будет использоваться именно это узкое значение. Добавим также, что МВФ рекомендует странам с большим нелегальным экспортом капитала включать в вывоз капитала и другие статьи платежного баланса, что и делает Банк России в своих расчетах чистого ввоза/вывоза капитала частным сектором нашей страны. Кстати, нелегальный вывоз капитала является главной причиной, почему в целом по миру вывоз капитала меньше ввоза капитала.

Масштабы, география и структура международного движения капитала

Масштабы международного движения капитала в мире огромны и вполне сопоставимы с масштабами мировой торговли. Так, в предкризисном 2007 г. мировой экспорт капитала составил 10,3 трлн, а экспорт товаров и услуг – 17,1 трлн долл. Однако международное движение капитала намного волатильнее: в следующем, кризисном 2008 г. мировой экспорт капитала сократился в 14 раз, тогда как экспорт товаров и услуг продолжал еще расти, сократившись лишь в 2009 г. на 20%.

Доминирующими экспортерами и импортерами капитала в мире являются развитые страны, а менее развитые страны (страны с формирующимся рынком) занимают второстепенные позиции (см. табл.1). Хотя доля стран с формирующимся рынком в международном движении капитала быстро растет, прежде всего за счет стран БРИКС, она остается заметно ниже их доли в мировом ВВП, приближающейся к 50%.

Булатов Александр Сергеевич – д.э.н., профессор, зав.кафедрой мировой экономики МГИМО(У) МИД России. E-mail: bulatov@mgimo.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Российское высшее образование в общемировом и европейском пространстве: соотношение приоритетов гармонизации и сохранение национальной специфики», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8560).

Таблица 1

Масштабы и география международного движения капитала за 2000–2010 гг., млрд долл., с накопленным итогом

	Экспорт капитала за 2000–2010 гг., всего	Импорт капитала за 2000–2010 гг., всего
Всего в мире	- 44129	50687
В т.ч. международные организации	- 683	649
Развитые страны	- 38229	42524
Страны с формирующимся рынком	- 5217	7514
Из них страны БРИКС	- 1862	3310
Россия	- 673	531
Китай (без Гонконга, Тайваня и Макао)	- 845	1624
Индия	- 88	468
Бразилия	- 207	548
ЮАР	- 49	139
Остальные крупные страны с формирующимся рынком**	- 3355	4204
Польша	- 70	290
Турция	- 73	326
Саудовская Аравия	-199	139
Индонезия	- 74	83
Таиланд	- 48	70
Малайзия	- 144*	42*
Нигерия	- 75	5
Мексика	- 113	338
Аргентина	- 78	54
Венесуэла	- 183	35
Колумбия	- 39	92

*2000–2009 гг.

**Выделены страны-лидеры по объему ВВП, кроме Ирана, по которому нет данных об экспорте и импорте капитала.

Источник: IMF. Balance of Payments Statistics Yearbook. Part 2 за соответствующие годы.

Международное движение капитала фиксируется в платежных балансах в четырех формах: прямые инвестиции, портфельные инвестиции, финансовые деривативы, прочие инструменты. Вследствие либерализации международно-го движения капитала и соответственно все большего доступа национальных заемщиков к зарубежному кредиту доля прочих инвестиций (займы, ссуды, кредиты) в общем объеме вывоза и ввоза капитала имеет тенденцию к росту. Но также сохраняется высокой доля прямых инвестиций, особенно в кризисные годы (2002 г. и 2010 г.), что можно объяснить как высокой надежностью этих инвестиций, так и высоким уровнем транснационализации мировой экономики (транснационализация базируется на прямых инвестициях). Доля же портфельных инвестиций, доминировавших в прошлом, имеет тенденцию к снижению, хотя значение производных от них финансовых деривативов растет (см. табл. 2).

Таблица 2

Структура международного движения капитала в отдельные годы, млрд долл.

	Экспорт капитала			Импорт капитала		
	2002	2007	2010	2002	2007	2010
Всего	- 1838	-10293	- 3723	2313	11231	4555
Прямые инвестиции	- 662	- 2507	- 1414	745	2336	1402
Портфельные инвестиции	- 743	- 2521	- 1267	1079	3636	2367
Финансовые деривативы*	204	446	1152	- 215	- 572	-1040
Прочие инвестиции	- 637	- 5712	- 2194	703	5832	1826

*Финансовые деривативы являются производными от первичных ценных бумаг, то есть портфельных инвестиций, и поэтому в статистике международного движения капитала идут со знаком, противоположным портфельным инвестициям.

Источник: IMF. Balance of Payments Statistics Yearbook. Part 2 за соответствующие годы.

Экспорт капитала из стран с формирующимся рынком

Вначале обратимся к общим для этих стран (прежде всего зарубежных стран БРИКС) чертам участия в международном экспорте капитала: меньшая по сравнению с развитыми странами активность стран с формирующимся рынком в мировом экспорте капитала объясняется преимущественно их уровнем экономического развития (стадией инвестиционного развития по Даннингу)¹. Здесь еще не накоплены достаточные ресурсы капитала, особенно реального. Но главное – на стадии ранней индустриализации и тем более на стадии активной индустриализации потребность в капитале огромна. Это видно из того, что отношение прироста реального капитала к ВВП (норма валового накопления) в группе менее развитых стран выше, чем в группе развитых стран (см. табл. 3). Что касается импорта капитала, то недостаточный уровень экономического развития стран с формирующимся рынком (обычно коррелирует с показателями инвестиционного климата) также мешает импорту капитала.

Тем не менее вес этих стран в международном экспорте и импорте капитала быстро растет: с 5,5 и 8% в 2002г., до 11 и 15% в 2007 г. и 20 и 28% в 2010 г. Это происходит прежде всего за счет стран БРИКС с их крупными и динамичными экономиками. Среди них выделяется Китай, доля которого в мировом вывозе и ввозе капитала в 2000–2010 гг. составила 1,9 и 3,2% соответственно.

Для большинства из рассматриваемых стран с формирующимся рынком характерно преобладание ввоза капитала над его вывозом, то есть чистый импорт капитала. Однако у заметной части этих стран (6 из 16 стран с формирующимся рынком, включая Россию) картина противоположна – вывоз капитала превышает его импорт. Причем для всех этих стран характерно стабильно положительное сальдо текущего платежного баланса. Этим данная подгруппа стран отличается от остальных стран с формирующимся рынком, среди которых стабильно положительное сальдо текущего платеж-

■ Экономика

ного баланса в исследуемый период наблюдалось только у Китая. В указанной группе стран вывоз капитала во многом нелегален, о чем косвенно свидетельствуют стабильно большие и со знаком минус размеры статьи их платежного баланса под названием «Чистые ошибки и пропуски». МВФ в подобных случаях рекомендует рассматривать ее как составную часть нелегального вывоза капитала.

В структуре вывоза и ввоза капитала в страны с формирующимся рынком преобладают прямые и прочие инвестиции, что можно объяснить неразвитостью финансового рынка в большинстве этих стран.

Наконец, важной характеристикой экспорта капитала из указанных стран (к сожалению, из-за недостатка статистики ее можно проследить только по географии прямых инвестиций стран БРИКС) является их сильная ориентация на офшорные и офшоропроводящие страны (к последним относятся Великобритания и Нидерланды, обладающие сетью зарубежных офшорных юрисдикций). В подобных странах размещено 67% бразильских прямых инвестиций, 80% китайских (преимущественно в Гонконге), они преобладают в экспорте прямых инвестиций из Индии, ориентирующейся преимущественно на Маврикий².

Более того, основная масса прямых инвестиций в указанные страны также поступает из офшоров и офшоропроводящих стран: их доля в накопленных в Китае прямых иностранных инвестициях составляет 50% (в том числе инвестиций из Гонконга – 39%), в ввозимых прямых иностранных инвестициях в Индию – 66,5%, в том числе инвестиций из Маврикия – 43%. Таким образом, если судить по географии прямых инвестиций стран БРИКС, кругооборот капитала с использованием офшоров и офшоропроводящих стран характерен для стран-лидеров менее развитого мира. В зарубежных исследованиях ему даже присвоен специальный термин – capital round tripping.

Характерные черты российской модели экспорта капитала

Среди менее развитых стран-экспортеров капитала Россия по масштабам экспорта и импорта капитала уступает лишь Китаю (размеры ВВП которого в 2010 г. превосходили ВВП России по обменному курсу в 4 раза) и немногим превосходит Бразилию, Индию и остальные ведущие страны с формирующимся рынком. В целом за 2000–2010 гг. доля России в мировом

Таблица 3

Валовое накопление в различных странах и регионах мира, в процентах от ВВП

	В среднем за 1990–1997.	В среднем за 1998–2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012*	В среднем за 2014–2017*
Развитые страны	22,3	21,1	21,5	21,6	21,0	17,7	18,6	18,8	19,2	20,3
В т.ч. новые индустриальные страны Азии**	32,5	27,3	26,4	26,1	27,7	23,4	26,2	26,7	26,8	26,7
Страны с формирующимся рынком	26,2	25,1	27,8	29,2	30,1	30,5	31,0	31,8	32,1	33,0
В том числе Центральная и Восточная Европа	22,0	21,0	23,4	24,7	25,0	19,1	20,8	22,7	22,2	22,9
СНГ	...	20,2	23,0	26,7	25,2	19,1	21,4	24,4	24,9	27,3
Россия	25,4***	18,6****	21,2	24,4	25,1	18,6	22,3	24,6	...	...
Латинская Америка	21,1	20,5	21,7	22,6	23,8	20,6	21,8	22,7	23,0	23,7
Ближний и Средний Восток	24,4	23,4	22,9	26,3	27,1	29,0	27,8	26,6	26,3	27,6
Остальная Азия	33,6	31,9	37,0	36,9	38,3	41,4	41,2	41,7	42,1	41,6
Африка южнее Сахары	16,7	18,8	20,6	21,9	22,3	21,8	21,2	21,1	21,1	22,7

*Прогноз.

** Южная Корея, Сингапур, Гонконг, Тайвань.

*** Только за 1995 г.

**** Только за 2000 г.

Источник: Россия в цифрах. Краткий статистический сборник. М., 2012. С. 185; IMF. World Economic Outlook. April 2012. P. 217–218.

Таблица 4

Доля отдельных форм в экспорте и импорте капитала в странах и группах стран мира в целом за 2000–2008 гг., в процентах

Страны и группы стран	Весь экспорт капитала = 100			Весь импорт капитала = 100		
	прямые инвестиции	портфельные инвестиции и финансово-ые деривативы	прочие инвестиции	прямые инвестиции	портфельные инвестиции и финансовые деривативы	прочие инвестиции
Развитые страны	30	28	42	20	41	39
Страны с формирующимся рынком	25	23	52	60	11	29
в том числе Россия	30	2	68	42	- 4	62

Рассчитано по: IMF. Balance of Payments Statistics Yearbook. Part 2 за соответствующие годы.

вывозе капитала составила 1,5%, в то время как доля Китая равнялась 1,9%, Бразилии – 0,5%, Индии – 0,2%, ЮАР – 0,1%.

Огромные по меркам стран с формирующимся рынком масштабы вывоза капитала из России приводят к тому, что другой характерной чертой нашей страны является систематическое превышение экспорта над импортом капитала. Размеры последнего немалые (в 2000–2011 гг. на Китай приходилось 3,2% мирового импорта капитала, на Россию и Бразилию – более 1% на каждую, на Индию – менее 1%). По данным Банка России, лишь в 2006–2007 гг. у России наблюдался чистый ввоз капитала⁴.

На фоне остальных государств с формирующимся рынком Россия выделяется прежде всего как страна, в экспорте капитала которой преобладают прочие инвестиции, то есть займы, кредиты и банковские вклады. Добавим, что схожая картина наблюдается и в импорте капитала в Россию. К специфике участия России в международном движении капитала можно отнести большой нелегальный экспорт капитала. В платежном балансе он проходит по статьям «Чистые ошибки и пропуски» и «Сомнительные операции».

По расчетам автора, на обе эти статьи в 2009 г. пришлось 59% российского экспорта капитала, в 2010 г. – 47%, 2011 г. – 28%. В условиях, когда для экспорта капитала из России уже давно не требуется разрешения, ориентация российских экспортеров капитала на его нелегальный вывоз из страны может объясняться тем, что нелегальный экспорт капитала обеспечивает отечественным экспортерам капитала анонимность. Это немало важно в условиях слабой защиты собственности в нашей стране. Нелегальный вывоз капитала нужен также для вывоза из страны полученных взяток или для перевода взяток тем российским чиновникам, которые уже имеют счета в зарубежных офшорных юрисдикциях. В этих условиях наиболее распространенным механизмом осуществления нелегального экспорта капитала являются фирмы-однодневки⁵.

Что касается географии участия России в международном движении капитала, то данные Банка России о географии накопленных за границей российских инвестиций дают следующую картину (см. табл. 5).

Таким образом, основная масса российского капитала за рубежом осела в офшорах и офшоропроводящих странах (в частности, можно предположить, что основная часть инвестиций в Нидерланды в большинстве своем затем перетекает в офшорные Нидерландские Антиллы, а из Великобритании – в британские офшоры). Из этих же стран и территорий поступила и основная масса иностранных инвестиций в Россию. Подобный кругооборот капитала между Россией и офшорными территориями обслуживается наиболее удобной для подобного кругооборота формой международного движения капитала – прочими инвестициями.

Причины российской специфики экспорта капитала

Сделаем попытку проанализировать причины формирования в России специфической модели экспорта капитала, частично совпадающей и частично отличающейся от тех моделей экспорта капитала, которые сложились в остальных ведущих странах с формирующимся рынком. Проведем этот анализ под тремя разными углами:

1. *Специфика экспорта капитала из России как следствие высокого уровня развития отдельных отраслей ее экономики.* По сравнению с другими странами БРИКС Россия находится на более высоком уровне экономического развития (стадии инвестиционного развития), и это сказывается на специфике вывоза из нее капитала. Так, характерная для России высокая доля прямых инвестиций в этом вывозе (см. табл. 4) может быть объяснена высоким уровнем развития отдельных отраслей российской экономики. Это прежде всего нефтегазодобывающая и металлургическая отрасли, атомная энергетика и телекоммуникационные услуги.

Таблица 5

География накопленных иностранных инвестиций в экономике России и инвестиций из России, накопленных за рубежом, по состоянию на конец 2010 г., в процентах

Страны и группы стран	Накопленные российские инвестиции за рубежом				Накопленные иностранные инвестиции в России			
	всего	прямые	портфельные	прочие	всего	прямые	портфельные	прочие
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100
Офшорные страны и территории**	...	...	...	...	...	...	...	...
В.т.ч. Кипр	20,7	38,5	19,4	8,9	23,9	26,4	22,7	17,5
Люксембург	11,7	0,6	2,3	19,6	1,6	0,8	0	4,0
Швейцария	...	...	...	...	9,5	4,4	0,4	25,1
Брит. Виргинские о-ва	2,5	3,5	12,3	1,3	6,8	3,2	28,1	12,4
Офшоропроводящие страны***	...	...	...	...	...	...	...	...
В.т.ч. Нидерланды	13,5	1,9	0	10,3	24,8	4,3	1,4	4,1
Великобритания	7,2	3,0	50,2	7,8	3,9	4,1	0	4,1

Знак «0» означает величину менее 0,5 процента.

**Из списка офшорных юрисдикций Банка России.

***Страны, обладающие сетью зарубежных офшорных юрисдикций.

Рассчитано по: статистика Банка России.

В России ведущие компании этих отраслей испытывают проблемы насыщения рынка (нефтегазовые, металлургические, телекоммуникационные), и для них естественным выходом из этой ситуации является не только наращивание экспорта, но и создание производственных мощностей за рубежом для расширения сбыта. К тому же для ряда этих компаний создание зарубежных компаний стимулируется недостаточной ресурсной базой в самой России (алюминиевая промышленность и атомная энергетика), невозможностью активного расширения экспорта из-за характера их услуг (телекоммуникационные компании).

Говоря языком экономической теории, в ряде отраслей российской экономики существуют классические предпосылки для экспорта прямых инвестиций:

- наличие конкурентных преимуществ у ряда ведущих фирм для осуществления производственной деятельности за рубежом;
- высокая насыщенность отечественного рынка их продукцией и вытекающее из этого стремление расширить свой сбыт за счет зарубежных рынков;
- стремление к стабильному доступу к некоторым видам зарубежных ресурсов, которые дефицитны в России.

Вероятно, это важные причины того, что накопленные российские прямые инвестиции за рубежом превышают прямые инвестиции остальных стран с формирующимся рынком не только абсолютно (434 млрд долл. на конец 2010 г. против 298 млрд у Китая и 181 млрд долл. у Бразилии), но и абсолютно (более 3 тыс. долл. на душу населения)⁶. Однако основная масса прямых зарубежных инвестиций из России (три четверти, по данным Банка России) вложена в офшоропроводящие страны и особенно в офшоры с их ограниченными возможностями для развития реального бизнеса, но с большими возможностями для организации формального предпринимательства с целью изменения юрисдикции капитала. Это говорит о том, что рассмотренные выше классические мотивы экспорта капитала из России в форме прямых инвестиций активно сочетаются с другими, связанными с бегством капитала.

Другим классическим мотивом вывоза капитала является поддержка товарного экспорта через торговые кредиты и авансы. Однако их вес в российском вывозе капитала невелик (всего 4 млрд долл. в 2011 г.), что объясняется прежде всего невысоким весом в российском товарном экспорте товаров, продаваемых в рассрочку, то есть готовых изделий. К классическим мотивам вывоза капитала можно отнести также валютную диверсификацию отечественных активов через средства на депозитах в иностранной валюте и в наличной иностранной валюте. В России, несмотря на временный рост накопленных активов в наличной иностранной валюте во время последнего экономического кризиса, их величина в целом за 2001–2011 гг. имеет тенденцию к снижению (с 48 до 29 млрд долл.), в то время как величина активов на депозитах не-

прерывно растет – с 15 до 77 млрд долл. Подобную ситуацию можно считать классической в условиях непрочности отечественной валюты;

2. *Особенности экспорта российского капитала, вытекающие из состояния платежного баланса России.* Среди охваченных табл.1 ведущих стран с формирующимся рынком Россия принадлежит к той трети стран, где наблюдается превышение вывоза капитала над его ввозом. Повторим, что это превышение проистекает отнюдь не из-за небольшого притока капитала в нашу страну, а из-за больших масштабов оттока капитала.

Что объединяет Россию с другими менее развитыми странами, у которых вывоз капитала превышает его ввоз? Это прежде всего стабильное превышение нормы валового сбережения (отношение валового сбережения к ВВП) над нормой валового накопления (отношение валового накопления к ВВП). Оно происходит как из-за высокой нормы валового сбережения, и прежде всего из-за положительного сальдо текущего платежного баланса (в свою очередь, оно является следствием форсирования экспорта и/или быстро растущих цен на основные товары этого экспорта), так и из-за недостаточно высокой нормы валового накопления в стране.

В соответствии с неокейнсианской теорией инвестиций, данная ситуация характеризуется тождеством $S = I + B$, где S – сбережения, I – инвестиции в реальный капитал (инвестиции в нефинансовые активы, образующие основу валового накопления), B – положительное сальдо счета текущих операций платежного баланса. Из тождества вытекает, что положительное сальдо счета текущих операций определяется разницей между сбережением и валовым накоплением. Подобную ситуацию неокейнсианская теория объясняет тем, что если страна систематически генерирует больше сбережений по сравнению с инвестициями в реальный капитал внутри страны, то излишек сбережений уходит из страны: в счете операций с капиталом и финансовыми инструментами это принимает форму превышения вывоза капитала над его ввозом, а также наращивания золотовалютных резервов.

Табл. 6 демонстрирует тенденцию к росту нормы валового сбережения в России в 1970–1980-х гг. и ее сохранение на высоком уровне в последующем. В основе этого роста лежало увеличение доходов от внешней торговли, и прежде всего за счет роста мировых цен на экспортируемые энергоресурсы.

Но если в 1970-х гг. рост нормы валового сбережения в РСФСР способствовал росту в ней нормы валового накопления (накопление следовало за сбережением, в основном совпадая с ним), то в последующие десятилетия образовался большой разрыв между ними. При сохраняющейся в России высокой норме валового сбережения норма валового накопления заметно отставала. За 2006–2011 гг. этот разрыв составлял в среднем 5,4 пункта, хотя и имел тенденцию к уменьшению. Особенно это было заметно в последние два года экономического подъема (из-за подъема нормы валового накопления) и в три последующие кризисных и посткризисных

Таблица 6

Валовое сбережение в России и РСФСР, в процентах от ВВП

	1961	1965	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Валовое сбережение	19,7	19,7	24,8	25,5	28,1	34,1	31,7	27,9	33,6	31,2	31,4	31,6	31,5	20,8	25,1	28,3
Разница между валовым сбережением и валовым накоплением*	- 0,5	- 0,7	+0,6	- 1,6	+0,6	+4,9	+2,5	+2,5	+15,0	+11,1	+11,2	+7,4	+6,0	+1,9	+2,8	+3,3

*Знак «+» означает превышение валового сбережения над валовым накоплением, знак «-» означает превышение валового накопления над валовым сбережением.

Рассчитано по: А.Н.Пономаренко. Ретроспективные национальные счета России: 1961-1999. М., 2002. С.150, 154; Россия в цифрах. Краткий статистический сборник. М., 2012. С.182-183;
<http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/account/>

года (из-за уменьшения нормы валового сбережения под воздействием снижения уровня мировых цен на основные товары российского экспорта).

Итак, для России, как и для остальных менее развитых стран со стабильно положительным сальдо текущего платежного баланса (кроме Китая), типична ситуация, когда большой приток доходов от экспорта резко увеличивает норму валового сбережения, но недостаточные инвестиционные возможности этих стран препятствуют адекватному росту в них нормы валового накопления;

3. *Специфика вывоза капитала из России как следствие особенностей ее экономической модели.* Сделаем попытку объяснить специфику участия России в международном движении капитала особенностями российской экономической модели, используя прежде всего данные доклада «Глобальная конкурентоспособность», ежегодно подготавливаемого Всемирным экономическим форумом⁷. Доклад нацелен на оценку в баллах индекса конкурентоспособности стран мира (последний доклад охватил 142 страны), но многочисленность и репрезентативность индикаторов (их более сотни), входящих в этот индекс и объединенных в 12 субиндексов, позволяют также выявить особенности национальных экономических моделей. Поэтому целесообразно сравнить показатели России с аналогичными показателями стран близкого уровня экономического развития (Польша, Турция, Малайзия, Бразилия, Аргентина, Мексика, Венесуэла из табл.1).

Обладая средним для стран схожего уровня развития баллом конкурентоспособности, Россия выделяется высокими субиндексами инфраструктуры, здравоохранения и образования, эффективности рынка труда, размера рынка. В то же время Россия заметно проигрывает по ряду субиндексов. Это прежде всего индекс зрелости финансового рынка (127-е место в мире, по этому индексу Россия отстает от всех сравниваемых стран, кроме Венесуэлы) и институциональной среды (128-е место в мире, Россия опережает только Венесуэлу и Аргентину).

Низкая величина субиндекса зрелости финансового рынка объясняется прежде всего низкой величиной входящего в него индикатора банковской системы (129-е место). В условиях либерализации

международного движения капитала это оборачивается нежеланием отечественных владельцев капитала размещать его в отечественных банках, а отечественных заемщиков обращаться к отечественным банкам, ориентируясь на зарубежные банки, что увеличивает показатели оттока и притока капитала.

Однако еще более существенное влияние на отток и приток капитала в Россию оказывает низкий субиндекс институциональной среды. Он плох из-за целого ряда составляющих его индикаторов, прежде всего таких, как защита прав собственности (130-е место), величина государственного вмешательства в деятельность бизнеса и прозрачность государственной политики (132-е и 115-е места соответственно), взяточничество и фаворитизм чиновников (115-е и 117-е места соответственно), надежность полиции (132-е место). Можно сделать вывод, что институциональная среда в России страдает из-за слабой защиты прав собственности и чрезмерного давления государства на бизнес, взяточничества чиновников и незащитности бизнеса перед полицией, сочетающейся со слабой независимостью судебной системы (123-е место). Вероятно, это главные болевые точки, выталкивающие российский капитал из страны. Оформляя на легально и нелегально полученный капитал права собственности в офшорах и офшоропроводящих странах, владельцы этого капитала затем ввозят его обратно в Россию, используя для его защиты правовую систему указанных территорий и стран.

Именно плохая институциональная среда в России (как и у ряда других стран-экспортеров нефти) в сочетании со слабостью ее финансовой системы является главной причиной, по которой большие финансовые возможности России (из-за больших экспортных доходов) для повышения нормы валового накопления реализуются недостаточно.

В результате происходит бегство капитала. Во всех исследованиях бегства капитала его рассматривают как часть вывоза капитала из страны, но определяют по-разному. Наибольшее распространение получили узкое определение (как нелегальный вывоз капитала, то есть с нарушением национального законодательства) и широкое определение (как вывоз капитала из страны, при-

ложение которого в самой капиталозэкспортирующей стране могло бы увеличить ее общественное благосостояние). Широкое определение получило количественное измерение, используемое Всемирным банком: размеры бегства капитала из страны оцениваются как сумма прироста ее внешнего долга и чистого вывоза/ввоза прямых инвестиций за этот период плюс профицит текущего платежного баланса минус движение золотовалютных резервов.

Подсчитаем размеры бегства капитала из России за 2001–2011 гг. по формуле Всемирного банка: 412 млрд долл. прироста внешнего долга и 10 млрд долл. чистого вывоза прямых инвестиций плюс 737 млрд долл. положительного сальдо текущего платежного баланса минус 477 млрд долл. прироста золотовалютных резервов, то есть всего 682 млрд долл. бегства капитала за указанный период. Расчеты за 1994–2000 гг. указывают на величину в 146 млрд долл.⁸

Воздействие экспорта капитала на российскую экономику

На фоне остальных стран схожего уровня развития норма валового накопления в России выглядит близкой к средней. Однако подобная норма валового накопления представляется недостаточной для финансирования активной модернизации нашей страны, особенно с учетом сильной физической изношенности накопленного основного капитала, явной недостаточности основных фондов в инфраструктуре и сельском хозяйстве, а также с учетом слабого уровня развития многих современных отраслей. Вероятно, в современной России норма валового накопления не должна быть меньше той, что существовала в 1980-х гг., то есть 27–31%. Такие потенциальные возможности у нашей страны есть за счет использования нормы валового сбережения. Но превратить потенциальные возможности в реальные мешает бегство капитала.

Сопоставим вышеприведенные размеры бегства капитала с величиной валового накопления за 2001–2011 гг., которая, по расчетам автора, составила 2414 млрд долл. по обменному курсу. Таким образом, прекращение бегства капитала могло бы увеличить норму валового накопления капитала в России за рассматриваемый период более чем на четверть, то есть со среднеарифметических 22 % до 28 %.

По данным исследования, охватывающего 21 страну с формирующимися рынками за период 1975–2004 гг.⁹, каждый доллар бегства капитала (масштабы которого подсчитаны по методике МВФ) уменьшал валовое накопление капитала на 61 цент в долгосрочном периоде. Более того, исследование констатирует, что в условиях финансовой либерализации рост притока капитала в страну может сопровождаться ростом его оттока, фактически замещая отечественные источники сбережения иностранными. Другое исследование, охватившее 75 стран с формирующимся рынком за период 1990–2003 гг., показало, что увеличение бегства капитала на 1 % сокращало увеличение годового ВВП на 3 % в среднем по этим странам¹⁰.

К тому же большой вывоз капитала заставляет активнее использовать внешние заимствования для поддержания минимально необходимой нормы валового накопления (российский внешний долг непрерывно растет за счет частного и квазигосударственного сектора), а также обескровливает банковскую систему нашей страны, в которой могли бы храниться вывезенные за границу активы.

Возможности госрегулирования российской модели экспорта капитала

Для модернизации России требуется резкое увеличение инвестиций в реальный сектор, то есть увеличение нормы валового накопления. Логично сделать вывод, что сокращение экспорта капитала из России потенциально могло бы привести к увеличению инвестиций внутри страны, то есть к росту нормы валового накопления. Однако для подобного инвестиционного маневра нужно изменение характера национальной экономической модели. Противоядием от сохранения в России нынешней модели олигархического госкапитализма может быть поворот в сторону большей демократизации страны. Для экономики это означает усиление господдержки наиболее демократичного, динамичного и слабо ориентированного на вывоз капитала бизнеса – малого и среднего, укрепление прав собственности (что опять же наиболее важно для малого и среднего бизнеса), а также снижение уровня государственного вмешательства в повседневную деятельность фирм, особенно малых и средних. Другое средство – это улучшение этического климата в стране, что для экономики означает усиление реальной борьбы с коррупцией чиновничества (а не только принятие нового антикоррупционного законодательства), а также усиление моральной ответственности власти перед обществом, что возможно прежде всего в результате укрепления гражданского общества.

Вряд ли сейчас российское общество готово перейти к либерально-демократической модели капитализма (из стран с формирующимися рынками распространена в Центральной и Восточной Европе), но переход к той модели неолитархической модели госкапитализма, которая распространена прежде всего в ряде азиатских стран, возможен.

Для тактического решения проблемы чрезмерного вывоза капитал из страны требуется изменение валютного законодательства. Это прежде всего введение запрета на осуществление операций по экспорту капитала в офшорные юрисдикции и усиление контроля над вывозом капитала в офшоропроводящие страны. Другой законодательной мерой может быть запрет на осуществление внешнеэкономических операций для фирм-однодневок. Понятно, что прекратить бегство капитала эти меры не смогут, но уменьшить его масштабы они в состоянии, одновременно не затронув тот вывоз капитала, который обусловлен высоким уровнем развития отдельных российских отраслей, а также кредитованием внешней торговли, диверсификацией активов и другими классическими мотивами.

Добавим, что подобные запреты и ограничения не противоречат современным мировым тенденциям в госрегулировании движения капитала. По данным ЮНКТАД, в 2000-х гг. лишь 5% принятых в странах мира новых мер в сфере международного движения прямых инвестиций относились к ограничительным (остальные были поощрительными), в 2005 г. – 46%, а в 2010 г. – 65%¹¹. В целом эти ограничительные меры не столько отменяют сложившийся в большинстве стран мира неоклассический подход к сфере международного движения капитала, сколько усиливают роль государственного регулирования в этой сфере. Можно предположить, что в остром для менее развитых стран вопросе о национальной политике в сфере

международного движения капитала начинает складываться симбиоз между неоклассическим и неокейнсианским направлением, то есть неоклассический синтез, характерный в целом для современного макроэкономического регулирования.

Bulatov A.S. Russia's Participation in the International Export of Capital.

Summary: *The article analyses the export of capital from Russia in the international export of capital, primarily from emerging market countries, especially countries BRICS. An attempt is made to reveal the characteristic features of the Russian model of export of the capital, its impact on the internal economic processes and the possibilities of its regulation.*

Ключевые слова

Международное движение капитала, платежный баланс, страны с формирующимся рынком, транснациональные корпорации, транснационализация, кругооборот капитала, бегство капитала, офшоры, офшоропроводящие страны, государственное регулирование.

Keywords

International capital movement, balance of payments, emerging market economies, transnational corporations, transnationalization, capital round tripping, capital flight, offshore, offshore- conduit countries, government regulation.

Примечания

1. Dunning J. and Narula R. "The Investment Development Path Revisited: Some Revisited Issues" in Foreign Direct Investment and Governments. Catalyst for Economic Restructuring. Ed. by J.Dunning. London, 1998.
2. Vale Columbia Center. Inward and Outward FDI Country Profiles. January 2011. New York, 2011.
3. Ibidem.
4. Банк России. Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором в 1994–2011 годах и первом квартале 2012 года (http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/capital.htm&pid=svs&sid)
5. Там же.
6. Kuznetsov A. Outward FDI from Russia and its policy context, update 2011// Vale Co-lum-bia Center. Columbia FDI Profiles. C.1-5.
7. The World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2011-2012. Geneva, 2012.
8. Cervena M. The Measurement of Capital Flight and Its Impact on Long-Term Economic Growth: Emperical Evidenence from a Cross-Section of Countries. Bratislava, 2006.
9. Yasemin, Yalta A. Effect of Capital Flight on Investment: Evidence from Emerging Markets // Emerging Markets Finance and Trade. November/December 2010. Vol.46. Issue 6. P.46-51.
10. Cervena M. The Measurement of Capital Flight and Its Impact on Long-Term Economic Growth: Emperical Evidenence from a Cross-Section of Countries. Bratislava, 2006.
11. UNCTAD. World Investment Report. New York and Geneva. 2012. P.93.

О взаимосвязи внешнего долга и оттока капитала из России

А.В. Пономарев, В.А. Борисенков

В статье предпринята попытка анализа взаимосвязи внешнего долга и вывоза капитала. Представлен анализ развития рынка долгового капитала в России в 2000-х гг., охарактеризован механизм развертывания кризиса 2008–2009 гг. На основании исследования Р. Кабальеро и С. Панагеаса поставлена гипотеза о возможном изменении концепции регулирования вывоза капитала в форме международных резервов. Представляется, что, по крайней мере, в краткосрочном периоде необходимо регулирование вывоза капитала для улучшения макроэкономической ситуации.

Одним из сложных аспектов анализа вывоза капитала является взаимосвязь внешнего долга и вывоза капитала. Международное движение капитала, особенно ссудного, с одной стороны, является волатильным, а с другой – связано с интересами сбережения дохода как в секторе государства, так и корпораций и домашних хозяйств. Особое значение международные кредитные отношения приобретают в условиях становления рыночных институтов, то есть в странах с формирующимся рынком. Россия не является исключением. Большие международные резервы, которые являются основным каналом вывоза капитала из государственного сектора, сочетаются с сопоставимым экспортом (оттоком) капитала из частного сектора российской экономики.

Обратимся к развитию российского финансового рынка для описания ситуации, сложившейся в годы кризиса. Во-первых, рассмотрим ситуацию на рынке корпоративного долга. На протяжении всей истории финансовой системы РФ активность участников рынка корпоративных облигаций была невелика: подавляющая часть торгового оборота

внутреннего сектора рынка со стороны предложения приходилась на несколько десятков выпусков крупнейших эмитентов, а ликвидность большинства обращающихся на рынке облигаций оставалась низкой и поддерживалась несколькими же инвесторами (крупными финансовыми институтами). Большая часть рынка была опосредована внешним сектором, корпорации занимали за рубежом, размещая там свои облигации.

В условиях глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. на долговом рынке был реализован пессимистический сценарий. После осознания переоценки глобальных рисков и ссудный, и акционерный капитал побежал из России, что сопровождалось кризисной распродажей активов (fire sale). Отток капитала привел к снижению стоимости корпораций и повысил доходность облигаций. Сыграли свою роль и кредитные ограничения: стоимость обеспечения по кредитам (стоимость акций, заложенных под заемный капитал) резко сократилась, что подстегнуло еще больший отток капитала и деleverеджинг (снижение доли заемных средств). Произошла масса технических дефолтов

Пономарев Александр Валерьевич – к.э.н., ст. преподаватель кафедры экономической теории МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Борисенков Владимир Александрович – студент 1-го курса магистратуры «Рынок ценных бумаг» МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Вывоз капитала из России и возможности его регулирования», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (Соглашение № 8002).

по кредитам и корпоративным облигациям. Теоретически мы наблюдали фазу рецессии на долговом рынке с учетом оттока капитала, в том числе происходило некоторое сокращение международных резервов РФ.

Каковы же основные причины делевереджинга? Как разворачивалась эйфория на финансовом рынке? Очевидно, что быстрый рост капитализации рынка акций происходил на фоне нащупывания инвесторами «золотой жилы» в российской экономике. Наблюдался почти 20-кратный рост рынка корпоративных облигаций в 2001–2007 гг. Поскольку объем этого рынка сравнительно невелик, постольку такие высокие темпы роста существенно перегрели рыночные котировки. В период массированного притока капитала от нерезидентов произошла и переоценка стоимости акций. После разворота кредитного цикла произошел описанный выше сценарий и наступил период внезапной остановки потоков капитала.

В 2011 г. основным каналом финансового заражения (contagion) опять являлся чистый отток капитала из России, составивший 80,5 млрд долл. (в 2,3 раза превышает аналогичный показатель 2010 г.). Рост оттока происходил по трем основным причинам:

- в 2011 г. ужесточились требования по внешним заимствованиям для российских агентов из-за повышенной премии за риск (рост процентной ставки). Так, если в первом полугодии 2011 г. внешние обязательства российского частного сектора устойчиво росли, то во втором полугодии такой рост прекратился. Выплаты же внешнего долга производились по нарастающей траектории;

- в условиях ослабления рубля и усиления девальвационных ожиданий отечественные компании и банки наращивали вложения в краткосрочные иностранные активы. Значительная часть оттока капитала из России приходилась на увеличение краткосрочных ссуд нерезидентам и краткосрочных депозитов в иностранной валюте;

- несмотря на неустойчивость ситуации на нашем финансовом рынке, положение в развитых странах ухудшилось в еще большей степени. Поэтому у российского бизнеса появились возможности для сравнительно дешевого поглощения иностранных компаний, расширения сети иностранных филиалов, дочерних и аффилированных структур. Прямые инвестиции российских компаний и банков за рубежом за 2011 г. составили 67 млрд долл., существенно превысив показатель предшествующего года (53 млрд долл.).

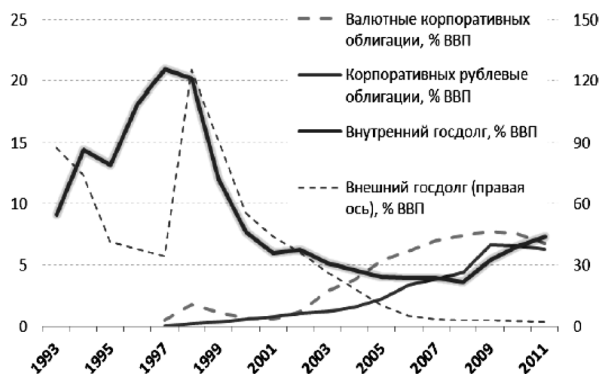
На фоне существенного вывоза капитала из России в ссудной форме нужно понимать, что значительная часть российских компаний де-юре зарегистрирована в офшорных зонах. Российские исследователи показали, что движение ссудного капитала через российские финансовые границы происходит прежде всего через офшорные и офшорпроводящие страны. Другими словами, капитал в существенных масштабах перемещается между резидентами транзитом через офшоры и отражается как приток и отток капитала. Данное движение вы-

зывает немалые финансовые трения для российской экономики, и прежде всего повышенные риски.

Интересно рассмотреть соотношение государственного и корпоративного долга, что представлено на рис. 1.

Рис. 1

Государственный и корпоративный долг, % ВВП

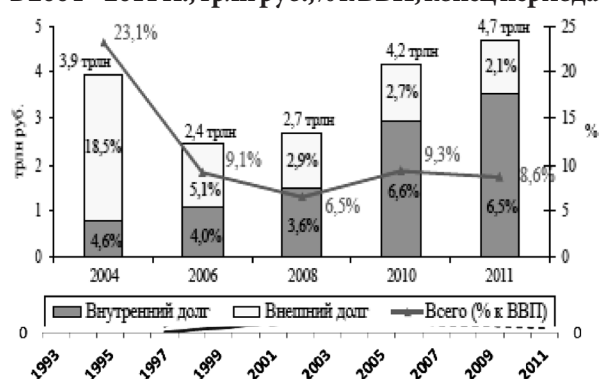
Additional highly credible cases involving HEU, 1991–2006, from DSTO

Источник: Пухов С.Г. «Финансовые рынки: взгляд сверху», Институт «Центр развития» НИУ-ВШЭ, июнь 2012 г. С.4. http://www.dcenter.ru/science/Pukhov_Finmarkets_280612.pdf¹

В рассматриваемый период можно наблюдать несколько тенденций. Россия перешла от доминирования государственного долга к преобладанию корпоративного долга. За стабилизацией рынка внутреннего государственного долга в 2000–2003 гг. последовал его существенный рост. Внешний корпоративный долг в годы кризиса снизился в относительном к ВВП выражении². На рис. 2 представлены данные по государственному долгу.

Рис. 2

Государственный долг Российской Федерации в 2004–2011 гг., трлн руб., % к ВВП, конец периода

Источник: Минфин³.

В докризисный период наблюдалось накопление государственных сбережений, накопление международных резервов, а российский государственный долг снижался. Небольшое относительное увеличение госдолга мы видим в годы кризиса⁴. В опубликованных «Основных направлениях государственной долговой политики на 2012–2014 гг.» определено намерение повысить роль (долю) внутреннего государственного долга посредством развития сберегательных инструментов на финансовом рынке РФ. Вместе с тем мы видим намерение финансовых властей обратиться к сбалансированным

действиям в отношении корпоративного сектора, то есть государство не хотело бы допускать вытеснения частных инвестиций за счет оттягивания внутренних сбережений государственным сектором через государственные заимствования.

Этот механизм может быть реализован посредством контроля доходности инструментов государственного долга и корпоративных облигаций и стоимости долгового капитала. Если же данная пропорция не будет выдержана в пользу корпоративного сектора, то мы можем наблюдать снижение внутренних инвестиций (через канал повышения процентной ставки) и обращение корпоративного сектора за рубежом в поисках более благоприятной финансовой среды. Таким образом, мы видим существование проблемы балансирования долгового рынка, проявляющейся и в вывозе капитала.

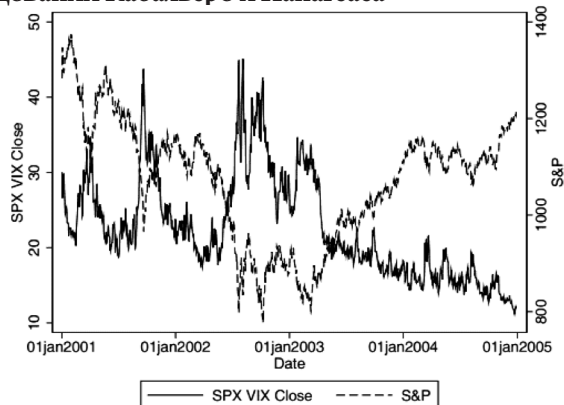
Обратившись к мировому опыту, можно найти некоторые новые для российской политики идеи по управлению международным оттоком капитала. Так, американские экономисты Риккардо Кабальеро из Массачусетского технологического института и Ставрос Панагеас из Уортонской школы Пенсильванского университета показывают, что страны с развивающимся рынком имеют относительно большие международные резервы по сравнению со странами с развитой экономикой. Это выглядит парадоксально, принимая во внимание связанные с такими резервами финансовые ограничения для экономического роста и благосостояния стран с развивающимся рынком. Этот парадокс можно объяснить тем, что эти ограничения связаны с существованием волатильности, которую эти страны стараются сгладить. Ученые показали, что текущая практика таких стран включает сознательное накопление международных резервов.

Насколько эффективны такие резервы в форме вывоза капитала? Существуют ли потенциально менее затратные финансовые механизмы без вывоза значительного объема капитала?⁵ Отвечая на эти вопросы, исследователи указывают, что даже при грамотном управлении резервами механизм сглаживания волатильности посредством резервов является дорогим и несовершенным. С другой стороны, экономическим агентам очень сложно осуществить прямое страхование рисков волатильности, поскольку вывоз капитала происходит одновременно с возникновением сложностей у инвесторов, которые и являются основными страхователями.

Поэтому необходимо обратиться к поиску глобальных (неспецифичных для стран с развивающимся рынком) активов, стоимость которых коррелирует с внезапной остановкой потоков капитала (sudden stops). Кабальеро приводит пример таких активов, указывая на средства, вложенные в индекс волатильности S&P 500, что можно увидеть на рис. 3. Если добавить такого рода активы в портфели стран с развивающимся рынком, то это позволит существенно улучшить разработку стратегий регулирования вывоза капитала.

Рис. 3

Корреляция индексов VIX и S&P 500 в исследовании Кабальеро и Панагеаса

Источник: Caballero, Ricardo J., Panageas, Stavros. A Quantitative Model of Sudden Stops and External Liquidity Management.. June 15, 2005. <http://economics.mit.edu/files/162>

Таким образом, развитие российского долгового рынка может быть подкреплено инновационным регулированием в сфере вывоза капитала. Российская Федерация может снизить масштабы вывоза капитала за счет минимизации международных резервов, что может повлечь за собой и повышение уровня конкурентоспособности экономики, и сокращение оттока капитала из корпоративного сектора.

Ponomarev A.V., Borisenkov V.A. Essay on the interaction between external debt and capital outflow from Russia.

Summary: The article is devoted to interaction between capital outflow and external debt. We analyze the debt capital market in Russia in 2000s and provide a mechanics of crisis in 2008 – 2009. Based on the theory of R. Caballero and S. Panageas we offer a hypothesis concerning a reform in international reserves management. We believe Russian authorities should pay more attention to the regulation of capital outflow in a short period.

Ключевые слова

Вывоз капитала, внешний долг, платежный баланс, международные резервы, кредит, финансы.

Keywords

Capital outflow, external debt, balance of payments, international reserves, debt, finance.

Примечания

1. Пухов С.Г. Финансовые рынки: взгляд сверху. Институт «Центр развития» НИУ-ВШЭ, июнь 2012 г. С.5. http://www.dcenter.ru/science/Pukhov_Finmarkets_280612.pdf
2. Там же.
3. Основные направления государственной долговой политики Российской Федерации на 2012 – 2014 годы. www.minfin.ru.
4. Ершов М.В., Татузов В.Ю. О российской долговой политике в современных условиях. Деньги и Кредит. 6/2012. С. 36. http://www.cbr.ru/publ/MoneyAndCredit/ershov_06_12.pdf
5. Caballero, Ricardo J., Panageas, Stavros. A Quantitative Model of Sudden Stops and External Liquidity Management.. June 15, 2005. <http://economics.mit.edu/files/162>

Особенности экспорта прямых инвестиций из Индии

О.А. Мальцева

В данной статье рассматриваются характерные особенности вывоза капитала из Индии в форме прямых инвестиций, факторы, оказывающие влияние на этот процесс, а также анализируется специфика поведения индийских транснациональных корпораций.

С 2001 по 2011 г. участие стран с формирующимся рынком увеличилось с 1 до 14% мирового вывоза капитала. Среди 20 крупнейших стран с формирующимся рынком по масштабам вывоза капитала лидирующее положение занимает Китай, участие которого в мировом вывозе капитала в 2000–2008 гг. составило 1,6%, за ним следует Россия с показателем в 1,4%. Доля Индии на этом фоне является скромной (0,1%), однако за указанный период в политике индийского правительства в отношении вывоза капитала наблюдались значительные перемены. На сегодняшний день, согласно отчету ЮНКТАД¹, Индия является 21-м инвестором в мире, а в 2010 г. стала 5-м крупнейшим покупателем бизнеса в мире (после США, Канады, Японии и Китая). Совокупный объем вывезенного индийского капитала по финансовому счету составил 351 млрд долларов в 2000–2010 гг.²

Факторы, определяющие вывоз капитала из Индии

МВФ выделяет четыре категории международных инвестиций: прямые, портфельные, прочие и резервные активы. Прямые инвестиции характеризуются долевым участием инвестора в основном

капитале компании-реципиента с целью получения устойчивого доступа к управлению предприятием, при этом минимальным порогом участия определен уровень в 10% голосующих акций или эквивалент, дающий право на аналогичную долю при голосовании. В случае выхода таких операций за рубеж связанный с этим экспорт капитала называют прямыми зарубежными инвестициями (ПЗИ, англ. outward foreign direct investment), а импорт прямых инвестиций прямыми иностранными инвестициями (ПИИ, англ. inward foreign direct investment). Компания, владеющая полностью или частично аффилированными с ней зарубежными предприятиями, ее зарубежными филиалами, называется материнской, а в совокупности со своими зарубежными филиалами она образует транснациональную корпорацию (ТНК).

Рост ПЗИ определяется экономическими, политическими и институциональными факторами, зависящими от исторического развития каждой конкретной территории. В частности, к этим факторам относятся наличие природных ресурсов, географическая и культурная отдаленность от ключевых рынков, размер страны, особенности экономической системы и модели развития (например, индустриализация) и государственная политика.

Мальцева Олеся Альбертовна – аспирант кафедры мировой экономики МГИМО(У), старший преподаватель кафедры индоиранских и африканских языков МГИМО(У) МИД России. E-mail: o.maltseva@inno.mgimo.ru

Как отмечается в литературе, специфическая институциональная структура капиталэкспортирующей страны особенно важное значение имеет для стратегии ТНК³. Контекст национальных институтов накладывает отпечаток на цели компании, систему ее ценностей и качество доступных ресурсов. Такие культурные факторы как обычаи, традиции и исторический опыт могут оказывать значительное влияние на стратегию ТНК. П.Е. Толентино подчеркивает социальную ориентацию стратегий ТНК из развивающихся стран⁴, говоря о том, что «с институциональной точки зрения бизнес ТНК основывается на социальной составляющей, что объясняет его сильную зависимость от окружающей среды». В результате для интернационализации и создания потенциальных преимуществ ТНК из развивающихся стран вынуждены изобретать специфические стратегии использования деловых связей, формировать новые организационные структуры, балансировать разнородные культурные и институциональные предпосылки.

Поэтому вывоз индийского капитала в форме ПЗИ существенно отличается от «обычного» пути осуществления ПЗИ развивающимися странами. Индийские ТНК значительно раньше увеличили вывоз капитала, распределив его преимущественно в высокотехнологичных секторах, требующих высокой квалификации. Они более активно инвестируют в развитые страны, чем в развивающиеся, отдают большее предпочтение инвестированию в стратегические активы, нежели в ресурсы и рынки. Вовлечение в интеграционные процессы развивающихся экономик с их специфической многоукладностью имеет существенные отличия по сравнению с экономически развитыми странами, прежде всего структурного типа.

В этих странах вовлеченность в мирохозяйственные связи имеет зональный характер. Наиболее развитые сферы национального хозяйства, представленные капиталистическими укладами, входят в зону вовлеченности в мировые интеграционные процессы наиболее активно, в то время как большая часть докапиталистических укладов формирует пассивную зону, непосредственно не связанную с мировым рынком. Мировой рынок позволяет более развитой структуре получать дополнительные преимущества, финансовые ресурсы, новую технологию, рабочие места, рост доходов. Особенности вывоза индийского капитала в форме ПЗИ обусловлены особенностями и структурой экономики Индии, природой зарубежных инвестиций в экономику Индии, а также структурой индийских ТНК. При этом важную роль играет институциональная среда, в условиях которой осуществляется вывоз капитала.

Традиционно иностранные инвестиции в экономику страны считаются основным путем, позволяющим компаниям развивающихся стран получить доступ к глобальным цепочкам добавленной стоимости и усовершенствовать их технологические и человеческие ресурсы. Посредством создания связей между ТНК и местными компани-

ями иностранные инвестиции в экономику страны помогают отечественной промышленности выйти на международный уровень и в итоге перейти к осуществлению ПЗИ. Однако в Индии иностранные инвестиции не играли ключевой роли в построении конкурентоспособной промышленности, имеющей выход на международные рынки. Вплоть до начала 1990-х гг. государственная экономическая политика и практика, ограничивая в целом сферу приложения частного капитала, распространяла ее и на иностранный частный капитал.

Для развивающихся стран типичен дефицит иностранной валюты и ограниченность капитала, поэтому по логике они должны импортировать, а не экспортировать капитал. В соответствии с традиционными теориями вывоза капитала, ПЗИ Индии на первом этапе должны были быть направлены в первую очередь в сферу производства и только затем в сферу услуг. Однако компании, предоставляющие нефинансовые услуги, стали ключевыми внешними инвесторами уже на ранней стадии пути инвестиционного развития, опережая сферу производства во второй половине 1990-х гг. Это было связано с особенностями структуры индийской экономики, в которой сфера услуг играет ключевую роль. Она обеспечивает 57,2% ВВП Индии, а промышленное производство – 28%. Индии, в отличие от Китая, у которого промышленность производит 47% ВВП, никогда не удавалось создать крупное экспортное промышленное производство и привлечь значительные инвестиции в отрасли промышленности (за исключением текстильной и некоторых других). Для Индии характерен значительный экспорт услуг, не сопровождающийся значительным притоком ПЗИ.

Ориентация индийской экономики на сферу услуг объясняет, почему Индия имеет относительно большую долю ПЗИ в данную сферу. Но, что более важно, данная особенность объясняет ранний подъем индийских ПЗИ. Сфера информационных технологий и разработка программного обеспечения выходит на международные рынки и соответственно начинает осуществление ПЗИ раньше и более высокими темпами, чем сфера производства. Быстрый переход к ПЗИ частично обусловлен тем, что эта отрасль «изначально глобальна» как в отношении рынков, так и в отношении условий производства, а также частично тем, что в данной отрасли капитал играет менее значительную роль, чем в большинстве других глобализированных отраслей.

Таким образом, что касается причинно-следственной модели, лежащей в основе теории ПИР (пути инвестиционного развития), то она не вполне точно отражает современные реалии глобальной экономики. Теория ПИР утверждает, что развитие ПЗИ является следствием структурных изменений в стране происхождения компании. По мнению Дж. Даннинга и его последователей, можно выделить пять стадий экономического развития страны, которые сопряжены с разными характеристиками национальных компаний. В результате имеющийся набор преимуществ владения о локализации опре-

деляет разное соотношение и объемы аккумулированных экспортированных и импортированных прямых инвестиций.

В соответствии с данной теорией, стадия развития компании определяется значением валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения. На первой стадии, когда страна относится к группе наименее развитых, у нее почти отсутствуют преимущества локализации, поэтому импорт ПИИ оказывается незначительным⁵. На второй стадии, переход к которой в соответствии с теорией ПИР определяется существенным возрастанием ВВП на душу населения, приток ПИИ в страну начинает увеличиваться. В то же время национальные фирмы по-прежнему имеют мало возможностей для интернационализации. При переходе к третьей стадии темпы роста импорта ПИИ замедляются, так как местные фирмы становятся серьезными конкурентами иностранным ТНК. В результате страна начинает специализироваться на привлечении заграничного капитала только в определенные отрасли, где ее преимущества локализации наиболее существенны. На четвертой стадии размер экспорта ПЗИ достигает уровня импорта ПИИ, а часто даже превышает его.

Как утверждает в более поздних теориях⁶, внутристрановые экономические факторы в глобальной экономике в связи со все большей глобализацией и внедрением новых организационных и бизнес-стратегий могут быть уже не так существенны для развития вывоза капитала в форме прямых инвестиций, как ранее. Последующие теории подтверждают, что особенности развивающихся стран позволяют ТНК избежать традиционного ПИР и сразу перейти к быстрой глобализации. Она же создает новые возможности для ускоренного роста и интернационализации ТНК, недоступные ранее, чем индийские ТНК успешно пользуются.

Важным отличием индийского пути инвестиционного развития является тот факт, что направления индийских ПЗИ практически не зависят от направления ввоза капитала в страну. Направления ПЗИ из Индии, согласно теории ПИР, скорее характерны для стран, находящихся на стадиях развития IV или V, но отнюдь не для начальных стадий, на которых находится Индия. Когда инвестиции в развитие рынков, по теории, должны были ввозиться в страны с аналогичным или меньшим уровнем развития экономики, индийские ТНК вкладывали в более развитые страны. Отчасти вследствие этих особенностей индийские ТНК быстро становятся глобальными:

- являясь основоположниками новых отраслей (например, ветряной энергетики);
- внедряя новейшие технологии в существующие отрасли (например, фармацевтику);
- используя инновационные бизнес-модели для снижения производственных издержек в технологичных отраслях и т.п.

Рассматривая отдельные высокоразвитые отрасли и регионы внутри страны, можно получить более высокое значение ВВП на душу населения, чем в целом по стране. Судя по показателям ВВП,

Индия находится на стадии развития I или II. Однако регионы и отрасли, генерирующие ПЗИ, высоко интегрированы в глобальную экономику и демонстрируют профиль ПЗИ, соответствующий стадиям развития III или даже IV (например, регионы Тамилнад, Дели, Мумбаи и Бангалор, отрасли ИТ, аутсорсинг бизнес-процессов и фармацевтика). Соответственно для усовершенствования возможностей прогнозирования теории ПИР для таких стран, как Индия необходимо сузить масштаб описываемого объекта от целой страны к отдельным регионам и/или отраслям.

Особенности индийских ТНК в мировой экономике

Общий объем вывезенных ПЗИ индийскими ТНК увеличился с 2 млрд долл. в 2000 г. до 77 млрд долл. в 2009 г. Индийские зарубежные активы в форме прямых инвестиций составили около половины от общего объема ввезенных ПИИ в 2008–2009 фин. г. Как следует из отчета Резервного банка Индии (РБИ), в 2010–2011 фин. г. вывоз индийских ПЗИ превысил ввоз.

В интернационализации ТНК развивающихся рынков могут сыграть важную роль следующие конкурентные преимущества:

- приоритетные условия инвестирования благодаря размеру или монополистическому статусу компании, например при достижении ею доминирующей позиции на внутреннем рынке;
- доступ к производственным ресурсам, например, дешевой рабочей силе и сырью;
- дешевая квалифицированная рабочая сила и человеческие ресурсы, например, индийские инженеры и ученые в сфере информации и коммуникаций;
- возможность быстрой ассимиляции и творческой рекомбинации передаваемых технологий и информации;
- отраслевое отсутствие дефицита финансовых ресурсов;
- маркетинговые навыки, особенно применимые на других развивающихся рынках;
- управленческие способности к поиску и использованию глобальных ресурсов и возможностей, особенно со стороны зарубежных партнеров, а также к их координированию с имеющимися ресурсами и потенциалом;
- активная поддержка развивающихся рынков со стороны правительства, начиная от традиционных форм торгового протекционизма до новых форм стратегической торговой политики и государственной или общественной собственности.

По мере того как экономика Индии становится все более открытой для международной конкуренции, индийские ТНК все больше вынуждены конкурировать с ТНК из других стран как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Такая конкуренция способствует качественному повышению уровня их деятельности и формированию фирменных конкурентных преимуществ с расширением возможностей для конкуренции на зарубежных рынках.

Отличительной чертой структуры индийской экономики является доминирующая позиция больших «домов», или конгломератов. Преобладание таких организаций опровергает традиционный принцип западного менеджмента, в соответствии с которым компании должны фокусироваться на ключевых сферах их деятельности и отсекаать неключевые виды деятельности. Такие организации, учитывая институциональный контекст развивающихся рынков, могут на самом деле быть эффективными, поскольку они способны более успешно, чем узкопрофильные компании, противостоять рыночным и институциональным препятствиям. Крупные дома, такие как, Tata, BirlaKilroskar, Mahindra, T.V. SundaramGroup, Mafatlal, Bajaj, Singhanian, Walchand, Mittal и т.д., играют ключевую роль в вывозе ПЗИ Индии.

Специфика индийских ТНК обусловлена существованием в Индии управляющих агентств – особой формы английских колониальных монополий. Они взаимодействовали с главой колониальной администрации в Индии и английской бюрократией. Управляющие агентства распределяли британский капитал между созданными ими предприятиями и контролировали весь капитал, функционировавший в Индии. При этом ни одна монополия не имела ярко выраженного производственного направления, за исключением сталелитейной компании Tata. По форме это были монополии, а по сути они сохраняли еще колониальные структуры, обусловленные социально-экономическим базисом, из которого формировались. Нынешние ТНК сохранили во многом эти черты.

Для индийских компаний-конгломератов не характерна концентрация производства, капиталистический уклад растет, но не является господствующим в экономике страны с крайне узким рынком и сосуществует с докапиталистическими формами (дихотомия в структуре экономики). Перенакопление денежного капитала и отсутствие условий для его эффективной реализации ввиду отсутствия современной развитой инфраструктуры, необходимой научной базы, квалифицированной рабочей силы и рынка для продукции привели к неравномерному перенакоплению капитала. Именно высокотехнологичным отраслям удалось сделать прорыв и выйти на международный рынок в условиях отсутствия возможностей для их развития на внутреннем.

Говоря о преимуществах таких «домов» при осуществлении ПЗИ необходимо отметить следующее:

- во-первых, гипотетически большие «дома» функционируют как внутренние рынки капитала, которые могут быть использованы для субсидирования ПЗИ;
- во-вторых, большие конгломераты предлагают возможности для перемещения людей, например менеджеров с международным опытом или ключевого технического персонала, между различными подразделениями;
- в-третьих, на данном этапе развития экономики индийские конгломераты еще не способны маневрировать капиталом между самыми разными

отраслями в силу узости рынка, как было сказано выше, низкой покупательной способности большей части населения, которому пока еще не доступны достижения передовых технологий.

Развитие индийских ТНК связано с высокой эффективностью индийского рынка капитала. Стандартная индийская ТНК, в отличие от китайской, является частной и торгуется на биржах, в том числе западных. Кроме того, работая в условиях разумного финансового законодательства и корпоративного управления, индийские компании в целом отличаются устойчивыми балансами и надежным кредитным рейтингом. Вследствие этого индийским ТНК удалось задействовать международные банки и приобрести их активы. Важным фактором стал также значительный рост капитализации публично-торгуемых индийских ТНК в середине первой декады XX в., что позволило им привлечь значительное количество капитала и увеличить доступность как внутренних, так и внешних займов. Привлеченный капитал направлялся также и на внешние инвестиции.

Помимо крупных индийских компаний, наподобие Tata, есть другие, право собственности и контроль над которыми имеют двойственный характер. Судя по официальным данным о притоке ПИИ, некоторые из них инвестировали также и в самой Индии, притом в ряде случаев с использованием офшоров и офшоропроводящих стран. Наиболее известными из тех, кто участвует в ввозе и вывозе прямых инвестиций, являются группы Vedanta и Essar. Есть и другие, включая OrientGreenPowerCoLtd.(OGP) – ассоциированного члена группы Shriram EPC. OGP является дочерней компанией OrientGreenPowerPteLtd. (OGPP), Сингапур. Первоначально OGPP функционировала как дочерняя компания Shriram EPC SingaporePteLtd. (SEPCS), которая сама находится в полной собственности иностранной Shriram EPC Ltd., Ченнаи (Мадрас). После эмиссии акций двумя частными инвесторами OGPP, доля SEPCS в OGPP сократилась до 37,70%. В ходе первичного размещения в Индии акций OGP собрала 900 крор рупий⁷. По данным РБИ, вывоз ПЗИ из Индии компанией OGP составил 792,72 млн долл, тогда как ПИИ, полученные от материнской компании из Сингапура, по данным министерства торговли и промышленности Индии, не превысили 42,24 млн долл. Эти цифры позволяют предположить, что экспорт ПЗИ со счетов OGP гораздо более высокий, чем тот, который отражала ее материнская компания, и что в ходе ее деятельности определенные суммы были выведены из индийской экономики. В целом, в то время как некоторые индийские компании делают ставку на технологическое развитие, ряд экспортеров инвестиций не обладает преимуществами, за исключением тех финансовых ресурсов, которые были накоплены благодаря инвестициям в ценные бумаги и аккумуляции прибыли в ходе выброса новых ценных бумаг на растущий фондовый рынок.

На офшорные страны приходится 72,57% от общего объема вывоза индийских ПЗИ, которые направлены преимущественно в Сингапур (20,04%)

и Маврикий (19,98%), а также Нидерланды (10,99%), Кипр (9,37%), ОАЭ (5,28%), Британские Виргинские острова (1,77%), Остров Мэн (1,55%) и Каймановы острова (1,00%). Более того, основная масса прямых инвестиций в Индию также поступает из офшоров. При этом на Маврикий приходится порядка 43%, на Сингапур – 17%, на Кипр – 5%. Индийские компании, инвестирующие за рубеж, в основном используют свои заграничные дочерние компании или создают холдинговые компании и/или компании специального назначения (special purpose vehicles) в офшорных финансовых зонах или других региональных финансовых центрах.

Такие компании функционируют в качестве каналов мобилизации средств для инвестиций в другие страны. Они удобны в основном с деловой и юридической точек зрения, а также ввиду налоговых преимуществ и более легкого доступа к финансовым ресурсам. Огромное количество компаний использует такие офшорные страны как Маврикий, для инвестирования в Индию, Китай, Индонезию. Уже на протяжении 28 лет, с момента подписания налогового соглашения, такие компании, как Caterpillar, производитель землеройной техники, а также Банк Америк, Citigroup и Wells Fargo, через свои дочерние компании в Маврикии инвестируют в Индию. Маврикий освобождает иностранные компании, организовывающиеся бизнес в стране, от налогообложения, также между Индией и Маврикием подписан договор об избежании двойного налогообложения, что дает преимущество компаниям, инвестирующим в Индию через Маврикий. Выгодные налоговые соглашения не только защищают добросовестных инвесторов от двойного налогообложения и способствуют росту потоков ПЗИ, но и являются причиной циркуляции нелегального капитала.

В случае с Индией кругооборот капитала с использованием офшоров представляет собой вывоз его в Маврикий, а затем под видом иностранного он возвращается на родину. Таким образом, вместо долгосрочных зарубежных инвестиций в страну поступает отечественный капитал, не обремененный налоговой нагрузкой. И количество таких индийских предпринимателей, оперирующих в Индии под видом офшорного инвестора, неуклонно растет. По оценкам министерства финансов Индии, «благодаря» Маврикию, ежегодно Индия недополучает около 600 млн долл. налоговых поступлений. После ряда скандалов и налоговых проверок в данной связи, проводимых Центральным бюро расследований, которое является Агентством по борьбе с коррупцией в Индии, Сингапур стал рассматриваться в качестве приоритетного направления для ввоза и вывоза капитала. Согласно официальной политике, Сингапур запрещает создание фиктивных компаний, формально существующих, но не ведущих никакой деятельности, и компаний-однодневок.

В Сингапуре ставка корпоративного налога составляет 8,5% на прибыль до 300 000 долл. и 17% для большей прибыли, в то время как в Индии ставка корпоративного налога на прибыль составляет

30,9% на налогооблагаемый доход размером до 10 млн рупий и 33,9% на налогооблагаемый доход выше 10 млн рупий. В отличие от Индии, в Сингапуре нет налога на дивиденды и налога на прирост капитала. Между Индией и Сингапуром также подписано Соглашение о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве (с 2005 г.), которое представляет собой пакет документов о торговле товарами, услугами, инвестициях и сотрудничестве в таких сферах, как образование, интеллектуальная собственность, авиасообщение, страхование, межбанковское дело.

Таким образом, для Индии, так же как и для других стран БРИКС, характерен кругооборот капитала с использованием офшоров.

Роль государства в вывозе ПЗИ и особенности регулирования вывоза капитала

Индия всегда поддерживала дружественные дипломатические отношения с большинством стран мира и обеспечивала себе дипломатическое присутствие во всем мире посредством посольств. Ее политика неприсоединения и продвижения взаимоотношений между странами Юга способствовала улучшению отношений с другими развивающимися странами, особенно в Африке и Азии. Вероятно, именно эти дипломатические отношения способствовали созданию благоприятной атмосферы для индийских транснациональных предприятий, расширяющих свою деятельность за рубежом, в частности важную роль в предоставлении коммерческой информации и содействии в создании индийских СП в других государствах играли индийские посольства. Более того, широкая и непрерывно увеличивающаяся сеть зарубежных офисов индийских банков, находящихся в государственной собственности, также составляет инфраструктуру финансовых институтов, способную поддержать стремление индийских транснациональных предприятий к инвестированию в зарубежные проекты. Основные цели учреждения зарубежных филиалов были сформулированы в 1973 г., вскоре после национализации банковской сферы. Особое значение для осуществления многочисленных инвестиционных проектов зарубежные офисы государственных банков приобрели в 1970 – начале 1980-х гг. Разработка финансовой схемы ПЗИ в 1978 г. (применена на практике в EXIM Bank в 1982 г.) также стала одним из способов финансовой поддержки ПЗИ со стороны индийского правительства⁸.

С вышеуказанной схемой была тесно связана схема страхования ПЗИ, реализация которой осуществлялась Корпорацией кредитования и обеспечения экспорта. Кроме того, заключение индийским правительством соглашений об избежании двойного налогообложения и двусторонних инвестиционных соглашений со многими странами активизировало процесс выхода индийских ТНК на мировой рынок. Индия заключила двусторонние инвестиционные договоры (ДИД) с большим количеством стран. ДИД обеспечивает взаимные гарантии и упрощение двусторонних инвестици-

■ Экономика

онных потоков между странами и определяет правовые рамки для защиты инвестиций.

На 1 июня 2006 г. общее число стран, с которыми Индия имела ДИД, равнялось 55. Национальные налоговые льготы, которыми уже давно пользовались инвесторы в зарубежные проекты, также стали инструментом стимулирования вывоза ПЗИ. С 6 января 1994 г. Индия является членом Многостороннего агентства по инвестиционным гарантиям Всемирного банка, что предоставляет индийским транснациональным предприятиям, осуществляющим свою деятельность за границей, возможность воспользоваться гарантийными инструментами вышеуказанной организации. Вышеуказанные инициативы индийского правительства оказали положительное воздействие на деятельность индийских транснациональных предприятий особенно на первом этапе, когда большая часть инвестиций была направлена в страны Азии и Африки.

Что касается непосредственного участия государства в вывозе капитала в форме ПЗИ, в 1982 г. только четыре государственные компании принимали участие в текущих инвестиционных проектах, а их инвестиции составляли менее 3% общего объема ПЗИ, осуществлявшихся индийскими ТНК. Даже в конце 1990-х гг., когда объем

вывоза ПЗИ значительно возрос, очень немногие государственные компании принимали участие в этом процессе. С 2000 г. индийское правительство стало поощрять инвестиции со стороны крупных нефтегазовых предприятий (GAIL India Ltd., Oil and Natural Gas Corporation и Oil India) в энергетические проекты России, Центральной Азии, Африки и позже Латинской Америки, что внесло существенный вклад в увеличение общего объема вывоза ПЗИ. В целом государственные предприятия были вовлечены в осуществление ПЗИ и внесли значительный вклад в увеличение их объема, особенно в течение последних десяти лет. Тем не менее практически нет оснований предполагать, что деятельность госпредприятий за рубежом насколько-то существенно стимулировала развитие частных инвестиций. В целом наибольший вклад в осуществление вывоза индийских ПЗИ внес именно частный сектор.

Maltseva O.A. The distinguishing features of Indian outward FDI.

Summary: This article analyses the outstanding features of Indian outward foreign direct investments, factors, which determine this process. Also this article examines the particularities of Indian transnational corporations' behavior.

Ключевые слова

Международное движение капитала, страны с формирующимся рынком, Индия, вывоз капитала в форме ПЗИ, теория пути инвестиционного развития, транснациональные корпорации, офшоры, государственное регулирование.

Keywords

International capital movement, emerging market economies, India, OFDI, The Investment Development Path Theory, transnational corporations, offshores, government regulation.

Примечания

1. UNCTAD. World Investment Report. Non-equity modes of international production and development. New York and Geneva. 2011.
2. IMF. Balance of Payments Statistics. Yearbook. Part 1. Wash., 2011.
3. Peng, Mike, Towards an Institution-Based View of Business Strategy, 19(2–3) Asia Pacific Journal of Management, 2002. P. 251–267.
4. Tolentino, Paz Estrella. Explaining the competitiveness of multinational companies from developing economies: a critical review of the academic literature, 4(1) International Journal of Technology and Globalisation, 2008 P. 24.
5. Кузнецов А.В. Интернационализация российской экономики: Инвестиционный аспект. М.: КомКнига, 2007. С. 46.
6. Li, Peter P. Toward a geocentric theory of multinational evolution: the implications from the Asian MNEs as latecomers, Asia Pacific Journal of Management, 20(2), 2003. PP. 217–242. Mathews, John. Dragon Multinationals: New Players in 21st century Globalization, Asia Pacific Journal of Management, 23, 2006. PP. 5–27.
7. K.S. Chalapati Rao and Biswajit Dhar Formulating India's FDI Policy. Waiting for Godot, 2011 P. 13.
8. Jorden Dige Pedersen. Political Factors Behind the Rise of Indian Multinational Enterprises: An Essay in Political Economy//Sauvant Karl, Pradhan P. The rise of Indian Multinationals, 2010. P. 72.

Организационно-правовые основы деятельности Россотрудничества

Т.А. Занко

В статье рассматриваются вопросы организационно-правового обеспечения деятельности Россотрудничества, а также полномочия, задачи, основные направления деятельности. Автор подробно раскрывает работу Агентства по реализации государственных программ в сфере международного гуманитарного сотрудничества, а также предлагает перспективные формы работы с соотечественниками.

Одним из важнейших приоритетов государства всегда являлось укрепление позиций страны в мире, продвижение национальных интересов не только с помощью «жесткой силы», но и гуманитарными средствами. Влияние государства во многом зависит от способности продвигать свои национальные культурные ценности, литературу, искусство, музыку, язык – то есть использовать инструменты «мягкой силы»¹.

Одним из ключевых федеральных органов исполнительной власти в сфере обеспечения и развития международных отношений Российской Федерации с государствами-участниками СНГ, другими иностранными государствами, утверждения за рубежом объективного представления о современной России является Россотрудничество, созданное Указом Президента от 6 сентября 2008 г. № 1315 «О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества»².

Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) в своей деятельности подведомственно Министерству иностранных дел Российской Федерации³. Россотрудничество осуществляет работу за пределами Российской Федерации через свои предста-

вительства – российские центры науки и культуры за рубежом (РЦНК), а также через своих представителей в составе российских загранучреждений.

История Россотрудничества

Деятельность в сфере культурных связей с зарубежными странами и координация этой работы в масштабах Российского государства велась на протяжении многих десятилетий до создания Россотрудничества⁴. Его предшественниками были созданная в апреле 1925 г. общественная организация Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), учрежденный в 1958 г. Союз советских обществ дружбы (ССОД), ему на смену пришел учрежденный в 1992 г. Международный союз общественных объединений «Российская ассоциация международного сотрудничества» (РАМС), смененный в 1994 г. Российским Центром международного научного и культурного сотрудничества (Росзарубежцентром), в 2002 г. включенным в состав МИД РФ.

ВОКС направлял в зарубежные страны делегации и представителей советской науки и культуры для участия в конгрессах и конференциях; театральные коллективы, музыкальные и хореографические ансамбли; организовывал обмен литературой и музейными экспонатами и т.д. Именно по линии ВОКС начали осуществляться первые

Занко Тигран Антонович – преподаватель кафедры государственного управления и права МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

поездки советских граждан за границу. Представители советского искусства стали принимать участие в зарубежных фестивалях и конкурсах. Но самое главное, при поддержке ВОКС по всему миру создавались так называемые общества дружбы.

В 1958 г. многочисленные общества дружбы были объединены в ССОД, который продолжил деятельность ВОКСа и стал массовым добровольным объединением советских общественных организаций, в работе которого участвовали более 50 млн человек, а ежегодное количество мероприятий превышало 25 тысяч. ССОД поддерживал контакты с 7,5 тыс. организаций, общественными деятелями и представителями науки и культуры из 134 стран. По всему миру действовало 108 общественных ассоциаций, институтов дружбы с СССР.

Распад СССР и, как следствие, возникновение новых независимых государств продиктовали необходимость поиска новых механизмов международного гуманитарного сотрудничества. На смену ССОД пришел Международный союз общественных объединений «Российская ассоциация международного сотрудничества» (РАМС), учрежденный с целью координации работы российских негосударственных структур в сфере народной дипломатии.

В 1994 г. был создан Российский Центр международного научного и культурного сотрудничества (Росзарубежцентр), получивший уже статус государственного органа при Правительстве Российской Федерации, который затем в 2002 г. перешел в ведение МИДа России. Развитие международных отношений, активизация внешней политики России в культурно-гуманитарной сфере, более широкое привлечение механизмов народной дипломатии с целью выстроить доверительные отношения с зарубежной общественностью предопределили необходимость формирования стратегии, отвечающей потребностям новой эпохи и созданию уже федерального органа исполнительной власти – Россотрудничества.

Правовые основы деятельности

Правовое регулирование деятельности Россотрудничества, а также деятельности в сфере работы с соотечественниками осуществляется на уровне международных соглашений, федерального законодательства, подзаконных нормативно-правовых актов Президента, Правительства, МИДа России, ведомственных приказов.

Одним из направлений деятельности Россотрудничества является планомерная подготовка совместно с Правительством Российской Федерации и МИДом России нормативно-правовой базы, регламентирующей функционирование в иностранных государствах российских центров науки и культуры. В 2010–2012 гг. было завершено формирование в формате межправительственных соглашений нормативно-правовой базы деятельности РЦНК в 11 государствах (Абхазии, Белоруссии, Германии, Венесуэле, Иордании, Киргизии, Китае, Никарагуа, Словении, Таджикистане и Южной Осетии).

К федеральному законодательству можно отнести Федеральный закон от 24 мая 1999 г. №99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»⁵, в котором нормативно закреплено понятие «соотечественник», а также определены основные направления и механизмы поддержки соотечественников в сфере экономики, культуры, языка, религии, образования, информации.

Поскольку в соответствии с Указом Президента от 21 мая 2012 г. № 636⁶ Россотрудничество является Федеральным агентством, подведомственным напрямую МИДу России, а вместе с ним и Президенту Российской Федерации, основной объем нормативно-правового регулирования осуществляется на уровне указов президента. Среди указов Президента России прежде всего необходимо выделить уже упомянутый Указ от 6 сентября 2008 г. №1315 «О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества» вместе с «Положением о Федеральном агентстве по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству». Указом был упразднен Росзарубежцентр, а его функции переданы Россотрудничеству. Помимо этого указ устанавливал основные параметры структурной организации Федерального агентства, штатную численность центрального аппарата (275 человек) и загранучреждений (600 человек), полномочия и организационные основы деятельности.

Деятельность загранучреждений Россотрудничества, задачи и функции представительств определяются Указом Президента Российской Федерации от 13 ноября 2009 г. № 1283 «Об утверждении Положения о представительстве Россотрудничества за рубежом и представителе Агентства в составе дипломатического представительства Российской Федерации»⁷. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации»⁸ ставит задачи по:

- расширению российского присутствия за рубежом;
- укреплению позиций русского языка в мире;
- развитию сети российских центров науки и культуры;
- более эффективному использованию ресурса публичной дипломатии;
- вовлечению гражданского общества во внешнеполитический процесс;
- совершенствованию информационного сопровождения внешнеполитической деятельности в интересах объективного восприятия Российской Федерации на международной арене.

На уровне постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации в основном регулируются вопросы финансового обеспечения деятельности Россотрудничества и реализации федеральных целевых программ. Так, в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. №164-р утверждена

Концепция федеральной целевой программы «Русский язык» на 2011–2015 гг.

Внутренними приказами Россотрудничества в основном регулируются вопросы организации прохождения государственной службы в структуре ведомства, квалификационные требования, порядок замещения вакантных должностей, присвоения ведомственных наград, порядок премирования и выплат материальной помощи, порядок сдачи квалификационных экзаменов, проведения аттестации, служебный распорядок и т.д.⁹

Организационная структура

Россотрудничество в своей деятельности подчиняется Министерству иностранных дел Российской Федерации, при этом в целом руководство и определение основных направлений внешнеполитической деятельности страны осуществляет президент. В структуре Администрации Президента в данном контексте можно выделить Управление по внешней политике, которое участвует в разработке общей стратегии внешней политики государства, обеспечивает реализацию президентом его полномочий в указанной сфере¹⁰.

Необходимо также отметить деятельность Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом, которая является координационным органом Правительства Российской Федерации, обеспечивающим согласованные действия органов власти всех уровней¹¹.

В структуре МИДа России вопросы двусторонних отношений с государствами СНГ, а также работу Департамента по работе с соотечественниками за рубежом (ДРС) курирует непосредственно статс-секретарь-заместитель министра иностранных дел.

Россотрудничество организационно состоит из центрального аппарата и зарубежных представительств. Возглавляет агентство руководитель, назначаемый и освобождаемый от должности Указом Президента Российской Федерации¹², на которого могут быть возложены обязанности специального представителя президента по связям с государствами-участниками СНГ¹³ и который по должности является членом Коллегии МИДа России.

В соответствии с Положением о Россотрудничестве руководитель имеет четырех заместителей, а структура центрального аппарата включает девять управлений по основным направлениям деятельности, среди них:

- Управление образовательных, молодежных программ и поддержки русского языка;
- Управление международного гуманитарного сотрудничества и РЦНК;
- Управление культурных программ;
- Управление по работе с соотечественниками и НПО;
- Управление информационного обеспечения;
- Управление-секретариат Федерального агентства;
- Управление валютно-финансового и материально-технического обеспечения.

Предельная штатная численность централь-

ного аппарата составляет 257 единиц (при этом не учитывается персонал по ремонту и обслуживанию зданий и помещений). Сегодня Россотрудничество представлено в 76 странах 59 российскими центрами науки и культуры, 8-ю их филиалами и 17-ю представителями федерального органа в составе дипломатических миссий Российской Федерации. Географически Россотрудничество охватывает территорию от Соединенных Штатов Америки до Японии и от Финляндии до Аргентины. Предполагается, что к 2020 г. в мире будет действовать более 100 российских центров науки и культуры (по другим сведениями, дополнительно откроются еще около 35 центров до 2015 г.).

С одной стороны, МИДом РФ проделана большая работа, но, к примеру, центров Конфуция (китайских аналогов РЦНК) на данный момент насчитывается 850, и эта цифра постоянно растет¹⁴. При этом, по словам министра иностранных дел С.В. Лаврова, в капитальном ремонте нуждается до 80% того фонда, которым располагает Россотрудничество за рубежом¹⁵.

Предельная численность заграничного аппарата РЦНК составляет 600 единиц, причем 185 – это работники, направляемые за рубеж, и 415 единиц – принимаемых на работу в государстве пребывания.

Полномочия, задачи, основные направления деятельности

Среди основных полномочий Россотрудничества, закрепленных в Положении, можно выделить то, что агентство осуществляет функции государственного заказчика по федеральным и ведомственным целевым программам. Так, на данный момент реализуются федеральная целевая программа «Русский язык», рассчитанная на 2011–2015 гг., Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств-участников СНГ до 2020 г., Программа краткосрочных ознакомительных поездок в Российскую Федерацию представителей политических, общественных, научных и деловых кругов иностранных государств. Помимо того, Россотрудничество:

- взаимодействует с международными и региональными организациями, созданными на территории СНГ;
- разрабатывает и реализует программы помощи государствам-участникам СНГ;
- взаимодействует в научной, культурной, экономической, информационной и гуманитарной областях с некоммерческими, неправительственными организациями и религиозными организациями по всему миру;
- содействует развитию деловых связей;
- организует мероприятия по сохранению находящихся за рубежом объектов, имеющих для Российской Федерации историко-мемориальное значение.

Отдельное внимание уделяется продвижению на мировой рынок образовательных услуг российских учебных и научных учреждений, расширению сотрудничества между российскими и зарубежными образовательными учреждениями. Неслучайно поставлена задача, чтобы к 2020 г. не менее пяти

■ Право

российских вузов вошли в первую сотню ведущих мировых университетов.

Одна из важнейших задач – создание позитивного имиджа России за рубежом, которая может решаться путем эффективного использования площадок Россотрудничества для презентации страны, механизмов общественной дипломатии, возрождением так называемых обществ дружбы с зарубежными странами, организации краткосрочных ознакомительных поездок в нашу страну молодежи из числа интеллектуальной, политической, экономической и культурной элиты зарубежных стран.

Интересной и зарекомендовавшей себя формой международного культурного сотрудничества стало проведение перекрестных годов. Уже были проведены Год Испании в России (2011), Год Италии в России (2011), Год Франции в России (2010), Год Китая (2010), Год Болгарии (2009). 2012 г. стал Годом Германии в России, а на 2013 г. запланировано проведение перекрестного года с Нидерландами.

Все больше возрастает роль народной дипломатии, которая включает в себя деятельность по взаимодействию с гражданским обществом и аудиториями зарубежных стран. Россотрудничество осуществляет сотрудничество с такими неправительственными организациями, как Фонд «Русский мир», Фонд Андрея Первозванного, Библиотека-фонд «Русское зарубежье», Российский фонд культуры, Международный совет российских соотечественников, Союз театральных деятелей, Международный союз музеев, Международная

ассоциация «Породненные города», Московский союз обществ дружбы, Санкт-Петербургская ассоциация международного сотрудничества и многими другими.

Россотрудничество, несомненно, становится все более сильным и эффективным, а самое главное – гибким инструментом внешней политики государства, механизмом реализации «мягкой силы». Но предстоит значительная работа в этом направлении, ведь сейчас наблюдается диспаритет: с одной стороны, Россия обладает значительным военным и экономическим потенциалом, имеет высокую степень инвестиционной привлекательности, но все эти плюсы нивелируются негативным восприятием страны за рубежом. Образ государства – один из наиболее значимых факторов его конкурентоспособности на международной арене, и поэтому можно сказать, что основная задача Россотрудничества сводится к формированию правдивого, объективного и непредвзятого отношения к России.

Zanko T.A. Organizational and legal basics for Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation (Rossotrudnichestvo).

Summary: The article covers the organizational and legal basics for Rossotrudnichestvo as well as its powers, objectives, activities. The author analyzes the activities of the Agency involving implementation of governmental programs in the field of international humanitarian cooperation, and highlights promising forms of work with expatriates.

Ключевые слова

Россотрудничество, МИД России, государственное управление, дипломатическая служба, РЦНК, соотечественники, гуманитарное сотрудничество, общества дружбы, имидж России, «мягкая сила».

Keywords

Rossotrudnichestvo, MFA of Russia, diplomatic service, public administration, Russian Centre of Science and Culture (RCSC), compatriots, humanitarian cooperation, friendship societies, Russia's image, «soft power».

Примечания

1. Стенограмма выступления Председателя Правительства Российской Федерации Д.А.Медведева на совещании руководителей представительств Россотрудничества за рубежом. Москва, 03 сентября 2012 г.// <http://government.ru/stens/20531/>.
2. Указ Президента Российской Федерации от 6 сентября 2008 г. № 1315// Собрание законодательства. 2008. № 37. Ст. 4181.
3. Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2004 г. № 865 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. №28. Ст. 2880.
4. История отечественной публичной дипломатии // <http://rs.gov.ru/node/565>
5. Федеральный закон от 24 мая 1999 г. №99-ФЗ// Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 22. Ст. 2670.
6. Указ Президента Российской Федерации от 21 мая 2012 г. № 636 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. №22. Ст. 2754.
7. Указ Президента Российской Федерации от 13 ноября 2009 г. № 1283 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 46. Ст. 5462.
8. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 605 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. №19. Ст. 2342.
9. Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти от 6.12.2010 г. № 49; 18.05.2009 г. № 20; 30.11.2009 г. № 48.
10. Указ Президента Российской Федерации от 29 июня 2004 г. № 815 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 27. Ст. 2750.
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 11 декабря 1994 г. № 1369 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. №34. Ст. 3606.
12. Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2012 г. № 278 // Собрание законодательства. 2012. № 11. Ст. 1281.
13. Указ Президента Российской Федерации от 12 августа 2012 г. № 1102 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 32. Ст. 4523.
14. "Коммерсантъ-Online", 03.09.2012, <http://www.kommersant.ru/doc/2014308>
15. Стенограмма выступления Министра иностранных дел С.В. Лаврова на совещании руководителей представительств Россотрудничества за рубежом. Москва, 03 сентября 2012 г.// <http://government.ru/stens/20531/>

Организация деятельности финансовых регуляторов в Европейском союзе

Р.А. Касьянов

В настоящей статье исследуются современные тенденции развития интеграционных процессов в Европейском союзе в сфере регулирования рынка финансовых услуг, изучены последние важные этапы развития правовых основ финансовой интеграции в ЕС, рассмотрен процесс эволюции институциональных основ финансовой интеграции, заметно усилившийся в результате мирового и финансового кризиса 2008 г. В статье автор подчеркивает, что ЕС постоянно совершенствует общеевропейский механизм регулирования сферы финансовых услуг и с каждым разом переходит ко все более действенным его вариантам. Следующий этап реформы начнется в 2013 г., в ходе которого должны быть реализованы важные законодательные инициативы Евросоюза в финансовой сфере.

Рост безработицы, увеличение налогов, снижение реальных доходов, чрезмерная долговая нагрузка домохозяйств и большинства правительств европейских стран, высокая волатильность европейской валюты, установление более жестких правил в отношении нарушителей правовых норм Европейского союза (ЕС) – это лишь неполный перечень тем, которые активно обсуждаются в СМИ, социальных сетях, а также на университетских научно-практических конференциях. Множество специальных исследований посвящены изучению причин последнего кризиса. Некоторые исследователи вновь обратились к теории российского ученого Н. Кондратьева¹. Уже готовятся рецепты для борьбы с последующими кризисами, которые, если исходить из теории кондратьевских циклов, обязательно возникнут².

Если обратиться к анализу современной ситуации в мировой экономике и финансах, то

здесь оценки крайне противоречивы. Крайне пессимистичные предсказывают скорый развал еврозоны, да и всей мировой финансовой системы, опирающейся на экономическую и военную мощь США. Слишком оптимистичные признают практически полную победу над кризисом.

Жизнеспособность современных концепций подтвердится или нивелируется со временем. В данном исследовании мы исходим из следующих тезисов:

– во-первых, кризис еврозоны во многом обусловлен политической ангажированностью авторов этого смелого эксперимента, а также упущенными возможностями ряда ее членов по структурному реформированию своих национальных хозяйств в 2000-х гг.³;

– во-вторых, европейская «модель дала сбой там, где она была явно несовершенна, а именно – в финансовых механизмах регулирования»⁴.

Касьянов Рустам Альбертович – к.ю.н., доцент кафедры европейского права МГИМО(У) МИД России.
E-mail: rprof@mail.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Международно-политические и правовые аспекты интеграционных проектов с участием Российской Федерации», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8015).

Первое десятилетие XXI в. в ЕС было богатым на различные знаковые события. Это десятилетие можно сравнить с периодом 1950–1960 гг., когда различные интеграционные силы, набравшие мощь после Второй мировой войны, обрели институциональные очертания в лице трех сообществ (ЕОУС, ЕЭС и Евратом) и был дан старт европейской интеграции, так как европейские государства добровольно ограничили свои суверенные права по целому ряду вопросов и передали их в ведение наднациональных институтов. Дальнейшее развитие интеграционного процесса привело к образованию Европейского союза в его современном понимании.

Результаты этого десятилетия были действительно впечатляющими. 2002 г. – произошла крупнейшая за всю мировую историю валютнообменная операция, так как 12 государств-членов ЕС с общим населением около 308 млн человек ввели на собственной территории в наличный оборот единую валюту – евро⁵. 2004 и 2007 гг. – 12 государств стали полноправными членами ЕС. 2004 г. – подписан Договор об учреждении Конституции для Европы, который хотя и не вступил в силу, тем не менее был шагом вперед. Сам факт подготовки и подписания такого рода документа ярко продемонстрировал, что идея Ж. Монне⁶ о том, что «только по мере того, как действие Сообществ утвердится, уже наметившиеся солидарные связи между людьми окрепнут и распространятся. Тогда сама реальность позволит реализовать политический союз, который является целью нашего Сообщества, что приведет к учреждению Соединенных Штатов Европы». ЕС по праву считают образованием *sui generis* с определенным набором признаков, которыми в юридической науке наделяют государства.

Наряду с выдающимися успехами в действиях ЕС можно выделить и явные ошибки, основная часть которых лежит в области экономической и финансовой политики. В сфере экономики одной из центральных проблем остается неравномерное экономическое развитие государств – членов Европейского союза. Дисбаланс в уровне развития между индустриальным и высокотехнологичным Севером и аграрным и туристическим Югом Европы не только не был преодолен, но и усугубился. Уровень экономического развития государств – новых членов ЕС также оказался крайне неоднородным и в большинстве случаев не дотягивал до средних европейских показателей. Если бы не кризис, то многочисленные программы помощи, финансируемые за счет собственных ресурсов ЕС, с годами могли бы несколько сгладить обстановку, но вряд ли бы решили эту проблему до конца.

Не воспользовался ЕС и возможностью усовершенствовать действующий правовой механизм, хотя в рассматриваемый период были внесены в учредительные договоры многочисленные изменения. Лиссабонский договор, вступивший в силу 1 декабря 2009 г., полностью воспроизводил старые и малопродуктивные механизмы регулирования

экономической политики ЕС. Экономическая политика государств – членов ЕС по-прежнему регулируется с помощью «главных ориентиров экономической политики»⁷, причем в данном случае само выражение красноречиво говорит о необязательном и крайне размытом характере данного механизма. Властные решения по-прежнему принимаются Советом ЕС, то есть институтом, представляющим прежде всего сами государства, большинство которых нарушают положения договоров и не станут наказывать самих себя или даже самые слабые звенья, например Грецию, не опасаясь при этом эффекта бумеранга.

Эти и некоторые другие пробелы в области экономического регулирования старается срочно решить Европейский союз. Звучат очень емкие по содержанию и правовым последствиям обращения высших руководителей Евросоюза: «Для построения настоящего и углубленного экономического и валютного союза, а также политического союза с последовательной общей внешней и оборонной политикой важно, чтобы хорошо известный нам Европейский союз стал меняться. Не будем бояться громких слов: мы должны двигаться в направлении федерации национальных государств. Это то, что нам нужно, это наш политический горизонт. Именно к данной амбициозной цели стоит стремиться в ближайшие годы в нашей работе... В эпоху глобализации совместная реализация суверенитета означает не потерю, а усиление власти»⁸.

Современные руководители ЕС полны решимости придать данному интеграционному проекту больше жизнеспособности и эффективности, что невозможно без перехода на следующие, более высокие уровни сотрудничества и интеграции. Для этого придется прибегнуть к более радикальным реформам, а первые позитивные результаты будут достигнуты не сразу.

Проблемы регулирования финансового сектора вызваны также несовершенством законодательства, недостатками механизма регулирования.

Учредительные договоры ЕС не содержат специального раздела, посвященного регулированию рынка финансовых услуг. Европейское финансовое право⁹ до сих пор развивается в основном за счет активного законотворчества институтов, которые с каждым годом принимают все большее количество директив и регламентов, регулирующих те или иные сегменты финансового рынка. Но ЕС заинтересован в интеграционном регулировании данной сферы, поэтому о переходе к качественно новому этапу развития финансового законодательства говорит принятие "Плана действий в сфере финансовых услуг" (ПДСФУ) в мае 1999 г. Основная цель ПДСФУ состоит в том, чтобы обеспечить европейские финансовые рынки детально разработанной и совершенной правовой базой. Для этого был предусмотрен целый комплекс мер, в том числе принятие нескольких десятков нормативных актов в трех основных областях: в области рынка ценных бумаг, в банковской сфере и в области страхования.

Реализация ПДСФУ была рассчитана на пять лет, и уже в 2005 г. принят новый документ – "Белая книга ЕС по политике финансовых услуг в период 2005–2010 гг.". Основная цель Белой книги состояла в развитии достигнутых ранее успехов, так как результаты исполнения ПДСФУ и его потенциал были настолько велики, что ЕС отказался в тот момент от масштабных законодательных инициатив. Характеризуя итоги ПДСФУ и комментируя задачи финансовой интеграции на период 2005–2010 гг., Ч. МакКриви, бывший Европейский комиссар по Общему рынку и услугам, сказал: «Европейская финансовая интеграция реально прогрессировала в течение последних пяти лет. Задача теперь состоит в том, чтобы закрепить достигнутые результаты и вместе работать по улучшению законодательства... Новые инициативы предусмотрены только в нескольких конкретных областях»¹⁰.

В период кризиса 2008 г. позиция ЕС стала постепенно меняться, но время вновь было упущено, а финансовые рынки, как известно, не любят медлительности. Данная логика действий ЕС – действия предпринимаются и даже в верном направлении, но их либо недостаточно, либо они приняты с опозданием – прослеживается и в области организации деятельности финансовых регуляторов. Рассмотрим этот вопрос более детально. Для создания конкурентоспособной экономики в зоне ЕС необходимо перейти к эффективному организационно-правовому механизму регулирования трех основных областей Европейского финансового пространства – инвестиционные услуги на рынке ценных бумаг, банковская и страховая деятельность. Эти области подвержены схожим системным рискам, что предполагает необходимость организации на общеевропейском уровне эффективного контрольного механизма, а быстрая эволюция указанных сфер финансовой деятельности требует столь же своевременной реакции со стороны европейского законодателя. В связи с этим институты ЕС начали процесс Ламфалусси¹¹, выражающийся в создании новой организационно-правовой структуры в сфере регулирования финансовых услуг.

Данный процесс, получивший имя одного из своих разработчиков, ознаменовал переход к новой процедуре принятия решений и способствовал установлению более эффективной системы контроля за их исполнением. В организационном плане предложенные реформы сопровождались созданием новых комитетов, основной функцией которых стала техническая и консультативная поддержка Европейской комиссии. Сначала были созданы Европейский комитет по ценным бумагам (ЕКЦБ)¹² и Комитет европейских регуляторов ценных бумаг (КРЦБ)¹³. С момента создания в 2001 г. эти комитеты участвуют в выработке и применении норм европейского финансового права, закрепленных директивами и регламентами. Одна из центральных ролей в схеме, предложенной Комитетом Ламфалусси, отводилась КРЦБ как посредника в отношениях между Европейской комиссией и национальными регулятивно-надзорными органами.

Это можно считать механизмом постоянного и тесного сотрудничества национальных регуляторов, позволяющим достичь единообразного понимания многих сложных вопросов в финансово-правовой сфере. Данный диалог позволил КРЦБ контролировать правильное и единообразное применение коммунитарных норм на национальном уровне. Незаменима роль КРЦБ и при подготовке новых нормативно-правовых актов, так как они принимаются в соответствии с заключениями данного комитета.

С момента возникновения и вплоть до кризиса 2008 г. процесс Ламфалусси доказал свою эффективность и целесообразность. Эту точку зрения разделяют государства – члены ЕС, европейские институты¹⁴ и национальные регуляторы¹⁵. Процедура принятия решений стала более эффективной и быстрой. В среднем потребовалось около 20 месяцев, чтобы принять первые четыре директивы согласно новым правилам процесса Ламфалусси (для сравнения: процесс принятия директивы об инвестиционных услугах растянулся на 4 года – 1989–1993 гг.).

Более того, преимущества нового подхода были настолько очевидны, что спустя несколько лет было решено заимствовать удачный механизм и применить его к регулированию всей сферы финансовых услуг, то есть расширить сферу его действия на банковскую сферу и область страхования. Европейская комиссия исходила из того, что национальные законодатели и регулирующие органы в банковском и страховом секторах, а также в сфере деятельности инвестиционных фондов вынуждены довольствоваться системой, которая неприменима в условиях бурного развития финансовых рынков и постоянного роста числа членов ЕС. В связи с этим требовалось улучшить регулирование всей сферы финансовых услуг, чтобы быстро и эффективно реагировать на изменения финансовых рынков, ускорить их интеграцию и обеспечить лучшую защиту прав потребителей. Данные намерения были реализованы в результате принятия директивы Европейского парламента и Совета № 2005/1/ЕС от 9 марта 2005 г. об изменении директив Совета № 73/239/ЕЭС, № 85/611/ЕЭС, № 91/675/ЕЭС, № 92/49/ЕЭС, № 93/6/ЕЭС и директив № 94/19/ЕС, № 98/78/ЕС, № 2000/12/ЕС, № 2002/83/ЕС и № 2002/87/ЕС в целях учреждения новой организационной структуры для финансовых услуг¹⁶.

Основная цель данной директивы состояла в упразднении системы старых комитетов и построении новой организационной формы наподобие той, которая уже успешно действовала в области регулирования рынка ценных бумаг. Для этого предполагалось создать четыре новых комитета. Европейский банковский комитет (ЕБК)¹⁷ и Европейский комитет по страхованию и трудовым пенсиям (ЕКСТП)¹⁸ должны были помогать Европейской комиссии в принятии исполнительных мер. Они должны были стать своего рода аналогом ЕКЦБ в области регулирования рынка ценных бумаг. Решения о создании ЕБК и ЕКСТП были приняты, и они заменили собой действовавшие в то время

консультативные профильные комитеты. Кроме того, полномочия контактного комитета, установленного в рамках директивы № 85/611/ЕЭС¹⁹ (ст. 53), были переданы ЕКЦБ (ст. 34–35 директивы № 2005/1/ЕС от 9 марта 2005 г.). В состав Европейского комитета банковских контролеров (ЕКБК)²⁰ и Европейского комитета контролеров в области страхования и трудовых пенсий (ЕККСТП)²¹ входят представители национальных контролирующих органов, а сами комитеты выполняют функции, схожие с возложенными на КРЦБ в отношении директив, касающихся ценных бумаг.

Одновременно была образована межинституциональная Группа наблюдения за рынками ценных бумаг. В данную структуру входили шесть независимых экспертов (по два представителя от Европейского парламента, Совета и Европейской комиссии). Они должны оценивать результаты выполнения процесса Ламфалусси. Так, на первом заседании Группы наблюдения, состоявшемся в октябре 2002 г., было предложено усилить полномочия КРЦБ при определении стандартов в регулируемой области. Кроме того, было решено позволить ЕКЦБ и КРЦБ самостоятельно регулировать возможные конфликты между их членами и организовать более интегрированное наблюдение за рынками.

Таким образом, главные составляющие финансового рынка ЕС в том виде, в котором они представлены в ПДСФС, были охвачены действием нового, инновационного на тот момент, механизма регулирования. Процесс Ламфалусси, быстро доказав свою эффективность, так же быстро стал нуждаться в реформировании. Это было вызвано двумя причинами. Во-первых, реформирование процесса Ламфалусси было запланированной мерой. Директива Европейского парламента и Совета № 2005/1/ЕС от 9 марта 2005 г. предусматривала, что Европейская комиссия приступит в конце 2007 г. к пересмотру процесса Ламфалусси. На очередном заседании Совета министров экономики и финансов (Совет ЭКОФИН), которое состоялось в Люксембурге в октябре 2007 г., было решено принять новые меры, направленные на усиление финансовой стабильности внутри Евросоюза²². Улучшение процесса Ламфалусси расценивалось как необходимое дополнение этих мер. Практически одновременно Группа наблюдения в сфере финансовых услуг опубликовала свой итоговый доклад о функционировании комитетов 3-го уровня²³.

В докладе говорилось о необходимости усиления роли данных комитетов, что требовало более четкого нормативного определения их задач и компетенции. Комитеты должны были пересмотреть некоторые процедурные правила. Ряд положений данного итогового доклада опирался на сделанные ранее промежуточные доклады, представленные в марте 2006 г.²⁴ и январе 2007 г.²⁵ Возможности и пути реформирования процесса Ламфалусси изучала и Европейская комиссия. В "Белой книге ЕС по политике финансовых услуг в период 2005–2010 гг." также говорилось о необходимости реформы. Сообщение Европейской комиссии от 20 ноября 2007 г., озаглавлен-

ное "Пересмотр процесса Ламфалусси – усиление контрольной конвергенции"²⁶, было непосредственно посвящено этому вопросу. Предложения Европейской комиссии и Группы наблюдения в сфере финансовых услуг легли в основу заключений Совета ЭКОФИН, состоявшегося 4 декабря 2007 г. в Брюсселе²⁷. Министры экономики и финансов государств – членов ЕС определили содержание и график проведения основных мероприятий по реформированию на 2008 г.

Предложенные меры носили умеренный характер и не полностью выражали волеизъявление ряда государств – членов ЕС, желавших принятия более радикальных мер. «Дорожная карта, принятая министрами финансов, еще очень далека от тех амбиций, которые должны быть присущи Европе в этом стратегическом вопросе»²⁸ – именно так государственный секретарь Франции по общеевропейскому сотрудничеству сформулировал общую позицию Франции и Италии²⁹, которую данные государства отстаивали на том заседании Совета ЭКОФИН. Действительно, некоторые кардинальные меры были отклонены. В частности, было решено отказаться от предоставления независимой нормативной компетенции комитетам 3-го уровня процесса Ламфалусси. В то же время постепенная реализация предложенных реформ должна была привести к более тесному сотрудничеству национальных контрольных органов.

Во-вторых, определенные коррективы внес мировой финансовый и экономический кризис 2008 г. Процесс Ламфалусси, пусть даже реформированный, уже не мог полностью обеспечить надлежащее финансовое регулирование в жестких условиях кризиса. От ЕС требовались быстрые и решительные меры. В самый разгар финансового кризиса – в ноябре 2008 г. – Европейская комиссия поручила группе экспертов под председательством Жака де Ларозьера³⁰ изучить возможные схемы усовершенствования в области финансового надзора и регулирования. Доклад был представлен 25 февраля 2009 г. и содержал 31 рекомендацию, которые касались ряда практических решений в области усовершенствования мер регулирования и надзора³¹. Доклад группы Ж. Ларозьера подчеркивал различия, которые существуют в настоящее время в области предотвращения, урегулирования и разрешения кризисов. Доклад указывает на трудности, возникающие из-за отсутствия должного сотрудничества, координации, согласованности и доверия между национальными надзорными органами. Зачастую на европейские компании ложится обязательство соблюдать одновременно несколько различных нормативных положений, что приводит к дополнительным административным и финансовым издержкам.

В докладе говорится о необходимости разработать базовый набор стандартов, которые должны быть согласованы и единообразно применяться во всех странах ЕС. Для этого необходимо выявить и устранить различия в законодательных системах государств – членов ЕС, возникшие вследствие национальных исключений, изъятий и дополнений

или вытекающие из неясностей в уже действующих нормативных документах. Основываясь на докладе Ж. Ларозьера, Европейская комиссия предложила законодательные меры, направленные на реформу действующих надзорных органов (структуры Ламфалусси), которые перестали отвечать новым кризисным требованиям. Очень характерна в этом плане характеристика действовавшей в тот момент системы финансового надзора, данная Ч. Маккриви: «Европейский финансовый надзор не успевает за ритмом интеграции рынков. Кризис показал, что нынешняя система недостаточно быстра и не адаптирована к единому рынку финансовых услуг. Новая система позволит объединить опыт всех тех, кто несет ответственность за обеспечение финансовой стабильности, их координация обеспечивается сильными европейскими органами. Эта инициатива является ответом Комиссии как на недостатки, выявленные во время кризиса, так и на призыв G-20 к созданию более мощной и гармонизированной на международном уровне системы регулирования и надзора за финансовыми услугами»³².

Результатом реформы, предложенной Европейской комиссией, стало создание трех новых надзорных европейских органов и Европейского комитета по системным рискам. С 1 января 2011 г. в ЕС действуют Европейский банковский орган³³, Европейский орган в области страхования и трудовых пенсий³⁴, Европейский орган в области рынка ценных бумаг³⁵. Данные надзорные органы будут работать сообща с национальными регуляторами, причем сотрудничество должно носить тесный характер, чтобы обеспечить реальную гармонизацию национального законодательства и гарантировать строгое соблюдение норм европейского финансового права.

Данные органы вправе:

- создавать специальные правила, которые будут обязательны для национальных властей и финансовых учреждений;
- срочно реагировать в случае изменения ситуации на финансовых рынках, например запрещая некоторые финансовые инструменты;
- выполнять посредническую роль между национальными регуляторами и содействовать выработке общих позиций по сложным финансовым вопросам;
- обеспечивать надлежащее применение норм европейского финансового права.

Создание этих органов, ответственных за регулирование рынка финансовых услуг на уровне ЕС, положительно оценили не только представители институтов, подготовивших и реализовавших реформу, но и профессионалы, которые считают, что произошла «настоящая революция в процессе интеграции европейских финансовых рынков»³⁶. Главным достижением реформы стало наделение новых органов правом принимать самостоятельные решения. Действительно, был сделан важный шаг вперед в направлении создания более совершенной архитектуры финансового регулирования и надзора в ЕС. Но, по нашему мнению, значение

этого шага не стоит преувеличивать, так как само по себе право принятия самостоятельных решений подчинено соблюдению ряда условий и не является абсолютным.

В результате проведенной реформы был изменен механизм координации деятельности национальных регулятивных органов в финансовой сфере, что привело к совершенствованию деятельности самих национальных регуляторов. В результате многие из них были реформированы. В последние годы в Европе можно отметить тенденцию к реформированию деятельности национальных регулятивно-надзорных органов: усовершенствуется механизм их деятельности, расширяются и усиливаются полномочия. Эти тенденции могут стать предметом отдельного исследования. Положительно воспринято и создание Европейского комитета по системным рискам (ЕКСР)³⁷. В сферу ответственности ЕКСР входят макроэкономические риски, то есть риски для глобальной финансовой стабильности. Главная задача ЕКСР – мониторинг всей совокупности экономических и финансовых показателей, раннее оповещение о возможных рисках и, в случае необходимости, выработка рекомендаций для заинтересованных сторон. Такого механизма, специального созданного для изучения макроэкономических показателей всего ЕС и отдельных его государств-членов, а также отвечающего за сбор и оценку информации по всем рискам в финансовом секторе, ранее не существовало. Именно после кризиса 2008–2009 гг. пришло понимание, что без обязательных систем мониторинга и контроля, а также без возможности обращения к глобальным механизмам раннего предупреждения в современных условиях не обойтись.

Сегодня еще рано давать окончательные оценки механизму, предложенному группой Ж. Ларозьера. Данный набор очередных реформ финансовой сферы ЕС, который мы обозначим как процесс Ларозьера, можно будет охарактеризовать только в среднесрочной перспективе. Процесс Ларозьера пока не проявил себя в полной мере и с большой долей вероятности будет совершенствоваться. Мировой финансовый и экономический кризис продолжается, и, судя по всему, именно зона ЕС сейчас подвержена наибольшим рискам обострения ситуации на финансовых рынках. Международные рейтинговые агентства практически ежемесячно снижают кредитные рейтинги государств – членов ЕС, рейтинги крупных европейских предприятий, банков, финансовых корпораций. Так, в октябре 2012 г. агентство Standard & Poor's понизило долгосрочные рейтинги 11 кредитных учреждений Испании, в том числе и рейтинг крупнейшего испанского банка Сантандер³⁸.

В этих условиях ЕС готов сделать новый важный шаг – создать Банковский союз. В ходе Европейского совета, проходившего 18–19 октября 2012 г. в Брюсселе, лидеры европейских государств договорились о необходимости проработать к началу 2013 г. законодательную базу для создания Банковского союза, который будет представлять

■ Право

единый надзорный механизм для предотвращения рисков для деятельности банковского сектора Европы. Главным условием появления Банковского союза должна стать единая система надзора за национальными банками. Очевидно, что возрастет роль Европейского центрального банка (ЕЦБ) с его правом непосредственно вмешиваться в ситуацию в случае системных проблем с тем или иным банком, не дожидаясь запроса о помощи.

Многие проблемы регулирования экономической и финансовой политики ЕС были изложены в приуроченном к саммиту докладе председателя Европейского совета Х. Ван Ромпея. Данный доклад "На пути к настоящему экономическому и валютному союзу"³⁹ содержит важные предложения в области реформы экономической и бюджетной политики государств-членов ЕС. В области экономической политики предлагается изучить возможность перехода к схеме, согласно которой государства-участники зоны евро возьмут на себя определенные обязанности перед институтами ЕС и примут меры по стимулированию роста экономики и увеличению занятости, причем ход реализации данных реформ будет оцениваться в соответствии с заранее установленными показателями.

Окончательные предложения с подробной Дорожной картой и контрольными сроками должны быть подготовлены к декабрю 2012 г., а в 2013 г. предполагается реализовать некоторые новые предложения. В связи с этим отметим, что поэтапное создание союзов (настоящий экономический и валютный Союз, новый банковский союз, новый бюджетный союз и др.) – это в целом верное направление, поскольку совершенствуются наиболее слабые узлы единого механизма ЕС, проведение

реформ тесно увязывается с процедурой демократического контроля. С другой стороны, возникает опасность чрезмерной фрагментации интеграционных усилий, так как большое количество различных союзов может привести к излишней путанице в координации деятельности Евросоюза в целом, а также к излишней бюрократизации всего организационного процесса, что всегда вызывало критические замечания в отношении ЕС.

В заключение необходимо отметить, что ЕС постоянно совершенствует общеевропейский механизм регулирования сферы финансовых услуг и с каждым разом переходит ко все более действенным механизмам. Реформы не завершены, они продолжаются, и есть надежда, что практика полумер будет преодолена, а ЕС одержит победу над всеми кризисными явлениями. Планируемые реформы сделают ЕС более жизнестойким.

Kasyanov R.A. The main aspects of financial regulators organization. EU experience.

Summary: This article is dedicated to analysis of modern trends of the EU financial service integration processes development. The most important stages of financial integration legal framework development in the EU are considered chronologically. The article contains deep research of financial integration institutional basis transformation, greatly strengthened in the result of global financial crisis of 2008, which entailed the improvement of financial regulators.. The author raises some of the problems of financial and economic regulation and accentuates, that the EU is consistently improving its mechanism of financial services regulation each time becoming more efficient. Next stage of the reform will start in 2013, when important legislative initiatives in the EU financial sector shall be implemented.

Ключевые слова

Европейский союз, "План действий в сфере финансовых услуг" (1999 г.), "Белая книга в сфере финансовых услуг 2005–2010 гг.", процесс Ларозьера, процесс Ламфалусси, финансовый сектор ЕС.

Keywords

The European Union, the Financial Services Action Plan (1999), the EU policy paper – Financial Services Policy (2005–2010), the Lamfalussy process, the Larosière process, the EU financial sector.

Примечания

1. См.: Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры. Москва, 1928.
2. Подробнее о модели длинных циклов см.: G. GARVY, Kondratieff's Theory of Long Cycles, in The Review of Economic Statistics, November 1943, vol. XXV, p. 207; N. D. KONDRATIEFF, The Long waves in Economic life, in The Review of Economic Statistics, November 1935, vol. XVII, pp. 105–115. (английский резюмированный перевод).
3. В. Белов. Еврозона – инновационный эксперимент продолжается. Новости и аналитика Российского совета по международным делам, 1–16 октября 2012 г. // http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=880&from=oct2rus#top
4. Там же.
5. В настоящее время зона евро насчитывает уже 17 государств.
6. Monnet J. Mémoires. Paris / Éd. Fayard, 1976. P. 640.
7. Ст. 121 Договора о функционировании Европейского союза // Journal officiel C 83 от 30.3.2010, p. 97.
8. Отрывок из выступления, посвященного характеристике состояния дел в ЕС в 2012 г., произнесенный Председателем Европейской комиссии Ж. Баррозу перед депутатами Европейского парламента (12 сентября 2012 г., Страсбург) // См.: SPEECH/12/596. –
9. Подробнее см.: Р. Касьянов. Финансовое право Европейского союза // Европейское право. Право Европейского союза и правовое обеспечение защиты прав человека : учебник/ рук. авт. кол., отв. ред. Л.М. Энтин. 3-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. С.668–690.

10. Пресс-релиз от 5 декабря 2005 г. «Политика ЕС в области финансовых услуг в ближайшие пять лет» // IP/05/1529.
11. Александр Ламфалусси, первый президент Европейского валютного института, возглавил коллегиальный орган, так называемый Комитет мудрецов (англ. Committee of Wise Men), подготовивший предложения по реформе, которые в итоге и были реализованы.
12. Европейский комитет по ценным бумагам был создан на основании решения Европейской комиссии № 2001/528/ЕС от 6 июня 2001 г. // Journal officiel L 191 от 13.07.2001, р. 45–46. См. также: Решение Европейской комиссии № 2004/8/ЕС от 5 ноября 2003 г., изменяющее решение № 2001/528/ЕС. // Journal officiel L 3 от 7.1.2004, р. 33.
13. Комитет европейских регуляторов ценных бумаг был создан на основании решения Европейской комиссии № 2001/527/ЕС от 6 января 2001 г. // Journal officiel L 191 от 13.07.2001, р. 43–44. См. также: Решение Европейской комиссии № 2004/7/ЕС от 5 ноября 2003 г., изменяющее решение № 2001/527/ЕС // Journal officiel L 3 от 7.1.2004, р. 32.
14. См.: доклад Европейского парламента о программе "Улучшение законодательной процедуры в Европейском союзе" // A6-0273/2007, § 18–19.
15. См.: Аналитическое исследование французского финансового регулятора от 25 апреля 2008 г. - "Meilleure régulation: un premier bilan et programme de travail 2008-2009. // <http://www.amf-france.org>
16. Journal officiel L 79 от 24.03.2005, р. 9–17.
17. Европейский банковский комитет был создан на основании решения Европейской комиссии № 2004/10/ЕС от 5 ноября 2003 г. // Journal officiel L 3 от 7.1.2004, р. 36–37.
18. Европейский комитет по страхованию и трудовым пенсиям был создан на основании решения Европейской комиссии № 2004/9/ЕС от 5 ноября 2003 г. // Journal officiel L 3 от 7.1.2004, р. 34–35.
19. Директива Совета № 85/611/ЕЭС от 20 декабря 1985 г. о согласовании положений законов, нормативных документов и административных актов, касающихся деятельности предприятий по совместному инвестированию в оборотные ценные бумаги // Journal officiel L 375 от 31.12.1985, р. 3–18.
20. Европейский комитет банковских контролеров был создан на основании решения Европейской комиссии № 2004/5/ЕС от 5 ноября 2003 г. // Journal officiel L 3 от 7.1.2004, р. 28–29.
21. Европейский комитет контролеров в области страхования и трудовых пенсий был создан на основании решения Европейской комиссии № 2004/6/ЕС от 5 ноября 2003 г. // Journal officiel L 3 от 7.1.2004, р. 30–31.
22. Совет ЭКОФИИ, сессия № 2822 от 9 октября 2007 г. // Press: 217 Nr: 13571/07.
23. Inter-Institutional Monitoring Group. Final Report Monitoring the Lamfalussy Process (Brussels, 15 October 2007). // Press: IP/07/1495. См. также: http://ec.europa.eu/internal_market/finances/docs/committees/071015_final_report_en.pdf
24. Inter-Institutional Monitoring Group. First Interim Report Monitoring the Lamfalussy Process (Brussels, 22 March 2006). // Press: IP/06/361.
25. Inter-Institutional Monitoring Group. Second Interim Report Monitoring the Lamfalussy Process (Brussels, 26 January 2007). // Press: IP/07/108.
26. Сообщение Европейской комиссии от 20 ноября 2007 г. "Пересмотр процесса Ламфалусси – усиление контрольной конвергенции", COM/2007/0727 final.
27. Совет ЭКОФИИ, сессия № 2836 от 4 декабря 2007 г. "Council Conclusions on Review of the Lamfalussy Process". // Press: 270 Nr: 15698/07.
28. См.: Interview de J.-P. Jouyet, secrétaire d'Etat aux Affaires européennes. // La lettre de la régulation financière – AMF, № 9, 2008, P. 7.
29. Италия воздержалась от голосования.
30. В прошлом исполнительный директор Международного валютного фонда, экс-президент Европейского банка реконструкции и развития и экс-глава Банка Франции.
31. "The High-Level Group on Financial Supervision in the EU (Chaired by Jacques de Larosière). Report". // См.: http://ec.europa.eu/internal_market/finances/docs/de_larosiere_report_en.pdf
32. Пресс-релиз от 27 мая 2009 г. - «Финансовые услуги: Комиссия предлагает усилить финансовый надзор в Европе». // IP/09/836.
33. Европейский банковский орган был создан на основании регламента Европейского парламента и Совета № 1093/2010 от 24 ноября 2010 г. // Journal officiel L 331 от 15.12.2010, р. 12–47.
34. Европейский орган в области страхования и трудовых пенсий был создан на основании регламента Европейского парламента и Совета № 1094/2010 от 24 ноября 2010 г. // Journal officiel L 331 от 15.12.2010, р. 48–83.
35. Европейский орган в области рынка ценных бумаг был создан на основании регламента Европейского парламента и Совета № 1095/2010 от 24 ноября 2010 г. // Journal officiel L 331 от 15.12.2010, р. 84–119.
36. Pierre-Henri Conac, "Du CESR à l'ESMA : le Rubicon est franchi" // Bulletin Joly Bourse, 1 novembre 2010, № 6, P. 500.
37. Европейский комитет по системным рискам был создан на основании регламента Европейского парламента и Совета № 1092/2010 от 24 ноября 2010 г. // Journal officiel L 331 от 15.12.2010, р. 1–11.
38. См.: "S&P прошерстило испанские банки", 16 октября 2012 г. // <http://top.rbc.ru/economics/16/10/2012/674491.shtml>
39. Herman Van Rompuy, Rapport intermédiaire "Vers une véritable union économique et monétaire" (Bruxelles, le 12 octobre 2012) // См.: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/fr/ec/132853.pdf

Уголовная политика государства в формировании уголовно-процессуальных мер защиты прав и интересов граждан

И.Н. Кондрат

В статье исследуется влияние уголовной политики на формирование уголовно-процессуальных мер защиты прав и интересов граждан в ходе борьбы с преступностью. Показана ведущая роль уголовной политики в формировании и реализации уголовно-процессуальной политики. На основе анализа юридического содержания правовых политик автор приходит к выводу, что о содержании уголовно-процессуальной политики государства возможно судить по законодательно сформулированным принципам уголовного процесса.

Правоприменительная деятельность органов публичной власти по реализации уголовной ответственности не может быть опосредована от уголовной политики государства в конкретный исторический период. Об этом свидетельствует опыт развития правовой науки. История уголовного процесса России убедительно демонстрирует, как под влиянием уголовной политики трансформируется положение прав личности в уголовном процессе. Говоря о взаимодействии двух элементов уголовной политики – уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политик, – А.И. Александров отмечал, что уголовно-правовой элемент имеет особое значение по отношению к другим элементам уголовной политики: «Именно уголовно-правовая политика и уголовное право как средство ее реализации устанавливают круг общественно-опасных деяний, за совершение которых может быть назначено наказание, систему и виды наказаний, порядок их назначения»¹.

Поскольку уголовное преследование является одной из форм реализации государством своей обязанности по признанию, соблюдению и защите

прав и свобод человека и гражданина в тех случаях, когда эти ценности становятся объектом преступного посягательства. Поэтому уголовно-процессуальная политика и уголовно-процессуальное право вырабатывают ту форму, в какой должно осуществляться расследование уголовного дела, избрание меры пресечения, рассмотрение дела в суде и назначение наказания. Как форма без содержания существовать не может, так и существование уголовно-процессуальной политики без уголовно-правовой политики невозможно. Обсуждая вопрос взаимодействия уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политик, важно, на наш взгляд, проследить этот процесс с более общих позиций – как взаимодействие двух самостоятельных отраслей права.

Исследуя содержание уголовно-процессуальной политики государства, мы обращаем внимание на то, что большинство ученых не считает ее самостоятельным направлением уголовной политики. Термин «уголовно-процессуальная политика» редко встречается в юридической литературе. О ее отдельных элементах упоминают, говоря об уголовной политике государства.

Кондрат Иван Николаевич – к.ю.н., профессор кафедры правового обеспечения управленческой деятельности МГИМО(У) МИД России. E-mail: inkondrat@mail.ru

Мы согласны с мнением о том, что уголовно-процессуальная политика производна от уголовной политики и соединена с ней множеством юридических связей². В то же время есть основания считать, что уголовно-процессуальная политика – это самостоятельная сфера правовой политики. Так Ю.А. Ляхов отмечал, что «отказ от учета особенностей уголовной политики в целом или отрыв от происходящих изменений в еще более общем социально-политическом явлении – в политико-правовой идеологии и стратегии государства – могут привести исследователя уголовно-процессуальной политики к недостаточно полным и обоснованным или даже ошибочным выводам»³.

Считается, что определение уголовно-процессуальной политики в ее со-временном понимании впервые в науке уголовного процесса было дано Н.С. Алексеевым и В.Г. Даевым: «Под уголовно-процессуальной политикой Советского государства следует понимать основные направления правотворческой деятельности государства и правоприменительной деятельности компетентных государственных органов по борьбе с преступностью путем реализации уголовного закона при строжайшем соблюдении социалистической законности, а также путем выявления и устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений»⁴.

Схожее определение уголовно-процессуальной политики дал Ю.А. Ляхов: «Уголовно-процессуальная политика – это основные направления правотворческой деятельности государства и правоприменительной деятельности соответствующих государственных органов и должностных лиц в сфере расследования и разрешения уголовных дел... Уголовно-процессуальная политика должна освободиться от целей, находящихся за пределами уголовного процесса»⁵.

Для внесения ясности в данный вопрос необходимо обратить внимание на связь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений. Несмотря на то что преобладающей точкой зрения в юридической литературе является признание первичности уголовно-правовых отношений и производности уголовно-процессуальных, из этого не следует, что при отсутствии уголовно-правовых отношений уголовно-процессуальные отношения теряют смысл. Статья 6 УПК РФ, исходя из необходимости охраны прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства, устанавливает: уголовное судопроизводство имеет своим назначением не только защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, но и защиту личности от не-законного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от на-казания и реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию, в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания. Задачей процесса явля-

ется установление не только состава преступления, но и его отсутствия. Говоря о производности процессуальных отношений от материальных причин, мы должны помнить, что они неизбежно возникают непосредственно в результате факта преступления. Юридическим основанием, влекущим возникновение уголовно-процессуальных отношений, является наличие повода к возбуждению уголовного дела – то есть информации о совершенном или готовящемся преступлении. В связи с этим даже деятельность оперативно-розыскных органов по выявлению и установлению оснований к возбуждению органом дознания или следствия уголовного дела имеет «процессуальный вектор» и на определенном этапе уже подчиняется процессуальному порядку. Однако не все процессуалисты это мнение разделяют, считая, что уголовно-процессуальные отношения начинаются лишь с момента принятия решения о возбуждении уголовного дела, а предшествующая деятельность не является процессуальной.

Полагаем, что по аналогии с уголовно-правовой политикой о содержании уголовно-процессуальной политики государства можно судить по законодательно сформулированным принципам уголовного процесса. Такие принципы представляют собой основные идеи, характеризующие реальный уголовный процесс. Как явление идеологическое, принципы уголовного процесса формируются под воздействием общественно-политических идей, но регулятором процессуальной деятельности являются не сами идеи, а основанные на них нормы уголовно-процессуального права. Следовательно, принципы уголовного процесса и можно назвать элементами уголовно-процессуальной политики. Они влияют на все стадии уголовного процесса, то есть они взаимосвязаны и взаимообусловлены. Поэтому мы не разделяем мнение И.С. Дикарева о существовании судебной политики⁶, так как, по нашему мнению, ее содержание ведет к расчленению единой уголовно-процессуальной политики на судебную и следственную.

Теоретической базой принципов советского уголовного процесса служили закрепленные в партийных документах и советских законах идеи о демократическом характере законности, суда и прокуратуры в социалистическом государстве⁷. Но еще в конце 90-х гг. прошлого века были переосмыслены традиционные представления о содержании и системе принципов уголовного процесса. Это нашло свое выражение в УПК РФ и было обусловлено следующими причинами:

- во-первых, в Конституции Российской Федерации был зафиксирован приоритет общечеловеческих ценностей, объявлено недопустимым произвольное ограничение прав и свобод граждан, провозглашен курс на обеспечение прав личности, установлено прямое действие норм международного права в области защиты прав человека;

- во-вторых, произошла деидеологизация системы органов уголовной юстиции. Вместе с тем это не означало отказ от уголовной политики в сфере борьбы с преступностью;

■ Право

– в-третьих, согласно ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства.

Вместе с тем, говоря о доминировании новых общественно-политических представлений, вряд ли стоит идеализировать практику формирования и реализации уголовно-процессуальной политики. Уверены, что далеко не все передовые идеи были учтены при принятии УПК РФ. В частности, трудно понять, чем не подошло как принцип уголовного процесса установление объективной истины по делу при всестороннем, полном и объективном исследовании доказательств и их оценке по внутреннему убеждению? Ведь уголовно-процессуальная политика должна быть направлена на повышение качества норм уголовно-процессуального права и эффективности уголовного процесса, а следовательно, на достижение целей уголовного процесса.

Отдавая должное достижениям теоретической науки, мы находим возможным в рамках исследуемого вопроса говорить об уголовной политике государства как о публичной идее, как о единой доктрине политического руководства страны, включающей приоритеты изменения действующего законодательства и направления текущей деятельности публичных органов власти. Следовательно, уголовно-процессуальную политику государства можно определить как систему законодательно сформулированных основных начал (идей, принципов) уголовного процесса, реализуемых в нормах уголовно-процессуального права и в уголовно-процессуальной практике. Какова же в таком случае роль уголовной политики государства в формировании уголовно-процессуальных мер в сфере защиты прав и интересов граждан? Мы убеждены, что уголовная политика должна, не ограничиваясь рамками борьбы с преступностью, взять на себя и более широкую задачу усовершенствования уголовного законодательства, уголовного правосудия и исполнения наказания. Например, уголовная политика не может оставить без внимания такие вопросы, как:

- разграничение преступного от неправомерного;
- определение сравнительной тяжести преступных деяний;
- провозглашение допустимости или недопустимости «внесудебной репрессии» и т.д.

Все подобные вопросы нуждаются в научном обоснованном решении и затрагивают существенные интересы общества, отражаются на правосудии, и определяют качественную степень его организации. Но не все они относятся непосредственно к делу борьбы с преступностью.

Вместе с тем еще раз подчеркнем, что уголовная политика показывает отношение государственной власти к преступным нарушениям интересов человека, общества и государства, то, что власть считает преступным:

– какими процессуальными методами и средствами она готова с этим бороться;

– какие гарантии могут быть предоставлены гражданам от необоснованного обвинения и осуждения;

– каким властью видится наказание за преступление;

– что делается ею для предупреждения преступлений.

По уголовной политике можно судить, действительно ли власть желает бороться с теми общественно опасными деяниями или негативными явлениями в обществе, которые она публично объявляет общественно опасными. Здесь нелишним будет повториться, что законодательная и исполнительная власть должны прежде всего четко ответить на вопрос: какие деяния в государстве признаются преступлением? Вопрос о наиболее правильной организации уголовного процесса возникает позднее, так как без признаков состава преступления не может быть и процесса его расследования. Поэтому проведение четкой «разделительной» линии между преступным и неправомерным – важнейший вопрос уголовной политики. Решение его в отдельных случаях сопряжено с серьезными последствиями для общества и его отдельных членов.

К сожалению, российские законодатели далеко не всегда могут сконцентрироваться на процессе создания правовых и организационных предпосылок формирования уголовной политики. Следует признать, что это – беда государственной власти. Кризис российской государственности, означающий снижение доверия и уважения к власти и влекущий разрушение нравственных начал в обществе, ущербность правосознания не только рядовых граждан, но и государственных служащих, высших должностных лиц, означает в то же время и невозможность формирования любой политики без некоторого периода стабилизации общественных отношений⁸.

При реализации уголовной политики государство объективно сталкивается с проблемой ограниченности своих возможностей влияния на ход того или иного социального процесса. Если не использовать рациональным образом имеющиеся силы и средства, то вряд ли можно говорить о возможности достижения той или иной стратегической цели. В то же время любое планирование в рамках только одного субъекта уголовной политики несет в себе опасность создания новых межрегиональных проблем организационного характера и усложнения уже существующих. По оценке В.А. Рудковского, «опасность пробуксовки правовой политики особенно велика, если структурное построение субъектов и их регулирование осуществляется на централизованном уровне, поскольку это приводит к усложнению информационных связей, увеличению времени прохождения нормативно-правовых предписаний и росту количе-

ства согласований. Происходит бюрократизация системы, что затрудняет оптимизацию выполнения поставленных задач»⁹.

Приходится согласиться с мнением Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, что в этом смысле уголовная политика в России сегодня практически отсутствует: «Нынешнее состояние уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, а также нормативных актов, определяющих порядок деятельности отдельных государственных органов, помимо общей «негуманности» подходов, характеризуется:

- во-первых, отсутствием последовательности в изменениях закона и сколько-нибудь четких приоритетов;
- во-вторых, разобщенностью интересов и действий правоохранительных органов;
- в-третьих, игнорированием фактора ограниченности ресурсов государства при решении задач правоохранительной деятельности»¹⁰.

Это в первую очередь касается уголовной политики, реализация которой зависит от уровня правосознания членов общества. А, как известно, уровень правосознания в обществе неразрывно связан с уровнем правопорядка как залога стабильности государства, ибо правопорядок основан на соблюдении не только буквы, но и духа закона. «Поэтому развитие уголовной политики стоит в зависимости от повышения уровня правосознания общества, который, в свою очередь, зависит от правовой пропаганды, государственно-правовой идеологии»¹¹, – считает В.Н. Ткачев.

Апелляция сообщества ученых к уровню правосознания в данном контексте неслучайна: необходимым условием функционирования правового государства является обладание законодателями и правоприменителями достаточно высоким уровнем правовой культуры и правосознания. Президент Российской криминологической ассоциации профессор А.И. Долгова подчеркивала, что «очень актуальной является проблема формирования правовой и криминологической культуры должностных лиц, в том числе тех, которые, так сказать, различным образом прикосновенны к решению вопросов преступности»¹².

Особо следует отметить роль политической воли государства. Она должна присутствовать как при законодательном формулировании принципов уголовного права и уголовного процесса, так и при их реализации. Нереализованные принципы – это не политика государства, а лишь красивые декларации, стремление государ-

ства казаться лучше, чем оно есть на самом деле¹³. Поэтому сформулированное выше определение уголовной политики, по нашему мнению, следует дополнить принципом разумности, социальной справедливости и социальной обусловленности применяемых процессуальных мер. При этом мы понимаем, что каким бы ни правильным будет построение уголовного законодательства, не менее важными является создание оптимальной уголовно-процессуальной и судебной системы в стране. Именно они, как справедливо замечали В. Кудрявцев и А. Трусов, «предопределяют, кто попадет в «машину» уголовной юстиции и какова в конечном счете будет его судьба»¹⁴.

Значение уголовно-процессуального элемента уголовной политики ни в коем случае нельзя недооценивать. А.И. Александров в своей монографии предложил интересную образную ассоциацию: «Вспомним эмблему советских правоохранительных органов – щит и меч. На наш взгляд, такая эмблема подойдет и для уголовной политики. При этом уголовно-правовая политика больше ассоциируется с мечом, тогда как уголовно-процессуальная – со щитом»¹⁵. Уголовно-процессуальная политика и уголовный процесс – это защита граждан от необоснованного подозрения, обвинения и наказания. Задача уголовного процесса – отделить виновного от невинного, а следовательно, защитить человека, не причастного к совершению преступления.

Kondrat I.N. The criminal policy of the state in the formation of the criminal proceedings measures of protection of rights and interests of citizens.

Summary: The author examines the influence of criminal policy on the formation of criminal proceedings measures of protection of rights and interests of citizens in the fight against crime. The leading role of criminal policy in the formation and implementing of the criminal proceedings policy is shown in the article. On the basis of the juridical content of the lawful politics the author is coming to the conclusion that one can judge about the content of the criminal proceedings policy of the state using the legislatively formulated principles of criminal proceedings. Such policy shows the attitude of the state power to the fight against criminal violations of the interests of individual, society and state, to the proceedings methods and measures of such fight and also to the guarantees against unfounded prosecution and conviction of citizens. First of all the implementation of the criminal proceedings policy depends on the level of the lawful awareness of the law enforcement recipients.

Ключевые слова

Уголовная политика, уголовно-правовая политика, уголовно-процессуальная политика, правосознание, меры защиты прав и интересов граждан, принципы уголовного процесса.

Keywords

Criminal policy, criminal lawful policy, criminal proceedings policy, the measures of protection of rights and interests of citizens, the principles of criminal proceedings.

Примечания

1. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В.З. Лукашевича. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. С. 71-72.
2. См.: Александров А.И. Указ. соч. С. 259.
3. Ляхов Ю.А. Сущность и тенденции развития уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: Дисс. ... докт. юрид. наук // Ростовский гос. ун-т Ростов/н/Д, 1994. С. 104.
4. Алексеев Н.С., Даев В.Г. Уголовно-процессуальная политика Советского государства на современном этапе // Правоведение. 1977. № 5. С. 98.
5. Ляхов Ю.А. Указ. соч. С. 6-7.
6. См.: Дикарев И.С. Диспозитивность в уголовном процессе России / Под ред. А.П. Кругликова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. С. 94.
7. См.: Дагель П.С. Проблемы советской уголовной политики. Владивосток, 1982. С. 41.
8. См.: Стенограмма парламентских слушаний на тему «О состоянии и проблемах законодательного обеспечения государственной системы профилактики правонарушений» (Москва. 14.04.2011) // [Электронный ресурс] URL: http://www.council.gov.ru/files/parliament_attend/177.doc
9. Рудковский В.А. Правовая политика и осуществление права: теоретико-методологический аспект: Дисс. ... докт. юрид. наук // Волгоградская академия МВД РФ. Волгоград, 2009. С. 219-220.
10. Доклад Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «Обеспечение прав и интересов граждан при осуществлении уголовно-правовой политики в Российской Федерации» (2010 г.) // [Электронный ресурс] URL: http://www.fparf.ru/doklad/ug_pr_polit/ug2.htm
11. См.: Ткачев В.Н. Проблемы реализации уголовной политики в отношении несовершеннолетних: теория, законодательство и правоприменительная практика: Дисс. ... докт. юрид. наук // Ростовский юридический институт МВД России. Ростов/н/Д., 2007. С. 84-90.
12. Доклад президента Российской криминологической ассоциации доктора юридических наук, профессора Долговой А.И. на парламентских слушаниях на тему «О состоянии и проблемах законодательного обеспечения государственной системы профилактики правонарушений» (Москва. 14.04.2011): Стенограмма // [Электронный ресурс] URL: http://www.council.gov.ru/files/parliament_attend/177.doc
13. См.: Пимонов В.А. Теоретические и прикладные проблемы борьбы с общественно опасными посягательствами средствами уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 83.
14. Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 177.
15. Александров А.И. Указ. соч. С. 71-72.

Младосимволизм и архетипическая теория: религиозные, антропологические, культурные аспекты преемственности

С.Н. Лютова

В настоящей статье рассматриваются теория младосимволизма и архетипическая теория как родственные формы религиозно-философской рефлексии кризиса Западной цивилизации в XX в., а также как попытки предвидеть пути трансформации европейской ментальности. Устанавливается, что сходство обеих теорий обусловлено и их единым культурным генезисом, и преемственностью второй по отношению к первой. Прослеживается развитие отдельных антропологических концепций русского модерна в культурной антропологии американского постмодернизма.

Системный кризис европейской культуры рубежа XIX–XX вв., выразившийся в революционных преобразованиях в искусстве, религиозных исканиях интеллектуалов, в обманувшем их предчувствии социальных революций и мировых войн, означал не что иное, как зарождение эклектики постмодернизма в недрах едва возникшего модерна, не что иное, как переход к глобальному миру через глобальные потрясения.

«Культура, – в статье «Проблема культуры» писал Андрей Белый, один из двух крупнейших идеологов младосимволизма, – оказывается местом пересечения и встречи вчера еще отдельных течений мысли; эстетика здесь встречается с философией, история с этнографией, религия становится с общественностью»¹. Отнюдь не только как эстетическую доктрину, но как парадигму будущего культурного развития воспринимали

в муках рождаемую новую философию символизма Б. Бугаев (Андрей Белый), Вяч. Иванов, Л. Кобылинский (Эллис). То же можно сказать и о философии архетипического психоанализа, оформившейся в трудах К.Г. Юнга и его последователей.

Осознавая себя в некоем культурном распадке на перевале эпох, в расщелине между уходящим и грядущим мирами, мыслители-символисты, будто бы стоя у начала времен, подобно первым греческим философам, не представляли себе иного способа выражения своих прозрений, кроме как художественного, и прежде всего поэтического. Если взоры декадентов были обращены в сторону «вечерней зари», младосимволисты в «прорези зари» занимающейся силились разглядеть очертания культуры, идущей на смену, то есть очертания грядущих общественных форм, этносов, витков истории, религиозных откровений и – лишь вто-

Лютова Светлана Николаевна – к. филол.н, доцент кафедры философии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: samorodinka@yandex.ru

ричных по отношению к последним – философских и эстетических концепций. То, что было открыто декларировано символистами, юнгианцам долгое время пришлось маскировать, укрывая от критических нападок естественно-научного сообщества, в недрах которого, по иронии судьбы, зародилась эта, по сути своей, сугубо гуманитарная доктрина.

Теория младосимволизма формировалась и осознала сама себя прежде всего как религиозная интуиция в условиях глубокого общеевропейского религиозного кризиса, ставшего очевидным к началу XX в. и вскоре наиболее ощутимо сказавшегося именно на судьбе России. Религиозные мистики, русские символисты творчески рефлексировали актуальное культурное межвременье с его необозримыми возможностями, не поддаваясь искушению фантастического конструирования возможных религиозных догматов.

Русский символизм был попыткой культурологического и религиозного предчувствия, оставившей корпус высокохудожественных текстов, к сожалению ставших объектом исследования почти исключительно литературоведов.

Чтобы говорить о судьбах младосимволизма в рамках философии культуры, следует прежде определить понятие «религиозный» с точки зрения самих символистов. Под «религиозным» символистами понималось недогматическое, индивидуально ниспосланное конкретному человеку откровение. «Область творчества религиозных символов» и есть для Андрея Белого религия (в отличие от теологии, которая не что иное, как «область утверждения этих символов как догматов»²). Вяч. Иванов противопоставляет концепцию личного мистического пути и личного религиозного опыта как теософии, пытающейся синтезировать различные религии, так и взглядам Мережковского, отвергавшего церковную мистику. По Иванову, личный религиозный путь в значительной степени базируется на визионерском опыте («отчеты» об опыте такого рода находятся в записях поэта Вяч. Иванова³, забегая вперед, скажем, что подобные дневники наблюдений за «самодеятельностью» собственной психики вел и доктор К.Г. Юнг).

Обращение к внутренней сфере религиозного было отступничеством от православия уже в силу того, что допускало апокрифические сюжеты видений и «еретическую» свободу их толкования. Но более того, религиозность символистов была принципиально внеконфессиональна: так, христианская средневековая символика легко соседствовала с буддистской и ведической, наиболее же ценными представлялись свежие образы-символы, не обремененные догматическим шлейфом ни одной из мировых религий и непосредственно выражающие смысл мистического переживания.

«Искусство есть преддверие религиозного символизма <...> В процессе живого творчества создаются символы религий; и только потом, умирая, они догматизируются»⁴, – утверждал Андрей Белый исключительно религиозный «смысл искусства» в одноименной статье. Во многих своих теоретических работах Андрей Белый настаивает

на религиозной и символической сущности любого направления, любой школы искусства. Религиозная интуиция, мистика тождественна музыкальному вдохновению. И то и другое идет из бессознательных глубин психики, а именно там рождается слово.

Примечательно, что Андрей Белый в статье «Будущее искусство» вообще понятие «религиозный» употребляет в качестве антонима к понятию «сознательный»: «Утверждение силы творчества в словах есть религиозное утверждение; оно вопреки сознанию»⁵. Тем самым в символизме поставлен знак тождества между творческим, религиозным и бессознательным.

Понятие «бессознательное» использовал уже в XIX в. Эдуард Гартман, немецкий философ, создатель философии бессознательного, произвел своеобразный синтез Гегеля и Шопенгауэра, заимствовав понятие «бессознательное» из философии романтизма Шеллинга, также находясь под влиянием и учения Лейбница о монадах. Суть философии бессознательного Гартмана сводится к следующему: мир бессознательного спекулятивно выводим из содержания сознания; всякое желание порождает несчастье; цель практической философии – довести до сознания необходимость спасения мира от бедствия желаний. Эти принципы философии Гартмана стали принципами и классической психоаналитической практики: на место активного бессознательного (вытесненных желаний) должен встать сознательный выбор собственного поведения. Иррациональное должно быть обуздано рацией.

Творчество, художественное и религиозное, бессознательно, а современная культура – так развивает мысль Андрей Белый в своей работе «Пути культуры» – конечный продукт этого творчества, она уже небессознательна, но осознаваема на пересечении универсума и возросшего самосознания индивидуума. Одеревенев в традиции, покрывшись корой ортодоксии, отживший ствол культуры затеняет молодые ростки, вот почему сокрушался Эллис, наиболее христиански ориентированный из всех младосимволистов (и обретший в итоге духовное просветление в сане католического священника): «... религиозное устремление в современном искусстве и в современном символизме, как бы оно ни было искренне, пламенно, глубоко и интимно, никогда не обретет ни понимания, ни благословения, ни духовного содержания в современных мертвых, внешних и чуждых всякой культуре и всякого художества формах церковности»⁶.

Внецерковная, бессознательно-интуитивная, словом, метафорой указующая на «действительность» в «видимости», религиозность представлялась символистам живым индивидуальным творчеством эмблематических образов. И только «ритм отношения наших переживаний к переживаниям других расширяет индивидуальное понимание религий до коллективного»⁷, – постулирует Андрей Белый, заметим, термин «коллективный» употребляя в том же архаическом для современного нам русского языка значении, в каком следует понимать

и коллективное бессознательное К.Г. Юнга, то есть в смысле культурологическом, а не социологическом.

Таким образом, бессознательная религиозная интуиция индивида, резонируя с подобными ей, образует уже некий неосознаваемый пласт «коллективной», то есть родовой, единой у всех людей психики. Именно это глубинное религиозное переживание и продуцирует символические образы как дышащие, живые модели единства внешнего и внутреннего (житейского и запредельного) человеческого опыта.

Андрей Белый писал о смысле интуитивной коллективной религиозности и о неисчерпаемом кладезе символов в 1909 г.⁸, более, чем за десять лет до появления юнговских архетипов коллективного бессознательного и за три года даже до публикации первой оригинальной книги К.Г. Юнга «Метаморфозы и символы либидо». Этой книге суждено будет поколебать доверие к Юнгу в кругу «эмпиризма Фрейда»⁹, в котором, по мнению Андрея Белого, увяз бывший «попутчик символизма», основатель издательства «Мусагет» Эмилий Метнер.

Поэт-философ, видимо, не подозревал того, что знаем теперь мы: к моменту встречи с Метнером в 1914 г. доктор Юнг, в недавнем прошлом «кронпринц» психоанализа, вызвал сильное неудовольствие доктора Фрейда своим все более явным увлечением сравнительной культурологией и историей религий, своим все более явным отходом от «эмпиризма» в сторону изучения мифологии. В психиатрии Юнг нашел сферу пересечения двух своих давних интересов – к естественным наукам и к философии. Наукам, по его словам, не хватало смысла, философии – фактов. Факты бессознательного требовали от Юнга, прежде всего, философского осмысления. Позитивистских концепций для интерпретации его опыта оказалось недостаточно.

Очевидные корреляции между теорией коллективного бессознательного Юнга и символизмом (в особенности концепциями Андрея Белого) отчасти могут быть объяснены их общим культурным базисом. У Б. Бугаева и К.Г. Юнга, «естественников» по образованию, мы наблюдаем одинаковые приоритеты в самостоятельном изучении европейской философии (Гераклит, Платон, Кант, Гете, Шопенгауэр, Ницше), средневековой и восточной мистики. Исключение составляет разве что весьма избирательный у Юнга и долгое время всепоглощающий у Белого интерес к штейнерианству. Действительно, единый культурный контекст часто создает ту атмосферу, тот «воздух», в котором носятся идеи, ожидая, кто первый подцепит их вереницу на кончик пера.

Однако нам достоверно известен также канал, по которому прозрения русского младосимволизма устремились непосредственно в кабинет доктора Юнга, катализируя между 1914 и 1921 гг. (в 1921 г. были опубликованы «Психологические типы» – вторая, сенсационная, книга Юнга) процесс создания им стройной теории с четко разработанным понятийным аппаратом (чего так не хватало

поэтическим – то есть косноязычным в научном понимании – работам Андрея Белого 1900-х гг.; все же не стоит забывать, что писал их молодой поэт, тогда как теория Юнга создавалась зрелым ученым на четвертом-пятом десятках лет). «Одной из сильных сторон Юнга (по сути, его «гением»), – пишет Р. Нолл, исследователь, поставивший своей задачей доказать завуалировано религиозный, а не эмпирический характер аналитической психологии, – была его замечательная способность синтезировать крайне сложные и на первый взгляд никак между собой не связанные области исследования <...> его интеллектуальный «проект» был не чем иным, как великим синтезом психоанализа с эволюционистской биологией, археологией и сравнительным языкознанием»¹⁰. Культурный и философский базис, разумеется, способствовал созданию юнгианской теории коллективного бессознательного. Но еще более способствовало ему то, о чем также не подозревал Андрей Белый: какую роль суждено сыграть его другу и издателю Э. Метнеру в истории психоанализа... Или в истории символизма?

Что же представлял собой Эмилий Метнер, этот посланец русского символизма в Швейцарии? Если в историю символизма Метнер вошел как скромный его теоретик и главным образом, как создатель «Мусагета», то в историю юнгианства – как первый издатель Юнга на русском языке (под грифом все того же издательства, что для Метнера было символично, но уже за границей). В 1910 г. Э. Метнер, неокантианец по своим философским воззрениям и поклонник гармонической философии Гете, приглашает в «Мусагет» «аргонавтов» во главе с Андреем Белым, Эллисом и В. Нилендером. Камнем преткновения, о который разбилась дружба Метнера с Белым, стало штейнерианство, точнее, различия в интерпретации Гете. Белый в 1915 г. утверждал преемственность между гетеанством и антропософией, Метнер же видел в Гете предтечу символизма, как миропонимание решительно не доступного Штейнеру. Познание запредельного, возможное, по Гете, лишь посредством символизации, представлялось Метнеру соответствующим кантовскому обозначению предела человеческого познания (пределы феноменального ограничивают научное познание, качественный же переход от познания к постижению через символ открывает ноуменальный мир).

Зато понимание и принятие этой гносеологической двойственности Метнер с восторгом обнаружил у Юнга. Цюрихский доктор сам настолько преклонялся перед фигурой Гете, что поощрял распространение «семейной тайны» о возможном своем биологическом происхождении от великого немца (русский немец Метнер скромно не претендовал на родство). Терапевтические беседы Юнга с Метнером, оказавшимся во время Первой мировой войны в Цюрихе и воспользовавшимся этим, чтобы «подлечить нервы», продолжались с перерывами между серединой 1914 г. и началом 1917 г. После благополучного излечения невроза Э. Метнер сотрудничает с Юнгом в Психологическом клубе, совершает с ним совместное путеше-

ствие, состоит в дружеской и деловой переписке до 1935 г.

Надо заметить, что в юнгианской терапии неврозов ставится акцент на равноправном и взаимообогащающем (имеются в виду духовные ценности) сотрудничестве врача и пациента, что при определенном личностном соответствии придает процессу лечения видимость дружеских бесед. В результате этой «дружбы» Юнг, уже и до того знакомый с русским символизмом¹¹, обогащается не только многочасовыми беседами с живым символистом, но и чтением теоретических работ Э. Метнера. Метнер, по свидетельству М. Юнгтрена, знакомит Юнга также с трудами Белого, Элписа, Вяч. Иванова¹².

Деликатный М. Юнгтрен позволяет себе только один намек на это: «Судьба Метнера заключалась в том, чтобы быть «использованным» двумя величайшими и деятельнейшими представителями европейской культуры <Белым и Юнгом> двадцатого столетия <...>. Его посредничество демонстрирует глубокое родство между этими двумя людьми, каждый из которых, на свой собственный лад и своими собственными средствами, осветил кризис сознания современного человека. Парадокс же заключается в том, что Метнер, стремившийся вдохнуть в Россию немецкий дух, в конечном итоге внес нечто специфически русское в немецкую культуру»¹³. В Юнге Метнер видел не фрейдиста, а, на германской почве, нового теоретика символизма – идеологии, в России сначала ослабленной внутренними противоречиями, а затем и целенаправленно убитой к концу 1920-х гг.

Любопытно, что Метнер, подарив Юнгу на переплавку идеи русского младосимволизма, возвращает их в образе юнгианской теории Вяч. Иванову, посетив того в 1929 г. И позже в своих работах Иванов отчасти уже прибегает к юнгианской терминологии. Мечта Метнера сбылась: Юнг действительно стал для Запада представителем и популяризатором русского символизма. К сожалению, было забыто первородство, и аналитическая психология Юнга, расширив и систематизировав его, подменила собой символизм, подобно тому, как гриф Психологического клуба подменил «Мусагет» уже на втором томе метнеровского издания трудов Юнга.

В настоящее время представляется затруднительным излагать идеи символистов, не прибегая при этом к юнгианским аналогам. Так, крупнейший британский специалист по русскому модерну Аврил Пайман в своей книге «История русского символизма» не может удержаться от искушения заменять кое-где (для краткости и точности) юнговскими терминами описательные определения символистов, часто расплывающиеся в синонимических рядах¹⁴.

Рождение научно структурированной аналитической психологии и ее понятийного аппарата (из вдохновенного полета символизма) в, так сказать, онтогенезе Юнга-мыслителя, кажется, произошло по схеме, усмотренной Андреем Белым в «филогенетическом» развитии человеческой мыс-

ли: «Слово рождало образный символ – метафору; метафора представлялась действительно существующей; слово рождало миф; миф рождал религию; религия – философию; философия – термин»¹⁵. Так российские приверженцы символизма пересадили на Запад черенок отечественной религиозно-философской мысли, дав жизнь тем самым будущей архетипической психологии – плоду совместных «безумств» русского младосимволизма и европейской «неопсихиатрии». «Духовный опыт символизма, – пишет А. Эткинд, – вообще отличался своеобразной безответственностью <...>. Вопросы о том, как же «теургия» состоится в реальности, с живыми людьми, почему-то не смущали его <А. Белого> и его окружение <...>. Но без психологии обойтись в этом деле, конечно, было нельзя. Не зря путь мистического «преображения», которому подвергся Иван Бездомный, герой «Мастера и Маргариты», прошел через психиатрическую больницу»¹⁶.

Проследивая соответствия между концепциями русского младосимволизма и юнгианства, обнаруживая даже их генетическое родство и преемственность между ними, мы не намерены, разумеется, сводить одно к другому целиком и полностью. Но в чем конкретно просматриваются совпадения младосимволизма и расцветшего на его могиле юнгианства? Постараемся ответить на этот вопрос, основное внимание уделяя работам Андрея Белого, опубликованным в его книгах «Символизм» (1910 г.) и «Арабески» (1911 г.).

Как уже было сказано, творческая религиозная интуиция отдельных личностей, по мнению Андрея Белого, закладывает основы всякой духовной культуры. Последнюю можно определить как совокупность ценностей, эмблемами которых становятся прежде всего «образы сверхчеловеков и богов»¹⁷ мифологии. Еще духовные наставники Белого (Вл. Соловьев и Д. Мережковский) каждый по-своему обратили внимание на возвращение общества к религиозному пониманию действительности, парадоксально, но именно потому, что возвещенная Ф. Ницше смерть Бога произошла в XIX столетии. Закатывалось солнце многовековой культурной традиции, и век XX призывал новых пророков, пробуждал их интуицию во имя извлечения из забвения или небытия иных «богов» – актуальных религиозных и эстетических символов интериоризированного опыта человечества. «Богоявление – вершина всякой творческой символизации»¹⁸, – пишет Белый.

На то же самое указывает К.Г. Юнг, привлекая обширный эмпирический материал психотического бреда своих пациентов, снов, фантазий и литературных сочинений современников, не вышедших за условную границу нормы. Так же, как Белый, предполагая в душе наличие сферы «коллективной» памяти и «коллективной» религиозности, Юнг не извне («свыше»), а изнутри психики, из области коллективного бессознательного, ожидает очередного Пришествия и нового Откровения.

Сравним мнения о самоидентификации Белого и Юнга двух иронизирующих позитивистов (соответственно) – Н. Валентинова (Вольского)

и Р. Нолла. Валентинов спрашивал собеседника: «Будьте со мною откровенны, честно скажите, не считаете ли вы себя и других символистов иерофантами, теургами нового религиозного искусства? <...>» Ответ Белого был запутанный, верткий, тем не менее в скрытой форме в нем проглядывало убеждение, что он, Белый <...> может быть отнесен к теургам»¹⁹.

Р. Нолл: «Юнг сам верил в то, что он является религиозным пророком <...> «Он говорил о своей миссии, – сказал Ойген Белер, швейцарский ученый, близко знавший Юнга с 1955 г. – Он рассматривал свою жизнь как <...> служение функции сделать Бога сознательным». <...> я пришел к заключению, что, как личность, он <Юнг> стоит в одном ряду с Юлианом Отступником (4 в. н.э.), расшатавшим ортодоксальное христианство и восстановившим эллинистический политеизм в западной цивилизации»²⁰.

Сарказм обоих авторов, цитаты которых приведены выше, нацелен на одно и то же, по сути. Но в последней цитате привлекает внимание не вполне ясное на первый взгляд утверждение, что Юнг желал «сделать Бога сознательным». Что это может значить и соотносится ли с мессианством Андрея Белого?

Неоднократно, почти во всех работах, написанных до Первой мировой войны, Белый убеждал читателя не просто в религиозной сущности символизма, но в наличии у него особой религиозной цели, как и у всякой новой религии, причем цель искусства совпадает с религиозной целью. Вот как Белый нащупывает формулировку этой цели: «преображение мира и человека», «пересоздание природы личности», при этом «индивидуальные цели роста диктуются религией, которая превращает их в коллективные цели». Делая самого художника и жизнь его предметом творчества, «искусство указывает вехи пересоздания себя и мира»²¹.

Последний тезис – общее место учебников по истории литературы – не стоит понимать только в смысле эпатажного экспериментирования символистов в области своей личной жизни и имиджа. Мысли этой Белый придавал буквальное значение: указание на преобразование человека и человечества дано в символе, который есть пересечение внутреннего (априорного) и внешнего (апостериорного) опыта, психологической реальности и видимого мира. Цель символизма – вовсе не создание произведений искусства, но «преобразование человечества, создание новых форм»²². Полагать обратное – то же, что думать, будто, скажем, православие – только повод для созерцания икон и эстетического наслаждения церковным пением.

«На мои просьбы пояснить это преобразование примерами из области социальной, политической, нравственной, художественной Белый отвечал длинными речами, но ясного ответа все-таки не давал»²³, – по обыкновению, бравирует своим трезвомыслием Н. Валентинов. Однако ответ Белого Валентинову вполне конкретен: ценность творчества состоит в созидании себя по образу и подобию богов (которые, помним, суть эмблемы

иною). «В чем же это иное? <...> «Это – Я», – заявляет Андрей Белый в своей статье «Эмблематика смысла» и подтверждает еще раз в своей поздней работе «Будущее искусство»: «Нас ждет наше «Я». <...> Только эта форма творчества еще сулит нам спасение. Тут и лежит путь будущего искусства»²⁴.

Итак, мы призваны творить самих себя по образу и подобию себя же? В статье «Пути культуры» Андрей Белый дает очерк исторического становления культур разных эпох и народов как историю последовательного высвобождения «Я» из Космоса – касты – рода – из индивида («Я» как рефлектирующего самосознания личности на этом этапе). И вот этот «эгоизм»²⁵ эпохи гуманизма (где «Я» есть «Эго» уже вполне во фрейдовом смысле, то есть область осознаваемого) ждут дальнейшие метаморфозы: «соединения «Я» личности с «Я» Коллектива и – далее Космоса»²⁶. То есть полное отпадение от универсума (читай – Бога) в предельной точке индивидуализма – только кажущаяся изоляция: сугубо индивидуальное оказывается подлинно всеобщим.

Этот феномен, эту грядущую форму «Я» Андрей Белый в своей статье называет «самость»²⁷. Именно так, а не словом «самость» следовало бы переводить юнговский термин «Selbst»: «САМОСТЬ, – читаем мы в юнгианском словаре, – архетип наиполнейшего человеческого потенциала и единства личности как целого <...>. Переживание Самости характеризуется нуминозностью религиозного откровения <...> нет существенной разницы между Самостью как эмпирически постигаемой психологической реальностью и традиционным представлением о верховном божестве <...> С таким же успехом ее можно назвать «богом в нас» <...>. Юнговская концептуализация Самости видит ее в трансличностном измерении»²⁸. Личность, по Юнгу, в ходе своего становления, именуемого индивидуацией, бесконечно стремится к совпадению с самостью. Именно так и следует понимать юнговское намерение «сделать Бога сознательным».

В двух лекциях по алхимии, прочитанных К.Г. Юнгом летом 1942 г., Юнг прослеживает часть процесса индивидуации как пять стадий удаления (интеграции в сознание) проекций архетипов. Находясь на первой стадии, индивид еще не отделен от мира, то есть от общественных ожиданий по отношению к нему и от коллективной морали; на второй стадии начинается процесс дифференциации личности «от противного»: индивид осознает себя, сравнивая с Другим (носителем авторитета или, напротив, негативных качеств), в качестве Другого может выступить собственная архетипическая тень; на третьей стадии продолжается отдаление от «коллектива»: индивид сравнивает общественную мораль с собственным этическим кодексом; четвертая стадия – отчуждения от мира, личность оказывается способна противопоставить себя обществу... и оказаться в смысловом вакууме; на пятой стадии (наибольшего приближения к самости) должна произойти реинтеграция на основе уже теперь полного осознания индивидом своей природы и природы общества.

Что есть эта пятиступенчатая схема, как не применение к индивиду «Путей культуры» Андрея Белого и не разработка заимствованного принципа? Стадии филогенеза, перенесенные в онтогенез (эволюция жизни на земле – в стадиях развития эмбриона), – модная во времена Юнга естественно-научная концепция, только эмбрион этот – наше сознание, наше Я²⁹.

В основе концепции самостности/самости Белого/Юнга можно разглядеть и германского романтического «Бога в сердце», и образ ницшеанского канатоходца, сверхчеловека будущего, и «бога по имени Я» Р. Штейнера: «Я открыл в себе высшее «я», но это «я» переходит за пределы моего чувственного становления; оно было до моего рождения, оно будет существовать и после моей смерти <...> Так узнавал мист о своем обожествлении»³⁰. Антропософскую интерпретацию христианского Бога как «Я» мы обнаруживаем у всех младосимволистов и у М.³¹, но «история христианства – история детских болезней»³², как замечает Андрей Белый, восхождение же к коллективному (и далее – к космическому) «Я» как к «Я» индивидуализированному и есть задача будущего религиозного преобразования.

Пересоздание мира, пожалуй, – цель отдаленная и опосредованная, к ней мы еще вернемся ниже, преображение же собственной личности – цель, доступная всем, кто ищет Смысл, который и есть «последняя цель»³³, задаваемая Символом во всей неисчерпаемой совокупности его значений. В процессе творчества художник приближается к постижению Смысла и претерпевает личностные метаморфозы по мере этого приближения; углубляясь в интимное, на самом деле восходит ко всеобщему. Эта идея – в основе юнгианской психологии творчества (Юнг имеет в виду это, даже когда речь идет об обретении смыслов в ходе творческой терапевтической беседы).

Подобно тому, как Белый усматривает этапы преобразования человека в уяснении «смысла образов»³⁴, символов, Юнг определяет ход процесса индивидуации через интеграцию в сознание архетипов коллективного бессознательного. Выражаясь словами Белого, по мере приближения к самостности «личность, свободно вышедшая из своих границ, индивидуализируется [курсив мой – С.Л.] в коллективе»³⁵.

К.Г. Юнг детально разработал феноменологию архетипов-символов, Белый лишь обозначил некоторые из них: писал о мужской и женской сущностях души (анимус/анима у Юнга), о младенце-змееборце (архетип божественного младенца у Юнга), явил, по сути, архетипический образ тени в романе «Петербург». Не мог, разумеется, Э. Метнер не подарить Юнгу очарования соловьевской концепции Софии, Вечной Женственности А. Блока и Белого, узнанной впоследствии Вяч. Ивановым в одной из ипостасей юнговской Анимы.

Но, помимо разработки концепции самостности (самости), Белый будто предвосхищает саму теорию архетипа, отличая понятие о Символе от самого Символа (который «непознаваем, несотворим, всякое определение его условно»³⁶), от Лица,

или образа Символа, наконец, от символического образа переживания и от художественного символа. Белый также выявляет функциональную «трехчленную формулу символа»: «1) символ как образ видимости, возбуждающий эмоции, черты которого <...> нам заведомы в окружающей действительности; 2) символ как аллегория <...>; 3) символ как призыв к творчеству жизни»³⁷. И у К.Г. Юнга мы обнаруживаем различие архетипа как невоплощенной структурной формулы, архетипа как эмпирической модели в проекции, архетипа как персонификации и архетипического образа как аллегорического воплощения конкретной модели.

В статье «Смысл искусства» Андрей Белый мечтает о новой эстетике, которая бы не занималась «классификацией эстетических феноменов», но интересовалась бы «самим процессом воплощения»³⁸, то есть процессом символизации. Автора привлекают исследования, в которых «базисом теории является не та или иная эстетика, а данные научной психологии»³⁹.

Для художника, заметим мы, важен не конечный результат (картина, поэма), некоторые и вовсе безразличны к дальнейшей судьбе своих детищ. Перед художником встает насущная личностная проблема, которую он имеет благословенный дар решить посредством творческого психологического процесса, цель которого – преобразование личностных смыслов, обретение новых. Произведение – лишь побочный продукт смыслообразования, который подхватывают алчные почитатели таланта. Художника интересует не шелуха, а ядро смысла, как ту пушкинскую белку, что «песенки поет // Да орешки все грызет, // А орешки не простые, // Все скорлупки золотые. <...> // Из скорлупок льют монету // Да пускают в ход по свету»⁴⁰.

Возможно, впрочем, Белый в статье «Смысл искусства» предрекает и дальнейшее развитие психологии творчества, основы которой уже были в его время заложены работами Ч. Ломброзо, З. Фрейда, У. Джеймса. Подобно Ломброзо, Белый обращает внимание на зыбкую грань между гениальностью и помешательством, для толпы и вовсе не различимую (эту тему будет развивать Юнг с точки зрения погруженности как художника, так и безумца в стихию коллективного бессознательного). Подобно Фрейду, в основе художественного и научного творчества видевшего защитный механизм сублимации либидо, Белый заявляет, что «источник творчества – энергия переживания»⁴¹. Как Андрей Белый, Джеймс, едва ли знакомый с трудами русского символиста, относит поэтическое наитие, вдохновение, к многообразию религиозного (в психологическом смысле) опыта: «Человек вдохновляем и руководим внешней силой, так как одним из свойств подсознательной жизни, вторгающейся в область сознательного, является ее способность казаться чем-то объективным и внушать человеку представление о себе как о внешней силе»⁴².

Все перечисленное лишь показывает единую культурную базу построения мыслителями разных стран подобных друг другу суждений. Однако

еще в ранней своей статье «Формы искусства» (1902 г.) Андрей Белый, ссылаясь на Гете, делит художественные произведения на «рассудочные» и написанные по наитию. Много позже этот принцип деления, кому бы ни принадлежала первая его формулировка, будет признан одним из основополагающих тезисов юнгианской эстетики.

Юнг развивал его в статье «Об отношении к поэзии», различая интровертное и экстравертное искусство. А в статье «Смысл искусства»⁴³ Белый подробно разрабатывает весьма близкую более поздней юнговской типологию творчества («художественного символизма»), выделяя восемь типов художников на основании следующих критериев: 1) в образе видимости (классицизм) или во внутреннем переживании (романтизм) предстает художнику откровение; 2) нисходит на художника в процессе творчества откровение о единстве видимого и незримого («реалистический символизм») или художник в ходе создания произведения только стремится угадать это единство как подтверждение своего ментального представления о гармонии («идеалистический символизм»).

Говоря о соотношении вдохновения и ремесла в процессе художественного творчества, Белый делится собственным опытом: «Женственной стихией моего существа я поворачиваюсь к божественному началу, осеняющему меня видением; вдохновение второго рода активно: мужественная сторона моей души стремится запечатлеть <...> в слове <...> женственно воспринятое видение»⁴⁴. Гендерно-функциональная двойственность человеческой натуры будет исследована Юнгом не только при описании им парного архетипа анимы/анимуса, но и в ходе анализа природы креативности, в частности в статье «Психология и литература». Идея «психического гермафродитизма»⁴⁵ привьется и в американском юнгианстве.

Интересно наблюдать, как некоторые зерна, брошенные символизмом на плодородную почву психоанализа, помедлив прорасть в теории Юнга, дают всходы в постюнгианстве, главным образом в архетипической школе Дж. Хиллмана, прямой наследнице основного пафоса учения Юнга. Таким парадоксальным образом идеи русского модерна сохраняют всхожесть в постмодернизме.

Например, хиллмановская концепция риторики творчества очевидно восходит не только к фрейдовско-лакановскому вниманию к спонтанной речи, как полагает сам Хиллман. Истоки риторики творчества мы неожиданно обнаруживаем в статье Андрея Белого «Магия слов». Назначение человека, полагал Белый, в «живом творчестве жизни», осуществление через общение индивидуумов. Общение же представляет собой нечто иное, как «живой творческий процесс» обмена образами, «созидающими тайны жизни» и «углубляющими индивидуальные образы души»⁴⁶.

Владеющие живой, исполненной метафорами и мифологическими аллюзиями речью и есть теурги, поскольку слово-образ устремлено в будущее, омертвевшее же слово-понятие – в прошлое, к уже известному. В своей программе символизма Белый

заявил, что разделял точку зрения Вяч. Иванова на миф и метафору⁴⁷.

Вся сократическая традиция устных диалогов, к которой обычно апеллирует психоанализ, представляет собой риторику творчества. Да и психотерапевт Юнг, конечно же, испытывал на себе «созидающую тайны» власть звучащего слова: «Метнер <...> впоследствии указывал, что обнаружил почти дословные отрывки из их <с Юнгом> терапевтических диалогов в позднейших исследованиях Юнга»⁴⁸. Однако концептуализация значимости общения в процессе индивидуации самого Юнга не интересовала.

Вот что думает по этому поводу Дж. Хиллман: «Образ, вызываемый пациентом, находит имажинативное отражение с моей стороны <...> в форме фантазии <...>, которая не ставит своей целью интерпретацию и не составляет акт понимания»⁴⁹. «Акт созидания души является актом воображения. <...> Роль мифа в архетипической психологии состоит <...> в том, чтобы открыть проблемы жизни для трансперсонального исследования на основе культуры творческого воображения. <...> В этом случае метафора <...> перестает быть только «риторической фигурой» и становится инструментом созидания души»⁵⁰.

Называя основанную им школу архетипической, Хиллман имел в виду и некую естественность, самопроизвольность – «архетипичность» – составляющих ее отличие психологических и культурологических взглядов. В первую же очередь школа названа архетипической из-за пристального внимания к образу. «В архетипической психологии термин «образ» не относится к послеобразу, т.е. к результату ощущений и восприятий. Не означает «образ» и ментальной конструкции. <...> В действительности образ соотносится только с самим собой»⁵¹, – вот как определяет центральное понятие своей доктрины лукавый постмодернист.

Но мы находим почти дословное соответствие этому определению в статье «Эмблематика смысла» Андрея Белого: «Смысл красоты в художественном образе, а не в одной только эмоции, которую возбуждает в нас образ; и вовсе не в рассудочном истолковании этого образа; символ неразложим ни в эмоциях, ни в дискурсивных понятиях; он есть то, что он есть»⁵².

Поскольку речь в данном случае не может идти о плагиате, остается предположить лишь то, что современный архетипический психолог и символист (почти сто лет назад) в своих размышлениях о природе образа-символа действительно подошли к архетипической сути его, уловили идею. Или же то, что суть символизма была схвачена К.Г. Юнгом столь верно, что не претерпела искажений даже во взглядах его лучшего ученика.

Приземленный социал-демократ Н. Валентинов, не добившийся, по его словам, ответа от Белого, в чем же конкретно выразится преобразование форм мира, на самом деле ответ этот получил: «Изменение этих форм есть знак изменения внутреннего восприятия мира для создания новых форм жизни»⁵³. Итак, «мы наш, мы новый мир построим»

■ Философия

отнодь не на «стройках символизма», а в восприятии этого мира, в неординарной его интерпретации преобразенными (вследствие особой восприимчивости к символам) личностями – вот, думается, что имел в виду Андрей Белый.

О том же говорит он и в статье «Смысл искусства», рассматривая вариант творческой символизации, при котором художник сосредоточивается на предмете видимости, что открывает в нем «углубленное художественное восприятие»⁵⁴, в итоге же творческого процесса предмет видимости является преобразенным. Только, когда мы говорим о мирозидании, о миропереосмыслении, точнее, речь уже идет не об отдельном предмете видимости, а обо всем видимом мире. В символической интерпретации он может быть приведен творческой личностью в соответствие с «реальной действительностью», по Белому, то есть с платонической идеальной сущностью этого мира.

«Исцеление» мира посредством свежей его интерпретации – третий постулат философии воображения Хиллмана, находящий соответствие в символизме. «Он, – говорит Хиллман о проводнике душ, метафорическом Гермесе риторики творчества, – бог границ и герменевтики, связей между различными мирами. <...> Он проявляется в акте интерпретации, его дар – это инсайт»⁵⁵. «В последнее время, – передает Дж. Хиллман идею одного из своих единомышленников о конечном смысле интерпретации – образоцентрическая психотерапия проникает в мир объектов чувственного восприятия и привычных форм. <...> Ее программа ставит перед собой честолюбивую задачу – выздоровление души мира (anima mundi) на основе рассмотрения мирового облика с эстетической точки зрения. Проект предусматривает <...> масштабную задачу – сформировать новый образ общества»⁵⁶.

Чем не символистская утопия Андрея Белого? Впрочем, учитывая те резкие культурные перемены, что действительно происходили в мире в ходе XX столетия, такая ли уж утопия?..

В этой связи приобретает особое звучание призыв Белого рассматривать «глубочайшие противоречия современной культуры»⁵⁷ (Белый имел в виду европейскую) в свете других культур. «Мы переживаем ныне в искусстве все века и все нации»⁵⁸, – писал он, – наибольшее внимание, как и все символисты, уделяя культуре античности, восточной и средневековой мистике. Эта установка на создание плюралистической новой культуры была свойственна и Юнгу, в современном же юнгианстве (в том числе как ответ на вызов глобализации) трансформировалась в культурологическую концепцию метафорического «политеизма».

Учение Юнга породило несколько современных школ глубинной психологии⁵⁹, одна из которых, архетипическая школа Дж. Хиллмана, стремится к тому, чтобы окончательно утвердить за юнгианством гуманитарный статус. Таким образом, замыкается круг, возвращая архетипическую психологию к символистской культурологии и эстетике. Возвращается она, однако, преобразенной всеми своими достижениями XX столетия, представляя в настоящий момент признанный метод литературно-художественного, культурологического и философского анализа.

Lyutova S.N. Theory of Symbols by the second generation of Russian Symbolists & the Archetypal Theory: Religious, Anthropologic, Cultural Aspects of Succession.

Summary: The article is about the Theory of Symbols by second generation of Russian Symbolists and the Archetypal Theory. Both of theories were researched as related religious and philosophical forms of the XXth cent. Western civilization crisis reflection and as attempts to foresee the ways of European mentality transformation. Admitting common cultural genesis of the theories, the author determined Jungian Archetypal Theory in succession to the Theory of Symbols by Andrey Bely. Also the author traced development of several of the Russian Modern Anthropological ideas at the American Post-modern Cultural Anthropology.

Ключевые слова

Младосимволизм, Серебряный век, аналитическая психология, психоанализ, религиозный символизм, архетипическая теория, модернизм, постмодернизм, мультикультурализм, Андрей Белый, Вяч. Иванов, К.Г. Юнг, Дж. Хиллман.

Keywords

The second generation of Russian Symbolists, Silver Age of Russian Poetry, Analytical Psychology, Psychoanalysis, Religious Symbolism, Archetypal Theory, Modernism, Postmodernism, Multiculturalism, Andrey Bely, Vyacheslav Ivanov, C.G. Jung, J. Hillman.

Примечания

1. Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 18.
2. Там же. С. 53.
3. См.: Обатнин Г. Иванов — мистик: Окультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919). – М., 2000.
4. Белый А. Символизм как... С. 122.
5. Там же. С. 142.
6. Эллис. Незданное и несобранное. Томск, 2000. С. 199.
7. Белый А. Символизм как... С. 76.
8. В статьях «Смысл искусства» и «Эмблематика смысла», вошедших в сборник А. Белого «Символизм», изданный знаменитым «Мусagetом» в 1910 г.

9. Белый А. Символизм как... С. 456.
10. Нолл Р. Арийский Христос: Тайная жизнь Карла Юнга. М.; Киев, 1998. С. 154.
11. Судя по тому, что Юнг ссылается на Мережковского в своей книге. См.: Юнг К.Г. Либидо, его метаморфозы и символы. СПб., 1994. С. 407.
12. Юнг Г. М. Русский Мефистофель: Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб., 2001. С. 113, 121.
13. Там же. С. 193.
14. Пайман А. История русского символизма. М., 2002. С. 126, 172, 196, 214.
15. Белый А. Символизм как... С. 137.
16. Эткинд А. Эрос невозможного: История психоанализа в России. М., 1994. С. 48-49.
17. Белый А. Символизм как... С. 43.
18. Там же. С. 53.
19. Валентинов Н. Два года с символистами. М., 2000. С. 205.
20. Нолл Р. Арийский Христос: Тайная жизнь Карла Юнга. М., 1998. С. 13-14.
21. Белый А. Символизм как... С. 115, 117, 120, 122.
22. Там же. С. 115.
23. Валентинов Н. Два года... С. 202.
24. Белый А. Символизм как... С. 144.
25. Там же. С. 310.
26. Там же. С. 309.
27. Там же.
28. Зеленский В.В. Толковый словарь по аналитической психологии (с английскими и немецкими эквивалентами). СПб., 2000. 2-е расшир. и доп. изд. С. 197-198.
29. Стадии удаления проекций Юнга, по иронии судьбы или по закону внутренней логики этой концепции, будут взяты на вооружение современным юнгианским литературоведом Т. Доусоном – снова, как было у Андрея Белого, для анализа развития культуры.
30. Цит. по: Обатнин Г. Иванов—мистик... С. 30-31.
31. Волошин М. Отцеубийство в античной и христианской трагедии (Братья Карамазовы и Эдип-царь) // Волошин М. Из литературного наследия. Вып. II. СПб., 1999. С. 51.
32. Белый А. Символизм как... С. 311.
33. Там же. 110.
34. Там же. С. 104.
35. Там же. С. 311.
36. Белый А. Символизм как... С. 75.
37. Там же. С. 123.
38. Там же. С. 125.
39. Там же. С. 123.
40. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Изд. 3-е. Т. 4. Поэмы. Сказки. М., 1963. С. 443-444.
41. Белый А. Символизм как... С. 123.
42. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М., 1993. С. 398.
43. Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма. В 2-х т. М., 1994. Т. 1. С. 143-176.
44. Белый А. Символизм как... С. 128.
45. Хиллман Дж. Исцеляющий вымысел. СПб., 1997. С. 124.
46. Белый А. Символизм как... С. 133.
47. Там же. С. 447.
48. Юнг Г. М. Русский Мефистофель... С. 172.
49. Хиллман Дж. Исцеляющий вымысел. СПб., 1997. С. 39-40.
50. Хиллман Дж. Архетипическая психология. СПб., 1996. С. 76, 77, 82.
51. Там же. С. 63.
52. Белый А. Символизм как... С. 81.
53. Валентинов Н. Два года... С. 206.
54. Белый А. Символизм как... С. 117.
55. Хиллман Дж. Исцеляющий вымысел... С. 40.
56. Хиллман Дж. Архетипическая психология... С. 102.
57. Белый А. Символизм как... С. 26.
58. Там же. С. 82.
59. См.: Самуэлс Э. Юнг и постюнгианцы: Курс юнгианского психоанализа. М., 1997.

«Мягкая сила» культурных модуляторов современных модернизационных процессов

А.В. Шестопал, М.В. Силантьева

Проблема «мягкой силы» рассматривается авторами в контексте лингво-культурологических, социологических, политических и философских ракурсов, обеспечивающих целостное видение сложнейшего современного процесса межкультурного взаимодействия.

Вопрос о «мягкой силе» сегодня – один из приоритетных во всем мире. На Совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации за рубежом внимание к этому поистине стратегическому ресурсу было привлечено в выступлениях Президента РФ В.В. Путина и министра иностранных дел С.В. Лаврова¹. Особое значение в этой связи приобретает русский язык – тот «носитель», без усиленной поддержки которого трудно говорить об укреплении позиций России в области экономического сотрудничества, политических контактов, поддержки россиян за рубежом и в пределах нашего Отечества².

Кто является субъектом межкультурной коммуникации?

Современные модернизационные процессы представляют собой, как известно, сложное многоуровневое взаимодействие различных подсистем культуры (в данном случае под «культурой» пони-

мается социокультурный организм), маркированных теми или иными акцентами в системе ценностных предпочтений. Подобные акценты принято связывать с историческими «типами» культур или же напрямую – с конкретными социокультурными организмами. Таким образом, акторы межкультурной коммуникации могут рассматриваться, как минимум, двояко, и разница в нюансах оказывается достаточно существенной. Если под «организмом» на сегодняшний день все еще понимается национальное государство (выступающее, по крайней мере, на уровне правового поля как субъект международно-правовых отношений), то «типы» выступают как довольно размытые геополитические образования, имеющие во внутренней структуре близкие ценностные платформы и при этом не составляющие незыблемого, раз и навсегда данного, монолита. В любом случае, «доминантой» и точкой отсчета всегда выступает конкретный социокультурный организм – недаром «локальные

Шестопал Алексей Викторович – д.филос.н., профессор, зав. кафедрой философии МГИМО(У) МИД России.
Силантьева Маргарита Вениаминовна – д.филос.н., профессор кафедры философии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: silvari@mail.ru

типы» Данилевского – Шпенглера получили свои названия в соответствии со страноведческими и регионоведческими терминами.

В свою очередь, межкультурная коммуникация распределяется как во внешнеполитическом пространстве (и тогда «игроками» этого поля выступают национальные государства как ее макроакторы), так и в пространстве внутриполитическом (в этом случае речь идет о больших и малых социальных группах, а также социальных институтах и отдельных организациях, представленных, разумеется, конкретными людьми).

Стоит отметить, что свою специфику процессам жизнедеятельности социокультурных организмов придают глобализационные тенденции во всем их многообразии, включая глокализацию. Стремление макроакторов межкультурной коммуникации к большей открытости парадоксально совмещается с трендами изоляционизма. Политические страсти выражают себя по всему спектру предпочтений – от стремления к суперинтеграции до сползания к даосской модели «пусть границу соседнего государства обозначает поющий петух», что сводит макроактора к малой социальной группе или даже отдельной «ячейке общества», как правило, кланового типа.

Не следует, однако, забывать, что реальными агентами межкультурной коммуникации являются реальные люди, представляющие собой не только носителей определенных ценностей (в этом случае от личностного фактора легко было бы абстрагироваться), но выступающих как свободные «единицы» социальной активности, способные «начинать цепь причинения с себя».

Специфика модернизации в современных условиях

В связи с темой, избранной для обсуждения, важно отметить, что нынешняя фаза модернизации давно перешагнула порог наивной веры в индустриальное и постиндустриально-информационное могущество как панацею от всех бед. В то же время основание подобного «самопревосхождения» – достижение рядом стран по-настоящему высокого уровня модернизации своих социально-экономических, социально-политических и социокультурных подсистем. Именно это и позволяет им «превзойти» самих себя в «постиндустриальном» типе организации. Отсюда – хрестоматийный вывод о том, что социальное пространство подобных обществ действительно претерпевает в наши дни радикальные трансформации, в том числе социопсихологического плана.

Известно и то, что страны, чья экономика включена в глобализационные процессы по принципу «догоняющей» модернизации, также не остаются в стороне от подобных трансформаций. В определенном смысле можно утверждать, что модернизация их социально-политического и социокультурного блоков протекает на несколько порядков быстрее, чем собственно социально-экономическая модернизация (индустриализация и соответствующая ей реорганизация социальной жизни).

Заметную роль в указанном процессе играет интенсификация функционирования всей совокупности коммуникативных сетей, связанная с ускоренным технологическим развитием, – идет ли речь о транспорте грузов или о «транспорте» информации; о перемещении людей или о перемещении идей и ценностей. Коммуникативный процесс, таким образом, по праву приобретает название «межкультурной коммуникации» – интенсивного многоаспектного взаимодействия культурных форм, представляющих различные, иногда несоизмеримые виды социокультурных организмов.

Определенная часть подобных взаимодействий представляет собой стихийное взаимовлияние соприкасающихся подсистем между культурами различных типов (или, если использовать несколько иной подход, между различными социокультурными организмами). Другая часть межкультурных коммуникаций связана с более или менее продуманными стратегиями влияния – партнерского и непартнерского типов. По логике, партнерство предполагает «мягкое», ненасильственное, взаимовлияние; его антипод – напротив, применение того или иного вида явного либо скрытого насилия. Однако фактически навязывание собственных культурных форм в качестве доминантных присутствует в любом виде сколько-нибудь серьезного взаимодействия, партнерского в том числе. «Мягкая сила», таким образом, – необходимый компонент, активизирующий механизмы развития плодотворных контактов с учетом неизбежности лоббирования интересов каждой из сторон при решении конкретных проблем, в связи с которыми имеет место взаимодействие.

«Кто отказывается содержать своих солдат, в конце концов содержит чужих» – эта старая мудрость легко проецируется на современное поле социокультурного взаимодействия: «кто отказывается лоббировать свои интересы, в конце концов работает исключительно на реализацию интересов контрагентов». У «межкультурных коммуникаторов» предполагается способность отдавать себе отчет в своих действиях: чьи, какие именно интересы ты представляешь в процессе коммуникации? Честная констатация фактов позволяет уточнить границу «мягкости», о которой идет речь. Такая граница не может выходить за рамки стратегических интересов своего государства и своего народа (что, кстати, в современном мире далеко не всегда совпадает), идет ли речь о политическом, экономическом или культурном взаимодействии; однако не может и откровенно отрицать базовые ценности контрагентов. В последнем случае «мягкое» воздействие переходит в фазу насилия и таким образом перестает быть «культурно корректным».

«Культурные модуляторы» как исследовательская проблема

Итак, допустимые параметры взаимного учета интересов предполагают «ценностные вторжения» в условно чужое социокультурное пространство – ведь именно таким путем происходит его культурное «освоение», без которого культуры

■ Межкультурная коммуникация

действительно оставались бы абсолютно несоизмеримыми и в этом смысле полностью неконтактными. Другое дело, что определение приоритетов в процессе взаимодействия должно подвергаться строгому расчету, позволяющему оценить шансы собственной позиции по отношению к позиции контрагента. Очевидно, что коммуникативные транзакции в этом случае можно направленно ориентировать на тот или иной тип коммуникации, оптимально соответствующей избранной стратегической линии поведения. Очевидно также, что не всегда доминирование с применением активного лоббирования своей позиции является искомым оптимальным вариантом. Нередко выжидательная позиция, позволяющая «расцвести всем цветам», приносит эффект значительно быстрее и с меньшими потерями (так называемая «азиатская дипломатия»).

Учет ценностных «фундаментов» культур, определяющих те или иные стратегии и тактики поведения их представителей в конкретной ситуации, таким образом, – необходимый компонент эффективной межкультурной коммуникации, имеющей своей целью конкретные деловые результаты. «Артподготовка» для подобного взаимодействия – межкультурная коммуникация, не имеющая видимой прагматической цели, коммуникация «сама по себе», партнерство с целью узнавания. В этом ряду можно выделить два ключевых направления взаимодействия:

- во-первых, научное и любительское исследование «чужих» культур (от этнографических экспедиций до прямых разведывательных операций на территории других государств);

- во-вторых, так называемая «народная дипломатия», охватывающая сегодня не только сферу спорта, туризма и связанных с ними бытовых контактов, но также широко распространившаяся в области образования³, здравоохранения и других международных контактов профессионального уровня.

Описания феноменологического типа, фиксирующие ключевые особенности (как и заметные изменения) такого рода фактов, – основа современной культурологии (включая лингвокультурологию), что особенно актуально для исследовательской площадки МГИМО(У). Вместе с тем нельзя забывать, что любое феноменологическое описание в то же время претендует на выраженное «сканирование» сущности происходящего. Если обратиться к исследованию межкультурной коммуникации, под такой сущностью следует понимать живую жизнь конкретных культурных форм, чьи метаморфозы составляют ядро внутренней жизни культур. Эта задача не решается вне контекста культурологической феноменологии, но вместе с тем несводима к ней, представляя собой «дело» отдельной дисциплины – философии культуры.

Философия культуры, таким образом, – это попытка обоснованной реконструкции сущностных взаимодействий современных культур с точки зрения движения культурных форм, опирающаяся на использование релевантной методологии

(феноменология, философская компаративистика, герменевтический анализ, аксиология, современная антропология, религиоведческий анализ, этнопсихология, теория коммуникации в контексте неориторики XX в., цивилизационный подход, теория управления, социология, конфликтология, геополитика и т.д.).

Обращаясь к конкретным прагматическим результатам подобных исследований, следует подчеркнуть их «выход» на решение важнейших практических задач, включая задачи делового плана и даже задачи хозяйственные. Давно известно, что знание партнера способствует лучшему пониманию и ускоряет достижение возможных договоренностей. Успехи на этом поприще этнопсихологии и деловой этики предполагают углубленные исследования «аксиологических фундаментов» культур, их духовной аксиоматики и тенденций их трансформации во времени. «Свежие» данные такого рода – необходимое условие успешной коммуникации в любой сфере. Однако знание основ, трансформирующихся чрезвычайно медленно и представляющих собой «несущие конструкции» «своей» и «чужой» культуры, – не менее важный компонент, необходимый для ориентации в деловых отношениях с представителями иных культур. Отдельная тема – ценностные «мутации», являющиеся следствием современных миграционных процессов.

При этом рефлексия по поводу «сильных» и «слабых» сторон собственной культуры – также мощный фактор, позволяющий модулировать активность любого профиля – от делового до политического с помощью «мягкой силы».

Философско-культурологическая школа МГИМО(У) – теория, практика и прагматика

Перспективы исследовательской площадки МГИМО с учетом приведенных подходов огромны – как в силу наличия богатого спектра специалистов указанных профилей, так и в силу специфики «производственного процесса» нашего вуза. Он предполагает, с одной стороны, наличие (прежде всего, в студенческой аудитории) представителей различных культур. С другой стороны – знание преподавательским коллективом нюансов межкультурной коммуникации в образовательном пространстве, бизнес-транзакциях, взаимодействиях в международно-правовом пространстве, международных исследовательских проектах и т.д.

Развитие названного направления видится перспективным и в силу «ужесточения» конкурентной борьбы в современном образовательном пространстве, в том числе и международном, о чем сегодня говорят ведущие специалисты в данной области. Повышение конкурентоспособности нашего вуза – один из значимых результатов усилившегося в связи с открытием по решению Ученого совета МГИМО в 2012 г. в Университете аспирантуры по культурологии (специальность 24.00.01 – история и теория культуры) и философии культуры (специальность 09.00.13 – философская антропология

и философия культуры), наращивания исследовательского потенциала в данной области.

Важно, что наш Университет обеспечен высококвалифицированными исследовательскими и педагогическими кадрами в данной области, способными вести научную деятельность, поддерживающую преподавательские усилия, включающие студентов в обсуждение и изучение актуальных для их будущей профессиональной деятельности проблем. Нарботанный опыт в данной сфере позволяет не только укомплектовать учебный процесс по новым специальностям кадрами различных профилей (от специалистов в области мировой культуры и литературы до философов, журналистов, историков, лингвистов, социологов, экономистов, психологов, правовиков и т.д.), но также развивать междисциплинарное научное направление совместными силами профессорско-преподавательского состава и студентов.

Одна из задач, поставленных сегодня руководством страны, – приток инвестиций в Россию. Ее решение должно опираться на «мягкую силу»⁴. Это не может быть достигнуто без точного знания культурологических особенностей межкультурной коммуникации и учета конкретных сущностных моделей развития современных локальных культур. Личностный фактор, определяющий, между прочим, и степень погруженности человека в данную проблематику (как и готовность считаться с ней при принятии решений), – важнейшая составля-

ющая того «человеческого капитала»⁵, без которого невозможно говорить о какой бы то ни было коммуникации, тем более успешной.

Подборка материалов докладов и сообщений, прозвучавших на заседаниях секции «Межкультурная коммуникация» VII Конвента РАМИ, организована по следующей логике:

– во-первых, выделен блок лингвокультурной и страноведческой проблематики (Е.В. Воевода, А.В. Кагальникова, Н.Н. Изотова, Л.Б.Карелова, М.А.М. Халиль);

– во-вторых, дан анализ модернизационных процессов в постсоветской России (В.Л. Курабцев, О.Л. Церпицкая);

– в-третьих, освещены методологические вопросы социокультурных трансформаций в системе современной международной жизни (М.Л. Полищук, Д.Н. Белова, А.Г. Климов, М.В. Силантьева, А.М. Петрович, М. Узелац, В.С. Глаголев).

Модераторы секции будут благодарны читателям за комментарии и оппонирования изложенных точек зрения.

Shestopal A.V., Silantjeva M.V. Intercultural communication in the light of current modernization process, "soft power" cultural modulators.

Summary: The problem of "soft power" is considered by the authors in the context of the linguistic-cultural, sociological, political and philosophical perspectives, providing a holistic view of today's complex process of intercultural interaction.

Ключевые слова

«Мягкая сила», модернизация, культурологические модераторы. лингвокультурология, философия культуры, аксеология культуры, философско-культурологическая школа МГИМО.

Keywords

Soft power, modernization, cultural moderators. linguistics, philosophy, culture, akseologiya culture, philosophical-cultural school MGIMO.

Примечания

1. Путин В.В. Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности // Вестник МГИМО-Университета. 2012. №4 (25). С. 11.
2. Лавров С.В. Русский язык – инструмент нашего влияния. Ответы министра иностранных дел России С.В. Лаврова на вопросы руководителя Россотрудничества К.И. Косачева в его авторской программе на радио «Голос России» // Там же. С.14.
3. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. №4 (25). С.85-92.
4. Власти РФ взяли за работу над имиджевыми ошибками. Москва, 3 сентября, РИА «Новости» / Электронный ресурс: <http://news.mail.ru/politics/10109360/> (дата обращения: 03.09.2012).
5. Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал: В 5 т. Т. 1. Роль идеологии в модернизации России / А. И. Подберезкин. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Университет) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 3-6, 11-14.

Контактные языки как лингвокультурная доминанта на постсоветском пространстве

Е.В. Воевода

В статье рассматриваются социополитические и лингвистические проблемы выбора контактных языков для коммуникации на постсоветском пространстве. Автор анализирует факторы, определяющие возможность приобретения языком статуса контактного, и влияние контактного языка на выбор партнеров в экономике, политике и культуре.

Языковая ситуация на евразийском континенте меняется: растет популярность английского языка как языка международного общения; сужается ареал использования русского языка; отмечается интерес к изучению китайского и арабского языков. Активно продвигает свои политико-лингвистические интересы Турция. Для создания единого евразийского пространства необходим язык или языки, на которых представители Евразии могли бы общаться, то есть контактный язык.

Что же такое контактный язык? Каковы социокультурные детерминанты, определяющие, какой из языков сможет приобрести статус нового *lingua franca*? Каково влияние контактного языка на выбор партнеров в области политики, экономики и культуры? Контактный язык, или *lingua franca*, – это язык-посредник, функционирующий как средство межнационального или межэтнического общения между носителями разных языков в ограниченных сферах социальных контактов¹. Необходимо различать контактные и международные языки, которые могут совпадать или не совпадать. Так, в

XIX в. в Европе международными языками были французский и немецкий языки, а контактным – только французский.

В современном мире английский язык как глобальный распространен как в странах, где он является первым языком, так и в странах, где он является либо официально признанным вторым языком, либо языком межнационального общения².

Язык может способствовать пробуждению интереса к культуре и политике страны, способствовать формированию образа друга или врага. В XIX в. с распространением французского языка в России началось и распространение французской культуры. Но может происходить и обратное: отношение к стране влечет за собой не только интерес к языку, но, в некоторых случаях, его отторжение. После Великой Отечественной войны отношение к немецкому языку было не очень позитивным. Зато в начале 2000-х гг. экономический рост Германии способствовал росту интереса к изучению немецкого языка.

Когда человек говорит на иностранном языке, он неизбежно погружается в языковую картину

Воевода Елена Васильевна – д.пед.н., доцент, профессор кафедры английского языка №2 МГИМО(У) МИД России. E-mail: elenavoevoda@yandex.ru

мира, свойственную этому языку, воспринимает иную логику мировосприятия, систему ценностей. Ее можно принимать, можно отвергать, но нельзя отрицать, что и отдельный человек, и большие группы людей могут быть подвержены влиянию иностранного языка и иноязычной культуры.

Среди факторов, влияющих на признание за языком статуса контактного, наиболее существенную роль играют:

1) этнолингвистические факторы – процент населения, говорящего на контактном языке;

2) политические факторы – государственная поддержка языка и его статус;

3) качество преподавания языка в школах и вузах;

4) этнокультурные факторы, в том числе возможность/стремление изучить иностранный язык, на котором написаны священные книги, в родной стране или за рубежом;

5) географическая близость сильного государства, с которым существуют экономические и культурные связи или иные политико-экономические связи;

6) социальный престиж; возможность найти работу с применением языка как в своей стране, так и за рубежом.

Рассмотрим эти факторы применительно к русскому и английскому языкам как потенциальным языкам-посредникам на постсоветском пространстве. В бывших республиках СССР выросло целое поколение людей, не знающих русского языка. Но эти люди не владеют и английским языком. Проблемы контактных языков на постсоветском пространстве обусловлены не столько лингвокультурными и экономическими факторами, сколько политическими и религиозными. Для руководителей государств, образовавшихся на территории бывшего СССР, вопросы, связанные с государственным языком, имеют политическое значение.

Часто в споре сторонников и противников существования только одного государственно-го языка в большинстве случаев смешиваются понятия «государственный язык» и «язык межнационального общения». Последнее стоит расширить и говорить о языке межнационального (межэтнического) общения как внутри страны, так и вне ее границ. На каком языке будут говорить между собой украинец, грузин, армянин и казах. Азербайджанский писатель Чингиз Абдуллаев считает, что это будет русский язык хотя бы даже потому, что «вряд ли все они будут знать английский язык»³.

В славянских государствах, несмотря на связанные с языками политические игры, процент русскоязычного и русскоговорящего населения наиболее высок:

– в Белоруссии, по данным переписи населения (2009 г.), 84% населения считают себя белорусами, при этом 70% жителей используют для общения русский язык⁴;

– на Украине, по данным опросов, проведенных институтом Гэллапа (США) и компанией

Research and Branding Group (Украина), русским языком свободно владеют и предпочитают использовать его в общении от 83 до 92 % граждан⁵;

– в Молдавии (2004 г.) русскоязычное население составляло 16%, но языком межнационального общения являлся и является и сегодня русский язык⁶.

Политика укрепления роли языка титульной нации заставляет многих русских на Украине и в Молдавии получать образование на государственном языке. Однако если украинские ученые при негласном запрете на научные выступления на русском языке выбирают украинский, а кто может – английский, то молдавские ученые сразу предлагают английский в качестве рабочего языка. Но и в том, и в другом случае неформальное общение идет на русском языке. Добавим к этому потоки украинских, белорусских и молдавских трудовых мигрантов и станет ясно, что русский язык в Белоруссии, Молдавии и на Украине еще долго останется контактным.

В Прибалтике положение несколько иное. В Литве доля литовцев значительно превышает долю граждан нетитульной нации, однако русский язык традиционно используется как язык межнационального общения, что связано с развивающейся индустрией туризма. В Вильнюсе и Каунасе уже можно общаться на английском языке. Сложнее дело обстоит в Латвии, где на русском языке общаются примерно 35% жителей. Русский язык является в этой стране политическим и правозащитным вопросом, однако в частной сфере он распространен значительно шире, чем об этом официально сообщают: при приеме на работу часто требуется указать знание русского языка. В Эстонии лица, для которых русский язык является родным, составляют примерно 30% населения. Русский язык является самым распространенным иностранным языком в этой стране, за ним следуют английский, немецкий, финский. Отметим, что как эстонский, так и финский языки относятся к финно-угорской группе, что затрудняет их понимание носителями балто-славянских языков. Таким образом, возможность распространения русского языка в Прибалтике ниже, чем в Молдавии и на Украине, не говоря уже о Белоруссии. Что касается английского языка, то, несмотря на его растущую популярность и значительно возросший товарооборот со странами ЕС и США, английский язык не рассматривается в качестве единственного контактного языка, так как свободно владеет им незначительная часть населения.

В одной и той же коммуникативной общности могут функционировать несколько языков-посредников, разграниченных в соответствии со сферами их использования: суржик и трясанка используются в повседневно-бытовом общении, но в официальной речи используется один из официальных языков. Через некоторое время к ним присоединится английский язык, и можно будет говорить об образовании культурно-языковых союзов на территории славяноязычных стран СНГ (России, Белоруссии, Украины и, вероятно, Казахстана) с русским языком как контактным на бытовом и

■ Межкультурная коммуникация

официальном уровне и английским языком как языком делового общения. Есть все основания говорить уже сегодня об образовании культурно-языкового союза стран Прибалтики, где контактными языками выступают русский и английский.

Совсем другая языковая ситуация складывается на Кавказе, в Средней Азии и Казахстане. Кроме армянского, грузинского и таджикского языков, все остальные языки новых независимых государств являются тюркскими, и процесс тюркизации нарастает, что отмечают лингвисты Азербайджана. К тому же переход большинства среднеазиатских республик на латиницу затрудняет изучение русского языка.

Армении необходимы языки-посредники для общения с внешним миром: английский – из-за существующих реалий и центров силы (экономической, военной, научной, политической и т.д.), сложившихся после распада СССР; русский – из-за общей ситуации в регионе, стратегического партнерства и позиции по Нагорному Карабаху. Необходимо также учитывать и наличие крупнейшей – более чем миллионной – армянской диаспоры в России. С учетом геополитической обстановки контактными языками для Армении могут стать именно английский и русский⁷.

Политика Грузии в отношении России привела к тому, что молодежь практически не знает ни русского, ни английского языка. Элита отправляет своих детей учиться в российские и европейские университеты, чтобы знали и русский, и английский языки. Разумным компромиссом могло бы стать триязычие в Грузии и Армении, но пока этого не происходит, хотя в Армении о таких планах говорят.

Руководство Азербайджана настойчиво продвигает идею официально сделать английский язык языком межнационального общения не только вне, но и внутри Азербайджана. На телевидении преобладают американские фильмы. В то же время здесь активно продвигает свои политические и лингвокультурные интересы Турция – через телеканалы, культурные центры, развитие туризма и т.п. Не исключено, что турецкий язык сможет стать одним из распространенных языков на территории Азербайджана, но все-таки не контактным в полном смысле слова.

Население Узбекистана все хуже и реже говорит по-русски. При этом в республике проживает более 100 национальностей, для которых русский язык является главным в межнациональном общении. Дерусификация повлекла за собой еще одну, неожиданную проблему: «выдавленный» русский язык потянул за собой на дно и узбекский: переход с кириллицы на латиницу стал системной ошибкой, которая практически вывела из обращения узбекский язык. Теперь многие дети, особенно в глубинке, не могут читать по-узбекски, если запись сделана на кириллице, а взрослые и старики не могут прочесть узбекский текст, написанный на латинице. Из-за частой смены алфавита в республике часть населения снова оказалась неграмотной. Переход на латиницу – одно из проявлений

лингвокультурной доминанты английского языка. В последнее время на фоне растущей исламизации идут разговоры о переходе на арабский алфавит.

Молодое поколение туркменом русским языком практически не владеет. Между тем английский язык уже составляет весьма успешную конкуренцию русскому языку: в стране действуют американские программы, позволяющие молодежи получить образование в США с последующим трудоустройством как дома, так и за рубежом. Россия не предлагает подобных образовательных программ, поэтому знание английского языка гарантирует больше перспектив, чем знание русского⁸. В то же время английский язык в школах преподается на низком уровне, поэтому говорить о том, что он сможет стать контактным пока преждевременно. Все большую активность развивает Турция, открывая языковые курсы и культурные центры, совместные учебные заведения. Можно прогнозировать, что в недалеком будущем на основе английского, русского, турецкого языков появятся пиджины – языки, не имеющие коллектива исконных носителей, которые возникают на основе нескольких разнотипных языков и имеют упрощенную структуру и лексический состав.

Отметим еще одну языковую проблему государств СНГ в Средней Азии: в малых городах и в сельской местности иностранные языки вообще не имеют для населения практической ценности: отсутствие общения с носителями языка дополняется отсутствием теле- и радиопередач, прессы, книг на иностранных языках; нет доступа в Интернет. На фоне растущей исламизации среднеазиатских стран растет интерес к арабскому языку, желание некоторой части молодежи получать религиозное образование за рубежом, однако у сельской молодежи такой возможности практически нет.

В Киргизии и Таджикистане русский язык является контактным, сохраняется образование на русском языке. В Казахстане, по данным переписи населения 2009 г., наиболее распространенным является русский язык. Однако в республике активно проходит программа обучения английскому и китайскому языкам. Недалеко то время, когда одним из контактных языков на территории Казахстана и дальневосточной части России станет китайский язык.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

- изучение иностранного языка и получение этим языком статуса контактного обусловлено мотивацией, присутствующей у большей части населения, которая обусловлена возможностью применения этого языка и возможностью получения каких-либо преимуществ;

- выбор контактного языка – это выбор партнера в экономике, политике, культуре. Контактный язык является лингвокультурной доминантой, поскольку через язык как неотъемлемую составляющую культуры происходит приобщение говорящего к ценностям, свойственным той или иной культуре, что непосредственно влияет на мировосприятие;

– в недалеком будущем возможно:

а) образование культурно-языковых союзов на территории славяноязычных стран СНГ, Молдавии и Казахстана, где в качестве контактного языка будет выступать русский язык и постепенно распространяться английский язык, а также стран Прибалтики, где в качестве контактных языков будут выступать английский и русский языки;

б) распространение английского языка как контактного в Грузии, Азербайджане, Армении;

в) нарастание процесса тюркизации в Азербайджане, Узбекистане, Таджикистане, Туркменистане, Киргизии;

г) возрастание роли китайского языка, распространение его в качестве контактного языка, наряду с русским, в пограничных с Китаем регионах России и Казахстана.

Voevoda E. V. Contact Languages in the Post-Soviet Space: Linguistic and Cultural Dominance.

Summary: *The article addresses the socio-political and linguistic problems in choosing contact languages for communication in the post-Soviet space. The author analyses the factors that determine the status of a contact language and its impact on the choice of partners in political, economic and cultural spheres.*

Ключевые слова

Контактный язык, ценности, межнациональное общение, этническое меньшинство, перепись населения, исламизация, лингвокультурная доминанта.

Keywords

Contact language, values, interethnic communication, ethnic minority, census, islamisation, linguistic and cultural dominance.

Примечания

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 267.
2. Crystal, David. English as a Global Language. Second Edition. Cambridge University Press, 2003. P. 60.
3. Миркадыров Р., Теймурханлы Ф. Лингвистический прием российского реваншизма. 10 июня 2008. Azeri.ru: Азербайджанцы в России [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.azeri.ru/papers/zerkalo_az/20173/
4. Перепись населения Беларуси. Naviny.by: Белорусские новости. Общество. 31 марта 2011 г. [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/society/2011/03/31/ic_news_116_364573/
5. Gradirovski, S., Esipova, N. Russian Language Enjoying a Boost in Post-Soviet States. –August 1, 2008. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.gallup.com/poll/109228/Russian-Language-Enjoying-Boost-PostSoviet-States.aspx>
6. Козак И. Двухязычие в РМ: закон и практика. – 18 октября 2010. Moldova Nova: Новая Молдавия [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.moldovanova.md/ru/publications/show/467/>
7. Епифанцев А. Перспективы русского языка в Армении / Ноев ковчег. / № 5 (156). Сентябрь 2010 г. [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://www.noev-kovcheg.ru/mag/2010-09/2179.html>
8. Юдина И. Почему школьники в СНГ русский язык знают хуже, чем английский. Независимая газета. 25 января 2011 г. [Электронный ресурс] / – Режим доступа: http://www.ng.ru/education/2011-01-25/8_russian.html

Японская микрологистическая система Камбан как коммуникационный инструмент производственной системы JIT

А.В. Кагальникова

В данной статье автор исследует систему Камбан как важный инструмент коммуникации в рамках логистической системы «Just in Time»; затрагивает историю создания системы; объясняет суть данного метода, освещая правила его использования; анализирует основные проблемы, с которыми может столкнуться предприятие при внедрении данного метода в производство.

В современных условиях большинство предприятий всего мира пытаются опереться на опыт японских компаний, изучить и внедрить в свое производство ту концепцию, которая сделала Японию лидером в ряде секторов экономики. Речь идет о концепции «Точно в срок» («Just in Time» (JIT)) с ее особым коммуникационным инструментом – микрологистической системой Камбан, разработанной в 1950-х гг. японской компанией «Тойота мотор корпорэйшн» (Toyota Motor Corporation), произведшей бум своим появлением на мировом рынке. Система JIT оказалась совершенно противоположным подходом к управлению производством по сравнению с традиционными методами, широко используемыми на Западе, но настолько успешной и эффективной, что японские компании, придерживавшиеся этой концепции, смогли выбиться в лидеры во многих отраслях, оставив далеко позади своих конкурентов.

Производственная система JIT была разработана японской компанией «Тойота» в период после Второй мировой войны. Создание этой концепции было, скорее, вынужденной мерой, так как «Тойо-

та», как и большинство японских компаний, функционировавших в то время, испытывала огромные трудности. Это было связано с тем, что после окончания войны, которая закончилась для Японии актом о безоговорочной капитуляции, оккупационные силы настаивали на расформировании дзайбацу – торговых домов, ставших военно-промышленными концернами¹. Четырьмя основными дзайбацу в то время были «Мицубиси», «Мицуй», в который и по сей день входит компания «Тойота», «Сумитомо» и «Ясуда». В тот сложный период «Тойота», как и остальные компании, входившие в дзайбацу, переживала серьезный кризис. Крайне важно было в срочном порядке разработать и внедрить новую систему управления производством, которая позволила бы максимально сократить все виды потерь: материалов, времени, производственных мощностей. Необходимо было придерживаться принципа: «Если ты это производишь, будь уверен в том, что это продастся».

Создателем такой системы выступил сотрудник «Тойота» Оно Тайити, ставший впоследствии вице-президентом компании. Система оказалась

Кагальникова Анастасия Вячеславовна – преподаватель восточного факультета СПбГУ.
E-mail: elsy85@yandex.ru

настолько эффективной и успешной, что «Тойота», находившаяся на пороге банкротства к 1952 г., в течение нескольких лет стала третьим крупнейшим автомобильным производителем в мире, уступая лишь «Дженерал моторс» (General Motors) и «Форд мотор кампани» (Ford Motor Company)².

Секрет инновационной системы заключался в карточках, называемых «Камбан». Их Оно Тайити впоследствии определил как «сердце всей системы. Камбан – это своего рода написанные производственные инструкции, где точно указаны количество и наименование комплектующих, которые необходимо произвести, а также время, к которому это должно быть реализовано. Карточки с инструкциями передаются с последующего производственного этапа на предыдущий, где в свою очередь производится только то, что в них указано. В результате такое точное производство оказывается крайне эффективным как для производителей, так и для потребителей, сокращая затраты на производство и, следовательно, снижая цену реализации товара, при этом значительно повышая его качество.

Со временем система Камбан стала настолько популярной, что ее внедрением в свой производственный процесс занялись не только прочие японские компании, но и ряд американских, давших название концепции «Just in Time».

Это название четко передавало суть концепции, подчеркивая ее особый подход к организации логистической системы, где синхронизация процессов доставки материальных ресурсов и готовой продукции осуществлялась в необходимых количествах точно к тому времени, когда последующие звенья логистической цепи в них нуждались для выполнения заказа, сделанного потребителем.

Суть системы Камбан заключается в том, что все производственные подразделения, включая сборочный цех, снабжаются нужными материальными ресурсами только в том количестве и в те сроки, которые необходимы для выполнения заказа, сделанного подразделением-потребителем. Таким образом, в отличие от традиционного подхода к производству, в системе Камбан нет жесткого графика производства: подразделение-производитель оптимизирует свою работу в зависимости от заказа подразделения-потребителя, осуществляющего операции на последующей стадии производственного цикла.

Осуществление процесса происходит за счет карточек камбан, которые являются коммуникационным инструментом – средством передачи информации. Визуально они представляют собой листки, вложенные в прозрачные пластиковые обложки и содержащие все необходимые сведения, делящиеся на три категории: информация о самой продукции, об ее транспортировке и получении. Таким образом, несмотря на то что во всех компаниях эти карточки выглядят по-разному, по содержанию они очень похожи. Как правило, в них обозначены: номер и/или наименование изделия; производственный участок, следующий

производственный участок; номер контейнера, в котором осуществляется транспортировка; код операции; описание изделия; номер партии; номер оператора.

При применении системы Камбан только на сборочном конвейере становится точно известно количество деталей и комплектующих, требуемое для изготовления готовой продукции, а также время их производства. Тогда со сборочного конвейера и далее по цепочке с каждого производственного этапа на предшествующие участки направляется пустой специальный контейнер, служащий сигналом к выпуску ровно такого количества деталей, какое указано в приложенной к нему карточке камбан. Далее поступивший контейнер заполняется необходимым количеством деталей и комплектующих и к нужному времени транспортируется на последующий участок-потребитель. Соответственно если с последующего производственного участка пустые контейнеры не поступают, то это означает, что дополнительные детали пока не требуются. Следовательно, работники на время прекращают производство на этом участке и занимаются уборкой рабочих мест, обслуживанием техники или помогают сотрудникам на перегруженных участках.

Таким образом, при применении системы Камбан существует необходимость составления и изменения производственного графика только на сборочном конвейере, что автоматически освобождает от этой процедуры на остальных этапах производства. Кроме того, в процессе функционирования системы центр управления не вмешивается в передачу материального потока по действующей логистической цепи, ставя задачи только перед ее конечным звеном, что существенно отличает концепцию JIT и систему Камбан как метод ее реализации от других используемых в мире концепций.

Важно отметить, что в системе Камбан существует два вида карточек: производственного заказа – сикакэ камбан и отбора – хикитори камбан. В карточках производственного заказа указывается, какое количество деталей/комплектующих/полуфабрикатов должно быть произведено/собрано на предшествующем производственном участке, в то время как карточки отбора указывают точное количество материальных ресурсов, которое должно быть взято с предшествующего этапа логистической цепи. Таким образом, при реализации концепции JIT вся логистическая цепь контролируется обменом карточек, которые несут информацию как о производимых, так и о расходующихся количествах материальных ресурсов.

Такая система циркуляции карточек применяется в Японии не только в рамках внутреннего производственного процесса предприятия, но и в рамках системы сотрудничества предприятия со своими постоянными партнерами: по горизонтальной (кэйрэцу) и вертикальной (сюдан) иерархии.

Существует три основных правила, которые нужно соблюдать при осуществлении процесса циркуляции карточек камбан:

– во-первых, не изготавливать ни одного изделия до тех пор, пока карточка производственного

■ Межкультурная коммуникация

заказа не «разрешил» производство, то есть не поступит на производственный участок от последующего участка-потребителя;

- во-вторых, применять только стандартные контейнеры, которые всегда заполняются предписанным малым объемом продукции;

- в-третьих, на каждый контейнер должны строго приходиться одна карточка отбора и одна карточка производственного заказа.

Более того, при применении системы Камбан необходимо постоянно пересматривать и изменять количество используемых карточек, которое зависит от многих факторов:

- спроса (уровня потребления определенного количества единиц за определенное количество времени);

- производственного времени, затраченного на одну партию;

- времени, затраченного на транспортировку одной партии;

- количества готовой продукции, приходящегося на одну карточку камбан;

- страхового запаса.

Таким образом, учитывая, что число карточек камбан отражает максимальный запас деталей и комплектующих, их число в рамках применения системы должно постоянно сводиться к минимуму. Тот факт, что коммуникационная система Камбан благодаря использованию карточек не требует мощной компьютеризации производства, бесспорно, дает положительные результаты в форме серьезной экономии денежных средств. Кроме того, при правильном комплексном использовании системы предприятию, как правило, удастся существенно снизить производственные запасы, что по цепочке ведет к ряду положительных результатов. В качестве примера можно привести опять же компанию «Тойота»: продолжая в настоящее время использовать в своем производстве систему Камбан в качестве реализации логистической концепции JIT, она снизила запасы деталей в расчете на один выпускаемый автомобиль в денежном эквиваленте до 77 долл.³.

Однако утверждать, что благодаря применению карточек камбан в производственном процессе любое предприятие сможет достигнуть минимальных уровней запасов, улучшить качество выпускаемой продукции, увеличить оборачиваемость оборотных активов и достигнуть прочих положительных ре-

зультатов, скорее всего, будет неправильно. В теории применение системы Камбан выглядит несложным и вполне доступным любому предприятию. Однако в действительности Камбан – это не просто своевременная передача карточек с инструкциями, но комплексная система организации производства, внедрение которой требует высокий уровень дисциплины всего персонала, где каждый сотрудник имеет четкое представление о целях, роли и правилах использования данной системы. Именно поэтому к системе Камбан стоит относиться не просто как к карточному методу, но как к системе менеджмента в масштабе всей компании, как к целой философии.

Внедрение такого коммуникационного инструмента в работу предприятия потребует много времени главным образом на подготовку работников, однако результатом станет правильное использование успешной производственной системы JIT, которая позволит добиться своевременности поставок, а также проявления творческого мышления и инициативы рабочих, которые сами будут принимать решение, необходима ли им сверхурочная работа для выполнения заказа, сделанного участком-потребителем. Это, несомненно, способствует повышению производительности труда и работы оборудования.

Однако нужно помнить, что коммуникационная система Камбан относится к тем инструментам, которые при неграмотном использовании и пренебрежении ее правилами могут создать массу проблем. Это не приведет ни к снижению издержек, ни к улучшению качества готовой продукции, ни в принципе к возможности управления посредством карточного метода. Выгода в данном случае будет равна нулю, а концепция «Just in Time» просто превратится в ее искаженную форму – концепцию «Just too Late», что в переводе означает «слишком поздно».

Kagalnikova A. V. Japanese micrologistic system Kamban as a means of communication in production system JIT.

Summary: In the article the author researches the Kamban system as an important means of communication as part of logistic system «Just in Time»; touches the history of the system; explains the essence of the method, elucidating the main rules of its using and analyzes cardinal problems that can be faced by some enterprise during adoption of this method in their production.

Ключевые слова

Логистика, коммуникация, производственная система, точно в срок, Камбан, предприятие, «Тойота».

Keywords

Logistics, communication, production system, just in time, Kamban, enterprise, «Toyota».

Примечания

1. Полного уничтожения дзайбацу не было достигнуто – они были реформированы в кэйрэцу. Старый механизм финансового и административного контроля в конгломератах был модифицирован: прошлая вертикаль власти в дзайбацу, предполагавшая у верхушки одну семью, была заменена горизонтальными партнерскими отношениями между компаниями в кэйрэцу, существующими и по сей день. Компании одного кэйрэцу группируются вокруг одного мощного банка, который обеспечивает финансирование всех членов группы и фактически исключает возможность их враждебного поглощения другими участниками рынка.
2. Cairola E., Revelli M. Training Manual on Fordism and Post-Fordism: Organising Workers in the Workplace. Turin. 2004. Pp. 29-31.
3. Логистика в малом бизнесе - <http://www.dist-cons.ru/modules/logistic/section3.html>.

Этнокультурные особенности стиля японской коммуникации

Н.Н. Изотова

В статье рассматривается своеобразие коммуникационных процессов в японской культуре, обусловленных своеобразием языка и стиля общения японцев как между собой, так и с иностранцами. Выделены основные подходы современных японских исследователей в описании особенностей коммуникационных процессов в Японии и их фундаментальных культурно-исторических причин.

В работах японских исследователей можно выявить три различных подхода к истолкованию специфики коммуникационных процессов в Японии. Одна часть авторов акцентирует внимание на культурно-исторических факторах, обусловивших своеобразие языка и стиля коммуникации – гомогенности населения, влияния религиозных традиций, особенностях исторического развития японской культуры (Э. Инатоми, Х. Кисимото, Н. Нобухиро и др.). Другая часть исходит из структуры социальной организации и межличностных отношений в Японии и пытается с помощью социальных факторов объяснить характер японской коммуникации (Ю. Аида, К. Итикава, Ю. Тани). Третьи в своем подходе сочетают анализ культурно-исторических и социальных факторов (Х. Като, Ф. Мараини, Н. Хадзимэ, Ё. Сугимото).

Большая часть авторов исходит из заданности социальной и культурной среды и рассматривает своеобразие коммуникационного процесса с точки зрения отражения в нем ранее выявленных социальных особенностей японского общества, его культурно-исторической специфики. Для других характерен социолингвистический подход, исходя из которого особенности структуры межличностных отношений в японском обществе определяются

на основе анализа языка и стиля коммуникации. Среди культурно-исторических факторов, предопределивших оригинальные черты японской коммуникации, исследователи называют «монистичность мировосприятия» японцев, преобладание конкретного и эмоционального мышления, нерасчлененность индивидуального и универсального, интуитивизм, алогичность и иррациональность японской мысли, погруженность человека в среду его непосредственного опыта, удаленное от континента островное положение Японии, влияние религиозных традиций синтоизма и буддизма.

По определению японского ученого Нагасима Нобухиро, для западной цивилизации типичной является форма «коммуникации максимального сообщения», в то время как для японской – «форма минимального сообщения». Сущность «коммуникации минимального сообщения» состоит в том, что коммуникатор – передатчик информации сначала схватывает содержание информации, а затем выражает его в немногих словах. Сообщение должно нести в себе большую возбудительную силу, чтобы вызвать «взрыв» информации в уме получателя. Поэтому отношения между передающим информацию и воспринимающим ее должны быть близкими и личными. «Для этого типа ком-

Изотова Надежда Николаевна – кандидат культурологии, преподаватель японского языка кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО(У) МИД России. E-mail: izotova@list.ru

■ Межкультурная коммуникация

муникации особенно подходит субъективная информация, но даже объективная информация невольно становится субъективной из-за нечеткости сообщения»¹.

В отличие от этого, в «коммуникации максимального сообщения» передатчик информации сначала анализирует ее, затем упорядочивает и преобразует в сообщение, которое должно быть по возможности точным, ясным и логически последовательным. Успех коммуникации почти полностью зависит от способности передатчика информации составить логически связное сообщение, от получателя требуется только лишь понимание используемого языка информации. Отношения между коммуникатором и реципиентом могут быть далекими и безличными. В этом типе коммуникации даже субъективная по своему характеру информация приобретает черты объективной.

Японское мышление и японский язык лишены логической точности и четкости, свойственных западному «формулообразному мышлению». Японца с детства обучают не строгой логике мышления, не грамматике с ее правилами, а строгому и запутанному языку вежливости. В индоевропейских языках люди стремятся к четкой передаче содержания, используя установленные грамматические правила. Японцы, напротив, предпочитают концентрировать свое внимание на форме. Этот формализм, подчас лишенный внутренней логики, затрудняет для западного человека понимание японцев и их культуры.

Одной из основных черт японского мышления и японской национальной культуры является преобладание «инсулярного» («островного мышления»), которое резко противопоставляет «свое» и «чужое». Контраст между группами «мы-японцы» и «не-мы – иностранцы» (*гайдзин* «иностранец», букв. «чужой») явственно обнаруживается в чтении одного и того же иероглифа: например, иероглиф 丸 *мару* «судно» в названии японских судов читается *мару*, иностранных – *го*, иероглиф 島 *сима* «остров» в названии японских островов читается *сима* или *дзима*, иностранных – *то*: или до:. Японского императора называют 天皇 *тэнно*:, императоров других стран – 皇帝 *ко:тэй*.

Противопоставление японского неазиатскому в языке четко отражает противоположные друг другу элементы 内 *ути* и 外 *сото* в японском образе мышления. Япония как страна является группой *ути*, все неазиатское находится вне группы, соответственно является 外 *сото*. «Инсулярное, групповое» мышление стоит на грани между культурно-историческим и социальными факторами. В противостоянии групп «мы – японцы» и «не-мы – иностранцы» оно выступает как культурно-исторический фактор, в более узком противостоянии групп «своих» и «чужих» оно выступает как действующий в рамках японского общества социальный фактор.

К числу социальных факторов, обусловивших своеобразие японского стиля коммуникации, можно отнести такие особенности межличностных отношений, как преобладание «вертикальных» (иерархических) отношений; акцентирование отношений 縁 *эн* «связь», основанных на родственно-земляческих связях; сохранение патерналистских отношений типа «глава иерархической группы и ее младшие члены» – 親分-子や分 *оябун-коябун*. Господство «вертикальных» отношений в японском обществе, поддержание тесных групповых контактов и единства способствовали развитию «несвободному, фиксированному» стилю коммуникации, соответствующему строго ранжированным отношениям между людьми.

Характерной чертой японского стиля коммуникации является нечеткость, а подчас и двусмысленность языка. Широкою распространенность в Японии «невербальной коммуникации» связывают с влиянием синтоистских религиозных верований, дзэн-буддизма и конфуцианского морального кодекса. В дзэн-буддизме коммуникация может поддерживаться вообще без слов. Считается, что два монаха, молча смотрящие в лицо друг другу, могут вести разговор глазами и душами. «Исторически Японию называли *котагаэсэн*у куни, букв. «страна, где люди не спорят». Традиционная черта японской культуры как раз и заключается в том, что невербальная коммуникация играет очень важную роль в повседневных взаимодействиях японцев»², – подчеркивают американские психологи Ё. Уно и Р. Розенталь.

Основной причиной, способствовавшей развитию невербальных форм и нечеткости языка коммуникации, можно назвать то обстоятельство, что японцы в течение многих столетий жили в маленьких замкнутых общинах, между которыми существовала небольшая мобильность. Поэтому у них сложилась такая близость в отношениях друг с другом, что они могут понять чувства другого по едва заметным жестам и выражениям лица. Японский социолог Таити Сакаиа нечеткость японской коммуникации связывает с господством установки на косвенное выражение чувств: «... в японском обществе говорить четко и определенно считается невоспитанностью. Поэтому в нашей стране выработалось искусство общения, так сказать, передачи информации от сердца к сердцу, когда, ничего не говоря четко и неопределенно, своим поведением, выражением лица, недомолвками добиваются взаимного понимания. ... Слова – это всего лишь «общие намерения, и полностью доверять им нельзя»³.

Стараясь сохранить гармоничные отношения, японцы всегда пытаются понять противоположную сторону и зачастую не могут настоять на своем, что является результатом уклончивости и неопределенности в высказывании собственной позиции. Они стараются избегать дискуссий и дебатов, характерных западному

стилю коммуникации, предпочитая предварительную подготовку с целью заранее выяснить мнение противоположной стороны. Традиционная японская «телепатическая коммуникация» *иссин дэнсин* – «от сердца к сердцу» также, по мнению японских исследователей, мешает успешному осуществлению коммуникации, особенно в бизнесе, «превращает японцев в людей, не способных принимать решения»⁴.

Японцам часто трудно произнести слово «нет», и их попытки прибегнуть к уклончивому отказу часто приводят к критике. «Японцы не склонны прямо отказать и воспринимают согласие как добродетель; поэтому в общении между ними и людьми из других стран часто возникают проблемы. Различные варианты уклончивого отказа делают японцев трудно понимаемыми или вовсе непонятными для западных собеседников»⁵, – отмечает Т. Моримото.

Профессор Киотского университета Аида Юдзи называет японское общество «обществом тесного круга», «интимным обществом», отличительными чертами которого он считает отсутствие сословного расслоения в его современном западном понимании, слияние «личного» и «общественного» в сознании человека, ощущение тесной взаимосвязи между людьми. «Мы образуем интимный мир, мир бессловесного совпадения желаний, мир взаимопонимания».

Нечеткость японского стиля коммуникации в первую очередь вызвано стремлением к сохранению гармонии в обществе. Даже в «директивном языке» (то есть в языке тех текстов и заявлений, с помощью которых пытаются контролировать, управлять и оказывать влияние на будущее поведение людей) японцы стараются пользоваться не столько «прямыми», сколько «косвенными», деликатными средствами воздействия на слушателей и читателей.

На Западе политики в своих предвыборных речах рисуют избирателям картины будущего и дают обещания, адресуясь к ним на прямом «директивном» языке. Если их обещания оказываются невыполненными, избиратель теряет доверие к этим политикам и политике вообще, о чем свидетельствует и рост общего недоверия к политике в западных странах. В Японии же такого большого разочарования в политиках и политике нет, что объясняется отчасти языком предвыборных кампаний. В политических платформах партий почти не используется прямой «директивный язык», в них дается мало обещаний на будущее. Эти платформы представляют из себя скорее негативную реакцию на политический курс других партий. И раз мало обещаний, то мало и разочарований у избирателей в деятельности избранников. Японцы прямой технике влияния на народ в политической сфере предпочитают «косвенную».

В рекламе и бизнесе японские предприниматели также ориентируются на «косвенный, эмоциональный язык». Член японского социу-

ма больше всего хочет сохранить «гармонию» в повседневной жизни. Любого рода жалоба является причиной трений и замешательства для всех сторон. Любого рода прямая конфронтация или использование прямого языка становится причиной беспокойства для других. Если возникает какое-либо конкретное затруднение, то одна из сторон быстро приносит извинения, и все беспокойства улаживаются. Ответы японцев на обещания и обязательства, столь часто не понимаемые иностранцами, также носят, по существу, косвенный характер и тем самым отличаются от прямых и недвусмысленных ответов американцев и европейцев.

Косвенный, «директивный» язык дополняется также невербальным языком – языком жестов. Характерный для Японии язык жестов отличается от широких и открытых жестов западного человека, японцы предпочитают едва заметные и тонкие жесты. Как правило, они стилизованы, и поэтому их легко понять и даже можно предсказать. Певцы, например, запоминают и повторяют одни и те же жесты для выражения какой-либо определенной эмоции. Жесты отражают отсутствие у японцев в их действиях спонтанности и непредсказуемости.

Господство формализированной и фиксированной коммуникации в Японии объясняется характерной для Японии вертикальной структурой отношений в обществе. «Несвободная, фиксированная коммуникация» соответствует фиксированной системе межличностных отношений. Без знания рангового порядка повседневное поведение людей и коммуникация весьма затрудняется.

Формализм порождает у японцев стремление скрывать свои чувства. Человек не может говорить то, что он хочет сказать, поскольку сказать это означало бы неучтивость и грозило бы ему неприятными последствиями. При господстве фиксированных, ранжированных отношений коммуникация низводится до обмена ничего не значащими словами. Отсюда рождается и недоверие к слову, присущее японцам.

К характерным чертам японской коммуникации относят наличие «замкнутой коммуникации». Под «замкнутостью» понимается значительная распространенность «интраперсональных» форм коммуникации, то есть таких форм, в которых информация не адресуется собеседнику открыто в межличностных контактах, а интернализируется и превращается в «беседу с самим собой». Впервые на склонность японцев к «интраперсональной коммуникации» указала японский социолог Цуруми Кадзую. Социолог Като Хидэтоси считает, что «эта интраперсональная модель коммуникации является следствием полуфеодальной социальной структуры, которая не допускала свободу речи для людей и во время существования которой молчание считалось золотом»⁶.

По мере нарастания процессов глобализации речевая культура японцев претерпевает

■ Межкультурная коммуникация

изменения. За последние десятилетия коммуникация стала более экспрессивной, все больше людей ориентируется на западные традиции и стандарты, возрастает и индивидуальность поведения, в том числе и речевого. Вместе с тем продолжают сохраняться характерные для японской традиции стереотипные формы коммуникации, имеющие жесткие рамки, детерминирующие поведение индивидуумов.

Izotova N.N. Ethno-cultural characteristics of Japanese communication style.

Summary: *The article discusses the originality of communication processes in the Japanese culture-related originality of language and style of communication, the Japanese, both among themselves and with foreigners. The basic approaches of modern Japanese researchers in describing the features of communication processes in Japan, and their fundamental cultural and historical reasons.*

Ключевые слова

Этнокультурные особенности японского языка, японская коммуникация, косвенный директивный язык, невербальная коммуникация, «форма минимального общения».

Keywords

Nonverbal communication, ethnic and cultural features of the Japanese language, Japanese communication, indirect prescriptive language, «a form of minimal communication».

Примечания

1. Nagashima Nobuhiro. A reversed word: or is it? The Japanese way of communication and their attitudes toward alien cultures. – In: Modes of thoughts. Essays on thinking in Western and non-western societies. Eds by R.Norton, R.Finnengan.L., 1973. P.95.
2. Uno Yoshiyasu, Rosenthal R. Tacit communications between Japanese experimenters and subjects. – "Psychologia", Kyoto, 1972, vol.15, № 5, P.213.
3. Таити Сакаиа. Что такое Япония. «Партнер Ко Лтд», 1992. С.206.
4. <http://www.nnn.co.jp/dainichi/rensai/miotukusi/110412/20110412037.html>
5. Моримото Т. Нихонго омотэ то ура (притворство и искренность в японском языке). Токио: Синтёся, 1988. С.63. Цит. по: Япония. Как ее понять. М.: АСТ; Астрель, 2006. С.17.
6. Kato Hidetoshi. The development of communication research in Japan. – In: Shiso: no Kagaku Kenkyu:kai. Japanese popular culture. Ed. And transl. by Kato Hidetosshi. Westport (Conn.), 1973. P.33.

Проблемы модернизации Японии и межкультурное взаимодействие

Л.Б. Карелова

Предлагается подход к осмыслению проблем модернизации через призму межкультурного взаимодействия, который помогает прояснить пределы и рамки вестернизации, внося определенные уточнения в типологии модернизации. Применяя этот подход к анализу модернизации Японии, автор предлагает гипотезу культурно-адаптационных механизмов, благодаря которым воспроизведение отдельных сегментов западной модели модернизации происходило, не разрушая собственную форму рациональности и свои ценности. В статье предпринимается попытка выявления идейной основы такого рода механизмов в японской духовной традиции.

Японский опыт дает массу примеров адаптации инокультурных институтов, экономических структур, научно-технических достижений, сохраняя свой собственный тип рациональности, встраивания инокультурных ценностей в собственную систему ценностей, эволюции идей в процессе межкультурного взаимодействия. Изучение механизмов и возможностей появления подобных культурных гибридов помогает прояснить пределы и рамки вестернизации. Если раньше имело место суждение, согласно которому модернизация Японии, по крайней мере на отдельных исторических этапах, характеризовалась как вестернизация, то при более подробном историко-культурном исследовании процессов, происходивших в периоды Мэйдзи (1868–1912) и Тайсе (1912–1926), а также после Второй мировой войны, напрашивается вывод о том, что тип модернизации этой страны трудно отнести к вестернизации или к догоняющему типу, а скорее можно говорить о модернизации на основе собственной модернизированной с элементами вестернизации в некоторых сегментах.

Вместе с тем представляется целесообразным говорить о вестернизации, как таковой, только с определенными оговорками, поскольку в действительности проект вестернизации реализуется лишь в отдельных секторах экономической, политической и социальной организации общества. В японской модернизации на выходе можно наблюдать разного рода смешанные формы, в которых происходит:

- перенос западных институтов и технологий в экономической сфере без кардинальной трансформации традиционных социально-экономических и социальных отношений;
- образование разного рода полудемократий и квазидемократий в области политики;
- сохранение основных ценностей и смыслов собственной культуры.

Абсолютно неподвижные культурные формы, которые можно технически выделить и перенести, – это результат абстракции. То, что происходит на деле, вполне объяснимо с точки зрения теории культурного взаимодействия. Любая культура может быть представлена как продукт множественных культурных трансля-

■ Межкультурная коммуникация

ций, посредством которых развитие всегда происходит путем интерпретации, притяжения и отталкивания, продуцирующих последующие видоизменения. В связи с этим уместно обратиться к словам Гадамера: «Понимание – это не только репродуктивная, но также всегда и продуктивная активность», и поэтому «мы понимаем по-иному, если понимаем вообще»¹.

Для уяснения механизмов культурных взаимодействий также весьма полезной может оказаться модель ценностно-смыслового ядра культуры, которая в терминах Самовара и Портера обозначается как «глубинная культура» или «глубинная структура культуры». Ее составляют нормы и ценности, паттерны мышления, которые закреплены в обществе и воспроизводятся на протяжении поколений: «...глубинная структура культуры сопротивляется большим изменениям. Изменения в одежде, пище, транспорте, жилище и т.п., хотя и кажутся важными, просто прилагаются к существующей системе ценностей, тем не менее ценности ассоциируются с такими вещами, как этика и мораль, труд и досуг, определения свободы, важность прошлого, религиозная практика, скорость жизни и отношение к различию полов и возрастов так глубоко закреплены в культуре, что они сохраняются из поколения в поколение»². Именно эта глубинная структура культуры, которая меняется очень медленно, и определяет способы понимания и трансляции, является центром притяжения одних элементов иной культуры и отторжения других.

Историко-географические условия для Японии сложились таким образом, что она очень длительное время пребывала в положении ученика. Вначале она находилась в ареале китайского культурного влияния, будучи на периферии китайской цивилизации. Ее культурное развитие во многом определялось центростремительным движением, жадной почерпнуть и перенять как можно больше информации из Китая. Когда японцы начали контактировать с европейской цивилизацией, роль ученика повторилась. Необходимость скорейшего усвоения достижений западноевропейской цивилизации острейшим образом назрела во второй половине XIX в., когда над Японией нависла угроза колонизации.

После поражения во Второй мировой войне наиболее коротким путем восстановления экономики было научно-техническое перевооружение на основе использования зарубежных достижений. Исторически сложилась традиция заимствования знаний извне. Осмысление способа заимствования китайских научно-технических достижений получило выражение в возникшей в IX в. и приписываемой поэту и государственному деятелю Сугаваре Митидзанэ (845–903) формуле *вакон-кансай* (японский дух – китайское мастерство). В конце XIX в. философ и политический деятель Сесан Сакума (1811–1864) преобразовал ее на новый манер – *тоге дотокү – сэйе гэйдзюцу* (восточная

мораль – западные умения). Эти лозунги красноречиво свидетельствуют о том, что и в первом, и во втором случае заимствованные знания выступали как нечто технически необходимое, но инородное по отношению к собственной духовной традиции.

В конфуцианско-буддийских представлениях японцев присутствовал стереотип цикличности развития мира и общества, им была чужда идея линейного прогресса. Для японской духовной традиции было характерно пространственно-временное мышление в отличие от пространственного и временного, слияние субъекта и объекта, неразделение духовного и материального, опять же существование логики, отличной от аристотелевской классической логики с ее законом непротиворечия. Каким образом японцам удавалось соединить столь различные вещи, воспринять западную науку и технологии, не разрушая свою неомодернистскую форму рациональности и свои ценности?

В связи с этой ситуацией встает проблема формирования культурно-адаптивных механизмов, позволявших довольно органично сочетать импортированные научно-технические знания и институты, которые возникли на иной почве и неизбежно несли с собой определенное мировоззрение, с собственной традицией. Подходы к пониманию природы формирования таких механизмов, на наш взгляд, может дать историко-философское исследование:

1. Определенное влияние на формирование адаптирующего механизма японской культуры сыграла буддийская концепция «двух истин» – условной, конвенциональной и безусловной, постигаемой лишь в опыте просветления. Особый вклад в развитие учения о плюрализме истин внесла, несомненно, школа Тэндай, базовым текстом которой является «Лотосовая сутра». Допущение возможности множества условных конвенциональных истин, имеющих инструментальный характер, открывало путь для принятия разного рода новых знаний и информации, не отказываясь при этом от буддийского учения. Механизм адаптации, таким образом, состоял, во-первых, в помещении новой информации в иную плоскость, в иной контекст. Скажем, постижение истины через опыт просветления занимало свою плоскость и функционировало в одном контексте, регулирование социальных отношений – в другом, а эмпирико-рациональные знания – в третьем. Подразумевалась множественность и фрагментарность истин. Ее критерием становилось решение конкретных практических проблем. На это обстоятельство обратил внимание американский японовед Т. Казулис, который пишет, что если на Западе изначально стремились к созданию единой целостной теории, которая отражала бы «одну великую истину высшего порядка», то японцы в своей традиции не стремились к этому. Они были заинтересованы в том, чтобы располагать набором истин низшего порядка, которые бы

служили обеспечению повседневных задач. По его словам, для японцев «истина не монолитна, а множественна, не целостна, а фрагментарна. Истина меняется в зависимости от контекста. Без контекста не может быть истины»³.

2. Особенности мировосприятия японцев, сложившиеся в рамках синто-буддийско-конфуцианского идейного комплекса, состоят в рассмотрении данного мира как совершенного, с одной стороны, и как находящегося в непрерывном движении – с другой. Японская процессуальная онтологическая парадигма в корне отличалась от субстанциальной онтологической парадигмы, восходящей к Аристотелю и лежащей в основе западной классической науки Нового времени. В связи с этим не случаен, на наш взгляд, и краткосрочный конкретный прагматизм, исторически характерный для поведения японцев. Поскольку в их традиции укоренен взгляд, согласно которому движение мира, по своей сути, спонтанно и никогда до конца не предсказуемо, для них несвойственно стремление к установлению навсегда заданных законов и правил. Мысль о том, что правила меняются в зависимости от времени и места, проходит красной нитью через многие сочинения японских мыслителей. В их воззрениях присутствует определенный фатализм. Точно так же японцы искусны в краткосрочном планировании, но не склонны к составлению долгосрочных планов и прогнозов. Поэтому заимствуемые западные научные знания технологии и институты периодов Мэйдзи и Тайсе воспринимались как нечто необходимое для решения текущих проблем, как нечто единое, иноземное, но ценное для развития собственной страны, ее обороны в настоящий момент, они не обладали для японцев абсолютной ценностью и истинностью. Таким образом, изначально определился крен в восприятии западной науки, технологий и институтов в большей степени как технически необходимых средств, имеющих конкретное практическое применение в настоящий момент или в обозримом будущем.

Модернизация Японии определяется специалистами как происходившая инновационно-мобилизационным путем⁴. Инновационные технологии, научные достижения, институты заимствовались с Запада, а мобилизация человеческого фактора происходила на основе интеллектуального ресурса собственной духовной традиции. В частности, еще до периода Мэйдзи на основе буддийских и конфуцианских идей была сформирована сильная трудовая этика, которую можно сравнивать с протестантской этикой. В процессе модернизации Японии ее правительство вырабатывало идеологию, опираясь в значительной мере именно на традиционные ценностные ориентации, сформировавшиеся в эпоху Токугава (1603–1868), сделав их эффективным мобилизующим фактором, который был усилен напряженной внешнеполитической ситуацией.

Высшей ценностью и мобилизующим мотивом трудовой этики стал конфуцианский идеал социальной гармонии, залогом которого считались порядок и процветание отдельного дома. В дальнейшем они стали исходной базой для формирования национальных целей, выдвигаемых правительством Японии в процессе модернизации и также имевших характер всеобщих ценностей, побуждающих сограждан к трудовой активности. Так, в периоды Мэйдзи и Тайсе национальное единение под лозунгами «богатой страны и сильной армии» было подчинено задаче скорейшей модернизации во имя сохранения государственной независимости в условиях жесткой конкуренции с западными державами. Была сформирована идеология национального единства *кокутай* (буквально – «тело государства»), построенная на конфуцианских принципах семьи–государства и синтоистском мифе о божественном происхождении императорской династии и богоизбранности всей японской нации. Двигателями индустриализации в Японии в периоды Мэйдзи и Тайсе стали *дзайбацу* – финансово-промышленные образования, выросшие из кланов эпохи Токугава, которые применяли патерналистские принципы менеджмента, возникшие еще в купеческих домах. Многие из этих принципов сохранялись и до недавнего времени. После Второй мировой войны *дзайбацу* были ликвидированы, а мобилизующим механизмом продолжал оставаться корпоративизм семейного типа, в основе которого лежали те же конфуцианские максимы лояльности и патернализма.

Доминирующая роль долга в японской трудовой этике нашла выражение в рассмотрении трудовой деятельности каждого человека как служения государству в качестве уполномоченного им должностного лица, что обусловило акцентирование важности малого, ответственности каждого за любую, даже незначительную, работу.

Политическая модернизация в форме демократизации в Японии, как и в Китае, происходила очень постепенно. Несмотря на внедрение определенных структур и процедур, собственная политическая традиция не предполагала отчуждение от власти. Параллельно сохранялись и иные механизмы социального регулирования, такие, как групповая солидарность, патернализм, авторитет старшинства, идеалы консенсуса и гармонии и т.п. В японской социокультурной традиции человек всегда воспринимался как часть некой группы, цели и интересы которой становились его собственными, и, следовательно, в качестве центральной проблемы выступало исполнение им своего долга.

Виктор Сергеев, характеризуя соотношение традиционализма и инновационной способности в Японии, отмечает: «Только макроструктура социальных отношений подверглась модернизации, микроструктура же, то есть структура отношений внутри малых групп, со-

■ Межкультурная коммуникация

хранилась в ее традиционном виде, в том числе паттерны власти в малых группах и системы ценностей, определяющие поведение людей в их обычном социальном окружении»⁵. В Японии складывается «специфическое отношение к макросоциальным структурам и институтам как к «техническим инструментам»⁶. Вместе с тем на всех этапах модернизации в процессе межкультурного взаимодействия Японии и Запада постоянно происходило не только внедрение инноваций, но и переосмысление и реконструкция определенных фрагментов и структурных форм традиционного мышления, относящихся к более ранним идеологическим системам в соответствии с новыми потребностями страны.

Karelova L.B. Problems of modernization in Japan and intercultural interaction.

Summary: *In the article, the author suggests an approach to the conceptualization of modernization problems that interprets them in the light of intercultural interaction. This approach helps particularly clear up the limits and framework of westernization specifying and making more precise the typology of modernization. In applying the approach to the analysis of Japanese modernization, the author brings about a hypothesis concerning mechanisms of cultural adaptation. These mechanisms contributed to reproduce some segments of Western pattern of modernization without destroying indigenous form of rationality and values. The author also makes an attempt to single out a set of basic ideas of such mechanisms in Japanese spiritual tradition.*

Ключевые слова

Межкультурное взаимодействие, ценности, типы рациональности, Япония, трудовая этика, традиция, инновации.

Keywords

Intercultural interaction, values, types of rationality, Japan, labor ethics, tradition, innovations.

Примечания

1. Gadamer H. Truth and Method. NY, 1989, p. 297.
2. Samovar L.A. Porter E.R. Intercultural Communication. A Reader. 10 th ed., Belmont, CF, 2003, p. 10.
3. Kasulis Th.P. Sushi, Science and Spirituality: Modern Japanese Philosophy and Its Views of Western Science// Philosophy East and West, vol. 42, N 2, 1995, p. 234.
4. См.: Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М., 2008. С. 111.
5. Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс. М., 1999. http://www.democracy.ru/curious/democracy/book_sergeev/page12.html
6. Там же.

Динамика религиозно-культурной ситуации в постреволюционном Египте

Халиль Мона Абдель Малик

В статье рассматривается трансформация религиозной ситуации в Египте после революции, имевшей место в январе–феврале 2011 г. и приведшей к смене режима власти в стране. На протяжении веков религия играла и продолжает играть колоссальную роль в египетском обществе. В данный переходный период обострился конфликт между секулярно- и религиозно-ориентированными силами. Отмена запрета на участие религиозно окрашенных партий и движений в политической жизни страны поставила под вопрос будущее Египта, перевела конфликт религиозных консерваторов и секуляристов в политическую плоскость.

В практически мононациональном Египте именно религия является одним из главных идентификационных столпов, пронизывая при этом все сферы жизни – политическую, социальную и даже экономическую. Более того, нередко именно религиозность рассматривается египетскими консерваторами как естественная замена гражданственности. В этой связи представляется важным рассмотреть изменения, произошедшие в религиозной ситуации Египта после революции, имевшей место в январе–феврале 2011 г. и приведшей к отставке президента Хосни Мубарака и смене правящего режима в стране.

На протяжении последних десятилетий религиозная ситуация в Египте характеризовалась неоднозначностью и напряженностью. Однако в отличие от распространенного представления о существующем в Египте конфликте между мусульманами и христианами в действительности гораздо более острым являлся конфликт религиозности и секуляризма. В постреволюционном Египте данная тенденция приобретает все более острые формы.

Так, несмотря на ожидания ряда западных и отечественных экспертов, предполагавших активное участие религиозных организаций в революционных демонстрациях, основными протестными силами стали молодые секулярно ориентированные египтяне.

Более того, на протяжении всех восемнадцати дней революции на центральной площади Каира Тахрир, как, впрочем, и на площадях других городов страны, не прозвучало ни одного религиозного лозунга или призыва. Кульминацией демонстрации национального единства египтян стали знаменитая пятничная молитва на площади Тахрир, в ходе которой молящихся мусульман охраняли христиане-копты, а также последовавшая затем воскресная молитва христиан охранялась мусульманами.

Осудив себя на обочине главного исторического события современного Египта, религиозные движения и их лидеры были вынуждены активизироваться. Наиболее известной и влиятельной исламистской организацией в Египте является организация «Братья мусульмане», имеющая

Халиль Мона Абдель Малик – аспирантка кафедры философии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: mona_khalil@mail.ru

долгую и противоречивую историю. «Братья мусульмане» – старейшая и самая многочисленная исламистская организация в мире, основанная в Египте в 1928 г. и имеющая своей целью религиозное (исламское) возрождение Египта. Главной стратегией «Братьев мусульман» являлось изменение общественного устройства путем постепенного изменения мировоззрения индивидуумов, потом их семей, а впоследствии – и всего общества¹.

Поскольку на протяжении последних десятилетий участие религиозных партий в политической жизни Египта было законодательно запрещено, «Братья мусульмане» имели право открыто осуществлять лишь социальные проекты, в основном в сферах благотворительности, образования и медицинской помощи. Египетская революция 2011 г. принесла движению беспрецедентную пользу: «Братья мусульмане» смогли не только выйти из политического подполья, но и присоединились к протестным антиправительственным движениям, как только победа революции стала очевидна. Более того, ими была сформирована политическая партия «Аль-Хуррийя уа Аль-Адаля» («Свобода и справедливость»), которая получила значительное число мест в новом парламенте (37,5%). В то же время идеологические установки организации стали значительно мягче, наметился отход от радикализма и ориентация на демократические ценности. Интересен тот факт, что вице-президентом партии был избран известный коптский общественный деятель Рафик Хабиб. Также стали иметь место встречи представителей коптской общины с руководством движения «Братья мусульмане».

Так, председатель коптской ассамблеи Шериф Досс подтвердил факт, как минимум, трех за последние несколько месяцев встреч членов ассамблеи с лидерами партии «Аль-Хуррийя уа Аль-Адаля»². Глава движения «Братья мусульмане» Мохаммед Бадие провел телефонный разговор с Патриархом Коптской церкви Шенудой III, а также вышел с инициативой привлечь коптскую молодежь к диалогу с их движением³. Он посетил древнеегипетские храмы Луксора совместно с другими лидерами движения «Братья мусульмане», с тем чтобы выразить поддержку развитию туризма в стране и подчеркнуть значимость древнеегипетского наследия⁴. И это при том, что враждебное отношение к языческому прошлому страны всегда было характерно для фундаменталистской идеологии исламизма.

После революции возобновила свою деятельность радикальная организация «Джамаа исламия», считающаяся причастной к убийству президента Анвара Садата в 1981 г. Согласно высказываниям ее руководителей, организация не стремится к власти, но испытывает необходимость в легализации, которая позволила бы «Джамаа исламии» распространять в обществе свои идеи и мировоззрение. Лидеры движения уже зарегистрировали собственную политическую партию «Аль-Бинаа уа Аль-Танмийя» («Созидание и развитие»), которая, по их словам, станет светской, но «с исламской идентичностью»⁵.

Однако самой неожиданной религиозной силой, значительно активизировавшейся после революции в Египте, стали салафиты. Различные движения приверженцев якобы «истинного», «изначального», «чистого» ислама существовали в стране и прежде, однако вряд ли можно было говорить о едином салафитском движении. На протяжении последних нескольких лет салафиты транслировали свои идеи посредством, как минимум, десяти спутниковых телеканалов, чьи передачи сводились, как правило, к проповедям популярных салафитских шейхов.

Сегодня же сторонники салафизма все чаще заявляют о себе как об очень влиятельной общине Египта. Несмотря на то что салафиты являются наименее политизированным из исламистских движений, именно они могут представлять наибольшую угрозу секулярному государству. Среди салафитов нет единства в отношении того, насколько им дозволено или необходимо принимать участие в политической жизни страны. Тем не менее политизированное крыло движения неоднократно демонстрировало отличные организационные и мобилизационные способности своих членов. Достаточно отметить, что политическая партия «Нур» («Свет») была зарегистрирована салафитами одной из первых в постреволюционном Египте и получила 27,8% голосов на парламентских выборах. Численность салафитов неизвестна, однако, по словам одного из бывших лидеров «Братьев мусульман», их в двадцать раз больше, чем «братьев». Неофициальные источники определяют численность «Братьев мусульман» в пределах от 400 000 до 700 000 человек. Существует мнение, что численность салафитов на сегодняшний день в Египте доходит до пяти миллионов человек.

Очевидно, что отношения между салафитами и движением «Братья мусульмане» напряженные: первые считают предательством ислама решение «Братьев мусульман» поддержать идею светского гражданского государства в Египте, тогда как «Братьям мусульманам» явно мешают салафиты, оттягивающие на себя наиболее религиозно-консервативные слои египетского населения, некогда симпатизировавшие «Братьям мусульманам».

Впервые в новейшей истории страны создана коптская партия «Хак» («Правда»), возглавляемая женщиной-христианкой Мариям Миляд. На данный момент в стране насчитывается более ста секулярно-ориентированных партий и движений, созданных приверженцами либеральных, социалистических, социал-демократических и других взглядов. Для постреволюционного Египта характерно, с одной стороны, усиление религиозности, которое проявляется в существенно увеличивающемся числе женщин, носящих никаб, бородатых мужчин в характерной салафитской одежде (короткие брюки и длинная рубаша), а также в повсеместных плакатах с призывами следовать истинно исламскому пути. С другой стороны, налицо активизация светских настроений, уменьшение числа публично молящихся людей в транспорте и государственных учреждениях.

Таким образом, в современном постреволюционном Египте имеет место стремительное развитие разнонаправленных процессов – религиозизации и секуляризации. Причем конфликт этих двух тенденций стремительно переходит из социальной сферы в политическую. Так, в результате парламентских выборов 69% голосов получили партии, представляющие движение «Братья мусульмане» и салафитов, тогда как представители секулярно-ориентированных партий составят в нижней палате нового парламента чуть более 20%. Однако необходимо подчеркнуть, что, несмотря на меньшинство, парламентарии от секуляристов представлены известными и влиятельными политическими и общественными деятелями.

В июне 2012 г. в результате второго тура первых демократических президентских выборов в истории Египта к власти в стране пришел Мухамед Мурси – первый гражданский (невоенный) президент, представитель движения «Братья мусульмане». Несмотря на заверения Мурси, что он станет «президентом всех египтян», светские силы опасаются, что представитель «Братьев мусульман» в президентском кресле будет стимулировать исламизацию Египта, ведь именно такая задача формулируется идеологией «Братьев мусульман».

С другой стороны, очевидно, что желания исламистов религиозизировать страну сталкиваются с препятствиями в виде существенного секулярного сегмента в египетском обществе, десятипроцентного коптского населения, западного влияния, а также жизненной необходимости увеличивать поток туристов – одной из главных составляющих дохода страны.

От того, каким образом новая власть в Египте – ключевой стране арабского мира – будет разрешать конфликт религиозности и секуляризма, зависит не только будущее этого государства, но и всего региона.

Mona Khalil. The dynamics of religious and cultural situation in the post-revolutionary Egypt.

Summary: In the present article the issue of transformation of religious situation in Egypt after the 2011 revolution is being analyzed. Throughout centuries religion used to and continues to play tremendous role in the Egyptian society. However at the current transitory period conflict between secularly and religiously oriented forces has intensified. Abolishing the prohibition for religiously marked parties and movements to participate in political life of the country has questioned the future of Egypt as the conflict between secularists and religious conservatives has shifted to the political area.

Ключевые слова

Религиозная ситуация, Египет, теоцентричное сознание, религиозизация, секуляризация, мусульмане, копты, «Братья мусульмане», салафиты.

Keywords

Religious situation, Egypt, theocentric consciousness, religieization secularization, Moslems, Copts, "Moslem Brotherhood", Salafites.

Примечания

1. The Moderate Muslim Brotherhood. Robert S. Leiken and Steven Brooke. Foreign Affairs, March/April 2007
2. Head of Coptic Assembly Praises Muslim Brotherhood // Ikhwanweb, 02.08.2011. <http://www.ikhwanweb.com/article.php?id=28893>
3. MB chairman launches initiative to engage in dialogue with Coptic youth // Ikhwanweb, 22.03.2011. <http://www.ikhwanweb.com/article.php?id=28271>
4. Muslim Brotherhood Chairman Visits Luxor Temple, Hails Ancient Civilization // Ikhwanweb, 07.09.2011. <http://www.ikhwanweb.com/article.php?id=29012>
5. Muslim Brothers, Jihadists and Salafists: Egypt's Islamists come in from the cold // Ahram Online. 18.03.2011

Модернизационные процессы российского общества

В.Л. Курабцев

В статье анализируются отношения между реальностью традиций и инноваций на примере модернизационных процессов российского социума. Определяется взаимосвязь и взаимозависимость новаций и инноваций с духовными традициями русского этноса как главного фактора противодействия деструктивным процессам общественного бытия. Духовные традиции по форме представляют собой механизм самосохранения, самоорганизации и модификации общественного целого к различного рода новациям и инновациям, то есть, по сути, это – механизм преемственности и обновления.

Глобализация, или становление единой мировой системы, сопровождается в ряде стран процессами модернизации и инноваций. Это касается и судьбы России, которая на протяжении веков догоняла, а иногда и перегоняла развитые страны. Можно сказать, что инновационная интенция – инвариантная цель России. Реальность такова, что часто подобные перемены носили у нас катастрофический характер. Последняя катастрофа – реформы М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина. Получили легальное развитие рыночная экономика, демократия и гласность. Появилась прослойка состоятельных людей. Актуализировались огромные возможности самореализации почти всех слоев населения. Но снова повторились старые проблемы нашего развития: «Россия на протяжении нескольких веков шла по пути *неорганической модернизации или догоняющего развития* (выделено мною. – В.К.). Но ни одна из ее попыток осуществить догоняющую модернизацию полностью не удалась...»¹.

И налицо скорее негативные последствия последней модернизации:

– *экономическая сфера* – разрушение существенной части промышленности, сельского хозяй-

ства, научно-технической сферы; значительное ослабление ВПК; низкие доходы большинства населения.

«Рост нищеты выдается за завоевание демократии, упадок производства – за структурные реформы...»². В частности, разрушительным оказалось (и оказывается) недофинансирование вузов, НИИ; социальная необустроенность преподавателей, ученых и других специалистов бюджетной сферы. В результате (хотя указаны не все причины), «по данным Национального научного фонда США, Россию с 1990 г. покинули 70–80% математиков, 50% физиков-теоретиков, работающих на мировом уровне»³;

– *социальная сфера* – разрушение советского общества и противоречивое становление нового стратификационного общества, сопровождающееся негативными процессами. Так, уровень убийств в России в 1995 г. был в 3,1 раза выше, чем в США, и в 43,4 раза выше, чем в Японии. По-прежнему продолжается процесс депопуляции – численность населения России со 148,7 млн. человек (1992 г.) сократилась до 140,4 млн человек (2011 г.). Неустойчивы социальные статусы, роли, ниши огромных масс населения. Реально множество «симулякров» в социальных отношениях, институтах и учре-

Курабцев Василий Леонидович – д.филос.н., профессор кафедры философии Московского государственного областного университета (МГОУ). E-mail: kurabtsev@mail.ru

ждениях: лжеотношения, лжеимиджи, лжевузы, лжеобразование, коррупция, пустоты идеологии. Слишком значительные слои населения не живут, а только выживают. Социальное расслоение слишком радикально и несправедливо. И это похоже на трагическое неблагополучие в социальной сфере;

– *идеологическая сфера* – в информационной войне до сих пор побеждает глобализационная идеология и ее ценности, подавляющие духовно-нравственные и культурно-исторические традиции России. Кажется, что массмедиа и не собираются считаться с феноменом существенной православности России и россиян, с феноменом существенного преобладания в стране представителей славянских народов и их культуры. Хотя и не совсем забыты ценности патриотизма, православия и «духовного национализма»;

– *культурная сфера* – «культура» сегодня реализуется «в формах технической цивилизации»⁴. Это Интернет, сотовая связь; «свободные» СМИ с обилием продукции низкого качества, развлекательной и сугубо потребительской. Г. Флоровский прав: искусство «вне истинной веры... обречено на вырождение в темную магию»⁵; становится «темным действием». Результатом такой «инкультурации» оказывается явная или латентная поддержка процессов дехристианизации (в борьбе с христианизацией), деперсонализации и дегуманизации. Происходит и декультурация населения (с точки зрения высокой национальной культуры). Идет строительство десакрализованного и унифицированного мира. Мира массовой внедуховной информации и массового потребления;

– *антропологическая сфера* – происходит разрушение внутреннего и внешнего человека. Утверждается по-своему упрощенный потребительский и интернетовский человек, теряющий связи с инвариантной человеческой сущностью и национальной культурой. Кажется, что немного остается тех личностей, о которых писал Н.А. Бердяев: «В личности есть глубина, которая совсем непригодна для общества»⁶. Становится массовым нивелирующее, «глобальное» мышление, уступчивость почти любому манипулированию сознанием. Это заметно даже визуально – миллионы курящих людей и людей низкой бытовой культуры; миллионы любителей пива и других спиртных «изделий»; миллионы людей, далеких от высот искусства, религии, культуры.

Кроме того, сам глобализирующийся мир очень напоминает мир, описанный еще в 1934 г. Н.А. Бердяевым: «Нет ни материальной, ни духовной безопасности жизни, нет больше ни для кого никаких гарантий. <...> Мы живем в мире преступления и в мире фантазмов»⁷. И снова Н.А. Бердяев: «Механическая, уравнивающая, обезличивающая и обесценивающая цивилизация... есть лжебытие, призрачное бытие, *вывернутое бытие* (выделено мною. – В.К.)»⁸. Именно так и происходит: любовь подменяется сексом, семья – гражданским браком (и социологи это фиксируют), вера – околочерием, нравственность – моральным плюрализмом и т. д. Счастье прио-

бретает массовидный и искусственный характер. Вместо любви и добра у человека формируются индивидуалистическое отчуждение и вражда по отношению к людям, обществу, культуре;

– *экологическая сфера* – продолжается разрушение биосферы России. Проблемны почти все необходимые для жизни вещи – воздух, питьевая вода, почва, многие леса, водоемы, реки, множество пищевых продуктов. Информация об экологически опасных объектах нередко малодоступна или закрыта.

Все эти явления происходят на фоне и в связи с глобализацией. Глобализация – это становление единой мировой системы во всех областях человеческой жизнедеятельности – политике, экономике, культуре и т.д. Созидается общая экономическая и производственная система, связанная с усилением роли транснациональных корпораций, становлением глобального коммуникационного пространства, растворением культур в суперкультуре американизированного типа и даже соблазном наднационального управления миром, то есть формированием Глобальной империи. Конечно, этот объективный процесс весьма полезен и даже необходим для развития России – это и вступление в ВТО, и возможности эффективного сотрудничества и «мирного сосуществования» со всеми странами, и возможности получения высоких технологий и многого другого. Отказываться от модернизации и глобализации недопустимо.

Непродуманный и «неопределенный комплексный процесс преобразования всей социальной системы в основном по западным моделям развития», без серьезного учета специфики национальной культуры и психологии сопровождается нарастанием глобальных кризисов (например, банкротство стран в ЕС); ростом антиглобализационных движений, которые способны вызвать мощные социальные конфликты. Мировое рыночное хозяйство – вовсе не реализация (когда-нибудь) «Царствия Небесного» на Земле. Скорее это только средство для более нужных и глубоких целей. И социокультурное позиционирование этих целей и ценностей – самая важная задача обновляющегося общества России.

Однако пока негативная сторона этого позиционирования преобладает, в том числе в нашем «глобализирующемся» образовании. Разве позволительно в России формировать плюралистическую и толерантную модель культуры с приоритетом ценностей индивидуализма и гедонизма? Разве можно столь бездумно «включаться» в Болонский процесс и предавать классическую проверенность и качественность советского образования? И ради чего?.. Можно ли отказываться от принципа фундаментальности, характерного для системы классических университетов? Можно ли переходить на экзамены типа ЕГЭ, которые вовсе не являются всеобщей мировой практикой? В Кембридж по тесту не принимают. Не ожидает ли страну низкий и унифицированный уровень образования и соответствующее состояние экономики и культуры? В Германии в связи с Болонским процессом стали

■ Межкультурная коммуникация

появляться статьи под характерными названиями – «Mit dem Bulldozer gegen die Universitäten /нем. «с бульдозером против университетов».

В.В. Миронов справедливо говорит об образовании как «системообразующей части культуры, а не просто сфере услуг». Но за последние 20 лет произошло обесценивание понятия «образование», заметное разрушение «высокого образовательного потенциала нации». Деятельность негосударственных вузов нередко оказывается лишь «отлаженной продажей диплома о высшем образовании». Отсутствие государственной политики в сфере образования приводит, в частности, к тому, что малоимущие не могут подняться в «социальном лифте» образования в верхние слои общества.

Поэтому России как составной части мирового глобализационного процесса необходимо включаться в него более продуманно, умеренно и взвешенно. Глобализация – это продолжение все той же «ложной механической цивилизации, глубоко противоположной всякой подлинной культуре»⁹. Поэтому ей также необходимо и противостоять.

Россия должна не только успешно и продуманно встроиться в глобализационные процессы, но и уберечь себя от всех угроз, искать себя, своих друзей, свое подлинное место в мире, не теряя из виду свои духовно-нравственные ценности и свой высший смысл. Есть возможность и в этой «катастрофе» инноваций выжить, жить и развиваться. И «не просмотреть»¹⁰ самих себя.

Kurabtsev V. L. Modernization Processes of the Russian Society.

Summary: *In the article features of the relations between such reality traditions and innovations in the aspect of modernization processes of the Russian society. The interrelation and the interdependence of these notions and spiritual traditions of Russian ethnos, as the main factors of counteraction to the destructive processes of social existence are defined. Spiritual traditions represent the mechanism of self-defense, self-organization and modifications of the society as a whole, so it can be regarded as the mechanism of succession and renovation. The article also indicates the necessity of radical rethinking of accepted values of modern civilization.*

Ключевые слова

Глобализация, модернизация, инновация, традиция, духовные традиции, современное российское общество, социальная трансформация государства.

Keywords

Globalization, modernization, innovation, tradition, spiritual traditions, modern Russian society, social transformation of state.

Примечания

1. Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России // Электронный источник: <http://ss.xsp.ru/st/003>.
2. Овсянников А.А. Востребованность гуманитарных ценностей современным российским обществом // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России: Состояние. Проблемы. Перспективы: Аналитический доклад / Под ред. Л. Г. Ионина. М., 2001. С. 17-18.
3. Миронов В.В. Размышления о реформе российского образования. М.: Издатель Воробьев А.В., 2011. С. 21.
4. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 326.
5. Прот. Г. Флоровский. Пути русского богословия. Paris: YMCA-PRESS, 1983. С.487.
6. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С.306.
7. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С.323.
8. Там же. С. 495.
9. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 495.
10. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 60.

Эволюция православной духовной миссии под влиянием процессов модернизации

О.Л. Церпицкая

В статье рассматриваются основные формы современной миссионерской деятельности Русской православной церкви, специализированные в контексте особенностей социокультурного и политического положения православных верующих и групп населения, проявляющих позитивное отношение к идеалам православия, критическое отношение православной миссии к негативным проявлениям постмодерна в сфере культуры.

Миссия – это проповедь, которая всегда осуществляется в определенной политической среде и контексте. Появление в XX в. новых форм миссионерской деятельности было обусловлено теми социальными и политическими трансформациями и деформациями, без которых немыслимы глобальные модернизационные процессы. Согласно классификации подходов к миссионерской деятельности Иакова Стамулиса¹, новые формы миссий появлялись именно в рамках политических потребностей, так как миссионерское поле трансформировалось социально-политическими процессами и миссии необходимо было приспособливаться под конкретные ситуации.

Существенным в этой связи является тот факт, что необходимость миссии в любой ситуации – это данность. Миссия для православного христианина – процесс постоянный и неизменный, и личностная форма миссии имеет место даже в обстоятельствах, угрожающих жизни, как это не раз было в XX в.². Это дает основание предположить, что миссионерский императив (как выражение потребности в миссии) защищен от внешних влияний внутренней резистентностью к ценностям, которые распространяются благодаря процессам

модернизации и зачастую диаметрально противоположны вероучительным нормам.

Практическое воплощение данных положений о внутренней резистентности православия к ценностям и нормам, экспортируемым современным и постмодерном, находят практическую реализацию в одном из самых древних проводников личной миссии – паломничестве. С его помощью импорт идей и ценностей осуществлялся задолго до ситуации постмодерна³. Паломничество, как одна из форм межкультурной коммуникации, используется государством и сегодня в качестве способа реакции на глобальные процессы. Устойчивость паломников к внешним влияниям, обусловленная многовековой неизменностью базовых норм и ценностей в православии, позволяет не только говорить о внутренней его резистентности как вероучения, но и использовать эту резистентность (ее личностный аспект) для формирования имиджа государства или достижения иных целей на международной арене.

Таким образом, внешнего императива к эволюции миссия не имеет – проповедь является единственным и внутренним императивом, а эволюция миссионерской деятельности базируется на реак-

■ Межкультурная коммуникация

ции на изменения социально-политических и, как следствие, ценностных ориентиров общества. То есть эволюция в данном контексте – это изменение под внешним влиянием формы, но не содержания. Подобные изменения происходят в рамках политического подхода, иными словами, они не были бы возможны без участия государства. Кроме того, под влиянием глобальных модернизационных процессов личность претерпела значительные изменения⁴. И необходимость адекватной церковной реакции на характеристики современной личности обусловили новые методологические основания для миссионерской деятельности.

Наиболее естественное направление миссии – личностное – благодаря ситуации постмодерна трансформируется в личностно-наднациональное, то есть миссия перестает исчерпываться обращением к личности, когда сам человек начинает идентифицировать себя как «общество» или даже «человечество»⁵. Миссия же в стремлении донести себя до личности обращается к идентификатору. Но и обращение к национальному государству уже не имеет того эффекта, как в период, когда международные институты были менее развиты. Так, на сегодняшний день новых форм миссионерской деятельности можно выделить три: одну институциональную – представительства при международных организациях и две смысловые – «миссию среди мигрантов» и «миссию на оккупированных территориях».

Создание представительства как эволюционная форма миссии в глобальном масштабе было продиктовано деформациями политической сферы. И хотя зарубежные учреждения Русской православной церкви устраивались таким образом, чтобы эволюционировать без ущерба традиции и сохранять различные формы миссии, как институциональная форма миссия под влиянием внешних факторов существует постоянно. Сначала зарубежные приходы были разделены по категориям, затем часть из них трансформировалась в миссии с разным подчинением, а на сегодняшний день миссия как институциональная форма уступает место представительствам, которые, по сути, тоже могут быть классифицированы как форма миссии – только в глобальном масштабе, который диктует ситуация постмодерна.

Именно с появлением представительств Русская православная церковь приобрела важный инструмент для адекватных ответов на вызовы современной цивилизации. Как форма миссионерской деятельности, представительства в некоторых сферах заменяют собой миссии (в значении института), создававшиеся для дальнейшего распространения православия и устройства новых поместных церквей, но не имеющих возможности отвечать на требования церковно-государственных и церковно-общественных отношений ни на глобальном, ни на региональном уровне⁶. Представительства же призваны противостоять или демонстрировать противостояние церкви некоторым вызывающим серьезное беспокойство мировым тенденциям, которые ведут к подавлению христианских ценностей

и дискриминации христиан. Таким образом, представительство можно характеризовать как методику ответа на ситуацию постмодерна. Но, помимо этого, представительство также является и новой формой зарубежных учреждений, способствующих налаживанию диалога с мировой общественностью для защиты традиционных ценностей на международном уровне и сообщения международным организациям и властям иностранных государств мнения Русской православной церкви по актуальным вопросам. Кроме того, деятельность представительств содействует достижению внешнеполитических целей (в том числе государственных) не только России (вспомнить хотя бы ситуацию со строительством Русского культурного центра в Париже⁷), но и отчасти Украины, Молдовы, Белоруссии. Представительства также способствуют изменению образа православия и стран «Русского мира» в сторону более благоприятную путем взаимодействия с зарубежными СМИ и институтами гражданского общества.

Довольно любопытным с прогностической точки зрения является и появление Комитета представителей православных церквей при ЕС⁸, так как оно (также невозможное без создания соответствующего Представительства) позволяет «смоделировать» ситуацию, в которой православные церкви выступают как единая Вселенская церковь. А ведь именно вынужденное, но сближение церквей можно признать единственным положительным для них аспектом ситуации постмодерна, когда некоторые сложные для обсуждения вопросы в свете происходящего в мире отходят на второй план.

Но локальный уровень по-прежнему не уступает своих позиций в миссионерской деятельности, и в его рамках актуальной проблемой для современного миссионера является поиск доступного включения религиозных ценностей в конкретную форму проповеди, которое даст оптимальное сочетание формы миссии и ее содержания. Изменения в данной сфере предвзовет Псковская миссия⁹, пример которой позволяет выделить «миссию на оккупированных территориях» в качестве самостоятельной формы миссии.

Прецедентов, подобных Псковской православной миссии, в мировой истории не было. Долгое время это исключительное явление церковной жизни считалось вариантом ведения подрывной идеологической работы на оккупированной территории, что и сейчас встречается в публицистике. Но это была именно миссионерская деятельность: основные составляющие миссии – проповедь, личный пример миссионера, социальная работа – присутствовали в ней. Кроме того, сами участники миссии ставили своей целью проповедь Христа Распятого (то есть внутренний императив миссии налицо), ничего общего не имевшую с пропагандой освободительного движения, фашизма или советской власти (отношения с которым и с которыми были сложными). А так как Псковская миссия была создана при участии оккупационных властей, имевших свои планы на ее счет, можно проследить начало использования

церковью политического подхода в своих целях, когда этого подхода невозможно избежать. Именно Псковская миссия стала ярчайшим ответом на квинтэссенцию эпохи модерна с его богоборческими настроениями.

Но переход к ситуации постмодерна поставил перед миссионерами новую задачу: вследствие размывания границ и свободного перемещения людей появилось большое число мигрантов, в свою очередь сделавших реальностью опасность социального взрыва. Связано это с неравномерностью распространения глобальных модернизационных процессов, так как мигранты, как правило, выходцы из тех регионов, где общества еще довольно традиционны. В этой связи интересная тенденция наблюдается у исламских обществ: используя определенные материальные блага, приносимые глобальными процессами, не допуская глубинных изменений общественных и человеческих ценностей, базирующихся на Исламе. И эта тенденция открывает определенные перспективы христианско-мусульманского диалога с целью обмена опытом внутренней резистентности.

Ряд отличительных особенностей имеет и «миссия среди мигрантов». Прежде всего, сплоченная и не всегда доброжелательная среда, в которую попадает миссионер, формируемая невозможностью жить дома, не всегда адекватными условиями жизни в государстве пребывания и непонятностью местных норм. Языковой барьер между миссионером и объектом миссионерской деятельности,

а также недостаток литературы на необходимых языках также не облегчают условия осуществления миссии. И, наконец, неприязнь у «чужакам», веками складывавшаяся или недавно приобретенная, но закрепившаяся в обществе¹⁰. Но самая основная черта, которая присутствует у «миссии среди мигрантов» и которую можно проследить у всех эволюционных форм, – это то, ради чего осуществляется проповедь. В условиях постмодерна, после долгих богоборческих «экспериментов» эпохи модерна проповедь не имеет своей целью именно обращение, но, скорее, ознакомление и сближение перед лицом глобальных вызовов. Именно в этом состоит основное сущностное отличие современной миссии от предыдущих ее устремлений. Так, в современной общественно-политической ситуации миссия – это уже не столько попытка обратить в свою веру, сколько стремление рассказать о ней с целью поиска общих возможностей, которые позволят противостоять тенденциям, как несомненной ситуацией постмодерна, так и являющимся наследием эпохи модерна.

Tserpitskaya O.L. The evolution of the Orthodox church's mission under the influence of modernization.

Summary: The basic forms of modern missionary work Russian Orthodox Church, special features in the context of socio-cultural and political situation of the Orthodox believers and groups that exhibit a positive attitude toward the ideals of Orthodoxy. Critical of the Orthodox mission in negative manifestations of postmodernism in culture.

Ключевые слова

Духовная миссия, миссионерский императив, паломничество, резистентность ценностной сферы, новая форма миссионерской деятельности, РПЦ, "миссия среди мигрантов".

Keywords

Spiritual mission, the missionary imperative, pilgrimage, resistance value sphere, a new form of missionary activity, ROC, "the mission of migrants".

Примечания

1. Стамулис И. Восточно-православное богословие миссии сегодня // Православная миссия сегодня: Сборник текстов по курсу «Миссиология». СПб, 1999. С. 91-291.
2. Подробнее см.: Русская Православная Церковь. XX век / Под ред. архим. Тихона (Шевкунова). М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. 800 с. Петров М.Н. Крест под молотом. Великий Новгород, 2000. 446 с.
3. Церпицкая О.Л. Православная духовная миссия и глобальные модернизационные процессы. СПб., 2011. С. 136-140, 162-166.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Ин-т экспериментальной социологии., СПб: Алетейя, 1988. 160 с.
5. Там же.
6. Маркушина Н.Ю., соавт. Исследование роли региональной компоненты в формировании внешней политики Российского государства. СПб.: СПбГУ, 2009. С. 78–82.
7. Samuel H. French Secret Service Fear Russian Cathedral a Spying Front // <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/france/7771858/French-secret-service-fear-Russian-cathedral-a-spying-front.html> (28.05.2010).
8. Ильин А., прот. Комитет представителей Православных Церквей при Европейском союзе: миссия выполнима // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1117034.html> (19.03.2010).
9. Подробнее см.: Раевская-Хьюз О. О Псковской миссии // ЖМП. 2001. Сентябрь // www.pagez.ru (12.08.2004). Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь. М.: Издательство Крутицкого Патриаршего подворья; Общество любителей церковной истории, 2002.
10. Лялюк А. Миссия среди мигрантов возможна // <http://www.miloserdie.ru/index.php?ss=20&s=21&id=13139> (28.03.2011).

Моральные уроки геноцидов XX столетия

М.Л. Полищук

Настоящая публикация является презентацией автором его книги «Великое вопрошание. Философия на весах истории». (М.: Канон-плюс, 2012.)

*«Некоторые, вероятно, полагают, что эпоха, за полстолетия обездолившая, поработившая или уничтожившая семьдесят миллионов людей, должна быть прежде всего осуждена. Но необходимо еще понять суть ее вины»¹.
А. Камю*

Семьдесят миллионов жертв! Это много или мало?! И существует ли смысл в том, чтобы выдвигать обвинение в адрес некой абстрактной субстанции, именуемой эпохой, которая никогда вас не услышит и которую вряд ли удастся посадить на скамью подсудимых? Не более ли смысла в том, чтобы потратить усилия на исследования беспрецедентных по своим масштабам и жестокости преступлений, у которых имеется конкретный адресат? Рудольф Руммель – специалист в области политических наук, почетный профессор Гавайского университета, автор более двух десятков книг. Большую часть своей научной карьеры посвящает сбору и анализу фактов и событий, связанных с коллективным насилием над людьми и с массовыми расправами над ними, которые он именует «демоцидом» – убийством человечества: «Собирая данные о демоциде, я погружался в атмосферу ужаса. Вскоре передо мной открылась ошеломляющая картина невероятного повторения следующих друг за другом режимов, правителей, под чьим контролем или управлением убивают, закапывают живьем, сжигают, вешают, закалывают ножом, морят голодом, сдирают кожу с живой плоти, избивают,

пытают и т.п. И речь при этом идет не о сотнях, не о тысячах, не о десятках тысяч жертв, но о многих миллионах²».

Эпоха мегаубийства

По подсчетам автора, в среднем эта цифра за XX столетие составляет не менее 170 миллионов. Собранный материал позволяет автору прийти к печальному заключению: «Убивает любая власть, абсолютная власть – убивает абсолютно». Массштабы жертв, принесенных в ушедшем столетии на алтарь человеческого безумия и невиданной жестокости, позволяют Руммелю именовать XX в. «Эпохой мегаубийства».

«Расчеловечивание человека»

«Обыватель – это современный массовый человек... Он настолько отделил приватное от общественного, профессиональное от семейного, что даже в себе самом уже не может обнаружить связи между тем и другим. Если его профессия убивать людей, то он не считает себя убийцей потому, что делал это не по душевной склонности, а по служебной надобности. Из личной склонности он и мухи не обидит», – писала Ханна Арендт. Обращаясь к

Полищук Михаил Лазаревич – д.филос.н., визит-профессор ряда университетов США, Израиля, Западной Европы, продолжает регулярное сотрудничество с МГИМО. E-mail: vestnik@mgimo.ru

эпохе, на совести которой десятки миллионов безвинных жертв и которую, как полагает Альбера Камю, следует не только осудить за совершенные кровавые злодеяния, но и понять суть ее вины.

Не будем наивными и не станем списывать мегажертвы исключительно на злую волю жалкой кучки негодяев, окопавшихся в правительственных офисах и присвоивших себе полномочия издавать приказы и распоряжаться судьбами людей. Без реальной поддержки широких масс, сопровождаемой готовностью так называемого простого человека – с энтузиазмом или без него – следовать издаваемым зачастую самым чудовищным приказам и безропотно смиряться с выпавшей судьбой: любая власть оказывается фикцией.

В охваченным безумием – под воздействием разбуженных инстинктов архаического человека, общества, замешанные на голосе совести, пафосные сентенции типа цены «слезинки ребенка» либо рассуждения о величайшей тайне мироздания – «внутреннем императиве», который, согласно философу, должен обитать в душе каждой из тварей Всевышнего, превращаются в простое сотрясение воздуха.

Любой честный мыслитель, будь он философом, писателем, художником, – исследователь души человеческой, не может не поставить вопрос о «расчеловечивании» человека, которое с предельной обнаженностью обнаружилось в трагическом опыте цивилизации XX в. и подтолкнула ее к грани всепоглощающей бездны.

«Директор программы уничтожения...»

Делясь впечатлениями после очередного посещения Освенцима – с целью ознакомления с технологией умерщвления узников концлагеря – Верховный палач германского рейха Гиммлер в высоком расположении духа выступает перед группой высокопоставленных убийц – эсэсовцев в Познани (Польша): «Наш моральный долг перед народом – уничтожать людей, которые жаждали уничтожить нас. Большинство из вас знает, что означает видеть груды из ста трупов, или пятисот, или тысячи. Пройти через все это и все-таки за несколькими исключениями остаться порядочными людьми – вот что закалило нас. Эта славная страница нашей истории, которая никогда не была и не будет написана другими».

Одно из выдающихся мест на этой «славной странице» немецкой истории, несомненно, принадлежит руководителю подведомственного Гиммлеру крупнейшего предприятия по производству трупов коменданту Освенцима оберштурмбанфюреру Рудольфу Гессу. Устрашающе «нормальный» Гесс на вопрос, который ему задал американский психиатр доктор Голденсон, не переживал ли он, убивая детей того же возраста, что и его собственные дети, которые вместе с ним и матерью жили в домике неподалеку, прямо за забором лагеря, без каких-либо эмоций ответил: «Я лично никого не убивал. Я был просто директором программы уничтожения». Умилительная скромность – просто директор программы уничтожения... Оказывается, и та-

кое бывает. Слово «менеджер» в то время еще не было в широком употреблении.

Сова Минервы

Метафорическим символом философской мудрости Гегель избирает подслеповатую птицу, проявляющую соответствующую активность лишь с наступлением сумерек. Сова, как символ философии, по Гегелю, призвана свидетельствовать о неторопливости, о принципиальном запаздывании мудрости, являющейся плодом размышлений над свершившимся, которая яркому свету и игре красок наполненного бурной активностью и суетой дня предпочитает комфорт сумерек, когда успокаиваются страсти и природа как бы начинает писать «серым по серому». Сегодня со всей очевидностью мы вправе констатировать – воистину, сон разума плодит чудовищ...

Где-то на исходе XIX в. философия зачастую пытается выступать в роли вещей Кассандры, пророчество которой о грядущей катастрофе никто не желает слышать. Вероятно, поэтому свое видение XX столетия как эпохи наступающего хаоса – «Я вижу растущий прилив нигилизма!» Ницше неслучайно прокричал не перед толпой зевак, но в пустоту с высоты Энгадинской скалы. В этом возгласе звучит не только и не столько пророчество, сколько диагноз опытного врача.

На это обстоятельство обращает свое внимание пронизательный художник и мыслитель Томас Манн. В западной культуре, констатирует он, широко культивируются традиции антирациональности, бациллы злости на развитие разума, стремление к иррациональному, с которым зачастую «связана готовность принести в жертву... достижения и принципы, которые делают не только европейца европейцем, но и человека человеком³». Предательство разума обернулось тем, что философская мысль свернула со столбовой дороги культуры, уступив пространство демагогическим мифам – басням, кошмарам, идеологическим химерам, которые вообще не нуждаются в критериях разума, науки, чтобы претендовать на динамическую реальность.

Ad memorandum

Историческая память – одно из фундаментальных измерений человеческого бытия: «История опознается через историческую память как некоторую духовную активность, как некоторое определенное духовное отношение к «историческому» в историческом познании, которое оказывается внутренне, духовно преображенным и одухотворенным. Только в процессе одухотворения и преображения в исторической памяти уясняется внутренняя связь, душа истории»⁴.

Будучи средством опознания истории как некоторой духовной активности, память в то же время лежит в основе устойчивости феномена, именуемого человеческой личностью, полнота которой определяется объемом содержащихся в ней воспоминаний: «...личность человеческая, не связанная памятью в нечто единое, не дает возмож-

■ Межкультурная коммуникация

ности опознать душу человеческую как некоторую реальность»⁵.

Работая над созданием документального фильма о главном пропагандисте нацистского рейха «Доктор Йозеф Геббельс», британский журналист и продюсер Лауренс Рис встречается с одним из сотрудников геббельсовского ведомства – Вилфредом фон Овеном (Wilfred von Oven). В ходе интервью, которое проходило за чашкой чая, фон Овен, на наш взгляд, – вполне интеллигентный и чем-то даже обаятельный человек, на вопрос: «Могли бы вы подобрать единственное слово, которое охарактеризовало бы ваш опыт в годы третьего рейха?» – после некоторого раздумья ответил: «Если мне пришлось бы подытожить опыт моей жизни в третьем рейхе одним словом – таковым я избрал бы «Рай»⁶.

Однокашнику и руммейту: На распутье...

Философская утопия зарождается под иронический смех толпы, когда мудрец Фалес, увлекшись открывшейся перед ним картиной неба, не заметил ямы под ногами и свалился в нее. Окружающие ликовали и, тыча пальцами на странного земляка, со смехом выкрикивали: «Как же ты, Фалес, который не ведаешь, что у тебя под ногами, можешь познать, что творится на небесах?»

На что Гегель язвительно замечает: «Народ смеется над такими вещами и обладает тем пре-

имуществом, что философы не могут воздать ему таким же смехом; но люди не понимают, что философы смеются над ними, которые, разумеется, не могут упасть в яму, потому что они как раз навсегда лежат в ней и не обращают свои взоры ввысь»⁷.

Когда-то мудрый Сократ переориентировал философский взор с небес на землю, с макрокосма на микрокосм. Благодаря этому повороту мысли философия, по выражению Цицерона, обрела широкую популярность: «Сократ первый свел философию с неба, поселил в городах, ввел в дома и заставил рассуждать о жизни и правах, о добре и зле»⁸.

Сегодня, похоже, многие предпочитают заполнять свой дом более существенными, как им кажется, и более осязаемыми предметами, чем сомнительное и бесплотное слово.

Polishchuk M.L. Moral Lessons of XX-th Century's Genocides.

Summary: In Polishchuk, M.L., Ph.D., professor of decades taught philosophy at MGIMO (University), led Philosophical Club. He is currently a Visiting Professor at several universities in the world the U.S., Israel, Western Europe, continued regular cooperation with (University). This publication is the author of the presentation on russian of his book "The Great inquiry. The philosophy of the balance of history." (Moscow, the Canon Plus, 2012.)

Ключевые слова

Эпоха мегаубийства, демоцид, расчеловечивание человека, директор программы уничтожения, сова Минервы как символ философии, нигилизм, историческая память, философская утопия.

Keywords

Megaubiystva era, demotsid, raschelovechivanie man, director of the destruction, the owl of Minerva as a symbol of philosophy, nihilism, historical memory, philosophical utopia.

Примечания

1. Альбер Камю. Бунтующий человек. М., 1990. С.120.
2. R.J. Rummel. Genocide and Mass Murder Since 1900. – Univ. of Virginia, 1997
3. Манн. Т. Письма. М., 1975. С. 61-62.
4. Бердяев. Н. Смысл истории. М., 1990. С.16.
5. Там же.
6. Laurence Rees. Auschwitz. – BBC Books, 2005, p. 10.
7. Гегель. Лекции по истории философии. СПб.: «Наука», 1994, т.I, С. 203.
8. Цицерон. Диалоги. Избр. соч. М., 1975. С. 325.

Отражение нравственных основ в коммуникативном дискурсе

Д.Н. Белова

В статье автор исследует особенности межкультурных взаимодействий и межкультурных коммуникаций с позиций морально-нравственных ориентаций в зависимости от культуры, языка и национального стиля общения.

Межкультурное взаимодействие и межкультурная коммуникация проявляются, когда партнерами по коммуникации выступают представители различных культур, и они осознают это. Актуальным является осмысление и изучение причин межкультурных недопониманий и нравственного взаимодействия на уровне межличностного межкультурного общения в различных сферах, в частности дипломатии, политики.

Взаимосвязью понятийных категорий культуры является язык. В нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение и видение мира¹. «Язык – это всегда коммуникация, но он одна из форм коммуникации среди многих других»², – пишет Г. Малецке.

Регуляторами поведения человека выступают нравственные ценности, идеалы, нормы, убеждения, которые базируются на этической психологии носителей конкретного типа культуры, вырабатывая коммуникативное поведение, неотделимое от специфики национальной культуры. Традиционно устойчивые формы коммуникации выступают как символический регулятор социальных связей и поведенческих тактик.

Культура общения и поведения, в том числе речевого, играет главенствующую роль, так как ведет к консолидации, объединению сообщества, демонстрируя уважительное отношение к каждому его члену. Это находит подтверждение, в частности, в народной мудрости эпоса кабардинского народа о Нартских богатырях, где есть маленькое отважное племя – «заячьи наездники», которые бесстрашно вступают в единоборство со злодеями-великанами и, побеждая их, совершают многочисленные подвиги. И только в одном они уязвимы – от упреков болеют, а от оскорблений умирают.

При налаживании коммуникативных связей очень важно учитывать сложившиеся правила культуры поведения, этикета, национальные традиции. Так, в Швейцарских Альпах туристов призывают не рвать цветы с учетом национальной психологии – на французском языке надпись на табличке призывает: «Наслаждайтесь цветами, но не убивайте их!»; на английском: «Пожалуйста, не рвите цветы!»; на немецком: «Цветы не рвать!». Этикетные формы общения являются основой коммуникативного поведения и дают возможность различать национальные культуры согласно теории вежливости.

Если вы беседуете с представителем иной культуры и замечаете, что он избегает прямого контакта глаз, когда говорит, не смотрит на вас,

■ Межкультурная коммуникация

вы можете почувствовать себя оскорбленным и отказаться от продолжения общения, так как вы не испытываете доверия и чувства близости. Однако это может быть связано с культурой собеседника, в которой прямой взгляд – признак высокомерия или неуважения. В американской культуре принято смотреть в глаза, если американец хочет быть вежливым; в культуре Японии вежливость демонстрируется избеганием прямого и долгого зрительного контакта. Вежливость в каждой культуре очевидна, но внешние проявления ее различны.

Залогом успешной межкультурной коммуникации является понимание вербального и невербального поведения общающихся, знание принципов организации речевого взаимодействия, обусловленного национальным мировоззрением. Усвоение сути нравственных понятий основных норм поведения помогает раскрыть особенности менталитета народа. Суть общения – не в одностороннем воздействии говорящего на слушающего, а в сложном коммуникативном взаимодействии обоих субъектов с обязательным следованием социально-культурным условиям ситуации. В таком случае коммуникация происходит как демонстрация смыслов³. Для англоязычной коммуникации, в основе которой лежит конвенциональность, главной целью является стремление к компромиссу, дистанцированности, а для русскоязычной – естественности, что подтверждает культурные различия и обуславливает нормы коммуникативного поведения.

Все процессы коммуникации происходят в определенном культурном контексте и детерминированы им. При встрече британского премьер-министра Т. Блэира и одного из лидеров арабского мира – М. Каддафи разговор шел на достаточном вербальном уровне, но невербальное поведение ливийского политика свидетельствовало о его неуважении к английскому собеседнику. Он сидел во время переговоров, положив ногу на ногу и развернув ступню в сторону собеседника, что является оскорбительным знаком в арабской культуре и вызвало тревогу участников по поводу фактических результатов переговоров.

В современных условиях разъедающего мировоззренческого плюрализма «вера и нравственность обесценились до такой степени, что люди, обладающие ими, оказались в положении неудобных нонконформистов, не вписывающихся в привычный социоморальный ландшафт и вызывающих либо неподдельное изумление, либо раздражение окружающих»⁴.

В этой связи очень важно в межлических коммуникациях акцентировать внимание «на единстве нравственного опыта людей в рамках общепринятых светских форм жизни, а не на тех различиях, которые связаны с доктринальными обоснованиями и версиями этого опыта»⁵. Ибо философские и религиозно-конфессиональные обоснования и конфигурации морали разительно отличаются друг от друга.

Современное состояние России, ее идеология, ее ценностная и, следовательно, нравственная система – результат ее истории. Проблема нравственности связана с проблемой выбора между добром и злом. Религия поддерживает нравственность на системном уровне, не гарантируя нравственное поведение верующих. Религия – классический случай духовной коммуникации. Любая религия вырабатывает свой язык, который передается от поколения к поколению и сохраняется веками и тысячелетиями⁶. Устойчивость различных коммуникаций в том и состоит, «что они являются духовными, внутренними, вечными с нравственной точки зрения, объединяющими людей разных национальностей, государств»⁷.

Исторически русская культурная традиция связана с православием, что выражается активной жизненной позицией, нетерпимостью к компромиссам, нравственностью, осознанием различия между добром и злом. Доминантами русской культуры является доверчивость, открытость, терпение, совесть, сострадание, смирение, вера, стремление к совершенству в духовной жизни.

В западноевропейской культуре прослеживается ориентация на рациональное действие. Поведение человека в большей степени регулируется социальными установками, общепринятыми правовыми нормами. Материально-физическое благополучие является мерилем правильности усилий духовных, материальный достаток оценивается как добродетель, стремление к процветанию развивает конкуренцию. Неотъемлемой частью англо-американской культуры является «сплав равенства и индивидуализма»⁸. Фундаментальными качествами британцев выступают толерантность, честность, стремление к компромиссу, обостренное чувство справедливости, соблюдение этикета, христианство воспринимается ими как нравственное учение. Представителям русской и англо-американской культур не всегда просто найти взаимопонимание в связи с различным отношением к духовным и материальным ценностям.

Под стилем общения понимается индивидуальная, стабильная форма коммуникативного поведения человека, проявляющаяся в любых условиях взаимодействия – в деловых и личностных отношениях, в избираемых приемах психологического влияния на людей, в методах разрешения межличностных и деловых конфликтов⁹.

О. Коттхор подчеркивал, что стиль общения связан с поддержанием своего «лица» партнерами по коммуникации, стиль всегда является выражением личности говорящего, отражением его отношения к собеседнику, к интерактивно конструируемому ситуативному взаимодействию¹⁰.

В немецком дискурсе распространены прямые речевые акты, выражение благодарности за услугу является менее эмфатическим, чем

принято в английской речеповеденческой норме. Японцы в межличностном общении ценят немногословность и придают большое значение невербальной коммуникации, предпочитая неопределенность, поскольку однозначные выражения, с их точки зрения, нескромны и невежливы. «Вежливость японцев подобна смиренной рубашке, стесняющей словесное общение между людьми»¹¹. Особенностью коммуникативного стиля японцев является не употребление в разговоре слова «нет», а также стремление всячески избегать прямых вопросов и ответов при контакте.

Русские склонны к дедуктивному способу убеждения. В межкультурных контактах подобные несовпадения коммуникативных стилей часто вызывают недоразумения. Национальный коммуникативный стиль формируется под воздействием культурных макрокатегорий и усваивается языковой личностью в процессе инкультурации и социализации, реализуется в речевой деятельности и в коммуникативном поведении языковой личности данного конкретного этнокультурного социума. «Каждое общество существует до тех пор, пока его члены соблюдают определенные принципы взаимодействия, которые кристаллизуются в нормы морали и нравственности»¹².

Нормы общества, этические, культурные, нравственные, усваиваются молодыми в процессе их социализации, поэтому особое внимание должно уделяться воспитанию подрастающего поколения. Успешность процессов усвоения нравственности зависит не столько от умственных способностей, сколько от личных особенностей субъекта и социальных влияний. У современных подростков достаточно хорошо развиты эмпатия и доброта, а нравственные убеждения находятся в процессе формирования.

Молодежь стремится обрести самостоятельную индивидуальность путем применения особого языка, пронизанного эмоциями и враждебными выражениями, в связи с отсутствием у них интеллектуальной, культурной традиций и присутствием слабоволия. Это проходит с возрастом при приобретении опыта, знаний, настоящих авторитетов, то есть «язык выступает как часть культуры»¹³.

Вступая в коммуникацию, каждый участник общения демонстрирует свою систему коммуникативных ценностей. Несмотря на индивидуальный стиль каждой личности, ее речевая деятельность подчинена негласным законам вербального и экстралингвистического оформления коммуникативных ситуаций как представителя определенного культурного сообщества.

Темп речи отмечен культурной спецификой. Пауза вызывает чувство неловкости у немцев и русских, молчание – в китайской лингвокультуре указывает на то, что обсуждаемая тема неприятна собеседнику. В японском коммуникативном стиле молчание представляет неотъемлемую составляющую процесса общения, у

русских молчание недопустимо¹⁴. Проявление национальной специфики в общении отчетливо выявляется в каждой культуре при межкультурном взаимодействии.

Несмотря на то что различные национальные коммуникативные стили имеют в своей основе комплексное взаимодействие в рамках конкретных условий и параметров, они базируются на детерминирующих системах – культуре, коммуникации, языке. При этом выделяется специфика каждого из стилей, что создает определенные трудности в общении и соблюдении морально-нравственных ориентаций.

В настоящее время происходит стирание границ между политической коммуникацией и популярной культурой. Это приводит к тому, что в политику привносится более высокий уровень эмоций, поэтому политика становится селебритизированной и большое внимание в ней уделяют отдельным личностям. «С момента своего возникновения нравственность является неотъемлемым атрибутом всех социальных феноменов, включая политику»¹⁵, – считает Д. Лилекер. В политических дискурсах необходимо соблюдение нравственных законов морали, этики, их несоблюдение может привести к спорной с моральной точки зрения и безответственной стратегии политиков.

Итак, коммуникативный стиль соотносится с деятельностью и поведенческими аспектами личности, особенностями речи при общении и установлении межличностных и деловых контактов. С точки зрения психологии общения стиль рассматривается в связи с индивидуальными вариантами речевого коммуникативного поведения. Коммуникативный стиль является выражением личности говорящего, отражает отношение к собеседнику, способствует взаимопониманию. Коммуникативный стиль связан с межкультурной коммуникацией. Без соблюдения нравственно-этических норм невозможен дискурс, невозможна трактовка понятий его и соблюдение эмоциональной атмосферы, климата коммуникативного взаимодействия.

Сущность национального коммуникативного стиля – отражение существующих в лингвокультуре предпочтений, вербальных и невербальных средств в организации межличностного взаимодействия¹⁶. Зная особенности коммуникативного стиля носителей различных лингвокультур, можно прогнозировать процесс межкультурного взаимодействия, минимизировать ошибки, изменять ориентацию собеседников, то есть управлять процессом взаимодействия, избегая непонимания и взаимного неуважения.

Belova D.N. Reflection the moral foundations in the communicative discourse.

Summary: The author explores the features of intercultural interaction and intercultural communication from the standpoint of moral orientations, depending on the culture, language and national communication style.

■ Межкультурная коммуникация

Ключевые слова

Дискурс, нравственное взаимодействие и ценности, менталитет, национальный стиль общения, социоморальный ландшафт, конвенциональность, эмфатический, инкультурация, экстроллингвистический, селебритизированность.

Keywords

Discourse, interaction and moral values, mentality, national communication style, sociomoral landscape, conventionality, emphatic, inculturation, ekstrolingvistic, selebritizirovannost.

Примечания

1. Гумовская Г.Н. Коммуникативное поведение человека как отражение нравственных основ нации. Нравственность для XXI века: Сб.ст./Под. ред. Ю.М. Аноняна. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 97.
2. Maletzke G. Kommunikationswissenschaft im Überblick: Grundlagen, Probleme, Perspektiven.- Opladen. 1988. S. 44.
3. Макаров М.Л. Основы теории дискурса: Монография. М.: ИТДГК Гнозис, 2003. С. 38-43.
4. Бачинин В.А. Секулярный и теонимный типы нравственности: сравнительный культурно-антропологический анализ /В кн.: Возможна ли нравственность, независимая от религии?/Отв. ред. А.А. Гусейнов. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 10.
5. Гусейнов А.А. Возможна ли нравственность, независимая от религии? /В кн.: Возможна ли нравственность, независимая от религии? М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 9.
6. Луман Н. Власть. М.: 2001. С. 296.
7. Григорьев Б.В., Чумаков В.И. Межкультурные коммуникации. СПб.: ИД «Петрополис», 2008. С. 67-68.
8. Condson J.C., Yousef F. An Introduction to International Communication. Indianapolis: Boobs-Merrill, 1983. P. 262.
9. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении: Монография. М.: Флинта; Наука, 2009. С. 13, 133.
10. Kothoff H. Stilunterschiede in argumentativen Gesprächen oder zum Geselligkeitswert von Dissena// Hinnenkamp, Volker, Margrey Selting: Stil und Stilisierung. Max Niemeyer Verlag Tübingen. 1989. S. 187.
11. Овчинников В.В. Ветка сакуры. М.: Молодая гвардия, 1988. С. 9, 106.
12. Дымент Т.Л. Сформированность представлений о морали и интеллект современных подростков /В Сб. ст. «Нравственность для XXI в.». М.: Аспект Пресс, 2008. С.177.
13. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во МГУ, 2008. С. 54.
14. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие: Монография. Воронеж, 2001. С. 204.
15. Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты/ Пер. с англ. Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2010. С. 132.
16. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении: Монография. М.: Флинта; Наука, 2009. С. 193.

Методология анализа современных эффектов влияния религиозных организаций

А.Г. Климов

В статье анализируются особенности современного процесса модернизации, определяются значения межкультурной коммуникации в процессах взаимодействия религиозной организации с элементами социокультурной среды и рассматриваются такие формы реакции религиозных организаций на эффекты модернизации, как изменение характера социальной коммуникации и преобразование форм их взаимодействия с основными социальными институтами.

Исторические, социологические и социально-политические подходы, апеллирующие к конструкту "модернизация", объединяются тем, что выделяют в социально-динамических процессах (реформации, закономерной трансформации или осуществлении логики исторической динамики) состояние качественного отличия от предшествовавших и даже ранее неизвестных проявлений. Таким образом, задаваемые модернизацией направления исследования обладают общей ориентацией на выделение качественных изменений, природа которых уже может истолковываться как сдвиг, как системная трансформация, как синергетическая мутация и как осуществление закономерности исторического движения.

В силу этого представленность процессов модернизации анализируется в двух необходимых и неминуемых планах: по типам качеств, выявляющихся как новообразования, и по механизмам, подобные новообразования вызывающим. А особенности модернизации текущего периода при этом раскрываются в отличиях новообразований

от прежде освоенных новаций. И эти отличия представляют смену предшествовавших качественных подразделений истории (и историй) общественных систем вновь приходящими. Их существенная характеристика практически единодушно отмечается в затрудненных условиях выделения доминирующих тенденций.

Для наступающего периода свойственно еще и четко распознаваемое изменение в состоянии форм интеграции и интеграционных механизмов таких общественных элементов и процессов, которые значимо встроены в социальные порядки, общества, цивилизации и другие им подобные "мегаинтеграторы" (как, например, политическая система, страна, государство). Модернизация в своем качественном переходе в обновленное состояние превращает опробованные историей человечества формы из единственно возможных и абсолютных в варианты возможного будущего и сосуществующие механизмы регуляции этических, социальных и политических отношений между людьми. Отсюда, кстати, и возникают такие предикации, как поли-

■ Межкультурная коммуникация

вариативность и мультикультурализм. А процессы и возможные формы интеграции обращаются модернизацией в комплексные системы изменения качеств или парасистемные, даже "синергетические" переходы.

Рассмотрим, как эти актуальные для современного состояния обществ последствия модернизации проявляются в существовании и в качествах религиозной организации, ее месте в системе социальных взаимодействий и ее положении в социокультурном окружении, с одной стороны, и как они определяют состояние сферы международной коммуникации – с другой:

1. Модернизация, как процесс системный, затрагивает в первую очередь системные качества религиозных организаций. То есть она вызывает изменения в функциональном (определяющем характер ее связей и способы осуществления взаимодействий) и в структурном (задающим морфологические типы и особенности строения самой организации) планах. Именно они обеспечивают воспроизводство социальной целостности и проявления качеств социальных единств.

В собственном целевом назначении религиозные организации ориентированы на сохранение и воспроизводство исходного трансцендентного содержания (которое при наличии в религии верования передается через откровения или откровенное знание, а в более примитивных формах религии существуют как табуированная область таинственного) как структурными, так и функциональными средствами. Средствами, либо имеющимися в распоряжении организации, либо ориентирующими ее динамику на их приобретение либо генерацию.

Именно поэтому направленность модернизации на качественные изменения ставит религиозную организацию перед необходимостью преодоления противоречия между сохранением своего целевого ядра и адаптацией к потокам качественной изменчивости. Здесь проявляется и первое значимое качество религиозных организаций в условиях современной действительности – вне зависимости от типа и уровня исповедуемой религии религиозные организации подчеркнuto существуют в двух планах (утверждение заданного в вероучении сакрального содержания и при этой стержневой деятельности в соответствии с актуальными условиями социокультурной среды). Причем второй план, социокультурное соответствие в реальности организационных взаимодействий, то есть в общем социальном контексте существования религиозной организации в условиях настоящего периода, зримо преобладают.

2. Модернизация, как процесс современной (новой, новейшей и даже иной какой бы то ни было) истории, во взаимодействиях религиозной организации (равно как и представляющих ее социальных индивидов и коллективных социальных форм — структурных подразделений, групп, объединений) с отдельными элементами, их комплексами, феноменами окружения (среды, пространства), способствует проявлению противоречий социального типа. Причем в историческом

времени данные противоречия, оставаясь в неразрешенном состоянии, имеют тенденцию накопления. И повышение концентрации накопленных противоречий вызывает неизбежный сбой, при котором фоновая конфликтность, преодолеваемая на локальном уровне за счет ресурсов устойчивости или адаптивности организации, перерастает в состояние системного кризиса. Этот сбой может иметь открытый характер коллапса (в случае вызванных либо происходящих по внутренней логике усиления конфликтности революций) или же принимать вид системной дисфункции затяжного типа, когда несогласованность сохраняется в латентных формах.

Трудности согласования элементов общественной системы в процессах модернизации проявляются в плане качественности (предикативной детерминации как проявления индикаторов и свойств обусловленных). Это сказывается на кризисном состоянии сферы социальной и гуманитарной теории, и в плане взаимодействия, состояние которого отражается на кризисе сферы социального управления, которое вынуждено сочетать заявленные торжества либерально-демократического управления с самыми жесткими формами подавления негативных тенденций, от непопулярных санкций в миграционной политике, вплоть до применения военных действий.

4. Особенно важной в положении религиозных организаций становится медиативная роль в модернизации процессов социальной коммуникации. При этом значение международной коммуникации усиливается и как в плане взаимодействия между религиозными организациями. Эти взаимодействия далеко не исчерпываются экуменистским движением, диалогом религий и межконфессиональными отношениями, но определяют проекты и программы совместных действий в преодолении разногласий и решении конкретных насущных задач повседневной общественной жизни.

В современном разнообразии процессов модернизации к накопленным противоречиям, отражающимся в международных коммуникациях религиозных организаций, в первую очередь следует относить:

- противостояние исторически установившихся и актуально проявляющихся тенденций проявления экономических и политических суверенитетов;
- конфликт интересов в столкновении интеграционных процессов и процессов становления локальной (региональной, внутригосударственной) идентификации;
- несоответствия этнической, культурной и политической идентификации.

Реакции религиозных организаций на данные противоречия проявляются по двум основным линиям, соответствующим функциональному содержанию религии. Первая выражается в усилении заботы о вере как главном механизме выделения религиозного содержания, и проявляется в приспособлении существующих структур религиозных организаций под изменения социокультур-

ных условий их существования в социокультурной среде. Примерами здесь могут служить овладение религиозными организациями новыми формами социальной коммуникации или определение ими позиции в отношении к феноменам культуры, возникающим в процессах модернизации (в частности, к лабильности моральных норм, выступающей извращенным отражением соотношения терпимости и неприятия, к таким явлениям массовой культуры, как досуг, мода, СМИ, модели повседневной культуры, представляющие различные типы образа жизни).

Вторая линия ответов религиозных организаций на изменяющиеся условия выражается в активизации деятельности религиозной организации в социокультурном поле, в установлении и/или усилении ее связей с другими политическими институтами, прежде всего с исторически сложившимися: семьей, государством, армией, организациями, представляющими покаянную систему, а также с экономическими.

5. Отмеченные особенности процессов модернизации не могут не отразиться на состоянии сферы международной коммуникации, ее общих характеристиках, состоянии структурных (субъекты, доминирующие и сопутствующие формы), функциональных (изменения смысловых и ценностных аспектов содержания, трансформации и исчезновения прежних и возникновение новых дискурсов) компонентов. Религиозная организация, характеризуемая по необходимому организационным признакам как организация социальная, выступает как система взаимодействий, институционально оформленная в культовых практиках выделения существенного, абсолютного начала, жизни, деятельности, повседневных взаимоотношений между людьми.

Участие религиозных организаций в процессах модернизации и их влияние на состояние сферы международной коммуникации обуславливается

как внутренними процессами организационной динамики (активизация межрелигиозных и межконфессиональных диалогов, установка на понимание, разграничение влияния и распределение контроля, определяемые и проявляемые экumenизма, и попытками преодоления его эффектов в приспособлении теологических моделей к условиям современных обществ), так и внешними, выражающими современное состояние процессов модернизации.

На этом фоне меняются представленность и участие различного типа социальных организаций: общественные движения сливаются и функционально отождествляются с политическими, религиозные организации раскрываются в социальном плане как организации, осуществляющие экономическую деятельность¹.

В современных социальных порядках религиозные организации, продолжая воспроизводить исторически выработанные программы приоритетов в плане международной коммуникации, действуют и как опосредствующие ее формы и механизмы. Вследствие этого религиозные организации начинают принимать все более широкое участие в определении культурных и, в завуалированном виде, экономических и политических аспектов межкультурной коммуникации².

Klimov A.G. Methodology for the analysis of the effect of modern religious organizations.

Summary: The contemporary specifics of modernization processes are analyzed in the article. There defined the significance of intercultural communication in the processes of interaction between religion organization and the elements of socio-cultural surrounding. And there are observed such reactions of religion organization to the modernization-effects, as character of social communication change and the transforming of the interaction with the main social institutes (family, state, institutes of economy).

Ключевые слова

Модернизация; специфика религиозной организации; специфика религиозной организации в коммуникации; специфика международной коммуникации как разновидности коммуникации социальной; влияние религиозных организаций; социальные эффекты религиозных организаций и эффекты современной фазы модернизации.

Keywords

Modernization; specifics of religion organization; communicational specifics of religion organization; specifics of international communication in social one; the influence of religion organization; social effects of religion organization and the impact of contemporary faze of modernization.

Примечания

1. Яркий и одиозный тому пример — отражение тотального экономического кризиса Греции в процессе над православным игуменом по вопросам операций с недвижимостью.
2. Тут уместно напомнить о значении и культурном резонансе открытия границ с Польшей, состоявшегося в 90-х гг. по инициативе Иоанна Пия XII.

Метаморфозы социальных организмов в свете трансформации культурных границ: глобальные следствия модернизационных процессов

М.В. Силантьева

Статья раскрывает фундаментальные противоречия глобализационных процессов, оказывающих все более возрастающее влияние на содержание и форму межкультурной коммуникации в современном мире. Анализируются возможности и перспективы исторически новых форм культурного взаимодействия и противостояния.

Процессы модернизации, охватившие в начале европейский континент (а затем и большую часть Земли, включая труднодоступные и даже «дикие» места), сегодня вышли из-под контроля самих модернизаторов – ученых, производственников и политиков... Семена генномодифицированных растений распространяются по земной поверхности, «не спрашивая разрешения»; искусство неоархаики не знает границ, как не знает границ и неоархаическая мораль, заметным образом оказывающая давление на право (требования изменить семейное законодательство и т.д.).

Геополитические субъекты и политические единицы трансформируются подчас до неузнаваемости, далеко не всегда опираясь при этом на «проект» того или иного «архитектора». Сознание пользователей персональных компьютеров подчас деформируется до состояния игромании

(нарушения системы «обратной связи» в коммуникации с реальным миром, трансформации в понимании необратимости времени и т.д.) помимо воли самого участника работы Глобальной Сети...

В последнее время модно говорить уже не только о трансформациях (включая радикальные), но и о *метаморфозах* социальных систем. Речь идет о процессах «глокализации» в ее коммуникативно-ценностном измерении, когда регионализации больших и деструкции меньших по объему социокультурных организмов стали явно демонстрировать свою зависимость от процессов межкультурной коммуникации и вызываемых ими ценностных сдвигов и диффузий. Транзит и мутации «глобализированных» культурных форм, носителями которых выступают индивидуумы и группы, таким образом, оказывают обратное влияние на макросоциальную реальность.

Силантьева Маргарита Вениаминовна – д.филос.н., профессор кафедры философии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: silvari@mail.ru

В результате на основании новых культурных форм создаются новые социальные и политические конфигурации. Тенденции, с одной стороны, укрупнения сложившихся социально-политических структур (Евросоюз, ШОС и т.д.) соседствуют здесь с тенденциями разложения прежде масштабных конфигураций (при ослаблении их экономики и угасании политической воли, объединяющей организмы и противостоящей социальной апатии). Не следует, однако, думать, что данные процессы носят линейный характер. На деле перед нами именно метаморфозы, далекие от простого «сложения» и «вычитания». Равно как не следует определять глобализацию исключительно в негативных либо позитивных тонах: она не является одномоментным деструктивным (либо конструктивным) процессом, имеющим исключительно «объединительную» функцию.

Выявляемая аналитиками глобализации динамика нелинейных связей, развертывающаяся наиболее заметным образом в нестабильных регионах – на постсоветском пространстве, Балканах, Кавказе и т.д. – демонстрирует перерастание новых культурных форм в коммуникативное единство нескольких типов. К ним относятся:

- неофеодализм (этноклановая политическая организация);
- неорабство (бюрократическая и экономическая формы этнократии);
- неолиберализм (дистантное подчинение на основе либерального права как сопротивление возрастанию роли этнического фактора в жизни социума) и т.д.

При анализе названных типов новых социальных «монад» одним из главных становится вопрос о новых социальных интеграторах – достаточно сильных, чтобы «стягивать» социальное пространство в целостное образование, и вместе с тем настолько внутренне структурированных, чтобы не доводить процесс «стягивания» до крайности тоталитаризма. Последний, как показал опыт XX в., имеет неменьший разрушительный потенциал, чем «парад суверенитетов».

Имея в виду специфику межкультурной коммуникации в условиях информатизации, можно с определенной долей уверенности утверждать, что организация социального пространства оказывается зависимой и от существующих стереотипов его восприятия индивидуальными акторами коммуникации и их технизированными «проекциями». Эти стандарты «подстраиваются» под новые сетевые стандарты «дальнодействия», в чем, в частности, проявляется принцип «тотальной номинализации» современной культуры, беспокоивший еще Ф. Ницше¹. На первый план философско-культурологического анализа в этом случае выходит проблема «культурной границы» в социальном и политическом аспектах.

Что такое «культурная граница»? Данный концепт имеет множество интерпретаций, от сугубо этнических («славянство») до глобально-конфессиональных («христианство») или национально-конфессиональных (конгруэнтных границам

национально-государственным – «русское православие»). При этом нередко имеет место использование такой политической лексики, когда один из смыслов репрезентирует другие, выполняя консолидирующую функцию в стремлении «собрать все флаги», даже если такое собрание привлечет одновременно «под шапку» одной культуры весьма непохожие социальные силы. В качестве примера можно рассмотреть «первичное» историческое объединение представителей разных этносов и конфессий по лингвоисторическому основанию («все говорящие по-русски – русские»), трансформируемое затем по идеолого-конфессиональному основанию во «вторичное» историческое объединение – новый «русский цивилизационный тип» (через указание на тождество культурного единства русских с православием, а православия – с истинным христианством глобального масштаба). Так с помощью определенных политтехнологий культуuroобразующие признаки редуцируются до единственного показателя. Затем этот показатель подается как «вбирающий в себя все богатство и сложность». На деле подобное сведение, разумеется, обедняет его; но вместе с тем на время повышает консолидирующий потенциал (по крайней мере, в смысле масштабности объединительных акций).

Изменение типа социальной организации, получившее название «зон проблемной государственности»² (или еще резче – «постгосударственности»), – результат тенденции ослабления политического и экономического единства стран, не входящих в число лидеров экономического производства. Они, как правило, составляют резерв «колоний потребления» по принципу «быстрого гедонизма» на фоне амальгамирования гетерогенезированных субструктур социумного целого³.

Фактором, интегрирующим такие социумы «изнутри», становится уже не власть, как таковая, а те ее «изводы», которые все дальше от экономики и политики в собственном смысле слова. Общим объединительным признаком здесь выступает «культура» в ее целостном понимании⁴, которое не всегда удается детализировать по конкретным сегментам культурной деятельности. Подобное понимание, фиксируя «непрозрачный остаток», коренящийся в природе объединительных сил социумного целого, тем не менее представляет и возможность заведомого сужения объема понятия «культура», позволяющее манипулировать сознанием масс на уровне базовых ценностных аксиоматик.

«Культурный интегратор», таким образом, – чрезвычайно востребованный сегодня феномен. Представлен ли он целостно или «разбит» на «этно»интегратор (по принципу кровного родства), «лингво»интегратор (языковое единство); «полит»интеграцию (по принципу единства политической воли групповых социальных акторов «среднего уровня») или интеграцию конфессиональную (на основе гражданского прочтения религиозной символики) в любом случае политическая и научная лексика выдает тот «запрос на культуру», который сегодня очевиден. Очевиден настолько,

■ Межкультурная коммуникация

что в пору говорить о рождении из этнонимов уже не политонимов, а «культуронимов».

Определенный интерес в данной связи представляют наметившиеся трансформации различных уровней организации социального пространства; причем с попыткой учесть соотношение новых его «видов» с существовавшими в истории конфигурациями социального целого. Понятие «культурной эпохи», имеющее сегодня, если можно так выразиться, «нелегитимное» хождение в научной гуманитарной литературе, проливает свет на современные подходы к трактовке подобных социальных целостностей как своего рода «организмов», живущих определенное время и спаянных теми или иными интегрирующими началами.

Наиболее «сильным» из подобных начал в наши дни продолжает считаться (несмотря на открытое Марксом значение экономико-социального интегратора) начало религиозно-идеологическое. Действительно, сакральное измерение даже для сторонников когнитивного его истолкования⁵ представляется наиболее глубоким, затрагивающим такие слои личности, проникновение в которые иным, более «меркантильным», психосоциальным программам «заказано». Искключительная власть, проявляющая себя на уровне сакральных ценностей, отличается высокой степенью «антиманипулятивной защиты»: определяя стратегию поведения личности, эта область сознания сама по видимости не определяема ничем, или, как принято говорить, «определяется свободой».

В целом бесспорно, что «духовное измерение», стягивающее социальные общности в единое целое того или иного типа, безусловно, мощный интегратор, потенциал которого сегодня никоим образом нельзя считать исчерпанным. Однако до сих пор остается спорным вопрос о том, насколько этот интегратор можно считать базовым именно для решения социальных проблем: как известно, в известной притче Христос ответил фарисею: «... Богу – Богу, а Кесарю – Кесарево». Мнения по данному вопросу разделились между двумя крайностями: «симфонии властей» и «государство – это шайка разбойников».

Причем в современной политологической мысли существуют определенные разночтения и по вопросу о том, насколько именно религиозная интеграция является определяющей при создании национальных государств. Если говорить о национальных государствах в смысле складывания буржуазных наций, такие государства – феномен сравнительно молодой. По своему аксиологическому потенциалу буржуазное общество, живущее по законам производства и потребления, сопоставимо с экономико-политическим «проектом» Римской империи. Данная аналогия позволяет проследить возможные сценарии перспективного развития макросоциальных процессов по сценарию «атлантической цивилизации», достаточно подробно исследованные ведущими аналитиками современности⁶.

Интересно, что в этих сценариях «религиозной скрепе» отводится значительная роль (прежде всего, в смысле идеологической централизации ценностных знаменателей общекультурного социумного целого). Действительно, разделение по конфессиональному признаку в обозримой исторической перспективе нередко приводило к национально-политическому отделению тех или иных территорий от «большого» геополитического целого, «тянувшее» за собой языковые и культурные дивергенции, часто антагонистического типа. Так было не только с Индией и Пакистаном, а также Сербией, Хорватией и Боснией. Сходные процессы наблюдались в связи с государствами, конфессиональная ориентация которых к VI в. окончательно определилась как независимая от Византийской империи принадлежность к Ориенталистскому (Древневосточным - Нехалкидонским, то есть не принявшим решения Халкидонского Собора 451 г.) церквям. В их числе – Коптская (Египет), Эфиопская, две Армянских (Эчмиадзинский и Киликийский католикосаты), Сиро-Яковитская, Маланкарская (Индия) и Эритрейская церкви⁷.

Как известно, процесс политического выделения ряда перечисленных стран (включая, например, Египет и Сирию) из поля притяжения Византии происходил под флагом религиозного несогласия и привел к восстановлению политической независимости. Особая роль в этом процессе принадлежит так называемым «ересархам» – своего рода «разработчикам неклассических программ» религиозной догматики и религиозного поведения. Так, например, учение Севира Антиохийского с опорой на тексты Климента Александрийского обосновывает монофизитство, неприемлемое для ортодоксально-православных последователей того же Климента⁸. Религиозная автономия, полученная в результате схизмы, повлекла за собой политический суверенитет, явившись его первым шагом. Можно констатировать: идеологические стандарты способны оказывать влияние не только на переориентацию уже сложившейся политико-государственной общности (какой была Римская империя к моменту распространения христианства) или на складывание централизованного государства на основе родоплеменной общности (как это, очевидно, было на Руси). При определенных условиях определение политических границ связано с конфессиональным импульсом, разлагающим исходное политическое единство и создающим ряд новых конфессионально-политических центров (похожим образом сегодня проявляет себя процесс автономизации некоторых православных церквей – например, Украинской и Македонской).

Напомним, однако, что религиозный интегратор изначально выступал именно в качестве «суперинтегратора», претендующего на «стягивание» макросоциального, глобального, а не национально-государственного уровня. Данное противоречие заставляет предположить, что

сам по себе религиозный интегратор может использоваться в политических играх по-разному. При этом он проявляет свою индифферентную («Кесарю – Кесарево...») к политике сущность в амбивалентности возможных политических предпочтений. В этом смысле Церковь (и любое религиозное объединение, претендующее на реализацию статуса представителя мировой религии) – организация, государству скорее «перпендикулярная», нежели «параллельная». Наличие подобной «двойной опоры», возможно, и придает религиозно ориентированным социумам сравнительную устойчивость по отношению к сугубо «потребительским»...

С другой стороны, если государственность понимать шире – как не совпадающую с конфессиональной определенностью конкретную стадию цивилизационного развития, – то приходится признать, что время жизни государственных образований не всегда прямо коррелирует не только с наличием общих религиозных ценностей, единых для всей страны, но и с наличием единого языка! Примеры тому не так уж редки. Древняя китайская государственность сохраняется на протяжении тысячелетий при трансформации политической системы, идеологии; в полиэтнической и полирелигиозной среде. Ей не стало помехой наличие более ста «диалектов» (или, скорее, языков); даже некоторая неустойчивость современного китайского языка как «языка межнационального общения» (по крайней мере, в письменной его стандартизации) не мешает гражданам Китая чувствовать себя именно гражданами Китая, в какой бы стране они ни находились. Пресловутый промышленный шпионаж китайских граждан, столь часто ставящий российские фирмы на грань банкротства – зримое свидетельство четкой идентификационной ориентации китайцев на свое государство.

Другой пример. Современные египтяне твердо относят себя к единой нации, несмотря на поликонфессиональность (копты и мусульмане), многочисленные этнические «вливания» (от древних эфиопов и гиксосов до арабов и французов) и даже смену языка. Так, по мнению некоторых авторов-коптов⁹, коптский извод народного демотического древнеегипетского языка был вытеснен из разговорной речи к Х в., оставшись языком богослужения (которое, кстати, сейчас впитывает в себя все больше элементов арабского разговорного языка). Что не мешает культурному и гражданскому единству египтян¹⁰, проявленному, между прочим, и в полные трагизма и надежды дни «арабской весны» 2011 г., когда религиозные церемонии коптов и мусульман, проходившие на площади Тахрир, осуществлялись под взаимной охраной представителей другой религиозной деноминации.

Что скрепляло и скрепляет единство этих государств? Национальная психология? Общее культурное наследие, которое при всех исторических трансформациях, завоеваниях и «перетрясках» оказалось способным транслировать свой колоссальный духовно-нравственный по-

тенциал на любом языке? Сама идея государственности как общность территории, связанной с памятью предков и культурно-значимыми смыслами, открытыми ими?

Итак, альтернатива «старых» государственных образований заставляет задуматься о тех типах социальных интеграторов, которые несводимы в чистом виде ни к одному из известных сейчас, включая интеграторы религиозные и языковые. Поиск методологии детализированного определения тех качеств социальных интеграторов, которые требуются от них в эпоху кризисов и радикальных трансформаций, – одна из важных задач гуманитарного знания в наши дни. Поэтому, думается, справедливо утверждать, что попытка изучение социума именно как культуры (а не только отдельных ее сегментов – политики, экономики, религии, языка и т.д.) – это стремление рассматривать общество целостным образом. Речь идет о попытке «учесть неучтенное» – те факторы, которые латентно присутствуют как интегрирующие социальное целое, однако до сего дня не выявлены в качестве таковых. Духовная аксиоматика, безусловно, входит в предполагаемую систему интеграторов в качестве определяющего. Однако формы ее проявления в тех или иных сегментах культуры – ее, если можно так выразиться, «психосемантики», – несводимы к традиционным («единство исторической судьбы, языка, верований, традиций и обычаев и т.д.»). Более того, политико-экономическое единство также раскрывает себя в этой системе весьма сложным (а иногда и парадоксальным) образом.

Подчеркнем: все разговоры о культуре как о «мягкой силе» останутся лишь благими пожеланиями, если сущность самой культуры не будет ясна для транслирующих ее социальных институтов. Разного рода симуляции, успешно продвигаемые сегодня на рынках управления, образования, политики и экономики, – не просто угроза «мягкой силе». Скорее, это стратегии ее планомерного разрушения, произвольно и непроизвольно вклинившиеся в саму структуру современной культуры и разъедающие ее изнутри. Дефицит подлинности, переживаемый многими нашими современниками, – один из ярких симптомов современного кризиса, постигшего не только экономику и политику, ценностные ориентации и языковые реалии. Культура как целое, способное задавать границы эмпирическому существованию отдельного в рамках общего (читай: национальных государств в рамках человеческого сообщества; единичного человека – по отношению к человечности как таковой и т.д.), не избежала кризиса, как и отдельные сферы духовной и материальной жизни общества и человека.

Идея нелинейного характера развития социальных организмов (проще говоря, нет единой истории человечества; развиваются только конкретные социальные общности) не отрицает тот факт, что что-то общее у людей все-таки есть. Любое сотрудничество требует – не может не опираться – на такое «общее». Таким образом, не

■ Межкультурная коммуникация

только «конструирование ценностей» выгодное для своего социального слоя, является делом элит. Без опоры на что-то более или менее устойчивое (например, языковое, нравственное и т.д. единство) человечество вообще не может коммуницировать (ни по каким вопросам). И более того, не может существовать.

По сути, информационная эпоха поставила вопрос о поиске новых «категорий глобальной культуры» – объемных понятий, создающих основу новой социокультурной идентификации.

Silantjeva M.V. Metamorphosis of social organisms in light of transformation of cultural boundaries: global consequences of modernization processes.

Summary: *The article reveals the fundamental contradictions of the globalization processes that have growing influence on the content and form of intercultural communication in the modern world. The possibilities and prospects of historically new forms of cultural interaction and confrontation.*

Ключевые слова

Метаморфозы, неолархаика, трансформации, конфигурации, неолфеодализм, неоларбство, этнократия, неоллиберализм, новые социальные интеграторы, проблемы культурной границы.

Keywords

Metamorphoses, neolarchaika, transformation, configuration neofeudalism, neolabstvo, ethocracy, neoliberalism, new social integrators, problems of cultural boundaries.

Примечания

1. Ср.: Щербакова Е.В. Культурология Ф. Ницше в контексте европейской художественной культуры XX века. Коломна, 2010. С.45-51.
2. Ильин М.В., Кудряшева И.В. Кризисы суверенитета в современную эпоху. Предисловие / Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности / Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшевой. М., 2011. С.4-19.
3. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2002. С.308-320.
4. Ученые: Выбор имени ребенка неслучаен. Электронный ресурс: http://deti.mail.ru/news/roditeljam/uchenye_vybor_imeni_rebenka_ne_sluchaen/ (дата обращения: 29.10.2012).
5. Ереско М.Н. Социальный статус религиозной личности: когнитивное измерение. Электронный ресурс: http://www.isras.ru/abstract_bank_congress4/746.pdf (дата обращения: 08.03.2012).
6. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С.167-215; Панарин С.А. Искушение глобализмом. М., 2003. С. 66-71, 96-155, 268-300, 308-320, 362-408.
7. Давыденков О.В. Философско-догматическая система Севира Антиохийского и ее место в истории Византийской философско-теологической мысли. Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2008. С.5.
8. Там же. С. 22-28.
9. Архив автора.
10. Мона Халиль. Мифы о коптах. Электронный ресурс: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=fresh&id=1230> (дата обращения: 09.03.2011).

О модернизации и взаимной славянской коммуникации

(Философия скепсиса в отношении современного глобализма)

А.М. Петрович

В статье предлагается обоснование необходимости синтеза гегелевского учения о творческом содержании движения Абсолютного духа с положениями философии Всеединства В. Соловьева. В свете этого синтеза выделяется ограниченность позитивистской феноменологической и хайдеггеровской концепции бытия. Проведенный автором анализ позволяет охарактеризовать как неприемлемые и теоретически бесперспективные попытки подавления религиозно-культурного единства славянского мира со стороны евроатлантических сил.

Историософская концепция свободы и религиозности в истории культуры начала XX в. была сформулирована как идея Всеединства. Она раскрыла символизм конкретного мира в иерархизации тварного и сущностного. Было также выдвинуто учение о богочеловечестве, являющемся универсальным и одновременно ортодоксальным. Напротив, «позитивное мышление» и его последующие модификации – плоды цивилизации и философии, обслуживающие западную социальную действительность. При этом бесспорные успехи западной цивилизации в создании индустриального и постиндустриального общества не являются обоснованным критерием оценки истинности философской позиции и самой истины.

Аффирмативность, усматриваемая разумом, есть положительность бесконечного в отличие от «позитивности» как косной положительности¹. Лишь такое бесконечное, которое прорывает и снимает всякую границу, бесконечно поистине и тем самым «аффирмативно»².

В философии Гегеля бытие проявляется через борьбу (с уклоном в традицию метафизики) ради уmozрения теории; оно всегда действенно только там, где достигается уяснение теории³. В гегелевской концепции «конечное» само по себе не имеет ничего положительного. Бесконечное же, как конкретное «снятие» конечного, есть уже отрицание отрицания, то есть бесконечная положительность, «аффирмативность», которую выражает категория «конкретного».

И.А. Ильин полагал, что именно Гегель возродил этот термин, раскрыв его величайшую значи-

тельность⁴. Катарсис познания состоит в том, что от «конкретно-эмпирического» отмечается «эмпирический» характер, но сохраняется идея «конкретного». От «абстрактно формального» же отделяется «формальный» характер, но сохраняется идея «абстрактного». Бытие присутствует и является только в той мере, в какой оно выступает с притязаниями по отношению к человеку.

Феноменологическое движение осуществило переход от позитивистских научных концепций к спекулятивным. Определив в «Бытии и времени» трансцендентальный горизонт здесь-бытия⁵ (*Dasein*), развивая затем на этой основе свое понимание временности и историчности, Мартин Хайдеггер пытался, с одной стороны, выйти из контекста субъективного идеализма, который, по его мнению, разделял Гуссерль⁶. Но в своих размышлениях об истории западной философии и об истории Запада в связи с историей бытия Хайдеггер не осознал восточные измерения этой проблемы. Или не владел достаточными знаниями в сфере восточных философских проблем.

С прошлым вообще не может быть разрыва. Наоборот, с такой точки зрения открываются перспективы, на которые Гуссерль старается указывать, ссылаясь и на Декарта, и на Платона, на способность отстраниться от данных чувственного восприятия, которое может достичь такого априорного теоретического уровня, когда выделяются самые основные структуры, руководящие историей Запада и укореняющие ее в Логосе⁷.

В дальнейшем в своей работе «Оправдание добра» В. Соловьев утверждал, что недопустимо уста-

■ Межкультурная коммуникация

навливать «одностороннюю зависимость этики от положительной религии или же от умозрительной философии такую логосную зависимость, которая отнимала бы у нравственной области собственное содержание и самостоятельное значение»⁸. Имеет место и иное: «Радикальный релятивизм и прагматизм в сочетании с практикой модного образа жизни порождают весьма специфическое состояние души, при котором вопрос о бытии Божиим, не получая отрицательного ответа, утрачивает – заодно со всеми остальными «последними» – всякую серьезность. В перспективе феноменологии человеческих типов это гораздо страшнее, нежели атеизм»⁹.

Стерильный прагматизм западного мышления и дешевые попытки бегства в идеологическую нейтральность, который обнаруживается, например, в аналитической философии, может быть превзойден только глубокой рефлексией о всемирной отзывчивости человеческой души сознанием взаимосвязи бытия философии и бытия собственной культуры. Кризис продуцировали характеры, разделявшие учение о неизбежности грядущей катастрофы. Их действия останутся столь же ограниченными, как и их цель. «Субстанция действия, а следовательно, и самое действие вообще, обращается против того, кто совершил его; оно становится по отношению к нему обратным ударом, который сокрушает его... Ведь таковой пустоте, как добро ради добра, вообще нет места в живой действительности. Если хотят действовать, следует не только желать добра, но и знать, является ли то или иное добром»¹⁰. Может быть, что фобии от

«европейского балласта» занимают больше места в духовных переживаниях современной Европы, чем бесконечная задача понимания духовного исторического лика и его назначения. Давно известно, что подобная установка – путь к варварству.

Современный кризис философии в своей основе порожден своеволием и симуляциями. Это усиливает элементы турбулентности в противоречивых процессах общественного развития. Симулякры ведут к необратимой утрате исходных метафизических начал экзистенции¹¹. Эти факторы способствуют утрате национальных славянских ценностей, непрерывно держат сербов в состоянии неопределенности, в интересах мультинациональных компаний евроатлантических интеграций. Благодаря помощи „больших славянских братьев“, славянского мира в целом сербы будут сопротивляться и восстановят коммуникативные связи со славянским миром на уровне его подлинных культурных достижений¹².

Petrovich A.M. Modernization of the Slavic and Mutual Communication (Philosophy of Skepticism with Regard to Modern Globalization).

Summary: The article offers the rationale for the synthesis of Hegel's doctrine of the creative content of the movement absolute spirit of unity with the terms of philosophy of Vladimir Soloviev. In light of this synthesis have a limited positivist and phenomenological conceptions of existence. Analysis conducted by the author allows us to characterize as unacceptable and theoretically hopeless attempts of suppression of religious and cultural unity of the Slavic world by euroatlantic forces.

Ключевые слова

Культурологические феномены, духовное наследие, евроатлантические интеграции, историческое бытие, глобализм.

Keywords

Culturological phenomena, spiritual heritage, euroatlantic integrations, historical being, globalism.

Примечания

1. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Ред. Н.А. Никитина; Вступ. статья К.А. Сергеева, Я.А. Слинина. СПб.: Наука, 2002. С.2.
2. См., напр.: Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия... Т. 1. С. 350.
3. На основе категории становления мы стремимся обнаружить добро, которое всегда должно быть лучшим и наилучшим. Это «бдение» Аристотель назвал «Phronesis».
4. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб.: «Наука», 1994. С. 135.
5. «Здесь – бытие» по переводу В. Михайлова, но также и большинства русских эмигрантов /С. Франк, Н. Бердяев.../; «присутствие» – по переводу В. Библина, см.: Хайдеггер. М.: Бытие и время. М., 1997.
6. Уже начиная с четвертого абзаца «Бытия и времени», то есть с абзаца, где впервые включается в текст и определяется Dasein, и Гуссерль подчеркивает факт, что Хайдеггер отождествляет здесь «Здесь-бытие» /Dasein/ с понятием человека. После этого замечания Гуссерль удивляется тому, что Хайдеггер может опереться на такое «присутствие» /Dasein/, чтобы обосновать сущее в его целостности, включая и совокупность исторического становления. Гуссерль сожалеет о том, что Хайдеггер подвергает весь горизонт мира своей изначальной антропологической точке зрения. Отстаивая свое желание освободиться от всех философских предрассудков, занимать совсем априорное положение и выделить основные структуры, позволяющие человеку иметь отношение с внешним миром, Э. Гуссерль упрекает своего прежнего студента в антропологизме и в историцизме.
7. Логос обнаруживается тогда, когда он сам даст возможность говорить о том, что обнаруживается в имманентности к себе. Августин скажет: «Deus ineffabilis est; fatilius dicimus quid non est, quam quid est». Husserl E. Die Krisis des europäischen Menschentums und die Philosophie // Husserl, E.: Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie, Hrsg. W. Biemel, Husserliana Bd. VI, M. Nijhoff, Den Haag, 1962, S. 314–348.
8. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 100.
9. Аверинцев С.С. Несколько соображений о настоящем и будущем христианства в Европе. Источник: Нравственные ценности в эпоху перемен. М., 1994.
10. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Пер. с нем. А. М. Водена; ред. Н.А. Никитина. Вступ. ст. К.А. Сергеев, Ю. В. Перов. СПб.: Наука, 2000. С. 80.
11. Бойко Павел Е. Становление понятия всемирной истории: историко-философский очерк / Под ред. Г.В. Драча. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2006.
12. См.: Бойко Павел. Судьба Косово и Метохии в контексте философии истории христианского мира; Бойко Л.А., «О сопротивлении злу силою»: идея славянского народа в свете философии христианской культуры И.А. Ильина; Тацян А. О логике исторической жертвы; Рачева Ц. Асимметрия и интеграция исторического бытия; Силантьева М.В. Трансцендентальные мосты между временем и вечностью; Глаголев В.С. Жертвенность и терпение как онтологические реалии экзистенции и т.п. В Сборнике: «Косово и Метохия в цивилизационных течениях (Косово между трансценденцией и экзистенцией)», Косовская Митровица – Белград, 2009.)

Полемические размышления о возможности полемики в современной философии

М. Узелац

На вопрос, возможна ли полемика в области философии в наше время, автор отвечает негативно, исходя из следующих соображений: в ранние эпохи реального столкновения мнений не могло быть, поскольку все философы находились внутри целостного понимания мира и их учения не противоречили друг другу; сегодняшние мыслители не обладают больше представлением о мире, которое могло бы их объединить и дать им единое основание для формирования спекулятивных понятий.

Ровно полвека назад Г.Г. Гадамер опубликовал небольшую работу под названием «Unfähigkeit zum Gespräch», в которой попытался ответить на вопрос: каким образом были утрачены предпосылки, определявшие возможность диалога – и шире, разговора вообще – между людьми, или как бы мы сегодня сказали, на чем основывается коммуникация внутри некой социальной общности? Этот вопрос, как мне кажется, в современном мире вошел в категорию «вечных», и его можно рассматривать с различных точек зрения. Мне бы хотелось обратиться к нему на примере философии, сузив и отчасти переформулировав его, и рассмотреть проблему возможности / невозможности разговора между философами и философскими направлениями, которые они представляют.

Выбранная тема звучала бы так: возможна ли коммуникация между философами и философскими школами в современных условиях «плюрализма» и «релятивности»? И, более того, в какой мере она вообще возможна, если принять во внимание, с одной стороны, опыт философских школ предыдущих эпох, а с другой – необыкновенную плодотворность современных философов (или тех, кто себя такими считает)?

Вероятно, о борьбе различных взглядов, о дискуссиях и философском диалоге между мыслителями, прежде всего философски ориентированными теологами, можно было бы говорить применительно ко времени высокой схоластики в XIII в. Но какими бы глубокими ни были различия во взглядах доминиканцев и францисканцев и их виднейших представителей Бонавентуры и Фомы Аквинского, их споры все-таки были «внутрисемейным» выяснением отношений, а не некой стратегически непримиримой полемикой, в которой невозможно дойти до взаимопонимания. Можно было бы даже сказать, что в их случае существовал некий общий молчаливый договор, который никто не пытался оспорить. Борьба католической церкви в лице доминиканцев и францисканцев против латинских аверроистов, закончившаяся для ее участников по-разному – Бонавентура и Фома были причислены к лику святых, а их соперники стали изгнанниками или были осуждены на заключение, – в своей основе оставалась дискуссией разных точек зрения на суть учения Аристотеля.

Даже часто приводимый в пример знаменитый спор номиналистов и реалистов в са-

■ Межкультурная коммуникация

мом своем начале был скорее недоразумением, возникшим из неверного понимания учения Платона, чем действительно полемикой, затрагивающей суть этого учения. И только позднее, когда участники того недоразумения были практически забыты, оно получило в истории свою «схоластически» определенную форму – форму спора.

И во времена Ренессанса, когда вновь появились различные философские точки зрения, хотя это время не привносит ничего нового, кроме углубленных подходов к обновлению и интерпретации старых идей, также трудно говорить о борьбе философских мнений. Этот период характеризуется скорее нюансами внутри одного и того же миропонимания, чем противопоставлением и столкновением идей. Хотя необходимо понимать, что «нюансы» были таковыми, что из-за них теряли жизни (правда, в этом было и много личного – намного больше зависти и неприязни, чем искреннего поиска истины).

Начало Нового времени ознаменовалось крупными философскими спорами между университетскими неосхоластическими, однако содержание этих споров в величайшей мере принадлежало средневековому прошлому. Их темы существенно отличались от тем, которые формулировал Декарт. Именно поэтому между профессорами Сорбонны и Декартом не могло быть настоящей полемики: будучи современниками, они принадлежали духовно различным временам.

Вся позднейшая философия от Декарта до Гегеля сегодня нам представлена как непрерывная нить, в ней содержится меньше противоречий между философами, а больше точек соприкосновения и взаимопроникающих идей, что только подтверждает единство метафизического основания философии.

Первый настоящий «философский спор» мог бы быть обнаружен историками философии между учениками и последователями Гегеля, но если посмотреть на этот факт с некой дистанции, он будет выглядеть несколько проблематичным. И старогегельянцев, и младогегельянцев связывала принадлежность к господствовавшей в умах гегелевской философии, бывшей в то время мыслительной вершиной, поэтому на второй план отходит вопрос, в какой мере одни защищали Гегеля, а другие оспаривали. Факт остается фактом: ни одни, ни другие не могли выйти из тени великого мыслителя, с именем которого закончилась история философии и которого можно сравнивать только с Аристотелем.

Пребывая в постгегелевском периоде, мы являемся свидетелями того, что все современные философские направления или в определенной степени исходят из философии Гегеля и таким образом остаются в ее тени, или предпринимают попытку полностью ее отрицать, но при этом ни на шаг не отходят от нее, в лучшем случае достигают некоего «подуровня» гегелевской философии и, вопреки видимости «современ-

ности», остаются антикварными. Невозможно не согласиться с мыслью Ж.-П. Сартра о том, что философия Гегеля и философия Маркса останутся философиями нашего времени до тех пор, пока не будут преодолены категории, которые их обусловили.

Наше время, если так можно выразиться, «свободно» от столкновения философских школ, поскольку в нем нет ни великих философских школ, ни великих философов. Факт остается фактом: после Гегеля ни один из крупных философов не имел хотя бы два поколения своих последователей. Если кто и мог бы претендовать на это, прежде всего это был бы Э. Гуссерль, с именем которого связано одно из самых мощных философских течений XX в. – феноменологическое.

И хотя Гуссерль в течение всей своей жизни руководствовался идеей о философии как о строгой науке, которую, по его представлениям, как рабочую философию, как идею бесконечной миссии будут создавать поколения будущих философов, уже непосредственные и верные его ученики констатировали, что после недолгого «духовного воодушевления» каждый из феноменологов пошел своим путем, что особенно характерно для самого талантливого ученика Гуссерля и крупнейшего мыслителя прошлого столетия – М. Хайдеггера. Но за Хайдеггером – возможно, по причине всеохватности его философии, возможно, вследствие его духовной величины и мыслительной глубины – не пошел никто, и в его случае невозможно говорить ни о какой философской школе.

Сам Гуссерль обращался к вопросу о спорах философских школ, но он имел в виду не столкновение равноправных, одинаково достойных философских позиций, а спор, в котором участвуют скептические философии, как нефилософии, с одной стороны, и жизненные философии, с другой. Ко второй группе, по Гуссерлю, относится феноменология, а ей противопоставит не какая-то другая философия, а не-философия, воплощенная в скептицизме, ставшим болезнью нашего времени. Скептицизм зачарован природными науками, только в них видя действительную ценность. Как отмечал Гуссерль в работе «Философия как строгая наука» (1911 г.), «наше время хочет верить только в «реальности». И вот его прочнейшей реальностью является наука». Поэтому, скорее всего, можно говорить о полемике науки и философии, чем о споре различных «философий». Но такое предположение ошибочно методологически, поскольку философия и наука находятся на различных уровнях; кризис современных наук, о которых говорил Гуссерль, является последствием проникновения рационализма в натурализм и объективизм и его (рационализма) реализации, а не опровержения самой сути рационализма.

Современные науки потеряли свою универсальную ответственность; вопросы бытия, ценностей и экзистенции они считают софист-

скими; рядом с современной наукой, манифестирующей свою самодостаточность, философия оказалась отодвинутой к периферии человеческой духовной деятельности. Антагонизм современных наук и философии поставил под сомнение саму необходимость занятия философией. Таким образом, проблема возможной осмысленной и плодотворной полемики в философской среде, отражающей столкновение различных точек зрения, потеряла в наше время всякую актуальность, более того – сама философия затормозилась в своем движении.

Согласно Гуссерлю, самая большая опасность для Европы крылась в усталости как последствия неверия и отчаяния, созданных вокруг себя одной не-философией, в которую переродилась философия, зараженная скептицизмом, берущим начало в натурализме и психологизме. Сегоднешняя философия исполнена индолентностью, неверием, ощущением ненужности, которые усиливаются при любой критической атаке как со стороны прикладных наук, стремящихся к немедленной реализации достигнутых результатов, так и со стороны сферы реализованных достижений, приносящих сиюминутную прибыль.

В отличие от философии, наука не знает проблемы «повторения пройденного», она не возвращается к началу пути, наука не знает необходимости в исследовании своего истока, поскольку она, как говорит Хайдеггер, не мыслит. Наука не может позволить себе переосмысление понятий и предположений, на которых она базируется: в противном случае она навсегда осталась бы в исходной точке и была бы лишена развития. Идея прогресса встроена в основания науки, и оспорить прогресс – значит оспорить сами принципы, на которых существует наука.

Философия же свой смысл видит в постоянном вопрошании о своей и любой другой основе, живет в необходимости заново осмысливать уже существующие, ранее сформированные понятия. Переосмысление прежних понятий никак не связано с «исправлением ошибок», оно просто необходимо в силу того, что предметы, с которыми соотносятся понятия, постоянно меняются.

Мы живем, окруженные балластом критически неосмысленных, окаменевших понятий, чье значение было усвоено раз и навсегда. Это не просто симптом нашего времени. Ставки в игре куда выше: в действительности, это один из самых важнейших способов манипулирования людьми и вещами, среди которых исчезает ранее

существовавшее онтическое различие. Место философов, в которых Гуссерль видел «функционеров человечества», заняли технократы, чьи истинные цели весьма далеки от идеала развития человеческого сообщества на диалогических принципах.

Современная философия живет не только в тени великих философских систем прошлого (от Спинозы до Гегеля), но и в тени блестящих спекулятивных достижений, создавших условия для метаморфозы западной метафизики. В отсутствии системы и всеохватной мысли о мире, которая была бы способна постичь универсум как целостность, мы вынуждены жить на духовных развалинах прошлого.

Философы в неспособности видеть дальше границ коммуникативного пространства, которое определяется новыми агрессивными масс-медиа, вынуждены существовать атомизированными группами с лабильными внутренними связями и своим собственным «философским языком», который невозможно использовать для общения вне узкой группы. Невнятная речь современной философии, даже если бы она и была обращена к Людям, мало что значила бы для них и, скорее всего, вызвала бы (ошибочное) заключение о никчемности философии.

Подводя итог, мы можем сказать:

1) история философии показывает, что философские школы, или различные «философии», никогда не противостояли друг другу, поскольку философия всегда была единственной; полемика была возможна с не-философиями, проникнутыми духом скептицизма и антисубстанциализма;

2) и над философией, и над не-философией нависла новая универсальная опасность, исходящая из новых коммуникационных возможностей – безграничных по форме, но жестко ограниченных по сути, являющихся могущественным средством создания петрифицированного мышления, лишённого саморефлексии.

Uzelaz Milan. Polemical Reflections about the Possibility of Controversy in Contemporary Philosophy.

Summary: On the question whether the controversy in the field of philosophy in our time, the author responds negatively, for the following reasons: in the early ages of the real clash of interests could not be, because all the philosophers were inside understanding integrity of the world and their teaching is not consistent; today's thinkers have no more idea of the world that they could unify and give them a uniform basis for the formation of speculative concepts.

Ключевые слова

Диалог, плюрализм, релятивность, постгегелевский период, феноменология Гуссерля, антагонизм современных наук и философии.

Keywords

Dialogue, pluralism, relativity, postgegelevsky period, the phenomenology of Husserl, antagonism of modern science and philosophy.

Вербально-понятийные аспекты методологического дискурса VII Конвента РАМИ

В.С. Глаголев

В статье выделены некоторые ключевые понятия анализа международного процесса, употребление которых нуждается в систематической семантической корректности, показаны образно-идеологические феномены, вытекающие из нарушения этого требования.

Предлагаемые замечания о некоторых особенностях обсуждения проблематики модернизации международного процесса и ее динамики могут показаться чересчур формальными. Прежде всего, понятия «биполярного» и «однополярного» мира. Они достаточно широко представлены в научной лексике, связанной с соответствующими областями. Логико-семантический анализ выявляет ряд любопытных аспектов употребления данных понятий. «Биполярный» – в строгом значении – типичная логическая тавтология. Она не очевидна, при некритическом использовании данного слова – тем более если не учитывается его этимология.

Полюсов, как известно, может быть только два со времен открытия китайцами свойств магнита и использования его показаний в картографии и навигации. Нельзя, разумеется, впадать в гиперкоррекцию и игнорировать реальное значение слова «биполярный», которое указывает на ситуацию военно-политического и идеологического противостояния двух союзов государств, сложившуюся на международной арене после завершения Второй мировой войны. В воен-

но-политической области это противоборство выражалось в антагонистическом противостоянии, что и подчеркивается в привлечении корня «полярный». Второй же корень – «би» («два») – указывает на то, что центров противостояния было только два, а не больше. Политическое обоснование государственного противоборства двух «лагерей» (страны НАТО и Варшавского договора) в явном и скрытом виде содержало бинарные, черно-белые, критерии разделения акторов международной политики на «сторонников» и «врагов». Семантика двойственности, таким образом, коренится в «би»; противостояние – в «полярный».

Правда, логика «биполярности» имеет свою определенную перспективу. Она хорошо описывается китайской притчей о двух тиграх, затеявших драку, – и о третьем, выигравшем в ней: возможности противостояния не безграничны, что и показала последующая история. Каждая из сторон надеялась, что «гонки» не выдержит потенциальный противник, и в конце концов ресурсы – материальные и идейные – у одной из них истощились.

Глаголев Владимир Сергеевич – д.филос.н., профессор кафедры философии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

Понятие «однополярный мир», возникшее как оксюморон вследствие такой «победы» одного «полюса» над другим, обозначило ситуацию, в которой военно-политические претензии и экономические возможности СССР утратили былое значение. Соответственно возросло военно-политическое значение военной мощи США и их союзников по блоку НАТО. Однако и здесь есть свои формальные и содержательные нюансы. Расширение состава ядерного клуба, активность международного терроризма и рост мусульманского национализма поставили под сомнение ее эффективность в ряде регионов мира. Если в Афганистане и в Ираке США и страны НАТО втянулись в многолетние военные операции, то на Балканах военные акции НАТО активизировали мусульманские анклав и создали ситуацию долгосрочной нестабильности при неуклонном усилении позиций мусульманского национализма в Центральной и Западной Европе.

Данные процессы способствовали консолидации славянского национализма под православными и славянофильскими лозунгами (находящими, между прочим, отклик и среди части населения Российской Федерации). Параллельно происходит укрепление военно-политических возможностей Китая, опирающихся на технологические и производственные успехи своей экономики. В результате военно-технологические и военно-организационные преимущества американцев и их союзников обрели оппонентов, в отношении которых военный ресурс перестал быть сверхэффективным средством сдерживания. Насколько же однополярен «однополярный» мир?

Термин «многополярный мир» вызывает те же формально-логические претензии, что и рассмотренные выше термины «биполярный» и «однополярный». На мой взгляд, более целесообразно говорить о динамике центробежных и центростремительных процессов в системе современной международной жизни; о дисперсном характере современных центров влияния на международную политику, объединенных в кластеры или констелляции. Опосредованные отношения взаимоналожения и взаимоотталкивания этих констелляций создают картину многоуровневой и многоплановой системы, функционирующей – как и всякая система – на основе прямых и обратных связей и лишенной единого центра управления и регулирования. Соответственно политико-дипломатическая работа в этой системе призвана учитывать нелинейный характер протекающих процессов и руководствоваться гибкой логикой, позволяющей анализировать «скрытые смыслы» (как правило, аксиологического характера), присутствующие в политической лексике.

Нелинейный характер процессов и «сюрпризов» международной и внутренней политики проявляется, в частности, в «оранжевых» революциях и оппозициях. Проще всего объ-

яснить их природу на основе конспирологических теорий манипуляции. В этом случае «возвращается» логика «однополярного мира». Она недопустимым образом редуцирует сложный и неоднозначный характер пульсирующей реальности современной международной жизни.

На логику «однополярности» работает и термин «международный порядок». За ним стоят устойчивые модели регулирования международных коллизий, заложенные в Вестфальской системе и в последующих международно-правовых договоренностях. Использование их алгоритмов в международно-правовом процессе (по крайней мере, на уровне идеологической аргументации) будет продолжаться, вероятно, до тех пор, пока не будут выработаны категории, отражающие современное состояние динамики международной жизни в условиях глобализации. Однако на первый план выступает ограниченность влияния этих алгоритмов, принадлежащих другой исторической эпохе. Термин «мировой порядок», таким образом, также латентно содержит аксиологическую составляющую. Без нее, очевидно, не может обойтись человечество, какими бы претензиями на «объективность» ни обосновывало бы оно выбор той или иной научной методологии. Отказ от аксиологии – всегда отказ от идеалов.

Вместе с тем необходимо учитывать «токсичность» аксиологизма, торжествующего над принципом объективности. Идеалы, как известно, бывают разные. Аксиология нередко – прямой путь к циничному манипулированию, захвату власти, масштабным преступным действиям, что подтвердил с юридической беспристрастностью Нюрнбергский процесс. В то же время «реальная политика» сопрягает ценностное содержание политической мотивации с конкретными прагматическими шагами, обеспечивающими реализацию фундаментальных интересов основных акторов политического процесса. Явный или скрытый аксиологический фундамент – основа «искусства возможного». Логика и методология научного исследования международных процессов вынуждена учитывать это обстоятельство.

Политическая идеология, наряду с прочими, оперирует и категориями цивилизационного анализа. Зададимся вопросом: что является критерием «современного уровня цивилизационного развития» и реальных успехов модернизации? Можно ли однозначно связывать такой уровень с технологическими успехами – например, с успехами нанотехнологий? Последние можно точно фиксировать по количеству ежегодно получаемых патентов. Считается, что низкий уровень патентной активности по данному направлению – однозначный показатель «отсталости». Не спасает и бодрящий рефрен «зато мы делаем ракеты»... Можно, конечно, отказаться от увязывания модернизации с экономикой, что и делается сейчас во многих странах третьего мира, оставшихся сегодня с

■ Межкультурная коммуникация

ярлыком «мировая периферия» – один из главных потребителей товаров и услуг, производимых с помощью модернизируемых технологий странами «центров».

С этим связан и другой вопрос – о мере прозрачности внутренней политики государства и его готовности своевременно реагировать на критику своих граждан-налогоплательщиков. Можно, конечно, объяснять шероховатости в этой области своеобразием национальной суверенной демократии. Но обратные связи аппарата управления и миллионов сограждан деформируются, когда подобные объяснения занимают слишком большое место в отношениях управляющий – управляемый. Своевременная обратная связь – исходное условие адекватности реагирования. Неадекватность оценок ситуации создает дополнительные сложности в поле управления. Они в том числе способствуют неблагоприятному имиджу страны в среде ее партнеров и конкурентов и, как следствие, осложняют достижение устойчивых и выполняемых международных договоренностей, отвечающих интересам России.

Заслуживает внимания прозвучавшее в работе VII Конвента РАМИ обсуждение условий международно-правовой «законности применения силы». Примеров такого применения в международных ситуациях конца XX – начала XXI в. великое множество. При этом, однако, речь велась исключительно о применении военной силы. В тени остаются инструменты финансового воздействия, экономические рычаги, правовая дискриминация, мощные информационные диффамации по заранее составленным сценариям, дискредитация «сливом компромата» и т.д.

Противодействие этим формам силового влияния (силового потому, что за ними стоят мощные возможности организованных структур) остается за рамками обстоятельного анализа. Между тем выделенные методы воздействия входят в особую категорию «организационного политического давления» с использованием ресурсов государств, международных корпораций, а иногда и национальных корпоративных структур. В схеме уровней сил они занимают промежуточное положение между «жесткой силой» военно-политического давления и «мягкой силой» культурной модуляции. И, понятно, находятся в многоплановых отношениях как с первым, так и с третьим уровнем этого перечня.

И наконец последнее замечание. Для любого профессионала система инструментов и категорий его деятельности всегда является приоритетом. Ракурс профессиональных подходов международника всегда многоаспектен. Это связано в первую очередь с необходимостью соответствия конкретного участка деятельности общим задачам государственной службы, обеспечивающей внешнеполитические усилия данного государства; программе и целям той или иной международной организации, в кото-

рой работают специалисты разных профилей. Но неизменным приоритетом самой службы внешнеполитической деятельности остается обеспечение благоприятных условий внутренней политики своего государства. Последнее касается и его сотрудничества с международными организациями. Эти азбучные истины приходится напоминать, поскольку специализация любого труда (в том числе и труда международника) содержит риск превращения его деятельности в самоцель. Тогда возникает риск впасть в «профессиональный кретинизм», многократно описанный в научной литературе еще со времен К. Маркса.

Истории известны примеры такой внутренней политики, которая приносит интересы своих граждан в жертву амбициям правящих кланов, тесно связанных с зарубежьем, – капиталами, образовательными и бытовыми предпочтениями, доминирующими культурными матрицами, семейными связями и т.д. В этом случае – надо говорить прямо – происходит предательство национальных интересов ради обретения и сохранения групповых преимуществ верхушки общества.

Для правящей элиты существует, однако, и другой путь: обеспечение благоприятных условий развития собственной экономики, образования, культуры; повышения уровня благосостояния населения, увеличение продолжительности жизни, прочности семьи, счастливого детства у юного поколения, творческой профессиональной работы для полноценных взрослых людей и обеспеченной спокойной старости для людей пенсионного возраста. Не говоря уже об инвалидах. Это – путь социально ответственной внутренней политики, логика, отраженная в понятии «социальное государство». При всех недостатках внутриполитического устройства данного типа (например, усиление психолого-организационной апатии тех слоев граждан, которые «живут на пособие»), – вряд ли можно всерьез деавуировать сущность подобной установки.

Это – национальная задача внутренней политики, реализации которой могут быть подчинены геополитические интересы, геополитическая стратегия и тактика государства. Риски, существующие в последнем направлении, должны быть минимизированы и подчинены главной национальной задаче. Для современных условий России – это задача сбережения народа. О ней говорили в свое время вельможи Екатерины II, писал А.И. Солженицын после распада СССР. При всей широте и конкретном многообразии целей решение данной задачи в состоянии способствовать достижению «симфонии» в отношении власти предрежащих и населения страны. Сквозь призму этой задачи приходится просеивать множество планов, проектов, возможностей, шагов и маневров внешнеполитических усилий отечественных дипломатов последних призывов.

Связь внешней и внутренней политики страны не обнаруживает себя сиюминутно в каждом внешнеполитическом и внутривнутриполитическом акте. Но опрометчиво и даже преступно превращать внешнеполитическую деятельность в автономную сферу. Она была и в предвидимом будущем останется закрытой в силу своей специфики, как и деятельность ряда силовых структур. Но она или отвечает национальным интересам, долгосрочные цели которых не отделены китайской стеной от среднесрочных и даже сиюминутных результатов, или же остается – в лучшем случае, «священной коровой» бюрократической тайны. И тогда ущербы, наносимые национальным интересам собственными

руками, станут весьма возможными. Методологическая сопряженность внешнеполитической и внутривнутриполитической жизни была и остается ключевым принципом национальной государственной политики России.

Glagolev V.S. Verbal and conceptual aspects of the methodological discourse VII convent RISA.

Summary: *The article highlights some of the key concepts in the analysis of the international process, the use of which requires a systematic semantic correctness. Demonstrated graphically and ideological phenomena arising from a breach of this requirement.*

Ключевые слова

Биполярный и однополярный мир, логико-семантический анализ, аксеология международной жизни, нелинейный характер международного процесса. система международных отношений, соотношение внешней и внутренней политики, формы силового влияния.

Keywords

Bipolar and unipolar world, logical-semantic analysis, akseologiya international life, the nonlinear nature of the international process. system of international relations, the ratio of domestic and foreign policy, the form of the power of influence.

Циркулярная миграция российских ученых в Европу и США

А.А. Казанцев

Циркулярная миграция становится характерным признаком современной науки, существующей в эпоху глобализации. Растет роль циркулярной миграции в США и страны ЕС и для отечественной науки. В отличие от простой «утечки мозгов» из России циркулярная миграция не приводит к потерям для нашего государства, так как возвращающиеся назад циркулярные мигранты приносят в свою страну навыки, полученные за рубежом. В данной статье содержится анализ материалов эмпирического исследования, в котором выяснялось отношение российских ученых к процессам циклической миграции, а также исследовался такой феномен как «работа одновременно в двух странах».

В современной науке, которая характеризуется высокой степенью академической мобильности, циркулярная миграция ученых становится достаточно широко распространенным явлением. Стоит отметить, что в отличие от других типов миграций, которые часто рассматриваются в контексте потерь той или иной страны¹, циркулярную миграцию можно рассматривать как ситуацию, выигрышную для самих мигрантов, страны происхождения и принимающей страны (сценарий «тройного выигрыша», triple win)². Сам мигрант очевидно выигрывает, получая новый ценный опыт и знания. Выигрывают и обе страны, затронутые его циркулярной миграцией. В случае безвозвратной миграции, если ученые мигрируют из страны 1 в страну 2, то страна 1 сталкивается с «утечкой мозгов» (brain drain), а страна 2 – с «получением мозгов» (brain gain). Циркулярную же миграцию

(страна 1 – страна 2 – страна 1) можно понимать как взаимообогащение двух стран, так как ученый приносит в страну 2 свой опыт и знания, приобретенные на родине, а затем возвращается обратно, принося в свою страну навыки, полученные за рубежом.

Если посмотреть в этой связи на структуру отъезда российских ученых, то она включает в себя пять групп:

1) отъезжающие на постоянное место жительства в связи с этнической миграцией (Израиль, Германия, Греция, в прежние годы – и еврейская миграция в США), в связи с замужеством/женитьбой или другими жизненными обстоятельствами, не связанными с научной деятельностью (лечение, политическая эмиграция и т.п.);

2) имеющие постоянное место работы (tenure) и получившие гражданство (особенно в США, Великобритании);

Казанцев Андрей Анатольевич – д.полит.н., директор аналитического центра ИМИ МГИМО(У) МИД России.
E-mail: andrka@mail.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Международная интеллектуальная миграция: возможности использования ее потенциала в интересах развития России», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8181).

3) имеющие право на работу (например, green card в США) и место работы по длительному контракту;

4) отъезжающие на учебу/защиту диссертации (PhD);

5) отъезжающие по временному контракту (например, феллоушип) по временной рабочей визе.

Из перечисленных пяти групп циркулярными мигрантами наиболее часто являются представители двух последних групп по схемам, таким, как:

– обучение в России (бакалавратура или магистратура) – обучение за рубежом (магистратура или PhD) – возвращение в Россию – отъезд за рубеж на новое обучение (например, на PhD после магистратуры), на феллоушип или по длительному контракту;

– обучение и работа в России – феллоушип за рубежом – работа в России – новый феллоушип за рубежом и т.д. В конечном итоге циркулярные мигранты либо могут остаться в России, либо, набрав достаточное количество престижных публикаций за рубежом, получить длительный контракт или постоянную работу на Западе.

Однако и среди имеющих длительные контракты и даже постоянную работу и гражданство (особенно двойное) есть случаи работы одновременно за рубежом (в Европе/США) и в России («работы на две страны»). Здесь также имеет место своеобразная циркулярная миграция, так как специалист постоянно в течение года ездит из России на Запад и обратно (например, есть случаи даже заведующих одновременно лабораториями в России и в США или научных сотрудников, одновременно числящихся работающими в двух странах).

В плане степени официального препятствования такому типу двойной занятости есть два полюса западных стран, представленные Америкой и ФРГ, все остальные располагаются между ними. В случае с США все облегчается либеральной политикой американских властей по отношению к сохранению российского гражданства при получении американского. В Германии же такое невозможно, так как при получении немецкого гражданства (для этого требуются более пяти лет работы в ФРГ) необходимо официально «выписаться» отовсюду в России, включая гражданство, место жительства, работу, налоговый учет и т.п.

В связи со всем вышесказанным интересным представляется исследовать отношение российских ученых к циркулярной миграции и их взгляды на возможности совмещения работы/учебы в России и за рубежом. Указанные проблемы были частично затронуты в социологическом исследовании, которое было проведено с участием автора данной статьи Евразийской сетью политических исследований в 2011 г. Оно включало в себя серию интервью и фокус-групп, проведенных в целом ряде российских городов, известных своим научным потенциалом (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург). Как показывают полученные данные, отношение российских специалистов высокой квалификации к отъезду за рубеж

в целом достаточно положительное. Приоритетом для большинства опрошенных является выезд с возможностью возвращения обратно в Россию с целью создания высокой карьерной динамики.

В целом это отвечает сложившейся сейчас в мире тенденции к глобализации, интернационализации науки, к созданию высокой академической мобильности и циркулярной миграции с целью подготовки наиболее квалифицированных и конкурентоспособных специалистов. Этот результат не означает, что большинство опрошенных не хочет уехать из России навсегда, поскольку многие рассматривают циркулярную миграцию как возможность получить достаточную квалификацию и/или достаточное число зарубежных публикаций для отъезда за границу при наиболее удачных карьерных обстоятельствах. Однако в случае, если карьерные амбиции этой группы специалистов и их бытовые запросы будут удовлетворены в России, то они готовы остаться на Родине. В этом случае циркулярная миграция рассматривается как способ повышения профессионального статуса дома.

Так, например, экономист из Москвы заявила: «...последние года 1,5–2 я всерьез задумываюсь о возможности уехать за границу, и скорее всего меня интересует долгосрочная работа, не постоянный переезд и не краткосрочный». Далее она пояснила, что ее целью является уехать на несколько лет и потом вернуться.

Физик из Новосибирска объяснил, что в его случае отъезд является естественной частью процесса эффективной работы ученого. Далее он развил свою мысль, отметив наличие существенного психологического различия между эмиграцией (постоянным отъездом из страны) и циркулярной миграцией (временным отъездом с возможностью возвращения). «Я не вижу никаких проблем, чтобы жить где-то еще. Но не как эмиграция, а как миграция. Потому что эмиграция это немного печальная тема, потому что эмигрант всегда какой-то недочеловек. А миграция это так хорошо, легко и свободно».

Циркулярная миграция психологически вполне приемлема для ученых, считающих себя истинными патриотами России. Например, физик из Новосибирска отметил, что он является по своим политическим взглядам патриотом и «почвенником». При этом он обосновал такой временный отъезд с целью повышения квалификации следующим образом: «Считаю, что для ученого, для нормального естествоиспытателя, находящегося на переднем крае науки, естественно перемещаться по всему миру». Он также отметил, что в ряде случаев (по его мнению, это имеет место в социальных и естественных науках), где в России наблюдается отставание, следует даже заставлять ученых чаще ездить за границу.

Другим мотивом периодических отъездов за границу ученых может стать желание повысить общую культуру, изучить мир. Так, специалист по молекулярной биологии из Москвы заявила: «Я задумывалась о переезде за границу, 1-2-3-году

ное пребывание для того, чтобы поучиться, поработать, получить какой-то новый опыт жизни в другом мире, я бы так сказала... для меня это неотъемлемо связано и с расширением кругозора, и с получением нового опыта от жизни, от новой культуры».

Интересным вариантом циркулярной миграции является желание уехать куда-то недалеко от Родины, то есть куда-то в страну, территориально близко расположенную к России. Это психологически облегчает как возможность возвращения в любой момент, так и сам отъезд. Например, биолог из Новосибирска заявил, что собирается уехать «совсем в близкое зарубежье типа Финляндии... больше вариантов я вообще не рассматриваю».

Важным мотивом отказа от отъезда на постоянное место жительства является карьера в России. При этом работа в России многими респондентами органически связывается с возможностью ездить на длительные периоды за границу и обратно, оптимизируя карьерные возможности за счет мобильности. Так, экономист из Москвы указала в качестве мотива своего возвращения в Россию следующее: «Тогда я четко поняла свои приоритеты, что мне нужна была карьера, мне нужно продвижение в работе, и здесь это происходило гораздо быстрее, и шансы у меня были больше и лучше, учитывая мое образование, поэтому я вернулась». Однако она не исключает и возможности длительного отъезда за границу с целью оптимизации карьеры в дальнейшем.

Физик из Новосибирска сказал, что он хочет сначала наладить свою работу в России, а затем уже можно уехать на феллоушип за границу. «Хочется что-то сделать, чтобы здесь в начале своей карьеры все оптимизировать, чтобы оно работало, вне зависимости от того, здесь я или нет, наладить связь с Европой и т.д. А потом, когда это будет работать в автоматическом режиме, так почему бы и не уехать?» Он в целом удачно суммировал: «Не нужно пугаться никоим образом миграции мозгов, главное, чтобы вы имели возможность вернуться на условия, не худшие, чем за границей...»

Приведенный выше социологический материал показывает, что в среде высококвалифицированных специалистов имеется тенденция сочетать периодический отъезд на Запад с высокой карьерной динамикой дома, то есть возникают предпосылки для активной циркулярной миграции ученых. Эта тенденция является положительной, так как она позволяет повышать квалификацию российских специалистов, органически вписывать российскую науку в общемировую контекст, получать из-за рубежа нужную нам техническую информацию и дополнительные финансовые средства, создавать стимулы для разворачивания процессов модернизации в Российской Федерации.

Как подчеркивали респонденты, циркулярная миграция – это нормальный процесс, Российскому государству не следует ее опасаться. Напротив, следует ее поощрять, так как в противном случае наши специалисты могут оказаться неконкурентоспособными по сравнению со специалистами

в странах Запада, которые прошли подготовку в условиях очень высокой академической мобильности и соответственно получили огромный опыт работы в разных условиях, на основе разных подходов. Следует также создавать ученым и специалистам высокой квалификации нормальные условия для возвращения, обеспечивающие высокую карьерную динамику, как это делается во всем мире.

При этом, как показало проведенное исследование, опасаться массового отъезда российских специалистов не стоит, большинство хотело бы уезжать лишь периодически. У этого есть много разных причин, как положительного, так и отрицательного характера. К числу последних относится недостаточная степень интернационализированности и конкурентоспособности многих из отраслей российской науки, незнание языков, психологические барьеры, отсутствие зарубежных публикаций. К числу положительных факторов относится ответственность за свою работу и патриотические соображения.

Учитывая описанную выше тенденцию к отъезду за границу на время с целью повысить динамику карьеры (что является важной частью процесса интернационализации науки), важным является вопрос о возможности эффективно работать и жить на две страны. Здесь ситуация оказывается очень смешанной, она в существенной степени зависит от конкретных обстоятельств и сферы деятельности специалиста. Поэтому ниже данный вопрос будет разобран подробно, с обозначением тех сфер деятельности, где, по мнению респондентов, это возможно, а где нет. Следует отметить, что ситуативность такого выбора столь высока, что зачастую мнения о сферах деятельности, где работа на две страны возможна, противоречат друг другу.

Многие из опрошенных специалистов в разных городах России, от Москвы до Сибири, заявили, что они уже сейчас эффективно живут и работают на две страны. Прежде всего, это относится к людям, работающим в сфере прикладной науки и в бизнесе в области сферы высоких технологий. Например, программист из Новосибирска заявил: «Меня этот вопрос немного поставил в ступор, потому что в принципе наша компания занимается разработкой программного обеспечения в первую очередь для европейских заказчиков. В данном контексте можно сказать, что мы уже и так работаем на две страны. Мы находимся здесь, а результатами нашего труда пользуются европейцы, потому что для тех вещей, которые мы делаем, наших российских заказчиков просто нет. Поэтому все результаты уходят в Европу». Работа такого типа органически включает в себя постоянные командировки за рубеж, так, что специалист может жить по полгода в России и по полгода за границей.

Это же относится и к сфере чистого бизнеса, где также заняты прикладные ученые высокой квалификации, типа маркетологов, экономистов и т.п. Вот мнение экономиста из Москвы: «Я про «чистую» науку ничего говорить не буду, а про бизнес интеллектеемкий, если говорить про наш

бизнес, про то, чем занимается наша компания, – да, это возможно, и вообще не составляет никакой сложности, потому что уже сейчас 95% моей работы делается вне привязки к тому физическому месту, откуда я ее делаю. И 5% времени тратится на какие-то физические встречи, переговоры, которые спокойно организуются... там (то есть за границей. – Прим. автора)».

Жить на две страны легко получается у ряда ученых, специализирующихся прежде всего в фундаментальной науке, где нет необходимости проводить эксперименты или где роль экспериментов минимальна (физики-теоретики, математики). Так, физик из Екатеринбурга отметил: «... жить на две страны – запросто. Многие ведущие сотрудники, которые цитируются хорошо и публикуются, на самом деле они там и получают результаты. Здесь синтезируют, а там исследуют. Европа – она ждет их со своими образцами. Поэтому они полгода там – полгода здесь». В ряде случаев, особенно это относится к математикам, целые отделы живут по полгода за границей, получая за границей средства для того, чтобы потом полгода жить в России. Достаточно часто ученые таких направлений формально числятся работающими в России, но средства получают от продажи патентов за рубежом³.

Далее указанный респондент отмечает, что работа «на две страны» одновременно характерна не только для него, но и для некоторых его знакомых евреев, хорошо адаптировавшихся в материальном плане к жизни в Израиле.

Ежегодное чтение длительных (до 3–5 месяцев) курсов лекций за рубежом также можно считать вариантом циклической миграции. Причем такой феномен встречается не только в элитных вузах Москвы и Санкт-Петербурга, но и в «провинциях». Так, ученая юрист из Екатеринбурга заявила: «А по поводу проживания на две страны – реально. Это как раз вопрос об академической мобильности, что преподаватели у нас и реализуют ... в рамках нашей академии, и довольно успешно». Подобные случаи, правда связанные с периодическими феллоушипами или докторантурой за рубежом, упоминаются и респондентами из Новосибирска.

Ряд респондентов отмечают также, что вопрос жизни на две страны – это, прежде всего, проблема психологическая. Для всех интеллектуальных профессий нет здесь особых препятствий. Так, экономист из Москвы указала: «В целом, я думаю, проблема работы, жизни на две страны – она не в области возможного и невозможного, а в области каких-то психологических барьеров, за исключением тех ситуаций, где нужны какие-то конкретные компоненты, например физические реагенты, то есть за исключением тех случаев, когда люди имеют дело с «реальным миром». А все, что касается интеллектуальной работы, не связанной ни с какими физическими вещами, если есть компьютер и Интернет, препятствий при работе на 2 страны, на 3 страны нет». Однако, как отметила экономист из Новосибирска, у россиян в этом отношении по

сравнению с европейцами все еще сохраняются достаточно сильные психологические барьеры.

Работа «на две страны» важна, так как она ведет к получению дополнительных возможностей. Для специалистов в области естественных наук и для всех, кто работает в сфере экспериментальной науки, это прежде всего вопрос доступа к специальной аппаратуре. Причем здесь возникает даже специфическая синергия между российскими и западными специалистами. Например, физик из Новосибирска указал: «Мне кажется, что это единственно возможное, потому что здесь возможности довольно ограниченные в плане того, с чем можно работать. По-любому, придется на две страны... Но не на две страны напрямую, а связывая их, что ли. Потому что у нас есть здесь уникальный опыт ... просто не с чем работать. Из-за специфики того, что нам не с чем работать, мы придумываем методы. А там, так как они полностью завалены работой, у них очень много материала, с которым они работают, а у нас есть методы. Это очень полезно всем будет не работать на две страны, а связывать их». Собственно, это и есть описание простым повседневным языком взаимных выигрышей при циркулярной миграции.

Для математиков и специалистов в социально-гуманитарных областях работа на две страны может оказаться важной в плане получения денег, в том числе и финансирующих работу в России. Здесь развивается своеобразный вариант «отходничества». Например, специалист по прикладной физике и математике из Москвы указал: «Что касается научной области, я хочу сказать, что те люди, которых я знаю, в частности мой научный руководитель, они только этим и живут, потому что за несколько дней работы там они получают эквивалент годовой зарплаты здесь».

Многие опрошенные специалисты указали, что возможность работы на две страны сильно зависит от специальности и сферы деятельности. При этом обычно их позиция формулировалась следующим образом: «В моей специальности это невозможно, а в такой-то возможно». Эти точки зрения надо учитывать как не всегда точные, так как люди могут говорить о вещах, которые они не знают на собственном опыте. Например, по мнению молекулярного биолога из Москвы, это возможно в гуманитарных науках, в консалтинге и в теоретических науках, но не в науках экспериментальных: «Мне кажется, что если говорить о гуманитарных науках или вообще о теоретической деятельности или консалтинге, то возможность переезда, возможность работы на две страны, несколько городов – это все возможно в достаточно оперативном и успешном порядке. Если говорить непосредственно о гуманитарных науках, у то меня есть масса примеров, когда люди имеют какое-то постоянное место работы на кафедре в России, и при этом они являются достаточно востребованными для американских или европейских университетов, и их туда приглашают, и они ездят. Эти связи дают возможности получения новых грантов, новых проектов, и за счет этих связей держится

наука. Поэтому здесь перемещения могут быть очень важны для роста, для сети общения. Что касается гуманитарного бизнеса, скажем так, то это все возможно, поскольку технологии сейчас позволяют общаться в оперативном режиме, и это не является проблемой».

Математик и программист из Москвы в свою очередь полагает, что жить «на две страны» могут теоретические математики. «Когда я занимался математикой, я видел много математиков, довольно хороших, которым удавалось жить на две страны, и в общем-то их аспиранты особо не страдали. Ведь математику, в отличие от биолога и физика, достаточно на что-то жить и иметь публикации в хороших журналах, это все, что им нужно. И если их научный руководитель полгода общается с ними только по почте, это в общем не является большой проблемой. Так что и сами математики ухитрялись жить на две страны без проблем, и их аспиранты, по крайней мере, тех, кого я знал, не особо страдали».

Программист из Новосибирска отметил, что программисты жить на две страны не могут, хотя могут реализовывать проекты для заказчиков из другой страны, сопровождая это постоянными длительными командировками за рубеж. Выходом в ряде случаев может стать частные, но краткосрочные отъезды за рубеж. Молекулярный биолог из Новосибирска сказала: «Выезд на несколько месяцев, это ... отличная возможность для развития. А равноправные какие-то вещи, очень тяжелые, с постоянными ежемесячными отъездами и приездами, это физически тяжело, и единицы это потянут».

Между тем перечисленные выше ограничения для ученых-экспериментаторов могут носить скорее характер субъективных представлений, чем характер объективной реальности. В частности, это опровергается примерами ряда успешных карьер людей, которые живут и работают на две страны. Например, Константин Северинов работает одновременно в России и США. В Москве он заведует лабораториями в Институте молекулярной генетики и Институте биологии гена, одновременно он – заведующий лабораторией и в университете Ратгерса (США). В подобного рода случаях жизнь на две страны, несмотря на необходимость проведения экспериментов, возможна потому, что над проектами работает сплоченная группа людей. Лидер в этом случае создает команду, которую он полностью контролирует то очно, то заочно (используя электронные письма, звонки по «Скайпу» и т.д.). Таким образом, условием жизни на две страны в этом случае становится наличие дисциплинированных и жестко контролируемых исполнителей проекта. Дополнительным положительным моментом здесь становится возможность постоянного трансфера знаний между разными странами. При этом, естественно, руководитель использует достижения своих сотрудников в разных странах, «перевозя» их через границу и максимизируя собственный доход (например, ввозя новые методики в РФ из США и вывозя результаты из России в США).

Довольно много специалистов, прежде всего относящихся к экспериментальной физике и био-

логии, твердо заявили, что жить и работать на две страны вообще нельзя. Физик из Новосибирска отметил: «Если говорить про науку, я знаю что-то о физике. На мой взгляд, работать там и здесь – это очень напряженно по-настоящему... Вы где-то вы берете, потому что нельзя сидеть на двух стульях». Тот же физик из Новосибирска привел и еще одно соображение, не позволяющее жить и работать на две страны, связанное с необходимостью подготовки аспирантов: «У вас здесь, если вы, скажем ... говорите об очень самостоятельном человеке, типа доцента или профессора, у вас здесь «малышня» в виде аспирантов, их нужно «пасти». Особенно если идет нудный экспериментик, их нужно постоянно ... «по башке бить» и т.д. И за границу ездить в этой ситуации, по-моему, неправильно. Я такое видел, но это неэффективно».

Кстати, последний момент оказывается, с точки зрения респондентов, очень важным для российской науки в силу того, что в ней из-за массового оттока кадров в 1990-х гг. образовался очень сильный возрастной разрыв между специалистами старше 50 и молодежью (моложе 30 лет). При этом из-за снижения качества образования в 1990-х гг. уровень этих молодых специалистов в ряде дисциплин, особенно технических, по мнению респондентов, очень низкий. Они нуждаются в постоянном контроле и получении указаний со стороны старших. Слой 30–40-летних специалистов, который мог бы связать эти две группы, практически отсутствует. В результате даже временный отъезд за рубеж одного-двух ключевых специалистов пожилого возраста, которые курируют большую группу молодежи, может парализовать работу целого отдела. Биолог-генетик из Новосибирска также указал, что, в силу того что он координирует работу ряда людей, он не сможет уехать без потери должности более чем на полтора месяца.

Очевидно также, что невозможна работа на две страны одновременно в случае людей, связанных с военными технологиями. В этом случае можно даже столкнуться с проблемой судебного преследования.

В последнее время возникло новое препятствие для слишком долгих отъездов за рубеж. Это – сложности с грантами в России, так как ряд выдаваемых грантов требует нахождения определенного времени в России. Например, специалист по математической физике из Москвы сказал, что сейчас приходится при получении мегагрантов 4 месяца пребывать в России, а остальное время можно работать в США. Как указал физик из Новосибирска, препятствием для периодических отъездов, как в общем-то и для постоянных, может стать низкий статус российских специалистов за рубежом: «Вы можете быть использованы в качестве какого-то материала, чем замечательно воспользовался весь мир после разрушения Советского Союза. Огромное количество ученых стало «рабочими лошадками» за рубежом».

Зачастую специалисты даже вступают в дискуссии о той сфере науки, в которой возможно одновременно работать в двух странах. Напри-

мер, математик и программист из Москвы заявил, что нельзя работать на две страны в инженерной деятельности: «Я слабо себе представляю, как можно разрабатывать программное обеспечение, когда инженеры сидят в разных местах? Условно, руководитель болтается туда-сюда. Практика показывает, что даже тестирование написанного программного обеспечения перенести в другую страну сложно, не говоря уж о какой-то координации, управлении...» С ним вступил в полемику другой специалист в той же области из Москвы: «Да, я и жил на две страны, и в противовес Степану, хочу сказать, что у нас сейчас идет проект, где участвуют off-side команды, on-side команды, они взаимодействуют друг с другом, несмотря на 12 часов разницы».

В целом обнаружилось, что понятие «жить и работать на две страны» может включать в себя целый ряд взаимосвязанных феноменов:

- когда один и тот же ученый одновременно работает в России и в другой стране равноправно, с периодическими и постоянными переездами; либо он/она имеет основное место работы за рубежом, но периодически приезжает работать в Россию, имея официальное рабочее место;

- когда российский ученый регулярно выезжает за рубеж в долговременные командировки, но при этом не имеет там постоянных проектов и постоянного места работы;

- когда российский специалист работает в России, но при этом периодически выезжает за рубеж на продолжительную учебу или с целью повышения квалификации;

- наконец, имеют место случаи, когда российский специалист работает в России, но при этом эксклюзивно выполняет зарубежные заказы, часто едзя в продолжительные командировки. При этом над проектом могут работать одновременно

специалисты и в России, и за рубежом (это может даже быть одна команда, которая тесно координирует свою деятельность при помощи современных средств связи).

В целом исследование обнаружило, что процесс интернационализации российской науки и соответственно циркулярной миграции идет, многие ученые постоянно ездят за рубеж и даже «живут на две страны». Однако большинство респондентов отметило и то, что этот процесс, связанный с интернационализацией науки, в России не зашел так далеко, как в промышленно развитых странах Запада. В Российской Федерации все еще существуют определенные психологические и структурные препятствия, барьеры для него. Однако можно предположить, что по мере углубления включения российской науки в процессы глобализации циркулярная миграция российских ученых будет только нарастать. В интересах нашего государства полностью использовать позитивный потенциал этого процесса.

Kazantsev A.A. Circular Migration of Russian Scientists to Europe and USA: Structure and Perspectives.

Summary: Circular migration has become a characteristic feature of contemporary science developing in the era of globalization. The role of circular migration to the USA and EU countries is also increasing for the Russian science. As opposed to simple «brain drain» from Russia circular migration does not involve any losses for the Russian state since returning back circular migrants bring with them new knowledge and practices that they have studied abroad. This paper contains the analysis of the materials of empirical study of the attitudes of Russian scientists towards the circular migration as well as the study of the phenomenon of «simultaneous work in different countries».

Ключевые слова

Циркулярная миграция, российские ученые, российская наука, мировая наука.

Keywords

Circular migration, Russian scientists, Russian science, global science.

Примечания

1. См. про анализ «утечки мозгов» из России, в том числе с точки зрения национальной безопасности: Казанцев А.А. Миграционные процессы и нетрадиционные угрозы безопасности России // Аналитические записки НКСМИ. Аналитические записки ИМИ МГИМО. Выпуск 5(25), июнь 2007. С. 29 – 36; Российский независимый институт социальных и национальных проблем. Воспроизводство научной элиты в России: роль зарубежных научных фондов (на примере Фонда им. А. Гумбольдта). М., 2005. С. 123 – 168; Инновационное бюро «Эксперт». Исследование российской научно-технологической диаспоры в развитых странах: условия и возможности возвращения научных кадров и использование потенциала. М., 2009; Ваганов А. «Западный пылесос» для российской науки // Отечественные записки. 2002. № 7; Иларионова Т.С. Регулирование миграционных процессов в парадигме национальной безопасности // Проблемы внутренней безопасности России в XXI веке. Материалы 2-й науч.-практич. конф. 10 – 11 декабря 2002 г. М.: ЗАО «ЭДАС-ПАК», 2002; Некипелова Е.Ф. Эмиграция и профессиональная деятельность российских ученых за рубежом. М., 1999; Некипелова Е.Ф., Гохберг Л.М., Миндели Л.Э. Эмиграция ученых: проблемы, реальные оценки. М., 1994; Хиллер П., Иларионова Т. «Утечка умов»: какие последствия может иметь она для России // Государственная служба. 2002. № 3; Рабкин Я.М. Сравнительный анализ миграции в науке постсоветского периода // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Вып. IX. СПб: изд-во СПбГ МТУ, 1995.
2. Bieckmann F. and Muskens R. Circular Migration, Creating a virtuous circle // The Broker, issue 1, April 2007, <http://www.thebrokeronline.eu/en/Articles/Creating-a-virtuous-circle>.
3. «Все в мире изобретено в России». Эксперт интеллектуального права ВШЭ Светлана Кокина рассказала, почему россияне продают свои патенты за рубеж, <http://www.vz.ru/economy/2011/4/8/482416.html> 8 апреля 2011

Политика регулирования интеллектуальной миграции в современной Германии

Н.Н. Большова

В статье рассматриваются изменения в миграционной политике современной Германии, которая, столкнувшись в конце XX – начале XXI в. с проблемами нехватки кадров в наукоемких отраслях экономики и «утечкой мозгов», активизировала политику по привлечению высококвалифицированных специалистов из-за рубежа.

До начала XXI в. в Германии отсутствовала эффективная политика регулирования интеллектуальной миграции, направленная на привлечение квалифицированных иностранных специалистов в интересах развития и обеспечения конкурентоспособности экономики страны. Вместо этого Германия долгое время принимала неоднородные потоки мигрантов, включая:

- репатриированных с территорий Центральной и Восточной Европы, принадлежавших до 1945 г. немецкому рейху;
- политических беженцев из советской зоны Германии, а позже из ГДР;
- контингентных беженцев с целью восстановления немецкой еврейской общины, сильно пострадавшей в гитлеровский период;
- сезонных и контрактных рабочих, прежде всего из Средиземноморья (в том числе из Турции);
- беженцев и ищущих убежища из стран третьего мира;
- «поздних переселенцев» из Польши, Румынии и бывшего Советского Союза;

Под влиянием данной миграционной политики, ориентированной на прием этнических немцев и контингентных евреев из стран бывшего СССР (России и стран СНГ), происходило формирование современной российской диаспоры в Германии. В период после Второй мировой войны были открыты и другие пути для мигрантов в Германию, в том числе для ищущих убежища, сезонных и временных рабочих, квалифицированных специалистов, а также для студентов. Однако первые два канала миграции преобладали среди потоков мигрантов из стран бывшего СССР.

Иммиграция в Германию в XX в.

После Второй мировой войны германская нация оказалась «раздробленной», этнические немцы были «разбросаны» по разным странам. С целью сплочения нации для восстановления экономики страны первый федеральный канцлер ФРГ К. Аденауэр провозгласил Западную Германию «родиной всех немцев» и тем самым положил начало первой массовой волне переселенцев. В 1953 г. был принят Закон «О высланных лицах и беженцах», в соответствии с которым этническим

Большова Наталья Николаевна – к.полит.н., доцент кафедры политики и функционирования ЕС и Совета Европы МГИМО(У) МИД России. E-mail: varioukhina@gmail.com

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Международная интеллектуальная миграция: возможности использования ее потенциала в интересах развития России», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8181).

немцем является тот, кто считает своим родным немецкий народ и может подтвердить свою принадлежность к нему происхождением, языком, воспитанием, культурой.

С 1950 г. по настоящее время наблюдались три основные волны эмиграции переселенцев в Германию, пики которых отмечались в 1950-х гг., 1970-х гг., 1990-х гг. (см. табл. 1). По данным Федерального административного ведомства ФРГ, с 1950 по 2011 г. с территории бывшего СССР в Германию переселилось около 2,3 млн этнических немцев и членов их семей, в результате чего значительно сократилась доля немецкого населения в России, Казахстане, на Украине и в других республиках.

В условиях послевоенного идеологического противостояния Запад – Восток ФРГ также охотно принимала политических беженцев из стран «советского блока», в том числе из ГДР¹. К 1961 г. около 3,6 млн восточных немцев переселились в Западную Германию. В то же время поток в обратном направлении составил всего 393 тыс. человек. Даже после установления дипломатических отношений между ФРГ и ГДР любой гражданин ГДР по прибытии в ФРГ автоматически получал гражданство ФРГ и материальную поддержку. «Бегство на запад» не прекратилось и после объединения Германии. С 1989 по 2002 г. еще 1,5 млн восточных немцев переехали в более благополучные западные германские земли. Причины феномена «голосования ногами» носили в основном экономический характер. При этом, как отмечают немецкие социологи и политики, между новыми и старыми федеральными землями Германии до сих пор сохраняется ощутимый разрыв в уровне социального и экономического развития.

В период «немецкого экономического чуда» (середина 50 – конец 60-х гг. XX в.) ФРГ стала активно привлекать иностранных рабочих («гастарбайтеров») на основе международных трудовых соглашений. Соглашения о рекрутировании рабочих были заключены с Италией (1955), Испанией и Грецией (1960), Турцией (1961), Марокко (1963), Португалией (1964), Тунисом (1965) и Югославией (1968). Данная система «вербовки» предполагала постоянную ротацию, поскольку пребывание иностранных рабочих в ФРГ было ограничено временным действием контракта, по окончании которого они должны были вернуться домой. Но дешевизна рабочей силы и возможность экономии на социальных издержках побуждали работодателей продлевать контракты. Иностранные рабочие, в свою очередь, также старались подольше задержаться в стране.

После начала экономической рецессии в Европе, вызванной нефтяным кризисом 1973/1974 гг., программа импорта рабочей силы была заморожена. Германия, как и все остальные европейские страны, закрыла границу для трудовых мигрантов и активизировала программы поддержки репатриации GARP/REAG². Несмотря на официальный запрет ввоза иностранной рабочей силы, общая численность иммигрантов в Германии продолжала увеличиваться за счет потоков иммигрантов

по легальным (по линии гуманитарной миграции беженцев и воссоединения семей) и нелегальным каналам. В результате ситуация запрета в значительной степени способствовала превращению временных трудовых мигрантов в постоянных и, как следствие, формированию мигрантских параллельных обществ.

В отличие от США, Канады и Австралии, поощрявших в первую очередь квалифицированных работников, ввоз «мозгов», ФРГ долгое время пополнялось этническими немцами, контингентными и политическими беженцами³. Правительство применяло дифференцированный подход к различным категориям иммигрантов. Этнические немцы имели привилегированный статус по сравнению с другими иммигрантами, поскольку воспринимались как «свои» и приравнивались во всех правах к немецким гражданам. Трудовые иммигранты были лишены подобных привилегий, поскольку рассматривались как «временные гости». При этом потребность экономики страны в квалифицированных специалистах оставалась неудовлетворенной.

С 1987 г. началась массовая эмиграция немцев из СССР (после внесения изменений в Закон СССР «О въезде и выезде» 28 августа 1986 г.). После распада СССР хлынул массовый поток переселенцев из Казахстана и России, названный некоторыми экспертами в Германии «бегством в никуда». Эмигрировавшие не знали немецкого языка, культуры и быта Германии и не имели четкого представления о том, что они будут делать на новой родине. В результате этого «бегства» исчезли целые немецкие села, места компактного проживания немцев в Казахстане, России, на Украине.

Правительство федерального канцлера Г. Коля, столкнувшись с серьезными проблемами интеграции переселенцев, стало разрабатывать программу интеграции переселенцев («Программа Коля» 1988 г.). В 1988 г. был создан пост уполномоченного правительства по делам переселенцев и соответствующее ведомство при МВД Германии. В 1989 г. был принят закон о распределении переселенцев (Aussiedler) и поздних переселенцев (Übersiedler) по землям, который предписывал обязательную регистрацию репатриантов в федеральных лагерях для переселенцев и дальнейшее размещение их по землям⁴.

В 1993 г. вступил в силу закон «О преодолении последствий войны», который официально ввел категорию «поздних переселенцев» (после 1992 г.) и ужесточил процедуру их приема. Согласно данному закону, этнические немцы из стран Восточной Европы, за исключением СНГ, должны были представлять доказательства фактов дискриминации в отношении них. Супруги «поздних переселенцев», не принадлежащие к этническим немцам, а также дети, родившиеся после 31 декабря 1992 г., не получали статус «поздних переселенцев» и соответственно доступа к программам интеграции.

Поздние переселенцы были лишены не только возможности беспрепятственного переезда в Германию, но и многих льготных ус-

Потоки переселенцев в Германию с 1950 г.

Год	Бывш. СССР	Польша	Бывш. ЧССР	Венгрия	Румыния	Бывш. Югославия	Остальные страны	Итого
1950	0	31.761	13.308	3	13	179	2.233	47.497
1951	1.721	10.791	3.524	157	1.031	3.668	3.873	24.765
1952	63	194	146	30	26	3.407	9.503	13.369
1953	0	147	63	15	15	7.972	7.198	15.410
1954	18	664	128	43	8	9.481	5.082	15.424
1955	154	860	184	98	44	11.839	2.609	15.788
1956	1.016	15.674	954	160	176	7.314	6.051	31.345
1957	923	98.290	762	2.193	384	5.130	6.264	113.946
1958	4.122	117.550	692	1.194	1.383	4.703	2.584	132.228
1958	4.122	117.550	692	1.194	1.383	4.703	2.584	132.228
1959	5.563	16.252	600	507	374	3.819	1.335	28.450
1960	3.272	7.739	1.394	319	2.124	3.308	1.013	19.169
1961	345	9.303	1.207	194	3.303	2.053	756	17.161
1962	894	9.657	1.228	264	1.675	2.003	694	16.415
1963	209	9.522	973	286	1.321	2.543	629	15.483
1964	234	13.611	2.712	387	818	2.331	749	20.842
1965	366	14.644	3.210	724	2.715	2.195	488	24.342
1966	1.245	17.315	5.925	608	609	2.078	413	28.193
1967	1.092	10.856	11.628	316	440	1.881	262	26.475
1968	598	8.435	11.854	303	614	1.391	202	23.397
1969	316	9.536	15.602	414	2.675	1.325	171	30.039
1970	342	5.624	4.702	517	6.519	1.372	368	19.444
1971	1.145	25.241	2.337	519	2.848	1.159	388	33.637
1972	3.420	13.482	894	520	4.374	884	321	23.895
1973	4.493	8.903	525	440	7.577	783	342	23.063
1974	6.541	7.825	378	423	8.484	646	210	24.507
1975	5.985	7.040	516	277	5.077	419	343	19.657
1976	9.704	29.364	849	233	3.766	313	173	44.402
1977	9.274	32.857	612	189	10.989	237	93	54.251
1978	8.455	36.102	904	269	12.120	202	71	58.123
1979	7.226	36.274	1.058	370	9.663	190	106	54.887
1980	6.954	26.637	1.733	591	15.767	287	102	52.071
1981	3.773	50.983	1.629	667	12.031	234	138	69.455
1982	2.071	30.355	1.776	589	12.972	213	194	48.170
1983	1.447	19.121	1.176	458	15.501	137	85	37.925
1984	913	17.455	963	286	16.553	190	99	36.459
1985	460	22.075	757	485	14.924	191	76	38.968
1986	753	27.188	882	584	13.130	182	69	42.788
1987	14.488	48.423	835	581	13.994	156	46	78.523
1988	47.572	140.226	949	763	12.902	223	38	202.673
1989	98.134	250.340	2.027	1.618	23.387	1.469	80	377.055
1990	147.950	133.872	1.708	1.336	111.150	961	96	397.073
1991	147.320	40.129	927	952	32.178	450	39	221.995
1992	195.576	17.742	460	354	16.146	199	88	230.565
1993	207.347	5.431	134	37	5.811	120	8	218.888
1994	213.214	2.440	97	40	6.615	182	3	222.591
1995	205.409	1.677	62	43	6.519	178	10	217.898
1996	172.181	1.175	14	14	4.284	77	6	177.751
1997	131.895	687	8	18	1.777	34	0	134.419
1998	101.550	488	16	4	1.005	14	3	103.080
1999	103.599	428	11	4	855	19	0	104.916
2000	94.558	484	18	2	547	0	6	95.615
2001	97.434	623	22	2	380	17	6	98.484
2002	90.587	553	13	3	256	4	0	91.416
2003	72.289	444	2	5	137	8	0	72.885
2004	58.728	278	3	0	76	8	0	59.093
2005	35.396	80	4	3	39	0	0	35.522
2006	7.626	80	1	0	40	0	0	7.747
2007	5.695	70	5	1	21	0	0	5.792
2008	4.301	36	0	0	25	0	0	4.362
2009	3.292	45	0	0	23	0	0	3.360
2010	2.297	34	4	0	15	0	0	2.350
2011	2.092	33	2	0	21	0	0	2.148
Итого	2.355.336	1.445.109	105.107	21.412	430.246	90.378	55.716	4.503.279

Источник: Федеральное административное ведомство ФРГ (Bundesverwaltungsamt).

ловий интеграции, которые имели переселенцы прежних волн миграции. Несмотря на это, именно на 1990-е гг. приходится пик иммиграции в Германию из стран бывшего СССР. Только после установления жесткой квоты для приема переселенцев (с 1993 по 1999 г. она составляла 225 тыс. человек в год, в 2000 г. была сокращена до 103 тыс. человек) поток мигрантов из стран Восточной Европы и бывшего СССР стал постепенно сокращаться, хотя не прекратился совсем (см. табл. 1).

В 1990-е гг. правительство Г. Коля также столкнулось с проблемой массовых потоков беженцев из стран «третьего мира», достигшей пика к 1992 г., когда было подано 438 тыс. заявлений о предоставлении политического убежища. В 1993 г. были приняты поправки к ст. 116 и 118 Основного закона ФРГ, которые требовали от лиц, претендующих на политическое убежище, доказательства факта политического преследования со стороны государства и разрешали отправлять обратно на родину тех беженцев, которые прибыли из «безопасных третьих стран»⁵. В качестве поощрения выразивших желание вернуться на свою родину предусматривалась даже денежная компенсация.

Приход к власти в Германии нового коалиционного правительства социал-демократов и партии «Зеленые» во главе с Г. Шредером радикально изменил этнокультурный подход Германии к определению немецкого гражданства и регулированию иммиграции. В 2000 г. был принят новый Закон о гражданстве, облегчающий условия натурализации и получения немецкого гражданства. Согласно Закону о гражданстве «право крови» (по происхождению) дополнилось «правом почвы» (в силу рождения в данной стране). С 2000 г. дети иностранцев, рожденные в Германии, стали автоматически получать немецкое гражданство, если хотя бы один родитель легально находился в Германии в течение восьми лет. Необходимый срок постоянного проживания в Германии для натурализации сократился с 15 до 8 лет.

В то же время двойное гражданство в Германии по-прежнему не признается. Процедура натурализации остается непростой: стать гражданином Германии может только человек, в совершенстве знающий немецкий язык, имеющий хорошую общественную репутацию, стабильный доход и не вовлеченный в антиконституционную политическую (или религиозную) деятельность.

Инициатива «Зеленая карта» 2000 г.

В конце 1990-х гг. в Германии возникла серьезная нехватка специалистов в секторе информационных и телекоммуникационных технологий, которая оценивалась более чем в 500 тыс. вакансий. Она стала существенным тормозом для развития страны и конкурентоспособности экономики. В 2000 г. Германия ввела основанную на канадской балльной системе оценок мигранта программу «Зеленая карта» для привлечения квалифицированной рабочей силы в отрасли, связанные с развитием информационных технологий. Программа действовала с 1 августа 2000 г.⁶ по 31 декабря 2004 г.

Это означало, что закон 1973 г., запрещавший ввоз рабочей силы из-за рубежа, стал постепенно терять свою силу.

Уже в самом начале своей реализации данная программа не пользовалась популярностью в обществе. Ввиду имевшегося негативного послевоенного опыта регулирования ввоза рабочей силы из-за границы перспектива оседания новых иммигрантов в Германии вызывала у большинства немцев сильное раздражение. Приток специалистов из-за рубежа едва начался, а в СМИ уже широко обсуждался вопрос о том, как избавиться от будущих работников и их семей, когда у тех закончатся договоры. И если правительство, предприниматели и профсоюзы в целом признавали объективную необходимость таких мер для экономики, то для большинства немецких граждан шоком и откровением явился тот факт, что их собственные программисты не обладают необходимой квалификацией.

Большинство ИТ-специалистов, получивших разрешение на жительство и работу в ФРГ, были выходцами из Индии (27,7%), вторую по численности группу составляли граждане России, Белоруссии, Украины и стран Балтии (12,3%), за которыми следовали специалисты из Румынии (6,9%), а также Чешской и Словацкой Республик (6,4%). При этом около 16% «зеленых карт» было выдано иностранцам, окончившим немецкие вузы. 92,4% выданных «зеленых карт» пришлось на предприятия более развитых «старых» федеральных земель (прежде всего Гессен (25,2%), Бавария (24,2%), Баден-Вюртемберг (18,9%) и Северный Рейн-Вестфалия (14,4%)), тогда как предприятия «новых» федеральных земель привлекли по этой программе всего 1164 иностранных ИТ-специалиста⁷.

Программа «Зеленая карта» оказала в целом позитивное влияние на экономику Германии. Так, по данным Федерального ведомства по вопросам труда (отчет 2001 г.), каждый обладатель «зеленой карты» создал в Германии в среднем 2,5 новых рабочих места; свыше 82% опрошенных предприятий указали, что программа позволила им повысить их конкурентоспособность; свыше 36% предприятий увеличили объем своих внутренних инвестиций. Наибольшее значение программа оказала на развитие малых и средних предприятий⁸.

В то же время ожидания немецкой промышленности, как, впрочем, и опасения немецких граждан оказались сильно преувеличены. Количество приехавших иностранных ИТ-специалистов не только не удовлетворяло потребности экономики, но даже не покрыло официально установленную квоту. Вместо запланированных 20 тыс. было принято только 16,8 тыс. иностранных специалистов, что указывало в первую очередь на то, что Германия была недостаточно привлекательной целью для данной категории мигрантов, которые предпочитали США⁹.

Инициатива «зеленых карт» стала, по сути, первой из грядущих перемен в иммиграционной политике, впоследствии кардинально изменивших саму парадигму управления иммиграцией в Германии. Так, в ее рамках была апробирована «балль-

■ Наукоеведение

ная система» оценки претендентов и наметилась тенденция к более селективной иммиграционной политике.

Впоследствии в Германии развернулась острая политическая дискуссия, в результате которой у политиков появилось понимание того, что без привлечения иностранцев Германии не обойтись уже в ближайшей перспективе, что выход из создавшейся ситуации лежит не в плоскости запрета, а на путях поиска наиболее эффективной модели регулирования иммиграции и практик интеграции иммигрантов.

С вступлением в силу нового Закона о гражданстве (2000 г.) и Закона об иммиграции (вступил в силу в 2005 г. и был изменен в 2007 г.) Германия официально признала себя страной иммигрантов. Политики впервые подошли к интеграции как центральной задаче иммиграционной политики, которую необходимо решать на разных уровнях с помощью различных мер поддержки.

Новая иммиграционная политика ФРГ 2005 г.

В результате постоянной иммиграции в Германию на протяжении последних 50 лет на сегодняшний день в стране проживает около 16 млн человек с мигрантскими корнями, что составляет 19% всего населения страны. Из этого числа 9 млн человек имеют немецкое гражданство, 6,7 млн человек – иностранцы по паспорту¹⁰. Однако Германия продолжает испытывать острый дефицит квалифицированных кадров, особенно инженеров, программистов, врачей¹¹. Власти Германии, чтобы восполнить нехватку квалифицированных специалистов, вынуждены продолжать привлекать рабочую силу из третьих стран, что влечет за собой необходимость облегчения условий въезда и пребывания в стране и усиления мер по интеграции иммигрантов в немецкое общество.

В 2000-х гг. Федеральное правительство осуществило ряд важных реформ в области регулирования миграции. С вступлением в силу нового Закона об иммиграции (2005 г.) управление миграционными процессами в ФРГ приобрело более системный характер. Важное значение имело также создание в 2005 г. Федерального ведомства по вопросам миграции и беженцев, в котором были сосредоточены главные функции реализации миграционной политики.

По новому Закону об иммиграции Германия официально признала себя «иммиграционной страной». Интеграция иммигрантов стала важной составляющей миграционной политики. С 2006 г. по инициативе и под председательством федерального канцлера А. Меркель в Германии ежегодно проводятся «интеграционные саммиты» при активном участии общественных организаций и иммигрантов. Целью саммитов является налаживание диалога с иммигрантами и привлечение гражданского общества к участию в процессе их интеграции.

С 1 сентября 2008 г. был введен тест на получение гражданства¹². Тест состоит из 33 вопросов по

темам «жизнь в демократии», «история и ответственность», «человек и общество» и ориентирован на тех иностранцев, кто проживает в Германии длительное время и желает получить паспорт, не имея немецкого свидетельства об окончании школы.

4 октября 2012 г. в Германии состоялся первый Демографический саммит Федерального правительства ФРГ, на котором федеральный канцлер А. Меркель отметила, что количество квалифицированных кадров в Германии продолжит сокращаться в будущем, поэтому нельзя игнорировать любые возможные источники привлечения иностранных квалифицированных кадров, особенно из третьих стран. Для этого также необходимо активизировать интеграцию всех прибывающих и уже проживающих в стране иммигрантов на рынок труда. Министр труда Урсула фон дер Лайен обратила также внимание на то, что больше внимания следует уделять женщинам на рабочем месте. Из 70% работающих женщин только 55% работают на полную ставку.

По данным Института немецкой экономики в Кельне в апреле 2012 г. в Германии была зафиксирована рекордная цифра вакантных мест – 460 тыс. В сферах математики, информатики, естественных и технических наук вакантными являются 280 400 тыс. рабочих мест, учителей школ – 20 тыс. рабочих мест. По сравнению с 2005 г. дефицит специалистов возрос почти в три раза. Ущерб экономики страны из-за отсутствия специалистов за один только 2011 г. оценивается в 15 млрд евро.

На кадровый дефицит накладывается неблагоприятная демографическая ситуация: численность трудоспособного населения Германии сокращается. По прогнозам, в 2025 г. по одним только демографическим причинам немецкой экономике будет не хватать до 6,5 млн специалистов в трудоспособном возрасте.

Кроме того, в последние пять лет в Германии наметилась опасная тенденция оттока немецких граждан (отрицательное миграционное сальдо). Наиболее популярными странами назначения для немецких граждан стали Швейцария, США, Польша, Австрия, Великобритания, Испания, Франция, Канада, Нидерланды, Италия (см. табл. 2).

Таблица 2

Миграционное сальдо немецких граждан («утечка мозгов» в Германии)

Миграционное сальдо немцев (чел.)	
2003 год	+ 40 000
2004 год	+ 27 400
2005 год	- 16 700
2006 год	- 52 300
2007 год	- 55 200
2008 год	- 66 500
2009 год	- 40 000
2010 год	- 26 200
2011 год	- 23 600

Источник: Федеральное статистическое ведомство Германии (Statistisches Bundesamt Deutschland).

**Структура потоков иммиграции
в Германию в 2011 г. и категории трудовых
иммигрантов в соответствии с Законом
о титулах на пребывание иностранцев
в ФРГ от 2005 г.**

В последние годы общий приток иностранцев в Германию постоянно увеличивался и в 2011 г. достиг 622 тыс. человек, отток иностранцев – 302 тыс. человек. Соответственно прирост иностранной миграции (чистая, или нетто, миграция) в 2011 г. составил почти около 320 тыс. иностранцев (см. табл. 3). Основными странами происхождения прибывающих иностранцев по-прежнему остаются Польша (17%) и Румыния (11%), далее следуют Болгария (6%), Венгрия, Турция.

Таблица 3

**Приток и отток иностранцев из Германии с
2006 по 2011 г.**

Год	Приток	Отток	Миграц. сальдо
2006 год	361 562	257 659	+103 903
2007 год	393 885	267 553	+126 332
2008 год	394 596	311 536	+83 060
2009 год	396 983	294 383	+102 600
2010 год	475 840	295 042	+180 798
2011 год	622 506	302 171	+320 335

Источник: Центральный регистр иностранцев ФРГ.

В 2011 г. выросла общая иммиграция в Германию из стран ЕС: 356 тыс. человек в 2011 г. по сравнению с 243 тыс. человек в 2010 г. При этом выехало из Германии в эти годы гораздо меньше – 156 тыс. человек в 2010 г. и 166 тыс. человек в 2011 г. Причиной роста европейской иммиграции во многом послужил финансовый кризис в ЕС, в результате которого Германия стала страной притяжения для многих граждан других европейских стран. Кроме

того, с 1 мая 2011 г. трудовые иммигранты из стран Центральной и Восточной Европы, которые присоединились к Европейскому союзу (ЕС) в 2004 г. (ЕС-8), получили неограниченный доступ к немецкому рынку труда. Существенное увеличение притока из ЕС-8 было зафиксировано в первый же месяц действия свободных правил движения. В апреле 2011 г. в Германию въехало около 4500 мигрантов из ЕС-8, их число более чем удвоилось уже в мае 2011 г. – до 10 200. Волна иммигрантов из ЕС-8 пошла на убыль после мая 2011 г., но по-прежнему была значительно выше уровня 2010 г.

На третьи страны (не входящие в ЕС) в 2011 г. приходится около 266 тыс. иммигрантов. При этом основная доля иностранцев, целью пребывания которых является получение образования и трудоустройства, приехала из США, Китая и Индии. Иммигранты из России, Турции, Ирака и Афганистана прибывали в основном по линии воссоединения семей и по гуманитарным причинам (см. табл. 4).

В соответствии с Законом о титулах на пребывание иностранцев 2005 г. (Aufenthaltsgesetz, далее – Закон о пребывании) в Германии существует три основных вида документов, разрешающих пребывание в Германии на длительный срок¹³:

- разрешение на пребывание (Aufenthaltserlaubnis);
- вид на жительство (Niederlassungserlaubnis);
- разрешение на долгосрочное пребывание-ЕС (Erlaubnis zum Daueraufenthalt-EG).

Разрешение на пребывание имеет ограниченный срок действия и выдается лицам, которые:

- хотят получить в Германии образование (§16 – 17 Закона о пребывании);
- хотят работать в Германии (§ 18 – 21 Закона о пребывании);

Таблица 4

Распределение потоков иммигрантов 2011 г. из стран, не входящих в ЕС, по странам происхождения, по видам разрешений на проживание и по целям пребывания в Германии

Гражданство	Учеба	языковые курсы, школа	Др. образование	Трудоустройство	Гуманитарные причины	Воссоединение семьи	Особые причины	Постоянный вид на жительство	Долгосрочное разрешение на пребывание в ЕС	Временное разрешение на пребывание (полит. убежище и беженцы)	ИТОГО
Турция	2082	108	108	1245	111	8363	153	2052	249	1314	21058
США	3560	889	596	4390	27	3254	910	216	245	7	17628
Китай	7266	396	483	3310	29	1790	152	55	90	319	16908
Россия	2285	212	260	1651	636	3733	112	521	225	1444	15046
Индия	1954	35	389	4782	37	2970	109	65	156	889	13931
Сербия, также бывш. Сербия и Черногория	176	30	74	2141	58	1282	60	200	181	3450	13469
Афганистан	89	3	29	7	1016	531	8	33	17	6170	9221
Хорватия	75	12	44	3794	13	693	34	123	68	24	8089
Украина	790	66	158	1441	212	1772	55	311	136	58	7105
Ирак	146	1	29	18	1089	1034	10	96	22	3169	6885
ВСЕГО (не из стран ЕС)	36607	5233	4862	37242	6903	53496	4078	5322	5041	36510	265728

Источник: Центральный реестр иностранцев ФРГ (Auslaenderzentralregister).

– могут остаться жить в Германии из-за международно-правовых, гуманитарных или политических причин (§ 22 – 26 Закона о пребывании);

– переезжают в Германию по семейным обстоятельствам (§ 27 – 36 Закона о пребывании);

– являются иностранцами и бывшими гражданами Германии, желающими вернуться в Германию (§ 37, 38 Закона о пребывании)

– получили право на длительное пребывание в какой-либо другой стране Европейского союза (§ 38a Закона о пребывании)¹⁴.

Разрешение на пребывание может быть продлено, если иммигрант прошел интеграционный курс. В отличие от разрешения на пребывание, вид на жительство не ограничен по времени действия. Он дает право на работу в Германии и направлен в основном на привлечение высококвалифицированных иностранных специалистов. Чтобы получить вид на жительство, необходимо выполнить определенные условия: более пяти лет прожить в Германии, самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, обеспечивать членов семьи, хорошо говорить по-немецки, не иметь судимостей. При определенных обстоятельствах, например высококвалифицированным иммигрантам, вид на жительство может быть выдан сразу, не учитывая срока проживания.

Разрешение на долгосрочное пребывание ЕС также является бессрочным документом о пребывании в стране, разрешающим трудовую деятельность. Условия выдачи подобного разрешения во многом похожи на процедуру выдачи вида на жительство. Однако в отличие от вида на жительство, он позволяет определенную мобильность на территории Европейского союза, то есть дает владельцу право на приобретение ограниченного сроком разрешения на пребывание в любой другой стране Европейского союза.

Из общего числа иммигрантов третьих стран в 2011 г. 36 тыс. человек въехали в страну по разрешению на пребывание для осуществления трудовой деятельности (согласно § 18 Закона о пребывании). В сравнении с 2010 г. (было выдано 28 тыс. разрешений на работу) их количество возросло на 27,4%. При этом наибольшая группа квалифицированных трудовых иммигрантов прибыла из Индии, США, Хорватии и Китая (см. табл. 5).

Согласно данным Статистического управления Германии, на 31.12.2011 в ФРГ проживает 195 310 российских граждан (в том числе 73 786 мужчин и 121 524 женщины)¹⁵. Из этого числа 7115 человек родились в Германии. Основные возрастные группы представляют лица от 25 до 35 лет (48 785 человек) и от 35 до 45 лет (46 435 человек). Средний возраст иностранца с российским паспортом в Германии составляет 38 лет – меньше чем, средний возраст турецких граждан (39 лет) и граждан стран ЕС (41 год).

Немецкая статистика раскрывает интересные данные о семейном положении российских граждан, проживающих в ФРГ. Так, большинство граждан России состоят в браке (112 296 человек). Половина семейных граждан, в основном женщины, имеют немецких супругов.

Таблица 5

Иммиграция в Германию в 2011 г. с целью трудоустройства (в соответствии с § 18 Закона о пребывании) по странам происхождения

Гражданство	Неквалиф. работа (§ 18, абз. 3 Закона о пребывании)		Квалиф. работа, требует одобрения Министерства труда (§ 18, абз. 4, с. 1 Закона о пребывании)		Квалиф. работа, в интересах общества (§ 18, абз. 4, с. 2 Закона о пребывании)	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Индия	98	2,1	4 481	94,9	83	1,8
США	1 252	32,6	2 515	65,5	57	1,5
Хорватия	1 202	31,8	2 357	62,4	32	0,8
Китай	366	11,7	2 692	85,8	69	2,2
Босния и Герцеговина	949	34,5	1 762	64,1	14	0,5
Сербия (вкл. бывш. Сербия и Черногорию)	935	43,9	1 154	54,2	22	1,0
Япония	165	8,9	1 658	89,4	28	1,5
Россия	802	51,1	709	45,7	27	1,7
Украина	1 031	76,7	297	22,1	13	1,0
Турция	270	22,3	887	73,4	49	4,1
Бразилия	290	34,9	526	63,2	12	1,4
Р. Корея	64	10,1	552	87,5	11	1,7
Канада	199	33,1	390	64,9	8	1,3
Остальные страны	3 668	47,8	3 308	43,1	199	2,6
Итого	11 291	31,3	23 288	64,6	624	1,7

Источник: Центральный реестр иностранцев ФРГ (Auslaenderzentralregister).

Основным источником приобретения гражданства для российского населения в Германии традиционно являются натурализация и статус поздних переселенцев. В 2010/11 г. 4185 выходцев из России (1748 мужчин и 2437 женщин) получили немецкое гражданство. Из них 2753 человек – на основании натурализации, 1270 человек – на основании статуса поздних переселенцев и 162 человека – в результате приема в семью, где хотя бы один из родителей – немец.

В результате натурализации с 2004 по 2011 г. немецкое гражданство получили в общей сложности 28 788 выходцев Российской Федерации. В 2011 г. немецкое гражданство было выдано 2965 российским гражданам, в том числе 1163 мужчинам, 1802 женщинам. Из этого числа 320 человек натурализовались, получив вид на жительство, после 8 лет проживания в Германии – 1926 человек, после 7 лет и прохождения интеграционных курсов – 19 человек, после 6 лет и особых успехов в интеграции в немецкой обществу – 34 человека, в качестве супругов немецких граждан – 279 человек, как члены семьи – 366 человек и т.д.

Учитывая достаточно молодой и активный возраст и преобладание женщин среди группы российского населения, проживающего в Германии, можно предположить с высокой степенью вероятности, что значительная доля из них захочет остаться жить в Германии на длитель-

ный срок с перспективой получения немецкого гражданства.

Германия остается основной страной назначения для российских высококвалифицированных специалистов. К высококвалифицированным специалистам (согласно § 19 абз. 2 Закона о титулах на пребывание) относят ученых, преподавателей (профессоров) и научных сотрудников, занимающих высокую должность, специалистов и менеджеров руководящего¹⁶.

Высококвалифицированные иностранные специалисты могут достаточно быстро получить вид на жительство в Германии, если они докажут способность содержать себя самостоятельно без помощи государства. В целом к концу 2011 г. вид жительство получил 2731 гражданин третьих стран. Из них 219 высококвалифицированных специалистов въехали с разрешением вида на жительство в 2010 г. и 370 человек – в 2011 г. Главной страной-поставщиком высококвалифицированных кадров остаются США, Россия занимает второе место (см. табл. 6).

Таблица 6

Высококвалифицированные иммигранты, въехавшие с разрешением вида на жительство (в соответствии с § 19 абз. 2 Закона о пребывании) по странам происхождения с 2005 по 2011 г.

Гражданство	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
США	23	45	82	71	73	69	107
Россия	6	1	7	13	6	15	50
Индия	3	3	2	10	21	17	38
Япония	7	5	9	4	13	5	19
Австралия	5	2	5	7	9	11	16
Канада	6	6	13	7	10	16	14
Китай	5	0	5	5	1	13	13
Турция	3	3	3	5	5	12	12
Украина	1	0	2	4	3	3	11
Бразилия	2	1	4	5	2	8	9
Остальные страны	10	14	19	26	26	50	81
ИТОГО	71	80	151	157	169	219	370

Источник: Центральный реестр иностранцев ФРГ (Ausländerzentralregister).

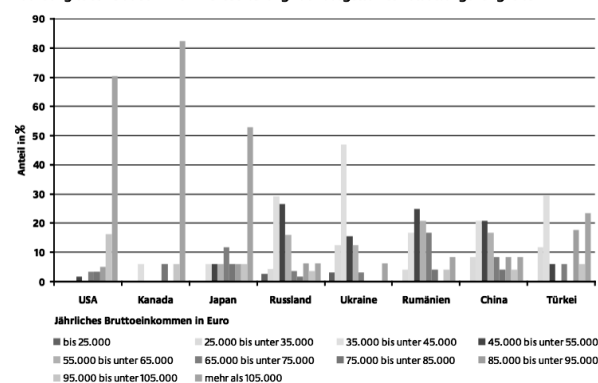
Россия лидирует по доле иностранных специалистов, представляющих в Международной классификации занятий (МСКЗ) 21-ю и 22-ю группы: физиков, математиков, инженеров, ученых, химиков, ученых-компьютерщиков, архитекторов, ученых из области науки о жизни и здоровья. Именно эти две группы вместе составляют 73% всех высококвалифицированных иностранных специалистов, приезжающих в Германию из России. Среди специалистов этих групп также высока доля китайцев – до 56%. Вторую по величине группу составляют руководители подразделений и начальники отделов на больших предприятия (группа 12 МСКЗ). Данная группа представлена гражданами США и Канады.

В то же время по уровню дохода высококвалифицированные иностранные специалисты из России находятся в самом хвосте. Так, по данным письменного опроса, проведенного среди высококвалифицированных иностранных специалистов в 2009 г., 70 % специалистов из США и Канады имели ежегодный общий доход более 105 тыс. евро (50% специалистов из Японии)¹⁷. Среди опрошенных специалистов из России и Украины только 6% получали такой доход (8% специалистов из Румынии и Китая). Ежегодный общий доход около 30 % высококвалифицированных специалистов из России находился в диапазоне от 35 тыс. до 45 тыс. евро, 26 % специалистов – от 45 тыс. до 55 тыс. евро, 16 % получали – от 55 тыс. до 65 тыс. евро (См. Рис. 1).

Рис. 1

Распределение доходов мигрантов по гражданской принадлежности

Abbildung 6.13: Relative Einkommensverteilung nach ausgewählten Staatsangehörigkeiten

Исследователи (forscher) являются отдельной категорией высококвалифицированных специалистов. Основания для выдачи вида на жительство в качестве исследователя заложены в § 20 Закона о пребывании (внесен в Закон о пребывании в августе 2007 года в соответствии с Директивой ЕС об исследователях). Исследователь, являющийся гражданином третьей страны, может получить вид на жительство с целью исследовательской деятельности, если он заключил соглашение о проведении научно-исследовательского проекта с научно-исследовательским учреждением (§ 20 абз. 1 № 1 Закона о пребывании). При этом данное учреждение должно иметь разрешение на заключение подобного соглашения от Федерального ведомства по вопросам миграции и беженцев.

В 2011 г. 317 исследователей из третьих стран, получили таким образом вид на жительство в соответствии § 20 Абз. 1 Закона о пребывании (для сравнения: в 2010 г. – 211 человек), в том числе 53 граждан Китая, 45 граждан Индии, 40 граждан США и 21 гражданин России (см. табл. №6). Всего к концу 2011 г. 584 исследователя из третьих стран имели вид на жительство (для сравнения: на конец 2010 г. – 404 человека). Основная группа исследователей концентрируется в трех регионах – в Северном Рейне-Вестфалии, Баден-Вюртемберге и Баварии.

■ Наукоеведение

С 2005 г. вид на жительство может быть выдан иностранцу, занимающемуся предпринимательской деятельностью при условии, если эта деятельность отвечает экономическим интересам страны, является приоритетной в конкретном регионе и финансово обеспечена (§ 21 абз. 1 ст. 1 Закона о пребывании). Как правило, предприниматель должен инвестировать в экономику по меньшей мере 250 тыс. евро и создать не менее пяти рабочих мест (§ 21 Абз. 1 ст. 2 Закона о пребывании).

Таблица 7

Ученые-исследователи, въехавшие с разрешением вида на жительство (в соответствии с § 20, абз. 1 Закона о пребывании иностранцев) по наиболее частым странам происхождения с 2009 по 2011 г.

Гражданство	2009	2010	2011
Китай	17	28	53
Индия	12	24	45
США	19	26	40
Россия	10	12	21
Япония	14	11	17
Остальные страны	68	110	141
ИТОГО	140	211	317

Источник: Центральный реестр иностранцев ФРГ (Auslaenderzentralregister).

В целом к концу 2011 г. 6399 граждан третьих стран получили вид на жительство в Германии в качестве независимых предпринимателей (для сравнения: на конец 2010 г. – 5780). В 2011 г. 38,0% иностранных предпринимателей приехали из США, 8,9% – из Китая и 5,7 % – из России.

Таблица 8

Самостоятельные предприниматели, въехавшие с разрешением вида на жительство (в соответствии с § 21 Закона о пребывании иностранцев в ФРГ) по странам происхождения с 2005 по 2011 г.

Гражданство	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
США	174	138	276	360	337	384	512
Китай	201	195	214	214	133	85	120
Украина	19	20	36	37	71	88	89
Россия	40	39	50	77	59	77	77
Австралия	22	35	40	63	59	53	74
Канада	32	24	53	46	37	74	72
Япония	45	17	28	16	30	32	50
Иран	19	13	10	15	17	27	35
Израиль	9	7	25	12	19	38	30
Новая Зеландия	8	6	14	6	15	9	29
Турция	25	22	16	23	13	20	26
Р. Корея	29	12	14	16	11	16	21
Остальные страны	109	114	115	354	223	137	212
ИТОГО	732	642	891	1 239	1 024	1 040	1 347

Источник: Центральный реестр иностранцев ФРГ (Auslaenderzentralregister).

Новая программа Федерального правительства по привлечению квалифицированных кадров в условиях экономического кризиса в Европе

В условиях продолжающегося экономического кризиса в Европе нехватка собственных высококвалифицированных специалистов и «утечка мозгов» в Швейцарию, Америку, Польшу, Великобританию и т.д. стали существенным тормозом для развития и конкурентоспособности экономики Германии. Федеральное правительство реализовало в 2011 – 2012 гг. комплекс мер, направленных на привлечение высококвалифицированной рабочей силы, включающих:

- разработку концепции сохранения квалифицированных кадров в Германии – июнь 2011г.;
- принятие Закона об улучшении оценки и признания профессиональной квалификации, полученной за рубежом, – вступил в силу в апреле 2012г.;

- введение визы «Голубая карта ЕС» – вступила в силу в августе 2012 г.

Концепция сохранения квалифицированных кадров принята Федеральным правительством в июне 2011 г. и направлена на поддержание предложения квалифицированной рабочей силы на рынке труда Германии в среднесрочной и долгосрочной перспективе в свете снижения численности населения трудоспособного возраста. Вместе с тем задача привлечения высококвалифицированных специалистов из-за рубежа напрямую связана с вопросом признания их профессиональных квалификаций. Около 300 тыс. иностранцев не могут работать по специальности: их образование, полученное на родине, формально не признается. Для решения данной проблемы был принят Закон «Об улучшении оценки и признания профессиональной квалификации, полученной за рубежом». Данный закон призван облегчить процесс признания дипломов иностранных специалистов за счет введения универсального подхода, единых критериев оценки квалификации и создания информационной и консультационной инфраструктуры для иностранцев. Тем самым закон должен повысить шансы для иностранцев найти работу по специальности. В настоящее время 285 тыс. нынешних жителей обладают иностранной квалификацией и имеют право на оценку.

В соответствии с этим законом, каждый обладатель диплома зарубежного вуза получит право подать заявку на процесс его рассмотрения. Установлен максимальный трехмесячный срок для процедуры проверки диплома на его соответствие немецким стандартам. В том случае, если диплом не будет признан, его владельцу выдадут свидетельство, которое будет содержать перечень приобретенных заявителем профессиональных знаний и навыков, а также рекомендации по повышению квалификации, необходимому для признания диплома в стра-

не. При этом закон распространяется только на профессии, требования по которым устанавливаются на федеральном уровне, определяемые законом как нерегламентированные (квалификации, получаемые в Германии путем дуальной системы подготовки специалистов в системе профессионального образования и в ремесленной сфере. В Германии их насчитывается около 350).

Но многие широко распространенные профессии (например, инженеров и архитекторов, учителей и воспитателей, социальных работников, налоговых консультантов и др.) являются нерегламентированными и подпадают под действие земельных законодательств¹⁸. Для нерегламентированных специальностей новый закон предусматривает возможность получения справки о соответствии, которую выдает центральное ведомство по вопросам зарубежного образования¹⁹.

С 1 августа 2012 г. в Германии вступил в силу новый параграф Закона об иностранцах, а именно §19a. Он определяет порядок выдачи визы «Голубая карта ЕС», цель которой заключается в том, чтобы облегчить въезд в страну квалифицированных специалистов из стран, не входящих в ЕС. Получить новую визу могут иностранцы с высшим образованием, полученным в Германии, либо обладатели диплома о высшем образовании другой страны, который признается в Германии. Более того, если высшего образования нет, но есть опыт работы не менее 5 лет по специальности, требующей высшего образования, то в этом случае также можно получить «Голубую карту».

Существенным изменением в миграционной политике Германии стала отмена требования от работодателя, берущего иностранца на работу по «Голубой карте» подтверждения от биржи труда о том, что он не смог найти подходящего работника, уже проживающего в регионе. Кроме того, значительно снижена планка зарплаты для иностранных высококвалифицированных специалистов. Если раньше получателю рабочей визы по программе миграции высококвалифицированных специалистов требовалось иметь зарплату не менее 60 000 евро в год, то теперь он может получить «Голубую карту» уже при зарплате в 44 800 евро в год. Специально для всех ученых, врачей, математиков, инженеров и, разумеется, IT-специалистов всех мастей новая виза гарантирована уже при контракте на 34 944 евро в год.

В рамках объявленной государством программы привлечения квалифицированных специалистов в помощь потенциальным иностранным специалистам был запущен интернет-портал «Make-it-in-Germany» («Добейся успеха в Германии!»)²⁰. На сайте систематизирована вся информация о возможностях трудоустройства в Германии: список вакансий, имеющихся на немецких предприятиях, а также перечень организаций, оказывающих содействие желающим приехать в Германию на работу.

Долгое время в гражданском праве Германии особое место занимал этнический принцип определения национальной принадлежности. Данный принцип определял концепцию иммиграционной политики Германии до 2005 г. Во многом под влиянием доминирования этнической концепции немецкого гражданства рабочая иммиграция и интеграция трудовых иммигрантов не были в центре иммиграционной политики Германии. Приглашение иностранных рабочих носило временный характер, являлось мерой регулирования рынка труда и находилось к сфере ответственности министерства по труду и занятости. Иностранные рабочие считались «гастарбайтерами» и соответственно не числились к категории иммигрантов, которые имели право доступа к программам интеграции иммигрантов.

В начале 1970-х гг. Германия закрыла легальные возможности въезда на территорию с целью поиска работы и начала проводить активную политику возвращения «гастарбайтеров» на родину. Именно после введения запрета на въезд в страну с целью поиска работы количество проживающих на территории Германии «иностранцев» из стран, в которых когда-то велась вербовка, увеличилось. Иностранные рабочие, пользуясь правами на защиту семьи, стали приглашать в Германию свои семьи. В результате потоков членов семей постепенно происходила декартификация иммиграции в Германию. Кроме того, декартификация иммиграции происходила и в случае этнической миграции. Приезжающие на постоянное место жительства этнические немцы из стран Восточной Европы и бывшего СССР плохо интегрировались в социальной жизни и на рынке труда, так как не знали немецкого языка, культуры и быта Германии. Несмотря на это, они рассматривались как возвращающиеся на родину граждане.

Реформа гражданства 2000 г. определила «отход» от этнокультурной модели нации, основанной на требовании этнической, языковой и культурной однородности всех членов общества и ассимиляции иммигрантов. В новой модели немецкой нации этнический принцип «права крови» дополнился территориальным принципом «права почвы». Новый Закон о гражданстве 2000 г. способствовал пересмотру политики регулирования потоков иммиграции и интеграции иммигрантов в немецкое общество. Инициатива «зеленых карт» стала, по сути, первой из грядущих перемен в иммиграционной политике, впоследствии кардинально изменивших саму парадигму управления иммиграцией в Германии. В рамках данной программы была апробирована «балльная система» оценки претендентов и наметилась тенденция к более селективной иммиграционной политике. С вступлением в силу нового иммиграционного законодательства (2005 г.) Германия официально признала себя «иммиграционной страной». Интеграция иммигрантов стала важной составляющей миграционной политики.

■ Наукоеведение

Цель новой программы Федерального правительства по привлечению высоко- и квалифицированных кадров (2011 – 2012 гг.) заключается в том, чтобы сделать Германию максимально открытой и привлекательной для всех, кто хочет приехать сюда или остаться здесь работать после получения высшего образования. Германия фактически распахивает двери перед иностранцами – обладателями высшего образования и высококвалифицированными специалистами. Теперь, чтобы получить разрешение на пребывание в Германии, достаточно иметь диплом о высшем образовании или подписать контракт с зарплатой не меньше указанных выше сумм. Категория высококвалифицированных специалистов становится привилегированной группой иммигрантов. Государство облегчает въезд членам их семей, отменяя требование подтверждения знания немецкого языка и предоставляя супругам разрешение на работу в Германии в любой отрасли.

Необходимо отметить, что российская диаспора в Германии на 99 % состоит из «русских немцев» (переселенцев из стран бывшего СССР). Данная группа обладает высоким потенциалом для развития российско-германских отношений и формирования позитивного имиджа России, который до сих пор, к сожалению, недооценен и не используется Россией в полной мере. По неофициальным данным, российская диаспора в Германии насчитывает до 3 млн человек (3,7 % населения ФРГ). При этом во всей Германии действует только один Российский Дом науки и культуры в Берлине. В Нюрнберге (500 тыс жителей), где русская диаспора насчитывает 60 тысяч человек, действует только один Российско-немецкий центр.

Германия входит в тройку наиболее желаемых стран-назначения российских высококвалифицированных специалистов вместе с США и Великобританией. Доля российских ученых-исследователей и предпринимателей, у которых свой бизнес в Германии, весьма незначительна по сравнению с США и Китаем. Наиболее востребованными в Германии являются российские физики, математики, инженеры, ученые, химики, компьютерщики. При этом российские ученые и специалисты находятся на последнем месте по уровню оплаты труда в сравнении с высококвалифицированными иностранными специалистами из США, Канады, Японии и других стран.

Bolshova N.N. Germany's Immigration Policy Towards Highly-Skilled Workers in the 21st Century.

Summary: *At the end of XX - beginning of XXI century due to accelerating the transition of the world economy to the innovative way of development, "knowledge" has become a direct force of production, significantly increased the role of human capital as the main factor in future economic growth and competitiveness of modern states. In turn, developed and developing countries, faced with a shortage of personnel in high-tech industries and the "brain drain", modernize their immigration policy to attract highly qualified foreign personnel from all over the world and to secure its own intellectual resources. The article examines recent changes in the modern migration policy in Germany, which has become, on the one hand, more selective to different categories of workers, and on the other hand - more open for skilled personnel, especially from developing countries. The purpose of this policy is primarily to cover the shortage of skilled personnel in the national labor market by attracting foreign specialists.*

Ключевые слова

Интеллектуальная миграция, миграционная политика, «утечка мозгов», квалифицированные специалисты, Германия.

Keywords

Intellectual migration, migration policy, "brain drain", highly-skilled workers, Germany.

Примечания

1. Согласно статье 16а Основного закона ФРГ 1949 г., «право на убежище» предоставлялось всем гражданам других стран, подвергающимся у себя на родине преследованиям по политическим мотивам.
2. В настоящее время программы GARP/REAG (Government Assisted Repatriation Programme/Reintegration and Emigration Programme for Asylum-Seekers in Germany) реализуются Международной организацией по миграции (МОМ) от имени Федерального министерства внутренних дел и ответственных министерств федеральных земель.
3. Zimmermann Klaus F. «Wir kriegen nicht die besseren Köpfe». – ProFirma, Oktober 2004;
4. Карачурина Л. Иммиграционная политика Германии: успешный - неуспешный опыт / Мировая экономика и международные отношения. 2008. №7. С. 50-60.

5. Ст. 116 «а» Конституции ФРГ с изменениями от 1993 года имеет следующую редакцию: «п.1. Лица, преследуемые по политическим мотивам, имеют право на убежище; п.2. Не имеют право на политическое убежище граждане стран ЕС, а также граждане других стран, в которых соблюдаются права человека; п.3. Лицо, выехавшее из страны, где, по определению Бундесрата, нет политического преследования (т.н. «спокойные» страны), может получить убежище, если докажет факты политического преследования со стороны государства; п.4. Не могут получить политического убежища лица, выехавшие в Германию через третью страну, в которой нет преследований по политическим мотивам».
6. Квота для выдачи разрешений на работу изначально была установлена в размере 10000 «зеленых карт», однако в июле 2003 года она была увеличена до 20000. При этом получить «зеленую карту» могли также, не выезжая из Германии, иностранные студенты-выпускники немецких вузов по соответствующей специальности.
7. Алешковский И.А. Иммиграционная политика и экономическое развитие стран принимающих мигрантов (на примере действия программы "Зеленая карта" в Германии) // Политика народонаселения: настоящее и будущее: Четвертые Валентеевские чтения: Сборник докладов / Ред. В.В. Елизаров, В.Н. Архангельский. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 187-192.
8. BMA (2001), Erster Bericht "Monitoring des IT-Sofortprogramms" von 2. Juli 2001, Bundesministerium für Arbeit und Sozialordnung, Berlin.
9. Migration und Asyl in Zahlen (2005). Bonn: Bundesamt für Migration und Flüchtlinge s. 66.
10. Statistisches Bundesamt Deutschland. 2011. URL: <http://www.destatis.de/>
11. Власти Германии облегчат условия иммиграции. Дата публикации статьи 28.03.2012. URL: <http://www.lenta.ru/news/2012/03/28/migration/>
12. «Интеграция остается ключевой задачей». Интервью с М. Бемер // Deutschland. № 5. Октябрь/ноябрь 2008 г. С. 49.
13. Aufenthaltsgesetz URL: http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/aufenthg_2004/gesamt.pdf
14. <http://www.bamf.de/RU/Willkommen/Aufenthalt/WichtigeInformationen/wichtigeinformationen-node.html>
15. Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Einbürgerungen. Fachserie 1 Reihe 2.1 - Statistisches Bundesamt, 2011
16. Das Bundesamt in Zahlen 2011. Asyl, Migration, ausländische Bevölkerung und Integration – BMF, 2011
17. Heß B. Working Paper 28. Zuwanderung von Hochqualifizierten aus Drittstaaten nach Deutschland Ergebnisse einer schriftlichen Befragung – BMF, 2009.
18. 60 регламентированных профессий, для которых требуется официальное признание соответствия иностранных дипломов немецким со стороны компетентных государственных ведомств: Врачи, ветеринары, аптекари, учителя, воспитатели, юристы, переводчики, архитекторы, инженеры, налоговые и хозяйственные консультанты и др. Полный перечень этих специальностей можно найти на веб-сайте в Интернете: http://ec.europa.eu/internal_market/qualifications/regprof/index.cfm?action=homepage). 350 нерегламентированных профессий – специальности, получаемые в Германии путем дуальной системы обучения согласно Закону о профессиональном обучении, не требуется официального признания соответствия. В соответствии с новым Законом федеральные земли обязали изменить к концу 2012 года правовые положения о регламентированных профессиях в области их компетенции с тем, чтобы улучшить процедуру признания иностранных дипломов для этих профессий.
19. Соответствующую информацию можно найти на веб-сайте в Интернете: www.anerkennung-in-deutschland.de
20. <http://www.make-it-in-germany.com/>

Интеллектуальная миграция в Израиль: российский аспект

В.М. Морозов

Статья посвящена исследованию фактора интеллектуальной эмиграции из России в Израиль. Рассматриваются исторические предпосылки данного процесса, прослеживаются различные его тенденции в разные периоды времени. Автор предпринимает попытку анализа «утечки умов» из России в Израиль и дает рекомендации по формулированию государственной политики России с целью уменьшения российского интеллектуального миграционного потока в Израиль на современном этапе.

За последние двадцать пять лет в России большое внимание в научном сообществе уделяется анализу процесса интеллектуальной эмиграции, или так называемой «утечки умов». В результате экономических потрясений, общей нестабильности процесс приобрел такие масштабы, что под угрозой оказались целые направления российской науки и промышленности. Ликвидация данного феномена представляется одним из главных направлений государственной политики, на которой, как полагают сегодня многие исследователи, надо делать особый акцент. Среди прочего причинами интеллектуальной миграции из России называют необеспеченность российской науки соответствующей инфраструктурой, которая значительно замедлила развитие научных исследований в стране. Говоря об этнической эмиграции, следует подчеркнуть, что процент научных сотрудников, по разным оценкам, очень велик. Счет идет на сотни тысяч. Обращает на себя внимание тот факт, что «утечка умов» обнажила всю систему Российской академии наук, которую покинули многие инициативные специалисты.

Рекордсменами по приему российской интеллектуальной элиты до сих пор остаются Германия, Израиль и США. Несмотря на то что пик последней волны эмиграции пройден более десяти лет назад, сегодня опять наблюдается некоторое увеличение оттока научных кадров из страны. Подавляющее большинство отъезжающих из России на ПМЖ сегодня – лица с высшим образованием. Если взять общее количество эмигрировавших в Германию и Израиль за последние 25 лет, то 79,3% из них – представители научных и образовательных кругов. У более чем 40% прибывших в Израиль бывших советских граждан общий срок обучения составил в среднем более 13 лет, тогда как в Израиле аналогичный показатель наблюдается лишь у 24,2% населения¹. В последнее время появилось такое явление как, бизнес-эмиграция из России. Это значит, что российские талантливые бизнесмены среднего возраста, которые добились высокого благосостояния у нас в стране, уезжают преимущественно в западные страны, покупая там недвижимость и вкладывая в местные банки и бизнесы свои доходы. Таким образом, интел-

Морозов Владимир Михайлович – к.и.н., доцент кафедры дипломатии МГИМО(У) МИД России, заместитель проректора по кадровой политике МГИМО. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Международная интеллектуальная миграция: возможности использования ее потенциала в интересах развития России», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8181).

лектуальная эмиграция сегодня сопровождается и оттоком российского капитала.

Интеллектуальная эмиграция ученых-теоретиков и практиков высокой квалификации в Германию и Израиль порождает и другие качественные сдвиги в социальной структуре российского общества. Речь идет об обратном пропорциональной связи, когда увеличение числа уезжающих из России интеллектуальных кадров резко понижает средний уровень интеллекта в стране, что даже в краткосрочной перспективе является угрозой интеллектуальной, социальной и экономической безопасности России. Продолжение этого процесса – импорт в Россию значительного числа неквалифицированной рабочей силы, в основном из стран СНГ. Численность таких кадров составляет несколько миллионов человек по всей стране. При разработке национальной стратегии развития надо учитывать негативные социально-экономические последствия для экономики России – фактор интеллектуальной эмиграции, который серьезным образом не позволяет реализовывать основные направления технологической и экономической безопасности нашей страны.

Израиль на протяжении долгого времени остается предметом изучения представителями многих наук в силу своей уникальности. Уникальна и история создания страны, и приехавшие ее строить люди, и трагизм арабо-израильского противостояния. В данной работе мы попытаемся дать оценку роли интеллектуальной составляющей людских ресурсов, которые в виде миграционного притока вот уже несколько раз помогали Израилю укрепить свою военную мощь, преодолеть последствия затянувшихся экономических кризисов, занять одно из ведущих мест в области высоких технологий.

Для понимания изучаемой проблематики, конечно, необходимо определиться и с понятийным аппаратом, который призван помочь читателю разобраться в описываемых в работе процессах. Так, следует оговориться, что для анализа современного периода в статье будет приводиться ряд исторических примеров дореволюционного и советского периодов. Изучение вопроса интеллектуальной миграции в Израиль – довольно популярная тема для современных исследователей, так как она касается и двусторонних российско-израильских отношений, и вопросов интеллектуальных потерь для российского образования и реального сектора экономики, утечки информации, способной поставить под угрозу военную безопасность Российского государства. В данной работе будет предпринята попытка комплексного анализа интеллектуальной миграции в Израиль с акцентом на ее российскую составляющую.

Сама история создания Израиля пронизана трагическими событиями, связанными с ограничениями на въезд евреев в Палестину, находившуюся под контролем Великобритании. Однако цель, провозглашенная основателем сионизма Т.Герцлем еще в конце XIX в. и заключавшаяся в заселении евреями всего мира этой территории, в конечном итоге увенчалась успехом. В 1948 г. было провоз-

глашено создание нового государства. Историки до сих пор спорят о значении произошедших в Палестине событий, однако одно остается очевидным: воссоздание еврейской государственности было возможно исключительно за счет качественного интеллектуального миграционного притока.

На протяжении XIX и XX вв. в Израиль направлялись разные по количеству и по качеству субэтнические группы, среди которых центральное место всегда занимали выходцы из Российской империи, СССР, а затем и России. Но если в досоветский период евреи уезжали из России сначала в меньшей степени из сионистских побуждений и в большей степени под давлением погромов и революционных событий, то настоящую выгоду Израиль получил именно от советской системы, которая подготовила для еврейского государства колоссальное количество высокопрофессиональных кадров.

Глядя на статистику иммиграции евреев из СССР в 1970–1980 гг., становится очевидным, что в основном из страны уезжали представители интеллигенции, люди с высшим образованием, деятели науки и культуры, экономисты, юристы. Вместе с тем масштабы оттока советских специалистов в Израиль не позволяют говорить о том, что науке и промышленности СССР был нанесен серьезный ущерб, потому что выезд за рубеж нескольких десятков тысяч людей в итоге никак не пошатнул систему. Настоящий удар по интеллектуальному потенциалу уже постсоветской России был нанесен за несколько лет до распада Советского Союза, когда в конце 1980-х гг. был полностью снят запрет на выезд советских евреев за рубеж. В результате волна иммигрантов, недовольных социальной политикой советских властей, хлынула в западные страны и Израиль. Продолжавшийся до середины 1990-х гг. миграционный отток интеллектуальной силы России подарил Израилю несколько сотен тысяч высококвалифицированной рабочей силы, что положило начало нового этапа изучения социологами вопроса «утечки российских мозгов» и его положительного влияния на развитие израильской экономики.

Для Израиля всегда одной из внешнеполитических целей было привлечение как можно большего количества мигрантов в страну. Сегодня в иерархии так называемой интеллектуальной силы верхние места занимают Россия и Украина. Россия как наследница советского прошлого также дала Израилю большое количество образованных инженеров, врачей, ученых. Наряду с выходцами из России интеллектуальную ценность также представляют выходцы из ряда восточноевропейских стран, таких, как Румыния, Польша, Венгрия. Говоря о сегодняшней, четвертой волне интеллектуальной иммиграции из России, в том числе в Израиль, следует выделить ряд ее особенностей. В частности, сегодня никто не сможет назвать точную цифру выехавших за рубеж ученых. По разным оценкам, из России в Израиль за 20 последних лет выехали около 200 тыс. российских ученых. По послед-

ним данным Центрального статистического бюро Израиля, выезд образованных специалистов из России продолжается: в 2011 г. в Израиль уехало более 3,5 тыс. наших соотечественников, причем в последние годы наметилась тенденция увеличения в этой волне доли жителей Москвы и Санкт-Петербурга².

Другая особенность оттока интеллектуального капитала из России – его добровольный характер, который основывается на желании в основном этнической иммиграции к проживанию на земле предков. Главные реципиенты таких мигрантов – Германия и Израиль. Фактор добровольной этнической миграции в Израиль сегодня не является основополагающим. Обращает на себя внимание и организованный характер миграции еврейского населения из России. Речь идет о ключевой роли израильских властей в организации еврейской эмиграции. Основная роль на данном направлении отведена агентству «Сохнут», которое на протяжении многих лет координирует работу всех ведомств для привлечения и безболезненного выезда российских евреев в Израиль.

Условно массовый отток еврейского населения в Израиль имеет еще две особенности. Если в конце 1980-х и начале 1990-х гг. большое количество эмигрантов использовали возможность въезда в Израиль (с визой) как способ получить вид на жительство, а потом и гражданство любой западноевропейской страны и США, то с 1995 г. наметилась иная тенденция. В ее рамках до 2002 г. желающих поехать именно в Израиль заметно прибавилось. В период с 1987 по 2004 г. в Израиль прибыли более 300 тыс. российских граждан.

Таблица 1
Эмиграция из России в Израиль 1987–2004 гг., человек³

Годы	Численность выехавших в Израиль на ПМЖ	Численность иммигрантов, прибывших из РФ	Годы	Численность выехавших в Израиль на ПМЖ	Численность иммигрантов, прибывших из РФ
(1)	(2)	(3)	(1)	(2)	(3)
1987	3523	2072*	1996	14298	16488
1988	8088	2166*	1997	12873	15290
1989	21956	3821	1998	12778	14454
1990	61023	45522	1999	20026	31104
1991	38744	47267	2000	9407	18785
1992	21975	24786	2001	4835	10871
1993	20404	23082	2002	2764	6540
1994	16951	24612	2003	2048	4835
1995	15198	15707	2004	1733	3698

Изучение процесса интеллектуального оттока из России в Израиль призвано показать, какой ущерб был нанесен качественному составу российского общества и экономике. К сожалению, такие цифры никогда не смогут в полной мере отражать положение вещей, однако имеющиеся оценки показывают, что потери страны возрастают с каждым годом. Долгое время та-

кого рода ущерб оценивался в 25–30 млрд долл. в год (к 2004 г.), а численность уехавших ученых за рубеж – в 30 тыс. человек. Учитывая затраты на подготовку научных и других кадров высшей квалификации и реального масштаба интеллектуальной эмиграции из России, в начале 1990-х гг. потери составляли 35–40 млрд долл. По данным Комиссии по образованию Совета Европы, потери России из-за эмиграции ученых и специалистов достигли (с учетом упущенной выгоды) в среднем 50–60 млрд долл. в год. Суммарный ущерб к середине 2000-х гг. перевалил за 1 трлн долл.⁴.

Отток интеллектуального капитала в Израиль, как и в другие страны, – безвозвратный процесс, который приводит к тому, что затраты Российского государства на обучение и повышение квалификации большей части элиты остаются невозмещенными. Из-за выезда поколения молодых специалистов происходит нарушение преемственности ряда научных школ в нашей стране. Анализируя состояние дел с интеллектуальной эмиграцией из России в Израиль сегодня, можно заметить ряд тревожных сигналов. В первую очередь обращает на себя внимание вновь увеличивающийся поток российских научных и технических кадров в израильские научные и образовательные центры. Так, только за 6 месяцев 2011 г. эмиграция из России в Израиль возросла на 18% по сравнению с тем же периодом 2010 г.⁵ Рост эмиграции в Израиль из России начался после экономического кризиса 2008 г.

По мнению израильского социолога М. Тольца, причины этого явления – социальная напряженность в России, сопровождающаяся экономической нестабильностью и инфляцией. Более того, нынешний поток российских эмигрантов, выезжающих на ПМЖ в Израиль, качественно отличается от предшествующих. Количество уезжающих из провинции сокращается. Наоборот, процент приезжающих в Израиль из крупных городов резко вырос: уже к 2009 г. доля столичных эмигрантов из России составляла без малого 30%, тогда как аналогичный показатель после 1998 г. колебался в рамках 10%.⁶

Реальные же масштабы эмиграции из России в Израиль до сих пор являются предметом споров исследователей по причине отсутствия точной статистики на этот счет. Официальная статистика в Израиле и в России дает абсолютно несопоставимые цифры: если, по данным Центрального статистического бюро Израиля, в 2011 г. в страну прибыло более 3400 человек, то Росстат дает показатель в 947 человек⁷.

Многие российские социологи, занимающиеся миграционной проблематикой, фиксируют явные несоответствия между официальными показателями количества выехавших из России на ПМЖ гражданами и соответствующими цифрами по их прибытию в принимающих странах. Несостоятельность такой статистики подтверждается даже при сопоставлении нескольких официальных российских источников.

Таблица 2
Эмиграция из России за пределы СНГ и Балтии, 1992–2000, в тысячах человек⁸

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2010	2010
По данным Госкомстата*	–	88,8	91,4	100,0	87,4	83,5	80,4	85,3	62,3
По данным МВД**	103,1	113,9	105,4	110,3	96,7	84,8	83,7	108,3	77,6

* Эмигранты, которые при выезде снялись с учета по месту жительства, то есть утратили статус резидента.

** Лица, получившие разрешение на выезд в эмиграцию.

Вместе с тем вопрос эмиграции интеллектуальных кадров из России в Израиль не может и не должен ограничиваться показателями прибывших в еврейское государство. Имеет место и обратный отток выходцев из России. Своего максимума (по разным оценкам, около 3000 чел. в год) он достиг в середине 2000-х гг., когда общая ситуация в стране начала стабилизироваться, а положение в Израиле, связанное с обострением палестино-израильского конфликта, усугубляться. Сегодня число приезжающих из Израиля в Россию снова опустилось до приблизительно 800 чел. в год⁹.

Подводя итоги исследования, следует отметить, что начавшийся 25 лет назад отток интеллектуального капитала из России в Израиль продолжается. В последние два года, на фоне экономического кризиса, образованные молодые специалисты вновь

устремилась за границу в поисках достойной работы. Данный процесс, безусловно, наносит большой ущерб российской науке и промышленности, что в долгосрочной перспективе может привести к системному кризису в российской экономике ввиду нехватки кадров. Тенденция к этому обозначилась уже сегодня.

Для того чтобы сократить показатели «утечки умов» посредством решения проблемы интеллектуальной эмиграции, государство должно:

– во-первых, в полной мере осознать такую необходимость и оценить реальные последствия этого процесса;

– во-вторых, принимать активное участие в разработке и претворению в жизнь соответствующей политики.

Особо надо подчеркнуть, что предпринимаемые меры не должны носить запретительный характер.

Morozov V.M. Intellectual Migration to Israel: the Russian Aspect.

Summary: The article is dedicated to studying the factor of intellectual emigration from Russia to Israel. Historical preconditions are examined, and its various tendencies in different times are learned. The author tries to analyze “brain drain” from Russia to Israel and gives recommendations on formulating Russian state policy for the purpose of current Russian intellectual migration flow to Israel reduction.

Ключевые слова

Интеллектуальная миграция, миграционные потоки, «утечка умов», Россия, Израиль.

Keywords

Intellectual migration, migration stream, “brain drain”, Russia, Israel.

Примечания

1. Ушкалов И. Интеллектуальная эмиграция и безопасность. В книге: Миграция и безопасность в России. М.: Интредиалект, 2000. С. 128–130.
2. Информация с сайта Центрального статистического бюро Израиля www.cbs.gov.il
3. Российский статистический ежегодник. 2005: Стат. сб. / Росстат. М., 2006. С. 819.
4. Наумова Т. Научная эмиграция из России // Свободная мысль – XXI. М., 2004. № 3. С. 120–130.
5. Тольц М. Новый всплеск эмиграции из России. Эхо России www.ehorussia.com
6. Там же.
7. Информация с сайтов Центрального статистического бюро Израиля www.cbs.gov.il и Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации www.gks.ru
8. Информация с сайтов Федеральной службы государственной статистики www.gks.ru и Министерства внутренних дел России www.mvd.ru
9. Тольц М. Цит. соч.

Влияние культурного контекста на развитие науки в России: социально-психологический взгляд

В.И. Коннов

В статье предлагается взгляд на формирование национальной научной культуры, предопределяющей особенности развития научных исследований в различных странах, с позиций социальной психологии. Данный подход позволяет выявить причины возникновения особых научных культур и предлагает инструментарий, делающий возможным их описание. Автор использует трехуровневую схему характеристики культур, предложенную Д. Ойзерман и соавторами, и предпринимает попытку анализа «удаленного» (в терминологии Ойзерман – дистального) уровня российской научной культуры, представляющего влияние национальной культурной традиции в широком смысле, которое формирует контекст деятельности российских ученых.

В настоящее время одним из самых активно развивающихся направлений социальной психологии являются исследования культуры, выведенные на первый план «культурным поворотом», в ходе которого произошло смещение дисциплины от поиска универсальных закономерностей общественного поведения человека к изучению его особенностей в различных национальных, организационных и иных контекстах. Характерным для культурного направления является вовлечение в сферу исследования окружения человека и его влияния на индивидуальное поведение и психические процессы, что означает значительное расширение традиционного предмета социальной психологии, долгое время концентрировавшейся на изучении ситуаций, максимально очищенных от контекстуального влияния.

Психологические исследования культуры осуществляются преимущественно на двух уровнях – национальном и организационном: в

первом случае речь идет о культурах целых народов, во втором – о культурных ситуациях, которые создаются в рамках определенных формальных объединений, обладающих определенной идентичностью и передающих ее, целенаправленно или непреднамеренно, своим участникам. Несколько реже встречаются работы, посвященные профессиональным культурам, которые распространяют свое влияние на представителей какой-либо специальности. Исследования психологических особенностей ученых стоят наиболее близко именно к этой группе, однако если говорить о культуре научного сообщества, то в этом случае круг ключевых проблем оказывается отличным от того, который возникает в психологии профессий.

Прежде всего, научно-исследовательская работа, даже в том случае, когда мы говорим исключительно о фундаментальной науке, исключая из внимания прикладные исследования, объединяет две заметно различающиеся между собой

Коннов Владимир Иванович – к.социол.н., доцент кафедры философии МГИМО(У) МИД России.

E-mail: v.konnov@inno.mgimo.ru

Статья подготовлена в рамках проекта «Социокультурные особенности научно-исследовательской деятельности в России», выполняемого по гранту Президента Российской Федерации для поддержки молодых ученых.

профессии – преподавателей высшей школы и сотрудников научно-исследовательских организаций. Более того, одновременно с этим научное сообщество включает две сильно разнящиеся между собой группы – гуманитариев и естественников, отношения между которыми далеки от полного взаимопонимания и время от времени переходят в открытые конфликты (к примеру, споры между «физиками» и «лириками» в СССР в 1960–1970-х гг. или «научные войны» в США в 1990–2000-х гг.), не говоря уже о том, что под понятие «научные исследования» подпадают все самые разнообразные научные специальности, счет которых идет на тысячи и которые, в принципе, так же могут рассматриваться в качестве обособленных, в терминологии социолога К. Кнорр-Сетины, «эпистемических культур»¹.

Основанием для объединения всего этого многообразия в одну рассматриваемую группу является самоидентификация ее участников: несмотря на существование внутренних противоречий, все они считают себя именно учеными, что подразумевает признание особого набора ценностей и принятие обладающей специфическими чертами традиции. В наиболее сжатом виде основы этой традиции были сформулированы Р. Мертоном как четыре императива «научного этоса»: универсализм, коллективизм, бескорыстность и организованный скептицизм. Первый, главный и практически безоговорочно признаваемый учеными императив универсализма² утверждает, что «тензии на истину, каким бы ни был их источник, должны быть подчинены заранее установленным безличным критериям» и «не должны зависеть от личностных или социальных атрибутов их защитника»³. Этот императив сразу же выводит научную традицию на наднациональный уровень, так как приоритетное значение интересов сограждан и нации в целом, которое прямо устанавливается или подразумевается любой национальной идеологией, оказывается в противоречии с научным этосом.

При этом общим местом стало утверждение о существовании национальной науки – немецкой, французской, российской и т.д., – несмотря на то, что такая постановка вопроса прямо противоречит идеальным представлениям о науке, которые подразумевают игнорирование национальности при оценке вклада ученого и принятие решений, исходя исключительно по объективным критериям. Более того, подобные утверждения идут дальше простой констатации очевидных вещей – ясно, что, к примеру, российская наука особенна уже тем, что она осуществляется на русском языке и ее представляют российские ученые со всеми их социальными и психологическими особенностями, но, помимо этого, в них содержится указание на существование национальных черт самой научно-исследовательской деятельности, т.е., по сути, особенностей метода научного исследования.

Основания для подобной точки зрения дает психология науки. Ключевой здесь является концепция М.Г. Ярошевского, специально рассматривавшего проблему соотношения национального и

интернационального влияния в науке. С его точки зрения, индивидуальный ученый, будучи вовлеченным в научно-исследовательскую деятельность, которой присущ высокий уровень интернационализации, неизбежно оказывается подвержен влиянию мировой научной культуры, которое иногда даже отодвигает на второй план его национальную идентичность. Однако значение национальной культуры возрастает в рамках научных школ, для возникновения которых необходима более прочная основа, чем просто общие исследовательские интересы участников. «В действительности эту систему создают люди, взращенные на почве определенной национальной культуры. Они впитывают богатства этой исторически сложившейся культуры, ее самобытные социально детерминированные традиции. И это вовсе не безразлично для направленности и стиля их мышления при открытии, выборе и решении строгого научного проблем. За каждым выбором и решением стоит не абстрактный индивид с его общим для всех аппаратом переработки информации, а личность, в творчестве которой с различной степенью остроты сконцентрированы нужды и боли своего народа»⁴.

В свою очередь, на базе научных школ и за счет привлеченных ими ресурсов возникают международные невидимые колледжи, которые формируются вокруг когнитивных элементов, общих для представителей разных национальностей. В то же время культурно-специфические элементы из их оборота вытесняются. И именно в рамках таких колледжей складываются парадигмы – особые взгляды на действительность, которые предопределяют наборы исследуемых проблем и методы их исследования, характерные для различных дисциплин. Будучи сформированными, парадигмы становятся ключевым элементом профессиональной подготовки ученого и в результате – частью его внутреннего мира.

Таким образом, культура научного сообщества представляет собой сплав наднациональных и национальных элементов. Составить ее социально-психологическую характеристику позволяет подход, предложенный психологией культуры, который предполагает вовлечение в анализ поведения и психических процессов, и внешнего материального и смыслового контекста. Американские психологи Д. Ойзерман, М. Кеммелмейер и Х. Кун предлагают модель культурного влияния, которая предусматривает три основные группы факторов: 1) действующие на индивидуальном уровне, т.е. интернализированные культурные нормы; 2) действующие на уровне социальных институтов, к которым относятся все структуры, образующие родительскую опеку, воспитание, образование, а также правовую и экономическую системы общества; 3) действующие на удаленном (дистальном) социальном уровне – сюда относится язык, в том смысле, что он задает определенные рамки, в которых формируется мировоззрение, религиозная и примыкающая к ней философская традиция, а также история как набор событий, предопределивших определенное направление формирования

культуры, - важно отметить, что данные факторы способны оказывать влияние на индивида только через структуры, относящиеся к уровню социальных институтов⁵. Очевидным образом влияние культуры оказывается тем сильнее, чем более полно согласованы между собой три уровня.

Данная схема вполне может быть использована для описания культуры российского научного сообщества. В настоящей статье планируется дать общую характеристику факторам третьей, «ди-стальной» группе.

Вопреки марксистской философской школе, традиционно изображающей науку и религию в качестве прямых антагонистов⁶, социологическая традиция, идущая от М. Вебера, находит истоки европейской науки в христианстве, а именно – в его протестантской ветви. Эту линию продолжил Р. Мертон, продемонстрировавший прямую связь научного этоса с протестантской этикой и общие социальные предпосылки формирования как протестантизма, так и науки Нового времени⁷. В России, которую протестантское течение практически не затронуло и которая сохраняла православие в качестве официальной господствующей религии вплоть до XX в., но при этом сумела в полной мере воспринять европейскую науку, религия должна была играть особенную роль. Как отмечают А.В. Юревич и И.П. Цапенко: «... Здесь заключено очевидное противоречие: если западная наука является выражением протестантской этики, то российская православная культура должна была породить какую-то другую науку»⁸. При этом, подчеркивают авторы, речь идет не столько о восприятии наукой религиозных норм, сколько об их общих корнях: «Особенности российской науки были заданы не самой православной доктриной, а свойствами российской культуры и психологии, не predetermined, а выраженными православием»⁹.

Если следовать логике Вебера и Мертона, то ключевым элементом религиозного учения, влияющим на развитие науки, является трудовая этика. В православии же проблема нравственности труда решается иначе, чем в западном христианстве. Анализируя православное вероучение и его интерпретации у русских религиозных философов, Т.Б. Коваль выделяет ряд характерных особенностей православной трудовой этики. Прежде всего, это измерение ценности труда его «душеполезностью»: ценным признается «труд, превращенный в религиозное служение, совершаемый ради любви к Богу и ближнему, направленный на раскрытие данного Богом таланта, на совершенствование и воспитание души». В то же время труд, ориентированный на личную выгоду, или даже труд ради самого труда «признается в православии суетным, лишеным смысла, а иногда и просто пагубным для души»¹⁰. Следствием этого становится то, что в качестве высших форм человеческой деятельности рассматриваются те, которые имеют целью внутреннее преобразование личности – молитва, созерцание и аскеза, - и для православия характерно более радикальное противопоставление мо-

нашеского идеала мирскому образу жизни, чем в католицизме.

Но при этом идеал созерцательной жизни дополняется трудничеством, которое является основной формой аскетических упражнений и не оставляется даже при достижении высших ступеней религиозного просветления: «Весьма характерно, что в житиях русских святых, как правило, наиболее значимые встречи происходят в тот момент, когда святой подвижник занят какой-либо тяжелой «мужицкой» работой – перекапыванием грядок, распиловкой дров и т.д... Для православия труд по перекапыванию грядок не хуже и не лучше труда на «хлеботворне», на постройке сарая или какой-либо умственной, творческой работы»¹¹.

Трудничество тесно связано с «идеалом социального опрощения», который «переворачивал всю социальную пирамиду, опровергал мирское представление о социальной иерархии, престижности и почете. Он формировал убеждение, что существует иная, высшая иерархия, наиболее высокие ступени которой занимают духовно наиболее совершенные... Святые подвижники чаще всего представляли как бедняки, одетые в "худые ризы", как кроткие и смиренные труженики, никогда не остающиеся без работы, забывшие о своем некогда высоком социальном статусе...»¹².

В целом представления о труде, сложившиеся в православии, оказывались в противоречии с тенденцией к дифференциации профессий и выработке рыночных норм компенсации за труд – при сопоставлении с идеалом все специальности выглядели равно блеклыми, а их претензии на вознаграждение малоубедительными и заносчивыми. Но одновременно любая работа могла с таким же успехом стать преисполненной смысла, при условии, что она совершалась с внутренними духовными целями и с пренебрежением к выгоде.

Очевидно, что правовые идеи, на основе которых проходила институционализация европейской науки, исходили из принципиально иного видения. Первые университеты получали признание папского престола в качестве автономных от церкви, но, в то же время благочестивых объединений церковных и светских интеллектуалов, деятельность которых, хотя и заметно отличалась от основных интеллектуальных упражнений монашества – созерцания и молитвы, – рассматривалась как особый рациональный путь к постижению бога. Протестантские же течения упростили дилемму сочетания интеллектуальных занятий и праведного образа жизни, утвердив понимание профессиональной деятельности как формы религиозного служения. В то же время православное мировосприятие, склонное рассматривать стремление к мирскому успеху как несовместимое со священным статусом, не могло обеспечить аналогичную этическую основу для особого общественного положения ученых.

Это противоречие послужило причиной трудностей, с которыми столкнулась созданная Петром I Петербургская академия наук, а затем и российские университеты – статус ученого не имел в русском восприятии того профессорского

ореола, который сформировался вокруг него в Европе за пять веков существования университетов, и не мог быть столь же привлекательным для сословий, имевших доступ к высшему образованию. Как характеризовал ситуацию уже в период правления Александра I Н.М. Карамзин: «В Лейпциге, в Геттингене надобно профессору только стать на кафедру – зал наполнится слушателями. У нас нет охотников для высших наук. Дворяне служат, а купцы желают знать существенно арифметику, или языки иностранные для выгоды своей торговли... Выгоды ученого состояния в России так еще новы, что отцы не вдруг еще решатся готовить детей своих для оного»¹³.

Определенную альтернативу религиозному служению представляло собой служение обществу – идеал «государева слуги» был своего рода смягченной версией святого: «душеполезность» заменяется здесь заботой об общих интересах, а «трудничество» и «опрошение», хотя и ожидают, но в менее радикальных формах и, скорее, в кризисные моменты, а не постоянно. Именно этот идеальный тип предоставил этическую нишу первым русским ученым. Этому соответствовало и изначальное формирование отечественной науки под государственным патронажем, как писал Н.И. Кареев: «... нас насаждала науку *власть*, смотревшая на ученых не иначе как на чиновников известного ведомства: это были члены своего рода служилого сословия, не замкнувшегося у нас в особую корпорацию»¹⁴.

Следствием приписывания ученым такого положения было постоянное давление, нацеленное на то, чтобы переориентировать их работу на решение практических задач, что прямо сказывалось на том, какие дисциплины развивались наиболее активно, – характерно, что первые научные успехи Петровской эпохи были связаны с исследовательскими экспедициями в глубь подконтрольных Империи территорий, а первым профильным отделом Петербургской академии, созданным в дополнение к трем основным «классам», объединявшим математические, естественнонаучные и гуманитарные дисциплины, был именно географический.

С этим же можно связать слабость университетской автономии: попытки утвердить особое положение университетского сообщества, как, например утверждение в 1804 г. либерального устава Московского университета, послужившего образцом для уставов других университетов, сталкивались с устоявшейся практикой «государственного утилитаризма»¹⁵. Восприятие профессоров с точки зрения этой практики характеризуется словами дореволюционного историографа Казанского университета Н.П. Загоскина: «... сами профессора университетов представлялись в глазах правительства не свободными представителями свободной науки, но чиновниками («чиновник по философии», «чиновник по словесности», «чиновник по естественному праву» – обычные выражения доброго старого времени для обозначения представителей кафедр)»¹⁶.

Культура, не имеющая устоявшейся традиции разделения статусов государственного служащего и профессора, не могла обеспечить широкую поддержку особому положению последнего, аналогично тому, как такой статус предоставлялся европейским интеллектуалам, ассоциированным с университетской корпорацией. Особая социальная идентификация ученых состоялась лишь в XIX в. в рамках понятия «интеллигенция», не отличающегося четкостью, но в целом предполагающем необходимость служения обществу за пределами решения практических задач. Возникновение этого особого культурного статуса было связано с необходимостью отмежеваться от «служилого сословия». По характеристике русского филолога Б.А. Успенского: «... Интеллигент противоположен дворянину... Дворянин – это "слуга царю" и слуга государства, государственной системы, который в принципе обязан подчиняться всем стандартам данного общества. В отличие от дворянина, который служит царю, интеллигент может служить только идее»¹⁷. Упомянутая «обязанность подчиняться стандартам» является для ученого серьезным ограничением, так как в «чистой» науке необходимо выводить интеллектуальную деятельность на уровень, не достижимый в условиях связанности практическими задачами, – именно таким «чрезмерным» универсализмом отличались средневековая университетская схоластика и схожим образом выглядели в момент своего создания математические системы Декарта и Ньютона, конструируемые в отрыве от каких-либо прикладных проблем. В Европе общественная ниша для таких занятий создавалась благодаря устоявшимся представлениям о возможности рационального пути к божественному познанию и признанию профессионализма, как такового, в качестве формы религиозного служения. Российская культура таких оснований не обеспечивала, однако в то же время православная традиция приписывала особую ценность любой деятельности, осуществляемой бескорыстно и во имя духовных, идеальных целей. Эти культурные установки явно оказали влияние на определяющие черты русской интеллигенции: во-первых, «интеллигенты могут напоминать монахов, которые отказываются от мира; интеллигент отказывается от мира бюрократического государственного, он противопоставляет духовные ценности государственной системе», во-вторых, «русская интеллигенция – всегда оппозиционна, это та группа общества, которая в принципе, по самой своей природе, не может быть привлечена к государственной деятельности»¹⁸, – и именно что не может, так как отказ от оппозиционности делает практически невозможным удержание особого социокультурного статуса, не смыкающегося со статусом служащего. В силу этих тенденций российские ученые, которые составляли группу, хотя и не полностью, но в значительной степени совпадающую с интеллигенцией, почти всегда

отличались высоким уровнем оппозиционной активности.

Научные реформы советской власти в значительной степени изменили отношение к науке – на пике советского могущества она воспринималась как наиболее престижная профессия, – но не к ученым – традиция уравнивания их с государственными служащими продолжилась, с той оговоркой, что теперь наука считалась наиболее важной формой «служения». Более того, марксизм объявлял представления о «чистых» научных исследованиях «буржуазным лицемерием», а наука, в том числе и фундаментальная, признавалась частью производительных сил, находившихся в советской системе под контролем государства, – и соответственно в рамках этой системы ни о какой научной автономии и академической свободе речи идти не могло. Одновременно сохранилась и интеллигентская оппозиционность науки – несмотря на привилегированное положение, к 1980-м гг. именно научные сотрудники представляли собой одних из наиболее непримиримо настроенных противников командно-административной системы.

Если вернуться к вопросу влияния господствующей религии, то следует заметить, что оно сказывалось не только на общественном восприятии науки в целом, но и на развитии отдельных дисциплин, как пишут А.В. Юревич и И.П. Цапенко: «Одна из главных особенностей православия обычно видится в абсолютном приоритете духа над материей, в центрированности не на практических интересах, а на нравственном сознании. Поэтому неудивительно, что под влиянием православия главной проблемой российской науки стала проблема человека, его судьбы и карьеры, смысла и цели истории, а не практические проблемы, служившие центром притяжения в Западной науке. В результате, несмотря на отдельные весьма громкие успехи российских естествоиспытателей, вплоть до XX века отечественная гуманитарная традиция была куда богаче естественно-научной»¹⁹.

Русская философия унаследовала у православия эту расстановку акцентов и создала сильную антисциентистскую традицию, в основе которой лежала именно критика естественно-научного подхода к действительности. Эмоциональной нейтральности и рациональному подходу как необходимым опорам естественной науки противопоставлялись эмоциональный накал и интуитивные прозрения, ассоциирующиеся с художественным методом. Образ европейской науки как холодного разбора действительности, осуществляемого бесстрастным экспериментатором, служил объектом критики русской философии на протяжении всего XIX в. – среди прочих, у В.С. Одоевского²⁰, А.С. Хомякова²¹ – а в XX оставался таковым для философов русского зарубежья – И.А. Ильина, Н.А. Бердяева и др. Колоссальные интеллектуальные силы были положены на то, чтобы описать науку, основанную не на холодной ра-

циональности, для чего изобретались самые поэтичные формулировки: к примеру, Бердяев увязывает развитие науки с русским религиозным сознанием: «Вера в человека, в его творческую свободу и творческую мощь возможна лишь для религиозного сознания, а никогда для позитивистического сознания, которое смотрит на человека, как на рефлекс материальной среды, природной и социальной. Поистине необходим и неотложен в России призыв к повышению человеческой активности, человеческого творчества, человеческой ответственности»²². Те же лежащие за пределами рационального подхода к действительности основы – свободу, ответственность и эмоциональный накал – видит в основе русской науки Ильин: «Русский ученый призван вносить в свое исследование начала сердца, созерцательности, творческой свободы и живой ответственной совести»²³. Можно заметить, что сам факт попыток увязать проблему научного метода с не поддающимися рационализации человеческими мотивами и эмоциями с помощью, скорее, художественного, чем научного изложения, уже может служить свидетельством тому влиянию, которое гуманитарный взгляд на вещи имел в российской культуре.

Как уже говорилось выше, и религиозная традиция, и национальная философия не служат причиной культурного своеобразия, а являются его выражением. Предпосылки же тех или иных особенностей обычно ищут в истории, нередко связывая особенности национального развития с географией местности. Не все эти рассуждения одинаково хорошо обоснованы, но некоторые представляются вполне убедительными. К последним можно отнести такое наблюдение А.В. Юревича: «В частности, одна из основных детерминант российского национального характера часто видится в сезонном характере сельскохозяйственного труда в России, приучившем наших предков работать интенсивно, но непостоянно, в хорошо знакомом нам авральном ритме»²⁴. Влияние привычки чередовать периоды затишья с вынужденными взрывами деятельности можно найти и в американских описаниях советской научной системы – Х. Балзер, например, отмечает «хорошо известную тенденцию советских управленцев заниматься накоплением ресурсов (to hoard resources), в том числе и кадровых»²⁵, что приводило к переукомплектованности научных институтов и созданию материальных запасов, многократно превышающих реальные потребности. Однако эта особенность полностью соответствовала характерной для советского научного руководства стратегии: «В решении задачи вкладываются колоссальные ресурсы, что способствует их бесполезному расходованию или даже делает неизбежным то, что их значительная часть будет потрачена без толку, однако такой подход обеспечивает достижение целей, поставленных на приоритетных направлениях. Несмотря на распространенные в последнее время дискус-

сии о необходимости интенсивного развития, при решении нестандартных задач Советы все так же предпочитают полагаться на "пожарные" программы и кампании»²⁶.

И, наконец, важным фактором формирования и национальной культуры в целом, и культуры научного сообщества, влияние которого наименее изучено, является язык. Наука на русском языке появилась значительно позже, чем наука в России, – первые попытки Петра I наладить перевод научной литературы столкнулись с «полным отсутствием представлений о науке у большинства переводчиков, а также отсутствием в русском языке средств для научного изложения»²⁷. И хотя Петровские реформы сумели переломить ситуацию – по оценкам дореволюционных лингвистов до четверти новых слов, появившихся в русском языке в Петровскую эпоху, имели отношение к научной деятельности²⁸, – практически до середины XIX в. научные публикации на русском были редкостью. Главной причиной такого положения дел, конечно же, было международное распределение влияния в науке – языки стран, наиболее успешных в исследовательском отношении, естественным образом доминировали в научном обороте. Однако можно предположить, что и характер самого языка способен оказать определенное влияние на его популярность среди мирового сообщества ученых, а также, в некотором смысле, – формировать содержание научной деятельности в пределах своего ареала. Речь не идет о попытке поставить психолингвистический фактор вперед экономического или политического или даже хотя бы уравнивать их значение, а лишь о том, чтобы предположить принципиальную возможность такого влияния.

Если перейти от допетровского состояния языка к современному русскому – сложившемуся уже после уверенного вхождения России в число ведущих научных держав, то следует заметить, что он остается менее компактным, чем, к примеру, немецкий и английский, – свидетельством этому является коэффициент, используемый переводчиками для расчета объема текста, – при переводе с немецкого или английского он составляет 1,2²⁹. Далее, даже поверхностное сопоставление открывает отличия русского от главных языков европейской науки, влияющие на сложность составления описаний: к примеру, в отличие от немецкого, русский устанавливает гораздо более жесткие правила образования новых составных терминов, а в отличие от английского, не допускает превращения существительных в прилагательные за счет порядка слов – прием, который значительно упрощает создание характеристик для описываемых предметов. Нормы словоупотребления в русском опять же отличаются от упомянутых европейских языков: в частности, для английского характерно более строгое разграничение синонимов, которые чаще имеют жесткие привязки к контексту употребления и не допускают свободного чередо-

вания, – отсюда и более мягкие по сравнению с русским литературным языком ограничения на повторы слова. И, наконец, в русском заметно сложнее сохранять нейтральность – гибкость в употреблении синонимов и различных приставочно-суффиксальных вариаций одного слова, с одной стороны, позволяют передавать тонкие оттенки отношения, с другой – могут делать очищение текста от оценочных суждений нетривиальной задачей. Это имеет парадоксальное следствие: английский, как язык науки, оказывается ближе к литературной или даже повседневной речи и оказывается живее русского научного: «В английских научных текстах встречаются эмоциональные эпитеты, образные и фигуральные выражения, риторические вопросы и тому подобные стилистические приемы, оживляющие повествование и более свойственные разговорному стилю или художественной речи. Такие нарушения стилистического единства текста меньше свойственны научно-техническим материалам в русском языке»³⁰. Таким образом, речь последних в большей степени отличается от привычного языка, в силу этого кажется суше и искусственнее, и переход на русский язык науки может требовать и от автора, и от читателя большего внимания и напряжения.

Основываясь на приведенных свойствах, можно предположить, что русский язык гораздо лучше приспособлен для художественного слога, чем для «протокольных» описаний, которые требуются при фиксации результатов научного наблюдения и экспериментов. Это предположение подталкивает к тому, чтобы обратить внимание на характерный для российской науки уклон в теорию. Уклон этот, конечно же, имеет относительный характер: отечественная экспериментальная наука также имеет открытия мирового значения, но все же большая часть имен всемирно известных российских ученых связана с теоретическими прорывами. В XIX в. главными для России дисциплинами были математика и химия, при этом, если математика в принципе не предполагает описаний, то главные результаты в области химии были связаны именно с теоретическими основами этой науки – это теория химического строения А.М. Бутлерова и периодический закон Д.И. Менделеева. Распределение профессиональных интересов последнего дают особенно показательную для российской науки картину: «В целом Менделееву принадлежат научные работы трех типов. Ряд из них имеет преимущественно теоретический характер и относится к общей категории фундаментальных исследований. В других, вышедших как учебники, Менделеев выступает мастером синтеза современных химических знаний. Третью же группу составляют работы из области прикладной науки, и она включает не только богатый набор физических и химических исследований, но и сочинения, содержащие детальный анализ индустриальной и сельскохозяйственной экономики России»³¹.

Примечательным в этом перечне является отсутствие значимых экспериментальных исследований фундаментального характера. Эта особенность отмечалась и самим Менделеевым, который «по праву гордился тем, что сделал крупное научное открытие, и признавал его значение, однако скрупулезно указывал на то, что его периодический закон химических элементов получил экспериментальное подтверждение, благодаря работам других ученых», и в этом смысле ставил себя ниже А. Лавуазье, который «выдвигал крупные научные идеи и проверял их с помощью экспериментов»³². Преобладание первой части этой формулы научного успеха над второй оказалось характерным не только для величайшего российского химика, но и для российской науки в целом.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что речь идет лишь о том, что за российскими учеными числится больше теоретических достижений, чем экспериментальных, что ни в коем случае не означает «слабость» последних, – здесь достаточно вспомнить хотя бы И.П. Павлова, успехи которого полностью соответствуют формуле «идея–эксперимент». Экспериментальная наука интенсивно развивалась и в Советском Союзе, но и здесь опять же наблюдался уклон в сторону теории. Американские специалисты отмечали, что советская наука четко следует «правилу меловой доски»³³, в соответствии с которым преимущество остается за дисциплинами, для занятия которыми не требуется ничего, кроме той самой доски и мела. «Самый яркий пример – математика, но советские ученые также очень сильны на «меловой стороне» других направлений, включая теоретическую физику конденсированных сред, теоретическую астрофизику, теоретическую сейсмологию, математическую психологию, теорию элементарных частиц и плазменную физику. Но по мере смещения от абстрактных исследований к экспериментальным советская наука теряет в силе»³⁴.

В заключение следует отметить, что описание российской научно-исследовательской культуры по предложенной схеме способно расширить понимание особенностей науки в России, однако не может претендовать на установление причинно-следственных связей – нужно признать, что оно включает в себя слишком

разнородные явления, чтобы с помощью инструментария, доступного социогуманитарной науке, можно было зафиксировать между ними хотя бы даже корреляционную связь. Но все же развитие исследований такого рода не следует всецело относить к области философии. Как отмечает одна из ведущих представительниц психологии культуры Д. Коэн, психологическое исследование не должно отступать перед трудностями с установлением причинно-следственных связей, вызванных тем, что при изучении культурных феноменов чрезвычайно сложно изолировать исследуемые переменные и определить направление детерминации между ними. По ее мнению, развитию психологии культуры могут способствовать описательные исследования, в которых выделенные явления преподносятся с максимально полной характеристикой контекста, в котором они существуют, но без попыток распределить между ними роли детерминирующих и детерминируемых явлений. По ее мнению, такой подход способен создать базу для более точных исследований в будущем, а описательная работа может сыграть важную роль в развитии психологии, как это показал, в частности, опыт биологии, развивавшейся до момента создания эволюционной теории именно как описательная наука³⁵. И надо сказать, что предложения Коэн выглядят наиболее подходящим подходом к изучению такого не имеющего четких границ явления как национальные научно-исследовательские культуры.

Konnov V.I. Influence of the cultural context on the development of science in Russia: social-psychological perspective.

Summary: The article offers a social-psychological perspective on the process of shaping national science culture, which determines the peculiarities of scientific research in different countries. This point of view allows to determine the causes for emergence of national scientific cultures and provides instruments to describe them. The author applies the three-level scheme for describing cultures, developed by D. Oyserman and coauthors, and attempts to analyze the distal level of the Russian scientific culture, constituted by the influence of the Russian cultural tradition, which forms the context for the work of Russian scientists.

Ключевые слова

Научно-исследовательская культура, психология культуры, психология науки, интеллигенция, трудовая этика.

Keywords

Research culture, cultural psychology, psychology of science, intelligentsia, work ethics.

Примечания

1. См. Knorr-Cetina K. Epistemic cultures: how the sciences make knowledge. Cambridge: Harvard University Press, 1999.
2. См. Toren N. Science and cultural context. New York: Peter Lang, 1988.
3. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. С. 770-771

4. Ярошевский М.Г. Школы в науке // Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г. Психология науки. М.: Издательство «Флинта», 1998. С. 117.
5. См. Oyserman D., Kemmelmeier M., Coon H. Cultural psychology: a new look. // Psychological Bulletin, 2002, Vol. 128, No. 1, p. 110-117.
6. См., напр., Бернал Д. Наука в истории общества. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. С. 144.
7. См. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. С. 839-864.
8. Юревич А.В., Цапенко И.П. Нужны ли России ученые? М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 125.
9. Там же. С. 131.
10. Коваль Т.Б. Этика труда православия // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 57.
11. Там же. С. 62.
12. Там же. С. 64.
13. Карамзин Н.М.. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. С. 66.
14. Кареев Н.И. О духе русской науки // Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 177.
15. Бороздин И.Н. Университеты в России в первой половине XIX века // История России в XIX веке. Т. 2. СПб.: Издательство «Гранат и Ко.», 1910. С. 355.
16. Там же.
17. Успенский Б.А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры. // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. М.: О.Г.И., 1999. С. 14.
18. Там же.
19. Юревич А.В., Цапенко И.П. Нужны ли России ученые? М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 131.
20. См.: Одоевский В.С. Русские ночи. М.: Наука, 1975.
21. См., напр.: Хомяков А.С. О возможности Русской художественной школы // Полное собрание сочинений. Том 1. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1900. С. 73-104.
22. Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России. М.: Издательство В. Шевчук, 2000. С. 278.
23. Ильин И.А. О русской идее // Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 442.
24. Юревич А.В. Социально-психологические особенности российского научного мышления // Философия науки. 2003. №9. С. 289-290.
25. Balzer H. Soviet science on the edge of reform. Boulder: Westview Press, 1989. P. 63.
26. Ibid. P. 65.
27. Vucinich A. Science in Russian culture. A history to 1860. London: Peter Owen, 1963. P. 56.
28. См.: Булич С.К. Русский язык и сравнительное языкознание // Энциклопедический словарь: Россия. Л.: 1991. С. 831.
29. Письменный перевод. Рекомендации переводчику, заказчику и редактору. М.: 2012. URL: http://www.translators-union.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=338:2012-08-20-18-53-36&catid=100:materials&Itemid=309 (дата обращения: 20.10.2012).
30. Лебедева О. Г. Стилистико-грамматические особенности английского текста // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: материалы международной заочной научной конференции. Челябинск: Два комсомольца, 2011. С. 36-37.
31. Vucinich A. Science in Russian Culture. 1861-1917. Stanford: Stanford University Press, 1970. P. 153.
32. Ibid. P. 164.
33. Balzer H. Soviet science on the edge of reform. Boulder: Westview Press, 1989. P. 152.
34. Gustafson T. Why doesn't Soviet science do better? // The social context of Soviet science. Edited by Lubrano L., Solomon S. Boulder: Westview Press, 1980. P. 32.
35. См.: Cohen D. Methods in cultural psychology. // Handbook of cultural psychology. Kitayama S., Cohen D. (eds.) New York: The Guilford Press, 2007. P. 196-236.

Этика ответственности современной российской молодежи

Н.Н. Зарубина

Исследуются трансформации морали в современном сложном обществе. На примере нравственной позиции современной российской молодежи показано, что рост социальной безответственности представляет серьезный вызов для развития страны.

Культурно-нравственная позиция молодежи отражает тенденции трансформаций морали и представляет острую проблему, поскольку молодежь является важнейшим ресурсом любого общества. Федеральная целевая программа «Молодежь России» на 2011–2015 гг. отмечает наличие серьезных дисфункций социализации современной российской молодежи, которые требуют самого пристального внимания. Среди них выделяется пассивность и инфантилизм молодого поколения, нежелание и неумение принимать активное участие в судьбе своей страны, что может негативно сказаться на развитии России в будущем, когда нынешняя молодежь станет основным субъектом принятия решений. В ФЦП также констатируется «низкий уровень вовлеченности молодежи в социальную практику. В настоящий момент доля молодых людей, активно участвующих в жизни общества, составляет менее семи процентов от общей численности молодежи»¹.

Указанные тенденции свидетельствуют о том, что в культурно-нравственной позиции молодежи современной России слабо развита этика социальной ответственности как ориентация на целенаправленную деятельность, имеющую социально значимый смысл, результаты которой будут рассматриваться в качестве личного вклада в развитие общества. Безответственность молодых людей имеет и повседневные проявления, состоящие в нежелании планировать собственную жизненную траекторию, проявлять активную заботу о близких, в желании жить «одним днем», в противопоставлении личного и общественного, в стремлении к гедонистическому образу жизни, к неоправданным рискам и т.д. Все эти проблемы весьма осложняют повседневную жизнь российского общества².

Для конструктивного решения перечисленных проблем необходимо рассмотреть историю и социокультурный контекст их возникновения. Причины следует искать в переходном состоя-

Зарубина Наталья Николаевна – д. философ. н., профессор кафедры социологии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru
Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проекты № 10-06-00424-а и № 12-06-00112-а.

нии российского общества, обусловленном не только реформами и модернизацией последних двух десятилетий, но и его непреднамеренными трансформациями в контексте тенденций мирового социального развития, становлении в глобальном масштабе сложного социума и мирового общества риска, с присущими им радикальными изменениями в сферах культуры и морали³. Усложнение общества и сопровождающие его трансформации ценностных ориентаций и нравственных стандартов представляют серьезный вызов современной России.

**«Структурированная безответственность»
как особенность культурно-нравственной
позиции молодежи в современном сложном
обществе**

Трансформации российского общества сопряжены с общемировыми тенденциями нелинейной социокультурной динамики, обусловленными ростом сложности современных обществ под влиянием глобализации, сетевых взаимодействий, информатизации, экологических вызовов и т.д. Эти трансформации связаны с качественными изменениями социальных реалий, общественных институтов и повседневной жизни и оказывают на положение молодежи и ее культурно-нравственный облик не меньшее влияние, чем внутренняя политика реформ и модернизации.

Еще М. Вебер показал, что культурно-нравственная позиция индивида может соотноситься с двумя различными типами этики: этикой убеждения и этикой ответственности/успеха⁴. Этика убеждения основывается на вере в безусловный авторитет нравственных и духовных ценностей, она присуща верующим и идеологически ангажированным людям и предписывает следование изначально заданным моральным стандартам. Опираясь на теорию М. Вебера, считаю целесообразным дополнить приведенную здесь типологию этических систем этикой служения, которая присуща иерархическим обществам с предписанным статусом, предполагающим наличие у индивида ряда обязанностей, выполнение которых является условием его полноценного членства в обществе. Нравственная позиция, основанная на этике служения, предполагает, таким образом, осознание индивидом и группой своего места и своих функций в социальной системе и неукоснительное выполнение этих функций, рассматриваемых как долг перед обществом⁵.

Этика ответственности/успеха сложилась в новейшее время в условиях свободы совести и культурного плюрализма. Она предполагает способность индивида самостоятельно выбирать и формулировать цели и средства их достижения и оценивать результаты по критериям успешности, а также давать им моральную оценку, исходя из собственных интерпретаций абстрактных представлений о добре и зле. Социальная ответственность предполагает выбор целей и средств их достижения таким образом, чтобы результаты

деятельности служили удовлетворению потребностей общества или хотя бы не противоречили общественным интересам.

Специфика молодежи состоит в транзичности, т.е. переходе от одного этапа жизнедеятельности к другому, предполагающем последовательное изменение социального статуса, результатом которого становится достижение социальной зрелости⁶. В процессе транзичности осуществляется переход от безответственности детства и ранней юности к ответственности взрослого человека, которая распространяется как на собственную жизненную траекторию, на ближайшее окружение, так и на общество. Стремление молодежи к обретению собственного независимого от взрослого мира социального пространства свободы и самореализации воплощается в таком явлении, как молодежная культура (это понятие ввел в науку американский социолог Т. Парсонс). По моему мнению, современные институты социализации, такие, как школа, вуз и др., способствуют выходу молодежи из-под традиционных семейных форм контроля и при этом оставляют большое пространство досуга, свободного времени, не отягощенного самостоятельной хозяйственной и общественной деятельностью, а зачастую и необходимостью заботиться о самообеспечении. Поэтому подростковый период он назвал «структурированной безответственностью».

Молодежь в современном обществе оказывается помещенной в структурную нишу, формируемую институтами социализации, которая дает возможность свободно предаваться поиску своего места в обществе, не задумываясь о возможных последствиях поисков и не осознавая эти последствия как реальные факты, с которыми придется иметь дело в будущем. Сознание и поведение молодых людей можно адекватно описать с помощью «парадокса Гидденса», суть которого состоит в том, что «люди находят для себя трудным с таким же уровнем реальности отнестись к будущему, с каким они относятся к настоящему»⁷. Поступки, которые кажутся молодежи доказательством самостоятельности и независимости действий и суждений, на самом деле нередко имеют опасные, деструктивные последствия.

Парадоксально, но развитие современных институтов социализации способствует инфантилизации молодежи, нежеланию взрослеть, то есть принимать на себя всю полноту ответственности за собственные действия, планировать их и прогнозировать их результаты, которые затем необходимо принимать в качестве предпосылок дальнейших действий. Этому способствует дистанцирование от семьи за счет пребывания в учебных заведениях, образовательных учреждениях, компаниях сверстников, досуговых учреждениях в свободное время при сохранении в полном объеме опеки со стороны родителей. Социолог Н. Зоркая считает, что росту инфантильности современной российской молодежи способствовало возникшее в годы реформ от-

чуждение от повседневных проблем старших поколений, в том числе и в семье. Молодые люди самоустраиваются от решения проблем быта, материального обеспечения, создания условий семейного комфорта и порядка. Трудовая деятельность, которую многие молодые люди сегодня начинают раньше, чем их родители, совмещая учебу с работой, нацелена, главным образом, на обретение независимости от семейного бюджета, а заработки представляют собой, по существу, «карманные деньги», предназначенные для собственного потребления и развлечений, а не вклад в «общую кассу»⁸.

Кроме того, в современном обществе дистанцирование от семьи и наличие большого количества свободного времени, а иногда – и свободных денег, сочетается с доступностью развлекательной досуговой инфраструктуры, индустрии развлечений и массовой культуры, ориентированных на молодежь как целевую аудиторию. При этом производители продукции индустрии развлечений и массовой культуры, как правило, учитывают вкусы и запросы молодежи, но не предполагают или сводят к минимуму воспитательные функции этих институтов. Рекламный слоган «Себе в удовольствии не откажешь!» стал в последнее время одним из наиболее ярких вербальных символов, выражающих суть ценностных ориентаций значительной части молодежи.

Новым фактором подрыва этики ответственности среди молодежи стала приобретенная молодежной культурой потребительская и коммерческая составляющая. Она обусловлена, во-первых, превращением молодежи в самостоятельного потребительского субъекта, во-вторых, превращением молодости с ее привлекательными свойствами – физической красотой и силой, здоровьем, энергией, мобильностью, оптимизмом и т.д. – в коммерческий бренд. Следствием становится инфантилизация не только молодежи, но и общества в целом: «культ детскости и молодости распространился в широкие массы, формируя общество, отказывающееся взрослеть, культивирующее гедонистические ценности, желающее получать удовольствие “здесь и сейчас”. Погруженность в настоящее освобождает от необходимости строить серьезные планы на будущее, молодечество помогает преодолеть отчуждение, связанное с отсутствием веры в возможность социальных перемен и лучшей жизни»⁹.

Всеобщая инфантилизация оказывает пагубное влияние на культурно-нравственный облик молодежи, поскольку у молодых людей развивается неоправданное ощущение собственного превосходства над старшими, которые только лишь имитируют молодежный стиль. Все это приводит к ослаблению связей между поколениями, утрате молодежью чувства причастности и к собственной семье, ее повседневным заботам, и к исторической судьбе и повседневной жизни своей страны, своего народа, а в итоге способствует утрате чувства ответственности и

за собственное будущее, и за то, что происходит в обществе. Как отмечает Д. Даффлон, в конце 2000-х гг. 36% опрошенных молодых людей считали, что жизнь их родителей «не удалась», то есть молодежь не хотела бы воспроизводить жизненный путь своих родителей, считая их недостаточно успешными, состоявшимися людьми¹⁰.

Транзиция представляет собой социально обусловленное явление, и ее формы несут на себе отпечаток конкретных социально-исторических периодов и социокультурных особенностей того или иного общества. В современном обществе особенности транзиции обусловлены его сложностью, рефлексивностью и нелинейной динамикой, изменением роли и места социальных структур и институтов в процессе социализации, трансформацией ценностных ориентаций и нравственных стандартов. Прежде всего, это тенденции к выходу за рамки культуры модерна, которые обнаружили экономически развитые общества на рубеже XX–XXI вв. Новое состояние культуры, получившее название «постмодернистской», «рефлексивного модерна», «радикального модерна», по мнению З. Баумана и других ученых, характеризуется распадом универсальной «арочной морали», ценности и нормы которой постепенно утрачивают императивность и общезначимость, становятся объектом рефлексивного осознания и индивидуального выбора. Так, З. Бауман утверждает, что в современном обществе человек обречен жить в состоянии постоянных моральных дилемм, неразрешимых в силу отсутствия универсального рационального порядка¹¹. Этика убеждения, предполагающая безусловную веру в незыблемые ценности, или этика служения, основанная на следовании долгу перед обществом, уходят в прошлое и не могут более служить достаточным основанием для принятия нравственных решений, поскольку все ценностные и социальные иерархии стали относительными.

Состояние нравственности современной российской молодежи подтверждает выводы социологов о релятивизации современных ценностей. Молодое поколение россиян гораздо терпимее и снисходительнее относится к нарушению норм морали, чем старшие поколения. Социологические опросы, проведенные учеными Института социологии РАН, показывают, что современная российская молодежь считает, что иногда приходится переступить через моральные принципы и нормы для того, чтобы добиться успеха в жизни, поскольку современный мир жесток (59% в возрасте 18–25 и 52% – 26–35 лет). При этом для старшего поколения, воспитанного в советский период, типично (63%) противоположное суждение: «лучше не добиться успеха в жизни, но не переступить через свои моральные нормы и принципы»¹². Самой приемлемой из аморальных практик для современных россиян, в том числе и молодых, является практика сознательного обмана кого-то для достижения

своих целей. При этом в среде молодых россиян ее противниками являются лишь чуть более трети (38–39% среди молодежи и 56% среди старших), а прибегали к ней – 41–45% молодежи (27% россиян старше 35 лет)¹³.

Эта особенность культурно-нравственной позиции молодежи не может не вызывать тревогу. В то же время такое «вольное» обращение с моральными нормами может объясняться не только как результат проблем социализации молодого поколения в России, но и тем, что сложность российского социума постоянно возрастает и в условиях глобализации объективно порождает плюрализацию и релятивизацию моральных ценностей и норм, стандартов повседневного поведения. Это осложняет выбор жизненной стратегии и лишает возможности применять однозначные критерии их успешности и эффективности на индивидуальном уровне, а на уровне общества — оценить успешность и эффективность социализации молодого поколения.

В соответствии с нормами этики ответственности на самого индивида ложится ответственность за принимаемые решения нравственного характера. Как отмечает английский социолог Э. Гидденс, в сложном современном обществе независимость от внешних факторов социокультурной регуляции заменяется зависимостью от собственных решений¹⁴. Поэтому именно теперь сформированная у индивида культурно-нравственная позиция приобретает особое значение. Она должна отличаться рефлексивностью и динамизмом, способностью к самотворению и самоорганизации на основе постоянного отслеживания меняющейся социальной реальности в условиях отсутствия универсальных жизненных ориентиров, безусловных образцов для подражания. Однако такая позиция требует высокой личностной зрелости, способности к самооценке, к выбору в условиях неопределенности и риска, то есть развитой этики ответственности. Социальные и моральные проблемы современных обществ свидетельствуют о том, что готовность индивидов действовать в условиях растущей сложности и неопределенности отстает от социального запроса на такую готовность. Особенно ярко эта проблема проявляется в среде молодежи, которая, в силу отсутствия собственной устойчивой социальной позиции и жизненного опыта, нередко объективно не в состоянии принять на себя ответственность за собственные решения и действия.

З. Бауман в работах последних лет показывает, что для сложных социумов в конце первого десятилетия XXI в. характерны трансформации в направлении «текучести», т.е. краткосрочности, подвижности всех социальных связей. При этом ответственность также становится все более инструментальной и краткосрочной, не предполагающей длительные и устойчивые обязательства как в личных, так и в социальных отношениях¹⁵. Современный молодой че-

ловек тяготеет к необременительным связям при минимальной ответственности, например, предпочитает высокооплачиваемую работу по контракту стабильному положению и социальным гарантиям при постоянной занятости¹⁶.

Состояние неопределенности, имманентное современному сложному социуму, влечет за собой состояние хронической аномии как ценностно-нормативного вакуума, возникающего вследствие утраты оснований для выбора адекватных ценностно-нормативных стандартов социальных действий в условиях плюрализма ценностей. Для культурно-нравственной позиции современной молодежи это означает невозможность полагаться на традиционные ценности и нормы как надежные, заслуживающие доверия ориентиры для выбора собственной жизненной стратегии. Образцы, представляемые старшими поколениями, для современной молодежи уже не могут служить однозначными ориентирами в принятии решений по принципиальным вопросам. Например, если еще несколько десятилетий назад выбор профессии практически всегда означал закрепление социального статуса и определенной жизненной траектории, то в современных экономически развитых обществах, по данным социологов, квалифицированный специалист меняет профессию около десяти раз на протяжении карьеры в зависимости от изменений экономических и иных обстоятельств. Сами же полученные в процессе обучения знания и навыки устаревают в течение, в среднем, пяти лет, поэтому полученное образование и квалификация не могут служить гарантией профессионализма и надежного трудоустройства.

Современный молодой человек постоянно находится в условиях риска как ситуации с неопределенностью, основанной на дихотомии реальной действительности и возможности¹⁷. Специфика риска состоит в том, что он требует от индивида принятия решения, от которого зависит наступление благоприятных или неблагоприятных последствий в будущем. Особенность молодежи состоит в присущем ей стремлении к обретению самостоятельности и независимости от старших, которое нередко оказывается столь сильным, что способно нивелировать чувство риска. Тразияция практически всегда предполагает этап активного неприятия ценностей и норм «взрослого» общества, «бунтарства». Это делает молодых людей особенно восприимчивыми к эпатажным, радикальным, экстремистским взглядам и формам поведения, последствия которых молодые люди нередко просто не в состоянии предвидеть и тем более рационально просчитать. Выбор в условиях риска предполагает несение ответственности за последствия, однако именно эта ответственность и дается молодежи труднее всего. Одним из проявлений безответственности является повышенная склонность молодых людей к неоправданному риску и недооценке возможностей негативных последствий на фоне

перспектив обретения сиюминутных преимуществ — удовольствия, выгоды, высокой оценки со стороны окружающих. Этим обусловлена любовь молодежи к экстремальным развлечениям, опасным формам времяпрепровождения.

Характерной особенностью культурно-нравственной позиции молодежи является ориентация на все новое, нередко противопоставляемое сложившимся в обществе формам поведения, знания, эстетического самовыражения. Ее потребности в новых формах знания являются постоянным вызовом для существующих институтов культуры и закреплённых ими форм деятельности. Для их удовлетворения нередко прибегают к инновационным, авангардистским, эпатажным формам и средствам самовыражения, которые зачастую не соответствуют не только общепринятым эстетическим и этическим нормам, но и нормам гражданской и социальной ответственности.

Проблемы формирования этики ответственности в культурно-нравственной позиции молодежи в современной России

Помимо описанных выше общемировых тенденций социокультурного развития, трансформирующих этику ответственности в культурно-нравственной позиции современной молодежи, существует целый ряд специфических российских тенденций. Они обусловлены длящимися более двадцати лет реформами, переходным состоянием общества, а также особенностями историко-культурного развития России.

Прежде всего, к ним следует отнести отсутствие четко сформулированных целей реформирования и модернизации российского общества, отказ от целенаправленного формирования и поддержания общезначимых ценностей на фоне отрицания не только коммунистической идеологии, но и нравственных основ советской культуры. В современной России отсутствуют общепринятые социокультурные, в том числе и моральные, критерии, согласно которым можно было бы оценивать успешность и завершенность процесса социализации молодежи. Исследователи полагают, что в качестве таких критериев должно рассматриваться достижение молодым поколением социальной зрелости, т.е. в приобретении молодыми людьми собственного социального статуса, их идентификации с различными структурами. При этом имеет принципиальное значение способность молодого поколения к функциональному и продуктивному участию в общественном производстве, культурном творчестве, инновационной деятельности¹⁸.

К сожалению, нынешняя молодежная политика Российской Федерации не опирается на четкие представления о месте молодежи в обществе и не дает ей устойчивых ориентиров относительно ее социальных ролей и социальной ответственности. Вместо активного вовлечения молодых людей в реальную социальную,

культурную, политическую жизнь на разных уровнях — от локального до общероссийского и международного, она зачастую ограничивается работой по организации молодежного досуга и просветительской деятельности. В этом плане молодежная политика Российской Федерации принципиально отличается от молодежной политики СССР. Тогда через политизированные молодежные организации — ВЛКСМ, пионерскую организацию — молодежь активно вовлекалась в разнообразные социальные практики, воспринимала возложенную на нее ответственность за будущее великой страны (характерный лозунг того времени «Коммунизм — это молодость мира, и его возводить молодым!»). Молодому поколению прививались этические принципы исполнения долга и служения своей Родине. Поэтому, — «несмотря на всю пафосность советской молодежной политики, она тем не менее представляла собой структурированную, грамотно построенную и в результате этого эффективную систему»¹⁹. Российской молодежной политике пока недостает именно этой системности и целенаправленности.

По данным социологов, у граждан современной России, в том числе и молодежи, отмечается утрата ощущения сопричастности к происходящему, чувства идентификации со своей страной, ее культурой и историей, что порождает нежелание принимать на себя ответственность за происходящее. Данные социологов свидетельствуют о том, что для некоторой части российских граждан — около 20%, а это миллионы человек, характерна отчужденность от условий собственной жизни, которая представляется им управляемой какими-то внешними силами, в которой они ощущают себя лишь «игрушкой в руках судьбы»²⁰.

Таким образом, в отношении экономического развития, политических решений, социальных отношений, курса модернизации и т.д. почти пятая часть населения современной России ощущает себя не активными их участниками, а пассивными зрителями, мимо которых проходит формирование условий и предпосылок их собственной жизни. Утрата представления о месте молодежи в обществе приводит к невозможности сформировать и ответственность молодежи по отношению к исполняемым социальным ролям. Состояние отчуждения порождает апатию и безответственность, отказ от экономической и социально-политической активности, замыкание в частных интересах.

Можно согласиться с Д. Даффлоном, который утверждает, что на социальную активность российской молодежи оказывает влияние ситуация аномии, порождающей кризис доверия. Проведенное им в 2006–2008 гг. исследование показало, что 51% молодых россиян считают, что большинству людей нельзя доверять, 72% полагают, что люди глухи к проблемам других²¹. Не пользуются доверием молодых людей ни политические деятели, ни государственные институты.

Недоверие порождает и нежелание проявлять активное участие в общественной жизни.

При этом нельзя сказать, что российская молодежь совершенно пассивна. Молодые респонденты декларируют большой индивидуализм и активную жизненную позицию, нежели представители старших поколений, а также готовность к переменам. Молодежь, в особенности младших возрастных когорт, выражает наибольшее согласие с необходимостью активно отстаивать свои права, бороться за свое счастье и создавать его своими руками («человек сам кузнец своего счастья»), а также выражает желание «быть яркой индивидуальностью», проявлять инициативу и готовность рисковать²².

Проблема состоит в том, что отмеченная социологами активная жизненная позиция молодежи проявляется, главным образом, в отношении личного успеха, благосостояния, отстаивания личных прав и интересов. Признание значимости инициативы и активности не распространяется на желание служить обществу, своей стране, т.е. на социально ответственную позицию. Максимум, на что распространяется готовность нести индивидуальную ответственность, – это ближайшее окружение, семья, друзья, коллеги²³. На первом месте среди проблем, волнующих современную российскую молодежь, все-таки не общественно-значимые, а личные связанные в первую очередь с собственным будущим, карьерой, доходами, условиями жизни и т.д.²⁴.

Исследования, проведенные Н. Зоркой среди городской молодежи, показали, что готовность защищать свои права также является в большой степени декларативной: 44% опрошенных молодых людей в случае серьезных нарушений их трудовых прав предпочтут просто перейти на другую работу, примерно каждый десятый ничего не станет предпринимать, 14% затруднились ответить. На активные действия готовы пойти 30% опрошенных молодых людей, а среди работающей молодежи таких оказывается только 23%²⁵.

Стремление активной части молодежи к развитию собственных компетенций, знаний и навыков отстает от готовности принимать на себя социальную ответственность. А.Л. Темницкий, проводивший исследования среди участников образовательного форума «Селигер-2008» отметил, что «в 2008 г. по сравнению с форумом 2007 г. наметился крен в сторону возвышения индивидуально значимых, достиженческих компетенций над коллективно и организационно значимыми»²⁶. В связи с этим выражается опасение, что «односторонняя актуализация проблемы получения новых знаний, развития способностей, навыков и практических умений молодежи вне их увязки с усилением социальной ответственности за происходящее в стране, может привести к перерождению молодежных движений в институты рыночного типа, игнорирующие гражданские обязательства и связанные с ними институты»²⁷.

Все это свидетельствует о том, что в культурно-нравственных установках современной молодежи произошло серьезное смещение в направлении усиления прагматических мотивов и инструментальных ценностей. Это подтверждает факт минимизации этики убеждения, предполагающей акцент на терминальных ценностях. Однако означает ли подобная трансформация усиление этики ответственности?

По оценкам Н. Зоркой, молодые люди предпочитают работу, приносящую высокий доход, но не связанную с высокой ответственностью (банковского клерка, офисного служащего и т.п.)²⁸. Как показывают социологические исследования, образование и профессионализм имеют в глазах молодежи (как и других социальных и возрастных групп) преимущественно инструментальную ценность²⁹. В процессе образования будущая профессия не представляет самостоятельного интереса и ценности для учащихся, они, при акцентировании ценности «самореализации», не связывают ее с избранной профессиональной сферой. Только 39% школьников и половина студентов собираются в будущем работать по специальности, среди молодежи, совмещающей обучение с работой, лишь 32% работают по специальности. Стремление получить образование связано не столько с желанием приобрести знания и умения, способствующие развитию личности, самореализации в интересной профессии, сколько с ценностью «квалификационного ресурса», позволяющего занять высокодоходные экономические ниши³⁰.

Сам процесс образования, получение знаний, развитие интеллекта, аналитических способностей, эрудиции представляет для молодых людей меньше интереса, чем его результат, то есть получение диплома. Отсюда и низкая заинтересованность в качестве самого образовательного процесса и рост прагматизма в отношении получаемых знаний, попытки их разделения на «нужные» и «излишние». Замене терминальной ценности знания на инструментальные ценности получения диплома об образовании способствуют и трансформации его институтов. Содержательная сторона образовательного процесса подменяется его формализованными и количественными характеристиками: сколько курсов прослушано, в каком объеме и т.д. Акцент на формальные критерии успеваемости (академические рейтинги), который делается в современной системе образования, нередко оттесняет на второй план ценность реальных знаний и умений учащихся. Ответственность за собственное будущее, которая связана с выбором профессии и приобретением культурного капитала, подменяется локальной ответственностью за сдачу конкретного экзамена, посещение занятий и т.д.

Кроме того, необходимо учитывать особенность современного информационного общества, состоящую в быстром устаревании знания, а также и в значительных колебаниях рынка

труда. В этих условиях получаемое молодыми людьми образование должно быть направлено не столько на приобретение ограниченного объема конкретных «полезных», «практически применимых» навыков и информации, сколько на обучение самому умению учиться, созданию компетентностной базы для дальнейшего повышения квалификации и ее быстрой смены при возникновении такой необходимости. Для этого необходимо развивать не только систему непрерывного образования, но и вообще возможности для расширения кругозора, мы же в последние годы сталкиваемся с противоположной тенденцией в развитии концепции образования, которое все больше ориентируется именно на «практически применимое знание». Пользуясь концепцией Э. Фромма, можно сказать, что, вопреки потребностям общественного развития, происходит утверждение принципа «иметь» – диплом об образовании, в ущерб принципу «быть» – подлинным носителем и активным создателем знаний, квалификации, культуры³¹. Ответственность за развитие собственной личности подменяется ответственностью за решение конкретных жизненных задач.

Показательно, что для современной России при провозглашенном курсе на инновационное развитие серьезной проблемой является нежелание молодежи заниматься научными исследованиями. В ФЦП «Молодежь России» на 2011–2015 гг. отмечается, что «нарастание формальных показателей, отражающих интенсификацию работы по подготовке новых научных кадров (численность аспирантов во всех отраслях науки в период с 1995 по 2006 г. увеличилась с 62 317 человек до 146 111 человек), сопровождается сокращением числа исследователей (в период с 1995 по 2006 г. число исследователей сократилось с 518 690 до 388 939 человек)»³².

Это свидетельствует не только о непопулярности профессии ученого и отсутствии интереса к науке, а также об использовании ученой степени в качестве символического капитала в сферах профессиональной деятельности, не связанных с наукой. Дело, на мой взгляд, также и в том, что учеба в аспирантуре, особенно очной, существенно продлевает период «ученичества» в жизни молодого человека, позволяет отсрочить самостоятельную творческую деятельность, требующую серьезной ответственности за ее результаты. Продление сроков получения образования, ставшее тенденцией во многих странах, в том числе и в России, ведет и к продлению периода, обусловленного «структурированной безответственностью».

Преобладание инструментальных мотиваций и формального подхода в сфере образования приводит к утрате молодым поколением ответственного отношения к интеллектуальному труду и духовной работе. Однако люди, не способные критически вникать в получаемую информацию, оценивать надежность ее источников, достоверность фактов, корректность вы-

водов, оказываются не способны не только к научной работе, но и вообще к самостоятельному осмыслению происходящего вокруг, в том числе исторической судьбы своей страны, ее прошлого и будущих перспектив.

Дисфункциональные последствия интеллектуальной безответственности состоят в апатии и безразличии, в восприятии от старших поколений ориентации на пассивную адаптацию к существующему порядку вещей, в нежелании и неумении осуществить интеллектуальную и нравственную работу по самостоятельному критическому осмыслению проблем развития страны. Среди молодежи все меньше интереса к прошлому, а также все меньше предпринимается усилий, направленных на усвоение новых для российского общества идей и ценностей.

Закономерным последствием интеллектуальной безответственности становится и появление ложно понятых представлений о своем долге перед Родиной. Но нередко именно желание что-то делать для своей страны, своего народа при отсутствии конструктивных целей, представления о реальной ответственности перед ними у молодых людей выражается в желании «бороться с врагами». Исследования показывают, что в современной России среди молодежи больше, чем среди других возрастных групп, разделяются представления об «исключительности» собственного народа, а также об обидах и потерях, которые пришлось претерпеть их народу в годы советской истории и после распада СССР³³. Среди молодежи также выше, чем у старшего и среднего поколения, поддержка силовых методов решения межэтнических конфликтов, хотя 85% молодых людей и декларирует неприемлемость применения насилия в межнациональных спорах³⁴.

Новым фактором, подрывающим развитие этики ответственности в молодежной среде, стало распространение Интернета. На первый взгляд это кажется парадоксальным, поскольку во Всемирной Сети складывается виртуальное пространство для публичного дискурса и самовыражения, в интернет-сообществах разного типа люди объединяются исключительно на основе общности убеждений, взглядов, вкусов, здесь отсутствуют внешние формальные критерии, препятствующие объединению или, наоборот, принуждающие к нему помимо воли человека. Таким образом, каждый участник сообщества, форума и т.п. сам принимает решения и несет за них ответственность. Однако у свободы в Интернете есть и обратная сторона, с которой и связано ослабление нравственного контроля и этики ответственности пользователей, среди которых преобладает молодежь. Специфика интернет-сообществ по сравнению с реальными социальными сообществами состоит в их парадоксальной открытости: с одной стороны, легкость входа и выхода снимает необходимость поддерживать общие нормы, принципы солидарности, доверия, взаимной

терпимости, которые необходимы в реальных сообществах. Следовательно, молодежь не развивает навыки самоконтроля в социальных взаимодействиях и ответственность за нарушение принципов совместной деятельности. С другой стороны, поскольку поисковые системы во Всемирной Сети устроены по принципу фильтра, помогающего сразу найти то, что интересует пользователя, и максимально исключить лишнее, Интернет способствует замыканию в кругу единомышленников, «своих», которые жестко противопоставляются всем, думающим иначе³⁵. Поэтому в интернет-сообществах нередко развиваются нетерпимость и экстремизм, одной из самых обсуждаемых тем стала грубость и некорректность в Сети. В обществе вызывает тревогу молодежная мода на размещение и просмотр в Интернете видеозаписей сцен насилия, которое нередко целенаправленно совершается именно ради «известности» в Сети. Именно в Интернете получают возможность существовать и действовать ресурсы экстремистского содержания, провоцирующие безответственную агрессию среди молодежи, как это было в Москве в 2010 г. При этом происходит, по выражению социолога Е.Л. Омельченко, детерриторизация молодежного пространства: молодежь, «живущая» в Интернете, виртуально расширяет пространство общения, но реально все больше замыкается в физическом пространстве дома, не неся реальной ответственности ни за одно из них³⁶.

При огромном расширении доступа к разнообразной информации, Интернет провоцирует интеллектуальную безответственность доверчивых пользователей, в особенности молодежи. Дело в том, что специфика информационного пространства Интернета состоит в его нелинейности и мозаичности. Разнообразная информация, которую можно найти там, не выстроена иерархически и логически. Она дает пользователям не целостную картину мира, включающую как объективные знания, так и их обоснованные оценки, позволяющие ориентироваться в мире, а фрагментарные факты и оценки, высказываемые вне единой рациональной и ценностно-нормативной системы. Доступность любой информации посредством Всемирной Сети сопровождается неразборчивостью и утратой внимания к ее

источникам, достоверности, надежности³⁷. Это позволяет использовать Интернет и его аудиторию, в массе своей состоящую из молодежи, для распространения информации самого разного качества и направленности, в том числе социально опасного, экстремистского содержания, но при этом не давая ориентиров для ее критического и ответственного осмысления.

Растущая сложность общества и сопровождающая этот процесс нравственная дезориентация и рост социальной безответственности становятся вызовом для современной России. В классической работе «Бегство от свободы» Э. Фромм показал, что снятие жестких нормативных ограничений, определяющих нравственные и социальные векторы социокультурного развития, нередко приводит не к его подъему, а, напротив, к состоянию растерянности и неопределенности³⁸. Рост безответственности, цинизма, антиобщественных, деструктивных направлений в культурном развитии становятся реакцией на открытость и сложность социума, если люди не в состоянии использовать их конструктивно. А самым тяжелым из возможных последствий отсутствия этики ответственности является желание восстановить в той или иной форме ограничения свободы, вернуть авторитарные методы управления, которые отражают отсутствие желания и готовности принимать на себя всю полноту ответственности за последствия своих действий, стремление переложить ее на какую-то внешнюю силу. Требуется комплексное решение, основанное на создании условий для плодотворного развития творческой личности, ориентированной на ответственное отношение к себе и к окружающим, к обществу и к своей стране.

Zarubina N.N. *E hic of the responsibility in the cultural and moral position of modern Russian youth: the transformation of the moral in the complex society.*

Summary: *The author analyses the transformations of the morality in today's complex society. On the example in the changes in value orientations of modern Russian youth is shown that the growth of social irresponsibility is a serious challenge for the country's development.*

Ключевые слова

Этика ответственности, молодежь, сложное общество, социальные трансформации.

Keywords

Ethics of responsibility, youth, complex society, the social transformations.

Примечания

1. Федеральная целевая программа «Молодежь России» на 2011–2015 гг.
2. См.: Россия на новом переломе: страхи и тревоги. М.: Альфа, 2009.
3. См.: Beck, U. World of Risk. Polity, 2010.
4. См.: Вебер М. Политика как призвание и профессия // М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990; Давыдов Ю.Н. Этика убеждения и этика ответственности: Макс Вебер и Лев Толстой // Этическая мысль. Вып. 7. М.: ИФ РАН, 2006.

■ Социология

5. См.: Зарубина Н.Н. Этика служения и этика ответственности в культуре русского предпринимательства // *Общественные науки и современность*, 2004. №1.
 6. Зубок Ю.А. Проблемы риска в социологии молодежи. М.: Изд-во Московской гуманитарно-социальной академии. 2003. С. 29.
 7. Цит. по: Кравченко С.А. Словарь новейшей социологической лексики: теории, понятия, персоналии. М.: МГИМО-Университет. 2011.
 8. См.: Зоркая Н. Современная молодежь: к проблеме «дефектной социализации» // *Вестник общественного мнения*, 2008. № 4 (96). С. 17-19.
 9. Омельченко Е.Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? // *Журнал исследований социальной политики*. 2009. Том 4, № 2. С. 159, 169-170.
 10. См.: Даффлон Д. Молодежь в России: портрет поколения на переломе // *Вестник общественного мнения*. 2008. № 5 (97). С. 21.
 11. См.: Bauman, Z. *Postmodern Ethics*. Oxford, 1993; Bauman, Z. *Life in Fragments: Essays in Postmodern Morality*. Oxford, 1995.
 12. Двадцать лет реформ глазами россиян. Аналитический доклад. М.: И-т социологии РАН, Представительство Фонда им. Ф. Эберта в РФ, 2011. С. 272.
 13. Там же. С. 274.
 14. См.: Гидденс Э. *Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь*. М.: Весь мир, 2004. С. 62-63.
 15. См.: Бауман З. *Текущая современность*. М.; СПб.: Питер, 2008. Помимо переведенной на русский язык «Текучей современности», вышли в свет работы З. Баумана «Текучая жизнь», «Текучая любовь» (Polity Press, 2005).
 16. Зоркая Н. Современная молодежь: к проблеме «дефектной социализации»... С. 19.
 17. См.: Кравченко С.А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М.: Анкил, 2009. С. 39.
 18. См.: Зубок Ю.А. Проблемы риска в социологии молодежи... С. 32.
 19. Балакирева Е.А. Ноу-хау в молодежной политике: необходимые преобразования или рискованный эксперимент? // *Журнал исследований социальной политики*, 2009. Т.4 (4). С. 545.
 20. Двадцать лет реформ глазами россиян... С. 63.
 21. См.: Даффлон Д. Молодежь в России: портрет поколения на переломе... С. 31.
 22. См.: Там же. С. 267; 268-269.
 23. См.: Зоркая Н. «Ностальгия по прошлому», или какие уроки могла усвоить и усвоила молодежь // *Вестник общественного мнения*. 2007. №3 (89). С. 41.
 24. См.: Темницкий А.Л. Человеческий потенциал и гражданские позиции активистов молодежных объединений (на примере участников образовательного форума "Селигер -2008") / А.Л. Темницкий // *Социологические исследования*. 2009. № 9. С. 19.
 25. См.: Зоркая Н. Современная молодежь: к проблеме «дефектной социализации»... С. 20.
 26. Темницкий А.Л. Человеческий потенциал и гражданские позиции активистов молодежных объединений (на примере участников образовательного форума "Селигер -2008")... С. 27-28.
 27. Там же. С. 28.
 28. См.: Зоркая Н. Современная молодежь: к проблеме «дефектной» социализации... С. 19.
 29. См.: Зубок Ю.А. Проблемы риска в социологии молодежи... С.37-38; Горшков М.К., Тихонова Н.Е. и др. Готово ли российское общество к модернизации? Аналитический доклад. М.: И-т социологии РАН, Представительство Фонда им. Ф. Эберта в РФ. С. 57-58.
 30. См.: Зоркая Н. Современная молодежь: к проблеме «дефектной» социализации ... С.15, 19.
 31. См.: Фромм Э. *Человек для самого себя. Иметь или быть?* Минск, 1997.
 32. Федеральная целевая программа «Молодежь России» на 2011-2015 гг.
 33. См.: Двадцать лет реформ глазами россиян... С. 207-208.
 34. Там же. С. 212, 214.
 35. См.: Интернет в общественной жизни. М.: Идея-Пресс. 2006. С. 91.
 36. См.: Омельченко Е.Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры?... С. 173.
 37. См.: Давыдов И. Разрушители иерархий // *Эксперт*. 2012. № 2. С. 95.
 38. См.: Фромм Э. *Бегство от свободы*. М.: Издательство «Изида». 2004. С.38, 80.
-

Экстралингвистические аспекты функционирования английского концепта Stiff Upper Lip

В.С. Соседова

В статье рассматривается английский лингвокультурный концепт stiff upper lip, являющийся одной из основных составляющих английского национального характера. Анализ таких экстралингвистических факторов формирования данного концепта, как географический, исторический, культурный и физиологический, позволяет проникнуть в его суть и объяснить важность для английской культуры.

*Every one of these islanders is an island himself,
safe, tranquil, incommunicable.
Ralph Emerson*

На данном этапе развития науки, в эпоху господства антропоцентризма, современный подход к языку не может основываться лишь на языковом материале. Если представить язык в виде айсберга, то лексический и грамматический строй – это лишь малая часть, лежащая на поверхности. Только комплексное изучение языка, "уход под воду" для изучения невидимой части айсберга, позволяет постичь суть языковых явлений. Именно поэтому анализ концепта stiff upper lip мы начнем с анализа экстралингвистических факторов, ставших основой возникновения данного концепта, с того, что позволяет айсбергу держаться на плаву.

В данной статье мы рассмотрим, каким образом островное положение Англии повлияло на развитие изучаемого нами концепта, как история страны отразилась на его формировании, какие особенности культуры делают его ключевым для англичан и какие физиологические аспекты лежат в его основе. Таким образом, нас интере-

суют географическая, историческая, культурная и физиологическая составляющая концепта stiff upper lip.

Прежде чем начать анализ факторов приведем несколько определений stiff upper lip (далее SUL):

SUL – a quality of remaining calm and not letting other people see what you are really feeling in a difficult or unpleasant situations. (Macmillan English Dictionary)

SUL – the ability to accept bad luck or unpleasant events without appearing upset. This is thought to be typical of British people, especially upper-class British people. (Longman Dictionary of English Language and Culture)

SUL – firmness, fortitude (Oxford Dictionary and Thesaurus)

SUL – a quality of uncomplaining stoicism (Oxford online Dictionary)

То есть SUL – это присутствие духа, способность сохранять лицо в сложной ситуации, твердость характера, сдержанность.

Соседова Варвара Сергеевна – преподаватель кафедры английского языка № 1 МГИМО(У) МИД России.
E-mail: sosedovavarvara@gmail.com

Начнем с географического положения страны и ее природно-климатических условий. Менталитет народа, его отличие от других наций во многом зависит от места, где он живет. Каким образом островное положение страны отразилось на английском национальном характере? Начнем с того, что остров является крепостью, созданной самой природой, что сильно снижает возможность частых военных действий и завоеваний. Автор книги *'This Little Britain: how one small country built the modern world'* Г. Бингхэм отмечает, что успешных попыток захватить остров было всего девять, причем только завоевание 1066 г. оказало серьезное влияние на развитие страны. Это позволило сохранить тысячелетние традиции и ценности практически в неизменном виде¹. Редкая страна может похвастаться такой удачей. Как результат, сегодня в английском обществе, как и сотни лет назад, высоко ценятся невмешательство в частную жизнь, стоицизм, сдержанность, терпимость – качества, которые позволили Великобритании сыграть одну из важнейших ролей в истории человечества.

Еще одна положительная сторона жизни на острове – это удаленность от социальных потрясений и других неприятностей, происходивших на континенте, островная обособленность. В.Шестаков отмечает: «То, что делается по ту сторону Ла-Манша, воспринимается англичанами как происходящее в другой культуре и цивилизации». Даже сегодня, по его мнению, пролив представляет собой в сознании англичанина подобие средневекового рва, отделяющего городскую цивилизацию от варварства, упорядоченную жизнь от хаоса². Понимание того, что если держаться обособленно, сдержанно, то никакие революции, произошедшие на континенте, не коснутся их самих, обеспечило Англии ровное развитие в течение многих столетий. Размеренность и строгий уклад островной жизни позволили революционным процессам пройти спокойно: «Благодаря своей длительности научная революция воспринималась как эволюция, что привело к созданию психологии традиционализма, консерватизма»³; «Размеренное течение жизни как бы в отрыве от всего остального мира обусловило знаменитую английскую приверженность традициям (консерватизм, нелюбовь к переменам). В соединении со сдержанностью в проявлении чувств, умеренностью и взвешенностью в поведении и поступках это качество позволяло англичанам избегать резких социальных потрясений»⁴. Такое развитие сказалось на формировании такой ценности, как невмешательство в частную жизнь, о котором мы еще скажем ниже, и которое, в свою очередь, тесно связано с такой характеристикой, как сдержанность (*stiff upper lip*).

Однако люди, живущие на острове, сталкиваются с довольно большим количеством трудностей. Как правило, небольшие островные государства имеют недостаток природных ресурсов, что учит их обитателей быть экономными, терпеливыми, но одновременно и предприимчивыми. Для успешного развития страны необходимо эффективно использовать имеющиеся природные ресурсы,

устанавливать связи с другими государствами, налаживать торговлю. Одним из важных качеств при этом оказывается сдержанность и терпимость – без них наладить и поддерживать многовековые торговые и дипломатические связи практически невозможно. Многие исследователи пишут о том, что Англии удавалось тактично, ненавязчиво входить в жизнь других стран. Авторы книги «Эти странные англичане» Э. Майол и Д. Милстед отмечают: «Moderation – a treasured ideal – means a lot to the English. Their respect for it is reflected in their shared dislike of any person who «goes too far»⁵. Исследователь Р. Эмерсон писал о том, что англичане всегда старались подстраивать другие нации под себя, а сами никогда не ассимилируются»⁶. Г. Бингхэм соглашается с ним, указывая, что англичане всегда отличались толерантностью и уважением к чужим обычаям: «Англия всегда удавалось поглощать другие культуры, не разрушая их»⁷. Таким образом, толерантность является одним из ключевых концептов, связанных с исследуемым нами концептом SUL.

Говоря о природных условиях Англии, нельзя не отметить погоду, которую так любят обсуждать жители острова. Как отмечает М.В.Цветкова, океанический климат дает большое количество осадков и туманов, сильные ветры, мало солнечных летних дней, небольшую разницу зимних и летних температур, но при этом остается весьма умеренным⁸. Все это способствует формированию твердости характера, закаленности тела и духа, сдержанности в выражении чувств и эмоций. Кроме того, немаловажное значение имеют английские ландшафты, ровные и плавные. Здесь вы не найдете высоких гор и бурных рек, непроходимых лесов и бескрайних степей. Сама природа очень умеренна, а вслед за ней и люди, живущие среди таких пейзажей.

Жизнь на острове предполагает высокую плотность населения, ведь территория для проживания весьма ограничена, отсюда такая любовь к своему дому-крепости, который позволяет человеку скрыться от посторонних глаз. Д.Б.Пристли писал, что «человек, живущий в такой стране, вынужден особиться от других. Он молчит, потому что хочет побыть наедине с собой», «Англия – страна уединенности, и путешественнику здесь нелегко. Он видит человека, молча спешащего домой, и не понимает, что тот спешит уйти, убежать, скрыться, чтобы стать собою, то бишь – тем, кого чужеземец и не узнал бы»⁹. Человек просто вынужден быть замкнутым, чтобы сохранить свою свободу: если не быть сдержанным и скрытным, то вашу личную жизнь поглотят многочисленные соседи. Лучше не лезть в чужую жизнь, это позволяет сохранить баланс среди столь разных жителей такой многонациональной страны, как Англия.

Как мы уже сказали, *privacy*, а вместе с ней и дом является одним из ключевых концептов английской культуры, тесно связанных с понятием сдержанности, а также с жизнью на острове. Как пишет Г. Гачев: «В самодельном человеке-острове естественна тяга к обособленному житию, иметь свой дом – как микрокосмос: там и свой огонь –

камин»¹⁰, а М.В. Цветкова его полностью поддерживает: «В целом английский дом представляет собой микромодель острова: глухой забор, отгораживающий от внешнего мира, и кусок любовно возделываемой земли – маленький, ухоженный, окультуренный. В основе английского концепта «home» нетрудно разглядеть вытекающую из географического положения страны идею обособленности, отделенности от всего остального мира и замкнутости в своем небольшом уютно обустроенном пространстве. Не случайно англичане так привязаны к своим домам»¹¹. Недаром англичане говорят «Мой дом – моя крепость».

Р. Эмерсон находит еще одну причину привязанности англичан к своим домам: он считает, что в силу дождливой погоды им приходится большую часть времени проводить в помещении, у себя дома¹². Действительно, в таких условиях в шалаше не проживешь, приходится прикладывать усилия, чтобы дом был комфортным и уютным – во всем мире английские дома славятся этими качествами (и это при том, что в них почти всегда холодно).

Вполне закономерно, что среди англичан так ценится молчание: так проще сохранить лицо. Англичанин никогда не будет выпячиваться, хвастаться, лучше он скромно промолчит. Даже в клубах, так популярных в Англии, их члены предпочитают проводить время в одиночестве. Если же англичанин вступает в разговор, то речь его будет нейтральной, без резких, категоричных суждений, навязывания своего мнения. Такие особенности речи скорее можно считать следствием такой черты характера, как *stiff upper lip*, однако лексическому выражению данного концепта мы посветим отдельную статью.

Что касается истории Англии, то она во многом обусловлена островным положением страны. Мы уже упоминали о том, что Англии удалось избежать масштабных военных действий и крупных социальных потрясений, результатом чего стали знаменитые многовековые традиции Англии. Англичане очень консервативны: они до сих пор используют свою традиционную систему измерения, левостороннее движение, пьют чай в 5 часов и т.д. Но все это меркнет по сравнению с традициями парламентаризма и ограничением власти монарха аж в 1215 г., с неписаной конституцией и прецедентным правом, свободной прессой, существующей с XVII в. Сложно представить, как бы англичане смогли сохранить все это, не обладай они железным характером. А.В. Павловская пишет: «Уважение к закону стало настолько естественной составляющей характера и жизни англичанина, что во многих случаях отпала даже необходимость строгого контроля и наказания за его несоблюдение. Общество может позволить себе обращаться к здравому смыслу, а не к силе»¹³. Государственные институты, основанные на здравом смысле, оказались более долговечными, по сравнению с тем, что предложила континентальная Европа. По мнению Бена Кристалла и Адама Раса, на данный момент основная задача правительства состоит в том,

чтобы защищать своих граждан, а не править. Как таковой контроль со стороны государства не требуется¹⁴.

Очень показателен пример, приведенный Б. Брайсоном: «I found myself late on a gray Saturday afternoon, on an exceptionally long and empty train bound for Windsor. At Twickenham, I discovered why the train was so long and so empty. The platform was jammed solid with men and boys in warm clothes and scarves earning glossy programs and little bags with tea flasks peeping out: obviously a rugby crowd from the Twickenham grounds. They **boarded with patience and without pushing, and said "Sorry"** when they bumped or inadvertently impinged on someone else's space. **I admired this instinctive consideration for others**, and was struck by what **a regular thing** that is in Britain and how little it is noticed. Nearly everyone rode all the way to Windsor – I presume there must be some sort of parking arrangement there; Windsor can't provide that many rugby fans – and **formed a patient crush at the ticket barrier**. An Asian man collected tickets in fast motion and said "Thank you" to every person who passed. He didn't have time to examine the tickets—you could have handed him a cornflakes boxtop—but he did manage to find a vigorous salute for all, and they in turn thanked him for relieving them of their tickets and letting them pass. **It was a little miracle of orderliness and goodwill**. Anywhere else there'd have been someone on a box barking at people to form a line and not push»¹⁵.

Людям и в голову не могло прийти сбиться в толпу, нарушить общественный порядок, попытаться пройти без очереди. Этот случай прекрасно иллюстрирует законопослушность англичан, их терпение, ведь даже представить невозможно, что кто-то мог выйти из себя (иностранцы не в счет). Данный пример является весьма показательным примером английской вежливости, которая, на наш взгляд, также является связанной с концептами *privacy* и *SUL*. Вежливое общение является способом держать дистанцию, так важную для англичан, и требует от вас сохранять нейтральное, невозмутимое выражение лица.

Еще одной чертой, связанной с историческим развитием нации, объясняющей существование и обуславливающей важность концепта *SUL*, является свободолюбие англичан. Они безоговорочно признают право человека жить так, как ему хочется, если он не вторгается при этом в личное пространство других. Недаром англичане первыми ограничили власть монарха, безраздельная власть которого могла бы ущемить их собственные права. И хотя Англия была одним из лидеров работорговли, монархия существует по сей день, а английское общество, несмотря на заявления политиков и социологов, остается классовым, англичанин всегда остается свободным. С юмором комментирует право англичан иметь свое мнение Д.Микеш: «It may be your personal view that two and two make four, but you must not state it in a self-assured way, because this is a democratic country and others may be of a different opinion»¹⁶. Такое возможно только в стране с древними либеральными традициями.

Теперь, нам кажется, было бы уместным прокомментировать влияние религии на формирование английского характера. Согласно К. Фокс, религия не играет большой роли в жизни англичан, они редко посещают церковь, испытывают неловкость в проявлении религиозных чувств. Однако мы согласимся с М.В. Цветковой, которая считает, что реформация церкви сыграла важнейшую роль в формировании английского характера. Незаметно для них самих основными ценностями англичан стали концепты, связанные с пуританским мировоззрением: бережливость, трудолюбие, умеренность, скромность, сдержанность, здравый смысл и приверженность «золотой середине»¹⁷. На данный момент все эти концепты исследователи выделяют при описании английского характера. Всякую чрезмерность пуританство трактует как грех, отсюда и знаменитая поджатая верхняя губа, которая является символом сдержанности и хладнокровия. Кроме того, сильные религиозные чувства могут помешать рациональному восприятию вещей, и религиозные фанатики Ирландии – яркий тому пример. Немаловажную роль сыграла и королева Виктория, во времена которой Англия отличалась небывалой строгостью нравов. Приведем цитату, характеризующую отношение англичан к удовольствиям: «The Englishman never enjoys himself except for a noble purpose»¹⁸. В то время пуританские ценности умело навязывались в обществе и до сих пор живы в сознании англичанина.

Немаловажно и отношение англичанина к смерти, которое во многом обусловлено пуританством. Англичанин должен быть спокойным, непоколебимым перед лицом смерти. Это относится не только к представителям высшего класса, но и к обычным людям. Для иллюстрации приведем примеры из работ Г. Бингхэма. В одном из своих дневников Ивлин Во рассказывает о встрече с греком-англофилом, который поделился следующей историей. Паром через Босфор потерпел крушение, налетев на скалы. Капитан и его помощник сбежали на единственной шлюпке, а пассажиры, в основном турки, евреи и армяне, начали паниковать, и, вместо того чтобы спокойно ждать спасения, они начали раскачивать судно, что еще больше усугубило ситуацию. Рассказчик-грек сидел на палубе и от страха не мог пошевелиться, вдруг ему навстречу вышел невысокий мужчина. С трубкой во рту он не спеша шел по палубе, положив руки в карманы пальто. Поравнявшись с греком, мужчина сказал: «Насколько я понимаю, сэр, вы тоже англичанин». На что грек ответил, что он всего лишь иностранец. «Прошу прощения, сэр!» – сказал англичанин и отошел к борту корабля, чтобы умереть в одиночестве¹⁹. Этот пример прекрасно показывает стойкость англичан перед лицом смерти, когда важность сохранить лицо перевешивает все остальные чувства.

Нельзя не отметить связь SUL и английского юмора. Всем и каждому известен английский юмор, его можно отличить с первого взгляда, хотя вариаций может быть масса – от сарказма до легкой иронии. К.Фокс отмечает, что юмор является обязательным элементом практически всех сфер

жизни англичанина. На наш взгляд, это может быть связано с тем, что юмор является своего рода прикрытием, способом скрыть свои настоящие чувства и мысли по поводу происходящего. Более того, английский юмор прекрасно вписывается в общую картину умеренности – шутки всегда очень изысканы, с подтекстом. К тому же они помогают сохранить лицо в сложной жизненной ситуации и снизить пафос драматических моментов. «Only the English do irony with a completely straight face»²⁰.

Пример типичного стоицизма с оттенком юмора приводят авторы книги «Эти странные англичане», описывая случай с рабочим цирка, у которого тигр откусил руку. Когда потерпевшего доставили в больницу и спросили, нет ли у него на что-либо аллергии, он ответил: «Только на тигров»²¹.

Далее мы считаем нужным остановиться на таком важном моменте, как воспитание, поскольку воспитание является залогом культурного развития нации, мерилем ее успешности. Что мы знаем об английском воспитании? Что дома к детям относятся очень строго, что престижным считают обучение детей в закрытых школах, где еще недавно было разрешено телесное наказание и по-прежнему приветствуется раздельное обучение мальчиков и девочек. Т.С. Самохина указывает, что в Англии с самого детства дети учатся самостоятельности. Там никто не станет носить ребенка на руках или отменять свой отпуск, если у вас в семье новорожденный²². А.В. Павловская отмечает: «Англичанин с детства привыкает спать в холодных спальнях, ходить под проливным дождем без головных уборов, считать наказания нормой жизни, видеть родителей строго по расписанию, отправляться в самостоятельное плавание по мере достижения возраста относительной зрелости»²³. На первый взгляд данное замечание может показаться устаревшим, однако, это совершенно не так. Вспомните хотя бы, многочисленные английские языковые школы, открывшие двери для детей со всего мира. Даже за две-три недели иностранцы успевают почувствовать строгость в обучении: день распланирован с утра до позднего вечера, причем непосещение внеклассных занятий считается дурным тоном, а пропуск уроков из-за высокой температуры тем более. (И это при том, что лечить вас никто не планирует – таблетка парацетамола, а все остальное пусть ваш организм делает сам!) Нарушение распорядка, опоздания, неуважительное отношение к персоналу и ученикам – все строго наказывается.

О жесткости английского воспитания можно писать очень долго, немало можно увидеть, заглянув в биографии известных людей. Например, английская королева Виктория (1819–1901), прославившаяся строгим викторианским кодексом и приверженностью к стоицизму, воспитывалась в детстве в условиях приобщения к поведению *stiff upper lip*. Как отмечалось неизвестным автором, «as a child Queen Victoria was trained to keep her chin up - literally. A prickly sprig of holly was regularly placed under her collar».

И К.Фокс, подробно описавшая отношения англичан к детям, и Д.Вэлмсли отмечают, что по-

следние не создают «суэты» вокруг своих детей, стараются не хвалить их, как это делается у других народов. Д.Вэлсли делает более жесткое заявление: «Веками в английском обществе существовала система детского апартеида, при которой к детям относятся как к низшим существам²⁴. В традициях общества передавать воспитание детей няне, а потом отправлять их в школы-интернаты». Интересно, что, по ее мнению, традиции воспитания сохраняются, потому что «все так делают» и «это закаляет характер», а главное – это учит правилам хорошего тона. Здесь работает очень мощное правило «Не выпячивайся, будь, как все», такое родное для сердца англичанина. Англичане считают, что ребенок должен вырасти физически и психически сильным и готовым к жизни, не должен никому жаловаться, поскольку его не поймут ни учителя, ни родители²⁵. Здесь уместно привести высказывание Э.М. Форстера: «It is not that the Englishman can't feel – it is that he is afraid to feel. He has been taught at his public school that feeling is bad form. He must not express great joy or sorrow, or even open his mouth too wide when he talks -his pipe might fall out if he did». Таким образом, вся система воспитания нацелена на выработку умения «to keep stiff upper lip».

Наконец, мы бы хотели остановиться на физиологическом факторе. Почему именно такое сочетание было выбрано для выражения концепта, включающего в себя такие черты, как стойкость, сила духа, упорство, выдержка. Почему именно губа? Почему верхняя?

Во-первых, мимика играет наиважнейшую роль в процессе человеческого общения, опережая жесты и тем более слова. Лицо используется как регулятор общения, который открывает и закрывает коммуникацию, дополняет и меняет поведение окружающих, часто вообще заменяет вербальное общение²⁶.

Приоритет лица, или тенденция придавать лицу больше веса по сравнению с другими коммуникативными каналами, очевиден и подтвержден множеством исследований. Связанные с чертами лица стереотипы давно привлекают внимание ученых. Например, высокий лоб является признаком интеллекта, тонкие губы – признаком добросовестности, а полные губы – сексуальности²⁷.

Интересно, что при отсутствии публики эмоции выражаются гораздо реже, а, по мнению американского психолога А.Фридлунда, выражение лица не может быть чисто эмоциональным, оно всегда служит определенным социальным целям²⁸. Более того, изучение мельчайших лицевых движений показывает, что люди подсознательно повторяют экспрессии других людей, даже если те незначительны для сознательного восприятия.

Во-вторых, именно губы задействованы в выражении абсолютно всех эмоций. Более того, еще Ч.Дарвин определил, что мышцы, отвечающие за движение уголков губ, наименее подвержены контролю сознания со стороны человека, тогда как другие мышцы перешли в зону автоматизированного контроля. По движению губ довольно легко считывается состояние человека²⁹. Ч.Дарвин

также отметил, что плотно закрытый рот придает выражению лица решительность, а расслабленная нижняя челюсть является признаком слабости характера. Он также указывает, что напряжение мышц рта распространяется и на другие мышцы, приводя в тонус все тело.

Согласно П.Экману, наиболее распространенным средством маскировки эмоционального состояния является улыбка, однако это верно не для всех культур³⁰. Так, англичане находят необходимым сохранять верхнюю губу неподвижной, чтобы не выдавать своих переживаний в сложных ситуациях. Причем это настолько вошло в характер англичанина, что часто можно наблюдать, как подобное положение губ становится нормальным для человека и постоянно сохраняется на лице, оно определенным образом выгравировывается. Кроме того, небезынтересен тот факт, что в сравнении, например, с французским или немецким языком артикуляция губ в английском языке очень слабая, они никогда сильно не выдвигаются, не растягиваются и не округляются. Возможно, данная характеристика артикуляционной базы связана с ценностью для англичан изучаемого нами концепта SUL.

Подводя итог анализу факторов, лежащих в основе английского лингвокультурного концепта SUL, мы можем сделать следующие выводы:

- в первую очередь источником появления и развития такой черты характера, как *stiff upper lip*, является островное положение Англии, которое позволило ей относительно спокойно развиваться в течение многих столетий без вмешательства иностранных государств, прививая ценность независимой жизни;

- сложные природные условия воспитали в англичанах терпение и трудолюбие, способность не пасовать перед трудностями. Кроме того, ровные пейзажи и умеренность температур также отразились на характере англичан, которые во всем имеют чувство меры и стараются не выпячиваться;

- обособленность островной жизни отразилась в концепте *privacy*, который непосредственно связан с изучаемым нами концептом SUL, поскольку в такой густонаселенной стране, как Англия, очень важно иметь свой собственный «островок безопасности», который принадлежит только вам, а черта SUL позволяет охранять свое личное пространство;

- историческое развитие Англии внесло свой вклад в формирование концепта SUL:

- а) уважение к закону, соблюдение правил будто вписаны в ДНК англичанина, что способствует контролю над эмоциями и сдержанному поведению;

- б) англичане – это нация, высоко ценящая свободу, а следовательно, и ответственность человека за его действия, то есть человек должен стойко принимать ситуацию, если он ошибся, не падать духом;

- важную роль в формировании английского характера сыграла религия, поскольку такие черты, как умеренность, скромность, сдержанность, являются пуританскими ценностями. Отсюда и стойкость англичанина перед лицом смерти;

■ Филология

– если говорить о культуре нации, то основным показателем уровня ее развития является система воспитания, которая в нашем случае полностью направлена на умение «keep stiff upper lip»;

– наконец, выбор такой характеристики, как натянутая верхняя губа, для обозначения стойкости, сдержанности, совершенно неслучаен и имеет физиологические основания. Мышцы губ нужно постоянно держать под контролем, они участвуют в выражении всех эмоций, их напряжение приводит в тонус все тело и позволяет лучше себя контролировать.

Таким образом, анализ экстралингвистических факторов позволил нам проникнуть в суть

концепта SUL, увидеть причины его формирования и важности для английской культуры. Очень интересным является вопрос языковой репрезентации данного концепта, чему будут посвящены последующие статьи.

Sosedova V.S. Extralinguistic Aspects of the English Concept Stiff Upper Lip.

Summary: The article concerns one of the basic Anglo-Saxon linguocultural concepts Stiff Upper Lip, which is an integral part of English national character. The analysis of such factors as geographic, historic, cultural and physiological ones gives a chance to delve into the essence of the concept and explain its importance for English culture.

Ключевые слова

Английский национальный характер, лингвокультурный концепт, экстралингвистические факторы, stiff upper lip.

Keywords

English national character, linguocultural concept, extralinguistic factors, stiff upper lip.

Примечания

1. Bingham H. This Little Britain: how one small country built the modern world, Fourth Estate, London, 2009. P. 123.
2. Цветкова М.В. Межкультурная коммуникация: Учебное пособие. Нижний Новгород, 2001. С. 161.
3. Гачев Г. Ментальности народов мира. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 152.
4. Цветкова М.В. Ук. соч. С. 164.
5. Майол Э., Милстед Д. Эти странные англичане. М.: Эгмонт Россия ЛТД, 2001. С. 11.
6. Emerson R.W. On English Traits. Сб. статей и извлечений из работ об английском языке и культуре. Вып.2. М.: Издательский Дом «Городец», 2009. С. 34.
7. Bingham H. Ук. соч. С. 267.
8. Цветкова М.В. Ук. соч. С. 161.
9. Карасик В.И. Ярмахова Е.А., Лингвокультурный типаж «английский чужак». М.: Гнозис, 2006. С. 68-69.
10. Гачев Г. Ментальности народов мира. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 160.
11. Цветкова М.В. Ук. соч. С. 167.
12. Emerson R.W. On English Traits, Сб. статей и извлечений из работ об английском языке и культуре. Вып.2. М.: Издательский Дом «Городец», 2009. С. 27.
13. Павловская А.В. Англия и англичане. М.: Издательство Московского университета. Триада лтд, 2004. С. 243.
14. Crystal B., Russ A. Sorry, I'm British: An Insider's Romp Through Britain from A to Z, Oneworld, 2011. P. 129.
15. Bryson B. Notes from a Small Island, Happer Perennial, 2001. P. 50.
16. Mikes G. How to be a Brit, Penguin Books, 1986.
17. Цветкова М.В. Ук. соч. С. 166.
18. Карасик В.И. Ярмахова Е.А. Ук. соч. С. 71.
19. Bingham H. Ук. соч. С. 301.
20. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of Behaviour. The Hidden Rules of Behaviour., Hodder, 2004. P. 182.
21. Майол Э., Милстед Д. Ук. соч. С. 25.
22. Самохина Т.С. Они и мы: Америка, Англия, Россия. М.: Издательство «Прометей», МПГУ, 2008. С. 148.
23. Павловская А.В. Ук. соч. С. 235.
24. Walmsley J. Brit-think, Ameri-think: a transatlantic survival guide, Penguin Group, New York, 2003. P. 55-56.
25. Карасик В.И. Ярмахова Е.А. Ук. соч. С. 78.
26. Нэпп М., Холл Д. Невербальное общение: Учебник. СПб.: "Прайм - еврознак", 2004. С. 190.
27. Там же. С. 174.
28. Там же. С. 176.
29. Darwin C. The Expression of the Emotions in Man and Animals, London: WATTS&CO, 1948.
30. Экман П., Фризен У. Узнай лжеца по выражению лица / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2012.

Глобальные тенденции развития университетов и трансформация российской образовательной политики

М.М. Лебедева, О.Н. Барабанов

В статье рассматривается эволюция университетов в связи с приобретением высшим образованием политикообразующей функции, а также реакция на эту эволюцию со стороны российских государственных органов власти, определяющих образовательную политику. Делается вывод, что «догоняющее развитие» системы высшего образования России может оказаться успешной стратегией включения в конкуренцию за глобальное лидерство в образовательной сфере.

Проблема образования с приобретением политикообразующей функции¹ стала привлекать внимание специалистов в области международных отношений и мировой политики. В фокусе этих исследователей все чаще оказываются вопросы Болонского процесса², образования как «мягкой силы»³ и т.п., в меньшей степени пока – роль и социально-политические функции университета⁴. В свое время университеты сыграли немалую роль в развитии не только науки, но и общества в целом. Представляется, что и в настоящее время возможен их своеобразный «ренессанс» в этой роли, только в принципиально иных масштабах и качественных отношениях.

В конце XX столетия на университет была сделана ставка в Европе при формировании процессов современного высшего образования. Именно университет был в центре внимания Университетской хартии (Magna Charta

Universitatum), принятой в 1988 г. в Болонье в связи с празднованием 900-летия старейшего европейского университета. Университетская хартия в дальнейшем легла в основу Сорбоннской декларации 1998 г. и Болонской декларации 1999 г., которая, в свою очередь, положила начало одноименному процессу. В Университетской хартии подчеркивалось следующее:

- автономность университета;
- независимость университета от политических и идеологических догм;
- связь исследования и образования;
- отказ от нетерпимости и ориентация на диалог.

В рамках Болонского процесса автономность университета стала означать, что именно университет принимает решения:

- о своем полном или частичном (например, только о переходе на двухступенчатую систему и определении кредитов за каждый курс с целью

Лебедева Марина Михайловна – д. полит. н., профессор, зав. кафедрой мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Барабанов Олег Николаевич – д.полит.н., профессор, зав. кафедрой политики и функционирования ЕС и Совета Европы МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Российское высшее образование в общемировом и европейском пространстве: соотношение приоритетов гармонизации и сохранение национальной специфики», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8560).

■ Российское высшее образование в мировом пространстве

постепенного подключения к процессу) включении в Болонский процесс;

- выборе партнеров;
- определении кредитов за тот или иной курс и др.

Университет в конечном итоге, а не студент или преподаватель определяет, в какой из университетов ехать для продолжения обучения или чтения лекций и т.д. Именно университет в Болонском процессе является ключевой единицей интеграции высшего образования. Путем предоставления университету автономности решается проблема совместимости учебных программ различных университетов как внутри одной европейской страны, так и в различных странах. В результате этого происходит своеобразная «самонастройка» и адаптация университетского образования – его гармонизация, но не унификация.

Болонский процесс и сформированное на его базе в 2010 г. Европейское пространство высшего образования⁵ осуществляется на основе межгосударственных соглашений, тем самым университет включается в процессы интеграции. В то же время часто университет заключает соглашения с другими университетами, находящимися вне рамок Европейского пространства высшего образования. В этом случае университет вовлекается в процессы транснационализации, составляющие суть глобализации. Иными словами, с мирополитической точки зрения университет оказывается своеобразным звеном, «соединяющим» процессы интеграции и глобализации. Справедливости ради необходимо отметить, что университет здесь не уникален. Бизнес, например, функционирует по такой же схеме.

Болонским процессом не ограничивается роль университета в интеграционных и глобализационных процессах мира. Современный университет оказывается в центре множества сетевых отношений:

– во-первых, это взаимодействие как с зарубежными университетами-партнерами, так и с университетами своей страны. Осуществляется оно в различных формах, например в рамках программы двойных дипломов, обменов, совместных программ нескольких университетов⁶ и т.п. В межуниверситетских сетевых структурах одновременно сосуществуют сотрудничество и конкуренция. Сотрудничество налаживается прежде всего между наиболее сильными университетами. Они же, как правило, формируют и различного рода ассоциации (профильные внутри одного государства, международные и др.). Примерами таких ассоциаций могут служить Международная ассоциация университетов, созданная в 1950 г. при поддержке ЮНЕСКО и объединяющая 150 университетов⁷, Евразийская ассоциация университетов, созданная в 1989 г.⁸, Международная ассоциация президентов университетов, созданная в 1964 г.⁹, и др.

Различная включенность в сетевые структуры усиливает стратификацию университетов. В настоящее время в мире все более четко выделяется три группы университетов. Первая группа – это наи-

более успешные и престижные университеты (по отдельным отраслям науки или в целом), хорошо интегрированные в межуниверситетские сетевые отношения и формирующие профессиональную сеть. Вторая группа – университеты, которые отчасти принадлежат к «первому кругу». Они стремятся войти в него полностью. Эти университеты имеют сетевые отношения с другими вузами, главным образом своей страны, но связи в значительной степени ограничены (в том числе имеют в основном региональный характер). Третья группа – университеты, которые практически не включены в межуниверситетские связи. Это «аутсайдеры», работающие на локальном уровне. Границы между тремя группами университетов являются «подвижными», то есть университеты могут перемещаться из одной группы в другую. Кроме кооперативных связей и отношений между университетами развивается жесткая конкурентная борьба. Разумеется, такая конкуренция существовала и ранее. Однако сегодня в условиях корпоративных сетей и процессов транснационализации она приобретает иной характер и иные масштабы;

– во-вторых, готовя специалистов разного профиля, университет занимается организацией студенческой практики, помогает выпускникам в поиске работы после окончания университета и т.д. В результате современный университет устанавливает тесные связи с бизнесом, структурами власти различного уровня, аналитическими центрами, неправительственными организациями и другими организациями работодателей. В свою очередь работодатели проявляют активный интерес в налаживании таких взаимоотношений с университетом. Для них это открывает возможности поиска и отбора будущих кадров, представления своей организации для широкой аудитории, а также возможности параллельной с основной деятельностью преподавать и вести научную работу. В настоящее время все шире развивается практика, когда компания основывает кафедру в университете. Через нее осуществляется наиболее тесные связи образования и практической деятельности. Значимой структурой в поддержании и развитии связей с различными структурами общества становится ассоциация выпускников. Через ассоциацию также нередко осуществляется и различные варианты спонсорской помощи;

– в-третьих, университет все чаще и в большей степени становится значимой структурой гражданского общества. Университет выступает дискуссионной площадкой для обсуждения наиболее острых научных и общественных вопросов. Высшие лица государств, другие политические и общественные деятели избирают университет для своих выступлений, ответов на вопросы студентов. Одновременно профессора, преподаватели университета активно включаются в комментирование событий науки, техники, экономики, политики, развития общества и т.д. Все это дает дополнительный импульс университету и для развития, и для привлечения студентов, а также повышает его конкурентоспособность на рынке.

Таким образом, университет оказывается центром сетевых связей и отношений. При этом он сам «завязывает» множество «узлов» в них. Иными словами, современный университет ярко иллюстрирует феномен, названный М. Кастельсом «сетевым обществом» (network society)¹⁰. Это новое качество университета порождает для него и множество проблем. Университету приходится выполнять многие функции, которые для него ранее не были свойственны или, в лучшем случае, шли как второстепенные. В современном мире университет, даже государственный, начинает во многом работать как корпорация, а также выполняет еще социальные функции. При этом для университета жизненно важным становится не потерять то, ради чего университет существует, – науку и образование. В целом на примере университета четко прослеживается тенденция, характерная для современного мира и связанная с расширением и пересечением функций различных акторов мировой политики¹¹.

Проблемы возникают не только для университета, но и для общества в целом. Транснационализация образования остро ставит вопрос сочетания «национального» и «глобального» в современном образовании. Стратификация или поляризация университетов, их разделение на элитные, включенные в различные сети, и тех, кто работает на локальном уровне, также порождает проблемы не только для самих университетов, но и для общества в целом, поскольку уровень образования в «локальных» университетах будет продолжать падать. Эти общие глобальные тенденции, влияющие на современную трансформацию университетов и их все большее удаление от традиционного «гумбольдтовского» образца, проявляются и в России. При этом процесс встраивания российских университетов в глобальные профессиональные сети имеет свою специфику и характерные черты.

Одной из них стало то, что именно в России процесс так называемой «массовизации» высшего образования как элемента «революции в человеческом капитале», говоря словами Я.И. Кузьминова¹², за последние два десятилетия проявился особенно сильно. Число студентов вузов в возрастной когорте молодежи 17–19 лет выросло с менее 40% в советский период до 65–90% в настоящее время¹³. Социальные причины этого понятны. Жесткая ориентация СССР на элитистский характер высшего образования, соединяемая в условиях пролетарской идеологии с необходимостью масштабного воспроизводства рабочего класса и логичным в условиях плановой экономики более равномерным распределением молодежи по различным профессиональным стратам, все это привело к тому, что пресловутый *numerus clausus* в наборе студентов в СССР был невелик и ригиден.

Изменения в российской экономике после прекращения социалистической модели привели, во-первых, к взрывному спросу со стороны рынка на триаду профессий «экономист–юрист–менеджер» и соответственно на их подготовку. Во-вторых, экономическая свобода привела к возможности открытия частных вузов – чего вообще не было в СССР. В-

третьих, сокращение бюджетного финансирования государственных вузов по сравнению с советским периодом сделало их приоритетной стратегией развития платного образования как по выделяемым для этого вузом дополнительным местам, так и в рамках так называемой «филиализации» – открытия отделений столичных вузов в других городах.

Все это и привело к взрывному росту числа студентов в постсоветской России. Но одновременно российские университеты очень остро почувствовали на себе и обратную сторону этой массовизации – значительно увеличившееся число студентов на одного преподавателя, нехватку оставшихся прежними библиотечных ресурсов, сокращение или превращение в пустую формальность семинарских занятий и т.п. В результате все это стало представлять реальную угрозу для качества образования. Помимо того, массовизация вкупе с расширяющимся предпочтением к письменным формам контроля знаний студентов над устными привела к существенному возрастанию доли учебной нагрузки в рабочем времени преподавателей и соответственно снижению доли научно-исследовательской работы. А поскольку ключевым критерием международного рейтингования университетов являются именно результаты НИР (в форме публикаций, проектов и пр.), то российские университеты оказались отброшены в нижние сотни глобальных рейтингов. Наконец, главный внешний элемент массовизации – введение ЕГЭ – очень быстро стал одной из наиболее острых и социально взрывоопасных проблем в современной России¹⁴.

Другая черта российской университетской специфики связана с крайне низкими условиями оплаты труда вузовских преподавателей. Стало общим местом, что их зарплаты (за вычетом нескольких успешных вузов-исключений) в разы (до десяти раз) меньше, чем на сравнимых должностях в университетах не только развитых стран, но и многих развивающихся государств, сделавших ставку на приоритетное развитие и интернационализацию своих университетов (Малайзия, ЮАР, Саудовская Аравия, Индия, Аргентина). Эта ситуация хотя и неприглядна, но была объяснима в условиях экономического обвала 1990-х гг. Но она продолжает сохраняться и сейчас, после десятилетия «тучных» нулевых. Высшая школа экономики совместно с Бостонским центром исследований международного высшего образования опубликовала в 2012 г. итоги международного проекта «Как платят профессорам», проводимого группами локальных экспертов по 28 странам. Россия занимает по этим подсчетам предпоследнее, 27-е место по средней зарплате по системе высшего образования в целом (617 долларов в месяц по ППС)¹⁵. Находящаяся на 25-м месте Эфиопия предлагает своим вузовским преподавателям зарплату в два раза больше, чем в России (1207 долларов в месяц по ППС).

Для сравнения: лидер этого рейтинга – Канада (7196 долл./мес. по ППС), США – на пятом месте (6054 долл./мес.), а наши партнеры по БРИКС занимают в нем следующие позиции: ЮАР – на третьем

■ Российское высшее образование в мировом пространстве

месте (6531 долл./мес. по ППС, то есть выше США), Индия – на четвертом (6070 долл./мес. по ППС, тоже выше США), Бразилия – на 18-м (3179 долл./мес. по ППС), Китай – на 26-м (720 долл./мес. по ППС). Из этих результатов очевидно, что лидеры БРИКС по вниманию к развитию национального университетского потенциала – отнюдь не те, о ком мы стереотипно думаем, и в самой меньшей степени – мы сами.

Далее, другой показатель сравнения. Возьмем выраженные «нефтяные» страны, чей ВВП, как и в России, формируется за счет экспорта углеводородов. Саудовская Аравия в этом рейтинге занимает 6-е место, сразу после США (6002 долл./мес. по ППС), Нигерия – 13-е (4629 долл./мес. по ППС), то есть она платит своей профессуре в 7,5 раз больше, чем нефтегазовая Россия. Также не тот расклад, к которому мы стереотипно привыкли. Наконец, винить во всем постсоветский развал тоже не получается. В этом рейтинге Латвия и Казахстан хотя расположены также в нижней части, но все равно в 2,5–3 раза превосходят Россию: Латвия – 23-я (1785 долл./мес. по ППС), Казахстан – 24-й (1553 долл./мес. по ППС).

Вдобавок к этому университетские зарплаты в России, особенно на низших преподавательских должностях, ниже средних по рынку труда в самой России – ассистенты и старшие преподаватели получают в среднем 67% от средней зарплаты по российской экономике в целом, доценты – 86 %; и только профессора – 125 %¹⁶. Все это красноречиво объясняет и «утечку мозгов» молодых аспирантов и «постдоков» из России¹⁷, и их уход в другие сектора экономики в самой стране. Все это, согласимся, влияет и на снижение профессионализма российского преподавательского корпуса, и на его мотивацию к работе.

Третья черта, характерная для российских университетов, – это низкая академическая мобильность преподавателей и так называемый «инбридинг», когда каждый университет функционирует в условиях замкнутой кадровой системы: принимает в аспирантуру своих выпускников; назначает ассистентами своих аспирантов, а затем через формальные и неальтернативные конкурсы продвигает их по служебной лестнице¹⁸. Понятно, что этот «инбридинг» не во всем плох, но то, что подобное самозакрытие вуза от национальной и международной конкуренции в борьбе за лучшие кадры вполне может привести к стагнации, тоже очевидно.

Вот таковы три аспекта, которые ощутимо тянут «вниз» российские университеты в глобальной конкуренции – излишняя массовизация высшего образования, крайне низкие зарплаты преподавателей и внутренний «инбридинг» в большинстве вузов. И на этом фоне, напомним, важнейшей стратегической задачей российского высшего образования В.В. Путин в цикле своих указов после вступления в должность Президента России 7 мая 2012 г. объявил вхождение сразу нескольких российских университетов в первую сотню мировых рейтингов вузов за ближайшие годы¹⁹.

Очевидно, что без решения этих трех проблем (и понятно, что не только их) реализация этой задачи будет крайне затруднена. Нужно подчеркнуть, что Министерство образования и науки России уже ведет эффективную, хотя и социально взрывоопасную работу по этим направлениям. В борьбе с излишней массовизацией мы видим;

– и явную тенденцию к снижению контрольных цифр приема студентов на бюджетной основе в большинстве вузов;

– и более строгое рейтингование и ранжирование самих вузов через селекцию вузов-лидеров (в рамках известных программ по приоритетному национальному проекту «Образование», национальным исследовательским университетам, федеральным инновационным площадкам, предоставлению лучшим университетам права на собственные образовательные стандарты и т.п.).

Другая тенденция здесь – это слияние вузов как в рамках создания федеральных университетов, так и на региональном уровне. Этот процесс (сочетающийся с неизбежной оптимизацией штатов), впрочем, и вызвал серьезный социальный протест, который в ряде случаев получил общероссийский резонанс и в недавнем случае в Тамбове привел к отмене министерского приказа о слиянии вузов города. Что касается роста зарплат, то здесь министерство также выбрало стратегию первоочередной поддержки вузов-лидеров. При сохраняющейся ригидности и низком уровне базовых бюджетных ставок это привело к серьезной модернизации надбавок за различные академические достижения. Связанные с этим внутренняя диверсификация и расслоение внутри самого университета и создание в нем открытой конкурентной среды между преподавателями позволили устранить наиболее «замшелые» формы «инбридинга» (хотя не без ущерба для социальной сплоченности профессуры). Этому же способствовали и начавшиеся министерские конкурсы по приглашению на работу в Россию ведущих зарубежных профессоров.

Таким образом, можно сделать вывод, что в вузовском сообществе России начата серьезная работа по внутренней модернизации и стратификации. Она проводится как на министерском уровне, так и в отдельных университетах. Рост конкурентности (и ожидаемый в связи с этим рост транспарентности) и должен привести к формированию устойчивой страты вузов-лидеров, которые будут способны достойно включиться в глобальные университетские сети и вывести Россию в число реальных лидеров мировой образовательной политики. Это тот случай, когда «догоняющее развитие» может стать успешным.

Lebedeva M.M., Barabanov O.N. Global Tendencies in University Development and Transformation of Russian Education Policy.

Summary: The article reviews evolution of modern university, which has acquired a new political function and a reaction to this development of education policy in Russia. Authors argue that the strategy of catch-up development might be successful in case of Russian higher education system and its potential on the global competitive education market.

Ключевые слова

Университет, «мягкая власть», Болонский процесс, российская система высшего образования.

Keywords

University, soft power, Bologna Process, Russian system of higher education.

Примечания

1. Лебедева М.М. Политикообразующая функция высшего образования в современном мире / М.М. Лебедева // Мировая экономика и международные отношения . 2006. № 10. С.69–75.
2. См., напр.: Ларионова М.В. Оценка объемов затрат на обеспечение программ академической мобильности и экономических последствий применения схем финансирования академической мобильности студентов и преподавателей/ В. А. Вайнап и др.; под общ. ред. Е. А. Карпухиной // Академическая мобильность: финансово-экономические и правовые аспекты. М.: Логос, 2008. С. 78-157; Болонский процесс: проблемы и перспективы / Под ред. проф. М.М. Лебедевой. М.: Оргсервис, 2006 и др.
3. Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал "мягкой силы" России/ М.М. Лебедева, Ж. Фор// Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 6 (9). С. 200–205; Панова Е.П. Высшее образование как потенциал «мягкой власти» государства. Вестник МГИМО-Университета. №2 (15). 2011.
4. Ларионова М.В. Анализ подходов к интернационализации в российских вузах в контексте тенденций глобализации: задачи и условия повышения конкурентоспособности и развития экспортного потенциала/ М.Л. Агранович и др.// Интернационализация высшего образования: тенденции, стратегии, сценарии будущего М.: Логос, 2010. С. 216–257; Торкунов А.В. Задачи и вызовы университетской политики// Международные процессы. 2011. Т.9.№ 1 (25). Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/twenty-fifth/006.htm>
5. Декларация о Европейском пространстве высшего образования, Будапешт-Вена, 12 марта 2010 г. Режим доступа: http://bologna-centr.at.ua/PDF/2010_Budapesht.pdf
6. Например, такая совместная программа по международным отношениям существует у трех университетов Германии: Свободного университета Берлина, Потсдамского университета и университета Гумбольдта. И эта программа имеет программу двойного диплома с МГИМО(У).
7. Сайт Международной ассоциация университетов. Режим доступа: <http://www.iau-aiu.net/>
8. Сайт Евразийской ассоциации университетов. Режим доступа: <http://www.eau-msu.ru/>
9. Сайт Международной ассоциация президентов университетов. Режим доступа: <http://www.ia-up.org/>
10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
11. Подробнее см.: Лебедева М.М. Современные тренды мирового развития: новое качество мира // Метаморфозы мировой политики / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО (У). 2012.
12. Кузьминов Я.И. Академическое сообщество и академические контракты: вызовы и ответы последнего времени// Как платят профессорам. Глобальное сравнение систем вознаграждения и контрактов/ Под ред. Ф. Альтбаха, Л. Райсберг, М. Юдкевич, Г. Андрущак, И. Пачеко. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. С. 412.
13. Андрущак Г., Юдкевич М. Высшее образование в России: заработная плата и контракты// Как платят профессорам. Глобальное сравнение систем вознаграждения и контрактов/ Под ред. Ф. Альтбаха, Л. Райсберг, М. Юдкевич, Г. Андрущак, И. Пачеко. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. С. 291.
14. О социальных аспектах ЕГЭ и проектов его реформы см. напр.: Barabanov O. Reforming the Education System in Russia: Mixed Criteria Needed. // <http://valdaiclub.com/culture/30880.html>
15. Альтбах Ф., Райсберг Л., Пачеко И. Академическое вознаграждение и контракты: мировые тенденции и реалии. // Как платят профессорам. Глобальное сравнение систем вознаграждения и контрактов/ Под ред. Ф. Альтбаха, Л. Райсберг, М. Юдкевич, Г. Андрущак, И. Пачеко. М.: Изд. дом ВШЭ. 2012. Табл. 1.1. С. 24.
16. Андрущак Г., Юдкевич М. Высшее образование в России: заработная плата и контракты// Как платят профессорам. Глобальное сравнение систем вознаграждения и контрактов / Под ред. Ф. Альтбаха, Л. Райсберг, М. Юдкевич, Г. Андрущак, И. Пачеко. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. С. 297.
17. Подробнее о проблеме «утечки мозгов» из России см. напр.: Barabanov O. Combating Russian Brain Drain. // <http://valdaiclub.com/science/29480.html>
18. Сивак Е., Юдкевич М. Академический инбридинг: за и против // Вопросы образования. 2009. № 1. С. 170-187.
19. Подробнее см.: Barabanov O. Putin's Challenge: Can Russian Universities Join the World Education Leaders. // <http://valdaiclub.com/culture/42880.html>

Глобализация и высшее образование: возможности для России

М.В. Харкевич

В статье рассматривается содержание академического дискурса о высшем образовании в условиях глобализации. Утверждается, что высшему образованию присущи такие качества, как транснационализация, сетевая самоорганизация и маркетинг. Отмечается также, что стратегическое развитие и стратификацию вузов целесообразно анализировать с помощью концепции университета как позиционного блага. Для российской системы высшего образования дается рекомендация переходить от принципов нового государственного менеджмента к идеям «do veritas». Этот шаг должен обеспечить интернационализацию российского высшего образования при сохранении ее в качестве общественного блага с учетом национальной специфики и исторически сложившихся традиций.

В условиях современных процессов глобализации и регионализации происходит формирование глобального и региональных пространств высшего образования¹. При этом, как ни в одной другой сфере общественной жизни, в системе образования укоренены особенности нации, культуры, религии, локальных и региональных социальных практик. Образование является одним из ключевых институтов, поддерживающих идеологию и единство нации. При этом высшее образование также служит основой научного развития государства, а следовательно, и его экономической и политической безопасности. Поэтому вопросы эффективной организации системы образования, адаптации ее к перемасштабированию размерности власти в мировой политике становятся приоритетом политики ведущих государств мира. Кроме того, образование становится и важным ресурсом мирополитического влияния, выраженного в термине «мягкая власть»².

Перед правительствами современных государств стоит непростая задача: примирить императив интеграции национальных систем образования в региональное и глобальное пространство высшего образования с целью повышения их качества, конкурентоспособности и привлекательности с сохранением за образованием функции самостоятельной исторической ценности и инструмента поддержания национальной и культурной идентичности³.

Эта противоречивая задача породила в мире широкую дискуссию о реформе образования. В данной работе очерчены основные темы и направления данной дискуссии, а также рассмотрены открывающиеся возможности для России.

Теоретическая матрица анализа трансформации образования в условиях глобализации складывалась под влиянием социологов глобальной культуры и информационного общества. Это, прежде всего, американский антрополог, исследователь

Харкевич Максим Владимирович – к.полит.н., ст. преподаватель кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России. E-mail: kharkevich@mail.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Российское высшее образование в общемировом и европейском пространстве: соотношение приоритетов гармонизации и сохранение национальной специфики», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (Соглашение № 8560).

феномена глобальной культуры А. Аппадурай⁴ и его соотечественник, видный социолог, теоретик сетевого общества М. Кастельс⁵. Несмотря на свою преимущественно локальную природу, культура все же приобрела в условиях глобализации выраженное глобальное измерение. А. Аппадурай ввел в академический оборот понятия, описывающие глобальные потоки идей, практик, институтов и людей:

– «этноландшафты» (ethnoscapes) – глобальные потоки людей; «финансовые ландшафты» (financescapes) – глобальные потоки торговли, денег и капитала;

– «техноландшафты» (technoscapes) – потоки технологий;

– «медиаландшафты» (mediascapes) – потоки идей и образов в популярной культуре;

– «идеоландшафты» (ideascaes) – потоки идей, связанных с политическим управлением.

Эти ландшафты формируют «воображаемые миры», которые фиксируют исторически сложившиеся индивидуальные и групповые представления людей в общем интересубъективном транснациональном пространстве. Основной принцип и модус существования этого пространства описывается в трудах А. Аппадурая как самоорганизующийся хаос. Соответственно и методология анализа глобальной культуры опирается на теорию хаоса, синергетику.

Вклад М. Кастельса в изучение культуры в условиях глобализации заключается в выделении им сети в качестве доминирующего принципа организации социальных процессов в современном мире. Сетевая структура стала естественной морфологией современного общества и всех протекающих в нем процессов. По своей природе сеть транснациональна и не иерархична. Следовательно, структурным антиподом сети является современное государство как предельное институциональное выражение иерархии и территориальности (противоположность транснациональности). Глобальная культура неизбежно становится инородным явлением в современной политической модели мира, основанной на суверенном территориальном государстве. И, как инородное явление, оно трудно поддается управлению институтами этого мира и вынуждено развиваться через самоорганизацию.

Информационно-коммуникационные технологии – главная новизна современного витка глобализации и инфраструктурная основа сетевой организации социальных отношений – вывели на новый качественный и масштабный уровень развитие наукоемкого производства. В результате, как никогда ранее, усилилась связь и взаимовлияние науки (и культуры в целом как основы науки) и экономики. Наука и образование превратились в стратегическую отрасль национальной экономики, и при этом данная отрасль трудно поддается государственному управлению, так как инородна политическому устройству современного мира.

Усиление взаимовлияния науки/образования и экономики выражается главным образом в маркетизации сферы образования, в концепту-

ализации и организации образовательного процесса как производства образовательных услуг со всеми вытекающими отсюда позитивными и негативными последствиями для самого образования и общества в целом. Основное положительное следствие симбиоза науки/образования и экономики – рост государственного финансирования высшего образования. Основное негативное следствие – снижение академической независимости университетов от рынка, в результате чего слабо реализуется одна из основных функций университетов. Заключается она в обеспечении эксклюзивного пространства свободы от давления государства, рынка и гражданского общества, в котором профессора проводят интересующие их исследования и транслируют студентам на лекциях и семинарах полученное ими знание. Именно благодаря этому пространству свободы университеты способны производить общественное благо – проблематизировать доминирующие формы мировоззрения ради рефлексивного развития общества.

В аналитической матрице А. Аппадурая и М. Кастельса, таким образом, выделяются по крайней мере три структурные особенности культурных/образовательных процессов в условиях глобализации: транснационализация, сетевая самоорганизация и маркетизация. Системы высшего образования в условиях глобализации стремятся к самоорганизации по сетевому принципу и функционируют как транснациональные системы производства образовательных услуг. Такое видение проблематики высшего образования в условиях глобализации определяет и содержание соответствующего академического дискурса. Так, можно выделить следующие направления развития данного дискурса: экономика знаний, непрерывное обучение (lifelong learning), человеческий капитал, глобальная интеллектуальная миграция и неолиберализм⁶.

Экономика знаний служит зонтичным понятием для всех остальных вышеперечисленных концепций. Эффективное участие в экономике знаний, где основным фактором производства является знание и способность создавать новое знание, предполагает непрерывное обучение для наращивания своего человеческого капитала, что стимулирует глобальную интеллектуальную миграцию в лучшие научные и образовательные центры мира. И все эти процессы объясняются, легитимируются и стимулируются неолиберальной идеологией повышения рыночной эффективности за счет дерегуляции, приватизации и либерализации глобальных потоков товаров, финансов, услуг и рабочей силы. Задача образования в экономике знаний – развивать соответствующие навыки и компетенции у студентов, а также способность к непрерывному их самообучению для адаптации к постоянно меняющимся запросам рынка.

Способность к непрерывному самообучению и реализация этой способности на практике признаны в документах ОЭСР и ЕС ключевой составляющей человеческого капитала⁷. Образование быстро устаревает в меняющемся мире. В ре-

■ Российское высшее образование в мировом пространстве

зультате не только студенты, но и преподаватели должны постоянно переучиваться, обновлять учебные программы, преодолевать естественную институциональную инерцию в высшем образовании – получать ренту от когда-то созданных учебных программ и методов обучения.

Интеллектуальная миграция приобрела сегодня новые особенности. Если раньше основное содержание дискуссии в этой сфере заключалось в проблеме «утечки мозгов», то сегодня Глобальная комиссия по международной миграции предлагает описывать современное положение дел с интеллектуальной миграцией с помощью понятия «циркуляция мозгов». «Учитывая перемены в международной миграции, понятие «утечка мозгов» устарело, так как оно подразумевает, что мигрант, покинувший свою родную страну, больше в нее не возвращается. Сегодня возросшая человеческая мобильность лучше отражается в понятии «циркуляция мозгов». Оно описывает тенденцию регулярного или спорадического возвращения мигрантов на родину, в результате чего происходит ее обогащение приобретенными навыками и умениями мигрантов, которые при этом проживают на постоянной основе за рубежом»⁸. Способствуют «циркуляции мозгов» национальные программы возвращения выдающихся ученых на родину. Такие программы активно развивает Китай, где в отношении «репатриантов» даже появился устойчивый термин «черепахи». Морские черепахи всегда возвращаются для выведения потомства к месту своего рождения. Подобные программы также существуют в Малайзии и России.

Идеология неолиберализма предполагает приватизацию сферы образования при сохранении государственного контроля общих показателей качества обучения. Так или иначе, но непосредственное государственное вмешательство в университетскую жизнь в странах ОЭСР постепенно снижается. Управление образовательной сферой приобретает все более опосредованный характер. Хотя следует отметить, что, к примеру, реализация Болонского процесса пошла по пути бюрократизации, что вольно или невольно приводит к излишнему давлению со стороны иерархических государственных структур на сетевое университетское сообщество, сокращая его академическую свободу.

Важным следствием распространения идеологии неолиберализма стало внедрение в системы высшего образования принципов нового государственного управления (new public management). Эти принципы сформировались при реформировании общественного сектора в англосаксонских странах в 1980-х гг. Новый государственный менеджмент сводится к идее приближения менеджмента в общественном секторе к методам, принятым в бизнесе. Фундаментальная предпосылка нового государственного менеджмента, как отмечает И.Н. Баранов, состоит в схожести процессов управления в государственных и частных организациях⁹. Набор принципов нового государственного управления включает в себя следующие положения¹⁰:

– повышение прозрачности расходов с привязкой затрат к результатам деятельности, а не к используемым ресурсам. Результаты при этом должны быть представлены в виде количественных показателей эффективности и производительности;

– трансформация процесса предоставления услуг путем внедрения квазирыночных форм организации (в частности, разделения функций покупателя и поставщика услуг) вместо традиционных вертикальных функциональных структур;

– создание конкурентной среды поставщиков услуг.

Со временем новый государственный менеджмент утратил свою привлекательность на Западе. Его сменила новая концепция – «governance»¹¹. Отделение управления от политики, на котором настаивал новый государственный менеджмент, было бесперспективным. Согласно Л.В. Сморгуну, концепция «governance» объединяет механизмы, процессы и институты, через которые граждане и группы выражают свои интересы, реализуют свои законные права, выполняют обязанности и балансируют между различиями. Общий смысл концепции состоит в том, что государственное управление становится менее жестким, детализированным и регламентированным, оно базируется скорее на горизонтальных, чем на вертикальных связях между государственными органами, ассоциациями гражданского общества и бизнесом.

Если новый государственный менеджмент как набор принципов по управлению ушел из государственного управления, то в сфере высшего образования он сохранил свои позиции. Как отмечает С. Маргинсон, внедрение принципов управления нового государственного менеджмента в сферу образования является прямым следствием не глобализации, а американизации – импортирования социальных практик из США¹².

В сфере высшего образования новый государственный менеджмент проявляется в усилении административного контроля над учебным и научным процессами в университетах с помощью их количественных показателей. К примеру, научная деятельность измеряется по двум показателям: количество публикаций в авторитетных научных журналах и количество цитат на них. Широкое распространение получила практика измерения эффективности и успешности университетов с помощью рейтингов. Наиболее известными являются Шанхайский рейтинг, рейтинг Times Higher Education и Quacquarelli Symonds (QS).

Исходя из принципов нового государственно-менеджмента, важнейшим стимулом развития университетов служит конкуренция. Исследования конкуренции между вузами дают богатый материал для классификации и определения основных целей развития, которые университеты ставят перед собой. Конкуренция между университетами имеет ряд особенностей, связанных с тем, что университет является позиционным благом. Концепция позиционного блага (positional good) была разработана Ф. Хиршем для обозначения вещей

или товаров, которые ценятся исключительно за их редкость¹³. С. Маргинсон использовал эту концепцию для анализа конкуренции в среде высшего образования и выявил, что реальный критерий конкуренции среди элитных вузов – это престиж, а не качество образования¹⁴.

Так, согласно многочисленным исследованиям абитуриенты выбирают университет, ориентируясь преимущественно на его социальный статус¹⁵. Репутация не единственный критерий отбора, но она важнее для студента, чем качество образования¹⁶. Престиж и репутация университетов хорошо известны абитуриентам, а качество обучения – нет. Однако престиж не всегда означает качество. Показателем престижа служит не только положение университета в международных рейтингах, но и конкурс, проходной балл при поступлении. Чем они выше, тем престижнее университет и тем больше студентов он к себе привлекает.

Анализ престижных университетов с точки зрения концепции позиционного блага позволяет увидеть, что ценность таких институтов основана на их эксклюзивности и немногочисленности. Они престижны именно потому, что число их ограничено. И в отдельно взятой стране количество престижных университетов не может превышать определенного небольшого числа, даже если все университеты в этой стране будут располагаться на одном качественном уровне. При расширении числа престижных университетов будет неизбежно снижаться их престиж и значимость. Это яркий пример игры с нулевым результатом. Элитные университеты никогда не могут позволить себе полностью удовлетворять спрос на элитное высшее образование в обществе. Для поддержания своего статуса университеты могут только частично удовлетворять рыночный спрос, что противоречит экономическим законом максимизации прибыли, но полностью укладывается в логику производства позиционных благ. Университеты, таким образом, не могут вести себя на рынке так же, как Sony или Starbucks. Экономическая стратегия университета – максимизация социального, академического и научного статуса, а не прибыли. Прибыль в этой стратегии играет вспомогательную роль. Статус всегда можно капитализировать, если необходимы средства для финансирования новых образовательных и исследовательских программ, направленных на повышение статуса.

Высокий статус исследовательских университетов основан на вере в позитивную связь между наукой и образованием. Однако, как показывают исследования, на уровне бакалавриата и магистратуры такой связи не наблюдается¹⁷. И это неудивительно. В качестве показателя положительной связи образования и науки должно быть не качество преподавания, а статус и престиж университета. Наличие выдающихся исследователей в профессорско-преподавательском составе университета привлекает в университет лучших и наиболее талантливых студентов, которые показывают высокие достижения в учебе не потому, что их хорошо учат, а потому, что они сами талантливы и целе-

устремленны. Отбор лучших студентов осуществляется благодаря высоким проходным баллам при поступлении. Обычно лучшие студенты приходят в университеты из состоятельных семей, способных оплачивать завышенную стоимость обучения в престижном вузе. Средства, вырученные от учебы студентов, направляются университетами на рекрутинг новых, выдающихся исследователей и развитие новых исследовательских программ. В результате престиж университета в целом растет, а качество преподавания может оставаться даже на посредственном уровне. Таким образом, элитный исследовательский университет является эксклюзивным (полузакрытым) клубом лучших профессоров-исследователей и лучших студентов, связанных между собой иногда только фактом своего нахождения в одном университете, но не процессом передачи знания и обучения.

Позиционно рынок высшего образования, делает вывод С. Маргинсон, является игрой по достижению наилучшего соответствия между статусной иерархией университетов и статусной иерархией общества. Опыт систем высшего образования в развитых странах свидетельствует, что выгоды от иерархического распределения университетов в системе получают наиболее влиятельные в социальном смысле группы населения. Таким образом, рынок высшего образования имеет олигополистическую структуру с вертикальной иерархической стратификацией. На верхнем эшелоне исследовательские университеты демонстрируют удивительную устойчивость по сравнению с «чемпионами» в других секторах экономики.

Следует отметить, что все влиятельные университетские рейтинги ориентируются именно на специфику элитных исследовательских университетов. Показатели научной деятельности играют в них ключевую роль¹⁸. На нижнем эшелоне конкуренция имеет совсем иной характер. В силу дефицита ресурсов университеты нижнего эшелона концентрируют свои усилия исключительно на преподавании. Привлекать исследователей в штат они позволить себе не могут. Несмотря на то что такие университеты могут достигать высоких результатов в образовательной сфере, как правило, их статус остается недооцененным, так как они не входят в группу элитных исследовательских университетов. Если цель элитных университетов заключается в максимизации престижа, то для университетов нижнего эшелона главная задача состоит в приумножении прибыли. Это стремление толкает университеты этой категории к расширению своего присутствия на рынке образовательных услуг за счет максимального удовлетворения спроса.

Среди университетов можно также выделить промежуточное звено между элитными исследовательскими и учебными университетами. Это университеты, которые в отличие от учебных вузов обладают ресурсами для развития исследовательской деятельности, но не входят в эксклюзивную группу элитных исследовательских университетов. Новым университетам чрезвычайно сложно про-

■ Российское высшее образование в мировом пространстве

рваться на рынок престижных вузов. Обычно все оканчивается тем, что элитные вузы перекупают у новых университетов интересные программы и многообещающих исследователей.

Таким образом, С. Маргинсон выделяет три типа университетов, представленных в табл. 1.

Таблица 1

Сегментация университетов на национальных рынках высшего образования

Элитные исследовательские университеты (сегмент 1)	Относительно закрытая группа высокообеспеченных университетов с богатой историей выдающихся профессоров и студентов, высочайшим качеством исследовательской деятельности. Цель – максимизация престижа, а не дохода. Нет стремления к расширению.
Исследовательские университеты (сегмент 2)	Полузакрытая группа университетов, которые стремятся попасть в первый сегмент, но служат преимущественно источником «утечки мозгов» для элитных вузов. Иногда могут использовать коммерческие проекты для получения дохода.
Учебные университеты (сегмент 3)	Открытая группа университетов, нацеленных на максимизацию доходов за счет увеличения количества учебных программ и студентов. В силу ограниченности ресурсов не могут позволить себе исследовательскую деятельность, ориентируются исключительно на образование.

Глобальная конкуренция между университетами имеет схожую структуру. В мире сложились три направления транстерриториальной образовательной деятельности:

- во-первых, это мобильность студентов между странами ОЭСР;
- во-вторых, студенты из развивающихся стран, особенно азиатских, приезжают на учебу в англоговорящие страны. Глобальная конкуренция между вузами наиболее интенсивна именно в отношении этой категории студентов;
- в-третьих, это распространение по миру филиалов ведущих международных университетов и развитие дистанционного обучения.

Стратификация вузов на глобальном рынке образовательных услуг повторяет стратификацию университетов в границах национальных государств. Здесь также есть элитный сегмент, представленный исследовательскими университетами, и низовой эшелон учебных вузов, а между ними располагается широкий пласт университетов, обладающих в разной пропорции чертами первых двух категорий, но не в достаточном объеме, чтобы быть причисленными к одной из них. Данная стратификация отражает и асимметрию регионального развития в мире¹⁹.

Для элитных исследовательских вузов наличие иностранных студентов на кампусе является просто признаком хорошего тона. Иностранные

студенты не увеличивают их престиж. Единственно, за кем действительно охотятся элитные исследовательские вузы на международной арене, – это талантливые аспиранты, которые могут повысить качество исследований в вузе и тем самым повысить его престиж. Конкуренция за иностранных студентов реализуется преимущественно среди учебных университетов, которые стремятся максимизировать свою долю на рынке образовательных услуг с целью увеличения доходов.

Следует отметить, что с начала 2000-х гг. намечился определенный поворот в сторону от нового государственного менеджмента в системе высшего образования. Так, в 2001 г. президенты четырех общественных структур в области образования (Европейской ассоциации университетов, Американского совета по образованию, Совета по аккредитации высшего образования США, Ассоциации колледжей и университетов Канады) подписали совместную Декларацию, в которой подчеркивается: институты – члены объединения – поставили задачу устранить препятствия для международного обмена в сфере высшего образования, используя соглашения и договоры вне системы торговой политики²⁰.

В совместной Декларации авторы излагают принципы, которыми они руководствовались, создавая данный документ:

- высшее образование существует для обслуживания общественных интересов и не является товаром «широкого потребления»;
- высшее образование существенно отличается от большинства других услуг;
- обязанность регулирования высшего образования должна оставаться в ведении компетентных органов соответствующей страны.

Однако эти принципы остаются пока во многом в подчинении идей нового государственного менеджмента. При этом Маргинсон утверждает, что в самих США высшее образование уже ушло от нового государственного менеджмента. Несмотря на это, новый государственный менеджмент продолжает копироваться в других странах. Например, сегодня многие вузы в России реорганизуют свой образовательный процесс в соответствии с международными стандартами качества ISO 9000–9001. Стандарты качества ISO – инструмент оптимизации систем управления предприятием. Следовательно, университет приравнивается к предприятию, а студенты – к потребителям услуг этого предприятия²¹.

Таким образом, университеты в современном академическом дискурсе, кроме ранее отмеченных свойств (транснационализация, сетевая самоорганизация и маркетингизация), приобрели также признаки позиционного блага. Концептуализация университета в качестве позиционного блага позволяет определить экономические основания поведения различных категорий университетов в глобальном мире транснациональных отношений. В такой идейный и фактический контекст интегрируется российское высшее образование. Существует множество исследований, посвященных данной

проблематике²², в которых интернационализация российского высшего образования рассматривается как необходимая мера в условиях глобализации высшего образования. При этом оговаривается, что интернационализация должна основываться на идее импорта лучших мировых практик в области высшего образования при сохранении всего лучшего, что было наработано отечественной традицией в области высшего образования²³.

Опыт анкетного опроса профессоров и преподавателей более 50 вузов России по вопросам интернационализации российского высшего образования показывает схожие результаты. Опрос проводился под руководством д.полит. наук, профессора МГИМО О.Н. Барабанова в рамках НИР по теме «Российское высшее образование в общемировом и европейском пространстве: соотношение приоритетов гармонизации и сохранение национальной специфики», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Ответы были получены от 53 респондентов. Большинство из них поддерживают политику интернационализации российской системы высшего образования. 98% ответивших на вопросы анкеты полагают, что интернационализация высшего образования позволит повысить уровень подготовки студентов и аспирантов и качество научных исследований в российских вузах. Основные проблемы интернационализации высшего российского образования респонденты видят в совмещении требований Болонской системы с требованиями российской системы высшего образования, а главные преимущества российских вузов на международном рынке высшего образования – акцент на фундаментальные знания.

При этом обнаружилось отрицательное отношение к университетским рейтингам, но положительно – к измерению профессиональной пригодности преподавателей по количественным показателям их научной деятельности (индекс Хирша). Здесь проявляется определенное противоречие. Влиятельные университетские рейтинги строятся в значительной степени на количественных показателях научной деятельности сотрудников университетов. Кроме того, и рейтинги, и индексы Хирша – все это взаимосвязанные части единой идеологии нового государственного менеджмента. Невозможно принимать идеологию нового государственного менеджмента в сфере высшего образования по частям.

Пожалуй, главный вывод, который можно сделать из анализа эволюции высшего образо-

вания в условиях глобализации для российского высшего образования, заключается в том, что не следует повторять ошибки Запада. Новый государственный менеджмент не подходит для управления высшим образованием, так как университет и обучение в нем не является частным благом. Высшее образование – публичное благо и должно управляться как публичное благо с привлечением всех заинтересованных сторон (государство, профессура, студенты, гражданское общество, рынок), и измерять эффективность деятельности вузов не всегда возможно только количественными показателями. Например, такая ключевая функция университетов, как проблематизация доминирующих форм мировоззрения ради рефлексивного развития общества, не поддается количественным замерам.

Целесообразно постепенно отходить от нового государственного менеджмента в системе российского высшего образования (благо он еще не укоренился в ней) и развивать управление данной системой на основе принципов «governance», о которых говорилось выше. Преимущество «governance» – коллегиальное управление высшим образованием как общественным благом. Но для коллегиального управления каждый из участвующих акторов должен обладать относительной автономией друг от друга. В связи с этим необходимо поощрять и усиливать независимость университетов в российской системе высшего образования. Независимым университетам, государственным органам, рынку и гражданскому обществу, возможно, удастся создать такую систему управления высшим образованием, при которой интернационализация высшего образования будет учитывать национальную специфику и традиции в отечественных вузах.

Kharkevic M.V. Globalization and Higher Education: Opportunities for Russia.

Summary: The article reviews the content of academic discourse on higher education and globalization. It posits that according to the discourse under globalization the higher education has developed such properties as being transnational, self organizing through networks and commercialized. It also stresses that strategic development and stratification of universities are best understood through the concept of university as a positional good. For the Russian higher education the article suggests moving away from ideas of new public management to governance. Such a step should provide for internationalization of Russian higher education while preserving it as a public good with its national character and traditions.

Ключевые слова

Высшее образование, глобализация, дискурс, новый государственный менеджмент, «governance».

Keywords

Higher education, discourse, new public management, «governance».

Примечания

1. См.: Качанов Д.А. Регионализация, интернационализация и глобализация высшего образования // Право и управление. XXI век. 2009. №1. С. 73-76.
2. См.: Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. №4. С. 85-93.
3. См.: Налетова И.В. Процессы глобализации и интернационализации в современном высшем образовании/
4. Appadurai A. Modernity at large: Cultural dimensions of globalisation. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.
5. Castells M.. The rise of the network society. Oxford, UK: Blackwell, 2000.
6. См.: Spring J. Research on Globalization and Education // Review Of Educational Research. – 2008. – Vol. 78, No. 2, pp. 330–363.
7. См.: Field J. Lifelong education. International Journal of Lifelong Education. – 2001. – 20(1). – P. 3–15; A memorandum on lifelong learning / Commission of the European Communities Commission staff working paper. Brussels, Belgium: European Commission, 2000.
8. Report of the Global Commission on International Migration. Migration in an interconnected world: New directions for action. Geneva, Switzerland: Global Commission on International Migration, 2005. – P. 31.
9. См.: Баранов И.Н. Новый государственный менеджмент: эволюция теории и практики применения // Российский журнал менеджмента. 2012. Т 10, № 1. С 53.
10. Там же.
11. См.: Сморгун Л.В. Сравнительный анализ политико-административных реформ: от нового государственного менеджмента к концепции "Governance" // Полис. 2003. №4. С. 50-58.
12. См.: Marginson S, Van Der Wende M. Globalization and Higher Education // OECD Education Working Papers, No. 8, OECD Publishing // <http://dx.doi.org/10.1787/173831738240>
13. См.: Hirsch F. Social Limits to Growth. Cambridge: Harvard University Press, 1976.
14. См.: Marginson S. Dynamics of National and Global Competition in Higher Education // Higher Education. – 2006. Vol. 52. – P. 1–39.
15. См.: Moogan Y., Baron S. and Harris K. Decision-making Behaviour of Potential Higher Education Students // Higher Education Quarterly. – 1999. – Vol. 53(3). – P. 211–228.
16. См.: Marginson S. Dynamics of National and Global Competition in Higher Education // Higher Education. – 2006. Vol. 52. – P. 3.
17. См.: Terenzini P. T., Pascarella E. T. Living with myths: Undergraduate education in America // College Student Affairs Administration / E. J. Whitt (Ed.) Needham Heights: Simon & Schuster Custom Publishing, 1994. P. 173-179.
18. См.: Большова Н.Н., Харкевич М.В. Рейтинги наступают // Эксперты МГИМО. 20.09.11 // <http://www.mgimo.ru/news/experts/document210887.phtml>
19. См.: Томских А.А. Симметрия и асимметрия высшего образования в условиях глобализации // Социальная и экономическая география. 2012. №1. С. 124-132.
20. См.: Мутко В.Л., Цветков С.А., Антипов М.Л. Глобализация как фактор трансформации системы высшего образования в России // Ученые записки. 2008. № 9(43). С. 61–66.
21. См.: Там же. С. 64.
22. См.: Лебедева М.М. Болонский процесс: проблемы и перспективы. М.: Оргсервис-2000, 2006; Бедерханова В.П., Ерофеев Д.С. Глобальные тенденции развития высшего образования и проблемы вхождения российских университетов в Болонский процесс // Вестник Мордовского университета. 2009. №2. С. 287 – 302.
23. См.: Полохало Ю.Н., Косов Ю.В. Российское высшее образование в условиях глобализации: проблема сохранения национальных традиций и использования зарубежного опыта // Управленческое консультирование. 2007. № 4. С. 112-121.

Высшее образование в Турции и Болонский процесс

В.А. Аватков, П.И. Касаткин

В статье рассматривается комплекс вопросов, связанных с высшим образованием в Турции. Освещаются формы и методы интеграции турецкого высшего образования в Болонский процесс, дается оценка перспективам развития отрасли. Помимо того, особый акцент делается на проведении аналогий с российскими реалиями.

Система турецкого образования еще несколько десятилетий назад была малопривлекательной даже для собственных граждан, которые предпочитали учиться за рубежом, а турецкие дипломы практически не котировались даже на родине. В последние годы в сфере высшего образования в Турции наблюдается стремительный рост, причем и с количественной, и с качественной точек зрения. Причина проста – государство стало выделять большие средства на повышение уровня образования, на привлечение иностранных педагогов и студентов, на развитие университетов как научных центров, способных генерировать новое знание. Помимо того, нельзя не отметить и заинтересованность элиты страны в укреплении собственной «мягкой силы» за счет образовательной среды.

Все высшие учебные заведения Турции функционируют на основе Закона № 2547 о высшем образовании¹, принятого в 1981 г. В указанном году в Турции была проведена очередная реформа структуры образования, направленная на его унификацию. Ранее в систему высшего образования входили учебные заведения университетского и неуниверситетского типов, причем последних

было большинство (около 100). В ходе реформы различные профессиональные школы, институты, колледжи были присоединены к университетам, образовав в них многочисленные подразделения и превратив тем самым университеты в крупные интегрированные учебные центры.

После принятия Закона о высшем образовании был образован Совет по высшему образованию (YÖK)². Совет состоит из 21 членов. Часть из них назначается президентом Республики, часть – Советом Министров, часть – межуниверситетскими комитетами. Каждый член Совета избирается на четыре года. Глава Совета назначается Президентом Турецкой Республики из числа членов. Члены Совета по высшему образованию выбирают 10 человек в исполнительный комитет, который функционирует в постоянном формате на протяжении всего четырехлетнего срока³.

Турция вступила в Зону Европейского образования в 2001 г. и приняла участие в обсуждении: Пражской декларации 2001 г., Берлинской декларации 2003 г., декларации Бергена 2005 г., Лондонской декларации 2007 г. Турция представляла национальные доклады о Болонской реформе в 2009, 2007 и 2005 гг. Болонская декларация, подписанная

Аватков Владимир Алексеевич – аспирант кафедры востоковедения, преподаватель военной кафедры МГИМО(У) МИД России. E-mail: VladimirAvatkov@rambler.ru

Касаткин Петр Игоревич – к.полит.н., начальник отдела докторантуры и аспирантуры, ст.преподаватель кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России. E-mail: kasatkin@mgimo.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Российское высшее образование в общемировом и европейском пространстве: соотношение приоритетов гармонизации и сохранения национальной специфики», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8560).

■ Российское высшее образование в мировом пространстве

Турцией в 2001 г., содержала шесть ключевых положений:

- принятие системы четких и сопоставимых степеней, в том числе через внедрение приложения к диплому для того, чтобы выпускники турецких вузов могли эффективно использовать свои квалификации, способности и навыки во всем Европейском пространстве высшего образования;

- введение двухциклического обучения: базового и последипломного (бакалавриат и магистратура). Причем первый цикл должен длиться не менее трех лет;

- внедрение европейской системы зачетных единиц в высшее образование Турции (система кредитов). За основу предлагается принять Европейскую систему переводных зачетных единиц (ECTS), сделав ее накопительной системой, способной работать в рамках концепции «обучение в течение всей жизни». ECTS призвана обеспечить функции накопления и трансфера кредитных единиц. Совместно с взаимно признаваемыми системами обеспечения качества эта мера облегчит доступ турецких студентов на европейский рынок труда. Всеобщее применение такой Европейской системы переводных зачетных единиц и Приложения к диплому будет стимулировать прогресс в данном направлении;

- существенно развить и стимулировать мобильность турецких студентов, преподавателей и администрации (на базе выполнения двух предыдущих пунктов). Этого можно добиться, устраняя все преграды для свободного передвижения студентов, преподавателей, исследователей и административного персонала. Особое значение придается социальному аспекту мобильности;

- развитие европейского сотрудничества в обеспечении качества турецкого высшего образования с целью разработки сопоставимых критериев и методологий;

- развитие европейских измерений в высшем образовании Турции и улучшение возможностей трудоустройства выпускников. Для реализации этого положения необходимо разрабатывать модули, курсы и программы с «европейским» содержанием, ориентацией или организацией. Это особенно касается модулей, курсов, учебных планов и учебных программ, которые предлагаются совместно вузами из разных стран и ведут к признаваемой совместной степени⁴.

Важно отметить, что участие Турции в Болонском процессе соответствует генеральной внешнеполитической линии страны по вступлению в Евросоюз. Турецкие студенты в рамках Болонского процесса участвуют в таких программах, как Socrates, Leonardo Da Vinci, Erasmus, Youth и пр. При всей текущей мобильности студентов турецкими властями предпринимаются активные меры по возвращению выпускников на родину. Так, примером может быть программа «Место назначения – Турция», которую реализует TÜBİTAK. В ходе программы представители крупного турецкого бизнеса в 2010 г. посетили около 200 вузов в США и повели презентацию возможностей дальнейшего

развития карьеры для студентов турецкого происхождения, которые примут решение после учебы вернуться на родину⁵.

В Турции в 2009–2010 уч. г. насчитывалось 163 учреждений высшего образования. Старейшим вузом страны является Стамбульский университет, который ведет свою историю с XV в. и предоставляет наиболее качественное образование в стране. Помимо него, крупнейшим государственным университетом страны является Анкарский университет. Во многом два данных учебных заведения сопоставимы с МГУ и СПбГУ. Кроме того, за последние годы в стране открылось огромное количество частных университетов. В целом обучение в университетах Турции ведется на турецком и английском языках. За годы развития университетов академическая и научная языковая среда претерпела серьезные изменения, связанные с широким проникновением в нее англоязычной речи. Со дня провозглашения Республики система высшего образования была нацелена на принятие западной и американской моделей университетов, что нашло отражение в повышении эффективности изучения иностранных языков.

Сегодня Турция имеет вторую по величине англоязычную систему высшего образования в Европе, включая два ведущих государственных университета, Middle East Technical University (METU) – Ближневосточный Технический Университет и Университет Boğaziçi, где обучение ведется полностью на английском языке. Во многих других университетах, таких, как Istanbul Technical University, Atılım, Bahçeşehir, Beykent, Bilkent, Cankaya, Doğuş, Fatih, Isık, Izmir Ekonomi, Izmir Yüksek Teknoloji, Koç, Sabancı, Yaşar, Yeditepe и Orta Doğu Teknik, преподавание частично ведется на английском языке. Почти все частные учреждения ведут обучение частично или полностью на английском языке. В университете Galatasaray обучение полностью ведется на французском языке. Практически все государственные университеты предлагают студентам подготовительные языковые курсы для продолжения обучения в университете⁶.

В Турции степень бакалавра присваивается после успешного завершения четырехлетнего обучения в университете. Некоторые квалификации не имеют деления на первый и второй уровни обучения. К ним относится подготовка специалистов в области стоматологии и ветеринарии с продолжительностью обучения пять лет, медицины – шесть лет. Квалификации в этих трех областях обучения эквивалентны степени бакалавра плюс степени магистра. Первый уровень в Турции требует накопления 240 кредитов ECTS.

Второй уровень обучения ведет к присуждению степени магистра. Есть два типа магистерских программ: с написанием диссертации и без написания диссертации. Программы магистра с написанием диссертации включают минимум 7 курсов лекций, один семестр, диссертацию и накопление 120 кредитов ECTS. Продолжительность программы магистра с написанием диссертации составляет два года. Программы магистра без написания

диссертации состоят минимум из 10 лекционных курсов и семестрового проекта, с накоплением 90 кредитов ECTS. Проект семестра оценивается на основе дифференцированного экзамена. Продолжительность программы магистра без диссертации – полтора года. В 2006/2007 уч. г. 97% студентов высшего образования в Турции обучались по программам двухуровневой системы обучения⁷.

Важным является тот факт, что турецкие университеты также являются исследовательскими центрами, производящими продукт не только на турецком, но и на многих других языках. Для этого производится активное обучение и переобучение собственных служащих, а также привлечение иностранных специалистов. Численность статей ученых с турецкой аффилиацией в мировых журналах за 15 лет (1996 – 2010 гг.) увеличилась в 5,5 раза – с 5,6 до 30,6 тыс. В XXI в. ежегодный прирост составлял ежегодно 2–3 тыс. статей. Для сравнения: показатели России составляли в 1996 г. – 30,6, а в 2010 г. – 36,1 тыс. статей⁸. С такой динамикой существует достаточно высокая вероятность того, что уже в краткосрочной перспективе турецкие вузы оставят позади российские.

Российский вуз	Место в мире	Количество статей (2005 – 2009)
МГУ	88	18 954
СПбГУ	540	5538
НГУ	1388	1670
СПб государственный политехнический университет	1408	1627
Казанский госуниверситет	1525	1458
Южный Федеральный университет	1547	1426
Саратовский госуниверситет	1548	1426
МИФИ	1556	1405
ННГУ им. Лобачевского	1641	1304
Турецкий вуз	Место в мире	Количество статей (2005 – 2009)
Стамбульский университет	395	7498
Университет Хаджеттепе	398	7473
Анкарский университет	465	6327
Университет Гази	488	6059
Ближневосточный технический университет (Анкара)	577	5247
Эгейский университет	588	5100
Стамбульский технический университет	679	4341
Военно-медицинская академия Гюлхане	801	3631
Университет Dokuz Eylul (Измир)	808	3602
Университет Ататюрка (Эрзурум)	868	3326

Источник: SIR World Report 2011: Global Ranking⁹.

В вышеприведенных таблицах для наглядности указаны только первые 10 вузов России и Турции, которые попали в рейтинг. Однако в общей сложности в списке есть 29 российских и 48 турецких высших учебных заведений. Среди первых 1000 научных учреждений мира всего лишь два российских вуза, в то время как турецких – 16. Выше 3-го в России Новосибирского университета стоят 14 турецких вузов, в том числе находящийся в неофициальной столице Турецкого Курдистана Диярбакыре – Тигрисский университет (Диджле). Диярбакыр между тем не сходит с лент мировых информагентств как место столкновений между курдскими повстанцами и турецкой полицией, а доля неграмотных в этой провинции превышает 10%. Турецкие вузы достаточно широко представлены в этом рейтинге, в том числе университеты традиционно отсталых в социально-экономическом отношении городов Восточной и Юго-Восточной Анатолии (Турецкого Курдистана). Например, ванский Университет Yüzüncü Yıl ("Столетие") уступает лишь 4 российским вузам, хотя Ван является одной из наиболее отсталых провинций Турции. Учитывая, что в Турции насчитывается чуть менее 170 вузов (103 государственных и 63 негосударственных, а десятки созданы уже в XXI в.), в научном рейтинге мира представлен каждый третий турецкий вуз¹⁰.

Выполняя условия для попадания в мировые рейтинги, турецкие вузы достигли определенных успехов на этом направлении. При этом следует учитывать, что их показатели ежегодно улучшаются. В рейтинге Лейденского университета за 2011/2012 г. МГУ и СПбГУ заняли соответственно 499-е и 500-е места. Выше них оказалось 6 турецких вузов – Ближневосточный технический университет (381-е место), Эгейский университет (472), Университет Гази (490), Университет Хаджеттепе (492), Анкарский университет (496) и Стамбульский университет (497)¹¹. Позиции турецких вузов лучше российских и в рейтинге, составленном приложением издания Times Higher Education (THE) при участии аналитической компании Thomson Reuters. В 2012 г. в рейтинг 100 лучших вузов по репутации вошел Ближневосточный технический университет (место в промежутке от 91 по 100). Как известно, этот рейтинг покинул МГУ. В список 400 лучших вузов вошли Билькентский университет (201 – 225), Стамбульский технический университет, Ближневосточный технический университет (276 – 300), Университет Боазичи (301 – 350)¹².

Важным фактором значимости вуза в современной мирополитической системе является не только попадание в ведущие рейтинги, но и привлекательность для студентов как с точки зрения знаний, так и с точки зрения инфраструктуры, возможностей академической мобильности, разностороннего развития компетенций и, бесспорно, стоимости обучения. Стоимость обучения в турецких государственных вузах относительно

■ Российское высшее образование в мировом пространстве

невысока, составляет за семестр несколько сотен долларов, в негосударственных – от \$5 тыс до \$20 тыс. долл. Так, в госвузах по специальностям, где обучение осуществляется на турецком языке, стоимость обучения составляет для граждан Турции от \$80 до \$250, для иностранцев – от \$240 до \$750. При обучении на английском языке в госвузе с граждан Турции взимается плата в размере \$150 – \$500, с иностранцев – \$450 – \$1500. При этом студенты из «тюркских республик и стран» (к которым в числе прочих отнесены также Башкирия, Дагестан, Карачаево-Черкесия, Монголия, Молдова, Таджикистан, Татарстан и Украина)¹³ оплачивают свое обучение по ставкам, установленным для турецких граждан. В частных университетах значительное количество студентов получает различные гранты¹⁴.

В 2004 г. в Лиссабоне турецким правительством была подписана «Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе». Согласно данной конвенции, дипломы высших учебных заведений Турции не подвергались процедуре нострификации в европейских странах, а также оживилась работа по обмену студентами, аспирантами и преподавателями между европейскими и турецкими университетами¹⁵.

На данном этапе в Турции продолжается активное реформирование высшего образования, среди целей которого – развитие бакалаврских и магистерских программ, увеличение количества двойных магистратур, содействие мобильности студентов, формирование четкой системы «кредитов». В Турции работают над определением набора общих и специальных компетенций (дескрипторов), осваиваемых на каждой ступени высшего образования в соответствии с актуальными запросами профильной научно-исследовательской или прикладной сферы. Это обусловлено тем, что ведущим ориентиром и критерием качества обучения в европейских странах становится не количество лет получения высшего образования, не разнообразие учебных дисциплин, не объем знаний и даже не фиксация «болонских» зачетных единиц, а профессионализм специалиста и его фундаментальные знания¹⁶.

Как подчеркнул в августе 2012 г. на заседании Высшего совета по науке и технологиям (ВТУК) премьер-министр Турции Реджеп Т. Эрдоган, систему образования в Турции необходимо реструктурировать для того, чтобы сконцентрировать интерес молодого поколения на науке и технологиях. По его словам, сейчас министерства и университеты придают все большее значение науке, технологиям и инновациям, Турция переживает «глубокие перемены» в этих трех сферах. «Нам необходимо увеличивать количество научно-производственных предприятий, поддерживать информационные технологии и концентрировать усилия на инновационных проектах для того, чтобы достичь стоящих перед нами целей. Значит, нужно, чтобы образование,

культура, сбор информации и кадры отвечали нашим потребностям», – отметил турецкий премьер. Эрдоган также добавил, что с начала 2011 г. правительство Турции выделило на научно-исследовательские проекты, осуществляемые частными компаниями, приблизительно 338 млн турецких лир (\$216 млн). «Мы также выделили 240 млн лир (\$134 млн) на аналогичные проекты, осуществляемые университетами», – отметил премьер. По его словам, за последние десять лет страна добилась большого прогресса в сфере научно-исследовательской работы¹⁷.

В стране идет активный пересмотр принципов поступления в университеты и системы оплаты. Так, летом 2012 г. глава Совета по высшему образованию Турции (YÖK) Гекхан Четинсайя подтвердил решение о полном пересмотре системы поступления в университеты. В свою очередь, вице-премьер и пресс-секретарь правительства Турции Бюлент Арынч заявил, что студентам вскоре больше не придется платить за первое высшее и заочное образование. По его словам, премьер-министром Р.Т. Эрдоганом подготовлено соответствующее распоряжение. Ожидается, что данное постановление коснется примерно 3,5 млн учащихся¹⁸.

Нельзя не отметить и факт активной информационной кампании Турецкой Республики в области образования. Делается все, что только возможно, чтобы создать позитивный образ турецкого высшего образования и привлечь как можно больше иностранных студентов, прежде всего из сопредельных регионов, особенно из тюркских государств СНГ. В то же время в турецкой системе образования имеется «не одна ложка дегтя». Так, по данным Университета Сабанджи, в Турции 26% юношей и 50% девушек в возрасте 15 – 19 лет не работали и не учились в 2009 г.; из школьников 15 лет 32% не понимают прочитанного, 52% не решают простых математических задач; в Юго-Восточной Анатолии доступ девушек к начальному образованию колеблется в диапазоне 48 – 52%¹⁹.

Заключение межправительственных соглашений с тюркоязычными странами на основании закона № 21467 и создание Агентства по тюркскому сотрудничеству и развитию (ТІКА) привели к организованной работе по обучению тюркоязычных учащихся из СНГ в турецких учебных заведениях, для чего определена квота ежегодного их притока и оплаты связанных с обучением расходов²⁰. В тюркоязычных государствах и во многих других странах функционируют различные курсы турецкого языка, фонды, школы и университеты, финансируемые турецкой стороной и представляющие собой «мягкую силу» Турции. Среди них – фонды им. Юнуса Эмре, тарикат «Нур»²¹, Турецко-Казахский университет им. А. Ясеви и пр.

Необходимо отметить, что Турция успешно интегрировала свою систему высшего образования в европейскую, Болонский процесс принес турецкому образованию и науке больше

позитивного, чем негативного. Власти Турции не критикуют европейские рейтинги, а активно способствуют продвижению своих университетов вверх по их «лестницам», а также формируют свои собственные рейтинги. Несмотря на имевшиеся и имеющиеся по сей день проблемы, турецкое высшее образование активно их преодолевает, учитывая зарубежный опыт и не стесняясь его заимствовать на благо собственной системы, с учетом собственных интересов и особенностей.

Avatkov V.A., Kasatkin P.I.. The Higher Education of Turkey and Bologna Process.

Summary: *The article analyses the complex of issues connected with the system of higher education in Turkey. It emphasizes the facts how it was integrated into Bologna system. There are also the prospects of the system given and analyzed. What is more, the article draws analogies with Russia and scrutinizes them.*

Ключевые слова

Высшее образование, Турция, образование в Турции, высшее образование в Турции, турецкие университеты, Болонская система.

Keywords

Higher education, Turkey, education in Turkey, higher education in Turkey, Turkish universities, Bologna.

Примечания

1. <http://www.mevzuat.adalet.gov.tr/html/565.html>
2. <http://www.yok.gov.tr>
3. <http://www.yok.gov.tr/content/view/12/48/>
4. Bologna Process Stocktaking. Report 2005. Report from a working group appointed by the Bologna Follow-up Group to the Conference of European Ministers Responsible for Higher Education, Bergen: 2005
5. Стародубцев И.И. Трансформирующаяся Турция. М.: ИБВ; МГИМО, 2011.
6. Газизова А.И. Современное многоуровневое образование в Турции. www.rspu.edu.ru/%2Frspu%2Fscience%2Fconferences%2Fconference_ped%2Fsection_1%2Fgazizova.doc&ei=BH2NUI4CLSO4gTT04HIDw&usq=AFQjCNFI1n2Hg1onikEK-INp2_Ib61g_Sw&cad=rjt
7. Bologna Process. National Reports 2005 – 2007: Turkey - http://www.aic.lv/ace/ace_disk/2005_07/Nat_reps/TurkeyNatRep10Jan07.pdf
8. <http://www.scimagojr.com/countryrank.php>
9. SIR World Report 2011: Global Ranking http://www.scimagoir.com/pdf/sir_2011_world_report.pdf
10. Мосаки Н. 3. Стратегия Турции по привлечению иностранных студентов. <http://xn--c1adwdmv.xn--p1ai/news/fd-abroad/iran/cultura/1529532.html>
11. <http://www.leidenranking.com/ranking.aspx>
12. <http://www.timeshighereducation.co.uk/world-university-rankings/2011-2012/asia.html>
13. <http://www.studyinturkey.net/life-in-turkey/fees-and-expenses>
14. Мосаки Н.3. Стратегия Турции по привлечению иностранных студентов. <http://xn--c1adwdmv.xn--p1ai/news/fd-abroad/iran/cultura/1529532.html>
15. Усманова С.М. Проблемы и перспективы интеграции системы высшего педагогического образования Турции в Европейское сообщество. http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/pspo/2009_23_2/usmanova.pdf
16. Trends V: Universities shaping the European Higher Education Area / An EUA report by David Crosier, Lewis Purser & Hanne Smidt, 2007. - http://www.eua.be/fileadmin/user_upload/files/Publications/Trends_V_universities_shaping_the_european_higher_education_area.pdf
17. <http://mk-turkey.ru/education/2012/08/08/erdogan-turcii-neobhodima-restrukturizaciya-sistemy-obrazovaniya.html>
18. <http://mk-turkey.ru/education/2012/08/30/v-tureckih-universitetah-otmenyaetsya-plata-za-obuchenie.html>
19. Стародубцев И.И. Трансформирующаяся Турция. М.: ИБВ; МГИМО, 2011.
20. Ли Ю.А. Состояние системы образования в Турции с точки зрения перспектив Евроинтеграции. // Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г. М.: ИВ РАН; ИБВ, 2008.
21. См. подр.: <http://www.iimes.ru/?p=8521>, <http://www.iimes.ru/?p=6397>, <http://www.iimes.ru/?p=11992>

Проблемы и перспективы российского высшего образования

В.М. Новикова

В данной статье рассматриваются актуальные проблемы российского высшего образования с учетом международного контекста и российских специфических особенностей. Автор предлагает свое видение основных направлений решения этих проблем с целью повышения качества высшего образования в России, а также анализирует перспективы выхода российских вузов на лидерские позиции в мировом образовательном пространстве.

После подписания Россией Болонской декларации российское высшее образование получило качественно новый импульс для развития: у российских университетов появилась возможность для разработки своих образовательных программ с учетом европейских требований и стандартов, ориентированных на мировой рынок труда. Вместе с тем следует подчеркнуть, что российское высшее образование, опираясь на пространственные, геополитические, интеллектуально-демографические, научные и технико-технологические ресурсы страны, обладает мощным потенциалом повышения качества и значительными перспективами для эволюционного развития. В самой образовательной сфере имеются проблемы, для решения которых требуются современные эффективные подходы. Среди них можно выделить:

- соответствие требований работодателей и квалификации выпускников;
- географическую удаленность сибирских и дальневосточных вузов;
- устаревшую материально-техническую базу отдельных вузов;

- недобросовестное предоставление образовательных услуг некоторыми вузами;
- вопросы трудоустройства;
- технические моменты перехода на Болонскую систему;
- соотношение учебных планов и реалий современного мира;
- вопросы финансовой поддержки деятельности университетов.

Необходимо заметить, что большая часть проблемных узлов российского высшего образования при определенной степени специфических особенностей в целом совпадает с общемировыми вызовами высшему образованию. Однако российские специфические особенности оказывают существенное воздействие на роль университетов России в интеграции и интернационализации образовательного пространства. При продуманном и взвешенном подходе к решению проблем специфические характеристики, которые могут препятствовать на данном этапе повышению престижа российских университетов в глобальном масштабе, можно превратить в такие факторы, которые своей уникальностью и эффективными механизмами фун-

Новикова Вероника Михайловна – магистрантка МГИМО(У) МИД России. E-mail: photii@yandex.ru
Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Российское высшее образование в общемировом и европейском пространстве: соотношение приоритетов гармонизации и сохранение национальной специфики», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8560).

кционирования будут способствовать усилению влияния вузов России на мировые образовательные процессы¹.

В число уникальных факторов российского высшего образования входят площадь территории страны и, как следствие, географическая удаленность университетов Сибири и Дальнего Востока от исторически сложившихся наиболее крупных вузов страны. Такая ситуация имеет два следствия – негативное и позитивное. Первое связано с затруднением координации деятельности и гармонизации стандартов разных уровней. Второе же характеризуется наличием возможностей для соединения лучших особенностей европейской, азиатских и даже, возможно, американской образовательных систем. Это позволяет формировать своеобразные «мостики» между ними или же выработать оригинальные синтезированные образовательные модели.

Из-за своей географической отдаленности вузы Сибири и Дальнего Востока испытывают нехватку высококвалифицированного профессорско-преподавательского состава при сохранении низкой востребованности дипломированных кадров в регионе. Это связано с общей демографической ситуацией в регионе, которая характеризуется сокращением населения в результате падения рождаемости, оттока в другие регионы страны и старения населения. По данным переписи 2002 и 2010 гг., население за 8 лет сократилось в относительных цифрах на 6%², что естественным образом влияет на численность трудовых ресурсов.

Недостаточное экономическое стимулирование притока преподавательских кадров также оказывает негативное воздействие на ситуацию. Для разрешения данной проблемы требуется работа в нескольких направлениях:

- во-первых, необходимо повысить материальную заинтересованность преподавателей в работе в учебных учреждениях Дальнего Востока и Сибири через поощрение переездов молодых специалистов в эти регионы, введения дополнительных льгот, расширения социального пакета и возможностей для получения разнообразных грантов и субсидий на повышение квалификации в ведущих российских и зарубежных вузах. Сегодня такого рода программы реализуются Дальневосточным федеральным университетом, в частности в рамках проекта «Мотивация», но этого явно недостаточно;

- во-вторых, следует создавать новые рабочие места для выпускников вузов, что увеличит заинтересованность в получении высшего образования без выезда в другие регионы и, следовательно, повысит престиж региональных университетов;

- в-третьих, университеты Сибири и Дальнего Востока могут сыграть существенную роль в развитии региона в целом, что благоприятно скажется на социальной, экономической и политической ситуации, для чего необходимо развивать инновационную базу образовательного процесса, расширять финансовую поддержку вузов и проводить соответствующую государственную социальную политику по привлечению населения в регион.

Такие меры позволят университетам стать центрами развития инновационных технологий, научно-технических и технологических разработок, новых подходов к решению социально-экономических и международных проблем, поскольку в них постепенно будут сосредотачиваться талантливые ученые и специалисты. Это поможет поднять высшее образование в регионе на качественно новый уровень, что привлечет в сферу образования бизнес-структуры, заинтересованные во внедрении инноваций в производство и поможет повысить общий уровень благосостояния в регионе.

Первой попыткой реализации подобного проекта явилось создание Дальневосточного федерального университета и Студенческого центра на о. Русский. Он представляет собой единый архитектурный комплекс с жилой, учебной и спортивной инфраструктурой³. Дальневосточный федеральный университет, как известно, был создан путем объединения Дальневосточного государственного университета, Дальневосточного государственного технического университета, Тихоокеанского государственного экономического университета и Уссурийского государственного педагогического института. В число его образовательных приоритетов входят индустрия наносистем, энергосберегающие и биомедицинские технологии, а также сотрудничество со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Указанные приоритеты реализуются с помощью развития инновационности образовательного процесса и исследований, гибкой организации учебного процесса, внедрения современных образовательных стандартов, соответствующих уровню ведущих мировых университетов, постоянного повышения квалификации профессорско-преподавательского состава, создания малых инновационных предприятий, взаимодействия с ведущими исследовательскими, образовательными и инновационными структурами стран региона.

Приоритетность в деятельности университета отдается инвестированию в человеческий капитал. Для этого создается система мотиваций студентов и преподавателей в производстве высококачественного современного образовательного продукта⁴. Студенческий центр на о. Русский предполагается сделать «центром привлечения молодежи для развития творческих, спортивных и интеллектуальных возможностей, реализации студенческих инициатив, организации культурно-эстетического воспитания и утверждения здорового образа жизни в молодежной среде»⁵.

Между тем нельзя игнорировать негативную сторону регионализации высшего образования страны, которая находит выражение в снижении унифицированности образовательных стандартов. Особенно опасной данная тенденция представляется для России в силу обширности ее территории, поскольку, несмотря на наличие общего стандарта высшего профессионального образования, в удаленных регионах могут складываться собственные терминологические, содержательные и технические особенности и подходы к изучению тех или иных

■ Российское высшее образование в мировом пространстве

дисциплин. С одной стороны, это ведет к формированию нового понимания происходящих процессов и реалий, выработке новых методов решения задач прикладного характера и проведения фундаментальных исследований. Но, с другой стороны, затрудняет общение представителей академических кругов из разных регионов и размывает общее образовательное пространство России.

Поэтому следует развивать сотрудничество российских университетов не только с зарубежными вузами-партнерами, но и между собой. Тогда российская образовательная система в результате синтеза лучших традиций западноевропейской системы образования и научно-технологических достижений, разработанных в недрах университетов и исследовательских центров Китая, Индии, Южной Кореи и Японии, а также привлечения профессорско-преподавательских кадров из зарубежной Европы и Азии может стать уникальным образцом повышения качества образования в глобальном масштабе.

Другой насущной проблемой российского высшего образования является вопрос улучшения материально-технической базы учебного процесса. В первую очередь это относится к региональным вузам, которые из-за недостаточной финансовой поддержки государства и инвестиций бизнес-структур не могут поддерживать требуемый уровень технического оснащения учебного процесса, комфортности условий проживания студентов в общежитиях, а часто и просто наличия свободных мест в них. Более того, существуют некоторые трудности с поддержанием в надлежащем состоянии эксплуатации учебных и жилых зданий. Далеко не все российские вузы имеют современные библиотеки, в которых есть электронные системы поиска, свободный высокоскоростной доступ к изданиям ведущих международных центров и электронным библиотекам. Региональные университеты не обладают достаточными ресурсами для полномасштабного применения инновационных методов обучения.

Еще одной проблемой высшего образования России является неполное соответствие уровня преподавания и качества учебных программ негосударственных высших учебных заведений. По данным официальной статистики, в 2009 г. в стране существовало 1134 высших учебных заведения, в том числе государственных и муниципальных – 660, негосударственных – 474⁶. В них обучались 7513 тыс. студентов, в государственных и муниципальных вузах – 6215 тыс., в негосударственных – 1298 тыс.⁷ И хотя число негосударственных вузов составляет почти половину вузов страны (точнее – 42%), в российском обществе бытует несколько негативное отношение к ним⁸ в силу следующих причин:

– во-первых, качество преподавания в данных вузах не всегда находится на необходимом уровне, так как администрации подобных учебных заведений зачастую игнорируют недостаточную квалификацию принимаемых на работу преподавателей;

– во-вторых, в силу того что при поступлении на востребованные специальности в государственные вузы достаточно высокий конкурс, абитуриенты, не прошедшие в государственные учебные заведения, но желающие получить высшее образование и имеющие возможность оплатить обучение, поступают в негосударственные образовательные учреждения, что впоследствии вызывает некоторые вопросы по поводу их профессиональной компетенции;

– в-третьих, отдельные недобросовестные руководители негосударственных вузов, нацеленные на максимизацию прибыли, рекламируют:

а) обучение по новейшим методикам, которых в реальности не оказывается в перечне предоставляемых ими услуг;

б) выдачу дипломов международного образца, которые порой не имеют реальной юридической силы;

в) занятия с преподавателями из стран Западной Европы, которые на самом деле оказываются гражданами Российской Федерации.

На федеральном уровне существует проблема взаимодействия работодателей и вузов, которая выражается в нежелании бизнеса и государственных структур принимать на работу выпускников-бакалавров. Хотя бакалавриат официально считается полным высшим образованием, а выпускник, имеющий степень бакалавра, может претендовать на должности, замещаемые специалистами с высшим образованием, на практике предпочтение при приеме на работу отдается выпускникам со степенью специалиста или магистра. К тому же часто работодатели, преимущественно из частного сектора экономики, предпочитают нанимать на работу сотрудников, уже имеющих опыт работы в соответствующей области, что сокращает шансы на трудоустройство выпускников.

С точки зрения бизнес-структур система высшего образования России характеризуется ориентацией на общетеоретическую подготовку и недостаточным вниманием к приобретению практических навыков и умений. Но сегодня для того, чтобы выпускник вуза был конкурентоспособен на рынке труда, теоретические знания должны дополняться практической подготовкой. Однако не все вузы могут вести практико-ориентированное обучение, поскольку для этого необходимы новые методики, масштабные финансовые ресурсы, возможности проведения различных тренингов и мастер-классов с участием представителей бизнеса и государственных структур. Успешно с подобной задачей справляются только ведущие российские вузы, такие, как МГИМО, МГУ, СПбГУ, МГТУ им. Баумана, МФТИ и некоторые другие, которые на протяжении довольно длительного времени эффективно реализуют прикладной компонент образовательного процесса в форматах практикумов, корпоративных модулей и т.д.

Для решения подобных проблем требуется более тесное взаимодействие вузов и бизнес-сообщества, в частности целевая подготовка специалистов, прохождение практики в компаниях и корпораци-

ях, учреждение совместных малых инновационных предприятий, венчурное финансирование исследовательской деятельности университетов. Подобные проекты будут давать уверенность работодателю в наличии соответствующей профессиональной компетенции выпускников и их соответствии требованиям, предъявляемым к кандидатам на те или иные должности.

Одной из наиболее серьезных технических проблем перехода на Болонскую систему можно считать проблему введения двухуровневой системы образования, а теперь и трехуровневой системы, так как при гармонизации образовательного процесса в аспирантуре и создании двойных аспирантур сопоставление российских и европейских норм вызывает определенные трудности, и прежде всего в требованиях, которые предъявляются к защите. Если в России объем диссертационного исследования ограничивается 200 страницами при наличии публикаций в научных журналах по проблематике диссертации, то в государствах зарубежной Европы нет обязательного требования наличия публикаций при объеме исследования не менее 400 страниц⁹.

Этот процесс требует разработки и пересмотра программ, методических ресурсов и учебных планов, которые должны не только соответствовать системе кредитов, но и отвечать традиционным ценностям российского образования, а также реалиям российского и зарубежного рынка рабочей силы. Для этого необходимо согласование учебных планов на разных уровнях, что занимает достаточно длительный период времени и требует привлечения большого числа специалистов. Более того, в отдельных случаях возникает вопрос аккредитации новых учебных программ в связи с их неполным соответствием требованиям государственного стандарта высшего профессионального образования¹⁰.

Проблема финансирования играет важную роль в повышении престижа российских университетов в мировом академическом сообществе. Многие российские вузы, особенно расположенные в регионах России, ощущают серьезную нехватку финансовых ресурсов для развития своей внутригосударственной и международной деятельности. Для решения данного вопроса необходима деятельность государства, бизнес-структур и благотворительных организаций.

Для российских вузов естественно-научной и технической направленности характерно отсутствие курсов по глобальной проблематике и международным отношениям, а также недостаточная языковая подготовка. В условиях глобализации молодые специалисты не могут эффективно осуществлять свою деятельность без установления контактов с иностранными коллегами. Но для этого они должны понимать современные тенденции развития мира и владеть на соответствующем уровне английским языком. Поэтому российским университетам и Министерству образования следует рассмотреть возможность введения подобных курсов и расширения языковой подготовки специалистов.

У российских университетов благодаря их опыту обучения имеется значительный потенциал усиления своего влияния на процессы высшего образования в мире. В этой связи следует привести пример Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, который в 2010 г. вошел в Книгу рекордов Гиннеса как рекордсмен по числу преподаваемых иностранных языков – 53¹¹, что является явным преимуществом Университета в мировом образовательном пространстве. МГИМО-Университет обладает уникальной возможностью для распространения своего опыта преподавания иностранных языков, что повысит его престиж в мировом научном и образовательном сообществе. Также это поможет укрепить и расширить его связи с зарубежными университетами, осуществляющими деятельность в области международных отношений, филологической и лингвистической подготовки, как вуза-лидера в данной области.

Следует упомянуть дополнительную возможность для завоевания Россией позиций мирового лидера в предоставлении образовательных услуг, чему Россия отвечает в силу своих территориальных, интеллектуально-демографических и экономических характеристик, в г. Сочи может быть создан университетский комплекс международного уровня:

- во-первых, в настоящее время в Сочи ведется масштабное строительство разнообразных объектов, которые будут обеспечивать проведение Зимних Олимпийских игр-2014. Эти объекты являются современными инфраструктурными сооружениями, которые обладают экономической, социальной, рекреационно-досуговой и лечебно-оздоровительной ценностью;

- во-вторых, для Черноморского побережья России характерен благоприятный мягкий климат, обладающий благотворным воздействием. В университетский комплекс могут быть включены все необходимые объекты для проживания, организации досуга, обучения, научной и исследовательской деятельности, привлечены максимальные возможности финансирования. Возможно, изначально для деятельности такого комплекса потребуются масштабные финансовые инвестиции. Однако они принесут крупные экономические, политические и социальные выгоды в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Такой комплекс будет привлекать студентов, исследователей и преподавателей со всего мира своей новейшей инновационной инфраструктурой, климатом и широкими возможностями для профессиональной деятельности и обучения, что, в свою очередь, привлечет за собой приход иностранных инвесторов и бизнес-корпораций, заинтересованных в инновационных разработках.

В будущем возможно объединение комфортабельными транспортными и информационными коммуникациями комплекса в Сочи с ведущими университетами и исследовательскими центрами России, что обеспечит мобильность профессорско-преподавательского состава и студентов, облегчит

■ Российское высшее образование в мировом пространстве

обмен научными разработками и сотрудничество в научно-исследовательской области. В результате все это поможет сформировать единое научное, образовательное и исследовательское пространство России. Выработка эффективных путей взаимодействия образовательного и научного сообщества с бизнес-компаниями и государственными структурами будет способствовать оптимизации процесса внедрения инноваций в производство, повышению качества образования и выходу российских университетов на лидерские позиции в мировом масштабе в качестве конкурентоспособных центров подготовки высококвалифицированных кадров.

В заключение нужно заметить, что основные проблемы российского высшего образования в целом схожи с глобальными вызовами образованию. Российские вузы сталкиваются с некоторой нехваткой финансирования, которая постепенно устраняется путем расширения государственной поддержки университетов, усиления роли бизнес-сообщества в образовании и деятельности благотворительных организаций. Кроме того, российские университеты испытывают определенные затруднения с разработкой адекватных учебных планов и программ при переходе на систему подготовки «бакалавр–магистр», а также с внедрением в учебный процесс вузов естественно-научного и технического направления курсов по междуна-

родным отношениям и усиления языковой подготовки студентов. Несвойственной для других государств сложностью является географическая отдаленность университетов Сибири и Дальнего Востока, которая при разработке эффективной стратегии может стать преимуществом России. При соединении научного и образовательного потенциала российского Дальнего Востока, западных и южных регионов России возможно создание мощной образовательной и научно-исследовательской базы, которая обеспечит выход российских вузов на ведущие позиции на мировом рынке образовательных услуг. Это обеспечит приток в Россию иностранных студентов, преподавателей, исследователей и бизнес-корпораций, что окажет благоприятное воздействие на экономику страны в целом и, следовательно, будет способствовать дальнейшему развитию российского образования.

Novikova V.M. Problems and prospects of Russian tertiary education.

Summary: The article analyses main problems of Russian tertiary education including its international dimension and specific national characteristics. The author suggests possible ways of solving these challenges in order to improve the quality of education in this country, and evaluates prospects of Russian universities to become leaders in providing educational services.

Ключевые слова

Высшее образование, лидерство, Россия, Болонский процесс, развитие Сибири и российского Дальнего Востока.

Keywords

Tertiary education, leadership, Russia, Bologna process, development of Siberia and the Russian Far East.

Примечания

1. Режабек Е.Я. Образование – решающий фактор модернизации России // Модернизация России и Европа. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 2005. С.391-398.
2. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Статистический сборник // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/VPN-BR.pdf.
3. Университет XXI века для России // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/regions/2011-01-24/6_russkiy.html.
4. Обращение ректора // Дальневосточный федеральный университет. URL: <http://dvfu.ru/about/obraschenie-rektora/>.
5. Студенческий центр на о. Русский будет местом притяжения жителей Владивостока // Дальневосточный федеральный университет. –URL: <http://dvfu.ru/publications/news/2011-07-22-studencheskiy-tsentr-na-o.htm> (посещался 18.02.2012).
6. Россия в цифрах. 2009: Крат. стат. сб./ Росстат. М., 2009. С. 139.
7. Там же.
8. Захаров Н.Н., Захарова Н.С. Негосударственные вузы в российской системе образования: проблемы статусной идентификации // Фундаментальные исследования. 2005. №2. С. 106-110. URL: http://www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=7779858.
9. МГИМО и INALCO: первая двойная магистратура// Московский государственный институт международных отношений МИД России. URL: <http://www.mgimo.ru/news/university/document222684.phtml>.
10. Козырев В.А. Высшее образование России в зеркале Болонского процесса : науч.-метод. пособие для пед. работников вузов. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. С. 380-412.
11. 53 языка кроме алгебры // Информационный портал Московского государственного института международных отношений МИД России. URL: <http://www.mgimo.ru/news/university/document213817.phtml>

Международные отношения в СНГ: польская перспектива

А. Ковальчук

В статье представлены главные проблемы международных отношений на постсоветском пространстве со времени распада СССР, воспринимаемые польскими политологами в качестве решающих для современной структуры отношений в данном регионе. Основным анализируемым экспертами объектом является внешняя политика России по отношению к странам СНГ, двусторонние отношения с Россией отдельных постсоветских стран и их внутренняя ситуация, а также процесс институционализации взаимодействия в рамках СНГ.

С точки зрения Польши, образование СНГ стало позитивным событием. Вся Европа была заинтересована в том, чтобы на постсоветской территории функционировала структура, способная организовать геополитическое пространство, возникшее после распада СССР. СНГ выполнило эту функцию. Однако два десятилетия функционирования Содружества показали, что его роль в процессе институционализации европейской безопасности невелика и, как считают польские эксперты, является скорее декларируемой, чем действительно выполняемой¹.

Механизм обеспечения безопасности СНГ характеризуется низким уровнем развития, и до настоящего времени его роль является более слабой и трудно предсказуемой по сравнению с другими европейскими и евроатлантическими институтами, такими, как НАТО или ОБСЕ. С другой стороны, экономическая интеграция, несомненно, приносит пользу участникам Содружества и демонстрирует постепенный прогресс, хотя и более замедленный, чем предполагалось, а как субъект мировой экономики практически не имеет влияния.

В течение многих лет структура СНГ по-разному воспринималась в Польше. Некоторые эксперты оценивали ее как проявление ностальгии по СССР, его военной мощи и международному влиянию. Другие рассматривали вопрос с точки зрения глобальной перспективы, усматривая в Содружестве организацию естественного включения государств постсоветского пространства в глобальные процессы институционализации международного сотрудничества. Некоторые считают СНГ неудачной альтернативой проекту преобразования СССР в Союз Независимых Государств. Есть и такие, которые усматривали в создании Содружества благие намерения сохранить экономическое, политическое и оборонное единство постсоветского пространства и тем самым способствовать его стабильности.

Несмотря на разные подходы, все польские эксперты согласны с тем, что Сообщество остается территорией жизненных интересов России, которая стремится сохранить позицию главного международного партнера постсоветских государств. Территория Содружества всегда была и остается важным объектом внимания польских научно-исследовательских и аналитических центров. Из-за

Ковальчук Александра – аспирантка кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

своего геополитического значения, прежде всего из-за соседства с Польшей, экономического потенциала, возможной опасности, исходящей от нестабильных регионов, постсоветское пространство вызывает большой интерес у польских политиков и ученых.

Наиболее пристально изучаются ситуации, возникшие в отдельных государствах Восточной Европы (Беларусь, Украина, Россия, Молдова), которые непосредственно граничат с Европейским союзом и, кроме того, исторически и культурно наиболее близки к Польше. Исследования стран Центральной Азии и Южного Кавказа являются относительно новым и популярным направлением. Эксперты проводят исследования СНГ по разным отраслям науки: сравнительной политологии, международным отношениям, экономике, географии и культурологии.

Институт Международных отношений Варшавского университета в течение длительного периода проводит наблюдения и анализ отношений между странами-членами СНГ. Результаты исследований сотрудников Института, а также экспертов, связанных с Институтом, публикуются в статьях, размещаемых в «Стратегических ежегодниках»². Публикации освещают результаты исследований, дольше и регулярнее всего проводившихся именно в Польше. Выводы авторов, представляющих наиболее известных ученых, формируют польское общественное мнение о тенденциях развития международных отношений.

Можно утверждать, что обширные и детальные материалы, публикуемые вышеуказанным изданием, представляют разнообразные мнения польских экспертов о формирующихся международных отношениях в регионе СНГ. В данной статье приводятся результаты исследований автором польских периодических изданий с 1996 по 2010 г., а также публикаций сотрудников Института международных отношений Варшавского университета.

Исследования, освещенные в «Стратегических ежегодниках», охватывают временной период после распада биполярной системы. Предметом анализа стали проблемы и регионы, выбранные по принципу их стратегического значения для Польши и ее внешней политики. Самым важным контекстом исследования развития ситуации в отдельных регионах и в области конкретных проблем является безопасность. Такое рассмотрение возникает из того факта, что проблема безопасности остается первостепенной и формирует общественную мысль, хотя как и ее содержание, так и внутренние и внешние условия могут меняться³. Стратегическое направление исследований ежегодника заключается в отборе и привлечении внимания к проблемам, касающимся потенциальных угроз.

Одним из предметов исследования редакции и одновременно постоянным разделом ежегодника является регион СНГ. Первая проблема СНГ, на которую обратили внимание польские эксперты после распада биполярной системы, – это необходимость нового эффективного устройства геополитического постсоветского пространства,

воспринимаемого вначале 1990-х гг. как «вакуум сил». На территории, которая до сих пор остается под российской эгидой, появились как новые международные игроки (США, Китай, Турция, Иран), так и наднациональные структуры и организации (НАТО и ЕС). Польшей этот процесс оценивался позитивно, как способствующий трансформации новообразованных государств и укреплению стабильности в регионе.

Однако польские исследователи уделяли больше внимания внешней политике России, чем другим действовавшим на территории Содружества игрокам. Этот факт свидетельствует о том, что Россия рассматривается как главный игрок в этом регионе, обладающий инструментами для построения новой системы международных отношений на постсоветском пространстве. Исходя из этого, Россия считается инициатором регионального сотрудничества, и ее политику на территории Содружества характеризуют как «евразийскую доктрину Монро» либо как доктрину умеренности⁴.

Следующим аспектом исследований являются отношения с Россией отдельных стран Содружества, их внутренняя ситуация, особенно процессы государственного обустройства в 1990-х гг., а во многих случаях также проблемы сохранения контроля на своей территории. Эта тематика становится ключевой для обеспечения стабильности и соответственно безопасности территории. Также в контексте внутренней ситуации рассматривался анализ двусторонних отношений отдельных государств СНГ с Россией. Наибольшее внимание в польских исследованиях уделялось внутренней ситуации России, затем Украины и Беларуси, трех стран Южного Кавказа и Средней Азии. Молдова стала предметом анализа только после 2004 г., после очередного расширения ЕС, когда его границы приблизились к Молдове.

Особое место в анализе, проводимом экспертами польского Института международных отношений, занимают страны, которые наиболее активно подчеркивали свой суверенитет и независимость от политики российского руководства. По мнению польских экспертов, среди стран Содружества наиболее независимую политику проводила Украина. Большое внимание польских исследователей уделялось проблемам украинско-российских отношений. Эти исследования в 1990-х гг. отражали качество двусторонних отношений между Украиной и Россией.

Третьей темой, анализируемой польскими экспертами «Стратегического ежегодника» в рамках исследований региона Содружества, стал процесс институционализации СНГ и эффективность возникнувших в этой связи структур, а также характер сотрудничества между его участниками. В польских исследованиях этот процесс называется «попыткой реинтеграции», понимаемой как оживление экономических, политических и военных связей между бывшими советскими республиками в новых геополитических условиях.

В Польше однозначно воспринимают политику России по отношению к СНГ – как стремление

Москвы к сохранению своего влияния на постсоветском пространстве. Данный принцип рассматривается РФ как ключевой в обеспечении своей национальной безопасности и великодержавной позиции⁵. С этой целью Россия использовала методы, которые применялись не только для создания структур сотрудничества на постсоветском пространстве, но также и для построения двухсторонних отношений с державами (США и крупными развивающимися странами – Китаем и Индией).

Внешняя политика Москвы, особенно в тяжелые для нее 1990-х гг., находилась под сильным влиянием условий внешней ситуации, когда Россия вынуждена была прибегать к финансовой помощи международных институтов. Однако даже в самое трудное для себя с точки зрения экономики время Москва не переставала прилагать усилия для получения имперского статуса, а регион СНГ стремилась удержать в сфере своих жизненных интересов. Причем трудности в реализации такого курса ничуть не умаляли политических амбиций властей Кремля.

Польские исследователи с 1993 г. отслеживают эволюцию внешней политики Москвы по отношению к странам СНГ. Именно тогда наступил переход от умеренной позиции, подчеркивающей необходимость установления опирающихся на компромисс добрососедских отношений, к «политике виндикации»⁶. Тогда же проявился интерес российских политических элит к вопросу признания постсоветской территории сферой жизненных интересов России. Именно это стало основой признания Россией своего права на роль арбитра и гаранта стабильности в СНГ⁷.

С этого времени Россия начала предпринимать действия по институционализации интеграции и сотрудничества в Содружестве. Польские исследователи пришли к выводу, что в результате низкой эффективности инициированных Россией действий по реинтеграции постсоветского пространства Москва с 1996 г. отказывается от этой идеи в пользу постепенных и эффективных действий по сближению с наиболее заинтересованными в интеграции отдельными государствами. В российской политике по отношению к СНГ начал доминировать принцип максимальной интеграции наименьшей ценой. Многостороннее сотрудничество стало рассматриваться в Москве сквозь призму политики экономии. В результате действия, которые предпринимались по истечении пяти лет реинтеграции, назвали «цементированием твердого ядра» СНГ (Россия, Беларусь, Казахстан) или «частичной интеграции»⁸, а отношения России с государствами Содружества определили как «асимметричные».

По мнению авторов ежегодника, российские предложения по созданию оборонного союза в рамках Содружества в 1990-х гг. и предпосылки безопасности носили пропагандистский характер, потому что они адресовались западным странам во время дискуссий о расширении состава стран-членов НАТО с целью демонстрации привлекательности Москвы как «центра силы». С 1996 г. внешняя

политика, проводимая министром иностранных дел РФ Евгением Примаковым, ставившая под сомнение доминирование Соединенных Штатов Америки в мире, отразилась на подходе России к отношениям с постсоветскими государствами.

В свою очередь, парламентские выборы 1996 г. стали формирующим фактором российской внешней политики. Тогдашняя избирательная кампания, как ни одна из последующих, определила политику властей и повлияла на выбор средств по налаживанию сотрудничества и углублению интеграции постсоветского пространства в ускоренном темпе⁹. Этот факт также свидетельствует о том, что центры российской власти руководствовались не только интересами элит, но и в значительной мере – общественными ожиданиями. В то время прогресс в решении проблем двухсторонних отношений с отдельными государствами, по мнению польских авторов, свидетельствует о том, что в политике российских властей вместе с процессом демократизации 1990-х гг. начало проследиваться прагматическое мышление и стремление к новым «постимпериалистическим» намерениям¹⁰.

С 2000 г., когда пост Президента России занял Владимир Путин, эксперты констатировали начало нового этапа во внешней политике России, ставшего периодом прагматических действий. Российские власти сконцентрировались на конкретных направлениях работы с отдельными, наиболее лояльными государствами. Вместе с тем они не переставали прикладывать усилия для налаживания сотрудничества с каждой из наиболее отдалившихся от Москвы стран СНГ.

Серьезным испытанием для российской внешней политики по отношению к странам Содружества была и все еще остается проблема неразрешенных конфликтов на Южном Кавказе. Эта проблема оказывает влияние на двухсторонние отношения Москвы с отдельными республиками и на расстановку сил в регионе. Польские аналитики признают, что Россия, посылая миротворческие миссии в регионы конфликтов (Абхазию, Южную Осетию, Приднестровье, Таджикистан) либо просто принимая участие в мирных переговорах (Нагорный Карабах), тем самым поддерживала стабильность постсоветского пространства. Однако отсутствие прогресса в процессах переговоров для большинства конфликтов¹¹ указывает на то, что Москва не смогла до конца реализовать взятую на себя миссию.

Польские эксперты видят политическую дилемму Москвы в подходе к проблеме «замороженных конфликтов». Сохранение status quo влечет за собой рост участия в решении конфликтов третьих стран, которые стремятся использовать Южный Кавказ как транзитный регион для энергетического сырья. С другой стороны, отсутствие длительной прочной стабильности в регионе Кавказа тормозит строительство трасс транспортировки сырья, альтернативных российским. Поддержка Москвой Абхазии и Южной Осетии вместе с признанием их государственности свидетельствует о выборе первого варианта.

Анализ ситуации на Южном Кавказе позволяет также допустить наличие зависимости между качеством российско-грузинских и российско-азербайджанских отношений. В случае грузино-российских кризисов (1999 г., 2004 г., 2008 г.) многократно наступало потепление отношений между Баку и Москвой. Это выражалось в демонстративных дружественных жестах со стороны Баку, таких, как выдача боевиков или подписание двухсторонней декларации о сотрудничестве¹² либо активизация инициатив России по поводу урегулирования карабахского конфликта.

В Варшаве также замечено влияние американских действий на российскую внешнюю политику на международной арене и по отношению ко всему постсоветскому пространству. Бомбардировка Вашингтоном Югославии в 1999 г. обнажила, по мнению польских аналитиков, слабость международных позиций России и раскрыла ограниченные возможности ее влияния в ситуациях конфликтов интересов с западными силами. После серий американских военных интервенций в 1990-х гг. в Югославии, Ираке и Судане Москва посчитала необходимым усилить защиту собственных интересов в СНГ с целью противостоять гегемонистским устремлениям Вашингтона.

Военное присутствие Соединенных Штатов в Средней Азии после 2001 г. в еще большей степени вынудило Москву по-новому взглянуть на региональную политику с целью предотвратить усиление американского влияния на постсоветском пространстве. Восприятие Москвой развития ситуации в регионе своих жизненных интересов опирается, по мнению польских наблюдателей, на правила игры с «нулевым» результатом. Любое увеличение влияния других сил в регионе жизненных интересов России будет для нее означать проигрыш. Развитие сотрудничества западных государств и структур со странами СНГ, как считают польские исследователи, усиливало в России комплекс «осажденной крепости»¹³. Послужили его укреплению и последующие «цветные революции» на территории Содружества, а также перспектива принятия в состав НАТО Грузии и Украины.

В то же время увеличение добычи полезных ископаемых и сырья в государстве после 2000 г. влекло за собой растущую уверенность Москвы в своей внешней политике. После 2003 г., в связи с появлением в СНГ дезинтеграционных тенденций, Москва сосредоточила свою деятельность на укреплении двустороннего сотрудничества с отдельными странами, углублении институциональной интеграции¹⁴ и вытеснении западного влияния из сферы своих интересов посредством умелого разыгрывания проблем США в регионе Центральной Азии. Примером вышеупомянутых действий является ликвидация американских баз на территории Узбекистана и возвращение Ташкента к интеграционным структурам в рамках российских проектов¹⁵. Таким образом, ослабленная роль Вашингтона в регионе послужила укреплению позиций России. Еще одним успехом России явилось создание двух военных баз в Центральной Азии¹⁶.

Польские наблюдатели отмечают, что после 2000 г. с каждым годом в российских политических элитах крепло убеждение о растущей роли России как экономически и политически самодостаточной державы, которой не нужны постоянные союзники¹⁷. Отход от роли спонсора постсоветских экономик и постепенный переход на рыночные цены в торговле сырьем обнаружили прагматизм российской политики. Это также демонстрировало отказ Москвы от восприятия Содружества как инструмента восстановления СССР в новой форме.

Наиболее эффективной по сравнению с другими проектами реинтеграции стран СНГ стала «энергетическая дипломатия» на этой территории, реализованная на основании Энергетической стратегии России на период до 2020 года. Российские энергетические компании (ОАО РАО «ЕЭС России», Газпром, нефтяные компании) приобретали активы энергетического сектора в основном на Южном Кавказе и в Центральной Азии. Как замечают польские эксперты, в течение восьми лет правления Президента РФ Путина энергетика стала одним из важнейших инструментов расширения российского влияния и усиления позиции государства не только на территории СНГ, но и в мире в целом¹⁸.

Действующая система сетей транспортировки среднеазиатской нефти и газа дает Москве решающее преимущество перед другими субъектами, заинтересованными в налаживании энергетического сотрудничества со странами региона. Сохранение статус-кво зависит от результата процесса соперничества за экспорт сырья из Центральной Азии и создания новых путей транспортировки энергоносителей.

В польских работах по российской политике на территории СНГ доминирует оценка, что подход Москвы к постсоветским странам достаточно реалистичен. Россия стремится к построению организации, члены которой признают Москву мировым центром силы и не будут тяготеть к интеграции с НАТО¹⁹. Однако самыми верными союзниками России в Содружестве являются слабые государства, которые перекладывают на Россию ответственность за финансирование сотрудничества. Большинство экспертов сходятся в оценке того, что возможная интеграция какого-либо из членов СНГ с евроатлантическими структурами является дальней перспективой, поэтому Россия даже со своей политикой «лабиринтов» между постсоветскими республиками сохранит за собой роль важнейшей силы в регионе.

В оценке внутренней ситуации большинства стран бывшего СССР доминирует мнение о царящей там «партократии»²⁰, которая укрепляет власть элиты, поменявшей свои политические взгляды ради сохранения власти, что привело к авторитаризму. Это касается Азербайджана, Беларуси, государств Центральной Азии, а также в течение долгого времени – и Молдовы. Государства, в которых наступила ротация элит власти, проводят свою политику, дистанцируясь от России. Примером таких стран являются Украина, Грузия и Молдова.

Польские исследователи уделяют большое внимание отношениям Украины и России. По их мнению, одним из факторов, формирующих эти отношения, является упрочнение Украиной своего суверенитета при «минимальном антагонизме по отношению к России». Такая ситуация по получению гарантии целостности и суверенности государства достигалась Киевом с помощью западных государств и евроатлантических структур. Одновременно Украиной проводились действия по налаживанию сбалансированных отношений с Москвой и западными странами. Они были направлены на обеспечение состояния «минимальной конфронтации с Россией»²¹.

Украина, с одной стороны, поддерживает добрососедские отношения с Россией и проводит дипломатические переговоры с ней с целью урегулирования двусторонних споров. С другой стороны, она взяла курс на постепенное сближение с западными структурами посредством заключения договоров о сотрудничестве с ЕС и НАТО²². По мнению профессора Беленя, суть украинской политики заключается в балансировании между интеграцией с западными евроатлантическими структурами и огромной зависимостью от России²³.

Однако, судя по высказываниям других исследователей, сближение с Западом составляет для Киева далекую перспективу. «Симулирование» проведения реформ украинскими властями происходило параллельно с «симулированной» готовностью Запада помочь Украине²⁴. Ввиду отсутствия у западных стран полного доверия к Украине у нее не было шансов на интеграцию с европейскими структурами, и поэтому ей оставалось рассчитывать только на сближение с Россией. Частые геополитические кризисы и внутренняя борьба за власть мешали активному проявлению многовекторности украинской дипломатии, что также влияло на маргинализацию Украины на международной арене.

После скандала с поставкой Украиной в Ирак систем «Кольчуга» Киев потерял доверие партнеров на Западе. Такая ситуация вызвала разочарованность в сотрудничестве с Западом, что и привело к сближению Киева с Россией. В то же время авторы «Стратегических ежегодников» отмечают тот факт, что результаты внешней политики Киева, опирающейся на многовекторность, во многом определяют основу стабильности международного положения Украины. Компромисс с Россией, найденный в вопросах Черноморского флота, а также договоры с НАТО о сотрудничестве обеспечивают Украине международную безопасность, а декларации безопасности в рамках форума ГУАМ способствовали повышению привлекательности Украины как транзитного государства для стран-экспортеров сырья из Центральной Азии.

Однако польские исследователи, анализируя цели и назначение ГУАМ, называют эту структуру группой давления, которая старается продвигать свои интересы и противится российскому доминированию в СНГ. На данный момент из-за низкой активности своих членов и незначительной материальной базы для реализации планируемых

проектов ГУАМ не является значимой структурой сотрудничества на территории СНГ. Равным образом и Содружество демократического выбора, созданное лидерами Грузии и Украины в 2005 г., не оценивается в Варшаве как перспективная интеграционная структура, а скорее как проявление устремлений Украины занять лидерскую позицию в группе государств СНГ, которые стремятся найти платформу сотрудничества без участия России.

Дистанцирование Украины по отношению к интеграционным процессам в СНГ возникло, по мнению польских аналитиков, из восприятия Киевом данной структуры как инструмента доминирования России на постсоветском пространстве. В отношении самой России украинские власти проводили более активную политику, чем в рамках многостороннего сотрудничества СНГ. Урегулирование спорных вопросов в двусторонних отношениях с РФ до сих пор является приоритетным направлением политики Киева. Однако даже после урегулирования отдельных вопросов время от времени с украинской стороны возникают проблемы ратификации ранее подписанных договоров либо вновь пришедшее правительство ставит под сомнение принятые в них решения²⁵.

Польско-украинское сближение, которое наступило в 2010 г. и вылилось в ряд двусторонних соглашений, а также возросшая интенсивность встреч на высшем уровне не способствовали сближению Киева с интеграционными структурами постсоветских государств. Украина не присоединилась ни к Таможенному союзу, созданному Беларусью, Россией и Казахстаном, ни к ОДКБ, а также не поддерживает российские интеграционные проекты и политику Москвы по отношению к странам СНГ²⁶.

Отношение Беларуси к интеграционным процессам постсоветских государств оценивается как прагматическое. Минск высказывается за тесный союз с Россией в надежде получить от нее экономическую помощь. Власти Беларуси поддерживают большинство российских инициатив в сфере интеграции, но свое согласие обычно упрещают условиями финансовой помощи, замораживанием долгов либо дополнительными привилегиями в торговле. Личные политические амбиции президента Лукашенко, которые в начальной фазе интеграции России и Беларуси (1996 г.) достигали кресла президента государства-члена возможной конфедерации, а потом даже соединенного государства России и Беларуси, также оказывали немалое влияние на его решения.

В ситуациях, не предоставляющих возможностей для реализации собственных амбиций, Лукашенко сопротивлялся предложениям тесной интеграции, которая ликвидировала бы суверенитет Беларуси, а тем самым и его власть. Одновременно польские наблюдатели обращают внимание на факт, что Россия, в свою очередь, также воспринимает Минск прагматически. Отношения с Беларусью призваны продемонстрировать позитивность примера интеграции в рамках СНГ для остальных членов Содружества. Поэтому нарушение россий-

ско-беларусского союза будет означать ослабление ядра СНГ и кризис популярной концепции постсоветской интеграции²⁷.

Изучая специфику российско-беларусских отношений, можно говорить о цикличности напряженностей по линии Москва–Минск. Эти напряженности напрямую зависят от избирательного календаря, так как обычно перед выборами обе стороны более склонны к компромиссам из-за популярности в обоих государствах идеи интеграции России и Беларуси. Насколько правильными их отношения, можно судить по экономической ситуации в Беларуси, которая стремится получить российскую финансовую помощь. Третьим фактором, указывающим на состояние двусторонних отношений, является общая опасность, которую для обоих лидеров несут «цветные революции»²⁸. И хотя интеграция обоих государств происходит медленнее, чем планировалось, но тем не менее идет поступательно. На фоне ставших регулярными политических и экономических кризисов в двусторонних отношениях Беларусь все также остается главной опорой для российских интеграционных проектов на территории СНГ²⁹.

В ежегодниках регионы Центральной Азии и Южного Кавказа польские авторы анализируют прежде всего по двум направлениям. Во-первых, с точки зрения угрозы безопасности в результате возобновления старых конфликтов на Южном Кавказе и распространения исламского фундаментализма и экстремизма в регионе Ферганской долины. Во-вторых, в контексте борьбы за контроль над добычей и транспортировкой нефти в регионе Каспийского моря.

Польские исследователи усматривают причину недостатка безопасности в Центральной Азии в слабости государственных структур, а также в репрессивной политике по отношению к оппозиционным силам. Власти центральноазиатских республик не могут результативно контролировать свои границы от нелегальной торговли, наркоторговли и наплыва боевиков из Афганистана. Действия режимов направлены на борьбу с внутренним политическим врагом и укрепление своей власти, что частично является причиной радикализации недовольных общественных групп³⁰. По мнению польских аналитиков, слабость центральноазиатских республик заложена именно в основе создания региональной международной структуры по борьбе с терроризмом и экстремизмом, которой является ШОС. Такие обстоятельства формируют расстановку сил в Центральной Азии и провоцируют постороннее вмешательство.

Третьим главным аспектом анализа пространства СНГ является процесс институционализации СНГ и эффективность возникнувших структур. Первое пятилетие «реинтеграции» в рамках Содружества оценивается как эффективное в экономической сфере, частично эффективное в военной и неэффективное в политическом отношении. Исключением является российско-белорусское сближение. Из-за большей заинтересованности экономическим сотрудничеством, чем политиче-

ским или военным сотрудничеством, со стороны стран-членов Содружества именно экономика становится приоритетом реинтеграции. Кроме того, экономические связи являются более крепкими и составляют базу для создания политического влияния и рычагов давления на другие государства.

В польских исследованиях большое внимание уделяется факторам, которые выявляют низкую эффективность интеграционных структур Содружества, а также подчеркивается отличие в подходах к функциям СНГ, которые закладывались при создании Содружества. Значительные разногласия наблюдаются между украинским и российским подходами. Киев рассматривал СНГ как форму «цивилизованного развода», в то время как Москве приписывается подход к Содружеству как к «двигателю реинтеграции» постсоветского пространства, «политическому клубу», являющемуся форумом разработки совместных решений региональных проблем³¹.

По мнению экспертов, причина низкой эффективности интеграционных институтов кроется в трактовке их в категориях советской взаимозависимости, что является угрозой для суверенитета государства и доминирования одного субъекта над другими участниками Содружества. Отсюда попытка создания первого наднационального руководящего органа с целью координации экономической политики закончилась поражением³². Одновременно часто обращается внимание на тот факт, что инициативы каких-либо других государств, помимо России, принимаются ею в штыки.

Отсутствие стремления к интеграции и нехватка совместного доверия у членов Содружества проявляется, по мнению польских экспертов, в форме отношений и ведении переговоров между партнерами, в которых доминируют давление, угрозы и шантаж. Грузия и Азербайджан с целью склонить Россию к оказанию помощи в урегулировании конфликтов грозили пригласить американские войска для размещения на своей территории. В отношениях Москвы и Минска тоже присутствует давление. Из-за украинских заявлений о стремлении присоединиться к евроатлантическим структурам российский концерн повысил цены на газ, тем самым вызывая обвинения Киева в экономическом саботаже со стороны России³³.

Начиная с 1996 г. соглашения между отдельными государствами по вопросам интеграции были или повторением прежних деклараций и созданием дублирующих органов, или набором нереальных для реализации постулатов ввиду финансовых ограничений и отсутствия консенсуса по отношениям к деталям. На стыке 1996–1997 гг. начал наблюдаться кризис на официальном уровне Содружества. Саммит СНГ в Москве в марте 1997 г. обнаружил недостатки концепции развития сотрудничества и видения процесса интеграции. Продление российского главенства в Содружестве и назначение российского генерала на пост начальника Штаба по вопросам координации военного сотрудничества СНГ, по мнению польских экспертов, свидетельствует о том, что Содружество

является инструментом российского доминирования на постсоветском пространстве.

Отказ от принятия предложенных в 1998 г. реформ в структурах Содружества³⁴, по мнению польских аналитиков, продлил виртуальный характер интеграции. Усугубляющим ситуацию фактором стало также усиление экономической независимости постсоветских государств от России.

Намного худший результат от ранее декларированного был также получен в военной сфере. По мнению польских экспертов, подписанное в 1992 г. Ташкентское соглашение на практике не работает. Отсутствуют также совместные документы, заключающие в себе стратегию и доктрину обороны многостороннего характера. Трудности в реализации оборонного союза СНГ выявили следующие проблемы³⁵:

- отсутствие совместных оборонных интересов и низкий уровень совместного доверия;
- отсутствие политической свободы у большинства из участников;
- отсутствие интегрированных военных структур;
- отсутствие денег на реализацию интеграции в военной сфере;
- отсутствие конечной модели союза (предусматриваются только этапы создания системы безопасности).

Что касается стран-членов СНГ, не решивших проблем территориального сепаратизма (Азербайджан, Грузия), то отсутствие политической воли к налаживанию военного сотрудничества обуславливалось недоверием по отношению к российским намерениям. Россия, выполняющая роль посредника в конфликтах, не была для них привлекательным и заслуживающим доверия союзником. Тбилиси и Баку одновременно обвиняли ее в осторожности³⁶. Польские аналитики отмечают, что с 1999 г. встречи президентов Азербайджана и Армении были возобновлены под влиянием очередной войны в соседней Чечне и с целью получения западных инвестиций, а не в результате российских переговоров. Однако изменения в позициях обеих спорящих сторон не касались сути вопроса, но изменили язык в подходе к оппоненту.

В то же время не граничащие с Россией государства (Таджикистан, Киргизия, а после 2005 г. также Узбекистан), усматривающие источник угрозы с другого направления (со стороны растущей мощи Китая, исламского фундаментализма в Афганистане либо «цветных революций» с Запада), стремились к сотрудничеству с Россией. Российская военная помощь была бы для этих государств стабилизирующим ситуацию фактором³⁷. Из этого польские наблюдатели делают вывод, что Россия сконцентрировала свои силы не только на двустороннем сотрудничестве в экономической сфере, но и в военной сфере. Двусторонние военные договоры предоставляют возможность взаимовыгодного сотрудничества³⁸.

Польские наблюдатели также обращают внимание на начавшиеся в 1996 г. проявления кризиса российского лидерства в Содружестве. Помимо

несогласия с тесной интеграцией, большинство государств не поддержало российские инициативы совместных заявлений с оценками текущих международных событий с точки зрения политической линии Москвы³⁹. 1999 г. стал особенным моментом в процессе многолетней реинтеграции. Именно тогда стала вырисовываться обратная тенденция – уход от интеграции. Тогда некоторые государства не продлили свое участие в Договоре о совместной безопасности (Азербайджан, Грузия и Узбекистан), также не было вовремя выполнено соглашение 1994 г. по вопросам создания зоны свободной торговли. Помимо того, между отдельными государствами был возобновлен визовый режим (страны Центральной Азии ввели визовые ограничения для россиян, а РФ – для Азербайджана и Грузии). С тех пор в польских работах структуру СНГ стали называть форумом для дискуссий президентов.

После 2000 г. приоритетом сотрудничества как для России, так и для центральноазиатских республик стала сфера безопасности. Из-за войны в Чечне и возможности дестабилизации ситуации в Центральной Азии государства региона больше склонялись к налаживанию сотрудничества в военной сфере, хотя и в ограниченном режиме. Последующие решения, принятые на саммитах СНГ или Таможенного союза, не представляют интерес для глубокого изучения польскими исследователями из-за низкого уровня выполнения подписанных соглашений и их незначительного результата для процесса интеграции.

Вместе с появлением американских сил в Центральной Азии после 2001 г. польские эксперты обращают внимание на замедление тенденций консолидации многостороннего военного сотрудничества в рамках Договора о коллективной безопасности СНГ. Это обуславливалось успехом американских сил в столкновениях с местными боевиками, с которыми до того времени при поддержке России государства региона не могли справиться. Тем самым была устранена одна из непосредственных причин угрозы дестабилизации государств региона. Наибольший выигрыш от американской кампании против талибов в Афганистане получили Узбекистан, Киргизия и Таджикистан. В обмен на предоставление своих аэропортов и баз они получили от Соединенных Штатов значительную политическую, финансовую и военную помощь в борьбе с местным экстремизмом.

Рост участия Соединенных Штатов в Центральной Азии стимулировал Москву к интенсификации процедур, касающихся нового этапа сближения с постсоветскими государствами. В 2001 г. наступило развитие институционализации «Шанхайской пятёрки». С одной стороны, это происходило из-за стремления государств Центральной Азии сбалансировать российское влияние посредством китайского участия, а со стороны Пекина и Москвы – с целью предотвращения роста американского влияния в регионе.

Российско-белорусский договор о построении Союзного государства создавал видимость про-

гресса интеграции. Согласно этому договору был образован ряд новых органов, также и так называемых надгосударственных, несмотря на то, что в их состав входили люди, занимающие государственные должности. На практике еще один договор ничего не изменил в отношениях между Россией и Беларусью, так как ни конфедерация, ни единое общее государство так и не были созданы. Кроме того, выполнение соглашения откладывалось во времени.

Попыткой укрепления связей с постсоветскими странами стала формализация военного сотрудничества в 2002 г. в рамках Организации Договора коллективной безопасности. По мнению польских исследователей, это не способствовало созданию функционирующего военного блока, который можно было бы рассматривать в категориях «восточного НАТО». Следующей попыткой углубления интеграции было создание общего экономического пространства в 2003 г. как первого этапа, ведущего к созданию Организации региональной интеграции. По мнению польских наблюдателей, эта идея была в значительной степени продиктована перспективой парламентских и президентских выборов в России.

Однако в течение нескольких лет ускорение внедрения постановлений в рамках ОЭП показало, что данный интеграционный проект является эффективным. По мнению польских аналитиков, в кратковременной перспективе последовательная реализация идей⁴⁰ приносит большую пользу Беларуси и Казахстану, нежели России⁴¹. Москве же она принесет долгосрочную политико-стратегическую пользу. У ОЭП есть шанс сыграть роль «самостоятельного полюса» в глобальной экономической конкуренции, а также создать привлекательную модель для остальных государств СНГ, что придает Москве авторитет успеха на постсоветском пространстве.

Наблюдатели обращают внимание и на определенные незначительные успехи в военном сотрудничестве государств по институционализации ОДКБ. Каждый год, начиная с 2004 г., проводятся военные маневры «Рубеж» и совместные операции против распространения наркотиков. Эти действия составляют единственный успех сотрудничества, но не влияют ни на ускорение, ни на углубление интеграции.

2003–2005 гг. были критическими для интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Именно тогда в Грузии, Украине и Киргизии произошли события, называемые «цветными революциями». Приход к власти элит, которые декларировали политический курс на интенсивное сотрудничество и интеграцию с евроатлантическими структурами, ставил под сомнение эффективность прежних стратегий Москвы по отношению к странам Содружества. Новая ситуация затормозила процесс реинтеграции в рамках проектов Москвы на постсоветском пространстве, а прежде всего показала их непривлекательность для всех участников СНГ. Даже разочарованность результатами «цветных революций», политические и экономические кризисы в странах, прошедших через революции,

не вызвали желания нового сближения с Россией. Грузия окончательно покинула структуры СНГ и укрепила свой евроатлантический курс, а Украина вернулась к неоднозначной политике многовекторности, заявленной лидером оранжевой революции В. Ющенко.

По случаю 15-летия СНГ польские аналитики пришли к мнению, что эта структура находится в глубоком кризисе, а интеграционные процессы потерпели фиаско. Откладывались во времени реформы структуры, выполнение валютного соглашения и создание Союзного государства Беларуси и России. Переход Москвы от роли спонсора на постсоветской территории к прагматической политике осуществления своих интересов в отношениях с участниками Содружества, по оценке польских исследователей, означает конец проекта СНГ. Государства, у которых возникла необходимость диверсификации источников энергии, либо ее получателей (Грузия, Азербайджан, Туркмения), смогли обеспечить независимость своей экономики от России и еще больше дистанцироваться от интеграции с ней.

Даже лидер Беларуси из-за повышения цен на газ и нефть начал сотрудничать с Венесуэлой и Ираном с целью поставки более дешевого энергетического сырья, а Китай с 2010 г. стал потенциальным кредитором для Минска. Армения, задетая российской экономической блокадой Грузии, стала усиливать сотрудничество с Ираном, в результате чего осуществляются строительство газопровода и поставки иранского сырья. Диверсификация международных связей стала характерным процессом, отмечаемым польскими наблюдателями с 2007 г. (в случае Азербайджана, Казахстана, Туркмении, Таджикистана и частично Беларуси, Армении, Узбекистана).

Кризисом для СНГ был российско-грузинский августовский конфликт 2008 г., когда дошло до первого со времен армянско-азербайджанской войны за Нагорный Карабах военного конфликта между членами Содружества. В то же время выход Грузии из СНГ стал первым событием в истории структуры, когда был заявлен отказ от членства в Содружестве. По мнению польских аналитиков, своей интервенцией в Грузии Россия явно показала, что, несмотря на финансовый кризис, ее позиции сильны и она будет и дальше реализовывать свои интересы даже ценой изоляции. Россия также доказала своим союзникам по региону СНГ эффективность своих методов и указала на отсутствие однозначной и быстрой реакции против неальтернативного союзника, то есть Соединенных Штатов. В то же время демонстрация силы Кремлем показала, что модель развития России не является достаточно привлекательной для мирных действий в полезном для себя и партнеров направлении.

Ситуация в отдельных государствах СНГ и отношения между ними являются важным объектом анализа польских исследователей. Особенно много места посвящено внешней политике Российской Федерации, которая является главным фактором формирования международных отношений на по-

стсоветском пространстве. Общая оценка структур СНГ освещена польскими экспертами и указывает на низкую эффективность, следующую из непривлекательности предлагаемой Москвой модели интеграции. «Цветные революции» на постсоветской территории свидетельствуют о том, что Россия как интеграционный центр переоценила свою значимость для соседей.

Однако возвращение к близкому сотрудничеству с Россией в „постреволюционных” государствах указывает, что Москва является пока безальтернативным интеграционным центром и его привлекательность зависит исключительно от нее.

Kovalchuk A. Twenty Years of Building International Relations on the Territory of the CIS: the Polish Perspective.

Summary: The article presents the main issues of international relations in the post-soviet area since the collapse of the Soviet Union, perceived by Polish political scientists as critical to the modern structure of relations in the region. Russia's foreign policy towards the CIS countries is the main aspects of discussion. The following issues relate to the bilateral relations with Russia, and domestic situation of former Soviet countries, as well as the institutionalization of cooperation within the CIS.

Ключевые слова

Содружество Независимых Государств, Россия, постсоветское пространство, внешняя политика Российской Федерации, институционализация СНГ.

Keywords

Commonwealth of Independent States, Russia, post-soviet area, foreign policy of Russian Federation, institutionalization of CIS.

Примечания

1. Zięba R. Instytucjonalizacja bezpieczeństwa europejskiego. Koncepcje-struktury- funkcjonowanie. Fundacja Stosunków Międzynarodowych. SCHOLAR. Warszawa 2004. c. 231.
2. Roczniki Strategiczne (польск.) — издаются с 1996 г. Фондом международных отношений при Институте международных отношений Варшавского университета.
3. Kuźniar R. Rocznik Strategiczny 1995/1996. Fundacja Studiów Międzynarodowych. SCHOLAR. Warszawa 1996. c. 7.
4. Kaczmarek M. Rosja na rozdrożu. Wyd. Sprawy Polityczne. Warszawa 2006. c. 95.
5. Curanović A. Czynniki religijny w polityce zagranicznej Federacji Rosyjskiej. Wyd. UW. Warszawa 2010.
6. Там же. С. 232.
7. Там же.
8. Rocznik Strategiczny 2002/2003. Fundacja Studiów Międzynarodowych. SCHOLAR. Warszawa 2003. c. 234.
9. В 1996 году был подписан договор об интеграции России и Беларуси, в июне этого же года на специальном Кавказском саммите была подписана декларация исключительно пропагандистского характера, так как она не улучшала многосторонние отношения на практике.
10. Rocznik Strategiczny 1997/ 1998. Fundacja Studiów Międzynarodowych. SCHOLAR. Warszawa 1998. c. 150.
11. Только один конфликт на территории СНГ, в котором Россия была посредником, был урегулирован. Гражданская война в Таджикистане имела характер войны за власть, а не за территорию, как в случае Абхазии, Южной Осетии, Нагорного Карабаха и Приднестровья. Поэтому урегулировать данный конфликт было легче, так как вопрос заключался в установлении политического компромисса между сторонами.
12. В 1999 г., после российской интервенции в грузинской долине Панкиси, было подписано российско-азербайджанское соглашение о сотрудничестве на акватории Каспийского моря.
13. Rocznik Strategiczny 2004/2005. Fundacja Studiów Międzynarodowych. SCHOLAR. Warszawa 2005. c. 196.
14. В 2006 г. Центральноазиатская Организация Сотрудничества включена в Евроазиатское Экономическое Сообщество.
15. После подавления организованных оппозицией волнений в Андижане, Вашингтон раскритиковал Ташкент за нарушения прав человека, что повлекло за собой ограничения в американско-узбекском сотрудничестве и закрытие американской базы в Карши-Ханабад. В 2005 г. Узбекистан вступил в Организацию Договора о коллективной безопасности и вышел из ГУАМ. В 2006 г. он вступил в Евроазиатское Экономическое Сообщество (ОДКБ была создана в 2002 г. как институционализация Ташкентского договора 1992).
16. В октябре 2003 г. в киргизской местности Кант была открыта российская военная база, а в октябре 2004 – российская военная база на территории Таджикистана.
17. Rocznik Strategiczny 2006/2006. Fundacja Studiów Międzynarodowych. SCHOLAR. Warszawa 2006. c. 167.
18. Curanović A., Kardaś S. Polityka zagraniczna Federacji Rosyjskiej w okresie prezydentury Władimira Putina. Próba bilansu. Żurawia Papers, zeszyt 12, Fundacja Studiów Międzynarodowych. Warszawa 2008. С. 33.
19. Kaczmarek M. Rosja na rozdrożu. Wyd. Sprawy Polityczne. Warszawa 2006. С. 104.

■ Свежий взгляд

20. Данное понятие означает правление бывшей партийной номенклатуры. Bieleń Stanisław. *Tożsamość międzynarodowa Federacji Rosyjskiej*. ASPRA-JR. Warszawa 2006. с. 235.
 21. *Rocznik strategiczny 1995/1996*. Fundacja Studiów Międzynarodowych. SCHOLAR. Warszawa 1996. С. 170.
 22. Киев с 1995 г. участвовал в программе «Партнёрство ради мира». Стремился к членству в Центральноевропейской ассоциации свободной торговли, ИСЕ, сближения с ЕС и ЗЕС. В 1997 г. подписана хартия об особом партнёрстве Украины и НАТО.
 23. Bieleń S. *Tożsamość międzynarodowa Federacji Rosyjskiej*. Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR Warszawa 2006. С. 235.
 24. *Rocznik Strategiczny 1999/2000*. Fundacja Studiów Międzynarodowych. SCHOLAR. Warszawa 2000. с. 176.
 25. В 1997 году была заблокирована ратификация договоров, регулирующих статус Черноморского флота. Также ставились под сомнение газовые договора, подписанные в Москве премьером Тимошенко с Российским Газпромом в 2009 г.
 26. Киев не признал независимости Абхазии и Южной Осетии, критически оценивая проект «Южный поток» в обход России.
 27. Curanović A., Kardaś S. *Polityka zagraniczna Federacji Rosyjskiej w okresie prezydentury Władimira Putina*. С. 88.
 28. Там же. С. 86.
 29. Весной 2009 г. после кризиса двусторонних отношений, вызванного российским запретом экспорта белорусских молочных продуктов, Минск отказался подписывать соглашение о создании Коллективных Сил оперативной реакции ОДКБ, после чего Лукашенко принял этот документ в октябре 2009 г.
 30. В 1999 г. в узбекской части Ферганской долины произошли террористические акты, а на киргизской стороне долины, власти пытались придушить вооруженные выступления оппозиции.
 31. Bieleń S., *Tożsamość międzynarodowa Federacji Rosyjskiej*. Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR Warszawa 2006. С. 240.
 32. Армения, Украина, Узбекистан и Туркмения не согласились придать СНГ наднациональные компетенции Международного экономического комитета в октябре 1994 г.
 33. В 1995 г. Украина выступила с проектом регулирования государственных границ, который вызвал протест у России еще до начала переговоров.
 34. В марте 1998 г. был организован форум с целью подготовки реформ проекта СНГ. Во главе его стал Борис Березовский, который в 1998–1999 гг. исполнял функцию исполнительного секретаря СНГ. Проект изменений предусматривал среди прочего создание наднациональных органов с ключевой целью развития интеграции. СНГ было названо виртуальной интеграционной группой.
 35. *Rocznik strategiczny 1995/1996*. Fundacja Studiów Międzynarodowych. SCHOLAR. Warszawa 1996. С. 178.
 36. Власти Баку в 1997 г. обратились к генеральному секретарю НАТО с просьбой о посредничестве в карабахском конфликте и гарантией независимости государства ввиду отсутствия прогресса в переговорах, в которых участвовала Москва. Власти Тбилиси после получения независимости вели спор с Москвой по делу легальности размещения российских войск в Грузии.
 37. Россия сыграла положительную роль в окончании гражданской войны в Таджикистане в 1996 г. и стабилизации ситуации благодаря привлечению миротворческих сил (официально войска получили полномочия СНГ, на практике это были российские войска). В Киргизии российские советники и специалисты способствовали функционированию государства.
 38. Примером является Соглашение о дружбе, сотрудничестве и совместной безопасности, подписанное в 1997 г. между Баку и Москвой, в котором была запись об отказе использования экономического давления. Такой формулировки не содержит соглашение подобного характера между Ереваном и Москвой 1997 г., но в его рамках закреплено более тесное сотрудничество, чем России и Азербайджана. Российско-армянское соглашение содержит принцип *casus foederis*. *Rocznik Strategiczny 1997/1998*. С. 157.
 39. В октябре 1996 г. потерпела фиаско попытка министра иностранных дел РФ Примакова по ускорению совместного противостояния расширению НАТО. Также в 2008 г. страны СНГ не поддержали решение России о признании независимости Абхазии и Южной Осетии.
 40. До этого времени вступило в силу Таможенное соглашение, а с 2012 г. начнет функционировать Общее экономическое пространство, в рамках которого должна будет достигнута постепенная координация экономической политики третьих государств.
 41. *Rocznik Strategiczny 2010/2011*. Fundacja Studiów Międzynarodowych. SCHOLAR. Warszawa 2011. С. 203.
-

Момент перехода доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью в порядке наследственного правопреемства

А.В. Ремизова

В статье анализируется установленный порядок наследования доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью наследниками умершего участника, выявлена проблема отличия момента перехода права на долю умершего участника к наследникам от момента перехода прав и обязанностей участника общества к наследникам. Рассматриваются процедура и сроки получения согласия участников на переход прав и обязанностей к наследнику.

Доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО) в соответствии со статьей 1176 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ) входит в состав наследуемого имущества. По своей правовой природе эта доля представляет собой некий неделимый комплекс корпоративных прав и обязанностей участника ООО. Иными словами, понятие «доля» раскрывается через понятие «статус участника общества». Приобретение наследником статуса участника общества зависит от наступления определенного юридического факта, а именно: получение согласия остальных участников общества, если необходимость получения такого согласия предусмотрена уставом общества в соответствии с п. 8 ст. 21 Федерального закона «Об обществах

с ограниченной ответственностью»² (далее – Закон об ООО). Если такое согласие не получено, у наследника возникает право требовать выплаты действительной стоимости доли, определенной на основании данных бухгалтерской отчетности общества за последний отчетный период, предшествующий дню смерти участника общества (абз. 2 п. 5 ст. 23 Закона об ООО).

На практике множество вопросов возникает относительно момента перехода доли в уставном капитале ООО к наследникам умершего участника. Необходимо раскрыть вопросы, связанные:

- во-первых, с определением момента перехода доли (а именно права на долю) к наследнику;
- во-вторых, с определением момента перехода прав и обязанностей участника общества к наследнику.

Ремизова Анастасия Вадимовна – юрист ООО «Никомед Дистрибьюшн Сентэ», аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail : a.v.remizova@gmail.com

Исходя из правовой природы доли и других особенностей процесса ее наследования, необходимо различать эти два вопроса. Момент перехода доли может отличаться от момента перехода прав и обязанностей участника, другими словами – от момента приобретения наследником статуса участника. Это вполне соответствует п. 1 ст. 1110 ГК РФ, допускающему определенный разрыв в переходе прав в порядке универсального правопреемства.

Момент перехода права на долю к наследникам

По поводу момента перехода права на долю в порядке наследования высказывались различные мнения. Существует мнение о том, что, поскольку нотариального удостоверения перехода доли в порядке наследственного правопреемства не требуется, доля в этом случае переходит к наследнику с момента внесения сведений в Единой государственной реестр юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ)³. Таким образом, момент перехода доли связывается с моментом государственной регистрации права на наследственное имущество.

Однако эта точка зрения противоречит общему принципу, заложенному п. 4 ст. 1152 ГК РФ: принятое наследство признается принадлежащим принявшему его наследнику со дня открытия наследства независимо от момента государственной регистрации права наследника на наследственное имущество, когда такое право подлежит государственной регистрации. Традиционным видом имущества, право на которое подлежит государственной регистрации в обязательном порядке, является недвижимость. Пленум ВС РФ и Пленум ВАС РФ в своем совместном постановлении выразили позицию, согласно которой право собственности на недвижимое имущество в случае принятия наследства возникает со дня его открытия (пункт 4 статьи 1152 ГК РФ), поскольку в силу п. 2 ст. 8 ГК РФ права на имущество, подлежащее государственной регистрации, возникают с момента регистрации соответствующих прав на него, если иное не установлено законом, а иной момент возникновения права установлен, в частности, для приобретения права в порядке наследования⁴.

Таким образом, законодатель даже применительно к правам на недвижимое имущество не связывает переход права к наследникам с фиксацией в публичном реестре. В отношении перехода права на долю тем более нет оснований ставить переход доли в зависимость от момента внесения записи в реестр, поскольку, как справедливо отмечает Л.А. Новоселова, запись в ЕГРЮЛ не единственный способ оформления перехода доли⁵.

Переход доли к наследникам также не может быть связан с моментом принятия наследниками наследства, что противоречит п. 4 ст. 1152 ГК РФ, согласно которому принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия. Момент перехода доли не может определяться и моментом выдачи

свидетельства о праве на наследство, поскольку свидетельство является лишь правоустанавливающим фактом⁶.

На практике большинство нарушений прав участников наследственных правоотношений из-за неверного определения момента перехода доли возникают в случаях, когда уставом общества предусмотрена необходимость получения согласия на переход доли к наследникам остальных участников общества (п. 8 ст. 21 Закона об ООО). Нарушения основаны на неверном предположении, что необходимость получения такого согласия означает, что доля входит в состав наследственного имущества только при наличии согласия участников общества и с момента, когда считается, что такое согласие дано.

В заблуждение такого рода может ввести определенная терминологическая нечеткость положений Закона об ООО, регулирующих переход доли в уставном капитале ООО, что в определенной степени связано со сложной правовой природой доли в уставном капитале. Так, Закон об ООО понимает под долей: а) всю совокупность прав и обязанностей участника общества; б) определенную ценность, имеющую денежную оценку и содержащую в себе потенциальную возможность приобретения статуса участника, если на то получено (при необходимости) согласие остальных участников. Такие затруднения были бы устранены, по мнению Л.А. Новоселовой, если бы в нормах ГК РФ о наследовании доли и в п. 8 ст. 21 Закона об ООО было указано: согласие участников необходимо не для включения доли в состав наследственного имущества, а для перехода к ним прав и обязанностей участника⁷.

Однозначно можно утверждать, что доля (право на долю) входит в состав наследства независимо от того, получено ли согласие участников на переход доли к наследникам умершего участника или нет. Момент перехода доли в порядке наследования ознаменуется моментом открытия наследства в соответствии с п. 4 ст. 1152 ГК РФ. Никакие факторы, как-то: выдача свидетельства о праве на наследство, получение согласия участников на переход доли, внесение записи в ЕГРЮЛ о переходе доли – не имеют значения в данном случае, поскольку доля переходит к наследникам в силу наследственного правопреемства. Данный вывод подтвержден и судебной практикой⁸.

Момент перехода прав и обязанностей участника общества к наследникам

В отличие от рассмотренной ситуации с моментом перехода права на долю в порядке наследования или, как пишет Л.А. Новоселова, доли как имущественной ценности⁹, в определении момента приобретения наследниками статуса участника нет достаточной определенности. Здесь необходимо различать две ситуации: когда согласия остальных участников общества на переход доли к наследникам умершего участника общества не требуется и когда необходимость получения такого согласия предусмотрена уставом общества.

Обратимся к первой ситуации. Как мы выяснили до этого, доля переходит в порядке наследственного правопреемства с момента открытия наследства. Казалось бы, раз согласия на переход доли не требуется, права и обязанности участника общества переходят к наследникам также с момента открытия наследства. Обратимся к судебной практике. Можно выделить три позиции судов относительно момента приобретения наследником статуса участника общества:

- 1) момент открытия наследства;
- 2) момент уведомления общества о праве на долю;
- 3) момент регистрации сведений в ЕГРЮЛ.

Рассмотрим данные позиции более подробно: – в первом случае статус участника общества приобретается со дня открытия наследства¹⁰. Данная позиция подтверждается Постановлением Президиума ВАС¹². Суд основывается на п. 4 ст. 1152 ГК РФ, в соответствии с которым принятое наследство признается принадлежащим наследнику в полном объеме со дня открытия наследства, независимо от времени его фактического принятия. Исходя из указанной нормы, со дня открытия наследства к наследнику переходят все права, удостоверяемые долей в уставном капитале ООО, и он приобретает статус участника общества, если уставом прямо не предусмотрено право участников давать согласие на переход доли в уставном капитале такого общества к наследникам участников общества;

– во втором случае статус участника общества приобретается с момента уведомления общества о праве собственности на долю в уставном капитале общества¹². В этом случае суд исходит из системного толкования положений статьи 21 Закона об ООО в их взаимосвязи с иными статьями названного Закона. А это позволяет считать, что права и обязанности участника общества возникают именно с момента уведомления о праве собственности. При этом закон требует письменной формы уведомления общества о состоявшемся переходе доли (части доли) в уставном капитале общества с представлением доказательств прав собственности на долю (часть доли);

– в третьем случае статус участника общества возникает с момента внесения сведений о нем в ЕГРЮЛ¹³. Суд не отрицает, что доля умершего участника в уставном капитале общества признается принадлежащей наследникам, принявшим наследство, с момента открытия наследства. Однако все права и обязанности участника общества переходят к наследнику в момент государственной регистрации указанных изменений в ЕГРЮЛ. До этого момента состав участников общества является неопределенным.

С одной стороны, нельзя не согласиться с первой позицией, согласно которой права и обязанности участника общества переходят с момента открытия наследства, подтвержденной Президиумом ВАС. Но с другой стороны, если признать, что права и обязанности участника переходят к наследникам без каких-либо дополнительных процедур и условий с момента открытия наследства,

то в достаточно сложном положении оказываются общество и третьи лица в тех случаях, когда наследник неизвестен, не обращается в общество и т.д.

Существует мнение, что в вопросе перехода прав и обязанностей участника общества к наследнику нет оснований руководствоваться главой 64 ГК, а необходимо применять нормы корпоративного законодательства касательно приобретения статуса участника¹⁴. При этом суды не отрицают, что сама доля переходит на основании норм Гражданского права о наследовании с момента открытия наследства. В литературе можно встретить предложение для целей определения момента перехода прав к наследнику исходить из момента уведомления общества наследником с представлением свидетельства о праве на наследство¹⁵.

Прежняя редакция п. 6 ст. 21 Закона об ООО, согласно которой приобретатель доли (части доли) в уставном капитале общества осуществляет права и несет обязанности участника общества с момента уведомления общества о состоявшейся уступке, давала основание для такого вывода. Однако действующая редакция не связывает момент перехода прав участника с моментом уведомления общества.

Если исходить из логики применения норм корпоративного законодательства к вопросу приобретения наследником статуса участника, то необходимо обратиться к п. 12 ст. 21 Закона об ООО, в соответствии с которым доля в уставном капитале общества переходит к ее приобретателю:

а) с момента нотариального удостоверения сделки, направленной на отчуждение доли или части доли в уставном капитале общества;

б) либо в случаях, не требующих нотариального удостоверения, с момента внесения в ЕГРЮЛ соответствующих изменений на основании правоустанавливающих документов.

Соответственно за момент перехода прав и обязанностей общества необходимо принимать момент внесения сведений о новом участнике (участниках) в ЕГРЮЛ. С таким подходом согласна и Л.А. Новоселова, считая, что это создаст большую определенность в отношениях с третьими лицами¹⁶. Единственным минусом в данной ситуации является возможность ущемления прав наследников, поскольку регистрация указанных изменений в ЕГРЮЛ осуществляется на основании правоустанавливающего документа, которым является свидетельство о праве на наследство.

Однако момент выдачи свидетельства о праве на наследство может сильно расходиться по времени от момента открытия наследства (согласно п. 1 ст. 1163 ГК по общему правилу свидетельство о праве на наследство выдается наследникам по истечении шести месяцев со дня открытия наследства). Соответственно в течение этого срока наследник будет лишен возможности осуществлять права и обязанности участника общества на основании законно унаследованной доли. Полагаем, что для таких случаев законодателем предусмотрен институт доверительного управления наследственным имуществом. К тому же в судебной практике можно найти решения, согласно которым у наследника

сохраняется право обжалования решений общего собрания участников, если на момент его проведения наследство было открыто¹⁷.

Вторая ситуация, когда уставом общества предусмотрена необходимость получения согласия остальных участников общества на переход доли к наследникам умершего участника в соответствии с п. 8 ст. 21 Закона об ООО, также требует своего рассмотрения. Дискуссионным является вопрос, можно ли в уставе предусмотреть запрет на переход доли к наследникам умершего участника с последующей выплатой наследникам действительной стоимости доли. В данном случае речь, безусловно, идет о запрете перехода к наследникам прав и обязанностей участника общества. По мнению некоторых авторов, такой запрет неправомерен. Так, по мнению Н. Михеевой, устав не должен содержать положения о том, что доли в уставном капитале после смерти участника переходят к наследникам с последующей выплатой стоимости их доли в уставном капитале без права участия наследника в деятельности общества (если он не является его членом)¹⁸.

Н. Михеева пишет об этом как о правиле, подтвержденном судебной практикой, ссылаясь на Постановление ФАС Северо-Западного округа от 22.09.2005 г. № А13-6709/04-24²⁰. Однако, если разобрать данное Постановление, мы не найдем однозначного вывода суда о неправомерности включения в устав подобного условия. Суд кассационной инстанции высказал сомнения по поводу законности и обоснованности решения суда общей юрисдикции, отказавшего признать за наследниками их право на долю в уставном капитале общества на основании положения устава о запрете на переход доли к наследникам умершего участника. Он указал на то, что вопрос о праве истца на наследование доли (который исследовался судами первой и апелляционной инстанций) не является предметом рассмотрения в рамках заявленных исковых требований. Кроме того, свидетельство о праве на наследство, на котором основывал свои требования истец и в котором указывалось, что он, как наследник, имеет право на долю в уставном капитале соответствующего общества, не оспорено в установленном порядке. В результате в иске наследнику судом кассационной инстанции было отказано по причине того, что иск был предъявлен ненадлежащему ответчику (обществу, а не участникам общества), и вопрос о правомерности включения в устав условия о запрете на переход доли к наследникам так и не был решен.

В различных источниках можно встретить упоминания о возможности запрета в уставе перехода доли в порядке наследственного правопреемства, правда, без какого-либо обоснования²⁰. С такой позицией согласна Л.А. Новоселова, по мнению которой, учитывая положения п. 8 ст. 21 Закона, уставом общества переход прав и обязанностей участника к наследникам может быть исключен. Такое положение устава следует рассматривать как заранее выраженное несогласие участников на переход прав и обязанностей участника общества к

наследникам. Доля в таком случае будет считаться перешедшей к обществу с момента открытия наследства²¹.

Единственным препятствием к признанию позиции Л.А. Новоселовой стопроцентно верными являются положения ст. 23 Закона об ООО, которая регламентирует порядок приобретения обществом доли или части доли в уставном капитале общества. С одной стороны, можно рассматривать положения данной статьи как исчерпывающий перечень оснований, по которым доля может перейти к обществу, поскольку в соответствии с п. 1 указанной статьи общество не вправе приобретать доли или части долей в своем уставном капитале, за исключением случаев, предусмотренных Законом об ООО. В случае, если устав общества будет содержать условие, согласно которому переход доли к наследникам умершего участника не допускается, это будет означать, что доля автоматически переходит к обществу. Однако статья 23 не предусматривает такого основания приобретения доли обществом. Но вопрос о том, является ли перечень, содержащийся в данной статье, исчерпывающим, также является спорным. Так, в соответствии с пунктом 13 Постановления № 90/14²², в иных случаях в соответствии с п. 1 ст. 23 Закона общество не вправе приобретать доли в своем уставном капитале, и совершенные в таких случаях сделки купли-продажи являются ничтожными (ст. 168 ГК РФ). Таким образом, данная норма направлена в первую очередь на то, чтобы предотвратить заключение обществом несанкционированных сделок.

Закон об ООО предусматривает возможность выражения участниками несогласия на переход доли к наследникам. То есть законодатель допускает, что переход прав и обязанностей участника общества к наследникам может зависеть от воли остальных участников. Устав – это учредительный документ общества, принимаемый участниками соответствующего общества. Любые изменения в устав могут вноситься только по решению участников. Соответственно можно сделать вывод о том, что устав общества – это документ, регламентирующий деятельность общества в соответствии с требованиями законодательства и выражающий волю его участников. Представляется, что на основании вышеизложенного, включение обсуждаемого спорного условия в устав допустимо, если рассматривать его как заранее выраженное несогласие остальных участников общества. Такое решение позволило бы решить многие проблемы на практике, в значительной степени сократив период неопределенности в установлении состава участников, создающей затруднения для деятельности общества.

Чтобы данная позиция не вызывала сомнений, представляется целесообразным предусмотреть такую возможность в Законе об ООО по аналогии с положениями о возможности запрета продажи либо отчуждения иным образом доли или части доли в уставном капитале общества третьим лицам (абз. 2 п. 2 ст. 21 Закона об ООО).

Механизм получения согласия остальных участников общества на переход прав и обязанностей участника к наследникам является важным инструментом, поскольку до получения такого согласия наследниками не могут осуществляться права участника, связанные с управлением обществом. Если наследники к обществу не обращались, а устав требует получения согласия других участников на переход к ним прав и обязанностей, суды признают, что у наследников отсутствует право участвовать в деятельности общества, в том числе участвовать в общем собрании участников и оспаривать состоявшиеся решения общих собраний общества²³. Закон об ООО регламентирует общий порядок получения согласия остальных участников на переход доли или части доли в уставном капитале общества к третьему лицу. Как следует из п. 10 ст. 21 Закона об ООО, согласие считается полученным при условии, что в течение тридцати дней (или иного определенного уставом срока) со дня получения соответствующего обращения наследника в общество:

- всеми участниками общества представлены составленные в письменной форме заявления о согласии на переход;

- не представлены составленные в письменной форме заявления об отказе от дачи согласия на отчуждение или переход доли или части доли.

Соответствующие заявления от участников общества должны быть представлены в установленный срок в общество, а не лицу, обратившемуся с просьбой о даче согласия. Хотя в судебной практике можно найти ошибочные решения судов, основанные на том, что соответствующие документы должны быть направлены самому наследнику²⁴.

Интересной представляется вторая часть п. 10 ст. 21 Закона об ООО, в соответствии с которой участникам общества достаточно промолчать, и их молчание будет расценено как дача согласия на переход доли. Однако, как ни странно, данное утверждение можно признать ошибочным. Если обратиться к п. 5 ст. 23 Закона об ООО, то можно обнаружить, что, если согласие участников общества не получено, доля переходит к обществу в день, следующий за датой истечения срока, установленного Законом или уставом общества для получения такого согласия участников общества.

Получается, что если в течение тридцати дней участники не выразят своего письменного согласия, а промолчат, то это будет означать, что они выразили свое несогласие по поводу перехода доли. Таким образом, как отмечает С.Д. Могилевский, порядок получения согласия на переход доли участника общества к наследникам связан с активными действиями других участников. И согласие будет считаться полученным только при условии, что всеми участникам общества в течение установленного срока со дня обращения наследника в общество представлены составленные в письменной форме заявления о согласии на переход доли²⁵.

Если согласие получено, возникает вопрос о моменте перехода прав и обязанностей участника общества к наследникам. Первый подход

к решению данного вопроса заключается том, что права и обязанности участника переходят к наследникам с момента, который считается моментом получения согласия остальных участников общества на такой переход. Данный подход косвенно подтверждается п. 16 ст. 21 Закона об ООО, согласно которому в течение трех дней с момента получения согласия участников общества на переход доли к наследникам общество и орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, должны быть извещены о переходе доли или части доли в уставном капитале общества. Им должны быть направлены заявления о внесении соответствующих изменений в ЕГРЮЛ наследником или, до принятия наследства, исполнителем завещания либо нотариусом с приложением документа, подтверждающего основание для перехода прав и обязанностей в порядке правопреемства. Такой вывод позволяет сделать используемый законодателем термин «извещение», который говорит о том, что регистрация соответствующих изменений в ЕГРЮЛ не является фиксацией самого факта перехода. Однако, как отмечает Л.А. Новоселова, приведенный аргумент сомнителен, поскольку Закон об ООО не отличается выверенностью терминологии, особенно в части регулирования перехода доли²⁶.

Представляется, что в данном случае целесообразно исходить из положений п. 12 ст. 21 Закона об ООО, в соответствии с которым доля в уставном капитале общества переходит к ее приобретателю с момента:

- нотариального удостоверения сделки, направленной на отчуждение доли;

- либо в случаях, не требующих нотариального удостоверения, с момента внесения в ЕГРЮЛ соответствующих изменений на основании правоустанавливающих документов.

Таким образом, как и в ситуации, когда на переход прав и обязанностей участника общества к наследникам согласия остальных участников не требуется, момент перехода прав и обязанностей целесообразно связывать с моментом регистрации изменений в ЕГРЮЛ. Только в случае, когда согласие необходимо, момент, когда факт перехода прав и обязанностей участника общества к наследнику должен быть зарегистрирован в установленном порядке, определен – в течение трех рабочих дней с момента получения согласия остальных участников общества (п. 16 ст. 21 Закона об ООО).

Remizova A. V. The Moment of Transfer of a Share in a Share Capital of a Limited Liability Company in the Order of Hereditary Succession.

Summary: This article analyzes established procedure of inheritance of a share in a share capital of a limited liability company, detection of the problem differences between the moment of transfer of a share in a share capital of a limited liability company to the heirs of a deceased participant from the moment of transfer of rights and duties of a participant to the heirs.

Ключевые слова

Доля в уставном капитале, наследственное правопреемство, статус участника.

Keywords

Share in a share capital, hereditary succession, status of the participant.

Примечания

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 05.06.2012) // СПС «Консультант Плюс»
2. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 06.12.2011) // СПС «Консультант Плюс».
3. Федченко С.И. Переход доли участника общества с ограниченной ответственностью к правопреемникам (наследникам) // Российский налоговый курьер. 2010. № 5.
4. См. п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».
5. Новоселова Л.А. Наследование доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. 2010. № 11. С. 28.
6. Калининченко Т.Г. Правовая природа нотариальных процедур: теоретический аспект // Нотариальный вестник. 2009. № 6. С. 12. Гонгало Б.М. и др. Нотариат и нотариальная деятельность: Учеб. пособие для курсов повышения квалификации нотариусов. М., 2009. Эйденова Э.Б. Наследование по закону и завещанию. Выдержки из книги // Бюллетень нотариальной практики. 2010. № 6. С. 32 – 44; 2011. № 1. С. 32 – 47; 2011. № 2. С. 28 – 47. Михалева Т.Н. Как правильно вступить в наследство: практические рекомендации юриста. М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2008. 224 с.. Новоселова Л.А. Указ. соч. С. 27.
7. Новоселова Л.А. Указ. соч. С. 28.
8. См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 20.12.2011 № 10107/11 по делу № А12-8057/2010; Постановление ФАС Центрального округа от 18 марта 2010 г. № Ф10-626/10 по делу № А54-1546/2009-С11. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 06.10.2010 по делу № А41-11722/10; Постановление ФАС Поволжского округа от 22.10.2007 по делу № А12-4129/07 // СПС «Консультант Плюс».
9. Новоселова Л.А. Указ. соч. С. 28, 32.
10. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 12.08.2011 по делу № А78-2170/2010 и др.
11. Постановление Президиума ВАС РФ от 20.12.2011 № 10107/11 по делу № А12-8057/2010.
12. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 30.09.2010 по делу № А66-13018/2009 // СПС «Консультант Плюс».
13. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 18.11.2010 по делу № А39-765/2010. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 30.08.2011 № Ф03-3646/2011 по делу № А59-2658/2010 // СПС «Консультант Плюс».
14. См. например: Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 01.10.2010 по делу № А39-798/2010 // СПС «Консультант Плюс».
15. Юшков Е. Наследование долей в ООО // «ЭЖ-Юрист». 2006. № 28.
16. Новоселова Л.А. Указ. соч. С. 33.
17. Постановление ФАС Московского округа от 28.02.2010 № КГ-А40/404-11П.2 по делу № А40-44027/08-81-431 // СПС «Консультант Плюс».
18. Михеева Н. Переход к наследникам доли в уставном капитале ООО: спорные вопросы теории и практики. // Хозяйство и право. 2008. № 4. С. 83.
19. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 22.09.2005 № А13-6709/04-24 // СПС «Консультант Плюс».
20. Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Н.Н. Агафонова, С.В. Артеменков, В.В. Безбах и др.; под ред. В.П. Мозолина, М.Н. Малеиной. М.: НОРМА, 2004. 848 с.
21. Новоселова Л.А. Указ. соч. С. 32.
22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 09.12.1999 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС «Консультант Плюс».
23. Определение ВАС РФ от 16.07.2010 № 9510/10 по делу № А40-13211/09-138-125. Постановление ФАС Поволжского округа от 03.02.2009 по делу № А55-5346/2008 // СПС «Консультант Плюс».
24. Постановление ФАС Уральского округа от 02.11.2009 года № Ф09-8417/09-С4 по делу № А60-11480/2009-С12 // СПС «Консультант Плюс».
25. Могилевский С. Новеллы законодательства об обществах с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. 2009. № 9. Приложение № 9. С. 42.
26. Новоселова Л.А. Указ. соч. С. 33.

Заслуженный деятель науки РСФСР, профессор С.Б. Крылов

(1888 –1958 гг.)

А.А. Ахтамзян

Сергей Борисович Крылов родился 1 января (н.ст.) 1888 г. в Петербурге, в семье военнослужащего, который после Русско-японской войны 1905 г. вышел в отставку. Родители, как отмечал Сергей Борисович в автобиографии, земли и капитала не имели. Гимназию он окончил с отличием в 1905 г., получив золотую медаль, и поступил на юридический факультет Петербургского университета, по окончании которого в 1910 г. получил диплом первой степени. Он был оставлен в университете «для подготовки к профессорскому званию».

Некоторое время он числился в Министерстве юстиции России и в канцелярии Государственной Думы. Первая мировая война прервала мирную жизнь страны. Молодой юрист был призван в действующую армию в качестве штабс-капитана. Три года на фронте, ранение в 1916 г. После увольнения из армии стал преподавателем Петроградского университета, где с 1922 по 1941 г. прошел все ступени педагогической деятельности: от ассистента до профессора. Ученая степень доктора юридических наук и ученое звание профессора присвоены Высшей аттестационной комиссией в мае 1939 г., когда он был в возрасте старше 50 лет.

Ахтамзян Абдулхан Абдурахманович – д.и.н., почетный профессор МГИМО, выпускник 1954 г.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

Вторая мировая война и начавшаяся Великая Отечественная война вновь прервали мирную жизнь народа, жизнь целого поколения. После эвакуации из блокадного Ленинграда профессор С.Б. Крылов принят на работу в Наркоминдел СССР в качестве эксперта – консультанта правового отдела ведомства, ему был присвоен дипломатический ранг советника 2-го класса. К этой работе он был подготовлен не только жизненным опытом, но и всей своей научно-педагогической работой в межвоенное время.

Первые научные публикации в форме статей имели место еще в начале 20-х гг., в частности в «Энциклопедическом словаре Граната». В 1923–1924 гг. публикует в журнале «Советское право» свои статьи по актуальным для страны проблемам международного права, консультанского права, по вопросам самоопределения и равноправия наций и экстерриториального действия норм международного права. Профессор университета, естественно, интересуется вкладом Гуго Гроция в развитие международного права и публикует очерк о нем в том же журнале. Неслучайно в первых фольклорных песнях студентов ИМО был воспет этот голландский «коллега»

Еще в межвоенное время С.Б. Крылов опубликовал сотни статей по актуальным вопросам международного публичного и частного права. Первые обобщающие работы, монографии и учебные пособия сложились к концу 20 – началу 30-х гг. В 1928 г. вышла работа «Бюджетное право», а в 1930 г. – «Международное частное право». Исследования и публикации С.Б. Крылова в предвоенные годы посвящены актуальным проблемам международного сотрудничества государств: нормам радиовещания и воздухоплавания, внешне-экономическим и культурным связям между странами. В соавторстве с И.С. Перетерским и В.Н. Дурденевским он создает первые в стране учебники и учебные пособия для юристов, имевшие практическое значение: «Международное частное право» (1940 г.) и «Международное право» (1947 г.)

Деятельность С.Б. Крылова в НКВД (МИД) СССР в годы войны и в послевоенное время было весьма эффективной и полезной для подготовки мирного послевоенного урегулирования, особенно для создания всемирной организации обеспечения мира и международной безопасности. Он принял участие в качестве эксперта советской делегации на переговорах в Думбартон-Оксе (США) в 1944 г. На этой конференции разрабатывался основной документ международной организации безопасности, которую решено было создать еще на Московской конференции министров иностранных дел в 1945 г. Советским послом в Вашингтоне в это время был А.А. Громыко, под руководством которого работали эксперты. С.Б. Крылов был одним из составителей Устава

ООН. В 1945 г., после Ялтинской конференции, где главы правительств держав антифашистской коалиции приняли принципиальные решения по структуре и полномочиям органов ООН, С.Б. Крылов принял участие в переговорах в Вашингтоне и на конференции в Сан-Франциско.

После войны в 1949 г., он опубликовал «Материалы к истории ООН», которые были первой публикацией по истории Организации Объединенных Наций. Позже они были вновь изданы в нашей стране и хорошо известны в других странах мира. В 1960 г. вышла книга под названием «История создания ООН». Позже документы конференции в Думбартон-Оксе (21 августа–28 сентября 1944 г.) были опубликованы в многотомном официальном издании в серии «Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Работа С.Б. Крылова в годы войны была отмечена в 1945 г. государственной наградой – орденом Трудового Красного Знамени, а также присвоением дипломатического ранга – Чрезвычайного и Полномочного Посланника.

В феврале 1946 г. С.Б. Крылов был избран от СССР членом Международного суда ООН и оставался в этом качестве до 1952 г. Свой опыт работы в Международном суде в Гааге ученый обобщил в монографии «Международный суд ООН» (1957 г.). В конце военного времени он вернулся на научно-педагогическое поприще в качестве заведующего кафедрой международного права на факультете международных отношений в МГУ, а с октября 1944 г. – Московского государственного института международных отношений. Богатый опыт научной и практической деятельности ученый стал успешно обобщать и передавать новому поколению специалистов-международников.

Профессор С.Б. Крылов работал в МГИМО МИД СССР вплоть до кончины в 1958 г. Здесь общественность отметила его 70-летие выпуском брошюры с кратким очерком его творческой биографии и довольно полной библиографией его трудов. Лекции профессора оставили глубокие впечатления у будущих международников. Это были исследовательские опыты – глубокие по содержанию и яркие по форме. Его лекции слушали студенты не только международно-правового факультета, но и историко-международного. Блестящий оратор, он излагал свою концепцию международного права в популярной, доходчивой форме, сопровождая рассказ примерами из дипломатической практики, шутками и личными дипломатическими анекдотами в подкрепление серьезных государственных документов. Единственно верным источником норм международного права он считал межгосударственные договоры и соглашения, но не волевые решения какой-либо державы. При этом молодые специалисты ориентирова-

ны были на соблюдение жизненных интересов своей страны. Вот жизненные примеры того, какое влияние оказал ученый на будущих специалистов-международников.

Выпускник МГИМО 1948 г. (первого международного выпуска вуза), ставший крупным знатоком мировой экономики и международных экономических отношений и работавшим некоторое время в ИМО, позже вспоминал: «Крылов был одним из лучших лекторов, которого мне когда-либо приходилось слышать». Другой студент того времени, Леонид Розанов, свидетельствовал: «Лекции С.Б. Крылова сопровождалась взрывами хохота всего зала и заканчивались под бурные аплодисменты».

В характеристике, подписанной директором МГИМО МИД СССР Г.П. Францевым и представленной в Президиум Верховного Совета РСФСР в декабре 1947 г. в связи с присвоением почетного звания заслуженного деятеля науки, была дана емкая оценка его многолетней научной деятельности: «Сергей Борисович пользуется широкой известностью среди ученых юристов и студентов юридических вузов СССР как выдающийся педагог и крупнейший ученый в области международного права».

Ученый сочетал научную работу с общественной активностью. В довоенные годы он

участвовал в работе профсоюза работников высшей школы и исследовательских учреждений, в 1939 г. был избран депутатом Ленсовета. В партию ученый вступил в 1946 г., когда ему было 58 лет.

По версии, сложившейся в коллективе МГИМО, доцент кафедры государственного права Борис Сергеевич Крылов был сыном профессора Сергея Борисовича, внук Сергей Борисович Крылов учился в МГИМО и стал известным профессиональным дипломатом, в 90-х гг. XX в. был послом России в ФРГ и заместителем министра иностранных дел.

Сергей Борисович Крылов обладал поистине энциклопедическими знаниями и был автором многочисленных, по крайней мере пяти десятков, статей в Большой Советской Энциклопедии, Дипломатическом словаре и в Юридическом словаре. Под его руководством подготовили и защитили кандидатские и докторские диссертации многочисленные аспиранты, соискатели, практические работники. Многие из них стали известными специалистами, учеными и дипломатами.

Ahtamzian A.A. Honored Worker of a Science of RSFSR, Professor S.B. Krylov. (1888-1958).

Академик Николай Николаевич Иноземцев в скупых строках биографии

М.М. Максимова

Николай Иноземцев родился 4 апреля 1921 г. в Москве, в семье представителей московской интеллигенции. Мать Иноземцева Маргарита Сергеевна – член Российского союза художников, ученица известных русских художников Нестерова и Коровина, ее картины выставлялись в Москве и Париже. Отец, Иноземцев Николай Николаевич, окончил Императорское Коммерческое училище, в советское время работал служащим в различных наркоматах, был видным специалистом по народному хозяйству страны.

Родители Николая Иноземцева передали сыну любовь к своему Отечеству и его богатейшей истории. От отца он унаследовал собранность, высокую степень организованности и ответственности за порученное дело. От матери – любовь ко всему прекрасному: поэзии, искусству, театру.

Н.Иноземцев окончил в 1939 г. среднюю школу № 93 (Москва) с отличием. В том же году поступил в Московский энергетический институт и вскоре был призван в армию. Два года служил в конной артиллерии младшим командиром в районе Западной Украины, участвовал в «румынском походе» по освобождению Северной Буковины.

Максимова Маргарита Михайловна – д.э.н., профессор ИМЭМО РАН, заслуженный деятель науки.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

С 1941 по 1945 г. участвовал в Великой Отечественной войне. В начале войны, летом 1941 г. при отступлении наших войск на Украине едва не погиб, переплывая Днепр под сильнейшим огнем противника. Прошел войну «от звонка до звонка» (Южный, Брянский, 1-й и 2-й Прибалтийские, Ленинградский, 2-й и 3-й Белорусские фронты).

Служил сержантом, ст. сержантом, старшиной-разведчиком в тяжелой ракетной артиллерии. Окончил войну в г. Штеттине, в Восточной Германии. Сразу же после первого Дня Победы вместе со своей воинской частью был направлен в Берлин, где оказался свидетелем последствий штурма советскими войсками главного центра и оплота гитлеровского фашизма. За участие в ВОВ Н.Н. Иноземцев был награжден двумя орденами Красной Звезды, орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени и медалями.

В течение всей службы в Красной армии, включая почти четыре года участия в Великой Отечественной войне, молодой Иноземцев вел дневник, в котором изложил свое видение и оценку происходивших в мире в 40-х гг. прошлого столетия событий, масштабы трагедии и триумфа страны и ее великого народа. В дневнике даны портреты его близких друзей-однополчан и тех, по вине которых погибли его товарищи по оружию. Вести дневники на фронте строго запрещалось законом¹. Но все свои записи он сумел передать во время войны маме, Маргарите Сергеевне, которая их сохранила. Военный дневник впервые увидел свет в 1995 г., спустя полвека после войны и 13 лет после ухода автора из жизни².

После завершения службы в армии осенью 1945 г. Николай Иноземцев поступает в Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД СССР, который заканчивает по специальности «история международных отношений» на год раньше установленного срока. Все четыре года учится только на отлично. Он штудирует не только обязательную в те годы марксистскую литературу, но и книги отечественных и западных авторов по новой и новейшей истории, философии, внешней политике, международным отношениям. Его знания внешней и мировой политики высоко оцениваются экзаменационной комиссией и, он единогласно получает рекомендацию в аспирантуру при кафедре истории международных отношений и внешней политики СССР МГИМО.

Все годы учебы Николай Иноземцев избирался комсоргом и председателем Студенческого совета Института, был главным редактором студенческого журнала МГИМО, где публиковались статьи будущих советских дипломатов. По воспоминаниям однокурсников, Николай в те годы не расставался с гимнастеркой, всегда был подтянут и собран. У него было умное, энергичное, красивое лицо, черные, гладко зачесанные назад волосы, уверенная походка. Круглый отличник, блестящий оратор, активный общественник. Его

товарищи по МГИМО удивлялись огромной работоспособности Николая и его неистребимой жажде к знаниям.

Прежде чем выбрать тему диплома и диссертации, Николай увлеченно работал с архивными материалами по истории царствования Павла I. Он упорно осваивает английский, восстанавливает немецкий, берется за французский, успевает участвовать в научных конференциях и семинарах. По ночам выступает по радио на английском языке с обзорами международной политики.

В 1953 г., по окончании аспирантуры, Николаю Иноземцеву присуждается ученая степень кандидата исторических наук за диссертацию «Американский империализм и германский вопрос». Впервые в советской научной литературе дается развернутый анализ особенностей социально-экономической и политической системы в США, сложившейся в первые годы после окончания Второй мировой войны, их внешней политики в отношении послевоенной Германии. Диссертация опубликована в книге с тем же названием, переведена на иностранные языки, издавалась во многих странах мира.

Пять лет, с 1952 по 1957 г., Николай Николаевич Иноземцев работал старшим преподавателем МГИМО и одновременно был консультантом международного отдела редакции журнала ЦК КПСС «Коммунист» – главного печатного органа партии. В 1954 г. он был утвержден в звании доцента по кафедре истории международных отношений и внешней политики СССР МГИМО МИД Советского Союза.

Продолжая работать в МГИМО, Н. Иноземцев был командирован в 1955–1957 гг. в Пекинский дипломатический институт КНР в качестве преподавателя и советника. Им были прочитаны циклы лекций: «Внутренняя и внешняя политика США в эпоху империализма», «Германская проблема после второй мировой войны», «Новейшая история стран Запада (Вторая мировая война и послевоенный период)». Государственным советом КНР он был награжден медалью «За китайско-советскую дружбу». Продолжал сотрудничать с Пекинским дипломатическим институтом и в последующие годы.

12 лет, проведенные в МГИМО, сам Н.Н. Иноземцев высоко ценил. И не только за полученные в эти годы обширные и прочные знания в области внешней политики и международных отношений, но и за возможность широкого общения и обмена мнениями с выдающимися отечественными учеными – академиками Тарле, Францевым, Любимовым, Минцем и другими. Н.Н. Иноземцев, даже перейдя на новую работу сохранил тесные научные связи и контакты с МГИМО и его коллективом.

Самый плодотворный период жизни Н. Иноземцева был связан с Институтом мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР, где он в 1957–1959 гг. заведовал сектором, затем работал в должности

■ Золотой фонд МГИМО

заместителя директора, а начиная с 1966 г. и до последних дней жизни возглавлял этот Институт. Продолжая традиции прежних руководителей ИМЭМО – Е. Варги и А. Арзуманяна, он направлял деятельность Института на исследование наиболее актуальных проблем мирового экономического и политического развития. Были развернуты принципиально новые направления научных разработок, в их числе — анализ научно-технической революции и ее социально-экономических последствий, глобальных проблем, прогнозы развития мировой капиталистической экономики, экономические и политические основы мирного сосуществования двух систем и др.

К исследованиям военной проблематики Иноземцев привлек большую группу молодых ученых и наряду с ними – военных специалистов, бывших генералов, адмиралов, разведчиков. Их усилиями был не только сделан сравнительный анализ военно-промышленных комплексов (ВПК) СССР, США и НАТО, но и предложен ряд альтернатив разорительной для нашей страны гонки вооружений, разработаны подходы борьбы с американской доктриной мирового господства.

Значительное место в его собственных и руководимых им работах занимал также анализ роли государства в современной капиталистической экономике. Отдельное направление работ Института было связано с процессами экономической интеграции, обоснованием их объективного характера, перспектив и пределов интеграционного развития. По инициативе Н.Н. Иноземцева началось изучение глобальных мировых проблем, столь актуальных и в настоящее время. Николая Николаевича глубоко беспокоило состояние советской экономики, хронически низкий уровень ее эффективности, нарастающее отставание от капиталистических стран.

К числу достижений Н.Н. Иноземцева заслуженно относят и то, что он стал первым из советских ученых, поставившим вопрос о признании в Советском Союзе политологии как науки и практически обосновал это научное направление. Благодаря его усилиям ИМЭМО стал в конце 1960-х и в 1970-х гг. центром политологии в нашей стране. Новаторство в общественных науках, разработка принципиально новых направлений в исследованиях экономики и мировой политики, талант ученого-организатора были высоко оценены научным сообществом. В 1964 г. в возрасте 43 лет Н.Н. Иноземцев был избран членом-корреспондентом, а еще через

четыре года – действительным членом (академиком) АН СССР.

Николай Николаевич продвигал в науке и практике новые идеи и концепции, прежде всего в области международной разрядки, глобальных проблем, научно-технического прогресса в мире и в СССР, работая в группе советников Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева (получила название «группы Иноземцева»), являясь членом ЦК, депутатом Верховного Совета СССР. Вместе с другими учеными-реформаторами, прогрессивно мыслящими партийными и хозяйственными руководителями стремился убедить руководство страны в необходимости отказаться от догматизма, перейти на более гибкие методы управления экономикой, развивать сотрудничество между Востоком и Западом. Часть прогрессивных идей группы была реализована в докладах Генерального секретаря, материалах пленумов ЦК, в международной политике и дипломатии, когда в первой половине 1970-х гг. был взят курс на «разрядку» («детант») в отношениях СССР с США и другими западными странами.

То, за что боролся Н.Н. Иноземцев, часто не находило понимания в партийно-бюрократических верхах. В этом плане он был «неудобен» руководителям высшего ранга, в особенности блюстителям «идеологической чистоты», курировавших общественные науки. Тоталитарная система всегда отторгала неудобных. В начале 1980-х гг. против Института и лично Н.Н. Иноземцева была развернута настоящая травля. Развязка наступила очень скоро. Представители партократии точно рассчитали, куда бить, и его больное сердце не выдержало. Николай Иноземцев, дважды лауреат Ленинской премии, кавалер многих государственных наград, полученных как за военные подвиги, так и за вклад в развитие нашей науки, скоропостижно скончался в 1982 г.

Результаты усилий Николая Николаевича дать новое видение мировых процессов раскроются позже, когда его уже не станет. Проведенные им и его соратниками научные исследования тех лет помогли обществу смотреть на происходившее в стране и в мире с позиций реализма и здравого смысла, стали благотворной почвой для будущих перемен. Его признание – как мыслителя, ученого, политика – отмечено в воспоминаниях известных государственных деятелей, ученых нашей страны и зарубежных государств³.

Maximova M.M. Academician Nikolai Inozemtsev in Tight Lines Biography.

Примечания

1. Контроль за советскими военными служащими резко ужесточился с образованием СМЕРШ («Смерть шпионам») – военной противотеррористической разведки, созданной приказом И.В. Сталина от 19 апреля 1943 г. В ее задачу входил сбор агентурных донесений о политических настроениях в войсках. Согласно приказу, шпионы и диверсанты уничтожались на месте.
2. См.: Николай Иноземцев. Цена победы в той самой войне. М.: Наука. 1995; Николай Иноземцев. Фронтовой дневник. сост. и отв. ред. М.М. Максимова. 2-ое изд. доп. и перераб. М.: Наука. 2005.
3. См.: Николай Иноземцев: личность и время. Воспоминания. Изд-во Экономистъ, М.: 2004.

Протопопов А.С. – ветеран войны, выпускник МГИМО 1950 г.

А.А. Ахтамзян

Доктор исторических наук, заслуженный профессор Российского Университета дружбы народов Анатолий Сергеевич Протопопов отмечает свое 90-летие. Он заслужил глубокое уважение, можно сказать почтение, не только за достижение почтенного возраста, но и за достойно прожитую жизнь. Мужчин и женщин этого поколения мы по праву считаем мужественным, героическим поколением нашего народа. Достаточно сказать, что из ста ушедших на фронт молодых воинов (1922–1925 гг.) вернулись домой только пять. На фронт уходили в 1941 г. семнадцатилетние парни, прямо со школьной скамьи.

Анатолий Протопопов окончил 10 классов средней школы в Москве летом 1940 г. и был призван в Красную армию, зачислен в моторизованный корпус и успел к весне 1941 г. пройти первичную боевую подготовку в воинской части, расположенной в районе Пскова. Здесь 22 июня красноармейцы были подняты по тревоге в пять часов утра. Командиры по-военному кратко пояснили: Война! Войска направили, видимо по предписанию, к Ленинграду, однако на марше развернули колонну строго на запад к линии фронта против наступавших фашистских армий. Так с первых дней Отечественной войны молодой воин кадровой армии оказался на фронте. Известно от военных историков, что кадровая армия страны погибла в ожесточенных сражениях в первые месяцы войны. Способность руководителей страны в короткий срок мобилизовать резервы и создать боеспособную армию даже противники вынуждены были признать русским чудом.

На фронте Анатолий Протопопов получил тяжелую контузию и некоторое время был на излечении в тылу. Однако вернулся в строй, точнее, в танковые войска, и был демобилизован из армии только в июле 1945 г. Не успев сменить военную форму на гражданскую одежду, демобилизованный старший сержант пришел в

Ахтамзян Абдулхан Абдурахманович – д.и.н., почетный профессор МГИМО, выпускник 1954 г.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Золотой фонд МГИМО

старый дом у Крымского моста, чтобы получить образование в Институте международных отношений. В то время аудитории МГИМО заполняли вернувшиеся с войны молодые люди, которые обрели жизненный опыт на войне. Они должны были стать профессиональными международниками, чтобы служить стране, принять участие в послевоенном мирном урегулировании, в обеспечении условий мирной жизни, создать условия для предотвращения новых войн. Для такой работы нужно было овладеть знанием не только истории международных отношений, знанием мирных договоров и соглашений, но и знанием жизни народов других стран и народов.

Для этого необходимо было овладеть иностранными языками, чтобы познать культуру других народов, изучать интересы и образ жизни других народов. В первые годы существования МГИМО студентов обучали французскому, английскому, немецкому и испанскому языкам. Языком дипломатов считался французский язык, однако все большей становилась потребность в кадрах, знающих английский язык. С годами расширялся круг изучаемых стран, их истории, культуры. За прошедшие десятилетия количество иностранных языков, изучаемых в альма-матер, превысило 50 иностранных языков. Книга рекордов Гиннесса недавно отметила этот факт.

Анатолий Протопопов выбрал французский язык и соответствующую специализацию по стране. Он хорошо усвоил знания, которые давали первые профессора МГИМО, а именно Е.В.Тарле, В.Н.Дурденевский, С.Б.Крылов, А.Л. Нарочницкий, А.А.Губер. Об этом профессор А. Протопопов с благодарностью вспоминает и сегодня. Именно от них он получил знания и склонность к научному подходу к истории и нормам международного общения. Тепло вспоминает он и о студенческой дружбе, особенно в среде бывших фронтовиков. Солидарность выпускников МГИМО стала традицией для последующих поколений. Склонность А. Протопопова ценить не только профессиональную солидарность, но и дружбу людей разного национального и социального происхождения я

знаю по опыту личного общения с ним на протяжении десятилетий. Научные исследования и публикации профессора А.С. Протопопова – это тема отдельного разговора. Его монографии по истории международных отношений, истории Второй мировой войны, создания и деятельности ООН, а также по истории Италии сохраняют свою научную ценность и служат делу образования в высшей школе, потому что они созданы добросовестным исследователем.

Особенно ценным для меня стало общение с Анатолием Сергеевичем как с участником Великой Отечественной войны и историком, знающим историю Второй мировой войны по собственному опыту, в последние два десятилетия. Когда некоторые публицисты и перебежчики с видом знатоков искажают историю войны, идут не только на игнорирование фактов и документов, но и на грубую фальсификацию. На научных конференциях в Российском Университете дружбы народов А.С. Протопопов выступал с докладами по тематике Второй мировой войны, отстаивая принципиальную позицию ученых в отношении фальсификаторов истории. Это получило отражение в ряде его публикаций по истории международных отношений.

Во время наших совместных поездок в Берлин в последние годы мне приходилось на деле убедиться в том, что Анатолий Сергеевич – убежденный интернационалист и патриот. Он много сделал для увековечения памяти наших соотечественников, павших в борьбе против германского фашизма. В Берлине мы совместно с другими ветеранами добились размещения в Мемориале Сопротивления нацизму памятной плиты с именами участников антифашистской группы, известной как группа Мусы Джалиля, а также стенда в мемориале в Плетцензее, где нацисты казнили на гильотине наших соотечественников.

Глубокую благодарность испытываю я к старшему товарищу за участие в этой патриотической акции.

Akhtamzyan A.A. Protopopov Anatoly Sergeyevich – the Veteran of War, the Graduate of MGIMO of 1950.

Время и люди в моей судьбе

А.С. Протопопов

Родился я 27 июля 1922 г. в поселке Боровое, которое позднее стало курортом, Кокчетавского района Кокчетавской области Казахской Республики. Считаю себя счастливым человеком в том отношении, что мне повезло родиться, жить и учиться в великой стране, название которой Советский Союз. Мне довелось работать среди умных, добрых, порядочных и преданных своему делу и стране людей. Хотя за десятки лет встречались и такие, к счастью, их были единицы, о которых не хотелось бы вспоминать. Счастлив и тем, что любил и люблю свою работу, что верил и верю в то, что делал, чем занимался и делаю сейчас.

Родители мои были исключительно добрыми, умными, трудолюбивыми и очень порядочными людьми. Отец Сергей Петрович учился в Киевском экономическом институте. В 1921 г. он был командиром автоотряда в Казахстане. Мать Ольга Дмитриевна окончила женскую гимназию и вместе с отцом уехала в Казахстан. Они не были коммунистами, но приняли новую власть с пониманием и всю свою жизнь честно трудились. Их многочисленные друзья были скромными, очень добрыми людьми и настоящими товарищами. С детских лет у меня остались о них самые радостные и теплые воспоминания.

В 1923 г. родители переехали в Москву, где и жили всю оставшуюся жизнь. К сожалению, оба они рано умерли: папа в 1950 г., а мама в 1953 г. В 1930 г. я поступил в среднюю школу. Тогда она была под № 22 и находилась на углу улиц Палихи и Тихвинской. Позднее школа была переведена в

новое, только что построенное четырехэтажное здание в Тихвинском переулке и стала 208-й. Эту школу я и окончил в 1940 г.

С первого класса до последнего основной костяк учащихся сохранялся одним и тем же. В те годы жили компактно, переезды были редкими. Класс наш был очень дружный. Хотя со дня окончания школы прошло уже более 70 лет, мы ежегодно встречались. К сожалению, с каждым годом нас становится, по понятным причинам, все меньше и меньше. Хорошие товарищеские отношения у меня были со всеми, однако больше всего я дружил с Сережей Бенке, который, по существу, стал моим братом. Дружба наша сблизила и наших родителей. В 1999 г. на 78-м году жизни страшная болезнь вырвала Сережу из наших рядов.

С большой теплотой вспоминаю школьных учителей. Наш классный руководитель – Елена Сергеевна Зыкова – была не только хорошим педагогом, но и прекрасным человеком. Она стала для всех своих учеников добрым другом. Не дожив одного года до своего 90-летия, она, к сожалению, умерла. В школе наш класс занимал одно из первых мест не только по учебе, но и по общественной работе. Мы выпускали одну из лучших стенных газет. Как и большинство своих сверстников, в 1938 г. я вступил в комсомол.

Сложилось в памяти, что предвоенные годы были весьма тревожными. Осенью 1938 г., когда были подписаны Мюнхенские соглашения, в мире запахло приближающейся войной. В 1940 г. после окончания школы вместе с другими ребятами

тами я был призван в Красную армию. Служил в 5-м отдельном мотоциклетном полку 1-го механизированного корпуса. Наш взвод был сформирован из ребят, окончивших среднюю школу в 1939 и в 1940 гг., а также из лиц со средним и высшим образованием, имевших отсрочку от призыва. Все они представляли широкую географию нашей страны и были выходцами из различных социальных слоев советского общества.

К армейской жизни привыкали трудно. Но шаг за шагом, день за днем мы становились солдатами. 22 июня 1941 г. наш полк стоял в лагерях под городом Псковом. В этот памятный день я должен был заступить дежурным по штабу полка. Смена проходила во второй половине дня. Однако меня разбудили в 5-м часу утра. Подбегая к штабу, я увидел машину командира корпуса, а дежурный, которого я должен был сменить, успел шепнуть страшное слово: «Война!». Днем полк ушел в Канда拉克шу, куда ранее ушли другие части корпуса. Мы уже двигались по дороге на Ленинград. В ночь на 24 июня нас срочно повернули обратно на юго-запад и 26 или 27 июня мы вступили в бои. Так начались суровые дни Великой Отечественной войны.

Несмотря на отступление и связанные с этим трудности, мы все верили в окончательную победу. Старшие по возрасту говорили: «Будем отступать, будем упираться, все равно дальше Волги не пойдем. От нее повернем обратно». Эти слова оказались пророческими, и я их вспомнил в 1943 г., когда окончилась Великая Сталинградская битва. В годы войны мне опять довелось побывать в Казахстане, где я лежал в госпитале после контузии. Затем вновь испытания, трудности и тяжелые годы. Великую Победу в мае 1945 г. я встретил в запасном учебном танковом полку. В июне этого года многих солдат со средним и высшим образованием стали демобилизовывать. В их число попал и я. В июле 1945 г. я сменил красноармейскую книжку старшего сержанта на гражданский паспорт. Что касается одежды, то я еще долго ходил в военной форме.

В сентябре 1945 г. я был принят на 1-й курс Московского государственного института международных отношений МИД СССР. Это был 3-й по счету и 1-й послевоенный набор студентов. Весь курс состоял как бы из двух частей: демобилизованных из Красной армии уже совсем взрослых, прошедших войну людей и, юнцов, только что окончивших 10-й класс. На нашем курсе были одни ребята. Отношения среди студентов были исключительно дружеские. Все мы, отслужив не один год в армии, соскучившись по учебе, занимались с огромным желанием, и я бы сказал, с какой-то самоотверженностью. Если в школьные годы перед войной мы иногда ленились и нередко нас называли шалунами, то теперь нас невозможно было оторвать от книг. У меня лично сложились очень хорошие и теплые отношения с товарищами по курсу, среди которых я бы назвал Колю Алещенко, Колю Ковальского, Колю Симонова, Диму Ермоленко,

Юру Рахманинова, Колю Иноземцова, Гришу Кислова, Ивана Макеевича. Дружеские отношения у меня сложились со студентами 1-го набора, которые в 1945 г. были уже на 3-м курсе. Среди них мне хотелось бы упомянуть Лешу Попова, Володю Виноградова, Колю Микешина, Валю Зорина, Гришу Морозова, Колю Сидорова, Юру Павлова, Володю Руднева. Из студентов других курсов мне хотелось бы упомянуть Колю Панкова, Володю Сергеева.

В те годы в МГИМО работали ведущие ученые нашей страны, многие из которых были известны не только у нас, но и за ее пределами: Б.А. Рыбаков, Е.В. Тарле, В.М. Дурденевский, С.Б. Крылов, Витвер, Баранский, А.А. Губер, А.Л. Нарочницкий и многие другие. У студентов старшего поколения сложились теплые дружеские отношения со многими преподавателями. У меня очень хорошие отношения были с профессором А.А. Губером, доцентами Г.В. Жиликовым, А.Д. Никоновым. До последнего, пятого курса директором института был академик Ю.П. Францев.

По окончании института вместе с другими пятью окончившими в 1950 г. институт я был направлен на работу в ТАСС, который явился моей первой настоящей школой в творческой деятельности. Там были написаны первые небольшие заметки и «подвал» о положении в Бельгии, который был напечатан в газете «Красный флот». По предложению руководства иностранной редакции я начал изучать итальянский язык, который входил в группу романских языков и был близок к французскому. В 1951 г. меня избрали заместителем секретаря парткома ТАСС. Наряду с Н.Г. Пальгуновым мне хотелось бы упомянуть и других тассовцев, оказавших влияние на мое становление как творческой личности. Это – А.К. Жигалова, В.М. Сысоева, Афонин, Бочаров.

Мне посоветовали подать заявление в аспирантуру Академии общественных наук. Почти одновременно мне предложили поехать в Италию для работы в корпункте, и я решил так: если примут в академию, то пойду учиться в аспирантуру, если не примут в академию, то даю согласие на поездку в Италию. 27 августа 1951 г. я узнаю о том, что зачислен в аспирантуру Академии общественных наук. Первым человеком, который меня поздравил с поступлением в аспирантуру, был руководитель ТАСС Н.Г. Пальгунов. Николай Григорьевич был замечательным человеком, понимавшим сотрудников и хорошо к ним относившимся. Он сыграл большую роль в моей дальнейшей судьбе и определил путь, по которому я иду уже более чем полвека. Знакомство с Николаем Григорьевичем, как бы наметившее мой путь, началось с момента направления нашей группы «имовцев» на работу. В связи с затяжкой оформления мы оказались в течение нескольких дней без работы. По просьбе других студентов мне удалось переговорить по этому поводу с Пальгуновым, и все вопросы были решены. Позднее он не раз интересовался моей работой. Затем я был пере-

веден в отдел выпуска для печати, где работали две бригады опытных журналистов, что также помогло мне в дальнейшей работе. На выпуске была прямая связь с руководством страны, и нам звонили члены Политбюро и руководители Правительства, интересуясь различными новостями, поступавшими из-за рубежа.

1 сентября 1951 г. я переступил порог здания на Садово-Кудринской, 9, где помещалась академия. На кафедре международных отношений, которой руководил профессор В.М. Хвостов, избранный впоследствии действительным членом Академии наук СССР. Аспирантов набора 1951 г. было 6 человек: Ш.П. Санакоев из Северной Осетии, В. Пичугин из Ворошиловграда (ныне – Луганск), Ермолаев, работавший в Министерстве путей сообщения, Соколов из аппарата Совета министров СССР и П.С. Крюков из МИДа. Особые дружеские отношения у меня сложились с Ш.П. Санакоевым, М.Н. Иваницким, соискателем из Киева, а также с А.Б. Амелиным, Я.А. Ломко, В.В. Рымаловым — аспирантами других кафедр.

В те годы в академии был собран цвет ученых, представителей гуманитарных наук. Там работали М.В. Нечкина, А.А. Губер, Е.М. Жуков, И.С. Галкин, А.Л. Нарочницкий, Н.Л. Рубинштейн и многие другие. Моим научным руководителем был утвержден доцент И.Н. Земсков, работавший в архивном управлении МИДа, который в дальнейшем возглавил архивную службу МИДа и стал заместителем министра иностранных дел. В 1954 г. я защитил диссертацию по проблемам внешней политики Италии в годы войны и был направлен на работу консультантом в редакцию журнала «Международная жизнь», который создавался в 1954 г. В следующем, 1955 г. вышли первые два номера журнала.

На базе журнала предполагалось создать институт по изучению международных отношений. Однако журнал остался при МИДе, а в системе Академии наук был создан Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). В надежде, что на базе журнала будет создан институт, в редакции собрались очень сильные и способные люди, многие из которых стали известны в науке. С конца 1955 – начала 1956 г. из редакции начался отток сотрудников в научно-исследовательские институты. Меня пригласили перейти на работу в Отделение исторических наук АН СССР на должность старшего научного сотрудника, что я принял с большой радостью, и где трудился на протяжении многих лет рядом с ведущими историками страны. Считаю, что после получения высшего образования это стало для меня вторым университетом. После МГИМО я получил как бы второе высшее образование. Работая в одном кабинете с академиком-секретарем Отделения истории М.Н. Тихомировым, а позднее с академиком Е.М. Жуковым, я набирался знаний и опыта. Там я встречался со своими учителями еще по МГИМО и Академии об-

щественных наук, выдающимися учеными – с А.А. Губером, В.М. Хвостовым, Б.А. Рыбаковым, М.В. Нечкиной, А.Л. Нарочницким и др. По работе мне приходилось сотрудничать с руководством входивших в Отделение истории институтов: истории, археологии, славяноведения, истории искусств, этнографии. У меня сложились добрые, творческие отношения с Б.Б. Пиотровским, В.В. Струве, С.П. Толстым, Б.А. Рыбаковым, Е.М. Жуковым, особенно с А.А. Губером, с которым я был знаком много лет, с институтской скамьи.

В 1957 г. вышла моя первая книга «Советский Союз в Организации Объединенных Наций». Тогда же я постепенно начал собирать материалы для книги по проблемам международных отношений, складывавшихся вокруг Кореи, Китая, Ближнего Востока и Карибского бассейна в пятидесятые годы. Несмотря на собранный материал, довести задуманное до конца полностью не удалось – в 1969 г. была издана лишь одна книга о Суэцком кризисе «Советский Союз и Суэцкий кризис 1956 года (июль – ноябрь)». Одновременно я перерабатывал и расширял текст кандидатской диссертации. В 1963 г. вышла книга «Внешняя политика Италии после Второй мировой войны».

Е.М. Жуков, зная о том, что я готовил к изданию большую работу по проблемам международных отношений и внешней политики СССР, прочитав мою книжку по Италии, сказал, что она вполне может служить основой для докторской диссертации. Я обратился в МИД СССР с просьбой о предоставлении возможности работать над архивами. После кропотливой работы с очень интересными архивными материалами я подготовил к защите докторскую диссертацию. По случайному совпадению, ровно через десять лет, тоже 24 июня, но уже 1964 г., я защитил в родном МГИМО диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Вообще конец 1950-х, 1960-е и первая половина 1970-х гг. прошла в плодотворной творческой работе. В эти годы появились книги, брошюры и коллективные издания. В 1959 г. по поручению Академии наук СССР я участвовал в подготовке выставки в США, непосредственно отвечая за стенд истории. Помимо большой организационной работы, мне пришлось ознакомиться со многими музеями и проводить много времени с музейными работниками, что позволило мне расширить свой кругозор и во многом определить свой взгляд на историю.

В 1960 г. из Отделения истории я перешел на работу в Институт истории АН СССР. В те годы созрела идея об издании ряда работ по истории и участию СССР в деятельности Организации Объединенных Наций. В 1965 г. под моей редакцией вышел 1-й том коллективной монографии «Советский Союз в Организации Объединенных Наций (1945–1953 годы)». В дальнейшем вышло еще шесть томов. В выпуске этих томов я принимал непосредственное участие в качестве члена

редколлегии и одного из авторов. К сожалению, материал, подготовленный за период с 1980 по 1985 г., опубликовать не удалось. Издание этой серии на этом и закончилось.

Во второй половине 1960-х гг. был решен вопрос о проведении XIII Международного конгресса исторических наук в 1970 г. в Москве. В 1966 г. А.А. Губер, являвшийся председателем Национального комитета историков Советского Союза, предложил мне на общественных началах работать в комитете и заниматься подготовкой к проведению конгресса. Я с удовольствием принял это предложение и с 1967 г. стал заместителем председателя этого комитета. В течение пяти лет до смерти Александра Андреевича мы работали, что называется, «душа в душу» и в организационном, и в творческом отношении. Это были замечательные годы, хотя и возникали порой сложные проблемы.

Эта работа отнимала много времени. Однако я продолжал писать. По предложению издательства «Мысль», начавшего выпуск серии брошюр под общим названием «История и современность», в 1968 г. вышла моя брошюра «СССР, Лига Наций и ООН».

В 1968 г. на базе Института истории было создано два института — Институт истории СССР и Институт всеобщей истории. По предложению директора Института истории СССР академика Б.А. Рыбакова я был утвержден заведующим сектором истории внешней политики Советского Союза. Занимаясь делами сектора, одновременно я с головой ушел в работу в Национальном комитете историков и был утвержден Генеральным секретарем XIII конгресса исторических наук. Председателем организационного комитета был А.А. Губер. В эти годы значительно расширились контакты с Международным комитетом исторических наук, президентом которого являлся профессор Поль Арсен (Бельгия), а генеральным секретарем МКИНа — Мишель Франсуа (Франция). Одновременно устанавливались и развивались контакты с национальными комитетами историков многих стран.

Этот период жизни связан с довольно частыми поездками за рубеж для участия в различных конференциях и симпозиумах и для установления контактов в связи с подготовкой к международному конгрессу историков. Первое же мое участие в симпозиуме по социальным проблемам состоялось еще в 1957 г. в Страсбурге. В состав делегации входили заместитель директора Института Маркса–Энгельса–Ленина К.С. Степанов, профессор В.Г. Трухановский, ставший впоследствии академиком.

16 августа 1970 г., день открытия XIII Международного конгресса исторических наук вошел в мою память на всю жизнь. Во-первых, успешное открытие конгресса подытоживало многолетнюю работу по его подготовке, а во-вторых, совершенно неожиданно для меня в своем выступлении президент Международного комитета исторических наук профессор Поль

Арсен (Бельгия) особо отметил работу президента XIII конгресса профессора А.А. Губера и генерального секретаря конгресса, профессора А.С. Протопопова. Вполне понятно, какое огромное значение имели для меня эти слова, ведь мне тогда не было и 50 лет.

В эти годы меньше времени, чем этого хотелось бы, я уделял исследовательской работе, лишь собирая материал для задуманных тем и публикуя брошюры и статьи. В конце 1960-х гг. я стал заниматься преподавательской деятельностью. Получилось это как-то неожиданно для меня. Летом 1967 г. мне позвонили от ректора Университета дружбы народов имени П. Лумумбы С.В. Румянцева. Он предложил мне преподавательскую работу в университете. Однако дальше разговоров дело не пошло и казалось, что все это забыто. Но на следующий год он вновь попросил меня встретиться с ним. Через некоторое время я приехал к нему на улицу Орджоникидзе. Сергей Васильевич предложил мне возглавить кафедру всеобщей истории. Я попросил дать мне время подумать. Посоветовался с А.А. Губером, который сказал мне примерно следующее: «Вы молодой человек — а мне было тогда 46 лет, — вы никогда не преподавали. Попробуйте, может быть, вам очень понравится. А в академии вы же остаетесь».

Ознакомившись с составом кафедры, тогда еще совсем молодыми симпатичными кандидатами наук, с которыми мы дружим и работаем до сих пор, я увидел, что мне нужны подпорки по Средним векам и Древнему миру. В разговоре с ректором я отметил, что с проблемами новой и новейшей истории я разберусь как-нибудь сам, а по Средним векам и Древнему миру мне хотелось бы видеть на кафедре двух крупных специалистов. На вопрос Сергея Васильевича о том, кого бы мне хотелось видеть на кафедре, я сказал, что хотелось бы пригласить профессоров М.А. Коростовцева и А.Н. Чистозвонова. Все было улажено быстро, и с 1 сентября 1968 г. вместе со мной пришли на кафедру два крупных специалиста, работавших в институтах АН СССР. Атмосфера на кафедре создалась хорошая, и она успешно работала. Однако в связи с тем, что полностью перейти на работу в университет я не смог, так как шла подготовка к конгрессу, к тому же я оставался заведующим сектором, мне пришлось оставить должность заведующего кафедрой, перейдя на должность профессора. Об этом впоследствии жалели и Сергей Васильевич, и я. С того времени и до сих пор продолжается вот уже более сорока лет моя работа.

После конгресса меня пригласили возглавить создававшийся при ВЦСПС научно-исследовательский отдел. После того как Институт рабочего движения перешел из подчинения ВЦСПС в Академию наук, руководство профсоюзов решило создать свой институт, начиная с научно-исследовательского отдела, переподчинив его в административном отношении Высшей школе профдвижения. И опять в этом

вопросе решающую роль сыграл мой наставник-покровитель, учитель и друг А.А. Губер. Он сказал: «Вы выросли. У вас накопился большой опыт научно-организационной работы. Вам будет тесно в секторе с вашим характером и энергией». Он закончил тем же, что мне говорил и раньше – не понравится и не получится – вернетесь в академию. Так, не бросая преподавательскую работу, я возглавил и стал создавать с конца 1970 г. научно-исследовательский отдел. В этом отделе я проработал более 12 лет и, как и предвидел Губер, вернулся в Академию наук – в Институт истории СССР.

Годы работы в отделе, конечно, не прошли даром, хотя наряду с положительными моментами были и достаточно сложные. Я довольно серьезно занялся изучением многих внутренних проблем: социального порядка. Много дали и поездки по стране: побывал на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах. Все это расширило мой кругозор и считаю: время, проведенное там, не пропало даром. К сожалению, не удалось решить все проблемы, которые хотелось бы. К некоторым проблемам мы подходили слишком научно, теоретически, некоторые проблемы не находили понимания в практической работе. В руководстве ВЦСПС в те годы были, безусловно, способные, одаренные и умные люди. Не говоря уже о А.Н. Шелепине. Хотелось бы назвать В.И. Прохорова, Н.Н. Романова, И.М. Владыченко, Л.А. Земляникова, К.М. Мячкавичуса. Мы встречали понимание и на местах, как у местных профсоюзных деятелей, так и у руководителей предприятий.

В 1970–1980-х гг. мне пришлось довольно часто участвовать в международных, научных и научно-практических мероприятиях. Так, в 1975 г. я входил в состав советской делегации на XIV Конгрессе исторических наук в городе Сан-Франциско, а пять лет спустя, – на XV конгрессе исторических наук в Бухаресте. Неоднократно выезжал в составе делегаций по линии Академии наук, профсоюзов и Комитета за европейскую безопасность и сотрудничество, членом которого я являлся.

В 1975 г. в составе профсоюзной делегации участвовал в переговорах с представителями Социалистической партии Японии и профсоюзных организаций. Побывал в Фукуоке, в Хиросиме, Киото, Осаке и Токио. Особенно запомнилось выступление в шахтерском городе Идзуко перед многотысячной аудиторией молодежных организаций. В 1977 г. в Египте я возглавил делегацию общества по распространению научных знаний, состоящую из ученых союзных республик, которые принимали участие в дискуссиях с представителями научных учреждений этой страны.

В эти годы я участвовал в конференциях по линии ЮНЕСКО и других международных организаций, принимал участие в IX Международном конгрессе экономической истории (1979 г., г. Эдинбург). Неоднократно выезжал для чтения лекций в Финляндию, Чехословакию, Польшу,

Болгарию, Венгрию. В Венгрии, где существовал профсоюзный институт, аналогичный нашему научно-исследовательскому отделу, мне пришлось бывать часто. В результате установились тесные, плодотворные творческие отношения с рядом научных учреждений и отдельными учеными, в том числе и с директором профсоюзного института М. Бузой.

В 1983 г. я вернулся в Академию наук, много работал в архивах и подготовил монографию по проблемам европейской безопасности и разоружению, которая была одобрена ученым советом Института истории СССР.

Теперь о Российском университете дружбы народов, в котором я работаю более 40 лет. В 1990 г. Владимир Францевич Станис, который еще в 1970-х гг. сменил на посту ректора С.В. Румянцева, предложил мне перейти на работу в РУДН, а в Институте истории АН СССР остаться на полставки. В 1991 г. такая «рокировка» и была проведена: в Институте истории я остался на полставки, а в РУДН перешел на полную ставку профессора. Вскоре я вообще отказался от работы в Институте истории и сосредоточился на работе в РУДН. Со Станисом у меня сложились хорошие отношения. С Владимиром Францевичем мы познакомились в конце 1960-х гг. когда он был заместителем министра высшего образования. Тогда он очень помог в подготовке международного конгресса исторических наук.

Признаюсь, что преподавательская деятельность пришла мне по душе, и, как мне кажется, я приношу какую-то пользу университету. За все годы работы в РУДН у меня не было каких-либо конфликтов, со многими преподавателями (не только кафедры, но и факультета) сложились хорошие отношения. Вообще надо сказать, что преподавание мне приносит и творческое, и моральное удовлетворение. Мои ученики – выпускники университета, кандидаты и даже доктора наук, число которых, по-моему, уже подходит, а может быть, и перевалило за пятьдесят, – успешно работают как в нашей стране, так и далеко за ее пределами.

В 1997 г. в Университете была открыта новая специальность – международные отношения. И мне, как старому мгимовцу (кстати говоря, в 2000 г. наш курс отметил 50 лет со дня окончания института; в ознаменование этого юбилея была выпущена специальная книга воспоминаний «На часахazole Крымского моста (1945 – 1950)»). Мне довелось участвовать в создании новой кафедры, – «теории и истории международных отношений» вместе с деканом Н.С. Кирабаевым, В.С. Денисенко, тоже окончившим МГИМО, и В.Г. Джангирином, моим учеником, окончившим РУДН и ставшим кандидатом наук, доцентом. Кафедру возглавил В.С. Денисенко. В 2002 г. состоялся первый выпуск иностранных студентов, сдавших экзамены на звание бакалавра. В 2003 г. состоялся первый выпуск специалистов-международников.

На кафедре изданы программы, учебные пособия, брошюры. В 2001 г. совместно с про-

фессором В.М. Козьменко и доцентом Н.С. Елмановой выпущена книга «История международных отношений и внешней политики России 1648 – 2000 гг.», допущенная Министерством образования в качестве учебника для студентов гуманитарных факультетов высших учебных заведений. Подготовлены и выпущены первые номера «Вестника» серии «Международные отношения». До этого под моей редакцией были подготовлены и вышли в свет вестники серии «История». В 2006 г. вышло второе, исправленное и дополненное издание учебника «История международных отношений и внешней политики России. 1648–2005 гг.». И наконец, в 2012 г. вышло 3-е издание учебника, доведенное до 2010 г. В связи с требованием издательства пришлось значительно сократить первый раздел и несколько переработать ряд глав. В этом помощь оказала профессор М.А. Шпаковская.

Хотелось бы сказать о людях, работающих в РУДН. Основной костяк профессорско-преподавательского состава и работников Университета составляет хороший творческий коллектив, способный решать задачи по воспитанию и подготовке квалифицированных кадров. Надо сказать, что Университету повезло с ректорами. Первый ректор – Сергей Васильевич Румянцев – заложил прекрасную основу нашего Университета. Сменивший его Владимир Францевич Станиславский началое дело: открылись новые факультеты, расширился контингент учащихся, были построены новые общежития. Избранный в 1992 г. новым ректором выпускник РУДН, доктор физико-математических наук, профессор Владимир Михайлович Филиппов в новых и очень непростых условиях много сделал для укрепления Университета: были открыты новые кафедры и факультеты, продолжается приток новых студентов, строятся новые учебные корпуса и общежития. Став министром образования РФ, В.М. Филиппов не расстался с университетом, возглавив Попечительский совет и продолжая оказывать РУДН всестороннюю помощь. Отрадно, что и исполнявший обязанности ректора доктор медицинских наук, профессор Дмитрий Петрович Билибин тоже являлся выпускником РУДН.

«Командировка» В.М.Филиппова в Министерство образования закончилась, и он снова вернулся в родной Университет, взяв на себя, как и раньше, руководство. Что касается родного факультета гуманитарных и социальных наук, то он успешно развивается. На нашем факультете, который возглавлял доктор философских наук, профессор Нур Серикович Кирабаев, выпускник МГУ, сложились в научном и педагогическом отношении творческая и, я бы сказал, дружеская атмосфера. Ныне Нур Серикович является проректором университета по научной работе.

Деканом же факультета с октября 2006 г. стал доктор философских наук, профессор Владимир Анатольевич Цвык. Кафедра теории и истории международных отношений обрастает

новыми кадрами и уже сложилась как крепкий научно-педагогический коллектив. Все большую и большую роль в жизни всего Университета, нашего факультета и нашей кафедры играют выпускники РУДН.

Если мои родители вместе со школой воспитали меня честным, порядочным, трудолюбивым человеком, помогая мне получить образование, то потом большую помощь мне оказала жена Людмила Николаевна. Я диктовал ей многие свои работы. В трудные моменты она всегда меня поддерживала. Помогала мне в работе и моя дочь Марина Анатольевна, которая вместе со мной после окончания МГУ прошла школу работы над материалами и подготовки к печати работ. Я очень люблю своего внука, правнука Мишу, которому в этом году исполнилось семнадцать лет и трехлетнюю правнучку Марусю.

Вспоминая прожитые годы, я был бы неискренен, если бы не сказал о той роли, которую сыграли в моей жизни женщины. Прежде всего, это мама, исключительно нежная и добрая женщина. Это она привила мне особую любовь к людям, вежливость, честность, порядочность и трудолюбие. Это она в трудные годы войны приехала ко мне в госпиталь. А разве могу я забыть своих школьных педагогов, и среди них Елену Сергеевну Зыкову! Не могу не вспомнить военных врачей и девушек-санитарок. В послевоенные годы именно женщины обучили меня азам, и не только азам, иностранных языков. В ТАССе с восхищением вспоминаю заведующую романским отделом В.М. Сысоеву и секретаря партийного комитета А.К. Жигалову.

Женщины часто вдохновляли меня в работе и жизни. Я думаю, что и сейчас, когда у меня сохранилась еще творческая активность, определяющую роль сыграли представительницы прекрасного пола. В заключение мне хотелось бы выразить глубокую благодарность и выказать свою любовь всем тем, с кем судьба свела меня на трудных дорогах войны, в послевоенных вузовских аудиториях, в научных центрах Академии наук, в РУДН и других организациях. Я горд тем, что мне выпало счастье жить и работать вместе с замечательными людьми нашей великой и прекрасной страны.

Вместе со всем нашим народом я прошел трудные, даже порой тяжелые годы: это 22 июня 1941 г. и годы войны. Мы победили, и День Великой Победы, 9 мая, стал выдающимся праздником не только нашей страны. В моей жизни, как и многочисленных моих друзей, было немало радостных, счастливых дней. Для меня это, конечно, 9 Мая, поступление и окончание МГИМО, рождение дочки, внука, правнуков. И разве можно забыть 16 августа 1970 г. – день открытия в Кремлевском дворце съездов XIII Международного конгресса исторических наук. Такие дни не забываются.

Protopopov A.S. Time and people. Seven decades of the XX century – the first decade of the XXI century.

Герой Советского Союза Юрий Михайлович Винник

(1923–1995 гг.)

И.А. Павленко

В 2009 г. в одном из июньских номеров газеты «Вечерний Брест» было помещено сообщение о решении горисполкома присвоить одной из новых улиц микрорайона «Южный» имя Героя Советского Союза, почетного гражданина города Бреста Юрия Винника.

Юрий Михайлович Винник родился 10 мая 1923 г. в городе Армавире Краснодарского края в семье служащего. Окончив в 1940 г. среднюю школу №4, поступил в Институт пищевой промышленности Краснодара. В 1941 г. был призван в ряды Красной армии и направлен на учебу в Сумское артиллерийское училище, где его и застала Великая Отечественная война. Первое боевое крещение Ю.М. Винник принял в составе курсантского отряда особого назначения под городами Ворожба и Белополье Сумской области. С декабря 1941 г. по май 1942 г. продолжил учебу в Ачинске, куда было эвакуировано Сумское училище, и по его окончании направлен на Западный фронт, в 973-й артиллерийский полк 160-й стрелковой дивизии. Командовал сначала взводом, затем батареей, принимая участие в освобождении Смоленщины, Украины и Белоруссии.

Павленко Игорь Алексеевич – начальник отдела «Музей истории МГИМО» Управления по работе со студентами и выпускниками МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Золотой фонд МГИМО

Особо отличилась батарея под командованием капитана Винника при форсировании рек Припять, Западный Буг, а также в ходе боев за освобождение Брестской области и самого города Брест. В фондах областного краеведческого музея хранятся письма-воспоминания об освобождении Бреста, написанные командиром батареи Ю.М. Винником. В упомянутой газете «Вечерний Брест» приводится следующее воспоминание Юрия Михайловича: «По мере нашего продвижения к Бресту, а двигались мы вначале прямо по шоссе Ковель–Брест, возрастало сопротивление фашистов. Бои в лесу, в болотах, как и в населенных пунктах, особенно тяжелы и сложны. Попытка прорваться через лес обычным методом – артналет–атака не давали результатов. У гитлеровцев по всем просекам были построены дзоты, оборудовано множество огневых точек с надежным укрытием. И тогда помогла военная смекалка. Решено было начать обычную, но короткую артподготовку, потом огонь перенести в глубину обороны противника и прекратить его через двадцать минут. В это время открывают огонь крупнокалиберные пулеметы, но ведут они стрельбу не вдоль земли по цели, а поверху, по макушкам деревьев, создавая видимость плотного огня и продолжения артподготовки. В этом случае противник не выходит из укрытий, полагая, что артподготовка продолжается. И тогда основная часть пехоты переходит на противоположную часть леса, а специально выделенные группы воинов уничтожают укрывшегося в блиндажах противника. Так и получилось!»

28 июля 1944 г., ворвавшись с батареей на окраину Бреста, Ю.М. Винник прямой наводкой под ураганным огнем врага прокладывал путь пехоте. Было накрыто восемь дзотов, уничтожено шесть вражеских блиндажей и семь пулеметных точек, отражены четыре яростные контратаки, а в рукопашной схватке Ю.М. Винник лично уничтожил пять фашистов. В его наградном листе сказано: «За мужество и личный героизм, проявленный в боях при форсировании р. Западный Буг и овладении областным центром Белоруссии г.Брест, достоин присвоения звания Героя Советского Союза». Это звание Юрию Михайловичу было присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября 1944 г. В марте 1945 г. в боях за освобождение Польши Ю.М. Винник был тяжело ранен. После излечения, получив инвалидность, был демобилизован.

Вернувшись к мирной жизни, в 1945 г. поступил в Московский государственный институт международных отношений, который окончил в 1950 г. В 1961 г. окончил Академию общественных наук при ЦК КПСС, защитив диссертацию на соискание ученого звания кандидата исторических наук. Находился на дипломатической и преподавательской работе. В 1973–1991 гг., до выхода на пенсию, был заместителем заведующего кафедрой Института общественных наук при ЦК КПСС.

Скончался Юрий Михайлович 27 мая 1995 года. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

Pavlenko I.A. Hero of the Soviet Union Yuri Mikhaylovich Vinnik (1923–1995)

Состояние современной отечественной мультимедийной журналистики на примере агентства РИА «Новости»

И.В. Лилеев

Газдюк П.Н. Особенности работы Российского агентства международной информации РИА «Новости» как интернет-СМИ. Учебное пособие. М.: «МГИМО-Университет», 2012.

Учебное пособие П.Н. Газдюка представляет собой анализ работы агентства РИА «Новости» в интернет-пространстве. Автор начинает исследование с обстоятельного изучения истории агентства. Он прослеживает эволюцию агентства от традиционного типа организации до современного мультимедийного СМИ с более 1,5 тысячи сотрудников. РИА «Новости» по-прежнему выполняет традиционную функцию информационного агентства – собирает новостную информацию, а затем передает ее другим СМИ. Но главное отличие РИА «Новости» от традиционного информагентства заключается в том, что сегодня его продукция выходит с помощью интернет-сайта на конечного потребителя – интернет-пользователя.

Целый параграф пособия посвящен взаимодействию агентства с аудиторией. В конце 2009 г. РИА «Новости» с помощью социальных сетей вышло на непосредственный контакт с аудиторией. Используя социальные сети, агентство всеми силами стремится увеличить свою

аудиторию. С этой целью, например, в Facebook была введена система «дежурств», которая позволяет персонализировать страницу РИА «Новости» в этой социальной сети и своевременно реагировать на запросы аудитории. В работе особо подчеркивается, что благодаря развитию технологий коммуникации аудитория трансформировалась из потребителя в поставщика информации. На фоне изменения условий взаимодействия СМИ с аудиторией РИА «Новости» запустило UGC-проект «Ты – репортер», чтобы использовать неорганизованную, но эффективную внештатную сеть гражданских журналистов.

Во второй главе подробно раскрываются принципы работы Объединенной редакции новостей. Автор подчеркивает, что, несмотря на все многообразие форматов подачи информации, текстовые новостные материалы являются основным контентом, который производит агентство. Все тексты должны быть написаны простым и понятным языком, без сложных

конструкций, а также должны соответствовать установленным стандартам, описанным в своде правил «Редакционные принципы работы Объединенной редакции новостей ФГУП РАМИ «РИА Новости»».

Автор называет главные принципы работы редакции, среди которых точность, скорость, сбалансированность и объективность, эксклюзивность, честность. Особое внимание уделяется вопросу работы с источниками информации. В первую очередь источником эксклюзивной информации является ньюсмейкер. Приводится перечень возможных источников в зависимости от их надежности: от корреспондента РИА «Новости» до неназванного источника. Подробно описывается, из каких элементов (заголовок, лид, цитата, бэкграунд) должно состоять качественное информационное сообщение РИА «Новости». Перечисляются требования написания таких сообщений, как новость, анонс, обобщение, интервью, справка и т.д.

В третьей главе автор детально исследует особенности мультимедийных подходов в работе агентства. Относя РИА «Новости» к конвергентным СМИ, автор приводит значение этого термина. Под конвергенцией следует понимать смешение принципиально разных видов (пресса, радио, телевидение) и форматов (аудио, фото, графика, текст) представления и подачи информации в одном издании. Более того, мультимедиа, как и конвергенция, подразумевает интерактивность, то есть обратную связь с потребителем информации. Подчеркивается также, что мультимедийные подходы в работе выгодны для СМИ с любой точки зрения, в том числе и экономической. Производя сразу несколько видов контента, редакция может одновременно удовлетворить потребности

читателей, зрителей и слушателей.

Большое место в работе уделено характеристике инфографики как наиболее перспективному виду донесения информации до аудитории. В данном случае особо важен опыт РИА «Новости», как одного из первых российских электронных СМИ, которые начали активно использовать этот формат подачи информации. В работе с инфографикой, рекомендует автор, всегда важно продумывать все дизайнерские ходы и графические решения, а также подбирать лаконичные текстовые формулировки.

Говоря о недостатках работы, стоит отметить, что текст приобрел бы большую ценность при наличии конкретных примеров или кейсов, с которыми автор столкнулся во время работы в РИА «Новости». Речь идет, например, об инфографике, особенно при перечислении ее видов. Необходимо было бы использовать примеры-иллюстрации, что сделало бы пособие более наглядным и простым для восприятия.

В целом учебное пособие П.Н. Газдюка отличается логичностью повествования. Четко придерживаясь определенного плана, автор всесторонне исследует деятельность агентства, которое можно назвать передовым. Поэтому, говоря о РИА «Новости», следует сделать выводы о развитии современной журналистики в целом. Так, выделяются два главных направления развития агентства: контакт с аудиторией как с помощью социальных сетей, так и UGC-проекта «Ты – репортер», введение новых мультимедийных продуктов на фоне строгого следования стандартам, выработанным за многие годы существования агентства.

Lileev I. V. The Condition of Modern Russian Multimedia Journalism on the Example of the Agency «RIA news».

Современный учебник дипломатических переговоров

М.А. Мунтян

.....
 Дубинин Ю.В. *Мастерство переговоров. 4-е издание, расширенное и дополненное. Учебник для студентов, обучающихся по специальности «Международные отношения»*. М.: изд-во «Международные отношения», 2012. 318 с.

Подобно мольеровскому герою господину Журдену, который пришел в восторг, узнав, что всю свою жизнь говорил прозой, люди ведут переговоры даже тогда, когда и не представляют себе, что они это делают. Если исходить из отечественного и зарубежного опыта, то приходится констатировать, что большинство людей — плохие переговорщики: они слишком нетерпимы, эгоистичны, торопливы, не умеют слушать друг друга, стремятся навязать свое мнение, легко ссорятся и портят отношения. В масштабах наций и государств эти качества обретают зловещие размеры и становятся источниками конфликтов, войн, напряженности. К тому же следует признать: возможности переговоров имеют свои лимиты, и вряд ли был прав французский министр иностранных дел А. Бриан, когда заявлял, что договориться можно обо всем на свете. Вместе с тем в усложняющейся постиндустриальной жизни человечества конфликты продолжают оставаться более естественными, чем их отсутствие, и они предстают, образно говоря, постоянно развивающейся жизненной сферой.

Представляется весьма логичным и ценным, что Юрий Владимирович Дубинин, которого Русская православная церковь назвала «легендарным дипломатом», а отечественные и

зарубежные эксперты–международники признали одним из самых выдающихся, талантливых и удачливых переговорщиков современности, работает над созданием учебников, которые, по сути, становятся «золотыми ключами», открывающими тайны преуспевания в службе, «исполнять которую было бы труднее, чем ведение переговоров; здесь требуются проницательность, ловкость, гибкость, обширные знания и в особенности точная и острая интуиция», — писал Ф. де Кальер. В определении переговоров как науки и искусства Ю.В. Дубинин следует мудрому постулату великого Гете: «Суша теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет». Не умаляя значения науки, автор, тем не менее, считает, что искусство овладения переговорными стратегиями приходит только в результате многообразной и продолжительной практики. В дипломатических переговорах, как считает автор, сливаются такие противоположные начала, как пламя борьбы и лед холодного расчета, свобода творчества и жесткий реализм необходимости, прозрачный рационализм аналитики и мистическая иррациональность интуиции, что делает их необыкновенно увлекательной сферой человеческой практики.

Миру давно известно, что «худой мир лучше доброй ссоры». Но и для того, чтобы добиться

Мунтян Михаил Алексеевич — д.и.н., профессор, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО-Университета».
 E-mail: vestnik@mgimo.ru

этого, нужно уметь вести переговоры, а «овладение этой наукой необходимо для тех, кто намеревается заниматься переговорной деятельностью и кто вообще готовится к дипломатической работе», – пишет в своем учебнике Ю.В. Дубинин. – Кроме того, поскольку международные переговоры требуют комплексного подхода к рассматриваемым проблемам, это делает полезным обращение, в зависимости от обстоятельств, едва ли не ко всем дисциплинам, изучающим мировую политику, таким, как международное право, страноведение, международные отношения, политология, международная политическая экономия».

На такого рода многоаспектности использованных подходов при написании учебника и построена его структура. Небольшие параграфы книги можно уподобить ступенькам, а главы – пролетам лестницы знаний, своей продуманностью и корректностью гарантированно поднимаящей читателя к постижению переговоров как «души дипломатии». Так изложены понятие переговоров и их роль в жизни международного сообщества; этика переговоров и как достигаются договоренности; стратегии и тактики переговоров; переговоры и информационно-аналитическая работа; переговоры и общественное мнение; методы психологического воздействия в ходе переговоров и о национальных особенностях ведения переговоров. Особенно тщательно выписаны стадии переговорного процесса, «переговоры о переговорах», «переговоры за столом», их продолжительность, «добрые услуги» и посредничество, итоговые документы переговоров, обеспечение выполнения договоренностей, качества переговорщика, переговорные игры. И большинство этих тем «оснащены» красноречивыми примерами из состоявшихся дипломатических переговоров, большинство – из личного опыта автора.

Особо хотелось выделить четыре момента, только пунктирно обозначенные в учебнике. Во-первых, теория и практика переговорных процессов в нем рассмотрены как современные, то есть связанные с новым, информационным циклом развития человечества. Излагаемое им современное понимание переговоров возникает как отражение сдвигов в общественном сознании людей во всем мире. На этом этапе еще трудно дать окончательную оценку факторам, оказавшим, решающее воздействие на пересмотр исторически традиционного понимания переговоров. В сфере международных отношений это могло быть возникновение «ядерного тупика» в отношениях между двумя мировыми военно-политическими системами, когда уход от самоубийственного ядерного конфликта был осознан как общий интерес (таковой проявился уже при урегулировании Карибского кризиса в октябре 1962 г.).

В результате пересмотра концептуальных основ переговоров поиск «компромисса» перестал критиковаться, а само понятие освободи-

лось от ругательной ауры, «согласие» в процессе переговоров стало цениться больше, чем «победа», а на «противника» нередко стали смотреть уже как на «партнера». Переговоры начинают рассматриваться как ситуация взаимозависимости, поскольку в ней один участник переговоров оказывает влияние на другого, и наоборот. Французский исследователь Л. Белланже подчеркивает в этой связи плодотворность интегративного подхода, согласно которому переговоры – это:

– «шарада», в которой каждый стремится разгадать нередко почти определенное ситуацией решение самих действующих лиц;

– «искусство», состоящее в ловкости налаживания отношений, в которых переговоры являются скорее маркером начала, чем конца;

– «торговля» в процессе выделения ресурсов;

– познавательный процесс и последовательное обучение.

Во-вторых, трагедия и фарс современности – в развитии парадоксальной тенденции информационного общества: чем современнее становится общество, тем большее значение в нем придается не сложившимся политическим институтам и нормам, а виртуальной политической сцене, где властвуют СМИ. Используя виртуальное пространство на политических переговорах, можно мгновенно переносить новую информацию в сферу дипломатического действия, поэтому партнеры по переговорам сегодня вынуждены внимательно следить не только друг за другом, но и за информацией о переговорах, появляющейся в средствах массовой информации. Развитие политических коммуникаций в эпоху информационной революции не только не привело к «прозрачности» переговорных процессов, но напротив – общие потоки информации становятся все более неконтролируемыми, правдивость, точность и корректность сведений практически никем не проверяются, что усиливает манипулятивные возможности СМИ. Средства массовой информации, привлекая на поле политики массы людей, включают таким образом в любые политико-дипломатические переговоры дополнительного участника – общественное мнение.

В-третьих, цель любой культуры — обеспечить успех и выживание своего народа. Если нация жива, здорова и кредитоспособна, то у нее есть все, чтобы быть уверенными в своей непотоптываемости. Временные трудности или отдельные, даже шокирующие, неудачи не способны подорвать эту уверенность. В какой степени эта нация должна стремиться к тому, чтобы изменить других, если действительно уверена в превосходстве своей системы? Правильный ответ состоит в том, что этого вообще не должно делать. Объективная самооценка и преодоление собственных и принципиальных межкультурных барьеров («культурной идиосинкразии») логично приводят к последнему шагу на пути к достижению гармонии в переговорном процессе – развитию эмпатии в отношениях с другой переговорной

стороной. Симпатия основана на культурном сходстве, родственном происхождении, языковой близости партнеров по переговорам. Эмпатия базируется на признании культурных различий между странами естественными и не препятствующими для строительства позитивных межгосударственных отношений.

Человек, обладающий даром эмпатии, характеризуется наличием таких качеств, как такт, юмор, гибкость, терпение, способность к компромиссам, постоянная готовность к диалогу. Стремление прояснить общие цели, соблюдение протокола другой стороны, стремление обойти раздражающие факторы, внимание к собеседнику, уважение к конфиденциальности переговоров, создание атмосферы доверия, стремление смотреть на вещи с точки зрения другой культуры – это и есть тактика поведения на международных переговорах. Некоторые побочные аспекты поведения переговорщика, такие, как зрительный контакт, позы, личная воспитанность и этикет, также играют важную роль. Решающим фактором при этом является умение понять суть человеческой природы (то, в чем все едины) и увидеть те культурные нюансы, которыми обусловлено поведение представителя той или иной страны. А это означает необходимость не только распознавать, но и принимать, приспосабливаться к ним.

Однако такая адаптация сопряжена со множеством трудностей. Люди не могут жить без стереотипов – они служат для них своеобразной "точкой отсчета" при определении своего отношения к поведению иностранцев. Человеческое сознание стремится упрощать сложные чувства и установки. Для достижения понимания между различными культурами люди должны научиться управлять этими стереотипами – уделять максимальное внимание тем ценностям, которые считаются положительными, и минимизировать или воспринимать с юмором то, что считается отрицательным или приводящим к конфликту. Излишняя стереотипизация в состоянии стресса приводит к "выпячиванию" собственных культурных особенностей, то есть возникает замкнутый круг.

Самокритика, стремление избежать раздражающих тем и стрессовых факторов, более точная оценка индивидуальности, тактичность, терпимость, адаптация визави без ущерба для собственного достоинства, внимательное изучение культуры, истории и языка своего партнера – все эти средства должны быть пущены в ход при встрече культур на международных или межнациональных переговорах. Этой проблематике в учебнике Ю.В. Дубинина уделено должное внимание, из чего можно заключить: жизнь человечест-

ва может стать более полноценной и гармоничной, если в межчеловеческих отношениях возобладают Симпатия и Эмпатия.

В-четвертых, профессор Р. Аксельрод из Мичиганского университета сформулировал теоретический вывод о том, что в условиях постоянного взаимодействия конфликтующих интересов наиболее рациональной и оптимальной переговорной стратегией является линия на сотрудничество. Он сумел доказать, что когда за каждым туром противоборства следует другой, крайне невыгодно делать ставку на разовый выигрыш, достигнутый за счет потери доверия другой стороны. Наоборот, если каждая из сторон будет стремиться к сотрудничеству, полагаясь на доверие другой стороны и не подрывая этого доверия своими действиями, то результатом такого взаимодействия будет оптимально возможный выигрыш каждой из них в отдельности и всех вместе взятых.

Как справедливо отмечает Ю.В. Дубинин, практика все настойчивее требует продвижения вперед в выработке единой международной "культуры переговоров", то есть органичной совокупности ценностей, понятий, категорий, обычаев и приемов как средств связи в общении тысяч политиков, дипломатов, деловых людей, представителей "народной дипломатии", повседневно вступающих в тесное взаимодействие. Но пока что культурно-идеологические, экономические, политические различия и противоречия между странами продолжают вести к драматическим коллизиям и способны углублять отчуждение между людьми, их группами, целыми народами и цивилизациями.

Цель человечества – выйти из этого порочного круга, найти пути к построению другого мира, в котором различия играли бы роль не стимула разногласий, а средства взаимного обогащения и взаимного дополнения, где быть другим означало бы не грех и не преступление, а естественное следствие уникальности каждого отдельного человека и каждой отдельной нации. Идти к этой цели можно и нужно, реализуя две задачи: с одной стороны, разрушая атмосферу вражды и подозрительности, создавая климат доверия, а с другой – разрабатывая и создавая механизмы взаимодействия людей, от высшего уровня до рядовых граждан, и главное – обучая их общению, прививая им навыки решения спорных проблем.

Учебник «Мастерство переговоров» Ю.В. Дубинина демонстрирует талантливое разрешение обеих из них и одновременно представляет собой существенный шаг в направлении обретения человечеством единой культуры переговоров.

Muntian M.A. Modern Textbook of Diplomatic Negotiation.

В октябре–ноябре научная жизнь в МГИМО-Университете продолжала развиваться, находя новые формы своего проявления. Пожалуй, ключевым событием этого периода в научной жизни Университета стал очередной, VI конгресс Российской ассоциации политической науки (РАПН). Ассоциация существует с 1955 года, она объединяет более тысячи ученых и включает в себя свыше двадцати исследовательских комитетов. На протяжении многих лет члены РАПН успешно занимаются научной и экспертной деятельностью, задают высокую планку образовательных стандартов отечественного политологического образования, а также эффективно взаимодействуют с органами государственной власти и институтами гражданского общества. Активно сотрудничает ассоциация и с коллегами из-за рубежа.

Подробнее о VI конгрессе РАПН смотрите на портале МГИМО-Университете, а также в следующих номерах «Вестника МГИМО».

Кроме того, в рассматриваемый период в МГИМО-Университете был открыт Центр военно-политических исследований при ИМИ, проведена российско-польская конференция историков. ИМИ также организовал совместно с некоммерческим партнерством «Кавказское сотрудничество» видеоконференцию российских и грузинских экспертов «Грузия после парламентских выборов: сценарии трансформации».

14–16 ноября в Индонезии состоялась VIII конференция-выставка лидеров высшего образования, ежегодно проводимая международным рейтинговым агентством QS. В конференции от МГИМО приняли участие проректор по программному развитию А.В. Худайкулова и начальник Управления развития и качества образовательного процесса И.В. Кузьмина. На сессии «Создание университетов мирового уровня в Азиатско-Тихоокеанском регионе: потенциал и институциональные возможности» А.В. Худайкулова выступила с презентацией на тему «Интернационализация высшего образования в России: вызовы и задачи для гуманитарных вузов».

В ходе торжественной церемонии МГИМО-Университету вручили сертификат о присвоении Университету трех звезд по новой шкале рейтингования лидеров международного университетского сообщества (QS Stars). Примечательно, что МГИМО стал первым российским университетом, которому были присвоены «звезды QS».

В рассматриваемый период в МГИМО-Университете также были проведены две конференции, посвященные проблемам Восточной Азии. 14 ноября состоялась трехсторонняя российско-корейско-китайская конференция «Безопасность и сотрудничество в Восточной Азии». В ней приняли участие эксперты МГИМО, Института международных отношений и национальной безопасности (ИФАНС) и Китайского института международных проблем (КИМП).

16 ноября в МГИМО-Университете прошла двусторонняя российско-корейская конференция «Международные и внутривнутриполитические аспекты проблемы урегулирования на Корейском полуострове». Ведущие эксперты МГИМО и Института международных отношений и национальной безопасности (ИФАНС) обсудили внутривнутриполитическую ситуацию в КНДР и перспективы российско-южнокорейских отношений.

Материалы раздела «Научная жизнь» подготовлены М.В. Харкевичем

Философия науки в интерпретации аспирантов МГИМО

М.В. Силантьева

В научной жизни нашего Университета происходит много интересного. В числе таких событий – постоянно действующий аспирантский семинар по философии науки. В рамках этого мероприятия его участники стремятся к выяснению тех ключевых формул, которые помогут им не только познать мир, но и защитить диссертацию. А это невозможно без хорошо проработанной теоретико-методологической базы диссертационного исследования.

Представленные выступления молодых ученых – их первые, но далеко не робкие шаги в поисках смысла изучаемых проблем: профессионального, житейского, человеческого; полити-

ческого и геополитического. Без таких понятий, как «пространство», «время», «человек», «Родина», подобный поиск теряет свою научную состоятельность, превращается в игру в бисер. Возможно, участники семинара где-то увлеклись и погорячились. Но ведь лингвистика, как и история, – очень увлекательная и актуальная наука. Как тут не погорячиться?!

Вниманию читателей представлены два научных очерка участников семинара. Публикация их работ будет продолжена.

Silantyeva M.V. Philosophy of Science by MGIMO PhD students.

Иоганн Готлиб Фихте и Илья Чавчавадзе: Patres Patriae

М.Б. Гелашвили

На первый взгляд может показаться странным сравнение двух столь далеких друг от друга общественных деятелей, как Иоганн Готлиб Фихте и Илья Чавчавадзе. Но если ознакомиться с их трудами, посвященными строительству нации и ее возрождению, параллели между ними станут очевидными. Для лучшего понимания идей этих двух философов, однако, нужно представлять себе тот контекст времени, в котором они жили. Это был трудный период в жизни немецкого народа: как таковая отсутствовала государственность – немецкие земли были под контролем Наполеона.

Немцы утратили свою самостоятельность как в политике, так и в области культуры и даже языка. Именно в это непростое время И.Г. Фихте осмеливается выступить с патристическими «Речами к немецкой нации»¹. Четырнадцать лекций, которые и составили это произведение, являются призывом к своему народу восстать из пепла и стать единым и сильным государством.

Что касается Грузии второй половины XIX века, то и она не была на тот момент независимой. Грузия была представлена Кутаисской и Тифлисской губерниями, Батумской областью

Силантьева Маргарита Васильевна – д.филос.н., профессор кафедры философии МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Гелашвили Мариам Бадриевна – аспирантка кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

и Сухумским округом в составе Российской империи. В 1861 г. И. Чавчавадзе, вернувшись из Петербурга, где он получил образование, понимает, что грузины теряют свою национальную идентичность, живут в тени империи, куда не доходят плоды европейского социального и экономического прогресса.

Оба философа четко осознают, что для сохранения своих народов нужно действовать незамедлительно. Как Фихте, так и Чавчавадзе примерно в одном ключе видят решение существующих проблем. Немецкий философ предлагает «новое национальное воспитание», которое должно быть способно уверенно и безошибочно образовывать и определять действительные жизненные побуждения и движения своих питомцев². Это воспитание полностью уничтожает свободу воли, но при этом способствует развитию любви, «непосредственно обращенной к добру». Таким образом, у питомцев нового воспитания возникает способность «самодеятельного начертания образов», которая и рождает познание. В воспитании становится важным не накопление знаний, а развитие разума и души.

Подход Чавчавадзе так же представляет своего рода воспитание народа, но менее философичное и более практичное. Он хочет, чтобы в Грузии появился новый класс людей, новая идентичность, не разделенная ни по социальному положению, ни по территориальной принадлежности. Особо важным Чавчавадзе считает создание общественных институтов, которые бы духовно и интеллектуально обогащали и развивали народ³. Большое внимание он уделяет, в отличие от Фихте, знаниям. Он называет их единственным богатством, которое всегда с человеком и которое нельзя у него отнять и нельзя присвоить.

Голоса двух философов звучат в унисон, когда они рассуждают о том носителе идентичности нации, который и является основой для создания государственности. Таким фактором представляется им язык. Для Фихте это основная отличающая характеристика немцев, которая наделяет их уникальной способностью воспринять предложенное им новое воспитание. По его убеждению, «язык образует людей более, чем сами люди образуют язык». Язык же народа «необходим таков, каков он есть, и не народ собственно выражает в нем свое познание, но само познание этого народа выражает себя в его языке»⁴.

В своих лекциях Фихте подчеркивает, что немцы говорят на живом языке и это делает их остроумными, душевно богатыми, честными и прилежными во всех делах и всегда готовыми к тяжкому труду. Так же и Илья Чавчавадзе уделяет особое значение языку. В знаменитой формуле грузинской государственности, автором которой он является, «Язык – Отечество – Вера», язык неслучайно стоит на первом месте. По мнению философа, главным признаком на-

циональности, ее сердцем и душой является язык⁵.

И. Чавчавадзе видел в языке то средство, с помощью которого можно было интегрировать грузин в единое пространство — отечество и преодолеть те вертикальные и горизонтальные разделения, которые существовали в обществе. По его мнению, именно отсутствие единого языка мешало аристократам и крестьянам, как, впрочем, и жителям отдельных регионов Грузии, понимать друг друга. Но если И. Чавчавадзе вкладывает много сил в работу по демократизации грузинского языка и его развитию, то Фихте же, напротив, выступает за сохранение немецкого языка в том виде, в котором он существует.

Полярность подходов (консервативный у Фихте и новаторский у Чавчавадзе) не мешала им сходным образом видеть практическое воплощение идеи воспитания нации, идентичностью которой является язык. С их точки зрения, реформа системы образования должна была помочь выковать «нового» немца и грузина, а точнее, пробудить в них то национальное, которое они потеряли. Школа становится тем институтом, где немцы, питомцы нового воспитания Фихте, становятся способными его воспринять⁶, а грузины начинают говорить на одном языке, способствующем их объединению. Проведение этой реформы — первоочередная задача государства, которая в его же интересах.

Еще одним краеугольным камнем политической философии Фихте и Чавчавадзе, позволяющим провести параллели между их идеями, является понятие «отечества». Территория как атрибут государства ни в коем случае не связана с отечеством. Территория — это ограниченное, рациональное, правовое, конституционное пространство, проблема которого не была актуальна для философов. В их подходах географическое измерение отечества, его предметная составляющая уступали место новому его осознанию и пониманию, как чего-то более широкого, высшего, как нового «символа веры».

Так, И. Чавчавадзе оставляет идею служения монарху и ставит на его место отечество. В одном из личных писем⁷ он утверждал: «Ох уж эта проклятая наша история... Это история лишь царей и войн, народа нигде не видно. Я же человек такого склада, что войны и цари меня не привлекают. Главное — это народ, а народа в нашей истории нигде не видно». В связи с этим в своей поэме «Мать Грузии»⁸ поэт изображает сцену из будущей Грузии, где есть простые люди, мать и сын, которые обрекают себя на смерть во имя отечества, но не монарха. Такая жертвенная любовь простых людей по отношению к отечеству не требует оправдания. Более того, отечество не просто выше божественной власти царя, оно приравнивается самому Богу: «Забыли мы, что лишь

отечество является Богом на земле, дарованным нам небесами»⁹.

Слова И. Чавчавадзе теснейшим образом перекликаются с идеями И.Г. Фихте: «Народ и отечество в этом значении, как носитель и залог земной вечности, и как то, что только и может быть вечно здесь, на земле, далеко превосходит пределы государства в обычном смысле этого слова»¹⁰. Как считает философ, его речи призваны зародить в душах немцев истинную и всемогущую любовь к отечеству, для которой немецкий народ есть народ вечный и залог его собственной вечности¹¹.

Фихте так же является сторонником жертвенности этой любви, которая правит государством и которая позволяет ему рискнуть низшей жизнью людей ради высшей жизни отечества¹². Важно помнить, что как Фихте, так и Чавчавадзе не являются националистами, как иногда ошибочно полагают. Так, некоторые считают, что именно Фихте стоял у истоков немецкого национал-социализма. Ведь он начал одним из первых говорить об исключительности немецкого народа. Чавчавадзе же упрекают в некоторой этноцентричности его взглядов, ввиду того, что он всегда писал о создании грузинского государства и развитии грузинского языка.

Но такого рода обвинения не являются корректными, так как не нужно забывать о том, что для обоих философов первостепенной задачей было сохранение как немецкого,

так и грузинского этносов как носителей государственности. Самому факту существования двух народов, их политической и культурной составляющей, по их мнению, угрожала большая опасность. С этим и связан «национализм» моделей, предложенных Фихте и Чавчавадзе. При близком ознакомлении с их работами очевидно, что они не являются сторонниками расово-биологического примордиализма и принципа *Blut und Boden*, а воспринимают этнос и нацию как совокупность людей с одним мировоззрением, одной культурой и социальностью. Как, впрочем, не вызывает сомнений и тот гуманизм, которым проникнуты труды обоих философов.

В заключение хотелось бы сказать, что идеи, выдвинутые этими выдающимися общественными деятелями, сыграли огромную роль в становлении таких государств, как Германия и Грузия. Именно И.Г. Фихте создал ту базу, на основе которой и была в конце XIX в. объединена Германия. Что касается И. Чавчавадзе, то его по праву считают отцом-основателем первого современного грузинского государства, существовавшего в 1918 – 1921 годах и восстановленного в 90-х гг. XX в. Таким образом, сама история оценила тот вклад, который внесли И.Г. Фихте и И. Чавчавадзе в развитие каждый своего отечества.

Gelashvili M. Johann Gottlieb Fichte and Iliia Chavchavadze: Patres Patriae.

Примечания

1. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации (1808). М.: Канон, 2008.
2. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации (1808). М.: Канон, 2008. С.30.
3. Чавчавадзе И. Полное собрание сочинений: в 9 томах // Эри да история. Т. 5. Тб.: Картули цигни, 1927. С. 232.
4. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации (1808). М.: Канон, 2008. С. 69.
5. Чавчавадзе И. Полное собрание сочинений: в 9 томах // Сакартвелос матиане. Т. 6. Тб.: Картули цигни, 1927. С. 107.
6. И.Г. Фихте в своей работе опирался на метод обучения детей И.Г. Песталоцци.
7. Письмо Давиду Эристави // Чавчавадзе И. Архивное издание: стихи, поэмы, переводы, записи, личные письма. – Тб.: Литературис матиане, 2010. С. 182.
8. Чавчавадзе И. Сочинения: в 5 томах. Тб.: Накадули, 1985. Т. 4. С. 86.
9. Лекции профессора Гигинеишвили Л. Илья Чавчавадзе. Лекция 2. Электронный ресурс: <http://www.youtube.com/watch?v=AGT7wHRQgos&feature=related> (дата обращения: 09.09.2012).
10. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации (1808). М.: Канон, 2008. С.147.
11. Там же.
12. Там же.

К вопросу выражения концепта времени в различных лингвокультурах

Е.А. Лукьянченко

В статье рассматриваются современные взгляды на концепт времени в различных лингвокультурах. Автор обобщает новые данные русских исследователей когнитивной метафоры.

Время – это то, благодаря чему все в природе не происходит синхронно.

*Marcus Chown.
“The Universe Next Door”.*

В статье «Концепт «время» и языковые модели времени» известный культуролог Тотка Иванова пишет: «Многие исследователи пытаются ответить на один и тот же вопрос: существует ли время в самих вещах или это только форма чувственности?»¹. Наследие Канта – субъективизация времени – оказывается востребованным сегодня подходом. В частности, лингвокультуры, основанные на тех или иных картинах мира, несомненно, отличаются друг от друга субъективным восприятием времени. Ведь картина мира создается на основании таких опорных точек, как представление о времени, пространстве и т.д. Поэтому неслучайно говорится об «антропоцентричности» языка – мы видим мир таким, каким он представлен в нашей лингвокультуре².

В европейской традиции время всегда рассматривалось в контексте движения. «Человек пришел к осознанию времени через движение, последовательность сменяющих друг друга событий, так как практически в любом языке мира темпоральность может выражаться ме-

тафорически в терминах пространства и движения»³, – полагают специалисты, работающие с концептом когнитивной метафоры в качестве одновременно культурологического и лингвистического объекта исследования.

С детства человек ощущает жизнь как движение вокруг себя. При этом в языке многие явления отражены динамически, как движущиеся, хотя таковыми на самом деле не являются:

– The road goes from London to Leeds («Дорога идет из Лондона в Лидс»);

– The fence crosses the field («Забор пересекает поле»)⁴.

Объясняется это «принципом активной детерминации, по которому одни сущности признаются нами более активными по сравнению с другими» (С.А. Чугунова). Кстати, в русском языке, как и в английском, мы нередко сталкиваемся с подобным явлением. Пример – поговорка «Время свое возьмет». При этом время структурируется: 1) циклически; 2) как вертикальная ось; 3) как горизонтальная ось (идущая либо справа налево, либо слева направо).

Лукьянченко Екатерина Александровна – аспирантка кафедры английского языка МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

Предположительно ось горизонтальная времени в разных культурах мыслится по-разному в связи с различиями в традициях письма (слева направо, справа налево, сверху вниз). Общие черты тут действительно просматриваются, но возникает вопрос: есть ли здесь взаимозависимость или это просто совпадение? Если это все же взаимозависимость, тогда что было раньше – представление о времени или традиции письма?⁵

Метафоры времени в языке, таким образом, опираются не только на представления о движении, но и на представления о пространстве. В.Г. Пиксендеева добавляет еще ряд метафор, часто встречающихся, например, в английском языке. Время – это «изменяющаяся сила», «резервуар», «ценность» и др.⁶ Э. Пеппель в докладе на семинаре «Präsens. Категория "настоящее" в междисциплинарном аспекте» (Москва, РГГУ,

29–30 марта 2011 г.) добавляет, что время «очеловечено» нашим отношением к нему. Так, строка Горация «Dum loquimur, fugerit invida aetas» («Пока мы говорим, уходит завистливое время») демонстрирует субъективно-личностное отношение к времени; уважение и страх к его таинственной силе. Недаром философствующие лингвисты утверждают, что «время – другое название жизни»⁷.

Lukjanchenko E.A. Towards the Theory of Time Representation in Different Languages and Cultures.

Summary: The article deals with modern approaches towards the concept of time in different languages and cultures. The author sums up new data found by Russian cognitive metaphor researchers.

Ключевые слова

Время, когнитивная метафора, концепт.

Keywords

Time, cognitive metaphor, concept.

Примечания

1. Иванова Т. Концепт «время» и языковые модели времени. Электронный документ: <http://www.russian.slavica.org/article140.html> (дата обращения: 20.09.2012).
2. Там же.
3. Чугунова С.А. Движение времени в языке и сознании // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». Выпуск «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 13/2008. С. 107-124.
4. См.: Там же.
5. Баруздина С.А. Время как лингвокультурный концепт. Электронный документ: <http://www.lib.csu.ru/vch/093/20.pdf> (дата обращения: 20.09.2012).
6. Пиксендеева В.Г. Метафорические экспликанты концепта «time» в современном английском языке – электронный документ ftp://lib.herzen.spb.ru/text/piksendeyeva_118_202_205.pdf (дата обращения 20.09.2012).
7. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. Наука, 2008. С.31.

Международная научная конференция «От Древней Руси к Российской Федерации: история российской государственности»

Е.М. Астахов, В.П. Терехов

Знаменательная дата – 1150-летие российской государственности отмечена у нас в стране мероприятием государственного значения. Московский государственный университет им. Ломоносова и Отделение историко-филологических наук Российской академии наук провели 28–29 сентября 2012 г. Международную научную конференцию «От Древней Руси к Российской Федерации: история российской государственности». В актовом зале МГУ собрались российские и зарубежные ученые, политические и общественные деятели, многочисленные представители московского студенчества.

Значение конференции как крупного общественно-политического мероприятия подчеркнуло участие и выступление на ее открытии Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации С.Е. Нарышкина и Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. В их выступлениях был задан тон конференции, подчеркнуты последовательность и неуклонность развития и совершенствования российской государственности в общемировом историческом процессе, значе-

ние традиций и правовых норм, высоконравственного содержания усилий многих поколений российских ученых и общественных деятелей, их патриотического служения великому делу становления государства Российского.

Открывая конференцию, ректор МГУ, академик В.А. Садовничий подверг глубокому анализу основные этапы российской истории, особо отметил важную консолидирующую роль Российского государства как важнейшего национального института, обеспечивавшего поступательное развитие страны, ее движение в цивилизационном процессе.

С развернутым докладом «Российское государство в системе международных отношений» выступил ректор МГИМО(У) МИД России, академик А.В. Торкунов.

На пленарном заседании выступили также:

- директор Института археологии РАН, академик Н.А. Макаров;

- директор Института всеобщей истории РАН, академик А.О. Чубарьян;

- руководитель Секции истории отделения историко-филологических наук, академик РАН В.А. Тишков;

Астахов Евгений Михайлович – профессор кафедры дипломатии МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru
Терехов Владимир Петрович – профессор кафедры дипломатии МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

– ректор Российского государственного гуманитарного университета, член-корреспондент РАН Е.И. Пивовар;

– директор Института российской истории РАН Ю.А. Петров;

– руководитель Федерального архивного агентства А.Н. Артизов;

– директор Государственного архива Российской Федерации С.В. Мироненко.

В конференции приняли участие зарубежные ученые:

– член-корреспондент НАН Украины, директор Украинского института национальной памяти В.Ф. Солдатенко;

– академик – секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси А.А. Ковалев;

– директор Института византийских и пост-византийских исследований в Венеции, академик Х. Мальтезу;

– доктор филологических наук, профессор МГУ, руководитель филиала МГУ в г. Баку Н.А. Пашаева и др.

На конференции работали шесть секций по следующим темам:

– Истоки и становление российской государственности;

– Российская империя;

– Исторический опыт СССР;

– Современная российская государственность;

– Россия в системе международных отношений;

– Духовное наследие России и современность.

В работе пятой секции принимали участие профессора кафедры дипломатии МГИМО(У) МИД России, Чрезвычайные и Полномочные Послы РФ Е.М. Астахов и В.П. Терехов.

При подведении итогов конференции констатировалась недооценка в РФ гуманитарного направления знания в целом и исторической науки в частности. Отмечалось снижение внимания к преподаванию истории в школах, низкое качество учебников, в ряде которых дается искаженная трактовка российской истории.

Материалы конференции предполагается опубликовать в специальном сборнике и журнале «Отечественная история».

Astakhov E.M., Terekhov V.P. International Scientific Conference «From Ancient Russia to the Russian Federation: History of the Russian Statehood».

Открытие Центра военно-политических исследований в МГИМО

В.И. Мизин

Приказом ректора А.Торкунова совместно с ведущим российским предприятием ОПК «Концерном ПВО «Алмаз-Антей»» в МГИМО образован Центр военно-политических исследований.

Среди основных задач Центра — проведение исследований в военно-политической сфере, составление прогнозов, формирование и анализ баз данных, подготовка проектов документов, организация и проведение совместных мероприятий. Проект будет выполняться под руководством проректора по научной работе А.Подберезкина, который назначен директором центра.

Центр по военно-политическим исследованиям предназначен для решения широкого круга проблем, касающихся мировой безопасности. В Центре будут формироваться военно-политические исследователи и аналитики, востребованные в государственных структурах, а также в государственных и иных корпорациях, связанных с проблематикой ВПК. Специалисты Центра по военно-политическим исследованиям будут заниматься организацией и проведением конференций, семинаров, ситуационных анализов и круглых столов по широкому кругу проблем глобальной, региональной и национальной безопасности.

Другое важное направление деятельности Центра — подготовка предложений и возможных инициатив для центральных органов государственной власти по концептуальным про-

блемам оборонной политики и национальной безопасности, международным отношениям и внешней политике РФ. Центр будет оказывать консалтинговые услуги российским госкорпорациям и частным компаниям в сфере ОПК, космоса, ядерной промышленности и высоких технологий. Также предусмотрено участие научных сотрудников в международных исследовательских проектах по тематике национальной и глобальной безопасности.

В рамках проекта по созданию Центра обсуждается возможность появления в МГИМО магистратуры «Глобальная и национальная безопасность», а также издание ежеквартального журнала.

В ближайшее время Центром совместно с сотрудниками Бауманского университета готовится переиздание известной монографии «Щит России». Кроме того, планируется публикация тематических монографий и других изданий по профилю Центра и размещение исследований, статей, комментариев и т.д. на интернет-сайте Центра, который уже доступен для исследователей по адресу: www.eurasian-defence.ru. На сайте уже размещены интересные аналитические материалы А.И. Подберезкина в частности о создании комплексов Российской и Евразийской военно-космической обороны.

Все желающие — исследователи и студенты — приглашаются к сотрудничеству.

Mizin V.I. Setting up the Political-military Research Center at MGIMO.

Российско-польская научная конференция в МГИМО

Л.Е. Кохановская

В конце октября в МГИМО прошла российско-польская научная конференция под названием «Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии». На протяжении двух дней ведущие ученые России и Польши обсуждали актуальные вопросы российской и польской истории.

Организаторами конференции выступили МГИМО, Центр польско-российского диалога и согласия, фонд «Российско-польский центр диалога и согласия», Федеральное архивное агентство, Институт российской истории Российской академии наук.

Мероприятие открыл ректор МГИМО академик А.В. Торкунов. Он отметил, что МГИМО давно стал одним из центров обсуждения российско-польской проблематики. Новый период в российско-польских отношениях, по мнению А.В. Торкунова, начался в 2008 г. когда возобновила свою работу российско-польская группа по сложным вопросам. Данная конференция — это закономерный результат улучшения взаимоотношений между Польшей и Россией. «Еще несколько лет назад, — отметил А.В. Торкунов, — научная общественность не могла себе представить совместную конференцию, посвященную событиям Смуты. Не раз злой иронией сопровождался День народного единства, который отмечается в России 4 ноября, хотя его смысл заключается в проявлении гражданственности и государственности, одного и другого в неразрывной связи».

Завершение периода Смуты нельзя сводить к вульгарной трактовке «победы над поляками», считает А.В. Торкунов. По мнению академика, события Смуты требуют глубокого осмысления и проработки. 400 лет, которые отделяют нас от событий того времени, дают возможность российским ученым вместе с коллегами из других стран заняться реконструкцией событий того времени. Опыт работы российских и польских ученых подтолкнул к использованию зеркального подхода сравнительного анализа событий того времени. Поэтому решено было в качестве темы для конференции выбрать осмысление не просто Смуты, но сопоставить ее с не менее важной для польской истории темой шведского Потопа. «Мы не собираемся менять исторические оценки событий того времени. Но

поговорить об эволюции исторического сознания, взаимного ощущения друг друга в истории и как следствие, лучшего понимания друг друга в настоящем, мне кажется, очень важно на данном этапе», — закончил выступление ректор МГИМО.

Директор Центра польско-российского диалога и согласия Славомир Дембский отметил, что события Смуты в России и Потопа в Речи Посполитой имеют большое значение для понимания природы российско-польских отношений, популяризации в научной среде проблематики, которая имеет огромное значение, но слабо исследована.

Директор фонда «Российско-польский центр диалога и согласия» Петр Владимирович выразил свое убеждение, что «работа по изменению восприятия проблем сложного исторического прошлого россиянами и поляками начинается именно во время таких конференций». П. Стегний упомянул о важном событии в истории российско-польских отношений — о визите патриарха Кирилла в Польшу. Он отметил, что «данное мероприятие стало подтверждением идеи: история должна быть оставлена историкам, а поиск взаимопонимания нашим народам надо находить в покаянии, в гражданском смысле этого слова. Другого пути попросту нет».

Руководитель Федерального архивного агентства Андрей Артизов подробно остановился на тех проектах, которые его ведомство презентовало ученым накануне — это историко-документальная выставка «Преодоление Смуты в России в начале XVII века», презентация вышедших российских и польских трудов о событиях ушедшей эпохи. Помимо этого, на портале Федерального архивного агентства открыт новый интернет-проект, благодаря которому любой желающий может познакомиться с материалами по событиям Смуты в России. Большинство экспонатов стали доступны широкому кругу посетителей впервые.

Директор Института российской истории РАН Юрий Петров рассказал об истоках Смуты в России и Потопа в Польше и их последствиях.

В целом конференция прошла успешно, заложив хорошую основу для подобных мероприятий в будущем.

Kochanovskaia L.E. Russian-Polish Scientific Conference at MGIMO.

Содержание номеров журнала «Вестник МГИМО-Университета» в 2012 году

Путин В.В. Приветствие Президента Российской Федерации	4
Путин В.В. Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности	4
Нарышкин С.Е. Уроки отечественной истории учат нравственному поведению в политике	4
Лавров С.В., Косарев К.И. Русский язык – инструмент нашего влияния	4
Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в МГИМО(У) Москва, 1 сентября 2012 г	5

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Торкунов А.В. Выступление на пленарном заседании VII Конвента РАМИ	5
Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России	4
Торкунов А.В. Россия в системе международных отношений	5
Аникеева Н.Е., Дубинин Ю.В. Россия – Испания: 35 лет восстановлению дипломатических отношений	2
Ахтамзян А.А. Международные политические последствия объединения Германии	4
Барабанов О.Н. Опыт регионального развития Италии и углубление сотрудничества российских и итальянских регионов	1
Боровский Ю.В. Энергетическая политика России на международной арене	6
Воронков Л.С. Международные организации в системе международных отношений: тенденции и перспективы	3
Гребенкина И.В. Политика Италии в отношении нелегальных иммигрантов после «арабской весны»: опыт для России	1
Деттерев Д.А. Содействие международному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов	2
Дундич А.С. Политическая стабильность в Центральной Азии: перспективы для России	2
Ермакова Э.В. Дипломатия итало-французского трансграничного сотрудничества	1
Зайцев Ю.К. Оценка воздействия многосторонних механизмов помощи Вьетнаму	2
Зонова Т.В. Россия-Италия: связь времен	1
Капица Л.М. Роль помощи международному развитию в достижении целей и задач, поставленных в Декларации тысячелетия	2
Карлусов В.В. Арктика в системе глобальных приоритетов Пекина: взгляд из России	5
Кириллов В.Б., Путинцев И.С. Отношения Молдавии и ЕС в 1998 – 2012 гг	6
Кириллов В.Б., Путинцев И.С. Отношения России и Румынии после 1989 г.	2
Корепанов Д.В., Комагаева Ю.А. Россия как партнер в содействии международному развитию в области здравоохранения	2
Косенко С.М. О франко-американских противоречиях в области культуры	1
Костюнина Г.М. Транстихоокеанское стратегическое партнерство: расстановка сил и роль в формировании региональной зоны свободной торговли в АТР	4
Крылов С.А. 50 лет движению неприсоединения: итоги и перспективы	3

Кудряшова Ю.С. Активизация российско-турецких отношений: сущность и перспективы.	5
Марап А. Проблема демаркации югославско-итальянской границы (1941-1975)	1
Мардашев А.А. Помощь КНР странам Африки	2
Маслова Е.А. Год итальянской культуры и итальянского языка: взгляд изнутри	1
Меньшикова С.М. Роль АСЕАН в становлении региональной архитектуры в АТР.	4
Носова И.А. Внешняя энергетическая политика Японии: до и после Фукусимы	1
Пиляева М.А. Израиль в эпицентре «арабской весны»	2
Подберезкин А.И. Евразийская воздушно-космическая оборона : идея и проект	6
Рябков С.А. Выступление на пленарном заседании VII Конвента РАМИ	5
Сапрыкин Д.А. Последствия катастрофы в Японии для глобальной экономики.	1
Стрельцов Д.В. Новые тенденции в развитии японо-американских военно-политических отношений.	6
Стрельцов Д.В. Уроки Фукусимы: куда пойдет развитие национальной электроэнергетики?	1
Сушенцов А.А. Грузинское направление внешней политики России: негативный сценарий	6
Сушенцов А.А. Модели поведения Российской Федерации в международных конфликтах 1990 – 2000-х гг.	5
Тарелин А.А. Генезис политико-академического сообщества в США	1
Чайковский М.М., Казанцев А.А. Сравнение военных потенциалов США, КНР и некоторых других стран АТР	4
Чернобров Д.В. Эволюция «образа другого» в конфликтах современности: конструктивистский подход	6
Чернова А.В. «Польский фактор» в формировании и продвижении политики ЕС в отношении Украины в 1991-2011 гг.	2

2012 – ГОД РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Торкунов А.В. Добиться того, чтобы были постепенно выработаны критерии корректного обращения с историей	4
Торкунов А.В. К «Году истории России»	1
Торкунов А.В. Современная история в международном контексте	6
Артизов А.Н., Серегин А.В. Общественная миссия архивов.	2
Астахов Е.М. Глобальная цивилизация и Россия	5
Беспалов А.В., Копылов Н.А. Генерал Вольмар Антон фон Шлиппенбах – потомок рыцарей ливонских.	5
Булатов Ю.А. Кабул: тревожное лето 1941 года. К началу Великой Отечественной войны	3
Дашичев В.И. Московская битва и крах германской стратегии блицкрига	1
Дегоев В.В. О кавказском вопросе и будущем России	4
Иванов А.А. Американская интервенция на Русском Севере (1918–1919 гг.)	2
Исаев А.В. Об объективных и субъективных факторах битвы за Москву	1
Калмыков В.С. Проблема самосознания французских и русских военнослужащих эпохи Наполеоновских войн	5
Копылов Н.А. «Нашествие двенадцати языков»: война 1812 года глазами солдат-иностранцев Великой армии	4
Ларин Д.А. «Черный кабинет» МИД России против Наполеона	5
Ларин Д.А. Российский «черный кабинет».	3
Маковский В.Б. Первый день войны. Болевые точки памяти	3
Михайлов И.В. Начало и причины эскалации гражданской войны в современной российской историографии	2
Мягков М.Ю. И врагу никогда не добиться.	1
Мягков М.Ю. Катастрофа в Белоруссии 1941 года.	3
Невзоров Б.И. 70-летие битвы за Москву: как её освещали в эти годы	1
Падерин А.А. Особенности участия Уральского казачества в Гражданской войне	6
Подберезкина О.А. Евразийская интеграция как новый этап развития российской государственности	4
Прокопов А.Ю. Европейское направление британской внешней политики в 1920–е гг.	2
Рудаков В.Н. Концепция ордынского «ига» и отношения с Ордой в русском общественном сознании.	4
Рыбаков С.П. Русская мемуаристика о сражении при Аустерлице.	4
Серегин А.В. Противостоять нашествию забвения.	4
Терехов В.П. Исторический маршрут России и современные реалии	5
Черникова Т.В. Западноевропейские купцы и процесс европеизации России в XVI в.	5
Черникова Т.В. Западные служилые иноземцы и придворные врачи во времена Ивана Грозного	4
Черникова Т.В. О российских истоках Петровских реформ государственного управления	6
Чубарьян А.О. Наш ответ на тот бум, на тот интерес к истории.	4

ПОЛИТОЛОГИЯ

Аватков В.А. Курдская проблема на турецком поле	2
Бабаян Д.К. Китайская Народная Республика и непризнанные государства	3
Аникеева Н.Е. Новое во внешней и внутренней политике правительства Мариано Рахоя	6
Байков А.А. Казус восточноазиатской интеграции : факторы географии и безопасности	6
Веретевская А.В. Мусульмане во Франции: особенности интеграционной модели.	5
Дамбиев Ч.Ц. Влияние внутривнутриполитических процессов в Монголии на современные монголо-китайские отношения	5
Деттерева Е.А. Помощь Европейского союза третьим странам в области поддержания мира безопасности.	1
Зиновьева Е.С. Развитие информационного общества: проблемы безопасности.	1
Истомин И.А. Политическая пропаганда радикальных исламистских организаций в США.	6
Касаткин П.И., Курске В.С., Валиев И.А. Роль немецкой диаспоры в российско-германских отношениях.	5
Касаткин П.И., Хрусталев И.М., Аватков В.А. Евробезопасность, интеграция и «мягкая сила» миграции в XXI в.	6
Косач Г.Г. Палестинское квазигосударство и ближневосточная политика	1
Кузнецов И.И. Современная повестка дня глобального гражданского общества.	2
Мизин В.И. Новые аспекты стратегии национальной безопасности РФ.	6
Олеандров В.Л. ООН и идеология мирового сообщества.	3
Пиляева М.А. Некоторые аспекты политической конфронтации между Израилем и Иран	1
Пинюгина Е.В. Мусульмане в Австрии: проблемы и достижения интеграции	5
Прохоренко И.Л. Реформа финансового регулирования в Испании: политические аспекты.	1
Русакова Ю.А. Идеология модернизации и модернизация идеологии.	3
Ульциферов О.Г. Взаимодействие основных мифологических и философских систем Индии	5

ЭКОНОМИКА

Андрианов К.Н. Промышленная политика Германии: основные аспекты и важнейшие направления	5
Афонцев С.А. Интеграционные дилеммы единого экономического пространства.	6
Бордяшов Е.С. Перспективы реализации новой стратегии развития Европейского союза – «Европа 2020»	3
Бренделева Е.А. Проблемы эффективности системы ключевых национальных показателей	5
Булатов А.С. Участие России в международном экспорте капитала.	6
Воронова Е.Ю. Формы и способы институционализации управленческого учета в России.	3
Галищева Н.В. Внешний долг Индии.	5
Галищева Н.В. Внешняя торговля Индии в 1950 – 2000-е гг.	1
Грищенко В.О. Оценка конкуренции в российской банковской системе	2
Дементьева А.Г. Особенности развития корпоративного управления в российских компаниях.	1
Дробышевская Т.А. Роль сектора знаний в инновационной экономике.	4
Жарких М.В. «Мирный» атом - из XX в XXI в.: от оружия массового уничтожения до двигателя массового прогресса.	5
Костюнина Г.М., Баронов В.И. Технопарки в зарубежной и российской практике	3
Кузнецов В.С. Перспективы реформы Ямайской системы	3
Мальцева О.А. Особенности экспорта прямых инвестиций из Индии	6
Мануйлов К.Е. Ресурсы финансового рынка России	5
Мануйлов К.Е. Финансовый рынок в развитии реального сектора экономики России	2
Масумова Н.Р. Роль НИОКР в модернизации экономики Турции	1
Назарова И.Б., Дианова Т.В. Электронная торговля: преимущества, проблемы и «эффект скольжения» при снижении транзакционных издержек	4
Насибов И.А. Новая программа стимулирования экономики Китая.	6
Полякова Т.В. Промышленная добыча нефти из горючих сланцев и перспективы изменения конфигурации мирового рынка нефти.	5
Полякова Т.В. Состояние и перспективы развития водородной энергетики	1
Пономарев А.В., Борисенков В.А. О взаимосвязи внешнего долга и оттока капитала из России.	6
Рощектаев С.А., Погребенко А.Н. Институциональные инструменты инновационной модернизации финансового рынка российского мегаполиса.	5
Сафрончук М.В. Технический прогресс, безработица и уровень благосостояния	4
Симонова М.Ю. Актуальные проблемы развития рынка вина Франции	4
Стародубцев И.И. Российско-турецкое сотрудничество: современное состояние и перспективы	1
Хайдаршина Г.А. Особенности мониторинга финансового состояния западноевропейских банков в условиях кризиса суверенного долга.	1
Хуснитдинов П.З. Роль инфраструктурных проектов ЕЦБ в продвижении финансовой интеграции ЕС.	1

ПРАВО

Антонов А.И. Международно-правовое регулирование военно-космической деятельности.	4
Грищенко А.И. Систематизация атомного законодательства России.	1
Занко Т.А. Организационно-правовые основы деятельности Россотрудничества	6
Карпенко К.В. О некоторых особенностях семейных отношений по законам Хаммурапи.	5
Касьянов Р.А. Организация деятельности финансовых регуляторов в Европейском союзе.	6
Кондрат И. Н. Международные акты о правах и свободах личности и их роль для национального уголовного процесса	2
Кондрат И.Н. Уголовная политика государства в формировании уголовно-процессуальных мер защиты прав и интересов граждан	6
Малиновская В.М. Правовые и институциональные основы функционирования Евразийского союза	4
Павлов Е.Я. Конституционно-правовой механизм осуществления внешних сношений РФ.	2
Турланов Д.А. Подходы к формированию нормативной правовой базы таможенного сотрудничества РФ и ЕС.	3

ФИЛОСОФИЯ

Гаман-Голутвина О.В., Глаголев В.С., Долгов К.М., Кравченко С.А., Охотский Е.В., Самарин А.Н., Силантьева М.В. Диффузная идентичность - современная версия гражданской идентичности.	2
Шестопад А.В. XVII «Шишкинские чтения»: «Элиты и нравственность» (памяти Геннадия Ашина).	3
Люткова С.Н. Младосимволизм и архетипическая теория: религиозные, антропологические, культурные аспекты преемственности.	6

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Астахова Е.В. Цвет Испании	3
Баринев С.Ю. Формирование спортивной культуры как приоритетная задача спортивной работы в вузе.	5
Белова Д.Н. К вопросу о коммуникации и нравственной культуре	4
Белова Д.Н. Отражение нравственных основ в коммуникативном дискурсе.	6
Воевода Е.В. Контактные языки как лингвокультурная доминанта на постсоветском пространстве.	6
Глаголев В.С. Вербально-понятийные аспекты методологического дискурса VII Конвента РАМИ.	6
Изотова Н.Н. Этнокультурные особенности стиля японской коммуникации	6
Кагальникова А.В. Система Камбан как коммуникационный инструмент производственной системы JIT	6
Карелова Л.Б. Проблемы модернизации Японии и межкультурное взаимодействие	6
Климов А.Г. Методология анализа современных эффектов влияния религиозных организаций.	6
Курабцев В.Л. Модернизационные процессы российского общества	6
Малик Халиль Мона Абдель. Динамика религиозно-культурной ситуации в постреволюционном Египте.	6
Петрович А.М. О модернизации и взаимной славянской коммуникации	6
Полищук М.Л. Моральные уроки геноцидов XX столетия	6
Силантьева М.В. Метаморфозы социальных организмов в свете трансформации культурных границ.	6
Стоногина Ю.Б. Пространство и Время японского бизнеса	3
Узлац М. Полемиические размышления о возможности полемики в современной философии	6
Церпицкая О.Л. Эволюция православной духовной миссии под влиянием процессов модернизации	6
Шестопад А.В., Силантьева М.В. «Мягкая сила» культурных модуляторов современных модернизационных процессов	6

ПСИХОЛОГИЯ

Коннов В.И. Влияние культурного контекста на развитие науки в РФ: социально-психологический взгляд	6
Коннов В.И. Прообраз иллюзии: психологическая наука об управлении	2
Шишлова Е.Э. Трансформация гендерной идентичности.	1

СОЦИОЛОГИЯ

Грызунова Е.А. Сравнительный анализ современных социологических подходов к кризисам окружающей среды	5
Зарубина Н.Н. Риски повседневности в сложном социуме: опыт российских модернизаций XX века	3
Зарубина Н.Н. Социальное неравенство в повседневном смеховом дискурсе современной России	5
Зарубина Н.Н. Этика ответственности в культурно-нравственной позиции современной российской молодежи	6

Каргина И.Г. Новые религиозности: социологические рефлексии	2
Кравченко С.А. Переход к сложному, нелинейно развивающемуся социуму: вызовы для России	1
Помозова Н.Б. Сравнительный анализ стратегий формирования дентичности в России и Китае	4
Чепиницкая П.Р. Государственное взаимодействие с российскими соотечественниками за рубежом	2
Юрасова М.В. История развития технологий управленческого консультирования в России	3

ФИЛОЛОГИЯ

Айвазян Ю. С. Морфологическая деривация при создании первичных номинативных единиц в арабском языке	2
Алиева Т.В. Оппозиция «свой – чужой» в англоязычной прессе: лексические средства выражения	3
Горшунова Е.Ю., Горшунов Ю.В. Неявные формы этнического и расистского оскорбления в доминантной англоговорящей культуре США	3
Гуревич Т.М. Культурологическая парадигма преподавания японского языка	2
Гусева И.В. Особенности фразеологии мексиканского национального варианта испанского языка	4
Дружинин А.С. Знаковая сущность грамматической конструкции	5
Ефремова Д.А. Категория пространственно-временного континуума в англоязычных биографиях-справках	5
Запорожец В.М. К вопросу об эволюции этнонима «огуз» в этноним «тюрк»	3
Ивушкина Т.А. Аристократическая культура Великобритании в эпоху глобализации	4
Игнатенко В.В. К вопросу о лингвистических средствах выпадения социальных различий в прессе Великобритании	4
Изотова Н.Н. Концепт «счастье» в религиозном и философском дискурсе: репрезентация буддийских ценностей в японском национальном сознании	2
Казакова Е.П. Способы усиления прозрачности внутренней формы фразеологизмов английского делового дискурса	1
Клеменцова Н.Н. Текст в обучении иностранному языку	5
Комаров А.С. Межличностное взаимодействие читателя, автора и персонажа художественного текста	5
Смирнова И.В. Тактики дискурсного воздействия на избирателей	1
Соседова В.С. Экстралингвистические аспекты функционирования английского концепта Stiff Upper Lip	6
Толиби С. Функционирование языка в конкретных социально-релевантных условиях (хинди)	2
Финикова И.В. Участие базовых принципов когнитивной лингвистики в процессе терминообразования	3
Чиронов С.В. Аппроксимативы типа «более/менее чем» в современном японском языке	2

ЭКОЛОГИЯ

Аляутдинов А.В. Место и роль главы государства в Исламской Республике Афганистан	2
Близнецкая Е.А. Международное экологическое управление: ключевые вопросы осуществления и перспективы	2
Чечевишников А.Л. Саммит «Рио + 20» и устойчивое развитие России	3

НАУКОВЕДЕНИЕ

Ащеулова Н.А., Душина С.А. Китайская аспирантура: особенности национальной системы подготовки интеллектуальной элиты	2
Блинов А.Н. Российский гуманитарный научный фонд и социогуманитарные исследования в современной России	1
Большова Н.Н. Политика регулирования интеллектуальной миграции Германии в XX-XXI вв	6
Водяницкая Е.А. Регулирование экспертизы научных проектов в Немецком научно-исследовательском сообществе	5
Казанцев А.А. Циркулярная миграция российских ученых в Европу и США	6
Литвак Н.В. К вопросу о коллективной теоретической работе	4
Морозов В.М. Интеллектуальная миграция в Израиль: российский аспект	6
Подберезкин А.И., Большова Н.Н., Подберезкина О.А. Современные университеты – кузница идей, технологий и креативного класса	2

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ МГИМО

Тезисы предвыборной программы академика А.В. Торкунова	2
Аватков В.А., Касаткин П.И. Высшее образование в Турции и Болонский процесс	6
Алиев Р.А. Роль возобновляемых источников энергии в энергетическом секторе Канады	1

Баринов С.Ю. Значение олимпийского образования для формирования спортивно-гуманистической культуры личности	3
Воробьев В.Я. К вопросу о выработке стратегии для ШОС	4
Жизнин С.З., Гулиев И.А. Энергетическая дипломатия в Каспийском регионе	1
Казанцев А.А. Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы	4
Карминский А.М., Трофимова Е.В. Роль рейтингов в развитии бизнес-процессов российских банков.	1
Лебедева М.М., Барабанов О.Н. Глобальные тенденции развития университетов и трансформация российской образовательной политики.	6
Мизин В.И. Мощный интеллектуальный ресурс российской внешней политики	4
Новикова В.М. Проблемы и перспективы российского высшего образования	6

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ МГИМО

Орлов А.А. Мысли о кризисе	4
Попов В.В. Почему пробуксовывает диалог цивилизаций	4
Салыгин В.И. Школа энергетической политики и дипломатии в МГИМО тенденции и перспективы развития.	1
Харкевич М.В. Глобализация и высшее образование: возможности для России.	6
Чепурина М.А. Международно-политические проблемы в развитии общеевропейского образовательного пространства	2
Чернявский С.И. Школа постсоветских исследований МГИМО	4
Швец Н.Н., Демидов А.В. Опыт внедрения RAB-регулирования в распределительном электросетевом комплексе	1
Шевченко Л.И. Государственная корпорация как организационно-правовая форма предпринимательской деятельности в сфере энергетики	1

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

Акказиева Г.И. Современная центрально-азиатская политика Европейского Союза: тенденции развития	3
Бунятова Ф.Д. Международное завещание как один из видов завещаний во французском гражданском праве	1
Грызунова Е.А. Концепции кризиса социальной системы: сравнительный анализ.	4
Денисова Е.А. Правовые основы реституции культурных ценностей, перемещенных во время и после Второй мировой войны	1
Дымшиц М.С. Польша и новые независимые государства.	2
Закирова Л.И. Возможности укрепления образа России в восприятии американского общества посредством негосударственных акторов	2
Исмаилов А.С. Христианско-демократический проект устройства постреволюционной России Г.П. Федотова	5
Ковальчук А. Международные отношения в СНГ: польская перспектива	6
Костомарова А.В. Кризисные тенденции в сфере сбережения населения в странах с развитой экономикой и России	4
Кучеренко К.В. Манипулятивное воздействие в испанском политическом дискурсе: слова-стереотипы, слова-символы и слова-слоганы	5
Мареева Ю.А. Стратегический треугольник «Россия–Индия–Китай» в международных отношениях.	5
Немченко О.В. Правовая характеристика и сущность «трудового мигранта» в административном законодательстве РФ.	5
Немченко О.В. Трудоустройство российских граждан, профессионально занимающихся спортом, за рубежом	1
Овакимян М.С. Перспективы сотрудничества энергетических компаний России и Франции в рамках национальных энергетических стратегий	4
Подберезкина О.А. Человеческий капитал и посткапиталистическая идеология.	5
Полякова А.А. «Королева царствует, но не правит». Всегда ли это так?	3
Ремизова А.В. Момент перехода доли в уставном капитале ООО в порядке наследственного правопреемства.	6
Родионова В.О. Россия и ЮНЕСКО: основные направления сотрудничества	4
Смирнова О.С. Проблема военных баз в Японии на современном этапе	3
Татарина С.М. Транснационализация бизнеса как ключевая стратегия развития японских компаний в условиях кризиса	3

Токарев А.А. Концептуализация и операционализация понятия государственность	4
Туровская А.А. К вопросу об основных концепциях роли армии в обществе	3
Церерин А.Н. Принятие Устава АСЕАН и его влияние на дальнейшую эволюцию Ассоциации	1
Чепурина М.А. Потенциальный вклад Болонского процесса в повышение международно-политической привлекательности России	4
Шалаева М.В. К вопросу о приоритетности межкультурного диалога в формировании современного социокультурного пространства СНГ	2
Шишацкий М.В. Политический контекст и правовые основы взаимодействия России и ЕС в сфере международной безопасности	2
Якутович Е.В. Демографический кризис как угроза национальной безопасности РФ на Дальнем Востоке	5

ЗОЛОТОЙ ФОНД МГИМО

Алексахин А.Н. Выдающийся языковед и китаист В.М. Солнцев в МГИМО	3
Аникеева Н.Е. Выдающийся дипломат Ю.В. Дубинин – профессор МИГМО	3
Ахтамзян А.А. Заслуженный деятель науки РСФСР, профессор С.Б. Крылов (1888-1958 гг.)	6
Ахтамзян А.А. Протопопов Анатолий Сергеевич – ветеран войны, выпускник МГИМО 1950 г	6
Ахтамзян А.А., Истягин Л.Г. Профессор Ф.И. Нотович – один из первых профессоров МГИМО	4
Ахтамзян А.А., Трофимов В.А. Федор Данилович Рыженко – наш ФДР	5
Васильев А.М. Дипломат и ученый Анатолий Андреевич Громыко	5
Грешных В.К. Незабвенный «МихСтеп»	1
Дубинин Ю.В. Профессор В.Н. Дурденевский – выдающийся ученый и дипломат (1889 – 1963)	4
Капитонова Н.К. Профессор Ахтамзян: «Вся жизнь в МГИМО»	2
Куликова Т.Ф., Хайрудинов Ф.З. Ноэль Усманов – эмир востоковедения	4
Максимова М.М. Академик Николай Николаевич Иноземцев в скупых строках биографии	6
Медовой А.И. Мой друг и коллега О.Г. Ульциферов и МГИМО	4
Павленко И.А. Герой Советского Союза А.Н. Игнатьев (1921-2012 гг.)	5
Павленко И.А. Герой Советского Союза М.Ф. Кудачкин (1923-2010)	4
Павленко И.А. Герой Советского Союза Николай Иванович Забелкин	3
Павленко И.А. Герой Советского Союза Юрий Михайлович Винник (1923-1995 гг.)	6
Павленко И.А. Герой Советского Союза, член-корреспондент АН СССР/РАН В. В. Вольский	2
Панфилова Т.В. В память об учителе (К 110–летию со дня рождения А.Ф.Шишкина)	2
Протопопов А.С. Время и люди в моей судьбе	6
Рашковский Е.Б. Судьбы ученого, судьбы науки	3
Усманов Н.К. Х.К. Баранов – патриарх российской арабистики	3

РЕЦЕНЗИИ

Большова Н.Н., Мунтян М.А. О современной России с гражданской позиции ученого	5
Воротников В.В. Психология дипломатов и дипломатии: к формированию новой исследовательской дисциплины	3
Горшков М.К. Серьезный академический труд	4
Демидов П.А. Взгляд со стороны, или как МГИМО формирует великодержавную идентичность России	3
Зиновьева Е.С. Кризис эпохи глобализации	1
Лебедева М.М. Проблемы межкультурного взаимодействия на современном этапе	5
Лилеев И.В. Состояние современной отечественной мультимедийной журналистики	6
Ломакин П.Н. Этнокультура на службе дипломатии	1
Мунтян М.А. Современный учебник дипломатических переговоров	6
Небольсина М.А. Новое видение внешнеполитического процесса в учебно-аналитической литературе	3
Онишко Е.В. Международное управление интернетом	1
Панова Е.П. Культурная самобытность как стержень «мягкого могущества»	2
Пархитко Н.П. Панфиловцы в боях за Москву	1
Подцероб А.Б. Ситуация в арабском мире: анализ и прогноз	4
Татаринова С.М. О моделях корпоративного управления	2
Шестопа А.В. Решение этнонациональных проблем: опыт Испании	2

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Аналитический центр ИМИ. Концепция внешней политики России: достоинства и недостатки	5
Астахов Е.М., Терехов В.П. Международная научная конференция «От Древней Руси к РФ: история российской государственности»	6
Бренделева Е.А. Макроэкономические вызовы современности	1
Бабко Н.А. Легитимация собственности: исторический опыт, прецеденты и перспективы в России.	3
Ваславский Я.И. Легитимация собственности: исторический опыт, прецеденты и перспективы в России	4
Веденина Л.Г. О межвузовском семинаре «Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения»	5
Вершинина Е.В., Кабатова Е.В. Новеллы договорного права	3
Гелашвили М.Б. Иоганн Готлиб Фихте и Илья Чавчавадзе: <i>Patres Patriae</i>	6
Древо жизни	3
Дубинин Ю.В. Грамота «Французского возрождения»	5
Загорский А.В. На пути к Евроатлантическому и Евразийскому сообществу безопасности	5
Зинин Ю.Н. «Арабская весна» в повестке дня экспертного сообщества России	5
Колдунова Е.В. Политика США и Китая в Азии: взгляд из России	1
Колдунова Е.В. Территориальный вопрос в афро-азиатском мире	3
Коннов В.И. Перспективы развития Российского гуманитарного научного фонда	1
Косенко С.М. Следы России на берегах Лемана	1
Кохановская Л.Е. Российско-польская научная конференция в МГИМО	6
Кубышкина Е.В. Право ВТО: актуальные вопросы	5
Кубышкина Е.В. Цивилизационно-культурное единство России и Украины	1
Ларионова М.В., Сыщикова Е.С., Яковлева В.В. «Испанский язык в контексте новых вызовов XXI в.»	4
Лукьянченко Е.А. К вопросу выражения концепта времени в различных лингвокультурах	6
Магдалинская Ю.В. Изучение китайского языка в России	3
МГИМО-Университет среди глобальных востребованных экспертных центров	2
Мизин В.И. Открытие Центра военно-политических исследований в МГИМО	6
Мунтян М.А. Водные проблемы в истории международных отношений	3
Платонова И.Н. ВТО и стратегия России в глобальной экономике	3
Политика вовлечения в мировую науку	2
Распад СССР и СФРЮ. 20 лет спустя: выводы и уроки	2
Силантьева М.В. Философия науки в интерпретации аспирантов МГИМО	6
Стрельцов Д.В. Учредительное собрание российско-японской комиссии историков в МГИМО	5
Федорченко А.В., Крылов А.В., Торин А.И. Круглый стол в МГИМО: «Арабская весна»	4
Харкевич М.В. Актуальные вопросы внешней и внутренней политики Испании	1
Харкевич М.В. Современное глобальное управление: подходы и проблемы реализации	3
Шаклеина Т.А., Энтин М.Л. Вторая трехсторонняя встреча экспертов России, США и ЕС	4
Энтин М.Л., Истомин И.А. «Партнерства для модернизации» России и ЕС	1
Энтин М.Л., Истомин И.А. Реализация «Партнерства для модернизации»	3
Энтин М.Л., Истомин И.А. Экспертная встреча «Транспортное измерение сотрудничества России и ЕС»	5

Подготовка к печати А.А. Крупнов

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Уважаемые авторы!

Редакционная коллегия и редакция журнала «Вестник МГИМО-Университета» рассматривает материалы, присланные по электронной почте или предоставленные в редакцию журнала на бумажном носителе с дублированием его электронным аналогом. Статьи аспирантов, соискателей и студентов принимаются только при наличии рецензии научного руководителя или рекомендации руководителей научного учреждения или ВУЗа с четким указанием должности, ученой степени и ученого звания. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

К рассмотрению принимаются статьи, объем которых не превышает 20 стр. (1 печ. лист или около 40 000 знаков), напечатанные через 1,5 интервала с 14 размером шрифта основного текста, снабженные научным аппаратом и ключевыми словами на русском и английском языках. Материалы должны быть представлены в виде файла в формате Microsoft Word. Содержание электронного носителя должно строго соответствовать его бумажному аналогу. Таблицы, схемы, графики и другие иллюстрации допускаются только при необходимости дополнения системы доказательств автора и поэтому должны быть озаглавлены, пронумерованы и могут быть напечатаны только в черно-белом варианте. К рукописи в обязательном порядке прилагается резюме статьи на русском и английском языках (объем 6-12 строк).

При передаче или пересылке материала автор в обязательном порядке должен указать:

Фамилия Имя Отчество (полностью);

место работы или учебы, (с полным указанием наименования учреждения или ВУЗа), должность, ученую степень или ученое звание (если имеются);

контактную информацию (адрес, телефон, факс, адрес электронной почты).

Рукописи не возвращаются и рецензируются редакцией в установленном порядке. Мнение авторов не обязательно совпадает с точкой зрения редколлегии и редакции. Материалы журнала «Вестник МГИМО-Университета» размещаются на интернет-ресурсах МГИМО (У) МИД России и на сайте журнала www.vestnik.mgimo.ru

Ф.СП-1	АБОНЕМЕНТ на журнал		66009 (индекс издания)																								
	Вестник МГИМО-Университета		<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 50%; padding: 2px;">КОЛИЧЕСТВО КОМПЛЕКТОВ</td> <td style="width: 50%; padding: 2px; text-align: center;">1</td> </tr> </table>	КОЛИЧЕСТВО КОМПЛЕКТОВ	1																						
	КОЛИЧЕСТВО КОМПЛЕКТОВ	1																									
	На 2013 год по месяцам																										
<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr> <td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td> </tr> <tr> <td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td> </tr> </table>			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																
Куда		(почтовый индекс) (адрес)																									
Кому		(фамилия, инициалы)																									
	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 33%; padding: 2px;">ПВ</td> <td style="width: 33%; padding: 2px;">место</td> <td style="width: 33%; padding: 2px;">литер</td> </tr> </table>		ПВ	место	литер	ДОСТАВочная КАРТОЧКА на журнал 66009 (индекс издания)																					
	ПВ	место	литер																								
	Вестник МГИМО-Университета																										
	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 30%; padding: 2px;">Стоимость</td> <td style="width: 40%; padding: 2px;">подписки</td> <td rowspan="2" style="width: 30%; padding: 2px;">Количество комплектов</td> <td rowspan="2" style="width: 10%; padding: 2px; text-align: center;">1</td> </tr> <tr> <td style="padding: 2px;">руб.</td> <td style="padding: 2px;">переадресовки</td> </tr> </table>		Стоимость	подписки	Количество комплектов	1	руб.	переадресовки																			
	Стоимость	подписки	Количество комплектов	1																							
	руб.	переадресовки																									
На 2013 год по месяцам																											
<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr> <td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td> </tr> <tr> <td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td> </tr> </table>			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																
Куда		(почтовый индекс) (адрес)																									
Кому		(фамилия, инициалы)																									

Открыта подписка на второе полугодие 2013 г. Наш подписной индекс в ОАО «Роспечать» - **66099**

© МГИМО(У) МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 года.

Адрес редакции: 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8(495)433-27-74;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: Vestnik@mgimo.ru

ISSN 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

Дизайн - Шанкин К.Г., корректор - Малышева Н.М., верстка - Волкова Е.А. Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО(У) МИД России. 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Тираж 2000 экз. Объем 42 усл. п. л. Заказ №785